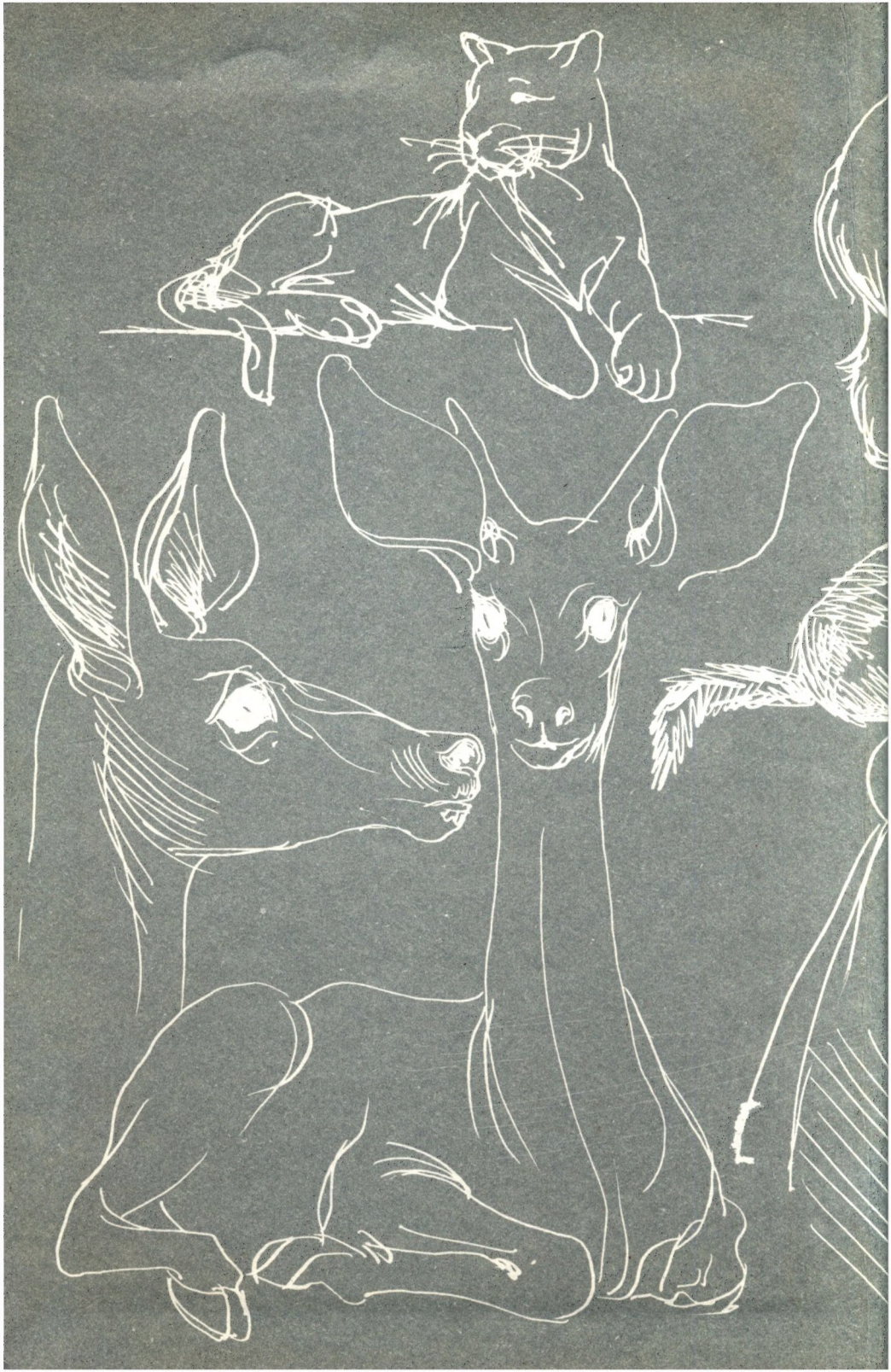
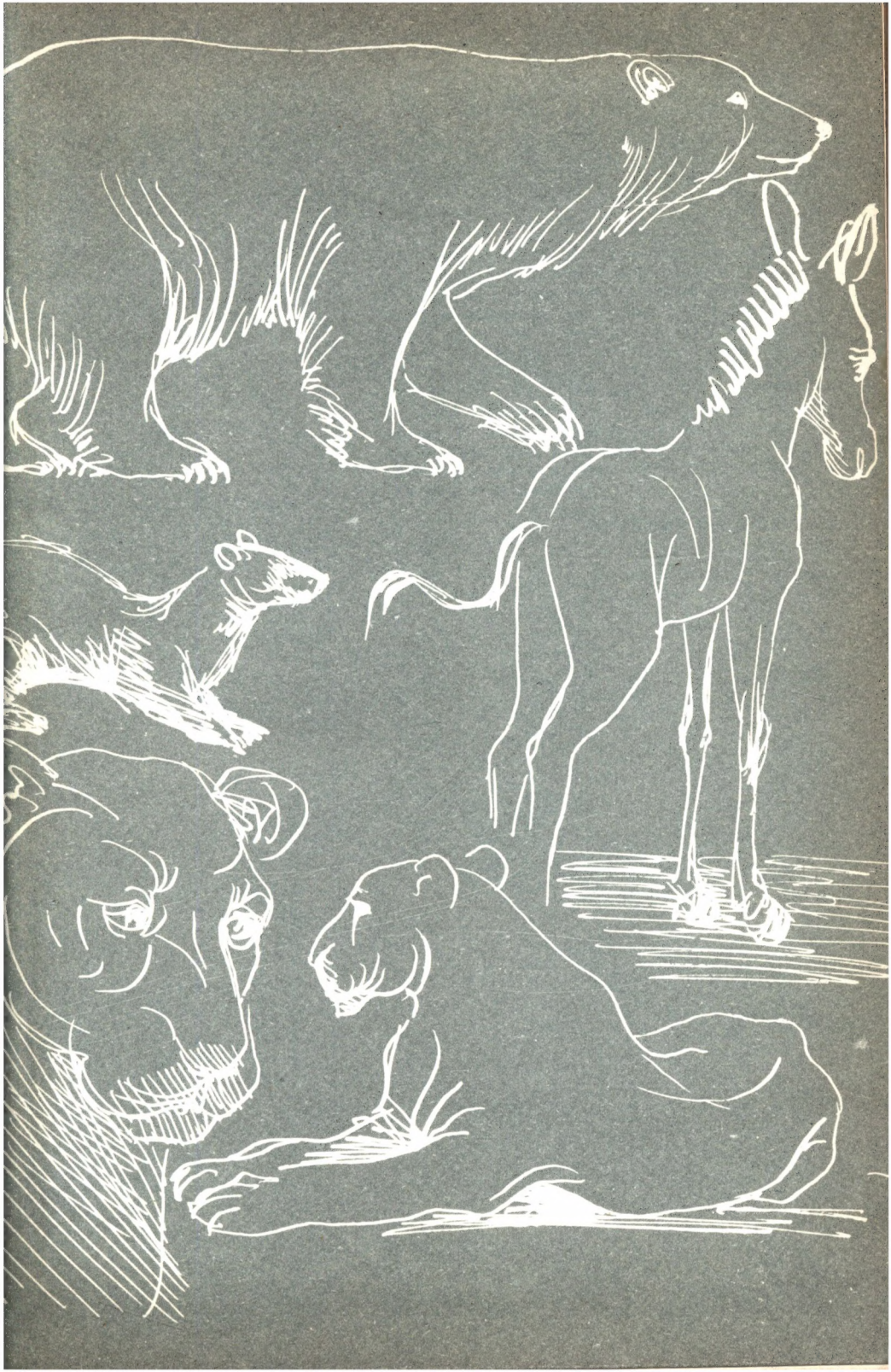

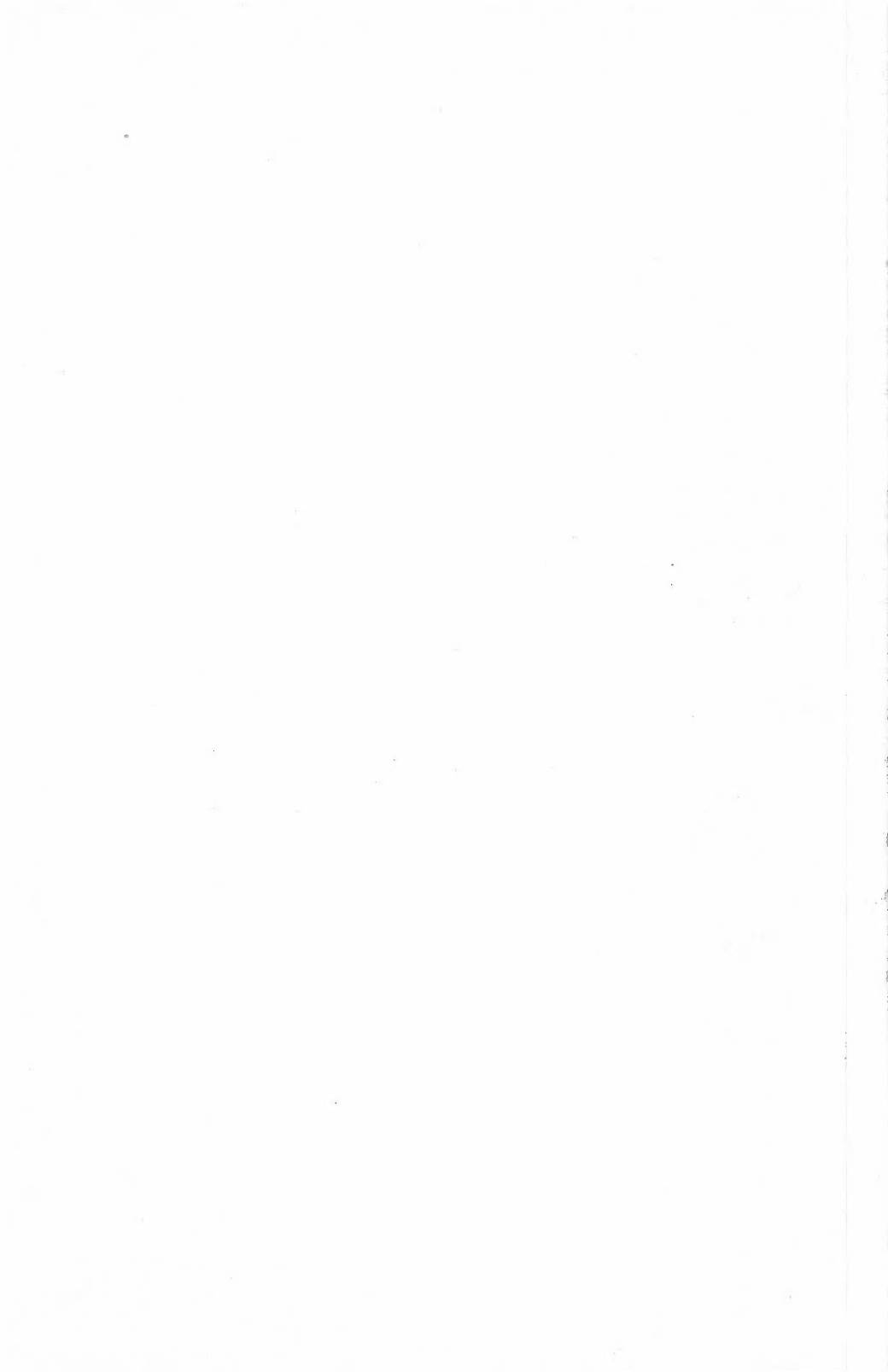
Д. Даррелл
Б. Гржимек
Д. Адамсон
Дж. Г. Дэвис
Х. Зильман

ЗВЕРИ В МОЕЙ ЖИЗНИ

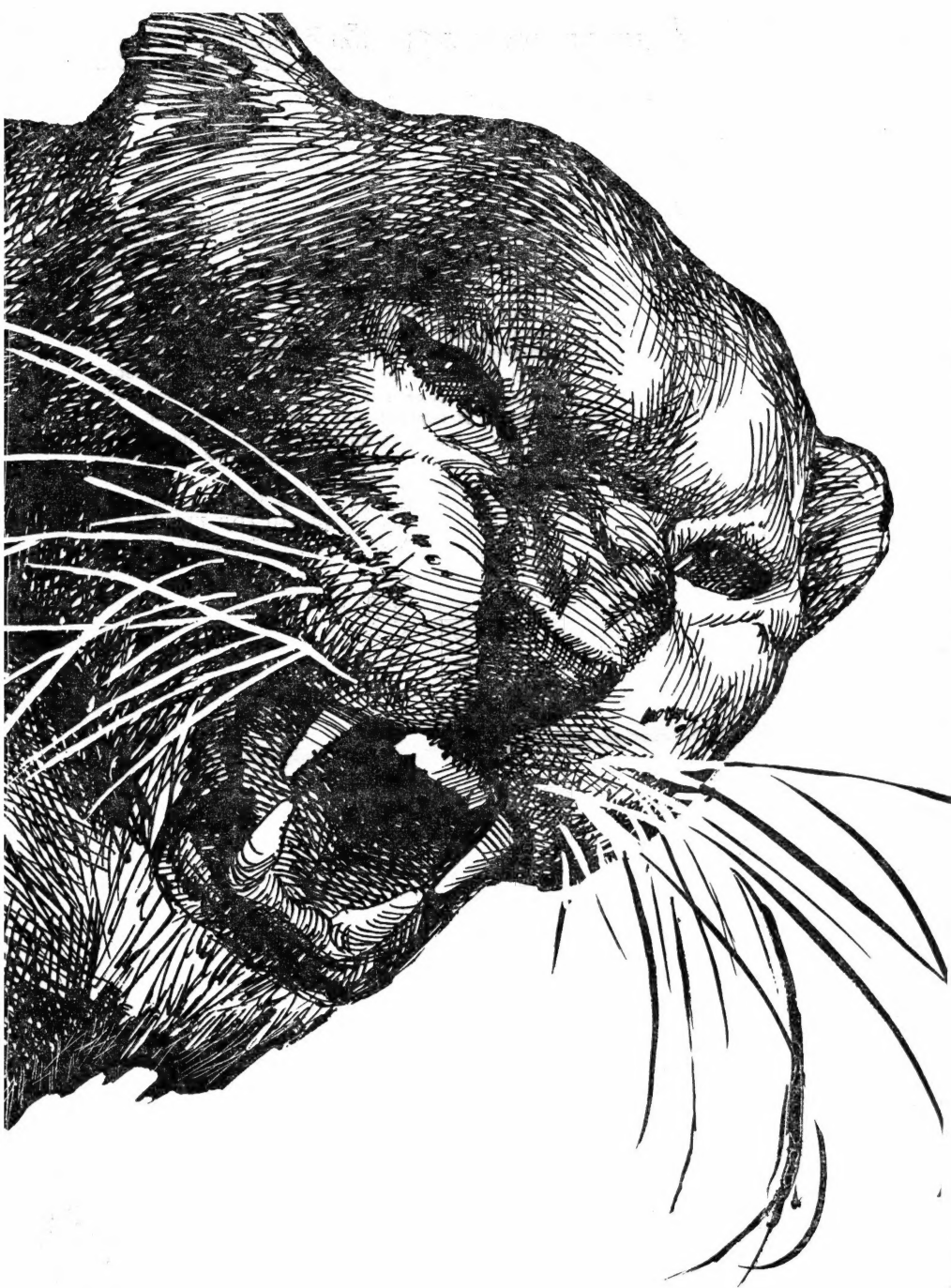

ЗВЕРИ В МОЕЙ ЖИЗНИ

...Вечной останется на Земле только природа, если мы ее бездумно не разрушим. Через 50 лет вряд ли кого-нибудь будут интересоваться конференции, репортажи о которых сегодня заполняют страницы всех газет. А вот если даже через 50 лет на утренней заре из кустов величественно выйдет лев и огласит окрестности своим могучим рыком, у любого человека захватит дух и сильнее забьется сердце. И совершенно не важно, будет ли этот человек говорить по-английски или по-русски, на суахили или по-немецки. Любой будет стоять в немом восхищении...

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

**Джеральд Даррелл
Бернгард Гржимек
Джой Адамсон
Джон Гордон Дэвис
Хайнц Зильман**

ЗВЕРИ В МОЕЙ ЖИЗНИ

GERALD DURRELL

CATCH ME A COLOBUS

London, Collins, 1972

Перевод с английского Л. Л. Жданова

BERNHARD CRZIMEK

WILDES TIER WEISSER MANN

VERLEGT BEI KINDLER

München, 1965

Перевод с немецкого Е. А. Геевской

JOY ADAMSON

BORN FREE

1960

Перевод с английского Л. Л. Жданова

JOHN GORDON DAVIS

OPERATION RHINO

London, 1972

Перевод с английского Л. Л. Жданова

LOCKENDE WILDNIS

HEINZ SIELMANN

WEIN WEG ZU DEN TIEREN

Bertelsmann

Sachbuchverlag

Wien, 1972

Перевод с немецкого Н. В. Хмелевской

© Издательство «Мир», 1985

© Издательство «Мысль», 1982

Издательство «Мысль», 1969

© Издательство «Наука», 1982

© Издательство «Мир», 1978

© Предисловие. Издательство «Кайнар», 1988

Дорогой читатель!

«Звери в моей жизни» — очередной сборник о диких животных, составленный из произведений зарубежных авторов.

Он органически продолжает тематику книг «Беззащитные властелины», «Великаны и пигмеи», «Зоопарк в моем багаже», ранее выпущенных издательством «Кайнар».

Нет необходимости представлять Джеральда Даррелла и Бернгарда Гржимека — эти люди хорошо известны всем.

Всемирную популярность они снискали себе не только яркими талантливыми произведениями о жизни диких зверей, но и бескорыстной, подвижнической деятельностью, направленной на сохранение всего живого на нашей планете.

Джеральд Даррелл в 1958 году на острове Джерси, что в проливе Ла-Маниш, создал небольшой зоопарк, преследующий одну цель: сохранить от полного уничтожения редкие виды животных.

О повседневной жизни обитателей этого зоопарка, полной хлопот и забот, и расскажет книга «Поймайте мне колобуса».

Профессора Бернгарда Гржимека (умер в 1987 г.) называли Бремом XX века за глубину и многогранность биологических познаний. Им написаны десятки книг, сотни статей, снято немало фильмов об охране и спасении диких животных, выпущена «Энциклопедия животного мира» в 13 томах с красочными иллюстрациями.

И все-таки любимой темой для произведений Б. Гржимека всегда оставались животные африканского континента.

«Дикое животное и человек» — много плана. Это книга путешествий. Автор исколесил тысячи километров по Европе и Америке, изъездил вдоль и поперек нашу страну, был гостем Казахстана. В результате родилась книга, большая часть которой посвящена животным Советского Союза.

С большой любовью Б. Гржимек пишет о возрождении сайгаков в Казахстане, называя кропотливую работу зоологов по восстановлению этого вида животных, чудом. Немало теплых слов сказано о природе нашей республики, ее столице, казахстанских ученых и Алма-Атинском зоопарке.

Мировую известность Джой Аддамсон принесла книга «Рожденная свободной», посвященная истории львицы Эльсы.

Безграничная преданность и самоотреченность потребовалась от этой хрупкой женщины при воспитании дикого львенка.

Несмотря на то, что книга по форме является художественным произведением, по сути это настоящий научный труд, своего рода небольшая «львиная» энциклопедия, где очень подробно и полно

раскрываются привычки и повадки дикого зверя. Трудно переоценить научное значение работы, проделанной Джой Адамсон по вопросам возможности достижения взаимопонимания и разумного контакта с дикими животными. Наблюдения автора над львами представляют бесценный материал для ученых и специалистов, изучающих поведение животных.

Немало Джой Адамсон пишет о браконьерах, справедливо считая, что безрассудное и хищническое уничтожение зверей наносит огромный и непоправимый вред природе. К сожалению, жизнь это талантливой женщины неожиданно оборвалась (1980 г.) от пуль тех, кого она ненавидела больше всего — от браконьеров.

Джон Гордон Дэвис — журналист, юрист по образованию, любитель путешествий, автор нескольких популярных книг. Будучи уроженцем Зимбабве, он хорошо знает природу, обычаи и нравы народов, населяющих юг Африки.

В книге «Операция «Носорог» автор в остросюжетной форме рассказывает об отлове носорогов в долине между реками Замбези и Лимпопо для переброски этих животных в заповедник на юг страны.

Дж. Г. Дэвис мастерски описывает приключения смельчаков-ловцов, охотящихся за крупным и опасным зверем. Эта работа сочетает в себе все трудности и достоинства охоты — испытание физических и нравственных сил человека — и в то же время противоположна охоте по цели: животное не гибнет, а обретает большую безопасность.

Хайнц Зильман известен в мире как один из лучших кинооператоров-анималистов. Им созданы десятки фильмов о животных, он умеет снимать чарующие пейзажи различных уголков нашей планеты, подмечать и фиксировать удивительное в жизни зверей, птиц и рыб.

Большим успехом у советских телезрителей пользовался его фильм под названием «Дикая манящая природа».

Не менее популярны и книги Х. Зильмана, прекрасно иллюстрированные, насыщенные огромным информационным материалом, который вызывает интерес не только у широкого круга читателей, но и у специалистов-зоологов.

Небольшие рассказы и очерки, включенные в данный сборник, расскажут не только об особенностях поведения различных животных, читатель узнает много интересного о природе различных континентов, автор с волнением рассказывает о судьбах простых людей — от горцев Крита до африканских пигмеев.

Таким образом, сборник «Звери в моей жизни» приоткрывает еще одну страницу в мир дикой природы. Разнообразные произведения различных авторов объединяют одно общее: безграничная любовь ко всему живому, боль и боязнь за возможность полного уничтожения того или иного вида животных или растений.

Авторы личным примером убедительно доказывают, что пока не поздно многообразный природный и растительный мир человек может и должен сохранить для будущих поколений.

СОСТАВИТЕЛЬ

**Джеральд
Даррелл**

**ПОЙМАЙТЕ
МНЕ
КОЛОБУСА**

От автора

Книга охватывает около семи лет; мне, подобно садовнику, пришлось кое-что в ней подрезать, кое-что пересадить, поэтому не все эпизоды изложены в хронологической последовательности. Делалось это только для гладкости повествования, и если читатель заметит кое-какие перестановки, он поймет причину.

Эта книга посвящается пяти доблестным сотрудникам Джерсийского зоопарка, которые своим упорным трудом, самоотверженностью и веселым расположением духа, не покидавшим их даже в самые мрачные и безотрадные минуты, столько раз меня выручали. Без такой надежной опоры я бы недалеко ушел. Их имена — Кэт Уэллер, Бетти Буазар, Джереми Молинсон, Джон (Шеп) Мэлит и Джон (Долговязый Джон) Хартли.

Чистим-блистим

*Уважаемый мистер Даррелл,
меня давно занимают кенгуровые сумки...*

Встреча с зоопарком после очередной зарубежной экспедиции для меня всегда волнующее событие. Увидеть новые клетки, которые я представлял себе только по чертежам, новых животных, узнать о счастливых родах, услышать нестройный приветственный хор шимпанзе и голоса прочих животных, которые радуются, что я вернулся... Словом, обычно возвращение складывается очень приятно и интересно.

Но на этот раз, после довольно долгого путешествия по Австралии, Новой Зеландии и Малайзии, я с ужасом обнаружил, что мой драгоценный зоопарк выглядит жалким и запущенным. А тут еще выяснилось, что мы на грани банкротства. Меня будто обухом по голове ударили — столько трудов и денег вложено, и вот на тебе! Вместо того чтобы отдыхать после напряженной поездки, надо было срочно придумывать, как спасти зоопарк.

Первым делом, естественно, я взял в свои руки бразды правления, а пост заместителя директора предложил Джереми Молинсону, работающему в зоопарке со дня его основания. Я знал Джереми как человека безупречной честности, знал также, что он горячо любит животных. К тому же он поработал во всех отделах и хорошо представлял себе наши проблемы. Получив его согласие, я облегченно вздохнул.

После этого я созвал руководителей отделов и объяснил, как обстоят наши дела. Сказал, что над зоопарком нависла серьезная угроза, но, если они согласны остаться и засучив рукава работать за гроши, есть надежда выбраться из трясины. Все они — честь им и хвала! — согласились. Теперь я хоть знал, что животным обеспечен хороший уход и с ними ничего не случится.

Далее, надо было подобрать толкового секретаря, а это оказалось не так-то просто. Я дал объявление в газету, указав, что требуется знание стенографии, машинописи и, самое главное, бухгалтерии. К моему удивлению, кандидаты повалили валом. Однако, знакомясь с ними, я убедился, что половина претендентов не в ладах с элементарной арифметикой и большинство никогда не видело пишущей машинки. Один молодой человек прямо сказал, что отозвался на мое

объявление, рассчитывая приобрести нужную квалификацию по ходу дела.

Побеседовав с двумя десятками таких недоумков, я уже начал отчаиваться. Но тут настала очередь Кэт Уэллер. В мой кабинет танцующей походкой вошла пухлая маленькая особа с живыми зелеными глазами и добродушной улыбкой. Она объяснила, что ее мужа перевели из Лондона на Джерси и ей пришлось расстаться с местом, на котором она проработала семнадцать лет. Ну, конечно, она знает счетоводство, стенографию и машинопись. Я поглядел на Джеки, Джеки поглядела на меня. Чутье подсказывало нам, что случилось чудо: мы нашли то что нужно. Через несколько дней Кэт Уэллер приступила к работе и принялась разгребать завал, образовавшийся в делах за мое отсутствие.

В то время на зоопарке висело две задолженности. Одна — двадцать тысяч фунтов, которые были вложены в строительство и оборудование; вторая — четырнадцать тысяч, эту сумму составили перерасходы и текущие долги. Естественно, следующей моей задачей — весьма нелегкой — было раздобыть достаточно средств, чтобы свести концы с концами и не дать погибнуть зоопарку. На это ушло немало времени. И все это время Джереми, еще не освоившийся с новой должностью, приходил ко мне советоваться насчет животных, а Кэт требовала консультации по непривычным для нее финансовым проблемам. Вынужденный решать все вопросы и одновременно ломать голову над тем, как спасти зоопарк, я впал в такую мрачность, что в конце концов Джеки, как я ни упирался, пригласила нашего врача.

— Да ничем я не болен,— твердил я.— Просто забот много. Сделай мне какой-нибудь укол, чтобы сил прибавилось.

— У меня есть средство получше,— ответил Майк.— Ты получишь таблетки.

И он прописал мне какие-то жуткие на вид пилюли, приказав принимать по одной в день. Ни Майк, ни я не подозревали, что тем самым он внес огромный вклад в спасение зоопарка. Сейчас объясню, каким образом.

К числу наших давних и самых близких друзей на Джерси принадлежали Хоуп и Джимми Плет. Джимми большую часть времени находился в Лондоне, но Хоуп была частым гостем зоопарка и заходила к нам выпить рюмочку. И так совпало, что она навестила нас в тот самый вечер, когда я по ошибке вместо одной пилюли транквилизатора принял две и сильно смахивал на человека, находящегося в последней стадии опьянения. Сто килограммов веса придают Хоуп внушительный вид, и она неодобрительно смотрела, как я иду ей навстречу, путаясь в собственных ногах.

— Что это с тобой?— властно спросила она.— Перебрал?

— Какое там,— ответил я.— Если бы! Эти проклятые транквилизаторы... Я принял две таблетки вместо одной.

— Транквилизаторы?— В ее голосе звучало недоверие.— С чего это они тебе понадобились?

— Присядь, я налью тебе рюмочку и все расскажу,— предложил я.

Около часа я изливал ей душу. Выслушав меня, Хоуп оторвала от кресла свои килограммы и выпрямилась во весь рост.

— С этим будет живо покончено,— твердо произнесла она.— Чтобы ты, в твои годы, глотал транквилизаторы! Я этого не допущу, немедленно переговорю с Джимми.

— Ну вот, еще и Джимми в это втягивать...— начал я.

— Слушай, что мамочка говорит,— оборвала меня Хоуп.— Я потолкую с Джимми.

Сказано — сделано, и вот уже мне звонит Джимми: не могу ли я заехать и ввести его в курс дела? Я заехал к нему и рассказал о своем замысле — как только зоопарк станет самокупаемым, превратить его в коммерческое предприятие, учредив своего рода трест. Но с такой огромной задолженностью ни о каком тресте не может быть и речи... Джимми вполне разделял мое мнение.

— Что ж,— произнес он, поразмыслив,— я вижу один выход: обратиться с призывом к общественности. Для начала ты получишь от меня две тысячи фунтов на самые неотложные расходы. Кроме того, запиши еще две тысячи в подписной лист, чтобы поощрить других. Если воззвание поможет, можно будет двигаться дальше.

Сказать, что я был потрясен, значит ничего не сказать. Я возвращался домой словно в забытии. Кажется, зоопарк все-таки удастся спасти!

Напечатать воззвание не так просто, как вы думаете. И не всякое воззвание венчается успехом. Но у нас был верный союзник — местная газета «Ивнинг пост»; она очень лестно охарактеризовала то, что нами уже сделано, и объяснила, что предстоит выполнить. Итак, наше воззвание получило ход, и в поразительно короткий срок мы собрали двенадцать тысяч фунтов. Больше всего меня тронули два взноса: пять шиллингов от одного мальчугана, который явно пожертвовал всем своим наличным капиталом, и пять фунтов от служащих Джерсийского зоопарка.

Полученные двенадцать тысяч фунтов должны были составить оборотный капитал треста, тратить их на текущие нужды мы не могли. Но хитроумный план Джимми предусматривал решение и этой проблемы. Оба мы отлично понимали, что нельзя учредить трест, пока не покрыта изначальная задолженность. А когда это будет сделано, двенадцать тысяч составят неплохой капитал, с которого можно начать, хотя он и недостаточен для основательного расширения и перестройки зоопарка.

Вот почему я обязался уплатить из предстоящих гонораров двадцать тысяч фунтов банку, который весь извелся от тревоги за свои деньги, и передать зоопарк со всем его имуществом тресту. В итоге на свет появился Джерсийский трест охраны диких животных; он стал официальным владельцем, а я занял пост почетного директора треста и зоопарка. В руководящий орган треста вошли сочувствующие нашим целям деятели, лорд Джерси согласился стать председателем Совета. Своей эмблемой мы избрали дронта — огромную нелетающую

голубеобразную птицу, которая некогда обитала на острове Маврикий, но была истреблена, как только остров открыли европейцы. Печальный пример того, как неразумные и жадные люди способны в удивительно короткий срок стереть с лица земли тот или иной вид фауны.

Однако наши трудности на этом не кончились; положение оставалось весьма напряженным. Втайне от Хоуп Плет я по-прежнему глотал транквилизаторы; ведь мне, кроме всего прочего, предстояло написать книгу — задача, за которую я всегда берусь с превеликим отвращением. Но теперь надо мной висел дамоклов меч: только пером мог я заработать нужную сумму для расплаты с банком.

Книга получила название «Поместье-зверинец», в ней я объяснил, ради чего устроил зоопарк и почему через некоторое время решил создать трест. Пожалуй, здесь лучше всего повторить то, что писал тогда:

«Я задумал не простой зоопарк с традиционным набором животных... мне хотелось, чтобы мой зоологический сад способствовал охране фауны. Распространение цивилизации по континентам привело к полному или почти полному истреблению многих видов. О крупных животных еще пекутся: они важны для туризма или для коммерции. Но в разных концах света есть немало интересных мелких млекопитающих, птиц и рептилий, которых почти не охраняют, так как от них ни мяса, ни меха. И туристам они не нужны, тем подавай львов да носорогов. Большинство мелких видов — представители островной фауны, ареал у них совсем маленький. Малейшее покушение на этот ареал — и они могут исчезнуть навсегда. Достаточно завезти на остров, скажем, несколько крыс или свиней, и через год какого-то вида уже не будет...

На первый взгляд задача кажется простой: стоит только наладить надежную охрану диких животных, и они уцелеют. Но это подчас легче сказать, чем сделать. А пока идет борьба за такую охрану, надо принять другие меры предосторожности — создать в заповедниках и зоопарках достаточный резерв исчезающих животных; тогда, если случится худшее и эти виды перестанут существовать на воле, они все же не будут безвозвратно потеряны. Более того, резерв позволит в будущем отобрать приплод и вновь расселить вид на его родине. Это всегда казалось мне главной задачей каждого зоопарка, но большинство зоологических садов лишь недавно осознало серьезность положения и приняло какие-то меры. Я хотел сделать спасение исчезающих видов главной задачей своего зоопарка».

Учредить трест оказалось сложнее, чем я ожидал. Возникло множество проблем, начиная от размера взносов (завысишь — люди не смогут вступать в трест, занизишь — от взносов не будет проку) и кончая такими деталями, как подготовка и распространение брошюр, разъясняющих наши цели и задачи. По мере выхода моих книг я получал немало писем, на каждое из них мы отвечали, а копии ответов хранились в архиве. Теперь всем нашим

корреспондентам мы разослали брошюры с бланком вступительного заявления. К моей великой радости, подавляющее большинство тотчас вступило в трест. Тут подоспела книга «Поместье-зверинец», в которой я приглашал читателей вступать в трест. На счастье, она имела успех, и нашлись желающие пополнить наши ряды. Число членов треста во всех концах света возросло до семисот пятидесяти. Меня особенно воодушевляло, что жители таких далеких стран, как Австралия и США, поддерживают начинание, плоды которого им, быть может, не придется узреть.

Хотя судьба зоопарка по-прежнему висела на волоске, на горизонте маячили первые признаки успеха, и мы трудились как черти. Сказать, что в конце рабочего дня мы были совершенно измотаны, значит ничего не сказать. Именно в это время на меня обрушилась лавина телефонных звонков, причем раздавались они в самое неподходящее время. Какая-то женщина из Торки в графстве Девоншир позвонила мне в разгар ленча, чтобы выяснить, как поступать с яйцами, которые только что отложила ее черепаха. Владелице травяного попугайчика понадобилось узнать, как подстричь когти ее любимцу... Но окончательно доконал меня звонок, раздавшийся в одиннадцать часов вечера, когда я дремал у камина. Междугородная сообщила, что меня вызывает Шотландия, некий лорд Макдугал. Наивно заключив, что его милость вознамерился пожертвовать внушительную сумму тресту, я попросил телефонистку соединить нас. И с первых же слов моего собеседника понял, что он чересчур рьяно принадлежит к источнику, из которого многие черпают премудрость и краткосречие.

— Эт-та Даррелл?— осведомился он.

— Да,— ответил я.

— Яшно... Так вот, во всей Англии только вы можете мне помочь. У меня тут птица.

Я подавил стон: еще один травяной попугайчик...

— Я владелец... шудовладелец...

Чувствовалось, что своим языком его милость владеет плохо.

— И на один из моих пароходов залетела эт-та... эт-та птица, и капитан шечаш доштавил ее мне. Так вот... Вы можете ей помочь?

— Ну, а что это за птица?— ссросил я.

— Маленькая такая пичужка...

Не очень-то полная зоологическая характеристика.

— Вы не можете описать ее — размеры, окраска?

— Ну... она шовшем маленькая... б-буроватая, да... ш б-белой грудкой. Ножки шовшем крохотные... малю-юшенькие... Даже удивительно, какие крохотные...

— Видимо, это качурка,— предположил я.— Они нередко залетают на палубы судов.

— Я шечаш же зафрахтую поезд и а-атправлю ее вам, ешли вы можете ее шпашти,— разошелся сиятельный судовладелец.

Я принялся втолковывать ему, что это бесполезно. Качурки большую часть жизни проводят над морскими просторами, кормясь мелкими организмами, и содержать их в неволе почти невозможно.

И вообще, даже если он отправит мне пичугу, она вряд ли перенесет путешествие.

— Рашходы меня не пугают,— твердил его милость.

В эту минуту кто-то отнял у него трубку, и я услышал чрезвычайно аристократический девичий голос:

— Мистер Даррелл?

— Да.

— Я должна извиниться за папу. Боюсь, он немножко не в форме. Ради бога, не обижайтесь.

Тут же ее перебил голос лорда.

— Вше что угодно,— настаивал он.— Гоновчая машина... шамо-лет... только скажите...

— Боюсь, даже если вы сумеете ее доставить, я все равно ничего не смогу сделать,— сказал я.

— Передаю трубку моему капитану, он вше объяснит.

— Добрый вечер, сэр,— произнес суровый голос с шотландским акцентом.

— Добрый вечер.

— Так, по-вашему, это качурка?— спросил капитан.

— Да, скорее всего. Так или иначе, все что можно сделать,— это поддержать птицу до утра в тепле, в темной комнате, а потом отправить на какой-нибудь из ваших пароходов. Как только пароход отойдет достаточно далеко в море — скажем, на две-три мили,— птицу можно выпускать.

— Понятно. Вы уж извините, что мы побеспокоили вас так поздно, но его милость настаивал на этом.

— Ну, конечно, я... гм... я все понимаю.

— Дело в том,— продолжал шотландец,— что у его милости очень доброе сердце и он очень любит птиц, но сегодня вечером он немножко не в форме.

— Я так и понял,— ответил я.— Завидую его состоянию.

— Гм... так точно... Ну... что ж, сэр, пожелаю вам спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— ответил я и положил трубку.

— Что там такое приключилось?— нетерпеливо спросила Джеки.

— Какой-то пьяный лорд звонил, хотел прислать мне качурку,— объяснил я, опускаясь в кресло.

— Ну, знаешь!— возмутилась она.— Все, хватит, пусть нам дадут секретный номер.

Мы получили секретный номер, и с тех пор лавина бестолковых звонков, слава богу, схлынула.

На другое утро я рассказал о случившемся Кэт; она выслушала меня с сочувственной улыбкой и спросила:

— А ты слышал про Джереми и крота?

— Нет, а что?

Вот что рассказала Кэт.

Джереми вез на грузовике мусор после уборки в Доме млекопитающих. На его пути были две высокие арки, и перед второй аркой он увидел ползущего по дорожке крота. Джереми круто заторм-

мозил, вылез из грузовика и стал подкрадываться к кроту, чтобы поймать его и отнести в поле, подальше от грозящих опасностей. Подойдя вплотную, он увидел, во-первых, что крот мертв и, во-вторых, что к нему привязана бечевка, которую кто-то потихоньку тянет. Следуя за бечевой, Джереми обнаружил на другом конце весь персонал отдела пернатых в лице Шеп Мэлита.

Надо сказать, что Шеп уже давно не устраивал розыгрышей, и в этом случае я усмотрел хороший признак, свидетельство того, что подавленное, мрачное настроение, которое я застал в зоопарке, когда вернулся из экспедиции, сменилось надеждой и воодушевлением.

Однако, как ни нуждались мы тогда в надежде и воодушевлении, без денег от них было мало проку. Наши клетки служили уже пять лет, и требовались наличные, чтобы капитально отремонтировать их, причем не как-нибудь, а по генеральному плану. Мы чуть не каждый день ставили подпорки, хотя на самом деле пришла пора ломать старые клетки и заменять их новыми. Птицы и мелкие млекопитающие еще могли подождать, но для более крупных и опасных животных надо было принимать экстренные меры. Хоуп и Джимми помогли мне создать трест, однако мы по-прежнему остро ощущали нехватку в деньгах, особенно на клетки для тех животных, которые, вырвавшись на волю, могли бы представить смертельную угрозу для окружающих.

Уповая на доброту посетителей, мы повесили копилку и лист бумаги с коротеньким рассказом о целях и задачах треста в том конце Дома млекопитающих, где размещались гориллы. И, надо сказать, копилка постепенно наполнялась.

Однажды, когда служащие разошлись на второй завтрак, я направился в Дом млекопитающих, чтобы провести мартышку, которая, по нашим предположениям, ожидала потомства, и с ужасом обнаружил, что дверь клетки орангутангов распахнута и еле держится на петлях. Я ринулся туда; к счастью, оба орангутана оказались на месте. Судя по всему, старший из них, Оскар, подобрал какое-то орудие, взломал им дверь и обследовал Дом млекопитающих. Среди заинтересовавших его предметов только один удалось легко отделить от стены и унести с собой как сувенир — это была копилка Джерсийского треста охраны диких животных. Внутри копилки что-то гремело, и Оскар принялся ее трясти, но из щели ничего не высыпалось. Тогда он расковырял замок маленькой дверцы сзади. И когда я прибыл на место происшествия, Оскар восседал на гряде монет разного достоинства. Он был крайне возмущен, когда я вошел в клетку, забрал у него копилку и принялся собирать монеты. Моя задача отчасти осложнилась тем, что я не знал, сколько денег было в копилке. Во всяком случае, не мешает хорошенько порыться в соломенной подстилке... Тут я поглядел на пухлую рожицу Оскара и заметил, что его щеки оттопыриваются сильнее, чем обычно.

— Оскар, — строго произнес я, — у тебя во рту что-то есть. Ну-ка, отдай.

— Я протянул руку, и орангутан с величайшей неохотой выплюнул мне на ладонь пять полукрон и четыре шестипенсовика.

— Это все?— спросил я.

Миндалевидные глазки ничего не выражали. Я положил деньги обратно в копилку, выбрался из клетки, кое-как приладил дверь и направился к слесарю, чтобы попросить его заняться ремонтом. И тут изо рта Оскара в меня полетело еще одно пенни — дескать, на, подавись!

Но решающим событием, после которого мы поняли, что необходимо возможно скорее приобрести новые клетки для человекообразных обезьян, явился побег шимпанзе. Дело было на рождество, мы пригласили к себе на праздничный обед Кэт и ее мужа, Сэма. Рождество — единственный день в году, когда зоопарк закрыт для посетителей, и нам очень повезло, что сотрудники еще находились на территории и не разбегались по гостям.

...Индеек поджарена как раз в меру, каштаны распространяют упоительный запах, зелень приготовлена — вдруг без четверти час распаивается дверь и в комнату врывается один из служащих:

— Мистер Д, мистер Д, шимпанзе сбежали!

Я приобрел Чолмондли, или Чамли, как мы обычно его называли, совсем младенцем, но уже тогда был случай, когда моя мать попыталась помешать ему безобразничать и он укусил ее за руку, да так, что пришлось наложить семнадцать швов. Теперь Чамли ростом и весом почти догнал меня, и мне вовсе не улыбалось схватиться с ним или с его супругой Шееной, которая не уступала ему габаритами.

— Где они?— спросил я.

— Сейчас войдут во двор.

Я бросился к окну гостиной. Правда, вот идет Чамли в сопровождении Шеены, она нежно положила ему руку на плечо — ни дать ни взять пожилая пара во время моциона по берегу морского курорта. В ту же минуту во двор въехала машина и остановилась у крыльца; это прибыли Кэт и Сэм. При виде незнакомого существа Шеена явно насторожилась, зато Чамли приветствовал его радостным гиканьем. Автомобиль для него не был новостью, в детстве Чамли много раз ездил со мной и любовался в окошко домами и встречаемыми машинами. Вот и теперь он подошел и принялся колотить по стеклам в надежде, что Кэт откроет дверцу и подвезет его, однако она не вняла его призыву.

Крикнув Джеки, чтобы она заперла квартиру, я ринулся вниз по лестнице, закрыл дверь своего кабинета, отпер канцелярию и распахнул входную дверь. При виде меня Чамли приветственно заухал и направился трусцой к дому. Я пронесся через канцелярию и открыл дверь в коридор, из которого можно было попасть в большую кухню, обслуживающую кафе, и на второй этаж, где помещались комнаты персонала. Только бы удалось заманить шимпанзе на кухню, а уж там как-нибудь сумеем их изловить!

Затем я вышел из дома, обогнул его, снова вошел через черный ход и укрылся в засаде за дверью, ведущей в канцелярию.

Чамли уже входил в парадную, решив провести меня и поздравить с рождеством; Шеена не отставала от него. Единственный свободный путь вел в канцелярию, туда они и проследовали. Закрыть за ними дверь было делом секунды. Теперь хоть бы поскорее прошли из канцелярии в коридор — не то, как доберутся до наших папок, будет беда! Слава богу, не застав никого в канцелярии, Чамли не стал задерживаться. Но, очутившись в коридоре, он оказался перед выбором: то ли пройти на кухню, то ли подняться на второй этаж. Чамли был хорошо знаком с лестницами, ведь его детство прошло в многоэтажном доме, где мы тогда жили. Заключив, что лестница может привести его ко мне, он затопал вверх по ступенькам; Шеена нерешительно шагала за ним. К счастью, все комнаты были закрыты. Все, кроме одной, и, конечно же, именно туда направились шимпанзе.

Мы сопровождали их на почтительном расстоянии и, как только они вошли в комнату, захлопнули дверь и повернули ключ, после чего поспешили наружу, отыскивали приставные лестницы и поднялись к окнам, чтобы посмотреть, чем занимаются гости. Чамли был очень доволен, он обнаружил в комнате раковину и кусок мыла, отвернул до отказа оба крана и принялся мыть руки — это занятие ему с детства очень нравилось. А Шеена упоенно прыгала по кровати, прижимая к животу подушку. Вдруг она открыла замечательный эффект: если зацепить подушку ногтями и хорошенько дернуть, в воздух взлетают тучи перьев! Шеена тотчас расправилась с обеими подушками, и комната приобрела такой вид, словно в ней бушевала вьюга. Изрядное количество перьев попало в раковину и плотно закупорило сток. Вскоре вода хлынула через край, потому что Чамли уже потерял интерес к раковине. Вместе с Шееной он усердно разбирал постель. Дойдя до матраца, они обнаружили, что его тоже можно разорвать и разбросать по комнате содержимое. И к перьям прибавились куски пенопласта, конский волос и прочие материалы.

Я провел короткое совещание с Джереми. Есть подходящая клетка для шимпанзе, достаточно большая и крепкая, но она стальная, потребуется не меньше шести человек, чтобы ее поднять... Вряд ли мы сумеем втащить ее по лестнице на второй этаж.

— Единственный выход, — заключил Джереми, — попытаться заманить их вниз, в самый конец коридора, где тамбур. Запрет между двумя дверьми и подтащим клетку.

Мы снова поднялись по приставным лестницам и заглянули в комнату. Чамли размахивал вешалками и уже умудрился разбить ими зеркало. Шеена продолжала деловито потрошить матрац, вид у нее был сосредоточенный, как у именитого хирурга, производящего пересадку сердца.

— Надо, чтобы кто-нибудь открыл дверь, — сказал Джереми. — Потом он закроется в ванной, а шимпанзе, глядишь, сами спустятся вниз.

— Что ж, попробуем, — неуверенно согласился я.

Один из служащих поднялся на второй этаж, распахнул дверь комнаты, где резвились шимпанзе, отскочил назад и заперся в ванной

напротив. Увы, как я и предполагал, шимпанзе отлично чувствовали себя в спальне и отнюдь не спешили ее покидать. Едва взглянув на распахнутую дверь, они тут же возобновили свои забавы. Чамли собирал в охапку перья и подбрасывал их в воздух, а Шеена опять приступила к хирургической операции, и было похоже, что матрац ее не переживет.

— По-моему, остается только одно средство,— сказал Джереми.— Шланг с водой.

Да представьте себе: пить воду и играть с ней шимпанзе очень любили, но терпеть не могли, когда их обливали. Бывало, вечером они отказывались идти в свою спальню, но стоило пригрозить им шлангом, и они сразу покорялись. Быть может, и сейчас испытанный способ поможет? Принесли огромный шланг, присоединили его к крану в кормокухне, разбили стекло в окне, просунули внутрь наконечник и пустили воду на полную мощность. Шимпанзе на миг опешили от такого вероломного выпада, потом с воплем бросились вниз по лестнице. В коридоре их подстерегали двое служащих, и, как только беглецы очутились в тамбуре, обе двери захлопнулись. Наконец-то проказники были надежно заточены в таком месте, где не могли безобразничать. Я облегченно вздохнул — и не только я, надо думать. Шимпанзе — истеричные экстроверты, чуть что — перевозбуждаются и вполне могут на вас наброситься. А в том, что Шеена и Чамли к этому времени были основательно возбуждены, сомневаться не приходилось.

Теперь предстояло вытащить стальную клетку из мастерской и отнести ее к тамбур. На это ушло немало времени, так как клеткой давно не пользовались и она была завалена дощечками и прочим хламом. После долгих трудов мы извлекли ее на свет божий, и шесть человек установили клетку в нужном помещении. Подняв дверцу, мы осторожно открыли дверь в тамбур. Вот они, сидят, мокрые-премокрые, но вид воинственный, хоть куда. Битый час пытались мы заманить шимпанзе в клетку, каких только лакомств ни предлагали — ничто, даже редкий в это время года виноград, их не соблазнял.

— Как насчет змей?— сказал я, памятуя, что Чамли панически боится змей.

— Вряд ли,— ответил Джереми.— Для Чамли, может, еще и сойдет, но Шеену змеей не испугаешь.

— Что ж,— мрачно заключил я,— придется опять обратиться к шлангу. Все равно уже натекло бог знает сколько.

Мы присоединили шланг к крану большой кухни, зашли с другой стороны тамбура, открыли дверь и направили тугую струю на обезьян. Беглецы стремглав бросились в клетку, дверца скользнула вниз, и шимпанзе снова очутились в заточении.

Вместе с Бертом, слесарем, мы пошли посмотреть, как же они все-таки ухитрились вырваться на волю. Толстая проволочная сетка была достаточно прочной, однако Чамли обнаружил незакрепленный конец, а стоит найти такой конец, и сетку так же легко распустить, как и вязанье. Что и доказал Чамли. Пришлось БERTУ —

его тоже оторвали от торжественного обеда — заняться ремонтом. Через час с небольшим он закончил работу. Было уже около четырех часов дня, когда шимпанзе водворили на старую квартиру, а мы разошлись по домам.

Джеки, Кэт, Сэма и меня ожидала обугленная индейка; зелень выглядела так, словно по ней прошелся слон-исполин. Не-беда, у нас еще было холодное, со льда, вино.

Это я, Джереми

Уважаемый мистер Даррелл!

Мне десять лет, и я считаю вас первейшим зоологом на Британских островах (после Питера Скотта). Можно попросить вас прислать мне автограф?

На следующий год дела пошли намного лучше, появились зримые результаты проделанной работы. Кэт трудилась как пчела: вела бухгалтерские книги треста и зоопарка, как могла, старалась уменьшить расходы и держать меня в узде, ибо я не всегда обдуманно трачу деньги.

— Вот бы фламинго завести, красавцы! — восторженно изрекал я.

— Хороши, ничего не скажешь, — соглашалась Кэт. — А сколько они стоят?

— Не так уж и дорого, — отвечал я. — Каких-нибудь сто двадцать фунтов за штуку.

Радостная улыбка исчезала с лица Кэт, в зеленых глазах появлялась стальной отлив.

— Мистер Даррелл, — говорила она вкрадчиво. — Известно ли вам, насколько превышен ваш кредит?

— Ну конечно, — поспешно отвечал я. — Я ведь просто к слову сказал.

И все же, несмотря на прижимистость Кэт, мы продвигались вперед.

С помощью Джереми и Джона Мэлита работа зоопарка была перестроена. Мы завели картотеку, на каждое животное по три карточки: розовая, голубая и белая. Белая карточка — «анкета», на ней записано, где приобретен образец, в каком состоянии поступил в зоопарк и так далее. Розовая карточка — история болезни, в ней содержатся все сведения о здоровье и лечении животного. Голубая карточка — данные о поведении. Пожалуй, она самая важная, ведь на ней — записи о брачных играх, сроках беременности, территориальных метках и тьма других сведений.

Кроме того, в кабинете Джереми хранился большой «Дневник», в нем любой сотрудник зоопарка мог записать интересные наблюдения, которые потом заносились в соответствующие карточки. Постепенно у нас накапливался богатейший материал. Удивительно, как мало мы знаем даже про обыкновенных животных. У меня довольно внушительная библиотека, около тысячи томов, но поищите в них,

скажем, сведения о брачном поведении того или иного животного — ни слова.

Затем мы пересмотрели кормовой рацион. Я вычитал, что Базельский зоопарк составил специальный паек, скармливаемый животным вдобавок к обычной пище; он не только улучшает общее состояние животного, но и способствует размножению. Было установлено: как бы хорошо вы ни кормили животных — а мы всегда давали своим лучшее, что только могли достать, — в корме недостает очень важных для организма солей и других компонентов. Тогда-то и придумали особый «пирожок» с этими веществами.

Я написал в Базельский зоопарк доктору Эрнсту Лангу, он любезно прислал мне все данные, потом мы обратились к нашему мельнику, Лемаркану, и он, следуя рецепту, приготовил малопривлекательное на вид бурое тесто. Мы взирали на него с недоверием, но я все же попросил Джереми провести недельное испытание и доложить о результатах. В последнее время Джереми частенько наведывался к нам за советами. Сидишь дома, работаешь, вдруг — стук в дверь, появляется голова и слышишь:

— Э... это я, Джереми.

С этими словами он входит в гостиную и излагает очередную проблему. Вот и теперь, после недельного испытания «пирожка», я услышал знакомый стук.

— Э... это я, Джереми.

— Входи, Джереми, — пригласил я его.

Он вошел и остановился на пороге гостиной. Высокий, волосы цвета спелой ржи, нос, как у герцога Веллингтона, и ярко-голубые глаза, которые слегка косят, когда Джереми чем-то озабочен. Сейчас он заметно косил: значит, что-то не ладится...

— Ну, что случилось?

— Понимаете, я насчет этой смеси... Наши... гм... животные не хотят ее есть. Правда, мартышки попробовали немножко, но мне кажется, скорее из любопытства. А другие совсем не едят.

— А человекообразные?

— Даже не притронулись, — мрачно ответил Джереми. — Я уж и так и эдак, даже в молоко клал — не едят, да и только.

— А поддержать их впроголодь пробовал?

— Нет, — сказал Джереми с виноватым видом. — Чего не пробовал, того не пробовал.

— Ну, так попробуй, — предложил я. — Завтра же посади их на одно молоко и предложи «пирожок». И посмотрим, что выйдет.

На следующий день — знакомый стук и знакомое «Это я, Джереми».

— Я насчет человекообразных, — доложил он, стоя на пороге гостиной. — Мы оставили их без завтрака, потом дали молоко и «пирожок». Все равно не едят. Что будем делать?

Я был озадачен не меньше его. В Базельском зоопарке все животные охотно ели «пирожки». Очевидно, нашей смеси чего-то недостает. Мы позвонили мистеру Лемаркану.

— Как вы думаете, что можно добавить в смесь, чтобы она была вкуснее и заманчивее?

Он поразмыслил несколько минут, потом дал блестящий совет:

— Как насчет анисового семени? Абсолютно безвредно, и большинство животных любят его запах.

— Пожалуй, вреда не будет,— согласился я.— Вам нетрудно приготовить смесь с анисовым семенем?

— Что ж, это нетрудно,— ответил мельник, и отныне мы стали получать «пирожки», пахнущие анисом.

Животные с первой же минуты пристрастились к ним. До такой степени, что с той поры самым любимым видам корма они предпочитали «пирожки». Смесь явно пошла им на пользу, и приплод увеличился. За год после введения нового рациона было получено потомство от двенадцати видов млекопитающих и десяти видов птиц, и мы были чрезвычайно довольны собой.

Пожалуй, самыми важными, но и самыми тревожными для нас в тот год были роды у южноамериканских тапиров. Папаша, Клавдий, приобретенный мной в Аргентине, в свое время причинил нам немало хлопот: он удирал из зоопарка и производил опустошения в соседних садах и на полях. Но после того как мы нашли ему супругу, Клодетту, он остепенился, стал солидным и дородным. Тапиры смахивают на гнедых шотландских пони, а их длинный подвижный нос чем-то напоминает слоновый хобот. Обычно это ласковые и дружелюбные существа. Когда Клодетта достигла надлежащего возраста, состоялось спаривание. Мы тщательно записали все сроки на голубых карточках и вскоре убедились в ценности картотеки; как только у Клодетты появились признаки беременности, мы смогли считая от даты последнего спаривания, определить, когда примерно ждать детеныша.

И вот однажды раздается знакомый стук в дверь: «Это я, Джереми»,— и появляется озабоченный Джереми.

— Я насчет Клодетты, мистер Даррелл,— сказал он.— Если считать по карточке, она должна родить в сентябре... Ну вот, я и подумал, не лучше ли перевести ее в другой загон, отделить от Клавдия?

Мы обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что, в самом деле, стоит их разделить — ведь неизвестно, как Клавдий отнесется к детенышу. К тому же он близорук и вполне может нечаянно наступить на него. Клодетту перевели в соседний загон; она могла слышать запах Клавдия, даже тереться с ним носом через проволочную сетку — и спокойно производить на свет свое дитя. Но тут Клодетта дала нам повод для тревоги. Счастливое событие должно было вот-вот состояться, она заметно округлилась, однако плод не шевелился и соски не наливались молоком. Джереми, Томми Бегг (наш ветеринар) и я устроили совещание.

— Уж очень толстая кожа у этой чертовки,— угрюмо заметил Томми.— Вообще мышцы такие тугие, что я просто не могу прощупать плод.

— А ведь, судя по картотеке,— сказал Джереми, для которого

наши карточки стали чем-то вроде оракула,— она должна разрешиться со дня на день.

— Меня заботит отсутствие молока,— добавил я.— По-моему, время давно пришло!

Опершись на ограду, мы рассматривали Клодетту, а она знай себе тихонько попискивала — такой уж голос у тапиров — и задумчиво жевала ветку боярышника, не обращая никакого внимания на наши озабоченные физиономии.

— Если она родит,— продолжал Томми,— а молока не будет, придется вам вскармливать детеныша. Какой состав молока у тапиров?

— Понятия не имею,— ответил я.— Но можно посмотреть в книгах.

Мы отправились в мой кабинет, однако ни в одном справочнике не нашли сведений о составе молока тапиров.

— Что ж,— заключил Томми после того, как отложили в сторону сорок седьмую книгу,— придется рискнуть. Возьмем за образец кобылье молоко и составим похожую смесь. Думаю, сойдет.

Мы припасли и прокипятити бутылочки и соски, заготовили все нужное для смеси, похожей на кобылье молоко, настроились, ждем, а Клодетта и не думает рожать! Наконец в один прекрасный день, часов около трех (во время утренней уборки в половине одиннадцатого еще ничего не было), присматривавший за ней Джеф примчался к нашему дому.

— Родила! Родила!— кричал он, розовый от возбуждения.

Мы с Джереми в эту минуту стояли возле дома, обсуждая какую-то серьезную проблему, но тут бросили все и ринулись к загону Клодетты. Она спокойно уписывала морковь и фрукты из мисочки и даже головы не повернула. Мы осторожно заглянули в будку — там на соломе лежал самый очаровательный детеныш, какого я когда-либо видел. С небольшую собачонку, полосатый, как и положено детенышам тапира; ярко-белые продольные полосы на шоколадном фоне делали его похожим на ожившую конфету, вроде «раковой шейки». Я недоумевал, как мы могли не прошупать такой крупный плод в чреве Клодетты, не обнаружить никакого шевеления. Видно, малыш только что появился на свет, потому что там, где мамаша его вылизывала, шерстка еще не просохла.

Мы бережно поставили детеныша на ноги, чтобы определить его пол, он сделал несколько неуверенных шажков и снова лег. Белые полосы делали его очень заметным на соломе, но представьте себе густой лес и пробивающиеся сверху солнечные лучи — там лучшего камуфляжа не придумаешь.

Чтобы не прерывалась римская линия, мы окрестили детеныша Цезарем, затем решили проверить, как у Клодетты с молоком. Этот вопрос нас особенно заботил, потому что вскармливать детенышей — отнюдь не простое дело. Представьте себе наше удивление, когда мы обнаружили, что между десятью утра и тремя пополудни соски у роженицы набухли. Молока предостаточно — гора с плеч! Клодетта проявила себя образцовой мамашей, и вскоре Цезарь уже трусил

за ней по пятам в загоне. Мы обратили внимание на то, что она кормит лежа, причем малыш тоже ложился рядом и жадно припадал к соскам.

Хотя тапиров давно разводят в зоопарках, ни в одной из книг моей библиотеки не были упомянуты три факта, которые мы установили эмпирическим путем. Первое: определить срок беременности почти невозможно — не прощупывается шевеление плода. Второе: соски наполняются молоком только после родов. И третье: мамаша кормит детеныша лежа. Кстати, добродушный нрав Клодетты позволил нам без труда взять образцы молока и отправить на анализ. Если в будущем у какой-нибудь самки тапира в нашем зоопарке почему-то не окажется молока, мы будем точно знать, какую смесь составить. Все данные были занесены в карточки и опубликованы в нашем ежегодном отчете.

Примерно в то же время произошло еще одно интересное событие: родила гелада.

Взрослая гелада очень красива: у нее пышное манто шоколадного цвета, а на груди удивительное пятно сердечком — ярко-красная кожа обнажена, словно кто-то нарочно выщипал шерсть.

Наш самец, по имени Элджи, был, что называется, незаурядной личностью. Из-за кривых и коротковатых ног у него была своеобразная вихляющая походка. Любого, кто его проведает, Элджи непременно приветствует: подойдет вперевадку к проволочной сетке, поднимет верхнюю губу, так что обнажаются десны и мощные зубы, и принимается радостно ухать, прислушиваясь к своему голосу. Первое время он жил в одной клетке с самкой южноафриканского бабуина, но затем мы раздобыли для Элджи супругу, которую назвали Эмбе. Еда и особы противоположного пола составляли смысл жизни Элджи, и мы ничуть не удивились, обнаружив, что Эмбе вскоре забеременела.

Среди диких животных у бабуинов одна из самых интересных социальных организаций, поэтому мы не стали отделять гостью из Южной Африки от наших двух гелад, решили посмотреть, что будет, когда появится на свет детеныш, Элджи, игравший в клетке доминирующую роль, благосклонно относился к своей супруге и южноафриканской гостье, хотя она и представляла совсем другой вид. Чужеземка занимала в иерархии второе место, а замыкала цепочку (до рождения малыша) Эмбе. Мы не отделили южноафриканку прежде всего потому, что не хотели нарушать субординацию: останься Элджи и Эмбе вдвоем, тотчас начались бы типичные для всех приматов ссоры и раздоры. А так Элджи шпынял южноафриканку, которая в свою очередь шпыняла Эмбе, но гораздо мягче, чем это делал бы Элджи. Правда, чужеземка, доминируя над Эмбе, могла повредить детеныша, когда он родится, даже съесть его... Ладно, рискуем!

Чрезвычайно сложная социальная организация, присущая большинству бабуинов, лишь недавно стала предметом основательного исследования. В частности, было установлено: когда в стае появляется новорожденный, все самки приходят в сильное возбуждение, особенно самки постарше, которые уже не могут рожать. Они собираются

вокруг роженицы и внимательно рассматривают малыша, однако касаться его им не позволено. Но затем мать мало-помалу ослабляет охрану, и старшие самки соревнуются за право подержать детеныша, приласкать его, поносить на руках. Если бы наша троица представляла один вид, мы могли рассчитывать на такое же поведение. Но у нас старшее поколение представляла южноафриканская самка, и мы не были уверены, как она отнесется к детенышу гелады.

Настал долгожданный день. В восемь утра служители обнаружили в спальной бабуинов родившегося ночью малыша. Он был чистый и сухой, никаких следов плаценты и пуповины. Детеныш крепко цеплялся за мать. Как только их выпустили в наружное помещение, стало очевидно, что южноафриканка взволнована и, можно сказать, обрадована ничуть не меньше молодой мамы. Она старалась сесть поближе к Эмбе, лицом к ней, и время от времени обнимала ее так, что льнувший к матери малыш оказывался зажатым между ними. Элджи, привыкший чувствовать себя в клетке властелином, тоже заинтересовался наследником, но стоило ему приблизиться, как Эмбе поворачивалась к нему, поднимала верхнюю губу, щелкала зубами и издавала резкий протяжный звук, какого мы до сих пор еще не слышали. Элджи сразу отступал метра на два и начинал кружить около самок и младенца, пытаясь хоть что-то рассмотреть.

Так продолжалось около суток, наконец отцу разрешили подойти поближе, и он мог расчесывать шерсть супруге и южноафриканке. На шестой день прежний порядок почти восстановился. Гостя продолжала оказывать покровительство матери и младенцу, но теперь Элджи было дозволено обнимать и ласкать Эмбе. Правда, к наследнику его, насколько мы могли установить, все еще не подпускали.

Малыш был на редкость крепкий и здоровый; от большинства детенышей других бабуинов его отличало малое количество морщин на лице. Уже через сутки он хорошо видел и следил глазами за движениями наблюдателя в полутора-двух метрах. На пятый день мать разрешила ему спуститься на пол и немного походить подле нее. Однако через неделю идиллия кончилась. Южноафриканка, которой теперь позволили держать малыша на руках, оказалась настолько ревливой, что не выпускала его даже тогда, когда он рвался к матери, чтобы поесть. Пришлось ради блага детеныша отделить чужеземку и Элджи.

Близилась первая годовщина треста, и мы задумали как-то отметить эту дату, попросту говоря, устроить небольшой кутеж. Закроем зоопарк для посетителей, пригласим на завтрак членов правления треста и кое-каких местных деятелей; хорошо бы позвать губернатора и бейлифа. Вечером — обед и сбор средств; мы рассчитывали на то, что приглашенные выступят с речами и поддержат нас.

Подготовка потребовала немалых усилий. Надо было забронировать номера в отелях, составить меню, продумать, как рассадить гостей (от одной этой проблемы можно было с ума сойти), и так далее и тому подобное. К тому же в это время года на Джерси часты туманы, а когда к острову приближается туман, он ни за что не обойдет своим вниманием аэропорт. Значит, необходимо переправить на Джерси знатных гостей по меньшей мере за день до юбилейной

даты, иначе нам некого будет принимать. Львиная доля хлопот легла на плечи Кэт, и она блестяще со всем справилась, но я сказал себе, что впредь одним Советом не обойдешься, для подобных затей следует учреждать несколько подкомитетов...

И уже теперь нам нужен был комитет для сбора средств. Я усиленно думал об этом, даже когда отправился на аэродром встречать Джеки и в зале для прибывающих пассажиров вдруг увидел перед собой прелестнейшее создание. Черные волосы, большие глаза цвета лесных орешков, на лице сердечное расположение и нежность — жаль только, что чувства эти адресованы не мне... А впрочем... Девушка остановилась передо мной, и я воспрянул духом. Быть может, мое брюшко и мешки под глазами не так уж и заметны? Или есть девушки, которым они даже нравятся? Иллюзия длилась недолго: я увидел в руках девушки кружку для пожертвований.

— Вы не желаете сделать взнос?— услышал я медовый голосок.

— Конечно, желаю,— ответил я.— Разве можно устоять перед такими глазами?

Я полез в карман и как-то непроизвольно вместо полукроны опустил в кружку десять шиллингов.

— Бьюсь об заклад, у такой очаровательной девушки сбор средств идет успешно,— сказал я.

Она мило улыбнулась.

— О, я не жалуюсь.

— Вот бы вы для нас взялись собирать!

— А вы попросите.

— И попрошу.

В эту минуту объявили посадку самолета Джеки, и я направился к входу. «А что в самом деле?»— подумал я, стоя у двери. Девушка сама предлагает свои услуги. И какая девушка: против ее глаз никто не устоит! Едва дождавшись Джеки, я схватил ее за руку и бесцеремонно потащил за собой.

— Живей, живей,— торопил я ее.— Я должен найти девушку.

— Мало тебе одной?— спросила Джеки.

— Да нет же, пойми, это особенная девушка, красавица. Она только что была тут, собирала деньги для кого-то.

— А тебе она зачем понадобилась?— подозрительно осведомилась Джеки.

— Понимаешь, это идеальный человек для комитета по сбору средств,— объяснил я.— Представь себе, она предложила свои услуги, а я, дурак, даже не узнал ее фамилии.

Я поспешно обвел взглядом зал. Никого, если не считать важных престарелых дам и отставных полковников.

— Черт возьми!— вырвалось у меня.— Надо же, такую возможность упустил!

— Но ведь можно выяснить, кто она?— сказала Джеки.— Наверно, это кто-нибудь из здешних.

— Не знаю... Впрочем, можно спросить Хоуп.

Как только мы добрались до дома, я схватил телефонную трубку.

— Скажи, пожалуйста,— обратился я к Хоуп,— что за красавица

с глазами цвета лесных орешков и темными волосами собирала сегодня в аэропорту деньги на какие-то цели?

— Ну знаешь, Джерри!— воскликнула Хоуп.— Ты не мог спросить что-нибудь полегче? Откуда мне знать? И вообще зачем тебе это?

— Я хочу организовать комитет по сбору средств. И эта девушка показала мне идеальной кандидатурой.

Хоуп хмыкнула.

— Не знаю даже, кого тебе так сразу предложить,— сказала она.— Вот что, попробуй поговорить с леди Колторп. Говорят, у нее это очень хорошо получается.

Я подавил стон. Леди Колторп — представляю себе, что это такое. Длинные прокуренные зубы, ежик стального цвета, твидовый костюм, пахнущий спаниелем, и спаниели, пахнущие твидом...

— Ладно, подумаю,— ответил я.

И вот наступил знаменательный день. Надо ли говорить, что аэропорт был окутан туманом. Понадобились титанические усилия, чтобы доставить на остров Питера Скотта с супругой, мы едва уложились в срок, да и то с помощью чьего-то личного самолета. В конечном счете все образовалось. Я показал Питеру и его жене зоопарк, познакомил их с сотрудниками, рассказал о наших задачах. И с удовольствием отметил, что экскурсия явно произвела сильное впечатление на Питера.

Завтрак удался на славу — потому, верно, что обошлось без спичей. Во второй половине дня — снова экскурсия по зоопарку. После этого осталось время только принять ванную и переодеться перед главным событием дня — обедом, с последующим сбором средств. На обед были приглашены избранные, на чью помощь мы рассчитывали. Открыл торжество лорд Джерси, он предоставил слово Питеру Скотту, и тот произнес превосходную речь о различных аспектах охраны природы и значении нашего начинания. За ним была моя очередь выступать, и я уже перебирал листки с записями, как вдруг мой взгляд остановился на девушке, сидевшей на другом конце стола. Она — та самая, которую я видел в аэропорту! Что за черт, как она здесь очутилась? От удивления у меня вылетело из головы все, что я собирался сказать. Все же я кое-как промямлил свою речь и сел, думая только о том, чтобы не упустить момент и перехватить девушку, прежде чем она скроется во второй раз.

Наконец загремели стулья, гости начали подниматься из-за стола. Со всей скоростью, какую допускали приличия, я протиснулся сквозь толпу именитых друзей, догнал девушку уже на самом пороге и положил ей руку на плечо, словно детектив, поймавший воришку в магазине. Она повернулась и надменно вскинула брови.

— Это вас я видел в аэропорту?— спросил я.

— Верно,— подтвердила она.— Я потому и пришла.

— Так вот,— продолжал я,— помнится, вы сказали, что со-

гласны помочь мне со сбором средств. Это было сказано в шутку или всерьез?

— Конечно, всерьез.

Каким-то чудом у меня в кармане оказались листок бумаги и ручка.

— Вы можете сказать мне, как вас зовут, и ваш номер телефона, и когда позвонить вам, чтобы договориться?

— Пожалуйста, звоните в любое время.

— Итак... вас зовут?

— Сэрэни Колторп.

Я воззрился на нее, не веря своим ушам.

— Как... вы... вы — леди Колторп? — не совсем учтиво выпалил я.

— Уже много лет.

— Но... как же?... А седой ежик... спаниели... лицо старой лошади?.. — в отчаянии вопрошал я.

— Разве я похожа на старую лошадь? — заинтересовалась она.

— Что вы! Я... я совсем не то хотел сказать. Понимаете, это я так представлял себе вас. Вы уверены, что на острове нет второй леди Колторп?

— Насколько мне известно, я — единственная, — с достоинством произнесла она. — Звоните в любое время.

Она сказала мне свой адрес и номер телефона.

Я вернулся к Джеки и сообщил, ликуя:

— Нашел девушку!

— Которую? — осведомилась Джеки.

— Ту самую, о которой говорил тебе, — нетерпеливо ответил я. — Девушку из аэропорта. Это леди Колторп.

— Постой, но ведь ты говорил, что леди Колторп — это сплошной твид и спаниели.

— Да нет, ничего подобного! Посмотри... видишь? Вон та обаятельная особа... в чем-то черном с белой отделкой — это она.

— Ах, эта... Что ж, пожалуй, ты прав, она справится со сбором средств!

— Я немедленно свяжусь с ней. Завтра утром. А теперь, бога ради, пошли домой. Чертовски хочется спать.

Сказано — сделано.

Подводя итог, должен сказать, что наше юбилейное мероприятие прошло чрезвычайно успешно. Мы смогли посоветоваться с такими людьми, как директор Антверпенского зоопарка Вальтер ван ден Берг, как Ричард Фиттер из Общества охраны фауны, и другими; они не только благожелательно отозвались о нашей работе, но и сделали конструктивные замечания. Более того, деньги, которые мы собрали, позволили нам наконец взяться за самое неотложное из всех наших дел — строительство новых, просторных клеток для человекообразных обезьян. Чертежи давно уже

пилились на столе, мы с Джереми только слюнки глотали, глядя на них. Тресту такое дело было не по карману, но после юбилейного обеда — как здорово все получилось! — можно было приступить к задуманному.

Я всегда говорил, что есть два создания, которым ни в коем случае нельзя давать волю в зоопарке: ветеринар и архитектор. Ветеринар тотчас примется лечить диких животных так же, как домашних. Конечно, динго или кустарниковая собака принадлежат к семейству собачьих, но это еще не значит, что к ним следует подходить с той же меркой, что и к болонке или спаниелю. Обычно ветеринар в отчаянии заключает: «На вашем месте я бы махнул рукой». Нам повезло, наши два ветеринара, Блэмшид и Бегг, придерживаются прямо противоположной точки зрения. Вот уж кто никогда не махнет рукой на животное!

У архитекторов свои заскоки. Стоит вам зазеваться, и они сконструируют клетку, которая будет архитектурной поэмой, но никуда не годится с точки зрения тех, кому ею пользоваться, а главное — тех, кому в ней жить. Вот почему, когда дело дошло до клеток для человекообразных, мы с Джереми тщательно изучили проект, стремясь не допустить промашек. Задача осложнялась тем, что клетки предстояло ставить на наклонном участке, прилегающем к южной стене Дома млекопитающих, причем откосов не один, а целых три, так что надо было сперва подготовить солидное бетонное основание.

Конечный вариант, предложенный нашим архитектором Биллом Девисом, мне очень понравился. Клетки были почти треугольные, так что обитатели каждой из них могли видеть, что происходит в двух других. Житье-бытье соседей занимает человекообразных обезьян ничуть не меньше, чем нас, людей, только мы подглядываем из-за штор, а они из-за решеток. Крышу впереди подняли чуть повыше, чтобы в клетки попадало возможно больше солнца.

Мы договорились со строительной фирмой, и началась подготовка участка. Старые клетки помещались внутри дома, но через окна обезьяны могли следить за ходом работ, и они охотно пользовались этой возможностью. Особенно интересовался техникой орангутан Оскар, он целыми днями сидел у окна и сосредоточенно наблюдал, как готовят и укладывают раствор. Однажды утром я пошел проверить, как подвигаются дела, и разговорился с одним из рабочих.

— Я вижу, Оскар следит, чтобы все делалось как положено, — заметил я, показывая на стекло, к которому прильнула обезьянья физиономия.

— Да уж! — воскликнул рабочий. — Целый день так и сидит, глаз не сводит! Хуже какого-нибудь десятника, черт бы его побрал!

Родовые муки львицы

Уважаемый мистер Даррелл!

Меня зовут Мириам. Пишу вам, чтобы получить совет по следующим вопросам:

- 1. Могу ли я каким-нибудь образом приобрести львенка?*
- 2. Если да, то где? И во сколько это примерно обойдется?*
- 3. В каком возрасте можно его приобрести (отнять от матери)?*
- 4. Где его лучше держать?*
- 5. До какого возраста смогу я его держать?*
- 6. Чем кормить совсем маленького львенка?*
- 7. Какого роста он будет?*

Что еще, по-вашему, мне нужно знать?

Заранее большое спасибо...

В любом крупном собрании диких животных не обойтись без болезней и несчастных случаев, нередко с роковым исходом, ведь животные — такие же смертные существа, как и мы с вами. И одна из причин несчастных случаев, как ни прискорбно об этом писать, поведение рядового посетителя. Нашим мартышкам давали бритвенные лезвия, человекообразным — горящие сигареты и трубки. Чтобы предотвратить такие поступки, нужен бдительный надзор.

Взять, к примеру, наших попугаев ара по кличке Капитан Коу и Маккой. Красивые добродушные птицы; в хорошую погоду мы извлекали их из клетки и сажали на гранитный барьер возле Дома млекопитающих. Там они сидели на солнышке, чистили клювом свои яркие перья и окликали прохожих хриплыми голосами.

И вот однажды некая весьма тучная особа, очевидно утомленная прогулкой по зверинцу, решила присесть на барьер и отдохнуть. Хотите верьте, хотите нет, она плюхнулась прямо на Капитана Коу. Сесть на такую большую и яркую птицу — правда, невероятно?! К сожалению, Капитан Коу не сумел постоять за себя, хотя из всех попугаев ара наделены чуть ли не самым мощным клювом и мишень была достаточно крупной. Что поделал, он был попросту расплюсчен.

Свидетелем оказался наш слесарь, случайно проходивший мимо. Сама виновница явно не понимала, что натворила. Слесарь тотчас отнес попугая в контору. В это самое время в зоопарке находился ветеринар Томми Бегг, который раз в неделю осматривает всех животных. Он немедленно занялся Капитаном Коу и аккуратно наложил шины на сломанные ноги. Но, кроме ног, у попугая были повреждены ребра и грудина, причем несколько ребер поранили легкое, и, как мы ни старались спасти Капитана Коу, он скончался.

Больше всего в этой истории меня удручало поведение женщины. Ну хорошо, допустим, она по близорукости не разглядела на барьере большую птицу с красно-синим оперением. Но, посидев на попугае, она все-таки должна была понять, что ему от этого не поздоровилось. Так нет же, эта женщина не только не пришла в контору, чтобы извиниться и узнать, что стало с попугаем, — она даже не потрудилась позвонить по телефону и справиться о его состоянии! Это лишь один

из примеров того, как ведут себя посетители. Я бы сказал, что у нас уходит в среднем до семидесяти процентов времени на то, чтобы охранять животных от публики, а не наоборот.

Как и во всяком серьезном зоопарке, посетителям у нас запрещено кормить животных. А то ведь сунут что-нибудь совсем неподходящее или перекармят каким-нибудь лакомством, после чего наш подопечный отвергает тщательно разработанную диету. Скажем, человекообразные обезьяны, совсем как дети, способны до тошноты объедаться шоколадом, и ужин, от которого было бы куда больше пользы, попросту им не лезет. К тому же неправильное питание чревато желудочно-кишечными болезнями — возись потом, пока не вылечишь.

Тем не менее иные посетители пренебрегают висящими повсюду призывами «Просьба животных не кормить» и знай себе бросают в клетки шоколад и другие сладости. Поверьте мне, в большом зоопарке ветеринару хватает работы и без тех экцессов, которые возникают по недомыслию, а то и по жестокости посетителей.

В одном конце нашего зоопарка есть озерцо, где мы держали смешанную коллекцию водоплавающих птиц, в том числе кое-какие редкие виды. Несколько лет птицы благополучно здравствовали и плодились. Но как-то выдалось очень жаркое лето. Ручей, питавший озерцо, почти пересох, водоем обмелел, и мы начали находить мертвых птиц, причем вскрытие не давало ответа на вопрос, что их погубило. Однажды умерли сразу шесть птиц, из них две редкие. Скорбная картина, которую Томми Бегг узрел в понедельник утром, явившись с очередным визитом, озадачила его.

— Что такое с этим озером? — сердито воскликнул он. — Воду мы проверяли, и птицы вроде бы ничем не болели.

Вдруг его осенило.

— Вот только на глисты я их не проверял. Может, глисты виноваты?

Томми взял ближайшую тушку — шпорцевого гуся — и осторожно вскрыл скальпелем желудок. Ничего. Тогда он разрезал зоб — и нашел ответ на загадку. В зобу лежала изрядная порция свинцовой дроби. Исследуя остальных погибших птиц, мы у каждой нашли дробь, а у одной — даже металлический колпачок от патрона двенадцатого калибра. Зоб, можно сказать, заменяет птице зубы: вы увидите в нем песок, даже мелкие камешки, помогающие измельчать пищу. По мере того как песок и камешки истираются, птица заглатывает новую порцию, обзаводясь новыми «зубами».

Наши птицы где-то обнаружили свинцовую дробь и заглотали ее, очевидно, приняв за безобидные камешки. Конечно, дробь исправно выполняла функцию зубов, но она же, стираясь, вызывала свинцовое отравление.

Сами понимаете, как только тайна была раскрыта, мы выловили всех уцелевших птиц и принялись исследовать берег в поисках источника дроби. Судя по тому, как много ее было в зобах отравленных птиц, они где-то напали по крайней мере на ящик патронов, но, сколько мы ни искали, нам не попадалось ничего похожего. А тут еще заболела одна из выловленных птиц. И вновь явные признаки

свинцового отравления... Мы попытались спасти ее внутривенным вливанием препарата кальция. Увы, противоядие не помогло.

Мы долго не могли понять, откуда в озере такая уйма дрови. Наконец выяснилось, что водоем появился тут лишь после войны. Была лощинка и ручеек, затем прежний владелец поместья, майор Фрззер, сделал запруду, и возникло озеро. Видимо, во время немецкой оккупации кто-то из жителей острова, боясь, что у него найдут боеприпасы, закопал их в этой самой лощине. Постепенно ил и вода разъели картонные гильзы, но дробь осталась. А необычная засуха, из-за которой озеро обмелело, позволила гусям и уткам ворошить клювами ил в таких местах, где они обычно не доставали дна.

Да и мало ли в зоопарках происходит вещей, от которых просто невозможно уберечься.

Так было и в тот раз, когда у наших африканских виверр появилось потомство. Событие незаурядное — не многим зоопаркам удавалось добиться приплода от виверр. Три дня роженица вела себя как образцовая мамаша, потом, неизвестно почему, набросилась на детенышей и сожрала их.

Или взять случай с сервалами. Эти стройные, длинноногие кошки с остроконечными ушами, коротким хвостом и оранжево-коричневой шкуркой в черную крапинку удивительно хороши собой, и мы чрезвычайно обрадовались, когда Тэмми окотилась. Она тоже проявила себя образцовой мамашей; с неделю малыши, что называется, жили припеваючи, хорошо сосали молоко, и Тэмми ходила с довольным видом. И вдруг, заглянув в ее клетку, мы увидели, что оба малыша мертвы. В чем дело?.. Кожа не повреждена, значит, она их не кусала. Вскрытие все объяснило: они погибли от удушья. Очевидно, Тэмми ночью, переворачиваясь с боку на бок, придавила малышей и незаметно для себя задушила их. Такое случается с первым пометом у домашних кошек, прежде чем они усвоят все тонкости материнства.

Но, пожалуй, самая сложная ветеринарная проблема у нас возникла, когда забеременела Шеба, наша львица. Все вроде бы шло хорошо, и оставалось ждать совсем немного, но именно в это время мне понадобилось съездить в город, повидать друзей. А чтобы меня можно было тотчас разыскать, если случится что-нибудь непредвиденное, я по обыкновению оставил адрес и телефон ресторана, где была назначена встреча. Только мы управились со вторым завтраком, как меня вызвали к телефону. Оказалось, что у Шебы начались роды, но плод застрял на полпути и не выходит, сколько она ни тужится. Судя по всему, детеныш мертв. Я поймал такси, домчался до зоопарка, и мы с Джереми обсудили положение. Схватки длятся уже около двух с половиной часов, голова львенка безвольно болтается, он явно мертв, но львица никак не может его вытолкнуть и сильно мучается...

— Прежде всего, — заключил Джереми, — надо перевести ее в клетку поменьше. Может быть, тогда удастся ей как-то помочь.

Но, чтобы перевести Шебу в клетку поменьше, надо было войти в

большую клетку и заставить львицу покинуть ее, а я не осмеливался на такой риск. И тут меня осенило. Я знал, что в Лондонском зоопарке есть специальный пистолет, который заряжается иглой, выполняющей роль шприца: попав, скажем, в лопатку зверя, она впрыскивает тот или иной препарат — наркотизатор, антибиотик и так далее. Что, если позвонить им и попросить, чтобы прислали самолетом чудо-пистолет? Попробуем усыпить Шебу.

Я поспешил к себе в кабинет и вызвал Лондонский зоопарк.

Надо ли говорить, что дело происходило в субботу; неприятности такого рода непременно случаются по субботам. Когда я наконец дозвонился до Лондонского зоопарка, мне подтвердили, что пистолет действительно есть, но пользоваться им разрешено только главному ветеринару зоопарка, доктору Оливеру Грэму Джонсу. Полиция строго следит за этим и не допустит исключений.

Я не один год знал Оливера Грэма Джонса и не сомневался, что он постарается что-нибудь придумать. «Можно мне поговорить с доктором?» — «Весьма сожалеем, но он дома, отдыхает». — «В таком случае нельзя ли получить его домашний номер?» — «Пожалуйста». Я записал номер, дозвонился до Оливера и объяснил ему ситуацию. Он всей душой посочувствовал мне.

— Но, понимаешь, дружище, — сказал он. — Во-первых, я не могу отправить тебе пистолет без разрешения полиции. А во-вторых, если ты незнаком с устройством, можешь бед натворить. Надо правильно рассчитывать заряд, не то игла из шприца превратится в пулю, и, вместо того чтобы вылечить животное, ты его, чего доброго, убьешь. Это очень коварная штука.

— Нельзя так нельзя, — ответил я. — Попробуем перегнать Шебу в клетку поменьше. Скажем, с помощью горящих факелов.

— Ради бога, только не это! — Мои слова явно потрясли Оливера. — Да она может всех вас убить, особенно в таком состоянии. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Ну, а что же нам тогда делать?

Оливер немного поразмыслил.

— Сколько времени мне понадобится, чтобы добраться до Джерси?

— Все зависит от расписания самолетов, — сказал я. — Наверно, около часа.

— Так вот, если ты берешься заказать билет, я поеду в зоопарк, заберу пистолет и прилечу к вам.

— Замечательно! — обрадовался я. — Сейчас же свяжусь с транспортным агентством, а потом позвоню тебе еще раз.

Дело осложнялось тем, что был разгар отпусков, новобрачные и отдыхающие забронировали чуть не все места в самолетах, вылетающих на Джерси. Я обратился в транспортное агентство — а надо сказать, там нас любили — и объяснил ситуацию. Нельзя ли достать один билет на ближайший самолет, вылетающий с Хитроу на Джерси? Мне обещали выяснить и позвонить. Полчаса я как заведенный мерил шагами кабинет; наконец — звонок. Из транспортного агентства сообщили: есть одно место, вылет с аэродрома Хитроу в семнадцать

тридцать. Я попросил забронировать это место для доктора Оливера Грэма Джонса, потом позвонил Оливеру

— Силы небесные,— воскликнул он, мне надо торопиться Ладно, постараюсь успеть.

— Я встречу тебя в аэропорту

— Превосходно. Теперь только бы не застрять где-нибудь с машиной по пути в Хитроу.

Я встретил Оливера на Джерсийском аэродроме и поспешно увлек его к машине. По пути в зоопарк я рассказал ему, как обстоят дела. Плод все еще не вышел, и Шеба по-прежнему мучается. Оба наши ветеринара на месте, необходимые инструменты приготовлены, поскольку Оливер предупредил меня по телефону, что, возможно, придется делать кесарево сечение, чтобы спасти львицу

Ветеринары нас ждали; рядом с львиной клеткой уже стоял стол, над ним укрепили светильники. Не очень-то роскошный операционный зал, но за такой короткий срок лучшего не оборудуешь. Оливер посмотрел сквозь решетку на пациентку. Истрадавшаяся львица лежала в углу и жалобно ворчала.

— Н-да,— заключил он,— тут каждая минута дорога. Счастье что я поспел на самолет

Он осторожно распаковал пистолет, зарядил иглу наркотизатором, тщательно прицелился и выстрелил. С глухим хлопком игла вонзилась в бок Шебы. Львица дернулась, мотнула головой — и только. Когда наркоз начал сказываться, она встала, пошатываясь, сделала несколько шагов и снова легла. Принесли длинную палку, легонько потрогали Шебу — никакой реакции. Значит, усыпили, можно вытаскивать львицу.

Зайдя с другой стороны, мы подняли дверцу клетки. Я хотел войти первым, чтобы связать Шебе ноги, но Оливер не пустил меня — усыпленное животное, объяснил он, может на несколько секунд очнуться, и этого достаточно, чтобы основательно помять человека. Оливер вошел в клетку первым, засунул в пасть львицы чурку и крепко связал ей морду. Такой способ позволял Шебе свободно дышать и одновременно страховал нас от неожиданностей, если пациентка вдруг очнется. Затем мы связали львице ноги и выволокли ее из клетки. Понадобились объединенные усилия шести человек, чтобы поднять на стол тяжеленного зверя. Оливер учтиво, как водится среди медиков, спросил Блэмпида и Бегга, не желают ли они произвести операцию. Оба не менее учтиво ответили, что эта честь принадлежит человеку, который любезно согласился проделать столь долгий путь.

Первым делом предстояло удалить плод. С этим мы справились без труда. Нашим глазам предстала странная картина — львенка как будто накачали воздухом из насоса. Кости — дряблые, мягкие морда искажена скопившимся под кожей газом

Далее предстояло осторожно выбрать участок живота Шебы, где намечалось сделать надрез. Мы использовали электрическую машинку, припасенную Блэмпидом. Оливер вымыл и продезинфицировал руки, можно оперировать. Поскольку начало темнеть, мы включили

светильники — и только тут обнаружили, что у клетки собрались все сотрудники зоопарка. Каждому хотелось проследить за ходом операции. Я спросил Оливера, не будет ли он возражать, если они войдут в клетку, чтобы лучше видеть, и он охотно согласился. Тогда они расположились полукругом около стола, и Оливер приступил к делу, комментируя вслух свои действия.

Он сделал продольный разрез, и, как только нож вскрыл брюшину, живот опал с шипящим звуком и распространился отвратительнейший запах. Пальцы Оливера двигались быстро и уверенно. Невзирая на зловоние, от которого кое-кто из зрителей слегка побледнел, он расширил разрез, осторожно проник руками в брюшную полость и одного за другим извлек еще двух львят. Они были такие же вздутые, как и первый. Мы поместили все три плода в ведро, с тем чтобы потом исследовать, что же все-таки произошло. Тем временем Оливер удалил плаценту, промыл полость и зашил брюшину и кожу. Наружный шов густо присыпали антибиотиком; кроме того, в профилактических целях Шебе сделали инъекции пенициллина и стрептомицина. Она дышала неглубоко, но ровно. Вся операция проводилась под наркозом, на морде львицы лежала маска, за которой следила миссис Блэмпид.

Затем Шебу осторожно перенесли на импровизированные носилки и поместили в специальную клетку, которая позволяла ей вставать на ноги, но ограничивала подвижность, чтобы от резкого поворота не разошлись швы. Во избежание пневмонии важно было держать львицу в тепле, поэтому мы накрыли ее одеялами и обложили грелками. Кроме того, от наркоза язык и пасть Шебы пересохли, их надо было увлажнять водой с глюкозой. И Джефу — он у нас надзирал за львами — пришлось дежурить всю ночь, менять грелки и смачивать Шебе пасть. Среди ночи ему вдруг показалось, что она зябнет, тогда он сходил за собственной периной и укрыл ее.

Утренний осмотр показал, что все идет нормально. Зрачки Шебы реагировали на свет, и сознание к ней возвратилось, хотя и не настолько, чтобы она могла броситься на нас.

Мазки из брюшной полости львицы были исследованы в университетской лаборатории, и специалисты обнаружили своеобразный газообразующий микроорганизм — *Clostridium sordellii*. Эта бактерия водится в почве, и ею нередко заражается скот, но у представителей семейства кошачьих ее до сих пор не находили.

После операции, прежде чем отвезти Оливера в гостиницу, я пригласил всех ветеринаров к себе на стаканчик виски.

— Скажи-ка,— обратился ко мне Оливер,— сколько сотрудников зоопарка присутствовали на операции?

— Все до одного,— ответил я.— Включая тех, у кого сегодня выходной.

— Силы небесные! Хотел бы я видеть такой энтузиазм у себя в Лондоне. Боюсь, там на операцию вообще никто не пришел бы. А ты всех ухитрился собрать.

— Я их не собирал, они сами пришли.

Чудеса, — сказал Оливер — Ты уж постарайся чтобы они всегда оставались такими

— Да уж постараюсь, — ответил я
Надеюсь, что мне это удалось.

Когда Шеба совсем оправилась, мы решили, что ей следует не меньше полугода пожить отдельно от Лео, нельзя, чтобы после такой серьезной операции она вскоре опять забеременела. Наконец разлука кончилась, состоялось радостное свидание, и вот уже Шеба снова понесла. Разумеется, мы очень волновались за нее, но к этому времени я выписал пистолет из Штатов — теперь, если что, не обязательно беспокоить Оливера, вызывать его из Лондона.

Шеба благополучно произвела на свет двух кругленьких здоровых львят, и мы облегченно вздохнули. Слава богу, пронесло! Однако ее драма на этом не кончилась.

Как только львята подросли и можно было отнимать их от матери Шеба вновь забеременела. После нормальных родов мы не сомневались, что и на сей раз все будет в порядке. Но в последний момент Шеба опять подцепила злополучных микробов, и пришлось нам повторить всю процедуру. Мы зарядили пистолет усыпили львицу Блэм пид и Томми Бегг сделали ей кесарево сечение и извлекли двух львят таких же вздутых, как и львята первого помета. Наложили швы, влили пенициллин и все такое прочее и поместили Шебу в хорошо знакомую ей специальную клетку. И все вроде бы шло благополучно вплоть до того дня, когда львица, к нашему ужасу сделала то, чего мы больше всего боялись. Как ни узка была клетка Шеба могла в ней встать и сделать шаг-другой. Но однажды ночью она, судя по всему, попробовала повернуться, в итоге швы разошлись.

Снова — наркоз снова швы. На этот раз задача осложнялась тем, что ткани вокруг раны были порваны, и, чтобы новые швы держали, пришлось делать их очень широкими, до десяти двенадцати сантиметров. После операции мы впрыснули Шебе положенную дозу антибиотиков и вернули ее в клетку. На другое утро она уже поднимала голову, выпила немного воды с глюкозой. Мы добавили пенициллина, установили капельницу. Однако среди дня Шеба стала задыхаться. Сердечное лекарство не помогло, и вскоре она умерла. Надо ли говорить, как мы горевали. Оставалось утешаться тем, что для ее спасения было сделано все — просто организм львицы не выдержал третьей операции.

Мистер и миссис Д

Уважаемый мистер Даррелл!

На днях ко мне в толл залетел дятел и принялся долбить клювом бедушкины часы. Можно ли этот случай считать необычным?

Кажется, что Эдгар Уоллес сказал: если у человека одно прозвище, значит, его еще чтят, но если прозвищ два или больше, значит, его не любят. Насколько мне известно, у нас с Джеки есть только одно прозвище, если это вообще можно назвать прозвищем: сотрудники зоопарка называют нас мистер и миссис Д. А придумал это, сдается мне, Шеп Мэлит.

Кудрявый, голубоглазый, с обворожительной улыбкой, Шеп, вне всякого сомнения, — самый красивый среди наших мужчин. На его совести столько разбитых сердец, что я потерял им счет. Ни одна из девушек, работавших в отделе птиц, не могла устоять против его чар. А одна влюбилась так сильно, что пришла к Джереми и заявила: ей невозможно работать в зоопарке, если Шеп не ответит на ее чувство. И так как на это рассчитывать не приходится, она вынуждена уйти. В разгар беседы с Джереми она вдруг простонала: «О, мистер Молинсон, я так его люблю, что мне сейчас будет дурно!» С этими словами она выскочила из кабинета, и в коридоре ей впрямь стало дурно. При крещении Джон Мэлит получил второе имя — Жуан, и я часто спрашивал себя, почему мы не прозвали его «Дон Жуан». Но он был и остается Шепом, и на его попечении находятся все наши птицы, а их у нас немало.

Вообще-то птицы вроде бы не отличаются таким сильным характером, как звери, однако у нас побывало немало птиц, наделенных яркой индивидуальностью. Пожалуй, лучшим примером мог бы служить Трампи, серокрылый трубач из Южной Америки. Серокрылые трубачи — крупные птицы, с курицу величиной, у них высокий выпуклый лоб, что считается признаком ума, и большие чистые глаза. Трампи был совсем ручной, и ему разрешалось вольно ходить по зоопарку. Свою свободу он использовал, в частности, для того, чтобы помогать обжиться новичкам. Это выражалось в том, что Трампи целые сутки простаивал около клетки новичка, а то и в самой клетке. И уходил только после того, как убеждался, что новый жилец перестал нервничать.

В то время у нас жили два пингвина. И вот он затеял перелетать через загородку и изводить их. Долго пингины терпели его выходки, наконец в один прекрасный день перешли в наступление, и удачный удар поверг Трампи в пруд. Непривычный к воде, он оказался в их власти. Когда мы выловили его, он был весь в крови. Мы решили, что нашему Трампи пришел конец, и зоопарк погрузился в траур. Однако нам удалось залечить его раны; уже на следующий день Трампи, потеряв несколько перьев и приобретя несколько шрамов, важно расхаживал по территории и всех приветствовал.

Тот же Трампи всегда провожал последних посетителей. Один

раз он даже сел с ними в автобус, чтобы удостовериться, что они не собьются с пути. Кончина Трампи была внезапной и глубоко потрясла Шепу, потому что именно Шеп был в ней повинен. Как-то взвалив на спину большой и тяжелый мешок с опилками, он направился в Дом млекопитающих; Трампи по привычке семенил за ним. Шеп подошел к нужной клетке и, ничего не подозревая, сбросил мешок прямо на трубача. Трампи был убит наповал. Все мы сильно расстроились, но позднее нам удалось приобрести еще двух трубачей, которым тоже позволено свободно расхаживать по территории зоопарка. Правда, им пока далеко до Трампи, но мы не теряем надежды.

Еще один пример яркой индивидуальности — наша корнуоллская клушица Дингл. Черное оперение этого своеобразного представителя вороновых сочетается с красными ногами и длинным, немного изогнутым ярко-красным клювом. Выкормленный людьми, Дингл был совсем ручной, и первые дни мы держали его у себя в квартире. Но после того как он разбил восьмой стакан, я решил, что лучше выдворить его в открытый вольер.

Милейшее существо на свете, Дингл больше всего любил, когда ему чесали голову. Припадет к земле или к вашим коленям, зажмурится, крылья дрожат от наслаждения...

Ему нравилось также сидеть на плече Джеки и тихонько перебирать клювом ее волосы, как бы отыскивая букашек. А однажды, сидя на моем плече, он уллучил минуту, когда я отвлекся, и засунул мне в ухо клочок бумаги, да так глубоко, что его пришлось извлекать пинцетом. Не иначе, вообразил, будто мастерит гнездо.

Переселение в вольер несколько не ожесточило Дингла, он охотно спускается поговорить с вами и подставляет голову, чтобы вы могли ее почесать.

Вообще пернатых любителей поговорить у нас хватает. Когда гасят свет на ночь, попугай Суку говорит сам себе: «Спокойной ночи, Суку». А горная майна Али явственно произносит: «Где Триггер?» и «О-о-о, какой славный мальчуган!» Но, пожалуй, самый лучший оратор — майна более мелкого вида, по имени Тапенс. Подойдите к клетке Тапенса и попробуйте с ним заговорить. Он сразу рассмеется, а если вы просунете внутрь палец и погладите ему животик, зажмурит глаза и примется бормотать: «Ой, как здорово! Ой, как здорово!»

Множество людей спрашивают меня, понимают ли говорящие птицы слова, которые произносят. Не берусь дать определенный ответ. Возьмите того же Тапенса. Вероятно, прежние владельцы, когда почесывали его, приговаривали: «Ой, как здорово!» — и он воспроизводит эти звуки, потому что они для него связаны с приятной процедурой. Впрочем, однажды Тапенс почти убедил меня в том, что говорит осмысленно.

Подстригая кусты рядом с клеткой майны, наш престарелый и весьма уважаемый садовник мистер Холли вдруг прокашлялся и сплунул на землю. Тотчас раздался отчетливый, звонкий голос Тапенса:

— Старый неряха!

Мистер Холли был срашно доволен и весь день посмеивался про себя.

Про попугаев рассказывают много историй, и большинство из них отнюдь не вызывает доверия. Но мне известны два случая, когда попугаи явно не ограничивались воспроизведением заученных звуков.

У моих друзей, живших в Греции, был попугай; каждый день они выносили его клетку на воздух и ставили в тени под деревьями. Однажды местный крестьянин привязал за оградой своего осла, а тот, как это заведено у ослов, неожиданно вскинул голову и исполнил скорбное соло, завершив его обычным протяжным храпом. Попугай внимательно слушал, наклонив голову набок, и, когда осел кончил реветь, отчетливо произнес вопросительным тоном:

— В чем дело, милый?

Второй случай. Мои афинские друзья держали африканского серого попугая. Он знал довольно много слов — греческих, естественно, — и хозяева очень им гордились. У них было заведено раз в неделю устраивать «день открытых дверей», когда все их друзья могли зайти на чашку чая. В один из таких дней главной темой беседы был попугай и его лексика. Кто-то из гостей утверждал, что попугаи вообще не могут говорить, они лишь издают нечленораздельные звуки. Гордый владелец серого африканца тотчас возразил — дескать, послушайте моего попугая, он знает такие-то и такие-то слова. Тогда гость, держа чашку с чаем в одной руке и кусок торта в другой, подошел к попугаю, уставился на него и сказал: «Попочка, ведь ты не умеешь говорить, правда?» Попугай несколько секунд глядел на гостя, затем перебирая лапками по жердочке, подошел к нему поближе, наклонил голову набок и внятно молвил: «Поцелуй меня в зад». Гости оцепенели. Прежде попугай не произносил этих слов и потом никогда их не повторял. Однако факт остается фактом, все отчетливо слышали его реплику. Забавно реагировал пострадавший: он поставил чашку, положил торт, взял свою шляпу и трость и, бледный от гнева, удалился, заявив, что и не подумает оставаться в доме, где оскорбляют гостей.

Так повелось, что зимой птицы доставляют нам больше хлопот, чем все остальные обитатели зоопарка, вместе взятые. Особенно это касается тех птиц, которых содержат на открытом воздухе: надо внимательно следить, чтобы они не простудились и не обморозились. Ведь если фламинго или другая нежная птица сильно обморозится, дело доходит до ампутации пальцев.

Всего тяжелее была для нас зима 1962/63 года, невиданная в истории Джерси. Снежный покров достигал полуметра, и почва промерзла примерно на столько же. Мало того, что мы дрожали за собственных питомцев, нам еще без конца несли истощенных диких птиц. Скворцы, малиновки, дрозды... Оставалось только одно: закрыть для посетителей Дом пернатых (в такую погоду их почти что и не было) и размещать в нем приносимых птиц. Там хоть было тепло, и мы не скупилась на корм. Помню случай, когда у нас одновременно собралось сорок лысух, двадцать пять куропаток, два лебедя и одна выпь не считая всякой мелюзги. И все это в одном птичнике.

Как раз в ту лютую зиму в мой дом однажды постучались. Открыв наружную дверь, я увидел типичного хиппи. Давно не бритый с длинейшими баками, волосы грязные, нечесанные, одет в заносенное тряпье и, похоже, за все свои девятнадцать лет ни разу не умывался. Он держал под мышками двух лысх.

— Слышь, приятель,— обратился он ко мне.— Помог бы ты этим беднягам, видишь, кровью истекают!

Крайне удивленный, я взял птиц, осмотрел их и убедился, что они подранены из ружья, правда, раны не опасные, быстро заживут, но птицы совсем тощие и слабые. Я укоризненно посмотрел на хиппи.

— Что, поохотился?

— Да нет,— ответил он,— это не я, какой-то французик. Он при мне подстрелил этих бедняг, да не насмерть, ну, я и подобрал их. Потом отнял ружье и хорошенько его взгрел. Не скоро его опять на охоту потянет...

— Ладно, не беспокойся,— сказал я,— постараемся что-нибудь сделать. Ты молодец, что принес их. У нас уже сорок штук есть.

— Это уж твоя забота, приятель,— весело произнес он. Большое спасибо, бывай!

И он побрел прочь по глубокому снегу. Провожая его взглядом, я думал о том, как неверно судить о людях по внешности. Ну кто бы подумал, что под столь неопрятной оболочкой бьется золотое сердце!

А какая угроза нависла над нами, когда затонул танкер «Торри Кэньон» и газеты забили тревогу, обращая внимание публики на опасности, которыми чревато загрязнение моря, в частности для морских птиц! Мы с волнением ловили все новости о перемещении разлившейся нефти. И вот, к нашему ужасу, ветер и течение погнали ее на Нормандские острова. Я отлично понимал, что нефть способна погубить все колонии бакланов и тупиков на островах, а также что нам, чего доброго, придется оказывать помощь сотням, если не тысячам морских птиц, освобождая их от нефтяного плена. Между тем в зоопарке при всем желании можно было разместить от силы сорок пятьдесят птиц. Надо было что-то предпринимать, притом срочно. Я позвонил в местную организацию, которая выступает против жестокого обращения с животными, и поделился своими опасениями. Выяснилось, что эта организация тоже может взять на себя не больше сорока-пятидесяти птиц. Да, такими силами не справишься с надвигающейся катастрофой... Тогда я позвонил Сэрэнн Колторп и попросил ее приехать ко мне — попробуем вместе разработать какой-нибудь план. Она приехала и что твой генерал! в два счета мобилизовала всех обитателей острова.

Мы повесили в конторе большую карту острова Джерси. Разноцветные булавки обозначали пляжи и бухты, которые предстоит регулярно обследовать поисковым отрядам, а также пункты сбора птиц и места, где мы сможем их содержать. Царило всеобщее воодушевление. Обязанности патрулей выполняли скауты и взрослые, располагавшие свободным временем. Несколько владельцев грузовых и легковых

машин составили транспортную бригаду; для размещения птиц мы взяли на заметку множество сараев и амбаров. Директор одного отеля любезно разрешил нам занять плавательный бассейн — обнеси его сеткой, и будет пруд для сотни-другой птиц.

Исполненные решимости, мы принялись ждать, когда разлившаяся нефть дойдет до острова. Однако судьба распорядилась иначе. Ветер и течение переменялись, и, хотя нефть краешком задела кое-какие из Нормандских островов, нанеся известный ущерб, основная масса ее проплыла мимо нас к берегам Франции. Через наши руки прошло всего пять-шесть птиц, так что все хлопоты оказались напрасными, но мы хоть были готовы отразить беду. А французов нефть явно застигла врасплох, и там погибли тысячи морских птиц.

В один чудесный весенний день, когда у меня было особенно благодушное настроение, я решил разыскать Шеп. Если Шеп не отзывался по внутреннему телефону, которым оснащен наш зоопарк, всякий знал, что искать его надо у лебяжьего садка на заливном лугу, который мы так и называли: «Поле, Шеп». Представьте себе участок земли, отлого понижающийся к югу и похожий очертаниями на серп с протекающим вдоль лезвия ручьем. Шеп перегородил этот ручей, так что получилось несколько маленьких прудиков. Здесь он разводил своих птиц: на прудах — гусей и уток, на берегу — фазанов. Фазаны — главная страсть Шеп, и в том году он особенно преуспел в их разведении.

Наслаждаясь лучами весеннего солнца, я спустился на луг. Меня встретила обычная какофония: гушиное «га-га-га», утиное «кря-кря-кря», нежный писк фазанят в загонках, сопровождаемый гордым кудахтаньем их приемных матерей — кур разных пород. А вот и Шеп со своими неразлучными друзьями — овчаркой и крохотным шнауцером. Весело насвистывая, он нагнулся над клеткой, в которой маленькие пушистые комочки суеились у ног квохчущей бантамки.

— Доброе утро! — крикнул я, подойдя поближе.

Шеп оглянулся.

— Доброе утро, мистер Д. Идите-ка сюда, поглядите.

Я подошел и уставился на ожившие пуховки, спующие вокруг приемной мамы.

— Это какие же? — спросил я.

Большинство фазанят на первый взгляд кажутся совсем одинаковыми, и я еще не научился различать виды.

— Эллиотовы, — гордо сообщил Шеп. — Ночью вылупились. Я хотел подождать, когда они обсохнут, потом прийти и сказать вам.

— Здорово! — Я искренне обрадовался, ведь фазаны Эллиота занесены в список угрожаемых видов и, возможно, в диком состоянии уже не водятся.

— Восемь яиц — восемь фазанят, — сказал Шеп. — Сам не ожидал, что так получится.

— И, по-моему, все здоровы.

— Вообще-то один кажется несколько хилым, но я думаю, все будет в порядке.

— А я к тебе с новостью. Ты очень хорошо поработал в этом году, и вот я решил, что куплю любую пару фазанов по твоему вкусу, какая только появится в продаже. Понял? Не зоопарк купит, и не трест, а лично я, чтобы отметить твои достижения.

— Нет, правда?— воскликнул Шеп. Огромное спасибо, мистер Д!

Кто мог знать, к чему приведет мое опрометчивое обещание

По утрам, разбирая почту, мы неизменно находим списки предлагаемых к продаже животных, рассылаемые торговцами в разных концах света. Списки кладут мне на стол, и я просматриваю их — вдруг появится что-нибудь особенно редкостное и интересное для треста. В тот день, о котором пойдет речь я как обычно ознакомился со списками и, не заметив ничего примечательного, вернул их в канцелярию, чтобы все сотрудники могли с ними ознакомиться. Неожиданно раздался стук в дверь, я крикнул «Войдите!» и увидел лицо Шена.

— Можно к вам на минутку, мистер Д?

Бледный, взволнованный, совсем на себя не похож.

— Входи,— ответил я.— Что там случилось?

Шеп вошел и затворил дверь, в руке у него был список.

— Вы видели этот каталог?— глухо спросил он.

— Название?

— «Ябира»

— Видел, а что? Что в нем такого?

— Вы не заметили? Белые ушастые фазаны

— Ты уверен?

— Конечно, уверен. Посмотрите... вот

Он положил каталог на стол. В самом деле «Ожидаются вскоре — белые ушастые фазаны» Но цена не указана. Нехороший признак: обычно цену не пишут, когда речь идет об очень дорогих экземплярах. А в данном случае можно было и не сомневаться. Во-первых, белый — один из самых крупных и красивых ушастых фазанов. Во-вторых, в диком состоянии их практически не осталось. А в неволе, насколько известно, во всем мире содержится лишь семь этих птиц, причем большинство — в Америке. Я вздохнул. Мне было очевидно, что трест обязан приобрести белых фазанов. И я помнил свое вчерашнее обещание Шепу.

— Что ж,— покорно произнес я,— звони им скорей, ведь другие зоопарки набросятся на них, как коршуны. Только учти, Шеп, что цена должна быть приемлемая, мои ресурсы ограничены

— Конечно, конечно, ответил он. Я понимаю

Шеп подошел к телефону; вскоре его соединили с Голландией

— Мистер ван ден Бринк? спросил он срывающимся голосом
Я звоню по поводу белых ушастых фазанов из вашего каталога.
Последовала долгая пауза, Шеп слушал объяснение ван ден Бринка.

— Понятно,— сказал он наконец,— понятно.

Прикрыв ладонью трубку, он обратил на меня умоляющий взгляд.

— Он еще не получил их, но они уже в пути. И он просит по двести пятьдесят фунтов за птицу.

Мне стало нехорошо, но слово есть слово.

— Ладно, скажи ему, что мы берем одну пару.

— Мистер ван ден Бринк, — молвил Шеп дрожащим голосом, — мы берем одну пару. Пожалуйста, запишите ее за нами. Да-да, Джерсийский зоопарк... Вы нас известите? Предупредите, когда будете отправлять?.. Ясно, они прибудут через Париж... Это нас вполне устраивает Огромное спасибо. Всего доброго.

Он положил трубку на аппарат и взволнованно заходил по кабинету.

— Ну, что еще? — спросил я. — Я же сказал, берем пару. Почему такое мрачное лицо?

— Понимаете... В общем, мне кажется, одной пары мало, — выпалил Шеп.

— Ну, знаешь, дружище. Как-никак я выложил на твоих фазанов пятьсот фунтов! Еще одна пара мне просто не по карману.

— Да нет же! — воскликнул Шеп. — Я вовсе не про вас говорю, я про себя. Вы разрешите мне купить вторую пару? Куда вернее, если у нас будут два петуха и две курочки.

— Но, Шеп, — возразил я, — это же пятьсот фунтов стерлингов! У тебя наберется столько денег?

— Да, да, — нетерпеливо ответил он. — У меня... у меня есть деньги. Только... только вы разрешите их купить?

— Ну, конечно, покупай, если тебе не жалко своих денег. Ведь это изрядная сумма.

— Слишком рискованно держать одну пару, — сказал Шеп. — Вдруг петух погибнет или курочка? Значит, можно?

— Можно, можно. Только звони сразу.

И вот уже снова на проводе Голландия.

— Мистер ван ден Бринк? Я насчет ваших белых фазанов... Мы решились взять две пары вместо одной... Да, две пары... Большое спасибо Всего доброго.

Шеп положил трубку и обратил ко мне ликующее лицо.

— Ну, с двумя-то парами что-нибудь да выйдет, — сказал он

Но покупка птиц была только началом. Требовалось еще оборудовать для них два птичника на чистом грунте, то есть на участке, где раньше птиц не держали и можно было не опасаться, что почва чем-нибудь заражена. Выполнив эту задачу, мы принялись нетерпеливо ждать фазанов. Неделя проходила за неделей, мы регулярно звонили мистеру ван ден Бринку, а он всячески извинялся и объяснял, что птицы следуют в Париж из Пекина через Москву и ГДР. Путешествие непростое, но он постарается, чтобы нигде не было задержек.

Наконец ван ден Бринк позвонил нам и сообщил, что птицы уже в Берлине, завтра прибудут. Когда наступил долгожданный день, Шеп так волновался, что от него нельзя было добиться толкового ответа ни на один вопрос. Его страшно тревожило состояние фазанов. И вот посылка наконец доставлена из аэропорта в зоопарк. Мы сорвали с клетки мешковину и увидели великолепных больших белых птиц.

хвост — каскад из белых перьев, ярко-красные щеки, черные хохолки. Удивительно хороши! Мы долго не могли на них налюбоваться. Наконец отнесли клетку на подготовленный участок и пустили по паре в каждый птичник.

Три фазана явно дичились людей, Шепу даже показалось, что они похожи скорее на недавно пойманных, чем на выращенных в неволе. Зато четвертая птица (это был один из двух петухов) вела себя очень смирно. Настолько смирно, что мы слегка насторожились. Так или иначе, Шеп насыпал им корму и налил воды. А чтобы они не пугались посетителей, мы завесили сетки мешковиной.

Наутро мы с Шепом пошли взглянуть на наших фазанов. Смирный петух еще больше присмирел, и мы заподозрили неладное. Решили созвониться с Томми Беггом, посоветоваться с ним, и в это время петух умер. Томми ничего не оставалось, как исследовать его. Вскрытие выявило причину смерти: легкие птицы были источены аспигилезом. Аспигилез — крайне вирулентная форма грибкового заболевания. Поразив легкие, он развивается с ужасающей быстротой, и против него нет никаких средств. Ушастый фазан мог бы прожить с этим грибом несколько лет, но долгое и утомительное путешествие сыграло свою роль. Болезнь обострилась, и птица погибла.

— Да, не зря ты купил вторую пару,— уныло сказал я Шепу.

— Не зря,— согласился он.— Понимаете, я предчувствовал что-то в этом роде. А как было бы ужасно, окажись этот петух единственным!

Я был совершенно согласен с Шепом.

Итак, у нас остались две курочки и один петух, насколько мы могли судить, все в прекрасном состоянии, можно рассчитывать на потомство. Целое лето и зиму они осваивались на новом месте и к весне стали вполне ручными. Петух явно отдавал предпочтение одной из курочек, и мы отделили их; вторая курочка осталась в одиночестве. И вот однажды утром Шеп ворвался ко мне в кабинет, держа курочку на руках.

— Господи, что случилось?— воскликнул я.— Надеюсь, она не разбила себе голову?

Бывает, что фазаны с испугу стремительно взлетают и ударяются о сетку головой, обдирая ее до крови.

— Нет, хуже,— ответил Шеп.— Она не может снести.

Судя по всему, курочка мучилась не один час и совсем выбилась из сил. Мы дали ей воды с глюкозой, и я позвонил Томми Беггу. Он посоветовал мне впрыснуть пенициллин и затем испробовать все известные способы, чтобы извлечь яйцо в сохранности. Мы сделали курочке укол и принялись за дело, используя пар, растительное масло и все, чем пользуются в подобных случаях. Тщетно. У нас ничего не получалось, а птица слишком устала, чтобы помочь нам. Оставалось только разбить скорлупу и извлечь яйцо по частям. Процедура весьма опасная, чреватая перитонитом. Нам удалось извлечь яйцо, после чего мы сделали птице промывание теплой водой, чтобы не оставалось никаких осколков. Обессиленную курочку поместили в затемненный и утепленный ящик: пусть приходит в себя.

Однако часа через два обнаружилось, что она мертва. Мы с Шепом уныло глядели на погибшую курочку...

— Что ж,— произнес я нарочито бодрым голосом,— у нас есть еще одна пара.

— Да,— согласился Шеп.— Вроде бы есть, если не считать, что петух не очень-то любит эту курочку.

— Ничего, придется полюбить,— сказал я.

И мы свели их вместе. Брачный сезон уже прошел; тем нетерпеливее ждали мы следующей весны. За год они свыклись друг с другом, и петух начал проявлять к курочке нежные чувства. Но однажды утром Шеп явился в мой кабинет совершенно убитый.

— Я опять насчет фазанов,— начал он.

— Господи, да что же это такое!— воскликнул я.— Ну, что там стряслось?

— Идите, посмотрите сами.

Мы подошли к птичнику, и я увидел, что петух хромает, причем сильно; в первую минуту мне даже показалось, что он сломал ногу. Шеп предполагал, что ночью петух был чем-то напуган, взлетел и, падая, зацепился пальцем за проволоку. При этом он растянул бедренные мышцы, а быть может, повредил нерв. Мы с Шепом поглядели друг на друга; оба подумали об одном и том же. С поврежденной ногой петуху будет трудно, а то и вовсе невозможно топтать курицу. Если мы его не вылечим, вряд ли удастся получить потомство от наших ушастых фазанов. Приготовившись к самому худшему, мы поймали петуха, и я осмотрел ногу. Вывиха нет, все кости целы... Кажется, и впрямь дело ограничилось растяжением. Может быть, еще не все потеряно? Мы впрыснули петуху витамин D₃ — он оказался чудодейственным, когда мы лечили мартышек от паралича задних конечностей,— и наладили повседневное наблюдение. Однако петух не шел на поправку, а продолжал ковылять, едва касаясь земли кончиками пальцев, чтобы не потерять равновесие. Я ничего не говорил Шепу, и он держал про себя свои думы, но оба мы в глубине души были убеждены, что наша попытка разводить белых ушастых фазанов обречена на провал.

Леопарды в уборной

Сэмюэль Джон Алиру
через Филиппа Ансумана
Школа Красного креста, Бамбавулло

Уважаемый сэр!

Настоящим очень прошу вас проявить для меня пленку «Кодакс 221», которую я пересылаю со своим братом, Филиппом Ансумана. Пожалуйста, возьмите на себя проявление и печать, если можно.

Я и сам пришел бы, но занят сейчас сочинением песни, которую рассчитываю преподнести вам на следующей неделе.

Я учусь, тожу в среднюю школу в Сезбвеме.

Искренне ваш
Сэмюэль Джон Алиру.

Я настойчиво уговаривал Би-Би-Си запечатлеть на кинопленку экспедицию за животными, однако корпорация «Британское радиовещание и телевидение» выказывала явную недальновидность. Я объяснял, что прелесть экспедиции не только в отлове животных, их еще надо сберечь и привезти в сохранности. Словом, отличный материал для фильма. Тем не менее корпорация целый год раздумывала, прежде чем наконец согласилась. С радостью думал я о том, как это важно для нашего треста. Во-первых, будет неплохая реклама, во-вторых, коллекция треста пополнится интересными экспонатами, и, в-третьих, если до сих пор я должен был сам изыскивать средства на все экспедиции, то на этот раз Би-Би-Си поможет с финансированием. Хотя дела треста к тому времени шли хорошо, ему все еще было не под силу снаряжать экспедиции за животными.

Сперва мы думали о Гайане, но нас смущала неустойчивая политическая обстановка в стране. В моей жизни уже был случай, когда из-за переворота пришлось отпустить половину отловленных животных, и я вовсе не хотел, чтобы эта история повторилась в разгар съемок многосерийного фильма. Поразмыслив, я остановился на Сьерра-Леоне. Мне еще не доводилось бывать в этой части Африки, а там есть редкостные животные, которые очень пригодились бы тресту; к тому же я искренне люблю Западную Африку и ее обитателей.

С большим удовольствием я услышал, что руководить съемками будет Крис Парсонс. Крис — мой старинный друг, мы уже работали вместе, даже совершили грандиозное путешествие по Малайзии, Австралии и Новой Зеландии, так что я успел хорошо узнать его и проникся к нему самыми теплыми чувствами.

Мы встретились в Бристоле и разработали план экспедиции. Решили, что я вместе с кем-нибудь из сотрудников зоопарка отправлюсь морем в Сьерра-Леоне, организую базовый лагерь и постараюсь возможно скорее отловить побольше животных, после чего к нам

вылетит Крис Парсонс со своими людьми. Мы прикинули, что у нас будет недели две на отлов зверей до прибытия киногруппы. Приедут и сразу же смогут начать съемки.

Оставалось решить, кто из сотрудников поедет со мной. Я выбрал Джона Хартли. Высокий — сто девяносто сантиметров — и невероятно худой, наш Долговязый Джон, как мы его называли, словно сошел с карикатуры Круикшанка. Но этот молодой человек — великий труженик, и он с восторгом принял мое приглашение.

Начался крайне важный, хотя и малозанимательный процесс подбора экспедиционного снаряжения. В таком путешествии никогда не знаешь заранее, что можно будет достать на месте, поэтому лучше всего везти все необходимое с собой. Мы запасли молотки и гвозди, винты и шурупы, ловушки, сети и всевозможные клетки, бутылочки — на случай поимки детенышей, шприцы и лекарства — на случай заболевания животных, множество патентованных средств — таких, как сухое молоко «комплэн», которым очень хорошо выкармливать молодняк. Получилась целая гора.

И тут, как всегда бывает, когда снаряжаешь экспедицию все равно какую и все равно куда, — возникло неожиданное препятствие. Выяснилось, что суда, заходящие во Фритаун, не перевозят животных. Потрясенный этим открытием, я позвонил в пароходство. Меня соединили с одним из директоров; к счастью, он читал мои книги, и они ему понравились. Пароходство любезно согласилось сделать исключение из правила, запрещающего провоз животных на пассажирских судах. Нам сообщили, что пароход «Аккра», который доставит меня и Хартли в Сьерра-Леоне, потом заберет нас оттуда вместе в добытыми нами животными.

В хмурый, дождливый день мы с Долговязым Джоном проследили за погрузкой объемистого багажа на «Аккру» в ливерпульском порту и вечером вышли в море. Джек решила воздержаться от участия в экспедиции. Она дважды побывала в Западной Африке и убедилась, что тамошний климат не для нее. Поэтому она предпочла совершить новую поездку в Аргентину вместе с Хоуп Плет и моей секретаршей Энн Питерс.

На пути в Африку мы попали в жестокий шторм, и это даже было к лучшему: меня шторм не пугает, я совсем не страдаю морской болезнью, но мне было важно проверить, как переносит непогоду Долговязый Джон. Не очень-то сладко ухаживать за целым зверинцем, когда тебя терзает морская болезнь. К счастью, у Долговязого Джона оказался луженый желудок; мы ели все, что нам подавали. Отдыхая в салоне, мы пили пиво и листали захваченные с собой книги о фауне Западной Африки; особенно нас интересовали повадки животных, которых мы надеялись поймать. Развалясь в кресле, Долговязый Джон напоминал сбитого с ног жирафа, а я твердил ему, что только в плавании и отдохнешь, надо пользоваться случаем. Еще я говорил ему, чтобы он был готов ко всяким передрыгам. Я рисовал мрачные картины: соломенные хижины с полчищами пауков и скорпионов, горячее пиво, купание в лохани и прочие ужасы тропиков.

Мы подошли к Фритауну в солнечный, жаркий день, и ветерок донес до нас чудесные запахи Западной Африки... Пальмовое масло, цветы, гниющая растительность создавали восхитительный, дурманящий букет.

Через члена нашего треста, мистера Геддиса, мне посчастливилось установить связь с мистером Оппенгеймером, и он поручил «Алмазной корпорации» в Сьерра-Леоне помогать мне, с чем бы я ни обратился. Учитывая, что нам придется задержаться в Фритауне, я заранее написал туда, прося либо забронировать для нас номера в гостинице, либо снять небольшую квартиру, если это возможно. Можете представить себе мое замешательство, когда на борт парохода поднялся шофер в ослепительной ливрее, подошел ко мне и спросил, не я ли мистер Даррелл. Получив утвердительный ответ, он сказал, что внизу ждет машина, ему велено отвезти нас на одну из квартир корпорации, предоставляемую нам на время пребывания в Фритауне. Предупрежденный, что квартиры в городе тесные и душные, я не рассчитывал на особые удобства.

Так или иначе, я попросил шофера подождать, пока наш багаж пройдет через таможенню, и, надо сказать, таможенники не подкачали. Не могу припомнить, чтобы с такой горой всякой всячины меня где-нибудь пропускали так быстро. Мы погрузили вещи на могучий вездеход, любезно одолженный фирмой «Лендровер», Долговязый Джон занял место за рулем и повел его следом за шикарной легковой машиной, в которую пригласил меня элегантный шофер. Проехав через город, мы очутились среди зеленых участков с утопающими в цветах домами. Затем машина круто свернула на дорожку, обрамленную пламенеющим гибискусом, и впереди показалось роскошное здание.

— Нам сюда?— удивленно спросил я шофера.

— Так точно, сэр,— ответил он.

Едва мы остановились перед зданием, как тотчас появились служители в белой форме. Они отнесли наши чемоданы на четвертый этаж и ввели нас в квартиру, при виде которой у меня перехватило дыхание. Во-первых, размеры: в гостиной, наверно, поместилось бы человек пятьдесят. Во-вторых, обстановка, словно из голливудского фильма. В-третьих, кондиционированный воздух. И в-четвертых, с лоджий открывался замечательный вид через гряды холмов на Ламли-Бич, один из лучших пляжей Сьерра-Леоне длиной в несколько километров.

— А что,— сказал Долговязый Джон, осмотревшись,— совсем неплохо, правда? Я не против такого шалаша, если вы это подразумевали.

— Я ничего подобного не подразумевал,— строго ответил я. Вот выедем в глубь страны, там ты узнаешь, что такое настоящие лишения. А это... это, так сказать, приятный сюрприз. Просто нам повезло.

Я прошел на кухню и увидел слугу. Он вытянулся в струнку — Вы здесь служите?— осведомился я.

— Так точно, сэр,— улыбнулся он,— я убираю эту квартиру. Меня зовут Джон. И я же повар, сэр.

Я обвел взглядом ослепительно чистую кухню и узрел внушительный холодильник в углу.

— Но пива,— осторожно произнес я,— пива у вас скорее всего нет, Джон?

— Есть, сэр! Сейчас принесу, сэр.

Я вернулся в гостиную и опустился в кресло, слегка оглушенный всей этой роскошью. Неторопливой походкой вошел Долговязый Джон, он успел обследовать прочие помещения.

— Три спальни,— доложил он,— почти такие же большие, как эта комната. Невероятно.

— А я обнаружил холодное пиво. Похоже, голодать не придется.

Нас ожидала уйма дел и множество встреч. Надо было получить разрешения на отлов животных и вывоз их из страны, надо было связаться с людьми, которые могли помочь нам в работе. Между тем оба наши «лендровера», и большой, и маленький, отнесли к разряду грузовых машин, а грузовикам проезд через центр Фритауна запрещен. Но эта проблема разрешилась благодаря любезности местных властей, предоставивших нам легковую машину с водителем.

Далее, нужно было выбрать место для базового лагеря. Поразмыслив, я решил ориентироваться на Кенему, расположенную километрах в шестистах пятидесяти от Фритауна, внутри страны. Все-таки Кенема сравнительно большой город, легче будет доставать продукты и снаряжение, к тому же там есть контора «Алмазной корпорации», которая уже доказала свое расположение к нам, глядишь — и впредь выручит. Еще на борту «Аккры» мы познакомились с Роном Феннелом, исполняющим обязанности правительственного советника в Сьерра-Леоне, он-то и порекомендовал мне Кенему. На мой вопрос, где лучше всего устроить базовый лагерь, он ответил:

— Попробуйте хромовый рудник.

Сперва я решил, что он шутит: мне отнюдь не улыбалось поселиться в штольне. Но Рон Феннел объяснил, что километрах в десяти от Кенемы на хромовом руднике стоят пустые дома, которые были выстроены для горняков и их семей. После того как запасы хрома истощились, рудник забросили. Власти, несомненно, разрешат мне занять там один или два дома. Его идея мне тогда очень понравилась; теперь я обратился к властям и тотчас получил разрешение.

Вообще я не люблю городов, но Фритаун меня пленил. Его улицы умиляют своими несуразными, архибританскими названиями — Сент-Джеймс, Стрэнд, Оксфорд-стрит... Загоните англичанина в трясины на краю света, и он в приступе оригинальности назовет ее Пикадилли. Очаровательные лондонские автобусы, битком набитые африканцами, тащились между белыми ульями небоскребов, которые высились над живописными деревянными домами прежнего Фритауна. Старая архитектура пришлась мне больше по душе, но она вполне уживалась с новой.

Следующей задачей было подобрать себе помощников, и я разыскал

Саду, рекомендованного мне одним знакомым, который несколько лет провел в Сьерра-Леоне; по его словам, Саду был отличный повар, честный человек и работяга. И вот передо мной стоит щуплый коротышка с озорной улыбкой на морщинистой, совсем обезьяньей физиономии. Мы договорились о жалованьи, после чего я попросил Саду самому подыскать в городе «боя». В Западной Африке бой — подсобный рабочий, он чистит картошку, стелит постели, словом, делает всякую черную работу, от которой повар — или стюард, если вы им обзаведетесь, — избавлен.

Через некоторое время Саду привел робкого мальчугана лет четырнадцати, с обаятельной улыбкой, по имени Ламин; мы тотчас наняли его.

И вот настал долгожданный день. Все подписи и печати получены, приготовления завершены, вещи погружены в большой «лендровер» (маленький оставался в Фритауне для киногруппы Би-Би-Си), Саду и Ламин сидят в кузове. Мы с Джоном забрались в кабину и покатали в глубь страны.

Первая часть пути была великолепной. Плотно утрамбованная щебенка, стеной стоят деревья и кустарники, радуют глаз красные, желтые, пурпурные, белые цветы. Внезапно на Девяносто третьей миле щебенку сменил латерит... Растения на обочине обсыпаны пылью — скользкой, как тальк, мельчайшей пылью, которая просачивается в любую щель, проникает в глаза, в легкие — всюду! На выбоинах и ухабах от ветров и зимних дождей машину трясет так, что через несколько километров вам кажется, будто вы по меньшей мере лет триста скачете верхом на пневматическом буре. Чем дальше, тем гуще пыль, а дороге не видно конца.

В редких африканских деревьяшках из хижин высыпали дети и махали нам розовыми ладошками, сверкая черными глазами и кипенно-белыми зубами. Несколько раз над дорогой пролетали птицы-носороги с тяжелыми клювами. Они отчаянно хлопали крыльями, словно боясь, что клюв перетянет и они врежутся в землю.

Через несколько часов мы достигли селения Бамбаву. Хромовый рудник расположен в невысоких горах за селением, но прежде всего надо было разыскать в Бамбаву смотрителя, у которого хранились ключи от всех построек. Посадив его в машину, мы свернули влево, в горы. Дорога шла на подъем и становилась все хуже, зато растительность здесь была куда более величественной. Теперь нас окружал настоящий девственный лес; опираясь на могучие контрфорсы корней, вздымались вверх исполинские деревья, облепленные орхидеями и другими эпифитами, древовидный папоротник разметал зеленые каскады. И чем гуще лес, тем непригляднее рисовалось мне жилье, ожидающее нас на руднике. Еще поворот — и вот рудник перед нами. Полная противоположность тому, что я предполагал! Большое административное здание, плавательный бассейн, правда пустой, если не считать сухих листьев, но все-таки бассейн. Продолжая подниматься по склону, мы увидели среди деревьев на гребне семь-восемь коттеджей с изумительным видом на равнину, где раскинулось селение Бамбаву, и на сотни километров сплошного леса до границ

Либерии. Многие постройки рудничного поселка были сильно запущены, но мы присмотрели себе два отличных коттеджа, стоящих по соседству друг с другом.

Пока переносили в дом наши вещи, я узнал от смотрителя, что в административном здании стоит генератор, снабжавший поселок электричеством. Если мы раздобудем топливо, электрик за небольшое вознаграждение с удовольствием подежурит на генераторе. Меня это вполне устраивало, заодно я договорился, что два крепыша из селения очистят бассейн и наполнят его водой.

Остаток дня мы с Долговязым Джоном разбирали вещи и складывали их в разных концах нашей просторной обители. А вечером Саду подал великолепный ужин — тушеное мясо с керри.

— По чести говоря, я этого больше всего опасался, — сказал Долговязый Джон, с удовольствием потягивая холодное пиво. — Соломенные хижины, скорпионы под потолком, пауки всякие, теплое пиво...

— Ешь да помалкивай, — ответил я. — Нам жутко повезло. У меня в жизни не было такого роскошного лагеря. Только подумать — ванна, настоящая уборная! Это же верх роскоши!

Скоро выяснилось, что сюрпризы рудника этим не исчерпываются. Например, вода поступала из родников в ближнем лесу, ее вполне можно было пить, не возясь с кипячением и фильтрованием. Далее, начисто отсутствовали комары. И наконец, благодаря свежему ветерку с гор в домах никогда не бывало душно.

Начались хлопотные дни. Мы побеседовали со старостой Бамбаву, объяснили этому добродушному старцу, для чего приехали, и попросили его подыскать в селении желающих ловить для нас «говядину» — в западноафриканском пиджине этим словом обозначаются всякие животные, от лягушки до слона. Затем мы наняли плотника, которому поручили сколотить ящики для клеток; готовые передние стенки мы привезли с собой из Англии. И вот уже в ряд выстроились множество клеток — увы, пустых. Тогда мы решили посетить все деревни в радиусе тридцати километров, чтобы народ узнал о нашем прибытии и наших задачах. Всюду мы предупреждали, что через три дня приедем опять, проверим, удалось ли поймать что-нибудь для нас.

Однажды вечером, вернувшись из очередной агитпоездки (выражение Долговязого Джона), мы искупались, переоделись, молча, со вкусом поужинали и уже хотели ложиться спать, как вдруг снизу донеслись необычные звуки. Флейты, барабаны, поющие голоса... Потом между деревьями замелькали огоньки: целая вереница людей с фонарями в руках поднималась вверх по дороге.

— Это еще что за явление? — насторожился Долговязый Джон; дорога кончалась у наших домов.

— Не знаю, — ответил я. — Вероятно, какая-нибудь депутация из селения. Может, староста велел своему оркестру поиграть для нас?

Мы терпеливо ждали; наконец гурьба поющих африканцев подошла к нашему дому и выстроилась в шеренгу перед верандой.

Двое в середине шеренги держали на плечах шест, на котором висела довольно большая клетка из толстых жердей.

— Ага!— сказал я Долговязому Джону.— Похоже, первая говядина прибыла. Только смотри, не очень восторгайся, чтобы там ни оказалось, не то цена сразу подскочит.

— Что вы, что вы! Постараюсь сделать вид, будто это такая гадость, что мы ее даром не возьмем.

— Ну, друзья, что же вы принесли?— обратился я к собравшейся компании.

— Говядину, сэр, говядину!— последовал дружный ответ, и в свете фонарей засверкали белые зубы.

Гордо улыбаясь, ловцы опустили клетку на землю, и мы попытались рассмотреть содержимое сквозь щели. Судя по клетке, должно быть довольно крупное животное... Нет, ничего не видно. Тогда мы перетаскивали клетку на свет и перерезали прутья, которыми была привязана крышка.

— Берегитесь, сэр?— сказал один из охотников, когда я осторожно взялся за крышку.— Эта говядина вас укусит.

Приподняв крышку, я заглянул внутрь, и вдруг из клетки высунулась прелестная рожица. Она принадлежала крохотному мартышонку, который вполне уместился бы в чайной чашке. Зеленая мордочка, на носу белое пятно сердечком... Из темноты на меня уставились блестящие глазки, и мы услышали пронзительный писк, который вскоре стал привычной музыкой для обитателей базового лагеря. Я откинул крышку и извлек детеныша из ящика. У него была зеленая спинка, длинный хвост и грустное личико. Вцепившись ручонками в мои пальцы, он снова пискнул дрожащим голосом.

— Эта говядина не кусается,— сказал я охотнику.— Это не взрослая обезьяна, это детеныш.

Знакомая уловка: почему-то африканцы убеждены, что, преувеличивая свирепость пойманного животного, они больше за него получают.

Долговязый Джон бережно принял мартышонка в свои широкие ладони, а я приступил к переговорам. Торговля затянулась, но в конце концов мне удалось сбить цену с пяти фунтов до двух. На самом деле малыш не стоил таких денег, но опыт научил меня, что на первых порах лучше переплатить, чтобы поощрить охотников, а потом можно и сбавить цену. Очень довольные сделкой, гости покинули нас, громко распевая под дробь маленького барабана. Они исчезли за деревьями, а мы с Долговязым Джоном поспешили раздобыть теплого молока и покормили изголодавшегося малыша. Потом устроили в одной из клеток теплую постель из сухих банановых листьев и уложили его спать.

— Ну, что ж,— сказал я Долговязому Джону, когда мы сами легли,— вот и первая добыча. Кстати, неплохая. Довольно редкий вид. Будем считать это доброй приметой.

Как я и думал, весть о том, сколько мы заплатили за обезьянку быстро распространилась, и к нашему дому потянулась непрерывная цепочка охотников с самыми разнообразными животными. Тут были совы и летучие мыши, кистехвостые дикобразы и мартышата

крысы величиной с котенка, большие и малые мангусты. Агитпоездки по деревням тоже принесли плоды, из повторных визитов мы редко возвращались с пустыми руками, пусть даже весь улов состоял из черепахи или молодого питона. В клетках шуршала, пищала, визжала и гукала всевозможная живность; будет чем встретить группу из Би-Би-Си. Однако главного, за чем мы ехали в Сьерра-Леоне — гверец и леопардов, — добыть еще не удалось. И вдруг, буквально накануне приезда киногруппы, мы наконец получили леопардов, причем совсем неожиданным путем.

Эти великолепные кошки становятся все большей редкостью из-за спроса на их шкуры, и сколько я ни допытывался у охотников, нельзя ли добыть несколько экземпляров, они только качали головой и твердили, что поймать леопарда «ну просто невозможно». Я уже начал привыкать к мысли, что мы останемся без леопардов. Но вот в один прекрасный день на дороге показался сильно помятый «лендровер». Возле нашего дома он остановился, и из кабины вышел поджарый молодой американец с пышными кудрями. Он представился: Джо Шарп, работает в Кенеме, слышал, будто бы собираем животных. Случайно леопарды нас не интересуют?

— Конечно, интересуют! А что? Вы знаете, где их можно найти?

— Понимаете, — ответил Шарп, — у меня есть два леопарда, один охотник уступил. Я сам их выкормил, им около шести месяцев... Вот я и подумал, может, вы заинтересуетесь.

— Еще как! — горячо подтвердил я. — А где они?

— Тут, — сказал он и показал на свой «лендровер».

Американец подошел к машине, открыл дверцу сзади, и из кузова выпрыгнула пара самых великолепных леопардов, каких я когда-либо видел. Рост — с хорошего лабрадора, прекрасная расцветка, сильные ноги, шерсть переливается на солнце. Громко мурлыкая, они терлись о ноги Джо Шарпа. Хозяин пристегнул к ошейникам поводки, мы подвели леопардов к веранде, привязали их и сели, упиваясь чудесным зрелищем.

— Зовут их Герда и Локаи, — объяснил Джо, удобно устроившись в кресле и приняв предложенную мной кружку пива. — Мне кажется, это брат и сестра, потому что охотник принес их вместе и они были примерно одного роста, хотя Герда, как вы видите, постройнее Локаи.

Локаи положил на стол передние лапы, подозрительно обнюхал мою кружку, потом внимательно поглядел на меня и лизнул мне руку шершавым языком.

— Так вот, берите их, если хотите, — продолжал Джо. — Честное слово, жаль с ними расставаться, привязался, но мне скоро возвращаться в Штаты, а везти их с собой нельзя.

— Конечно, хотим, — сказал я. — Я еще никогда не видел такой красивой окраски. А доверять им можно?

Мой вопрос был вызван тем, что как раз в эту минуту Локаи убрал лапы со стола и нежно обхватил ими мою ногу. А когти-то острые...

— Вопрос по существу, — заметил Джо. — Со мной они дружат и с другими нашими ребятами тоже ладят, правда не со всеми. А кого недолюбливают, тем лучше быть начеку. Локаи, например, способен

прыгнуть на вас сверху, с двери, а весит он немало, так что если застигнет враспloh...

— Если застигнет враспloh, может вам шею сломать,— заключил я, отдирая лапы Локаи с моей ноги.

— Да нет, я думаю, они быстро освоятся. Они очень добродушные, честное слово.

— Где,— осведомился Долговязый Джо,— где мы будем их держать?

Вот именно! Я совсем упустил это из виду. Плотник сегодня выходной, и негде взять достаточно большую клетку, надо мастерить особо, за материалом придется ехать в Кенему. На все это требуется время, а завтра приезжают ребята из Би-Би-Си. Задача! И тут я вспомнил, что как раз между нашим коттеджем и маленьким домиком ниже по склону, предназначенным нами для киногруппы, стоит будочка площадью два на три метра, высотой около трех метров, которая, судя по всему, некогда служила общественной уборной. Если ее хорошенько почистить, леопарды вполне могут пожить там, пока для них не приготовят клетку.

Мы тут же спустились к будке и убедились, что она вполне подходит для леопардов. Правда, меня смущал просвет шириной около двадцати сантиметров между крышей и верхней кромкой стены, но Джо уверял, что они в эту щель не протиснутся.

После уборки мы отвели Герду и Локаи на новую квартиру и поставили перед ними по миске любимого ими блюда — консервированного собачьего корма, на котором их вырастил Джо. А сами возвратились на веранду, чтобы выпить еще по кружке пива.

Вечером, проводив Джо, мы с Долговязым Джоном не без трепета понесли в будку ужин. Заслышав наши шаги, леопарды завyli, замурлыкали и принялись царапать дверь, да так энергично, что мы беспокойно переглянулись.

— По-моему,— сказал я,— не худо бы и вооружиться для такой операции.

Мы срезали себе по крепкой палке. На всякий случай.

— А теперь,— продолжал я,— если осторожно открыть дверь и сунуть туда миску с едой, может, это их отвлечет, тогда мы поставим вторую миску и заберем грязную посуду.

— Пожалуй,— неуверенно произнес Долговязый Джон.

Медленно, осторожно мы потянули дверь к себе; тотчас оба леопарда бросились на нее с другой стороны, приветствуя запах пищи радостным ворчанием. Мы сунули миску внутрь и подтолкнули так, что она поехала по полу в дальний угол. Леопарды ринулись за ней, мы живо юркнули в будку, схватили грязную посуду, поставили на пол вторую миску с кормом, выскочили из будки, захлопнули дверь и заперли ее на засов.

— Ух!— вздохнул Долговязый Джон.— Доставят они нам хлопот. Скорее бы посадить их в клетку.

— Завтра прямо с утра возьмемся за дело,— сказал я.— Поезжай в Кенему за досками, а я попробую уговорить плотника поработать

сверхурочно. Глядишь, к вечеру клетки будут готовы. Не такое уж хитрое сооружение.

— Идет,— согласился Долговязый Джон.— Только не представляю себе, как мы будем кормить их утром. Кончится тем, что некому будет ехать в Кенему...

— А кто же еще их покормит? Придется нам, никуда не денешься.

— Ладно,— сказал Джон,— если погибну, то геройской смертью. Мы отправились спать в довольно мрачном настроении.

На другое утро мы покормили леопардов тем же мудреным способом, потом приоткрыли дверь и поглядели на них в щелочку. Они лежали, облизываясь и удовлетворенно мурлыкая. Кажется, еда подействовала умиротворяюще... Что ж, рано или поздно надо налаживать дружбу, так стоит ли откладывать! И мы с Джоном закрылись в будке с леопардами. Заговорили с ними, стали их гладить и обнаружили, что Герда больше симпатизирует Долговязому Джону, а Локаи — мне. Если, конечно, считать знаком симпатии, когда на ваше колено ставят две толстые лапы и, потягиваясь и позевывая, впиваются когтями в кожу. Излияние чувств длилось около получаса, потом мы привязали к ошейникам достаточно длинные веревки и вывели леопардов на прогулку. Они вели себя очень смиренно и великолепно выглядели на солнце. Правда, когда настало время заводить их обратно в будку, они заартачились, но мы опять пустили в ход миски с кормом, и обошлось без кровопролития.

Долговязый Джон отправился в Кенему за досками и прочими нужными нам вещами, а я закончил уборку клеток, накормил остальных животных и приготовился встречать киногруппу. Бригада Би-Би-Си приехала вместе с Джоном. Они встретились в Кенеме, и Джон явно наговорил им всяких ужасов про наше жилье — судя по изумлению, которое было написано на лице Криса, когда он вышел из «лендровера».

— Черт везучий,— улыбнулся он, идя ко мне.— И тут на все четыре приземлился.

Да. Не жалуемся. Скромненько живем, конечно, но есть все совр. уд. и прочее. А что до лесной глуши, так за домом ее предостаточно, найдется, что поснимать.

— Черт везучий!— повторил он.

Криса высоким не назовешь, зато природа снабдила его внушительным носом, кончик которого словно стесан топором. В минуту задумчивости он, будто коршун, зашторивает тяжелыми веками свои зеленые глаза, а когда что-нибудь не ладится, смахивает на замкнувшегося в себе верблюда.

Он представил мне своих товарищей. Говард — низенький, коренастый brunet с волнистыми волосами, в огромных роговых очках, которые придавали ему сходство с благодушным филином, и оператор Юарт — высокий блондин скандинавского типа.

Мы расположились на веранде, и я попросил Саду принести пива.

— Как ты ухитрился найти такое место?— спросил Крис.

— Чистая случайность,— ответил я.— Поселок заброшен, этакая «Мария Селеста» на суше, но со всеми удобствами. В обоих домах

ванные — действующие, заметь! — и уборные действуют, что еще важнее. Для продуктов и напитков есть холодильник. Подается электричество, так что можно заряжать аккумуляторы для ваших камер. А в конце вон той дорожки — бассейн, раздевайтесь и плавайте, если есть охота.

— Силы небесные! — воскликнул Крис. — Невероятно!

— Ага. У меня еще никогда не было такого роскошного базового лагеря. Сказка!

Что ж, — Крис поднял кружку, — выпьем за хромовый рудник

— Теперь уже не хромовый, — поправил его Долговязый Джон. — Теперь он именуется Говяжьим рудником.

С того дня мы только так и называли поселок.

Допили пиво, и я повел Криса с товарищами в приготовленный для них коттедж. По пути я взмахом руки указал на будку:

— Кстати, видите вон ту дверь? Вы уж не отпирайте ее, там у нас два леопарда.

— Леопарды? — Говард вперил в меня округлившиеся глаза. Вы... вы сказали — леопарды?

— Ну да. Такие пятнистые кошки. Мы их заперли тут на время, пока не смастерим подходящую клетку.

— А вы уверены, что они не вырвутся на волю? — боязливо спросил Говард.

— По-моему, не должны, — ответил я. — Да вы не бойтесь, они еще молодые и совсем ручные.

После ленча Юарт, Говард и Крис пошли к себе разбирать багаж и проверять звукозаписывающую и съемочную аппаратуру — не расстроилось ли что-нибудь в пути. Долговязый Джон поил детенышей молоком, я сел писать письмо, вдруг послышались крики «Джерри! Джерри!», и на склоне показался Говард. Он тяжело дышал и так волновался, что даже очки запотели.

— Джерри! — испуганно кричал он. — Скорей! Скорей сюда! Леопарды вырвались на волю!

— Господи! — я вскочил на ноги.

Джон бросил свои дела, мы вооружились палками и побежали вниз по склону, по пятам за Говардом.

— Где они? — спросил я.

— Они сидели на крыше, когда я к вам побежал. Крис и Юарт остались сторожить.

Верно, вот Крис и Юарт с палками в руках стоят на почтительном расстоянии от будки, не сводя испуганных глаз с Герды, которая восседает на крыше и добродушно ворчит себе под нос. А Локаи?..

— Куда делся Локаи? — крикнул я.

— Он только что спрыгнул на землю, — виновато ответил Крис. Я не смог ему помешать, он ушел туда.

Крис показал в сторону плавательного бассейна.

— Джон, — сказал я, — займись Гердой. Она тебя любит больше, чем меня. Только, ради бога, не делай глупостей. Попробуй заманить ее вниз... Или сам заберись на крышу и привяжи веревку за ошейник. Крис, пошли искать Локаи!

И мы с Крисом принялись прочесывать склон, хотя я был почти уверен, что Локаи ушел в чащу за домом и мы его больше никогда не увидим. Вдруг я заметил его — лежит тихо-мирно под небольшим апельсиновым деревом! Я медленно подошел к леопарду, говоря что-то ласковое, и он ответил мне приветливым мурлыканьем. Дрожащими руками я захватил веревкой ошейник, завязал крепкий узел и подал веревку Крису.

— Держи, пока я посмотрю, как Джон справляется с Гердой, — сказал я и побежал вверх по склону.

— А что делать, если он встанет и пойдет? — жалобно крикнул Крис мне вслед.

— Иди за ним! Только не пытайся остановить его.

Вернувшись к будке, я увидел, что Юарт и Говард по-прежнему робко стоят поодаль, сжимая в руках палки, а Джон нашел какой-то ящик и сумел, встав на него, привязать веревку за ошейник Герды! Теперь мы могли быть спокойны, что она никуда не уйдет! Но Герда почему-то была не в духе и не хотела спускаться с крыши. Оставалось только вооружиться длинной жердью и подталкивать ее к краю, так что ей поневоле пришлось спрыгнуть вниз. Приземлившись, Герда повернулась и зарычала на Долговязого Джона, словно он ее оскорбил, даже угрожающе взмахнула лапой.

Хотя нашим леопардам исполнилось всего шесть месяцев, хищник есть хищник. Шлепнет играючи лапой, и половина лица долой. Так что мы вели себя чрезвычайно осмотрительно. Наконец Герда была водворена в будку. Джон сел возле нее, погладил, поговорил с ней, и она быстро успокоилась. После этого я опять спустился туда, где Крис стоял с видом покинутого всеми аиста, крепко держась за веревку, с другого конца которой на него зловеще поглядывал Локаи. Я отобрал у Криса веревку и легонько потянул. Локаи встал.

— Ну пошли, Локаи, — заговорил я. — Пошли... Там тебя вкусный обед ждет... И Герда. Пошли... Уютная уборная. Пошли...

Потихоньку, полегоньку, с многочисленными остановками — то надо что-то обнюхать, то видом полюбоваться — мы в конце концов довели Локаи до будки.

Тем временем срочно вызванный плотник забил досками щель под крышей, чтобы побег не повторился. Мы всей компанией вернулись в дом и приняли по кружке пива для успокоения расстроенных нервов.

— Надеюсь, такие вещи случаются не каждый день? — произнес Юарт.

— Ну, что вы, — ответил я. — От силы три-четыре раза в неделю, не чаще. Но ведь вам надо что-то снимать, вы же за тем и приехали?

— В будке держать их нельзя, — вмешался Крис.

— Плотник уже сколачивает клетку. К вечеру она будет готова, и мы переведем в нее леопардов. Вот вам, кстати, еще один веселенький эпизод.

— Гром и молния! Какие кадры! — обрадовался Крис.

— Боюсь, до темноты он не управится.

— Ничего, — заявил Юарт, — поставим софиты.

— Только бы свет их не напугал,— сказал я.— Если они начнут нервничать, придется вам выключать софиты и отменять съемки. Я не намерен рисковать головой для Би-Би-Си.

— Ладно, ладно,— пообещал Крис,— так и сделаем.

Киногруппа принялась устанавливать светильники, а плотник продолжал мастерить аккуратную клетку для леопардов. Уже стемнело, когда он вбил последний гвоздь, и мы включили для пробы софиты. Да-а, мощность хоть куда! Весь участок был залит ярким светом. Трудно представить себе, чтобы такое сияние пришлось по душе леопарду...

Но вот все приготовления закончены, мы с Джоном вооружились палками и веревками, взяли миски с собачьим кормом и отправились за леопардами. Покормили их все тем же способом, затем вошли в будку, наговорили им кучу ласковых слов, объяснили, что сегодня они станут кинозвездами, взяли их на поводок, вывели наружу и не торопясь двинулись вверх по склону. Скорость задавали леопарды, а им было угодно время от времени останавливаться. Стоят и глядят — уши подергиваются, усы торчат, будто антенны. Наконец мы перевалили через гребень и ступили на освещенный участок.

Секунда, и Долговязый Джон, который только что шел рядом со мной, мчится во всю прыть вниз по склону, увлекаемый Гердой! Она тянула его, словно куклу, а я ничем не мог ему помочь, так как был крепко привязан к Локаи, который воспринял светильники куда спокойнее. Я медленно подвел Локай к клетке. Незнакомый предмет вызвал у него вполне естественное недоверие, так что я позволил ему обойти вокруг клетки и обнюхать ее. Потом я поставил внутрь миску с кормом и подтянул Локай к входу. Он был уже наполовину в клетке, когда ему вдруг пришло в голову, что я затеял что-то нехорошее. Локай подался назад; к счастью, у него была достаточно широкая корма, я живо толкнул его внутрь и захлопнул дверцу. Он занялся едой, тем временем я отвязал и вытащил веревку.

В ту же минуту на горизонте показался Долговязый Джон. Тяжело дыша, он тащил за собой сопротивляющуюся Герду. Она была в отвратительном расположении духа, и мы оказались перед нелегкой задачей: предстояло затолкать рассерженного леопарда в клетку, из которой рвался на волю другой леопард, подкрепившийся полной миской любимого корма. Пришлось основательно потрудиться, но вот наконец оба зверя водворены в клетку и дверца надежно заперта — Джон и я вздохнули с облегчением, и в это время из-за софитов раздался довольный голос Криса:

— Отличный эпизод! И все шло как по маслу, напрасно вы так беспокоились?

— Мокрые от пота, в царапинах, которыми нас щедро наделили шаловливые леопарды, мы с Джоном посмотрели друг на друга.

— Хоть бы черт побрал это Би-Би-Си! — проникновенно сказал Долговязый Джон. — Да поскорее!

— Одобряю! — поставил я свою резолюцию.

Поймайте мне колобуса

Уважаемый сэр!

Мою жену доставили в больницу. Врач написал мне, чтобы я пришел и заплатил за нее. Если вы расплатитесь с нами сегодня, я пойду туда. Если нет, прошу вас, сэр, одолжить мне 4 леоне или 2 фунта стерлингов. Я не хочу идти туда без вашего ведома. Желаю, сэр, доброго утра.

К этому времени наша коллекция успела основательно разрастись, и одним из пополнений была тройка буйных юных шимпанзе — Джимми, Эймос Татлпенни и Шеймус Нотул. Мы приобрели их у людей, которые держали обезьян как домашних животных. Чем больше коллекция, тем больше работы, и нам с Долговязым Джоном приходилось вставать на заре, чтобы к девяти утра или к половине десятого, когда солнце уже позволяло снимать, все звери были чистыми, накормленными и готовыми к съемке.

Как ни странно, на Говязьем руднике вставать на заре было скорее удовольствием, чем наказанием. Отсюда открывался вид почти до самой либерийской границы, и рано утром на юге перед нами словно простиралось молочное море, из которого тут и там островками торчали макушки холмов. Выйдя из-за горизонта, солнце поначалу смахивало на замороженный красный апельсин, потом, разогревшись, оно принималось сучить из тумана длинные извилистые плети, и казалось — весь лес объят пламенем.

Мы выпивали чашку чая и любовались восходом, после чего совершали обход нашего зверинца. Удостоверившись, что за ночь ни на кого из зверей не напала та или иная хворь, Долговязый Джон кормил малышей молоком или каким-нибудь специальным составом, а я начинал чистить клетки. Потом часок-другой нарезали фрукты и прочий корм для остальных животных. Смотришь, пора завтракать; зевая и потягиваясь, к нам из нижнего дома поднимались кинодеятели. После завтрака мы договаривались, какие сюжеты делать сегодня, и приступали к съемкам.

Конечно, всякое кино в известном смысле подлог, но подлог подлогу рознь. Скажем, если мы хотели показать, как был пойман какой-то зверь, его надо было извлечь из клетки, отнести в лес и ловить снова перед кинообъективом. Или мы, например, задумали познакомить зрителей с особенностями поведения животного. Для этого нужно отнести его в лес, выпустить на подходящем участке, огороженном сетями, и ждать, когда наш актер изобразит требуемое. Работа довольно нудная, требующая изрядного терпения, особенно когда стоишь и жарись на солнцепеке.

Помню, мы решили снять, как хомяковая крыса уписывает корм, потом набивает впрок полные защечные мешки и ходит словно с флюсом. Хомяковую крысу никак не назовешь красавицей: ростом с небольшую кошку, шерсть шиферного цвета, широкие розовые

уши, розовато-коричневый хвост, на носу — множество длинных трепещущих волосков.

Наш Альберт, когда ему ставили в клетку корм, жадно набрасывался на миску, наедался до отвала, потом набивал остатками защечные мешки и нес добычу в угол, к своему ложу, чтобы там схоронить. Я был уверен, что он и в лесу повторит эту процедуру. В назначенный день мы оставили его без завтрака и торжественно отнесли в лес, к контрфорсам исполинского дерева. Обнесли участок сетями, разложили на земли всякие заманчивые плоды и выпустили Альберта из клетки.

Застрекотали камеры, а наш Альберт — надо же! — равнодушно протрусил мимо угощения, нашел удобную ямку в корне, свернулся в ней калачиком и уснул. Мы безжалостно извлекли его из ямки и посадили к плодам. Он опять улизнул. Четыре раза сажали мы его к плодам, и четыре раза он воротил от них нос, хотя время завтрака давно прошло, пора и проголодаться. Лишь в пятый раз Альберт заметил угощение — словно вдруг прозрел. Он нетерпеливо обнюхал один плод, однако Крис напрасно ждал обещанную мной сцену, потому что Альберт аккуратно взял лакомство зубами, отошел в сторонку, сел на задние лапки и принялся есть с видом престарелой герцогини, изволившей откусывать мороженого. Отнюдь не то, что было нужно нам! Ладно, хоть какой-то материал...

В другой раз мы решили снять потто. Этот зверек — отдаленный родич обезьян, а с виду он похож на игрушечного мишку. У потто любопытное строение кисти: указательный палец редуцирован до маленького бугорка, что позволяет ему крепче цепляться за ветви деревьев. А отростки шейных позвонков сзади буквально торчат наружу, и, когда потто надо обороняться, он прячет голову между передними лапками, так что в пасть врага впиваются острые шипы, которые могут отбить аппетит даже у самого кровожадного хищника.

Нам потто нужен был для связки с другим эпизодом, снятым накануне. От него требовалось всего лишь посидеть спокойно на ветке, потом дойти до ее конца, больше ничего. Он уже пообедал, и мы рассчитывали управиться со съемками в пять минут.

В подходящем месте мы выбрали подходящую ветку, расставили софиты и камеры (на что ушло немало времени), наконец извлекли из клетки потто и посадили его на дерево. Он тотчас спрятал голову между передними лапками и замер в оборонительной позе. Прошло четверть часа, софиты перегрелись, пришлось их выключить. Потто оставался недвижим. Я недоумевал, почему он вдруг испугался нас, ведь давно уже привык есть из рук! Так или иначе, зверек перетрусил, и нам оставалось только терпеливо ждать с выключенными софитами.

Надо вам сказать, что для меня нет ничего прекраснее ночного тропического леса, а этот лес был особенно хорош. В период дождей овраг, где мы сидели, наверное, заполнялся бурным потоком, но сейчас было сухо, и валуны обросли мхом, по которому ползали и над которым летали сотни горящих изумрудом светлячков. В воз-

духе бесшумно проплывали призрачные стайки мотыльков, со всех сторон звучало пение цикад и других насекомых — то словно пила жужжит, то кто-то звонит в крохотный колокольчик... Поглощенный созерцанием, я чуть не забыл про потто и Би-Би-Си; вдруг Крис прошептал мне на ухо:

— Кажется, тронулся.

Мы заняли боевые посты, включили свет, потто приподнял голову и снова спрятал ее. Еще четверть часа ожидания, а затем произошли одновременно два события. Потто поднял голову, и в ту же минуту Юарт, поглядев на часы, изрек, должно быть, самую неподходящую к моменту фразу, какая только звучала в Африке после встречи Стенли и Ливингстона.

— Ребята в Бристоле сейчас как раз выходят из пивной, — произнес он проникновенно.

Слова Юарта произвели сильнейшее впечатление на потто. Видно, он был одним из лидеров Общества трезвенников, ибо вместо того, чтобы бежать по ветке в сторону камеры, зверек повернул кругом и задал стрекача. Полчаса ушло на то, чтобы отыскать его среди ветвей. Наконец потто был пойман и водворен на место, после чего безропотно выполнил все, что от него требовалось, и нужный эпизод был снят. В итоге мы потратили больше двух часов на кадры, которые на экране длились от силы тридцать секунд.

Разумеется, мы снимали также будни зверинца — чистку клеток, кормление животных. Правда, называть уход за животными будничным делом неверно. Во все дни недели они всячески стараются озадачить вас и вывести из себя. Например, был у нас очень красивый африканский зимородок. Так вот, мы не могли обеспечить его естественным кормом (маленькими змейками и ящеричками, кузнечиками и саранчой) и давали взамен мелко нарезанное мясо. Что же вы думаете, этот чудак яростно колотил каждый кусочек о палку, «убивая» добычу, прежде чем ее проглотить.

С самого начала я предупреждал Долговязого Джона, что в каждой зоологической экспедиции наступает минута, когда вам кажется, что теперь-то уж вы все знаете. Это опасная минута, ибо, как ни старайся, все знать и предусмотреть невозможно. Стоит вам возомнить о себе, и вы непременно совершите какую-нибудь ошибку. Я однажды вообразил, что все постиг, и тотчас был наказан: меня укусила змея. Это было очень неприятно, зато с тех пор я стал осмотрительнее.

Но вот как-то раз нам принесли очаровательного птенца белопшленных носорогов, у которых все оперение черное, а на голове словно колпак из пушистых белых перьев. Я очень обрадовался, потому что это был наш первый носорог, и прочитал Долговязому Джону целую лекцию об этих птицах и их повадках. Обычно птенцов носорога и тукана легко выкармливать, и я не сомневался, что Томми — так мы его назвали — не причинит нам хлопот. Мы накрошили плодов, посадили Томми на столик для кормления и поднесли к его клюву заманчивый кусок. Никакого впечатления.

— Ничего, со временем привыкнет, — сказал я. — А для начала, пожалуй, придется кормить его насильно.

Мы затолкали ему в горло кусочек плода — он тотчас его отгрызнул. Второй затолкали поглубже — через несколько минут Томми и от него избавился тем же способом.

— Наверно, он еще не освоился,— предположил я.— Пусть посидит в клетке, потом снова попробуем. Мало ли что, может быть, его поймали сразу после того, как мать покормила его, и он просто не успел проголодаться.

И мы вернули Томми в клетку. Часа через два или три опять извлекли и повторили трудоемкую процедуру насильственного кормления. Птенец упорно отгрыгивал пищу. Сколько мы в тот день ни предлагали ему плодов, он продолжал их отвергать.

— Честное слово, ничего не понимаю,— сказал я Долговязому Джону.— У большинства юных носорогов после первых же кусков такой аппетит развивается, что потом только успевай их кормить.

На другое утро Томми выглядел отнюдь не бодро, однако упорно не брал корма, хотя явно был голоден.

— Что за чертовщина!— рассердился я.— Придется справочник полистать. Может быть, ему требуется что-то особенное.

Я-то, невежда, был уверен, что птицы-носороги едят овощи, фрукты, насекомых, словом, чуть ли не все подряд. Но справочник показал, что наш Томми относится к редким видам, питающимся почти одним мясом. И пичкать его фруктами было все равно что потчевать кровавым бифштексом убежденного вегетарианца.

Мы вынули Томми из клетки, посадили его на столик, накрошили мяса, и через полминуты он уписывал, что твой волк. Больше он никогда не бастовал. Так Томми преподавал мне урок; надо думать, и Долговязому Джону тоже...

Одно дело — уход за животными в зоопарке с хорошо налаженным хозяйством, где всегда есть чем кормить и кому лечить, и совсем другое — когда вы обитаете у черта на куличках, животные сидят в тесных деревянных ящиках, и всем, от ветеринарии до ремонта, надо заниматься самому. К тому же звери, смирившись с заточением, тотчас начинают развлекать вас эксцентрическими выходками. И что за причуды! Скажем, сегодня они выказывают такую страсть к апельсинам, что вы немедленно закупаете для них целую гору. Но предложите им апельсин завтра — они посмотрят на вас со смертельной обидой, подавай им земляные орехи. А если вы не будете ублажать их, как престарелая леди ублажает свою болонку, они загрустят и захиреют.

Достаточно назвать панголина. Я очень обрадовался, когда его принесли, потому что в прежних экспедициях в Западную Африку мне никак не удавалось подобрать ключик к этим странным животным, смахивающим на ожившую сосновую шишку с хвостом. Не удавалось потому, что главная пища панголинов — маленькие свирепые древесные муравьи. Обдумывая в Англии вопрос о диете панголинов, я заключил, что в смеси из сырых яиц, молока и фарша, которую мы им предлагали, не хватало одного ингредиента, а именно муравьиной кислоты. Чтобы проверить свою догадку, я на сей раз

взял с собой пузырек с муравьиной кислотой и сам ежедневно готовил корм для нашего панголина. При этом я пытался представить себе, как описал бы мой рецепт телевизионный кулинар:

«Дорогие зрители, возьмите две столовые ложки сухого молока хорошенько размешайте в четверти пинты воды, затем в полученную густую смесь вбейте одно сырое яйцо. Насыпьте туда же горсть мелко нарубленного сырого мяса, осторожно все взболтайте и наконец добавьте в виде приправы щепотку рубленого муравейника и каплю муравьиной кислоты. Сразу же подавайте на стол. Это блюдо произведет отменное впечатление на ваших гостей, и вам обеспечена слава лучшего в сезоне устроителя панголиновых вечеринок».

Да, интересно было составить кулинарную книгу для звероловов этакий «Гастрономический Лярусс» с рекомендациями, как лучше всего приготовить личинок, червей и тому подобное.

Мы уже засняли большинство животных из нашей коллекции и накопили гору готовых роликов, а красно-черных и черно-белых колобусов, или гверец, ради которых мы ехали в Сьерра-Леоне, все не было. Охотники несли нам всяких обезьян, только не гверец, и в конце концов я начал отчаиваться.

— Это пустой номер,— сказал я Крису.— Придется организовать облаву на обезьян, может быть, так что-нибудь получится.

— Облаву на обезьян?— удивился Крис.

— Ну да. На плантациях какао устраивают облавы — загоняют всех обезьян на какой-то участок и убивают. Ведь они сущее разорение для плантации. Насколько я помню, власти платят вознаграждение, по шиллингу с головы. Сегодня же попрошу Долговязого Джона съездить в Кенему и выяснить, где нам лучше всего попытаться счастья. И будет интереснейший киносюжет.

Итак, Долговязый Джон отправился в Кенему, а вернувшись оттуда, сообщил, что ему назвали три-четыре деревни, где регулярно устраивают облавы на обезьян, но, чтобы уговорить местных жителей выйти на внеочередную облаву, надо заручиться помощью властей. Мы решили завтра же этим заняться.

На другое утро я, как обычно, встал на рассвете и вышел на веранду, ожидая, когда Саду принесет чай. Долговязый Джон с великим трудом отрывался от постели и приходил только к самому чаю.

Я стоял и смотрел на оплетенный туманом лес; вдруг из долинки перед домом ко мне донеслись какие-то звуки. Очень приятные звуки, словно шорох волн на каменистом берегу. Так шуршат листья, когда обезьяны прыгают по деревьям, но я не мог сразу разглядеть какие это обезьяны. Они направлялись к могучему дереву на склоне, метрах в двухстах от веранды. Красивое дерево: зеленовато-серый ствол, сочная зелень листьев, россыпь ярко-алых стручков длиной около пятнадцати сантиметров.

Опять треск и шорох... На секунду воцарилась тишина, и вдруг

все дерево словно расцвело, причем каждый цветок был обезьяной. У меня захватило дух: я узнал красно-черных гверец. Густая каштаново-красная и угольно-черная шерсть переливалась в лучах утреннего солнца, будто лаковая. Упоительное зрелище!

Я насчитал около полутора десятка гверец да еще двух-трех детенышей. Забавно было глядеть, как малыши, перебираясь с места на место, хватаются без разбора то за ветви, то за хвосты родителей. Меня удивило, что гверцы пренебрегают стручками, зато жадно едят молодые листья и побеги. Любуясь этими на редкость красивыми обезьянами, я сказал себе, что непременно надо раздобыть несколько экземпляров для нашей коллекции. Гверцы продолжали мирно завтракать, обмениваясь тихими возгласами; вдруг на веранде появился Саду с гремящим подносом, и, когда я снова поглядел на дерево, обезьяны уже исчезли. Приступая к чаепитию, я вспомнил одну не очень умную женщину, которая на приеме в Фритауне сказала мне: «Не понимаю, мистер Даррелл, и что это вас тянет куда-то в глушь! Там же нет ничего интересного». Вот бы показать ей этих гверец!

Позже мы отправились на переговоры к местным властям, оставив Долговязого Джона присматривать за животными. Глава районной администрации совещался с деревенскими старостами, и нам пришлось ждать конца совещания, прежде чем он нас принял. Это был очень симпатичный молодой еще человек в простом белом одеянии и пестрой ермолке; большинство старост щеголяли в роскошных красочных мантиях. Через переводчика я объяснил, для чего мы приехали в Сьерра-Леоне, и подчеркнул, что нам особенно важно снять и поймать живьем гверец обоих видов. Слово «живьем» пришлось повторить несколько раз, потому что они привыкли расправляться с обезьянами и никак не могли взять в толк, что нам нужны живые и невредимые гверцы. В конце концов до них дошел смысл моей просьбы; оставалось только надеяться, что они пошлют в деревню гонцов с четкими инструкциями.

Беседа с этими людьми доставила мне истинное удовольствие. Я любовался их красивыми выразительными лицами. Большие черные глаза смотрели строго и оценивающе, как у какого-нибудь уличного торговца с лондонской Петтикоут-Лейн, но малейшей шутки было достаточно, чтобы в них заплескали веселые чертики, обличая столь редкую у европейцев живость чувств.

По словам районного начальника, если бы речь шла только о съемках, лучше всего подошла бы плантация какао неподалеку от деревни, там всяких обезьян хватает. А вот для облавы место неподходящее, придется ехать в другую деревню, подальше. Что ж, посмотрим на ближнюю плантацию, раз уж мы здесь.

По пути туда я размышлял о том, как в Сьерра-Леоне обходятся с обезьянами. Ежегодно во время облав убивают от двух до трех тысяч. Дело в том, что обезьянам, на их беду, не втолковали, какую важную роль в экономике страны играет какао, поэтому они вторгаются на плантации и причиняют немалый ущерб. Приходится ограничивать их численность, но при этом, к сожалению, не делают различия между видами. В Сьерра-Леоне участникам обезьяньих

облав платят вознаграждение с головы, и они убивают всех обезьян без разбора. В том числе и оба интересовавших нас вида гверец, хотя теоретически они охраняются законом. Вот вам типичный пример того, как одного казнят за грехи другого — ведь гверцы не причиняют никакого вреда плантациям какао.

Сколько раз наблюдал я такие картины, и всегда досадно становится: государства готовы выложить миллионы на воздушные замки, а на охрану животных и гроша жалко. И получается, например, что ежегодно убивают три тысячи обезьян, половина которых вовсе не посягала на урожай какао. Больше того, гверцы могли бы стать неплохим аттракционом для туристов.

Как только мы приехали на плантацию, я понял, почему нужны облавы. Куда ни взглянешь, на молодых деревцах какао кормятся целые отряды обезьян. Но, как я и предполагал, среди них не было ни одной гверцы; преобладали мартышки диана и зеленая. Глядя на правильные шеренги молодых деревьев в питомнике, нетрудно было представить себе, что буйная обезьянья ватага способна за десять минут очистить двух-трехлетнее деревце от листьев.

Крис со своими товарищами установил аппаратуру и принялся снимать мартышек, а я пошел на край плантации и скоро очутился в лесу. Четкого рубежа нет, но когда вам перестают встречаться деревья какао, только лесные породы стоят кругом да могучими окаменевшими фонтанами рвутся ввысь шелестящие прутья бамбука, вы понимаете, что плантация кончилась. Необычно было пробираться сквозь заросли бамбука, где мощные стебли, иные толщиной с бедро человека, певуче поскрипывали от малейшего ветра. Наверное, такую же музыку слышали некогда моряки, идя на всех парусах мимо мыса Горн.

Я искал гверец, но ведь в тропиках на каждом шагу видишь столько интересного, что поневоле отвлекаешься. То совсем незнакомый цветок, то ярко окрашенный гриб или лишайник, то не менее живописная древесная лягушка или кузнечик. Тропики можно сравнить с каким-нибудь роскошным творением Голливуда — сразу чувствуешь, насколько ты, в сущности, мал и ничтожен перед ликом сложного и прекрасного мира, в котором обитаешь.

Я тихо шел через лес, поминутно останавливаясь, чтобы лучше рассмотреть какую-нибудь диковину. И вдруг, на радость мне, явилось то, что я искал! Что-то прошуршало на деревьях впереди меня, я осторожно направился туда и прямо перед собой увидел стаю черно-белых гверец. Стая была небольшая, шесть особей, и одна самка держала на руках двойню — случай довольно редкий. Обезьяны спокойно уписывали листья метрах в пятнадцати над моей головой, и не проявляя ни малейшей робости, хотя они, конечно же, заметили меня. Разглядывая их в бинокль, я заключил, что они далеко не такие живописные, как красно-черные гверцы, но в них была своя прелесть. Черная-пречерная шерсть — и белоснежные хвосты; вокруг мордочки словно рамка из белой шерсти; и держатся с таким достоинством, будто члены какого-то неведомого религиозного ордена. Насытившись, гверцы двинулись дальше.

Уж как поразили меня своим проворством красно-черные гверцы. а черно-белые могли дать им сто очков вперед. Не задумываясь, они бросались вниз с макушки пятидесятиметрового дерева и «приземлялись» на ветвях внизу с такой точностью, таким изяществом, что Тарзан лопнул бы от зависти.

А вернувшись на плантацию, я увидел еще одно редкое зрелище — ликующего Криса. Его группе удалось снять отличные кадры кормящихся марышек. Можно было укладывать свое имущество и возвращаться в селение.

Был базарный день, и, так как я обожаю африканские базары, мы задержались в деревне. Все хлопочут, все возбуждены, огромные глаза горят, зубы сверкают... Яркие краски воскресных нарядов, многоцветные горы плодов и овощей, кипы пестрых тканей — точно идешь сквозь раду! И чего только нет на прилавках — от нанизанных на бамбуковые лучины высушенных лягушек до сандалий из старых покрывал.

Неожиданно ко мне подошел стройный молодец в выдавшем виды тропическом шлеме, белой майке и шортах защитного цвета. Учтиво приподняв шлем, он осведомился:

— Простите, сэр, вы — мистер Даррелл?

У него был такой писклявый голос, что в первую минуту я принял его за женщину.

— Да, я мистер Даррелл.

— Меня прислал начальник, сэр. Мое имя Мохаммед, и начальник сказал мне, что вы хотите поймать живых обезьян. Так вот, сэр, я могу устроить это для вас.

— Большое спасибо,— неуверенно произнес я.

Он отнюдь не производил впечатления человека, способного организовать облаву на обезьян. А впрочем, начальнику лучше знать...

— Когда вы хотели бы устроить облаву, мистер Даррелл?

— Как можно скорее. Мне нужны не какие-нибудь обезьяны, а гверцы — черно-белые и красно-черные. Знаете таких?

— Да, сэр, знаю,— ответил он.— У нас их тут много, очень много.

— А как происходят эти облавы?— любопытствовал я.

— Сейчас объясню, сэр. Сперва мы отыскиваем обезьян, рано-рано утром, потом гоним их, гоним, кричим и гоним, все время кричим и гоним, пока не загоним в нужное место. Потом срубаем все деревья вокруг. А потом под тем деревом, на котором сидят все обезьяны, складываем груды.

— Груды? Какую груды?

— Мы собираем в кучу весь хворост, который лежит на земле, складываем огромную кучу под деревом, а обезьяны спускаются по дереву и попадают в эту кучу, и мы их ловим.

Объяснение Мохаммеда показалось мне в высшей мере неправдоподобным, но по его лицу было видно, что он говорит вполне серьезно.

— И когда же можно устроить облаву?— спросил я.

— Могу устроить послезавтра.

— Отлично. Нам надо быть там с самого начала, чтобы все снять. Понимаете? Так что без нас не начинайте!

— Нет-нет, сэр.

— Мы придем часов около девяти.

— О-о-о-о... это слишком поздно, сэр.

— Да, но раньше снимать нельзя, слишком темно,— объяснил я.

— А... а если мы сперва подгоним обезьян поближе к подходящему дереву, можете вы снимать потом?— допытывался он.

— Можем... если будет достаточно светло. Если начнем часов около девяти или половины десятого. В это время будет уже достаточно светло для съемок.

Мохаммед немного поразмыслил.

— Ладно, сэр,— заключил он.— Приезжайте в деревню к девяти часам, и обезьяны будут ждать вас.

— Хорошо. Большое спасибо.

— Не за что, сэр.

Он надел свой тропический шлем и важно зашагал прочь по людной базарной площади.

В назначенный день мы поднялись чуть свет, тщательно проверили всю съемочную и звукозаписывающую аппаратуру и взяли курс на деревню, где была назначена облава на обезьян.

Нас встретили и повели по узкой тропке через банановую плантацию в лес. Вскоре послышался страшный гвалт, с каждым шагом нашим он становился все громче, и вот мы уже там, куда загнали обезьян. Что это было! Дикая суматоха, шум и гам, человек триста ретиво рубили подлесок, а между ними важно расхаживал Мохаммед, выкрикивая тонким голосом команды, которые явно никто не слушал.

Ловцам удалось загнать на огромное дерево две стаи гверец; теперь они торопились отрезать обезьянам пути к отступлению, и те все больше нервничали, видя, как падают деревья кругом. Одна-две гверечи все-таки сумели уйти, прыгнув с пятидесятиметровой высоты на ближайшую пальму. Африканцы проводили их дружным гиканьем и удвоили свои усилия.

Мне всегда больно смотреть, когда рубят деревья, а тут их валили нещадно. Правда, мне сказали, что этот участок предназначен под плантацию какао, рано или поздно его все равно расчистят. Наконец с треском рухнуло последнее высокое дерево, которым гверцы могли воспользоваться для бегства, осталось несколько пальм, а их достаточно было лишить зеленого убора. Ложась на землю, срубленные листья хрустко шелестели... Удивительный это был звук, словно приседали дамы в накрахмаленных кринолинах.

Усилиями моих доблестных охотников была расчищена изрядная площадь вокруг заветного дерева, и я с интересом ждал, что последует дальше. А последовало нечто вроде перерыва на чай в африканском духе. Несколько человек разрубили на куски особую лиану — она внутри полая и содержит много влаги,— и потные, разгоряченные участники облавы утоляли жажду из этого живого родника, возбужденно обсуждая следующий этап операции. Предстояло, как сообщил мне Мохаммед писклявым голосом, «соорудить кучу». Снова зарабо-

тали пилы и топоры, и под деревом вырос конус из ветвей и пальмовых листьев. Его окружили сетями, затем охотники дружно принялись загонять длинные рогатины. Когда обезьяна, соскочив на груду ветвей, попадает в сеть, ее прижимают рогатинами к земле, после чего жертву можно схватить за шиворот и хвост.

Я внимательно наблюдал за макушкой дерева, где собрались обезьяны. Густая листва не позволяла определить, сколько их там, но я рассмотрел оба интересующих меня вида гверец. Наконец Мохаммед доложил, что все готово, и я — не столько потому, что он меня убедил, сколько из отзывчивости — распорядился поднести клетки поближе. Я сильно сомневался, что с такими способами лова что-нибудь получится, но все-таки лучше быть начеку — вдруг каким-то чудом удастся добыть гверцу-другую.

Двое африканцев извлекли откуда-то огромную древнюю пилу, у которой почти не осталось зубьев, перелезли через сети, вскарабкались на конус из ветвей и принялись пилить ствол.

— Что это они затеяли? — спросил я Мохаммеда.

— Если обезьяна подумает, что мы хотим спилить дерево, сэр, она спустится на кучу, и тут мы ее изловим, — объяснил он, вытирая потный лоб.

Я навел на макушку дерева бинокль. Не видно, чтобы пила произвела на обезьян какое-то впечатление... А ствол огромный, таким инструментом и через полгода его не перепилить. Полчаса спустя, убедившись, что парни трудятся впустую, я позвал Мохаммеда.

Он подбежал ко мне и лихо козырнул:

— Слушаю, сэр!

— Вот что, Мохаммед, так у нас вряд ли что-нибудь получится. Это дерево можно еще сто лет пилить, а обезьянам хоть бы что. Почему бы не испробовать другой способ?

— Слушаюсь, сэр. Какой?

— Если расчистить клочок под самым деревом, чтобы не загорелась вся груда, развести на нем небольшой костер и подбрасывать зеленые листья, много-много зеленых листьев, от них наверх пойдет дым, и тогда, может быть, обезьяны спустятся вниз.

— Хорошо, сэр. Мы попробуем.

Зазвучали команды, отдаваемые пронзительным, как у чайки, голосом, и вот уже клочок земли расчищен, костер разведен. Медленно потянулся вверх дым, обвиваясь вокруг могучего ствола. Я перевел взгляд на обезьян — как они? Почувяв запах дыма, гверцы засуетились, правда без особой тревоги. Но по мере того как на костер ложились новые охапки зеленых листьев и дым становился все гуще, они стали метаться взад-вперед среди ветвей.

Три сотни африканцев, которые только что с диким гомоном сокрушали подлесок, теперь окружили сеть безмолвным кольцом, держа наготове рогатины. Не успел я попросить Мохаммеда, чтобы он передал загонщикам предупреждение: не набрасываться всем сразу на первую же обезьяну (если вообще хоть одна спустится с дерева), а стеречь всю сеть, как прямо с макушки на груду ветвей ловко прыгнула черно-белая гверца и, к моему изумлению, исчезла среди

листьев. Клич, вырвавшийся из груди загонщиков, напоминал восторженный вопль болельщиков после забитого гола. Затем последовала долгая пауза... Вдруг обезьяна появилась снова и бросилась прямо в сеть. Как я и ожидал, большинство загонщиков сорвались с места, выставив рогатины вперед.

— Вели им вернуться в строй... вернуться в строй! — крикнул я Мохаммеду.

Звонкие команды Мохаммеда восстановили порядок. Чтобы упрямиться с гверецей, достаточно было двух человек. Они пригвоздили сеть к земле рогатинами, и я подбежал, чтобы рассмотреть добычу вблизи. Ухватив обезьяну за шиворот и основание хвоста, один из охотников извлек ее из сети. Это была совсем молодая самка, крепкая и здоровая.

На вид такие смиренные и меланхоличные, гверецы тем не менее могут вас пребыльно укусить, так что обращаться с ними надо очень осторожно. Мы отнесли пленницу к клетке, посадили внутрь и, захлопнув дверцу, накрыли клетку пальмовыми листьями, чтобы обезьяне было спокойнее. Только я вернулся к дереву, как с него дождем посыпались гверецы. Они мелькали в воздухе с такой частотой, что я не успевал их считать. А едва коснутся ветвей — тотчас ныряют внутрь, так что и тут не уследить.

Какое поднялось столпотворение! Из кучи ветвей одна за другой в сеть выскакивали обезьяны, ловцы орудовали рогатинами, воздух наполнился возбужденными криками. Шум, гам, полная неразбериха... Бессильный что-либо предпринять, я стоял у клеток, еле поспевая определять пол и вести подсчет обезьян, которых приносили ловцы.

Задним числом подумаешь — просто удивительно, как в голове одновременно уместается столько мыслей. Глядя, как ловцы волокут очередную отбивающуюся жертву, я волновался, не слишком ли крепко они ее держат, не грубо ли обращаются. Тут же надо было определить состояние обезьяны. Если зубы сильно сточены, значит, она уже немолода — освоится ли в неволе? Сажают ее в клетку — надо внимательно следить, как бы впопыхах не прищемили дверцей хвост. И в то же время я соображал, насколько данный экземпляр испуган, насколько взбудоражен. Вынесет ли переезд до лагеря? И если вынесет — скоро ли привыкнет к новой обстановке?

Любопытно, что большинство гверец уже через два-три часа принимали пищу из моих рук, хотя облава должна была основательно их напугать.

Когда последняя обезьяна была посажена в клетку, мы тщательно перерыли ветви, чтобы убедиться, что под ними никто не притаился. Лишь после этого я смог приступить к индивидуальному осмотру и окончательному подсчету. Пока что я знал только, что нам невероятно повезло, мы в один заход добыли и красно-черных и черно-белых гверец. Теперь, обойдя все клетки, я насчитал десять красно-черных и семь черно-белых экземпляров разного возраста и размера. И самое главное — разного пола.

Накрытые листьями клетки подвесили к длинным жердям, и ко-

лонна загонщиков с победно-ликующими кликами двинулась через лес.

Я тоже ликовал. Столько недель ждали, столько труда и пота вложено в экспедицию, и вот цель наконец достигнута, колобус пойман! Но когда клетки были погружены в кузов большого «лендровера» и мы медленно покатали по ухабам домой, я сказал себе, что сделан только первый шаг. Решающее испытание впереди: сумеем ли мы сохранить гверец?

Сохраните мне колобуса

Господа!

Будем признательны, если вы сможете принять участие в нашем танцевальном вечере сегодня, который начнется ровно в 21.00. Вечер устраивается в честь нашей сестры Регины, которая служит в полиции, а сейчас находится в отпуску. Мы устраиваем ей проводы. Вы все приглашены на танцевальный вечер.

Ожидаем скорейшего ответа.

Адрес: Дж. Б. Муса

Дж. П. Муса.

Бамбаву

Да-а, одно дело поймать колобуса, совсем другое — сохранить его. И главная трудность заключалась не в том, чтобы приучить гверец к неволе, они почти сразу покорились своей участи. Главное — чем их кормить? Обычно гверцы держатся на макушках деревьев и едят почти исключительно листья, мох и другой грубый зеленый корм; подозреваю, что они не гнушаются также птичьими яйцами и ящерицами. Оттого и желудок их в отличие от желудков других обезьян состоит из двойных долей, что позволяет извлекать максимум питательных веществ из малопитательного в общем-то корма. Он во многом похож на желудок жвачных животных. Желудок гверцы настолько велик, что на его счет вместе с содержимым приходится подчас около четверти веса животного.

Сперва мы предложили своим пленницам естественный корм, собранный в окружающем нас лесу, и они жадно набросились на него. Правда, мне кажется, тут сыграл роль вызванный поимкой шок, потому что уже через сутки наши гверцы почти совсем потеряли аппетит. Не на шутку встревоженные, мы отправились на базар в Бамбаву, раскинувшийся под холмом, и закупили множество зелени, которую африканцы выращивают для своего стола. Тут была всякая всячина — что-то вроде шпината, что-то вроде широколистного клевера и другие травы. Все это было подано гверцам. Сначала они равнодушно приняли новое угощение, потом сообразовали отведать его, но без особого восторга.

В конце концов черно-белые, словно решив не противиться року, начали аккуратно поедать базарную зелень, тогда как красно-черные по-прежнему принимали лишь столько пищи, сколько требовалось,

чтобы не отдать богу душу. Нрав у гверец оказался удивительно несхожим для представителей одного рода. Черно-белые — юркие, живые, они быстро привыкли к нам и стали есть из рук. А красно-черные — унылые, замкнутые, подверженные приступам дурного настроения.

Меня больше всего заботили две вещи. Во-первых, нам предстояло скоро возвращаться в Фритаун, чтобы поспеть на пароход, идущий в Англию. Во-вторых, надо было как-то приучить гверец к новой пище, которой мы могли обеспечить их в пути, — такой, как яблоки или морковь. К сожалению, достать их в Бамбаву и Кенеме было почти невозможно. Нам удалось купить яблоки по бешеной цене, но гверцы, едва понюхав, отбрасывали их в сторону. Рассчитывая на успех в поимке колобуса, я заранее условился, что «Аккра» возьмет с собой добрый запас моркови, капусты и других овощей, способных, как мне казалось, прельстить обезьян. Теперь же, видя, с каким презрением они отвергают яблоки, я пал духом. Похоже, то, что мы для них припасли, совсем не годится...

Красно-черные гверцы так дичились и так скверно ели, что в конце концов стало очевидно: понадобятся месяцы терпеливого труда, чтобы приучить их к неволе и необычной диете. Как ни горько, сказал я себе, придется их отпустить. Что мы и сделали.

Одно утешало нас: черно-белые гверцы по-прежнему чувствовали себя превосходно, хотя продолжали отвергать яблоки и бананы. А так как зелень из-за жары быстро увядала, приходилось кормить их четыре-пять раз на день. Бремя, немалое для нашего бюджета времени, ведь, кроме того, надо было ухаживать за другими животными и заниматься съемками.

А тут еще я возьми да соверши довольно типичную для таких путешествий глупость. Мы отправились в лесок за несколько километров от базы снять небольшой эпизод, поехали на маленьком «лендровере», который доставил на рудник группу Би-Би-Си. Когда мы двинулись обратно, я сел в кузове на задний борт, а машина шла довольно быстро, и на одном ухабе нас тряхнуло так, что я подпрыгнул наискось вверх. К счастью, приземлился я в кузове, однако здорово ушиб копчик и сломал два ребра. Прежде мне казалось, что перелом ребра — пустяки. Теперь я думаю иначе. Перелом ребра — *весьма* болезненная вещь. Из-за ушибленного копчика было очень тяжело сидеть, а стоило мне нагнуться или просто вздохнуть, как я ощущал острую боль в боку.

Отныне мне стало еще труднее работать с животными, ведь, когда чистишь клетки, приходится довольно часто нагибаться. А подносить воду, а другие дела? В моей аптечке были только таблетки от головной боли, а они ничуть не помогали. Я рассчитывал, что через несколько дней боль уймется. Какое там, она только обострялась, и я понял, что не справлюсь с уходом за коллекцией и со съемками на борту парохода. Необходим третий человек.

К счастью, Джеки должна была вернуться в Англию из Аргентины примерно в то же время, когда «Аккра» выйдет за нами в Западную Африку. И я отправил телеграмму, прося Джеки прибыть на «Аккре»,

но не объясняя почему. Понятно, телеграмма была адресована в зоопарк, на имя Кэт, потому что я не знал точно, где сейчас судно Джеки, и не мог связаться с ней непосредственно. Так или иначе, скоро пришла ответная телеграмма, из которой явствовало, что у Джеки всего двое суток на то, чтобы оформить документы и добраться до порта, где стоит «Аккра». Ее выезд обязателен? Мне не хотелось говорить правду, чтобы не тревожить Джеки, поэтому я ответил: «Приезд Джеки необязателен. Просто я люблю мою жену». Разумеется, Джеки успела на «Аккру». И, конечно, работники телеграфа, через руки которых прошло мое послание, были шокированы. Они не привыкли к такой откровенности.

Но вот пришло время расставаться с Говяжьим рудником и выезжать в Фритаун. Одна из проблем для такой экспедиции, как наша,— когда совершать переезды, днем или ночью. Днем животные перегреваются, и на тряских дорогах их сложно кормить. Ночью дороги не менее тряские, и животные не могут уснуть, зато им не грозит перегрев. Я решил ехать ночью. Чтобы захватить всех отловленных животных, нам, кроме большого «лендровера», требовались три грузовика. Меня очень заботили детеныши, ведь им придется особенно тяжело.

И тут нас выручил Джо Шарп. Он прикатил на своем маленьком «лендровере» и с ходу вызвался отвезти в Фритаун меня вместе со всей нашей «телятиной» — так мы называли малышей. Грузовикам на этот путь нужна была целая ночь, а Джо мог уложиться в несколько часов. К тому же мы с ним могли ехать днем, останавливаясь, когда придет время кормить малышей.

Ранним утром кузов «лендровера» был нагружен «телятиной», и мы с Джо Шарпом простились с Говяжьим рудником. Долговязый Джон и киногруппа должны были выехать на грузовиках вечером того же дня. Трогаясь в путь, я в последний раз окинул взором отлогую гряду холмов и чудный лес. Пожалуй, никогда еще я не покидал базовый лагерь с такой грустью.

Джо ехал быстро, но так, чтобы наших пассажиров не очень трясло, и мы достигли Фритауна в рекордно короткий срок. «Алмазная корпорация» еще раз любезно предоставила нам роскошную квартиру из голливудского фильма; сверх того она разрешила занять для наших животных два просторных открытых гаража.

Я разместил малышей в квартире и тотчас лег спать, чтобы быть в полной боевой готовности, когда придет Долговязый Джон. Большой конвой ожидался в шесть часов утра, но в шесть я никого не увидел. В четверть седьмого я начал беспокоиться, в половине седьмого беспокойство переросло в тревогу. Неужели один из грузовиков опрокинулся в канаву и весь драгоценный груз погиб? Или их задержал всего лишь какой-нибудь пустяк, вроде прокола? В семь часов я был на грани отчаяния. И ничего нельзя предпринять! Мы с Джо не отходили от окна, но грузовики как сквозь землю провалились. Наконец в четверть восьмого первая запыленная машина затормозила перед нашим домом. Все обитатели дома, прослышанные о скором прибытии животных, нетерпеливо ждали на балконах, чтобы

посмотреть на наш улов. И по мере того как грузовики один за другим въезжали во двор, глаза зрителей становились все шире от изумления.

Мы выгрузили всю «говядину», и я убедился, к своему великому облегчению, что никто не пострадал от перевозки, разве что у Герды настроение хуже обычного. Расставив клетки в гаражах, мы немедленно принялись за уборку и кормление — ведь мне еще надо было успеть к прибытию «Аккры», чтобы встретить Джеки.

Джо подбросил меня на пристань. В руках у меня была картонная коробка, а в ней на мягкой постельке из ваты лежал крохотный бельчонок, у которого только-только открылись глаза. Один охотник принес его нам буквально в последнюю минуту. Эти бельчата — очаровательнейшие существа на свете. Зеленовато-золотистое тельце, на каждом боку — продольная белая полоса, аккуратные ушки, большой пушистый хвост — черный снаружи и красный внутри. Я знал, что Джеки обожает белок, к тому же у меня не было другого подарка. Правда я не догадался запастись пропуском, и в порту не обошлось без осложнений, но в конце концов ворота открылись, и я увидел на пристани возмущенную Джеки.

— Где ты пропадаешь? — приветствовала меня любящая супруга.

— Не так-то просто пробиться на эту чертову пристань, — ответил я.

Джеки подошла поцеловать меня, и я поспешил предупредить:

— Обнимай поосторожнее, у меня ребро сломано.

— Чем ты тут занимался, черт возьми? — воинственно спросила она. — У врача был? Тебе перебинтовали грудь?

Надо было срочно отвлечь ее внимание от моей персоны.

— Нет, не был. Я только что приехал... Вот... подарок тебе.

Джеки крайне подозрительно приняла коробку.

— Что это? — Она посмотрела на меня.

— Да подарок же. Открывай... не бойся.

Джеки открыла коробку и мгновенно забыла обо всем на свете, включая и мое ребро. На крохотное создание, которое лежало на ее ладони, излился поток ласковых слов.

— Пошли, — скомандовал я. — Поедем на квартиру.

— Какая прелесть! Когда ты его получил?

— Буквально за пять минут до отъезда. Нарочно взял его, чтобы доставить тебе удовольствие.

— Очаровательный малыш. Ты покормил его?

— Да-да, покормил, все в порядке. Можешь сменить ему пеленки, как только приедем на квартиру. А сейчас надо поторапливаться, нас ждет куча работы.

— Ладно, — согласилась она.

— Да, кстати, познакомься — Джо Шарп. Мой друг.

— Добрый день, Джо, — сказала Джеки.

— Привет, — отозвался он.

Бурные приветствия супругов после четырехмесячной разлуки на этом закончились, мы поспешили к «лендроверу» и поехали на квартиру.

Как только Джеки отнесла в спальню своего бельчонка, она обратилась ко мне:

— Где телефонная книга?

— Зачем тебе телефонная книга?

— Мне надо позвонить врачу насчет твоего ребра.

— Не глупи, врачу тут делать нечего.

— Ну, вот что,— сказала она.— Или покажешься врачу, или я отказываюсь что-либо делать.

— Ладно,— нехотя уступил я.— Я поднимусь в квартиру над нами, там живет один молодой человек по имени Иэн, он, наверное, знает, как найти врача.

Я сходил к Иэну, получил нужные сведения и вернулся в свою квартиру. Джеки живо дозвонилась до врача и объяснила, в чем дело. Тот любезно согласился приехать.

Приступив к осмотру, врач сразу обратил внимание на огромный синяк ниже пояса и заявил, что у меня, вероятно, треснул копчик. Потом ткнул меня пальцем в бок так, что я с диким воплем подскочил метра на три вверх.

— Все ясно,— сказал он.— Два ребра сломаны.

С этими словами он туго перебинтовал мне грудь, так что я едва мог дышать.

— Вам нельзя нагибаться, нельзя поднимать тяжести и вообще напрягаться. Да-да, пока ничего нельзя. Но к тому времени, когда вы вернетесь в Англию, кости должны срастись. Я выпишу вам болеутоляющие таблетки.

Таблетки помогли, мне сразу стало легче, но ходить с тугой повязкой в африканскую жару было невыносимо, и в конце концов пришлось ее снять.

— Да, на пароходе от тебя будет мало проку,— заключила Джеки.— Нагибаться нельзя, тяжести поднимать нельзя... К тому же вы с Джоном будете заняты съемками, значит, весь уход за животными ляжет на меня.

— Ничего, как-нибудь справимся.

— Нет, это неразумно,— возразила она.— Что, если вызвать Энн?

Как я уже говорил, Энн, моя секретарша, только что сопровождала Джеки в Аргентину и обратно в Англию.

— Думаешь, она успеет? «Аккра» вот-вот прибудет.

— Пошлем телеграмму сегодня, пусть постарается поспеть на самолет.

Мы отправили телеграмму и вскоре же получили ответ: билет на самолет куплен. А через два дня явилась и сама Энн, бойкая деловитая блондинка. Наша коллекция привела ее в восторг. Энн очень любила животных и охотно согласилась помогать с кормлением и уходом во время плавания. Я обратил ее внимание на гверец.

— Они любят, чтобы с ними нянчились,— объяснил я.— А на пароходе нам, ей-богу, будет не до этого. И еще не известно, как они отнесутся к новой диете. В общем мне бы хотелось поручить тебе

наших колобусов. Можешь больше ничего не делать, только заставь этих чертей есть, чтобы мы довезли их живыми.

— Попробую,— обещала она.— Хотя, судя по тому, что вы говорите, это будет нелегко.

— Вот именно,— подтвердил я.— Легко не будет. Разве что у них вдруг проявится страсть к капусте или еще чему-нибудь. Словом, поживет — увидим.

Вскоре после прибытия Энн нашу коллекцию пополнил еще один экземпляр, очаровательнейшее существо. Под вечер, когда мы решили пропустить рюмочку перед обедом, зазвонил телефон. Джеки взяла трубку.

— Это Эмброуз,— сказала она мне.— Говорит, раздобыл для тебя свинью.

Звонил Эмброуз Джендер, майор войск Сьерра-Леоне. Я познакомился с ним еще до отъезда в Кенему, мне его представили главным образом потому, что он выступал по местному телевидению с показом животных юным зрителям, которые знали его как «дядюшку Эмброуза». Я взял трубку.

— Добрый день, Эмброуз.

— Привет, Джерри!— услышал я звучный низкий голос.— У меня для тебя свинья. Очень милая свинка. Ее зовут Цветок.

— А что это за свинья?

— Точно сказать не берусь, но, кажется, это то, что у вас называется речной свиньей.

— Бог мой! Это замечательно!

Речные, или кистеухие, свиньи — мои любимцы. Тело взрослой особи покрыто ярко-рыжей щетиной, хвост длинный, на ушах — белые кисточки.

— Ты можешь за ней приехать?— спросил Эмброуз.

— Конечно. А где ты сейчас?

— Я собираюсь на телевидение, у меня передача. Может, приедешь на студию, посмотришь мою программу, а потом заберешь свинью?

— Отлично. А что у тебя сегодня в программе?

— Да опять ищейки. Прошлый раз они так понравились, что нас засыпали письмами с просьбой повторить передачу. Но теперь я не дам себя укусить.

Во время первой передачи Эмброуз обернул руку тряпкой, чтобы показать как ищейка хватается преступника. А собака так в него вцепилась, что прокусила тряпку насквозь.

— Ясно. В котором часу нам быть на студии?

— Примерно через полчаса,— сказал Эмброуз.

— Ладно. Жди.

Мы живо пообедали и поехали на телевидение. Студия была небольшая, но хорошо оборудованная. Нас поразило, что широкие двери не запирались на время передачи, и в дальнем конце зала стояли кресла, так что любой прохожий мог при желании запросто войти и посмотреть, как делается программа. Крис был до глубины души потрясен такой расхлябанностью.

— У нас на Би-Би-Си такие вещи невозможны,— заметил он.

— Так ведь здесь не Би-Би-Си,— ответил Эмброуз,— а телевидение Сьерра-Леоне.

Эмброуз был невысокого роста, очень симпатичный, в его огромных живых глазах всегда светилась юмористическая искорка. Он отрастил себе великолепные, завивающиеся на концах черные усы — видно, сказывались годы, проведенные в военном училище в Сэндхерсте.

— Сейчас начнется моя программа,— сообщил он.— Вы можете подождать? А потом я отдам тебе свинку.

— Конечно,— ответил я.— Я с удовольствием посмотрю на твоих ищеек.

Дело в том, что в Фритауне участились грабежи, и отчаявшаяся полиция, чтобы нагнать страху на преступников, закупила трех ищеек. Они и впрямь выглядели устрашающе. Три пса с проводниками выстроились в ряд под лучами юпитеров, разинув пасти от жары. Эмброуз занял свое место перед камерами.

— Добрый вечер, дети,— начал он,— вот вы и опять встретились с дядюшкой Эмброузом. Понимаете, нам прислали столько писем с просьбой повторить передачу про ищеек, что я решил сегодня показать их еще раз. Сначала вы увидите, какие они послушные. Куда проводник пойдет — туда и собака.

Проводники, сопровождаемые по пятам ищейками, важно обошли вокруг камеры и вернулись на место.

— А теперь,— рассказывал Эмброуз,— чтобы показать вам, какие это послушные собаки, проводники прикажут им сидеть, а сами пройдут в другой конец студии, и вы увидите, как ищейки выполняют команду.

Проводники скомандовали «сидеть», собаки вдруг сели в ряд, высушив языки, проводники отошли в другой конец студии.

— Видите?— На лице Эмброуза сияла счастливая улыбка.— Вот этого пса зовут Питер, ему пять лет. А это Томас, ему четыре года...

Тут третья ищейка, которой осточертела вся эта затея, встала и пошла прочь, подальше от жарких ламп.

— А это,— как ни в чем не бывало продолжал Эмброуз, указывая пальцем в ту сторону, куда удалилась ищейка,— это Жозефина, она сука.

Грешен, я и не только я, все мы поспешно заткнули себе рты носовыми платками, чтобы до зрителей не дошел наш смех.

Собаки выполнили еще несколько команд, наконец Эмброуз попрощался со зрителями и подошел к нам — весь в поту, но сияющий.

— Ну вот,— сказал он,— а теперь получай Цветок.

Он прошел в угол студии и вернулся оттуда с маленьким ящиком. Я-то рассчитывал увидеть большую клетку... Эмброуз открыл дверцу, и из ящика выбрался очаровательнейший поросенок. Шоколадно-коричневая щетина была расписана вдоль ярко-желтыми полосами, которые придавали поросенку сходство с косматой осой невиданных размеров. Восхитительный пятачок, живые, веселые глазки, длинные

болтающиеся уши и длинный болтающийся хвост. Попискивая и похрюкивая от удовольствия, поросенок жадно обнюхал наши ноги, проверяя, нет ли в отворотах брюк чего-нибудь вкусенького. Все мы тут же влюбились в это существо и с триумфом повезли его к себе на квартиру. На другой день местный плотник смастерил по моему заказу добротную клетку для Цветка.

Близилось время отъезда в Англию, и я начал беспокоиться, как мы доставим наш зверинец из жилого комплекса «Алмазной корпорации» на пристань. Навел справки в Фритауне; выяснилось, что грузовики найти очень трудно. Как-то вечером нас навестил Эмброуз, и я спросил его, не знает ли он какую-нибудь фирму, которая могла бы предоставить нам на несколько часов три грузовика.

— А для чего тебе грузовики? — поинтересовался он.

— Надо отвезти животных в порт. Не на руках же их нести.

— А войска на что, дорогой друг?

— Как это понимать — войска?

— Ну да, войска. Я пришлю тебе три армейских грузовика, везите своих зверей на здоровье.

— Прости, Эмброуз, но разве так можно? Чтобы армейские грузовики возили в порт зверей?

— Почему же нельзя? Я майор, войска подчинены мне. Ничего страшного не случится. Когда подать грузовики?

— Но ты уверен, что это не против устава? Мне вовсе не улыбается, чтобы тебя судил военный трибунал!

— Не беспокойся, Джерри, — заверил он меня. — Не беспокойся, все будет в порядке. Только скажи, к какому часу подать машины.

Мы условились о часе. И в самом деле, в назначенный день к жилому комплексу «Алмазной корпорации» подкатили армейские грузовики и водители, выстроившись в шеренгу, лихо отковыряли нам. Внушительное зрелище.

Мы осторожно погрузили животных и направились в порт. В огромных сетях клетки были подняты на борт и опущены в трюм, где их расставили по моим указаниям. Матросы и старший помощник старались изо всех сил, тем не менее погрузка продолжалась чуть ли не целый час, а солнце нещадно палило, так что им пришлось несладко. Сам я из-за сломанных ребер мог только стоять и смотреть, как работают другие.

Но вот последняя клетка стала на место, и мы поднялись на палубу, чтобы глотнуть пива. Тем временем пароход медленно отошел от стенки, над лоснящимися волнами загребели исторгаемые корабельным радио звуки гимна «Правь, Британия!» и вскоре Фритаун превратился в мерцающее облачко вдали.

Прежде всего мы с Долговязым Джоном отправились на переговоры с баталером. Когда везешь на пароходе зверей, важнее человека нет, ведь от него зависит, сварить ли тебе рис и крутые яйца, и он же заведует холодильником, где хранятся все твои драгоценные продукты. Я шел к нему не без тревоги в душе, так как еще не успел выяснить, взяли они в Англии на борт заказанную мной провизию или нет. К счастью, все было погружено: пучки моркови, ящики с превосход-

ной капустой, яблоки, груши и прочие лакомства, которыми я надеялся соблазнить гверец. Я сообщил баталеру, сколько и чего нам приблизительно понадобится на день, но предупредил, что морской воздух благотворно влияет на аппетит животных, поэтому не исключено, что в пути норму придется увеличить. Он был любезен и заверил, что мы можем на него положиться.

Немало времени у нас отнимали киносъемки, ведь, когда мы с Долговязым Джоном шли в Сьерра-Леоне, на «Аккре» не было оператора, и теперь надо было снять эпизоды, рассказывающие о нашем плавании в оба конца. Мы снимали также повседневный уход за животными в трюме. Здесь было к чему руки приложить и нам с Долговязым Джоном, но, так как мы превратились в кинооператоров, большая часть этой работы легла на плечи Энн и Джеки. К тому же злополучные ребра ограничивали мои возможности. Правда, я мог кормить леопардов, которые с невероятной жадностью пожирали цыплят и кроликов. Я мог также готовить корм для других животных. И, конечно, я помогал кормить Цветка.

Впрочем, эта процедура напоминала не столько кормление, сколько схватку борцов на ковре. Ставить корм в клетку было бесполезно, поросенок тотчас опрокидывал миску с молоком и фруктами, и получалась такая грязь, что потом сто лет не отмоешь. Поэтому для кормления мы два раза в день выпускали Цветка из клетки. На большой противень клали гору лакомых плодов и овощей и подливали молока. Стоило присесть с этим блюдом около клетки и поставить его на палубу, как поросенок начинал очаянно визжать и биться о дверь пяточком. Дальше наступало самое трудное. Надо было открыть дверцу и постараться схватить поросенка, иначе, бросаясь на противень, Цветок мог не рассчитать свои движения и перевернуть его; это случалось не раз. Итак, отворяешь дверцу и норовишь поймать поросенка за длинное ухо. И держишь как проклятый, потому что Цветок выскакивает из клетки пуглей. Затем осторожно ведешь поросенка к противню, он становится прямо на него своими короткими ножками, растопырив копыта, зарывается носом в корм и чавкает, упоенно хрюкая, а то и взвизгивая от радости.

Вот уже последняя капля молока вылизана, последний кусочек овощей съеден, но Цветок твердо убежден, что есть смысл поискать еще чего-нибудь. И если вы не помешаете поросенку, начнутся скачки вокруг остальных клеток.

Чаще всего Цветок устремляется к обезьянам, но как-то раз его понесло прямо к клетке леопардов, хорошо, что в последнюю минуту мне удалось его перехватить. Просвет внизу, через который выгребают мусор, вполне позволял леопардам просунуть наружу лапу, так что тут и пришел бы конец нашему Цветку. Герда и Локан ворчали и дергали когтями сетку, пытаюсь добраться до поросенка, а он хоть бы что, только возмущенно визжал, скалил свои крохотные клыки и отчаянно рвался у меня из рук, чтобы схватиться с леопардами. Ни капли страха, а ведь они были раз в двадцать больше Цветка!

Энн, как я и просил ее, все силы отдавала колобусам. Я не ошибся, когда говорил, что они не дадут ей сидеть сложа руки. Мало приучить

обезьян к незнакомой пище, надо было еще привить им новые навыки. У гверцы нет большого пальца, на воле она передвигается так стремительно, совершает такие огромные прыжки, что он был бы только помехой, вот и остался от него маленький бугорок. Но из-за этого обезьяне трудно поднять что-нибудь с пола, ведь она может только загребать ладонью, как человек, когда он собирает крошки со стола. Представьте себе, что вы кормитесь на макушке дерева метрах в пятидесяти над землей. Взяли ртом листья или еще что-нибудь, потом бросили и спокойно перебрались на другую ветку. В клетке так не получится. В базовом лагере и в Фритауне, где мы кормили колобузов листьями, задача решалась сравнительно просто: просунул сверху в клетку зеленую ветку, и пусть едят и бросают на здоровье; с полу они ничего не подбирали. На пароходе зеленых веток не было, заменой листьев могла служить только капуста, а она им не очень-то нравилась. Впрочем, им не очень-то нравился и весь прочий корм, который мы припасли, — морковь, груши, яблоки, виноград.

И развернулся поединок. С одной стороны, твердое намерение Энн не дать обезьянам умереть. С другой стороны, упрямое нежелание обезьян есть предлагаемую им пищу. Часами она просиживала на корточках перед клетками, терпеливо обучая обезьян, как поднимать с пола вещи, и добиваясь, чтобы они хоть попробовали виноград или кусок моркови. А то ведь, даже если и возьмут в руки, — понюхают и с отвращением отбросят, так и не отведав.

Самым крупным среди наших гверцев был самец лет тринадцати-четырнадцати, который всех ненавидел, а особенно Энн; за женоненавистничество он получал от нас нелестное прозвище. Все плавание между ним и Энн шло ожесточенное сражение: кто кого переупрямит. Когда ему ставили миску с едой, он ее опрокидывал и, чтобы подчеркнуть свое отвращение к такому корму и к Энн, ерзал по опилкам взад-вперед, так что получалось мерзопакостное месиво из опилок и фруктов.

Надо было изыскивать другой способ. Старый самец возненавидел Энн так, словно эта ненависть составляла смысл его жизни. Тем не менее она садилась на корточках перед его клеткой и протягивала на ладони какой-нибудь корм. Широкая ячея позволяла обезьянам просунуть руку наружу, поэтому самец прыгал к сетке, яростно бодал ее и выбрасывал вперед руку, норовя схватить пальцы Энн, подтянуть их поближе и хорошенько укусить. Понятно, корм летел через весь трюм. В один прекрасный день после ряда неудачных попыток Энн решила предложить ему для разнообразия кокосовый орех. Белое ядро ореха лучше выделялось на ладони, к тому же все остальное он уже решительно отверг.

То ли это было чистое совпадение, то ли еще что, но на сей раз, пытаясь схватить руку Энн, самец вместо этого схватил орех. И, прежде чем швырнуть его на пол, понюхал. С невероятным терпением Энн час за часом повторяла процедуру и взяла-таки женоненавистника измором. Он все еще при виде ее бодал проволоку, но затем вместо ладони хватал орех, обнюхивал и съедал кусочек. И вот уже он гораздо учтивее берет угощение! Было очевидно, что найден корм, который

пришелся ему по вкусу. Постепенно он, а за ним и другие гверцы научились брать пищу из поставленной на пол миски и с каждым днем ели чуть больше. Мы воспрянули духом. Правда, обезьяны оставались малоежками, но хоть перестали отвергать виноград, морковь и яблоки, а главное — начали пить витаминизированное молоко, так что можно было не опасаться за их жизнь.

Но и теперь кормить их было поистине геркулесовым трудом, и только поразительное терпение Энн позволяло ей справляться с порученным делом. На наше счастье держалась хорошая погода, ведь, начнись сильная качка, гверцам вряд ли удалось бы избежать морской болезни, а тогда, не сомневаюсь, мы остались бы без колобусов.

Пользуясь тем, что «Аккра» зашла в Лас-Пальмас, мы поспешили на местный базар и закупили всяких даров природы, способных, как нам казалось, привлечь гверца, в том числе такие, которые они еще не видели: шпинат, землянику, вишни. Торжествующие, доставили мы на пароход добытые овощи и фрукты и приступили к испытаниям. Надо ли говорить, что гверцы воротили нос от дорогостоящих вишен и земляники (правда, потом они все-таки снизили к вишням). Шпинат попробовали, но тоже не оценили. У нас еще была в запасе какая-то зелень, вроде фасоли; Энн в последнюю минуту обнаружила ее на базаре, и на всякий случай мы взяли немного. И вот, поди ж ты, гверцы так набросились на стручки, что, зная бы заранее, мы бы целый мешок припасли.

Наконец мы прибыли в Ливерпуль. К моей великой радости, день выдался солнечный, жаркий. Я говорил себе, что скоро всем мучениям конец, ведь осталось только отвезти нашу коллекцию в аэропорт и лететь на Джерси. Вечером животные уже будут благополучно размещены в зоопарке, а там им обеспечен самый тщательный уход и нежная любовь сотрудников.

Пароход медленно подошел к стенке. Тем временем мы лихорадочно трудились в трюме, обивая клетки брезентом и легкими одеялами. Я всегда так делаю — не столько для защиты животных, сколько для того, чтобы люди не тыкали пальцами в клетки с риском быть укушенными. И зверей только напугают. К тому же в темной клетке животные спокойнее переносят всякую тряску и болтанку.

Снова огромные сети вознесли клетки над бортом, потом опустили на пристань, где стояли наголове грузовики, чтобы везти нас в аэропорт, к зафрахтованному самолету. Мы аккуратно расставили клетки в кузовах машин, и я облегченно вздохнул. Еще несколько часов — и мы будем дома, на Джерси... Тут ко мне подошел маленький человечек и осведомился, не я ли мистер Даррелл. Я кивнул, радостно улыбаясь.

— Видите ли, сэр, — сказал он, — я по поводу ваших леопардов. У меня сердце оборвалось.

— Что с ними? — спросил я.

— Видите ли, сэр, у вас нет разрешения на ввоз.

— Как же так, — возразил я. — Мы обращались в министерство, там дали разрешение и сказали, что, поскольку леопарды из Ливер-

пуля сразу же проследуют на Джерси, их не надо подвергать карантину в Англии.

— Видите ли, сэр, я не получал никаких бумаг на этот счет.

— Господи... Но ведь достаточно позвонить в зоопарк...

— Ничего не знаю, сэр. Без документов я не могу их пропустить.

Я постарался взять себя в руки. За мою жизнь мне не раз доводилось нарываться на бюрократические крючки, и я знал, что лучше не давать воли своим чувствам.

— Хорошо, я позвоню в зоопарк.

— Пожалуйста, сэр. Только боюсь, вам придется оплачивать разговор.

— С удовольствием,— процедил я сквозь зубы.

Мы прошли в мрачный закуток, служивший ему кабинетом, и я соединился с Кэт.

Где, черт возьми, разрешение на леопардов? Кэт сообщила, что бумаги сию минуту прибыли в зоопарк. Озадаченная этим, она сразу позвонила в министерство, хотя не сомневалась, что один экземпляр направлен в Ливерпуль. Нет, любезно ответили ей в министерстве, никаких экземпляров в Ливерпуль не направляли, потому что все документы принято посылать лицу, ожидающему леопардов и прочих животных.

У меня вырвался стон.

— Ладно, Кэт,— сказал я.— Я сам позвоню в министерство.

Она продиктовала мне номер телефона, и я связался с соответствующим отделом. Чиновник выразил свое сожаление, но добавил, что отдел не совершил никакой ошибки, направив документы туда, куда должны прибыть леопарды.

— Ну хорошо, можно попросить вас поговорить с джентльменом, которому я сейчас передам трубку? Он не разрешает мне везти леопардов на Джерси, потому что не получил нужных документов... Вы не могли бы подтвердить ему, что разрешение оформлено?

Я передал трубку моему мучителю. Он что-то бормотал и всячески кочевряжился, но все же чиновник из министерства убедил его, что разрешение на леопардов есть. С кислой физиономией положил он трубку, я испортил ему все удовольствие...

— Мне можно идти?— мягко осведомился я.

— Да, пожалуй,— пробурчал он.

И мы поехали в аэропорт. Однако из-за бюрократа мы потеряли целый час, пришлось звонить и предупреждать, чтобы нас подождали.

В аэропорту животных погрузили на самолет, затем мы сами расселись по местам и застегнули пояса. Взревели моторы, самолет задрожал и тронулся с места. Но вдруг остановился. Возвратился на место, снова прибавил оборотов и рванулся вперед, и снова остановился. Вернулся на исходную позицию и заглушил моторы. Пилот подошел ко мне с виноватым видом.

— Боюсь, сэр, у нас неисправность,— сказал он.— Мы не можем взлететь.

— Сколько времени уйдет на починку?— спросил я.

— Боюсь, сэр, это трудно сказать.

— А можно оставить животных в самолете на это время?
— Можно оставить, а можно перенести в ангар, если хотите.
— Пожалуй, лучше в ангар,— сказал я. Потому что некоторых из них пора кормить.

Мы вытащили клетки из самолета и отнесли в пустующий ангар. Шли часы, мы покормили наших подопечных, дали им молока. Наконец ко мне подошел представитель авиакомпании и сообщил, что механики ищут неисправность и, как только самолет будет готов, мне дадут знать. Я позвонил в зоопарк и предупредил Кэт, что мы задерживаемся. Два часа дня, три, четыре... В пять часов мне доложили, что при прогоне моторов опять выявилась какая-то неисправность.

— Пустые хлопоты,— сказал я.— Лучше предоставьте нам другую машину.

— Позвольте еще попробовать,— упрасивали они.

— Пожалуйста,— ответил я.— Только мне не улыбается лететь на самолете, который может подвести. Я вообще не большой любитель летать, а на неисправных машинах и подавно.

Было уже довольно поздно, когда мне сообщили, что неисправность устранена. Мои ребра зверски болели, и нервы были на взводе: во-первых, я не люблю самолетов, во-вторых, с приближением ночи становилось все холоднее, и я боялся, как бы животные не простудились.

— Нет!— произнес я с внезапной решимостью.— Будь я проклят, если полечу на этом самолете. Давайте мне другой.

— Уверяю вас, сэр,— сказал пилот,— он в полном порядке.

— Я в этом не сомневаюсь. Но у меня такое предчувствие, а когда у меня предчувствие, я предпочитаю не лететь... Будь я проклят, если позволю посадить меня, мою жену и моих зверей в несчастливый самолет. Нет, боюсь, что я буду вынужден настоять на другом рейсе.

— Хорошо, сэр, как хотите,— огорченно сказал он.

Я отправился к начальству, получил разрешение оставить животных в ангаре и стал добиваться другого рейса. Это оказалось не так-то просто, но в конце концов задача была решена.

Рано утром мы примчались в аэропорт и кинулись проверять животных — не повредила ли им холодная ночь? Кажется, ничего... После этого мы погрузились на другой самолет и наконец взлетели.

Когда машина оторвалась от земли, я вытер вспотевшие руки, откинулся назад, закурил сигарету и закрыл глаза. Осталось совсем немного, сказал я себе, теперь бы только благополучно приземлиться на Джерси. Ровно гудели моторы, и вот уже на горизонте темной точкой возник наш остров. Мы снизились, совершили безупречную посадку и покатали к зданию аэропорта, где стояли наготове авторазгрузчики и выстроились — насколько я мог судить — все сотрудники зоопарка.

Началась выгрузка животных, засверкали фотовспышки репортеров, спешивших запечатлеть на пленки, как авторазгрузчики везут к машинам леопардов, шимпанзе и прочих тварей. Еще час — и мы

уже дома, животных сняли с грузовиков, и тех, кому не надо было проходить карантин, разместили в новых клетках.

Я вздохнул свободно. Нам удалось-таки доставить колобусов в зоопарк. Наконец можно как следует заняться ими, не торопясь и ни на что не отвлекаясь. Теперь вдобавок к новой диете у нас будет для них сколько угодно зеленых листьев — есть дуб, есть вяз, есть липы и прочие деревья. Я не сомневался, что этот корм принесет им пользу и придется по вкусу. Хотя бы пришлось...

Роды, роды...

Уважаемый мистер Даррелл!

Нам так сильно понравилась ваша программа «Поймайте мне колобуса», что затеялось поздравить вас и пожелать новых успехов.

Вы очень похожи на одного человека, с которым я дружил в Йорке лет двенадцать назад. Ваше настоящее имя, случайно не

Джон Митчелл! Хотелось бы узнать...

Естественно, когда возвращаешься из путешествия, пусть даже недолгого, дома тебя ожидает куча дел. Меня держали в курсе всего, что происходило в зоопарке, тем не менее пришлось сразу окунуться в работу с головой. Прежде всего надо было разобраться, что сделано комитетами, к тому же на письменном столе высылался гора писем. К счастью, оказалось, что все идет прекрасно. Число членов треста возросло почти до двух тысяч, из них пятьсот были разбросаны по всему свету. Членские взносы вместе с доходом от продажи билетов в зоопарк позволяли приступить к планам, которые мы давно вынашивали.

Все звери, привезенные из Сьерра-Леоне, слава богу, прижились очень хорошо. Леопарды, как положено, проходили у нас полугодовой карантин и получили прививку от кошачьего энтерита, чему вовсе не были рады. Гверецы, попав в просторные клетки, где можно было прыгать и лазать, жадно поедали корм, от которого на пароходе воротили нос. Мы даже предложили им бамбук и падуб. Приняли и стали уписывать за обе щеки. Отлично: значит, и зимой не останутся без зеленого корма.

Мы разделили колобусов на две группы. Старый злюка с тремя взрослыми самками занимал одну клетку, молодой самец и две его ровесницы — другую. При этом мы исходили из того, что старик, заведомо не отличающийся добродушием, вполне способен отправить молодого соперника на тот свет, если держать их вместе. Лучше не рисковать самцом, тем более что преклонный возраст злыдня не позволял рассчитывать, что он проживет у нас долго.

Первые два-три дня я был занят устройством животных на новом месте, наблюдал за переоборудованием клеток и так далее, а потом прочно окопался в кабинете, отвечая на письма и заседаая в комитетах. И конечно, в разгар одного из таких заседаний наша шимпанзе Шеена решила произвести на свет детеныша. Мы ожидали этого

события так долго, что я был застигнут врасплох. Беременность у шимпанзе длится столько же, сколько у человека, а девять месяцев — срок изрядный. Первое время Шеена очень страдала от нарушения водного обмена. Кисти, ступни и лицо ее сильно отекали, и, наверное, боль была невыносимая. Такое случается и среди людей, поэтому мы посоветовались не только с ветеринарами, но и с нашим собственным врачом — мы всегда обращались к нему, когда заболели человекообразные. Нам удалось скормить Шеене прописанные врачом пилюли, и они ей помогли; потом отеки и вовсе пропали. Ничто не говорило о приближении счастливого события, если не считать того, что вместо одного литра жидкости в день она теперь употребляла семь. И вот, когда я сидел на заседании Административного комитета и мы обсуждали, какие новые клетки заказывать, каких еще животных приобретать и прочие важные вопросы, вдруг распахнулась дверь и вбежала Джеки.

— Живей! — закричала она, повергнув в изумление почтенное собрание. — Шеена лопнула!

С этими словами Джеки стремглав бросилась в Дом млекопитающих. Я вскочил, разметав бумаги во все стороны, и ринулся за ней вдогонку. Надо ли объяснять, что мое поведение ошеломило членов комитета. Откуда им, беднягам, знать, что означалось слово «лопнула» на нашем профессиональном жаргоне, а так как я еще никогда не наблюдал родов шимпанзе, то не собирался упускать такой случай. Я пулей пересек двор и затормозил перед клеткой Шеены. Она сидела на полке спиной к нам и тужилась, я даже разглядел макушку младенца. Внезапно Шеена встала и принялась мастерить гнездо из соломы. Время от времени она прерывала работу и тужилась: судя по всему, у нее при этом не было никаких болезненных ощущений. Видимая часть головы младенца была не больше гусиного яйца. Иногда Шеена касалась ее пальцем, и по-прежнему мы не замечали у роженицы никаких признаков непомогания.

Около получаса Шеена то рассеянно мастерила гнездо, то бродила по полке, то останавливалась из-за схваток. Вдруг она присела лицом к нам, опираясь на левую ногу и раздвинув ноги. Похоже, схватки начались всерьез. Неожиданно она быстро опустила вниз правую руку, и вот уже на ладонях у нее лежит малыш. Все это произошло так стремительно, что никакой фотограф не успел бы снять.

Малыш лежал на спине, чуть наклоня голову вбок. Меня больше всего заинтересовало выражение лица Шеены: она не верила своим глазам. Очевидно, ей казалось, что из нее выходит необычайно крупный экскремент, а тут — на тебе! — на руках лежит крохотная копия ее самой!

В это мгновение малыш издал такой громкий и пронзительный крик, что, не следя мы внимательно, можно было подумать, что это сама Шеена кричит. Мать реагировала молниеносно — крепко прижала дитя к груди обеими руками. От конца родов до этого движения прошло, наверно, не больше четырех-пяти секунд.

Минуто-другую держала Шеена малыша таким образом, потом понемногу ослабила хватку и принялась рассматривать его. Прежде

всего она языком и губами очистила его макушку, которая порой вовсе исчезала у нее во рту. Зная, какие у Шеены большие и крепкие зубы, я опасался, как бы она не раздавила мягкий череп малыша. Но, видно, она все проделывала очень нежно, потому что детеныш не выказывал ни малейшего беспокойства. Дальше она принялась отмывать ему пальцы рук и ног, тщательно обсасывая каждый палец и вылизывая ладони. Потом, держа малыша на ладонях, как в колыбельке, вылизала ему глаза. Время от времени она шумно выдыхала воздух, сложив губы трубочкой, — то ли сбрызгивала слюной отмываемое место, то ли выражала так нежные родительские чувства. Меня удивило, что Шеена не очищает телце детеныша. Длинная пуповина достигала двух с половиной сантиметров в толщину, а размеры прикрепленной к ней плаценты составляли примерно тридцать на двадцать сантиметров.

Только умыв малышу руки, ноги и голову, Шеена обратила внимание на пуповину и послед. Вот еще забота! Она заходила взад-вперед по полке, прижимая к себе дитя левой рукой и держа в правой пуповину с болтающейся на ней плацентой. Положит плаценту, накроет ее соломой, притопчет, потом отойдет в сторонку и сядет, словно убежденная, что наконец-то отделалась от раздражающего ее предмета. Но уже через несколько минут оказывалось, что малыш по-прежнему соединен пуповиной с последом, и вся процедура повторялась. За полчаса Шеена, наверно, раз шесть или семь закапывала послед в солому. Один раз подошла к краю полки, и плацента, к нашему ужасу, закачалась в воздухе, будто маятник. Оборвись пуповина, и малыш вполне мог истечь кровью.

К этому времени весь Административный комитет собрался у клетки, пришел и наш врач, который как раз навещал заболевшего сотрудника. Все с увлечением наблюдали за происходящим, но когда Шеена принялась жонглировать плацентой, доктор в ужасе отвернулся.

— Не могу смотреть, — сказал он. — Страшно подумать, что случится, если она ее выпустит.

К счастью, Шеена крепко держала пуповину, вес последа прихотился на ее руку, и с малышом ничего не случилось. Вскоре она спустилась с полки, захватив пук соломы, — видно, подумала, что теперь-то избавится от надоевшей ноши, — но через минуту опять залезла на полку.

Через час Шеена смирилась с тем, что пуповина с плацентой — неудобный, но неотъемлемый атрибут материнства, и принялась более внимательно изучать послед. Ткнет пальцем — облизнет его. Еще через полчаса она взяла послед в руки и принялась его есть, но как-то нерешительно, просто чтобы отделаться, и одолела только половину. Малыша она при этом прижала к груди, однако все еще не подносила к соску. Мы встревожились, ведь после первых родов у обезьян нередко случается, что малыш умирает с голоду, если мамаша инстинктивно не покажет ему соски или держит его так, что ему до них не дотянуться. Но Шеена держала малыша достаточно высоко, и вскоре он нащупал грудь; мы видели, как он сосет попеременно то из

правого, то из левого соска. Подзакусив, детеныш неожиданно издал приветственные звуки шимпанзе: «Эх, эх, эх, эх». Шеена очень живо реагировала, еще крепче прижала дитя к груди, пристально разглядывая его мордочку и вылизывая ему глаза.

Вечером она улеглась спать на правом боку, пристроив малыша рядом с собой, и мы облегченно вздохнули: пока что все идет хорошо!

На другой день пуповина подсохла, плацента тоже, но Шеена больше не пыталась ее съесть. На третий день окончательно высохшая пуповина, к явному облегчению Шеены, сама обломилась. Малыш развивался нормально, ел хорошо, и мать не страдала от недостатка молока.

Сами понимаете, персонал Дома млекопитающих ходил с гордым видом. Что ни говори, не так-то просто добиться размножения шимпанзе в неволе. Даже в таких старых европейских зоопарках, как Антверпенский, которому теперь лет сто, не удалось получить потомства от шимпанзе. Словом, мы были очень довольны собой.

Малыш быстро рос, и Шеена показала себя заботливой мамашей. Вскоре детеныш уже ползал по полу, иногда даже карабкался на решетку. Но стоило ему только пискнуть, как мать бросалась на зов и прижимала драгоценное чадо к груди. Примерно в четыре месяца Мафит — так мы назвали малыша — проявил интерес к фруктам. Первое время он просто мусолил их во рту, но затем научился есть. И начал сосать молоко из бутылочки. По нашим наблюдениям, в этом же возрасте он начал играть соломой. Ползает по клетке, собирает солому и тащит в одно место. Впечатление было такое, что он именно играет, а не устраивает ложе. Но уже через две недели мы стали замечать, как он на полке собирает, укладывает и приминает ногами солому, делая миниатюрные копии гнезд, которые мать соорудила каждый вечер.

К сожалению, наша радость длилась недолго. Присматриваясь к Мафиту, я однажды заметил, что двигается он не так, как положено в его возрасте, — недостаточно ловко и проворно действует руками и ногами. А когда он влез на решетку и принялся ее сосать, я увидел также, что десны его бледнее, чем следует. Я рассказал об этом Джереми, после чего он и все сотрудники зоопарка, а также Джеки отправились к клетке шимпанзе. Внимательно приглядевшись к Мафиту, они согласились со мной, что десны бледноваты, но в движениях малыша не нашли ничего необычного. Я продолжал настаивать, что Мафит кажется мне недостаточно проворным для своего возраста. Поделился я своими сомнениями и с Томми Беггом, как только он пришел, и мы согласились увеличить дозу витамина В₁₂. Может, это исцелит малыша от вялости.

Через несколько недель стало ясно, что Мафит серьезно болен и его нужно лечить. Но для этого надо было отнять его у Шеены. Мы обездвигили ее специальным пистолетом, вошли в клетку и взяли малыша. Как ни старались мы вести себя осторожно, обращаться с ним ласково, он очень испугался. Мафит давно привык к нам, но он обычно видел нас по ту сторону барьера, и, когда мы отняли его

от матери, ему вдруг стало плохо. Личико и язык посинели, он стал задыхаться, потом дыхание вовсе прекратилось. Мы применили все способы искусственного дыхания, влили шимпанзенку возбуждающее средство. На какое-то время помогло, он опять начал дышать. Однако через десять минут сердце перестало биться и дыхание прекратилось окончательно. Ничто не могло вернуть его к жизни.

Надо ли объяснять, что мы были страшно подавлены. Тем не менее тело отправили на вскрытие: узнать причину смерти важно на тот случай, если у Шеены будут еще детеныши. Ответ был весьма поучительным, как пример того, насколько серьезно может болеть животное без ярко выраженных симптомов. Оказалось, что левая рука Мафита была искривлена из-за внутреннего повреждения тканей у локтя, причем кость недостаточно отвердела. Нижние левые ребра — полые и деформированные. Сердце само по себе было в полном порядке, но рядом с ним оказалось обширное изъязвление; оно-то скорее всего и стало причиной смерти. Последняя фраза врачебного заключения звучала не очень утешительно: «Исследуемое животное имело серьезнейшие травмы, так что вряд ли лечение даже на ранней стадии могло бы что-либо исправить».

Таким образом, выяснилось, во-первых, что в корме Шеены не достает кальция, а во-вторых, мы не повинны в смерти Мафита. Сердце рано или поздно все равно сдало бы, даже если бы мы не трогали малыша. Только от этого нам легче не стало...

Вскоре Шеена опять забеременела. На сей раз роды состоялись ночью, и родился здоровый, крепкий детеныш женского пола. Теперь ему почти два года, мы уже отделили его от матери, и малыш благополучно здравствует. Никаких симптомов вроде тех, которые наблюдались у Мафита. Конечно, под конец беременности мы особенно следили за питанием Шеены, с тем чтобы в молоке было достаточно кальция. Думаю, прекрасное здоровье Алексы объясняется витаминами, которые получала ее мать. Смерть Мафита нас кое-чему научила.

Прошло немного времени, и нас подбодрило новое счастливое событие. Как-то Джереми ворвался в мой кабинет возбужденный, нос розовый, волосы разлохмачены.

— Колобусы! — кричал он. — У них малыш!

Невероятная новость! Во всем мире только один зоопарк, кроме нашего, располагает гверецами этого вида, и, насколько нам было известно, никому не удавалось добиться, чтобы они размножались в неволе. Для нас уже одно то, что колобусы прижились в Джерсийском зоопарке, было большой победой. А если удастся вырастить малыша, мы вправе торжествовать вдвойне.

Мы побежали к клетке. Три самки буквально вырывали друг у друга беленького (у колобусов детеныши всегда белые) малыша, сразу и не поймешь, которая из них мамаша. Мы не очень-то хорошо представляли себе тонкости поведения гверец в естественных условиях. Может быть, у них, как у бабуинов, все самки поочередно выступают в роли тетушек. Но, глядя на то, как малыш переходит

из рук в руки, мы решили, что надо бы опознать мамашу, пока с младенцем не случилась какая-нибудь беда.

Вошли в клетку, благополучно извлекли из нее малыша, живо взвесили его и определили пол. А заодно узнали, кто мать, потому что самая маленькая из трех самок тотчас спустилась к решетке, пытаясь вернуть свое чадо. Мы заперли двух других самок в спальном отделении и возвратили ребенка матери. Несколько дней их держали обособленно, пока не удостоверились, что малыш хорошо сосет молоко и достаточно крепок, чтобы выдержать знаки внимания «тетушек». Когда группа была воссоединена, не обошлось без недоразумений — обе тетушки пытались отвоевать для себя малыша. Потерпев неудачу, они уgomонились и принялись поглаживать друг друга.

Через несколько часов картина переменялась: то одна, то другая самка возилась с малышом, но стоило ему пискнуть, как мамаша тотчас забирала его.

Старый самец, игравший роль властного и строгого папаши, не очень жаловал своего отпрыска. Он бесцеремонно толкал его, иногда выгонял из спального отделения мать с малышом. А чаще всего просто не замечал младенца — сидит с присущим ему надменным видом, этаким владыка всего обзримого мира.

Малыш отлично развивался, и выросла чудесная самочка, которую мы называли Энн — ведь это Энн Питерс мы были обязаны тем, что смогли довести колобусов до Джерси.

С тех пор у гвереца еще не раз было прибавление семейства, и теперь их у нас двенадцать штук. Как я уже говорил, Джерсийский зоопарк — единственный в мире, добившийся размножения колобусов в неволе, и мы считаем это одной из наших главных побед.

Самка орангутана, Бали, решив, что ей не пристало отставать от других, тоже забеременела. И конечно, мы страшно волновались — ведь добиться размножения орангутанов в неволе чрезвычайно важно. По мнению специалистов, если этих обезьян будут истреблять по-прежнему, через десять-двадцать лет их и вовсе не останется в природе.

Бали — на редкость милое и кроткое создание, это намного облегчало нам работу, так как мы могли спокойно входить к ней и обследовать ее. Она все полнела и полнела, предполагаемые сроки давно прошли, и мы начали беспокоиться. Я уже говорил, что у нас, как и в большинстве европейских зоопарков, за человекообразными присматривают не только ветеринары, но и терапевт. Ведь они так похожи на человека, что иногда нашему доктору удается поставить диагноз в тех случаях, когда ветеринар становится в тупик.

Как-то мы с Джереми при нашем враче заговорили о беременности Бали. Я заметил, что, по-моему, Бали просто морочит нам голову.

— А знаете, — сказал Майк, — если бы я мог приложить к ее животу стетоскоп, быть может, удалось бы прослушать сердцебиение плода. Обезьяна ручная?

— Конечно, — ответил Джереми. — Мухи не обидит.

— Так что, пойдем попробуем? — предложил Майк.

Мы отправились в дом млекопитающих. Джереми вошел в клетку, Майк последовал за ним. Присев на корточках на соломе, он повесил стетоскоп на шею и стал потихоньку приближаться к обезьяне, говоря ей что-то ласковое. Бали возлежала на соломе — этакий рыжий косматый Будда — и с любопытством смотрела на врача своими кроткими миндалевидными глазами. Наконец Майк подобрался к ней вплотную, воткнул в уши стетоскоп и бережно приложил аппарат к ее огромному животу. Бали была очарована славным, воспитанным джентльменом, который так мило с ней разговаривал и прижимал к ее пузику какую-то заманчивую штуку. А эти длинные трубочки — они не съедобны? Она осторожно вытянула руку и коснулась стетоскопа, но Джереми отвел ее пальцы в сторону. Послушав с минуту, Майк вынул стетоскоп из ушей.

— Ну? — нетерпеливо спросил я. — Что-нибудь слышно?

— Не уверен, — ответил Майк. — Какой-то стук есть, возможно, это сердце плода, но она лежит не совсем удобно. Если бы она села повыше...

Джереми попробовал заставить Бали сесть. Куда там, обезьяне больше нравилось лежать. В самом деле, пусть этот чужак хоть целый день щупает ее живот, если ему это доставляет удовольствие.

Все же мы ухитрились слегка развернуть ее, и Майк сделал новую попытку. Опять он услышал какой-то двойной стук, похожий на сердцебиение, но полной уверенности у него не было. Мы сдались. Майк вышел из клетки и отряхнул солому со своего безупречного костюма.

— Не могу сказать ничего определенного, — заключил он. — Мне кажется, она беременна, но она лежит так, что точно определить сердцебиение я не мог. Придется уж вам набраться терпения и ждать.

Так мы и поступили. Бали день ото дня становилась все круглее и круглее, все ленивее и добродушнее. В одно прекрасное утро, войдя пораньше в Дом млекопитающих, Джереми, к своему величайшему огорчению, обнаружил, что Бали произвела на свет мертвое дитя. Он вынес его из клетки, и мы исследовали младенца. Видно, мы ошиблись, определяя срок беременности Бали, потому что плод, в общем-то вполне нормальный, оказался недоношенным.

Правда, такие случаи не редкость, когда дикие животные рожают впервые. В какой-то мере нас утешило то обстоятельство, что мы считали Бали слишком молодой для материнства, а оказалось, что она в принципе уже способна произвести на свет здорового детеныша. Будем надеяться, что в следующий раз нам больше повезет!

Видимо, Бали пришлось по душе, как ее обхаживали, когда она была беременна, потому что вскоре мы снова обнаружили у нее знакомые симптомы. Опять ее окружили вниманием, отделили от супруга, кормили самыми лакомыми яствами; снова к ней в клетку пришел добродушный человек и прослушал весь живот стетоскопом — безрезультатно.

Предполагаемый срок беременности давно прошел, но мы все дер-

жали орангутанов порознь. Наконец решили, что Бали нас провела. И не ошиблись: как только их с Оскаром воссоединили, ее живот и груди опали. Мы здорово обиделись на Бали за такой розыгрыш, однако не теряем надежду, что в один прекрасный день она все-таки станет матерью.

Снова пришла весна, и снова мы с Шепом одержимы одной мыслью: размножением ушастых фазанов. Петушок все еще сильно хромотал, и мы не сомневались, что он не сумеет выполнить свои супружеские обязанности. Может, прибегнуть к искусственному осеменению? На домашней птице этот способ хорошо отработан, но к диким птицам его почти не применяли. Мы связались с лучшими экспертами Англии и континента, однако итог был неутешительным: козь скоро у нас всего одна пара и вид такой редкий, не стоит рисковать. Лучше оставить их в покое и уповать на то, что петушок в конце концов окрепнет.

Пришло время мне отправляться в ежегодный отпуск в Грецию. Разумеется, настоящего отпуска у меня никогда не бывает, потому что, удалившись от телефонов и прочих помех, я обычно стараюсь сосредоточиться и написать очередную книгу.

Итак, я нежилась под солнцем Греции, любовалась весенним цветением и оливковыми рощами, а потом мы не торопясь взяли курс домой через Францию, пользуясь случаем разговеться как следует. Кэт и Джереми писали нам обо всем, что происходило в зоопарке. Случись что-нибудь экстренное, они знали, куда мне звонить, чтобы я тотчас вылетел домой.

Хитроумный обмен со Смитсоновским институтом в Вашингтоне, устроенный Джереми, позволил нам получить несколько разных тенреков — маленьких зверушек, напоминающих ежа. Этим своеобразным мадагаскарским насекомоядным тоже грозит полное истребление, поэтому мы были рады возможности разводить их у нас в зоопарке. Когда половина Франции осталась позади, я решил сам позвонить Кэт — спросить, как поживают наши тенреки, и сообщить примерную дату нашей высадки на Джерси. Сидя за столиком в кафе и потягивая чудесное белое вино, я размышлял, с чего начать — с устриц или с улиток; в это время подошел официант и сообщил, что Джерси на проводе.

— Я поговорю, — сказала Джеки, предоставив мне продолжать упоительное чтение меню.

Вскоре Джеки вернулась, и по ее сияющему лицу я сразу понял, что случилось нечно из ряда вон выходящее.

— Какие новости? — спросил я.

— Ни за что не угадаешь!

— Ладно, не морочь мне голову, говори скорей!

— Фазаны отличились, — сообщила она. — Снесли девятнадцать яиц, и Шеп говорит, что из четырнадцати вылупились цыплята.

Трудно выразить, что я испытал в эту минуту. Сперва — недоверие. Потом меня с головы до пят пронизало ликование. Ведь если мы благополучно вырастим четырнадцать ушастых фазанов, у нас

будет самое большое «племенное стадо» в мире, не считая Китая. Пусть даже подтвердится, что этой птицы в естественных условиях больше нет,— теперь в наших силах спасти ее от полного исчезновения.

Наконец-то трест начинает служить цели, ради которой я его создавал! Мы заказали роскошный обед и отметили славное событие обильным возлиянием. Весь следующий день, провожая взглядом чудесные французские пейзажи, я думал про себя: «Четырнадцать штук! Четырнадцать штук!.. С двумя взрослыми — шестнадцать! А если и на следующий год курочка не подведет... Бог мой! Мы сможем разослать ушастых фазанов во все зоопарки мира, чтобы судьба их зависела не от нас одних. Господи, хоть бы цыплята были разнополые... Надо будет устроить для них отдельные вольеры... Это просто необходимо...»

В радужном настроении мы доехали до побережья и переправились на Джерси. Прибыв в зоопарк, я немедленно вызвал Шепу.

— Что я слышу?— спросил я.— Ты угробил наших ушастых фазанов?

— Ага,— ответил он.— Чего уж тут записывать: все до одного околели. Жаль, конечно, да что теперь поделаешь.

— Ладно, балда, пошли, показывай!

Шеп отвел меня к загонам, где озабоченная курочка хлопотала вокруг своих чад, которым исполнилось почти десять дней. Цыплята были отличные, крепенькие, и Шеп позаботился о том, чтобы у них был совершенно чистый грунт, так что мы вполне могли надеяться сохранить весь выводок.

Я пригласил Шепу к нам, откупорил шампанское, и мы выпили за здоровье друг друга и белых ушастых фазанов. После очередной череды неудач и огорчений наступил час торжества.

Раскапываем Попокатепетль

Особую прелесть и красоту здешним видам придает внушительная панорама горных цепей, причудливые вершины которых являют собой подлинное чудо природы. Прибавьте к этому теплый климат, а также самобытную флору и фауну.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МЕКСИКЕ

В один прекрасный день, прочтя очередные письма и перейдя к журналам, я обратил внимание на одну статью в «Энимэлз». Некий Норман Пеллем Райт рассказывал о своеобразном маленьком зверьке — так называемом вулканическом кролике, или тепоринго. Я слышал об этом кролике, но не подозревал, что ему грозит полное истребление. У тепоринго весьма ограниченный ареал, он обитает лишь на склонах нескольких вулканов вокруг Мехико. Мяса от этого крохотного зверька очень мало, и он охраняется законом, но это не мешает местным охотникам упражняться на нем в стрельбе и

натаскивании собак. Статья Пеллема Райта заканчивалась призывом: пусть какой-нибудь зоопарк попробует приобрести несколько тепоринго и размножить их в неволе на случай, если природные популяции будут окончательно истреблены.

Подходящая задача для треста! С таким маленьким животным мы уж как-нибудь справимся. Правда, я знал, что содержать в неволе зайцеобразных нелегко, но не сомневался, что терпение и труд восторжествуют. Отложив журнал, я стал перебирать в уме проблемы, с которыми предстоит столкнуться. Полистал справочники и выяснил, что с кормом будет так же сложно, как и в случае с колобусом, потому что вулканический кролик обитает в сосновых лесах на большой высоте, среди травы закатон; она-то и составляет его главный корм. Как он отнесется к другой зелени? Опять же — высота. Очень серьезная проблема, ведь из Мексики кролики полетят самолетом на Джерси, а это значит, что с высоты трех тысяч метров они опустятся почти до нуля. Ничего, что-нибудь придумаем...

К тому же, сколько ни ломай голову над этими вопросами, сперва предстояло решить множество других задач. Тут ведь не то что взял да сел на пароход, отправляющийся в Мексику. Пока я прикидывал, что да как, пришло письмо все от того же Пеллема Райта, причем как раз в ту минуту, когда я сам собирался написать ему о том, что нас обоих волновало: о тепоринго. А в письме говорилось, что он, Райт, слышал про наш трест и нашу работу и берет на себя смелость предложить нам заняться вулканическим кроликом. Пеллем Райт заверял меня, что я могу всецело рассчитывать на его помощь, если задумаю отловить несколько экземпляров.

Что ж, меня это вполне устраивало. Кстати, мы с Джеки давно ждали повода, чтобы поехать в Мексику, — и вот отличный повод!

Вывезти из страны животное, которое строго охраняется законом, не так-то просто даже для уважаемой научной организации. Поэтому нам с Пеллемом Райтом пришлось довольно долго переписываться с государственными органами Мексики, прежде чем мне разрешили приехать для отлова тепоринго.

К тому времени я выяснил, что в Мексике есть еще три вида, которым угрожает полное истребление и которые строго охраняются законом, причем все три — птицы. Во-первых, квезал — изумительно красивая птица с золотисто-зеленым оперением, алой грудкой и длинными, отливающими металлом хвостовыми перьями. Во-вторых, рогатый гокко, величиной с индейку, с острым рогом на лбу, похожим на носорожий. И, в третьих, толстоклювый попугай, ярко-зеленая птица с алой «маской», перья крыльев и ног тоже с алым отливом.

Мексиканские власти разрешили мне отловить только вулканического кролика и толстоклювого попугая, считая, что рогатый гокко и квезал стали чересчур большой редкостью. К тому же у властей были свои соображения насчет охраны ареала этих птиц, и вот-вот должны были последовать практические меры.

Два разрешения из четырех возможных — замечательно, это даже больше того, на что я рассчитывал!

Мы приступили к сборам. Нужно было спроектировать и смасте-

рить складные клетки, уложить продукты и так далее. И главное, найти судно, заходящее в Веракрус, поближе к Мехико, куда нам непременно надо было попасть, чтобы засвидетельствовать свое почтение властям. Несколько месяцев напряженного труда, десятки писем и телефонных звонков — наконец все приготовления закончены, и мы погрузились на борт парохода, идущего в Мексику.

Наш отряд состоял из Джеки, меня, Шеп (когда можно, я всегда стараюсь брать с собой кого-нибудь из сотрудников зоопарка, а так как на этот раз нам предстояло ловить птиц, поехал Шеп), моей секретарши Дорин (Энн Питерс перешла на другую работу) и нашего старого друга, Пегги Кэрд. До того как стать вольным художником, Пегги долго работала в Би-Би-Си, и я пригласил ее в экспедицию в расчете, что она сможет сделать интересные звукозаписи к фотографиям, которые мы надеялись снять во время охоты на вулканических кроликов. А Дорин — первоклассный водитель, и ее талант мог очень даже пригодиться в облюбованных нами районах Мексики. К тому же я собирался в пути писать книгу.

Минул месяц, и вот пароход «Ремшид» причалил к дебаркадеру в порту Веракрус. Поднявшись на палубу, я смотрел на город. Картина была такая оживленная, радостная, теплая, и в воздухе носились такие приятные запахи, что я сразу же проникся глубоким расположением к Мексике. Но первое впечатление бывает обманчивым, я не преминул вспомнить об этом, едва мы вошли в таможню. Таможенники всегда и всюду склонны придирааться, но особенно трудно с ними зверолову. Ведь его снаряжение представляет собой такой пестрый набор самых разных предметов, от мясорубок до медицинских шприцев, что просто невозможно поверить, будто он приехал в страну только за тем, чтобы ловить животных. Нет, скорее всего это какой-нибудь маскирующийся коммивояжер. Снаряжение, которое мы нагромодили на стойке, составило груды длиной около десяти метров — как тут не призадуматься!

С удивлением я обнаружил, что таможенник — женщина, к тому же красивая. Я сразу проникся к ней симпатией. Элегантная зеленая форма, чудесное смуглое лицо — словом, сердце мое растаяло, и я почувствовал, что мы могли бы с ней отлично поладить. Но мое растаявшее сердце ушло в пятки, едва я увидел, каким взглядом она обзирает наши пожитки. Кажется, ответной симпатии здесь не дожدهшься... Хорошо еще, что у меня был переводчик в лице Пегги, ибо моего знания испанского далеко не достаточно, чтобы вразумительно объяснить чиновнику мексиканской таможни, для чего надо ловить зверей.

Женщина в зеленом принялась не спеша открывать наши чемоданы и шупать содержимое. Я подумал, что при таком темпе мы проторчим тут не один час, а то и не один день. Вспомнилось, как однажды в Аргентине все мое звероловное снаряжение было конфисковано таможней и понадобились недели, чтобы выручить его и приступить к работе. Кажется, подумал я с ужасом, та же история повторяется в Мексике... Расправившись с третьим чемоданом — на очереди было еще около сорока! — смуглая красавица посмотрела на Пегги.

— Это все ваши?— спросила она.

— Наши,— подтвердила Пегги.

Таможенница поразмыслила, потом знаком отозвала Пегги в сторонку. Когда Пегги вернулась, я увидел озорной блеск в ее карих глазах.

— Она хочет, чтобы ее ублажили,— сказала Пегги.

— Ублажили?— поразился я.— Как это понимать?

— Она говорит, если мы ее ублажим, остальной багаж пройдет без осмотра.

Я не верил своим ушам.

— Разве у нее нет мужа? Станный способ пропускать багаж через таможенню...

— Да нет же!— прыснула Пегги.— Она подразумевает взятку.

— Господи!

Я бы потрясен, мне никогда в жизни не приходило в голову подкупать таможенников. В моем представлении это примерно то же, что плевать против ветра.

— А сколько, по-твоему, ей надо дать?— спросил я, оправившись от шока.

— Пойду узнаю.— Пегги отправилась на переговоры.

Она вернулась скоро.

— Говорит, триста песо сойдет,— доложила она.

— Сколько это будет в переводе на английские деньги?

— Около десяти фунтов.

— Ладно, бог с ними, только бы поскорее выйти отсюда.

Я вытащил бумажник и вручил Пегги деньги. Она снова пошла к дальнему концу стойки, где женщина в форме уже занималась еще чьим-то багажом. Я ждал, что «приемопередача» взятки будет происходить скрытно. Пегги тоже так думала, она шла крадучись, точно секретный агент, сомневающийся в надежности своей маскировки. А таможенница, заметив ее, наклонилась над стойкой и спокойно протянула руку. Пегги испуганно сунула ей деньги и стремглав вернулась ко мне.

— Боже!— вымолвила она.— Так откровенно!

— Ничего, зато с багажом все в порядке,— утешил я ее.

Мы нашли престарелого гнома-носильщика, он сложил в кучу наши вещи и пообещал раздобыть грузовик, чтобы отвезти их в камеру хранения. Дело в том, что возникла новая заковыка. Пока мы с Пегги занимались снаряжением, Джеки, Дорин и Шеп предавались бюрократическим упражнениям, добиваясь, чтобы нам разрешили сгрузить наш «лендровер». Я обнаружил их — запарившихся и удрученных — в другом конце таможни.

— Ну так!— весело доложил я.— Все в порядке. Багаж провели. И ведь как живо управились... чудо... Во всем мире я не видел такой эффективной системы.

— Тогда попробуй расхлебать эту кашу,— ядовито заметила Джеки.— Похоже, документы на «лендровер» оформлены неправильно.

— Силы небесные,— простонал я.— Опять не слава богу...

Таможенник вел себя предельно учтиво, он был сплошное оча-

рование. Это не мешало ему твердо стоять на своем. К сожалению, наши бумаги неверно оформлены, и здесь исправить дело нельзя, только в Мехико. Но без «лендровера» как же мы доберемся до Мехико? Что он нам посоветует? Чиновник выразительно пожал плечами — так утка отряхивается от воды. Сеньору придется съездить в Мехико за надлежащими документами, а пока машину придется задержать. Он весьма сожалеет, но ничем не может нам помочь. Обескураженные, мы сбились в кучку и открыли оперативное совещание.

— Ничего не поделаешь, — начал я. — Все равно мы собирались провести один день в Веракрусе, и номера в отеле забронированы. Придется нанять машину и ехать в Мехико за бумагами.

— Пожалуй, ты прав, — сказала Джеки. — Но сколько времени и денег зря потратим... Хотела бы я знать, о чем думали болваны, которые оформляли нам документы. Ведь отлично знали, что мы ввозим машину всего на два-три месяца.

— Что толку спорить теперь, — заключил я. — Лучше сдадим багаж в камеру хранения и разместимся в гостинице, а там посмотрим, как действовать дальше.

Так мы и поступили.

Отель «Мокамбо» в пригороде Веракруса отчасти вознаградил нас за все огорчения. Полный очаровательного своеобразия, он на какое-то время отвлёк нас от неприятных размышлений. Начать с того, что архитектор, который проектировал это огромное сооружение, то ли находился под влиянием раннего Сальвадора Дали, то ли мечтал в юности стать капитаном, потому что весь отель был украшен штурвалами со старых парусников. Даже в холле висел под потолком штурвал небывалых размеров, метров семь-восемь в поперечнике, и штурвалами же были забраны все окна. На стенах красовались изображения кораблей. В остальном сие грандиозное здание (инного определения не подберешь) представляло собой сочетание широких лестниц, лоджий с видами на кроны деревьев и море вдали и просторных внутренних двориков с беспорядочно расставленными греческими колоннами. Любой дипломированный архитектор, наверное, потерял бы рассудок, проведя сутки в этом отеле, меня же он просто обворожил.

Во второй половине дня мы договорились о машине, которая должна была на другое утро отвезти нас в Мехико, а вечером отправились в Веракрус, чтобы познакомиться с мексиканской кухней. Нас предупреждали, что она отвратительна, тем приятней было убедиться в обратном. Маленькие веракрусские устрицы оказались самыми вкусными и нежными из всех устриц, какие мне когда-либо доводилось пробовать, а большие креветки — их разделяют на две половины и поджаривают на противне над костром — просто бесподобны. Они запекаются в собственном соку, и панцирь становится таким хрупким, что его можно есть вместе с содержимым. Такое впечатление, будто ты ешь диковинную розовую вафлю. И еще одно необычное для нас блюдо — тортилья. Это своего рода блины, они бывают либо толстые и дряблые (эти мне не понравились), либо

тонкие и поджаристые. К ним подают черную фасоль и чудесный жгучий соус из зеленого перца. Мы плотно закусили, и настроение сразу поднялось.

На другое утро мы с Джеки и Пегги поехали в Мехико, предоставив Шепу и Дорин изучать значные места портового города. Ландшафт, по которому проходила дорога, поразил нас своей необычностью. Только что мы были в окружающих Веракрус тропиках, с ананасами, бананами и прочими южными плодами, а поднялись выше — и картина совсем иная, вдоль шоссе выстроились субтропические деревья изумительной окраски и формы. Внезапно их сменил сосновый лес, и стало так прохладно, что пришлось надевать вязаные жакеты. Затем впереди простерлась голая равнина, и вдали показались могучие вулканы Попокатепетль, Истаксиуатль и Ахуско. К их подножию лепилось большое серо-белое облако.

— Это и есть Мехико,— сказала Пегги.

— Как? Это облако?— спросил я.

— Ну да,— подтвердила она.— Так мне говорили. Это смог.

Я недоверчиво посмотрел на нее.

— Неужели все это облако — смог? Да ведь так недолго и задохнуться!

— Недаром мексиканцы говорят, что у них самый страшный смог во всем мире,— продолжала Пегги.

— Всеблагий боже! Нечего сказать, приятные деньки нам предстоят!

Предмесья Мехико производили довольно жалкое впечатление, но дальше пошли дома покрасивее, хотя и преобладала современная архитектура. Слова Пегги подтвердились: воздух был ужасный, запахи нефти, бензина, гари и прочих отходов образовали такую смесь, что, казалось, наши легкие отныне и навсегда будут заражены этим ядом. Попав в пробку — а мы то и дело в них попадали,— приходилось выбирать одно из двух: либо наглухо закрывать окошки, рискуя изжариться заживо, либо во избежание рака легких стараться вдыхать не чаще одного раза в пять минут. Ума не приложу, как люди ухитряются жить и работать в Мехико.

Когда мы разместились в гостинице, Джеки и Пегги отправились распутывать проблему «лендровера», а я тем временем обзвонил всех, с кем мне советовали связаться, и уведомил о нашем прибытии и наших намерениях. Навестил Пеллема Райта; он был чрезвычайно любезен, сообщил мне кучу полезных сведений, потом проводил меня к д-ру Корсо, который руководит охраной природы в Мексике, и его заместителю, д-ру Моралесу. Д-р Корсо выслушал мои пожелания и все одобрил. Правда, как я его ни умолял, он не разрешил мне отловить рогатого гокко. По его словам, для этой птицы будет учрежден особый заповедник с надежной охраной, исключаящей браконьерство. Надо ли говорить, как я огорчился, но твердо стоял на своем. Ладно, хоть принимаются меры, чтобы сохранить рогатого гокко на воле, и то хорошо.

Большую помощь оказали нам руководители конторы, «Шелл» в Мехико. В частности, через них мы получали почту, и однажды,

когда я заехал, чтобы справиться о письмах, управляющий конторой, мистер Макдональд, пригласил меня в свой кабинет.

— Хочу задать вам один вопрос,— сказал он.— Я знаю, что в вашем отряде пять человек — вам не нужны еще помощники?

— Вообще-то... я мог бы...— осторожно начал я, решив, что у него есть какая-нибудь незамужняя тетушка, которая с детства обожает животных и теперь была бы не прочь присоединиться к нашей экспедиции.— А почему у вас возник такой вопрос?

— Есть тут один молодой человек, отличный парень, страну знает как свои пять пальцев, само собой, говорит по-испански и страшно увлекается животными. Он студент университета, но до начала занятий еще два месяца, вот я и подумал, может быть, он вам пригодится. К тому же у него есть машина, это тоже кстати.

В самом деле очень кстати! Вторая машина нам нужна, мы уже выяснили возможности проката, но цены были астрономические, и наши скудные финансы не допускали такого расточительства. Если у этого человека собственная машина, проблема будет решена.

— Как его зовут?— спросил я мистера Макдональда.

— Дикс Бранч. Сказать ему, чтобы он заехал в отель и познакомился с вами? А там уж вы сами решите.

— Хорошо, пусть приезжает сегодня вечером, часам к пяти.

В пять часов я спустился в холл и увидел высокого, голенастого молодого крепыша; из-под длинных темных волос на меня смотрели задумчивые глаза. Он сразу пришелся мне по душе, хотя, поговорив с ним пять минут, я понял, что у него очень серьезные взгляды на жизнь — пожалуй, чересчур серьезные. Объяснив ему, для чего мы приехали, я спросил, какая у него машина. «Мерседес»,— ответил он. Я воспрянул духом; к тому же осмотр машины показал, что в задний отсек кузова войдет чуть ли не половина нашего снаряжения. Что ж, если он хочет помочь в работе экспедиции, я могу взять его на довольствие. Дикс согласился и сразу показал себя бесценным помощником. Мало того, что он знал все улицы и закоулки Мехико, знал, где лучше кормят и где лучше делать необходимые нам покупки,— он обладал неистощимым терпением в переговорах с бюрократами, а это нам очень и очень пригодилось на последующих этапах путешествия.

Проблема «лендровера» никак не поддавалась решению. Джеки и Пегги отсылали из одной конторы в другую, и под конец дня они возвращались в отель разбитые и злые. Так длилось целую неделю. Однажды вечером они вернулись после очередного раунда переговоров и застали нас с Диксом в украшенной пальмами гостиной, где мы наслаждались освежающими напитками.

— Справились наконец,— доложила Джеки, устало опускаясь в кресло.

— Молодцы!— воскликнул я.— Но я не вижу восторга на ваших лицах.

— Какой там восторг,— процедила Джеки.— Знаешь, в чем было дело? Эти дурни в Веракрусе — это они ошиблись. В наших бумагах

все правильно. Можно было тогда же пропустить «лендровер» просто они глядели не в ту инструкцию.

У Пегги вырвался стон.

— Чтобы я еще когда-нибудь обратилась в правительственное учреждение!

— Значит, можно ехать и забирать наш «лендровер»?

— Да, все в порядке. Начальство позвонило в Веракрус и устроило им нагоний, слава богу. Завтра можно ехать.

Мы выехали с утра пораньше, и по дороге в Веракрус я рассказал Диксу о своем замысле. Хотя нам не разрешили отловить рогатого гокко и квезала, хотелось бы посмотреть на местность, в которой они обитают. Поэтому я предполагал, выручив машину и разобрав багаж, сразу проехать через всю Мексику к гватемальской границе, где водятся эти птицы. Мы получим общее представление о стране и осмотрим по пути немало интересных мест. А уже потом вернемся в Мехико, устроим там базу и отправимся на склоны Попокатепетля за вулканическим кроликом.

Мы вывали «лендровер» из рук присмиривших таможенников, рассортировали багаж и оставили на хранение в диковинном отеле «Мокамбо» те вещи, без которых пока могли обойтись. Завершив приготовления, ранним утром мы взяли курс через Мексику к тихоокеанскому побережью и дальше, к границе Гватемалы.

Не помню, чтобы где-нибудь еще на свете мне довелось за столь короткий срок наблюдать такое разнообразие ландшафтов. Сперва — субтропические равнины под Веракрусом, с множеством речушек и проток. Здесь видимо-невидимо птиц. Над шоссе проносились огромные стаи челнохвостых грачей с коротким, тяжелым клювом. На изобилующих водорослями протоках по зеленому плавучему ковру расхаживали яканы — своеобразные птицы с длинными пальцами ног. С первого взгляда якану можно принять за шотландскую куропатку. Но когда они, спугнутые машинами, снимались с воды и улетали прочь, становились видны болтающиеся длинные пальцы, и в воздухе мелькала лютиково-желтая «подкладка» крыльев.

Мы видели также много челноклювов. Из всех околотовдных птиц у них, по-моему, самый скорбный вид. Тяжелый, широкий клюв, большие грустные глаза; сидят на деревьях, уткнувшись клювами в грудь, — ни дать ни взять траурные сборища собратьев диснеевского утенка.

Деревни и города на нашем пути — мерцающее голубое марево жакаранд, а дома будто придавлены к земле пурпурными, розовыми, оранжевыми, желтыми и белыми плетями бугенвиллей.

Потом начался подъем, и пошли леса почти тропические. С ветвей свисали каскады зеленовато-серого мха; стволов подчас не было видно из-за орхидей и других эпифитов. Крутые обочины затканы гобеленом из кустарников и травянистых; выделялись заросли крупного папоротника. Восхищаясь пышной и разнообразной флорой, я проклинал свое невежество в ботанике.

В этой волшебной пуще нас застиг дождь, да такой, какой только в тропиках бывает. Небо поливало землю мощными струями, и грун

товая дорога живо превратилась в коварное месиво, а видимость сократилась до нескольких десятков сантиметров. Джеки, Дорин и Шеп ехали на «лендровере», мы с Пегги и Диксом — впереди на «мерседесе». Мы намеренно избрали такой порядок, чтобы «лендровер» мог выручить «мерседес», если тот вдруг застрянет. И когда серая завеса воды свела видимость к нулю, я решил поискать утешения в премилом путеводителе, который мне посчастливилось раздобыть в Мехико.

— Мы не попадем в Акапулько? — Я еще плохо разбирался в географии Мексики.

— Нет, — мрачно ответил Дикс. — И туда вообще не стоит ездить — заурядный курорт.

— А если верить этой книге — восхитительное место. Послушайте: «Своеобразная топография местности создает захватывающие панорамы: тихие бухты и заливы с кристальной водой, пляжи, о которые разбиваются могучие волны. Вода теплая, климат мягкий, ласковые ветры, температура почти весь год на уровне 25 градусов тепла, так что одеваться следует легко. Почти всегда светит солнце, поскольку дожди обычно выпадают ночью. Местные жители придерживаются старинных обычаев, особенно в одежде».

— Чудесно! — подытожила Пегги. — Как жаль, что мы туда не попадем.

В эту минуту случился прокол, пришлось нам с Диксом выходить, чтобы менять колесо; правда, большую часть работы выполнил Дикс. Мы вернулись в машину промокшие насквозь и продолжали двигаться под проливным дождем со скоростью улитки. Вытерев голову, лицо и руки, я снова взялся за путеводитель.

— А вот сюда мы непременно должны попасть, — сказал я. — Послушайте: «Благодаря умеренному климату, ясному небу и обилию солнечных дней это место можно считать идеальным для отдыха. Гостеприимство и дружелюбие местных жителей позволяют гостю чувствовать себя как дома, покой и тишина — подлинный бальзам для души всякого, кто ищет уголок, где можно дать отдых издерганным нервам после распространившегося почти повсеместно беспокойного образа жизни. Советуем посетить церковь и колоритную главную площадь, а также местный базар».

Наконец дождь прекратился, а затем кончились тропические дебри, и мы — такова уж своеобразная природа Мексики! — без всякого перехода очутились в горном сосновом лесу. Пользуясь прояснением, решили сделать привал, чтобы выпить кофе, предусмотрительно припасенный Джеки. Десять минут назад мы изнывали от тропического зноя, здесь же было так прохладно, что пришлось надеть всю теплую одежду, какая нашлась в машине.

Дальше дорога взбесилась, пошла выписывать кривые вверх-вниз по долинам и крутым косогорам. И меня все больше поражала растительность. В долинах — пышные тропики, а через несколько минут извилистого подъема — опаленные жгучим солнцем сухие плоскогорья, на которых вытянулись шеренги деревьев с изумительными, шелковисто-красными стволами и совсем без листьев. К тому же

стволы и сучья такие корявые, что кажется, вас километр за километром провожает застывший в причудливых позах кордебалет. Новый поворот — и вдруг красные стволы пропали, стоят такие же кривые но с серебристо-серой корой, отливающей металлом в солнечных лучах. И тоже без единого листочка.

За следующим поворотом деревья вовсе исчезли, пошли огромные кактусы высотой до шести-семи метров. Странный вид придавали им ветвистые стебли, будто на склоне горы выстроились полчища зеленых канделябров. Черными крестиками в голубом небе кружили какие-то хищники, а дорогу то и дело галопом пересекали погоньши — небольшие птицы с хохолком, длинным хвостом и огромными плоскими лапами. На бегу они чуть не касаются лапами клюва, и вид у них такой целеустремленный, точно они вознамерились побить мировой рекорд на полторы тысячи метров.

Обилие птиц и богатейшая растительность вызывали во мне желание почаще останавливаться, но я знал, что это недопустимо: срок нашего пребывания в Мексике ограничивался суммой, которую нам неохотно разрешил вывезти Английский банк. Мы вели гонки со временем.

Дорога привела нас в городок Туле. К моему удивлению, Дикс затормозил у ограды маленького парка, посреди которого стояла маленькая церковь. Следом за нами остановился и «лендровер»

— Зачем мы остановились? — осведомился я.

— Чтобы посмотреть Дерево, — ответил Дикс с присущей ему мрачностью. — Пегги просила.

— Какое еще Дерево?

— Как, ты не знаешь? — горячо воскликнула Пегги. — В Мексике нет человека, который не приехал бы посмотреть на это дерево.

Я поглядел на дорогу. Если не считать играющих в пыли трех большеглазых девочек в рваных платьицах — ни души...

— Что-то непохоже, чтобы туристы валом сюда валили, — заметил я.

— Но ты непременно должен посмотреть на него, — настаивала Пегги. — Должен, понимаешь! Это одно из самых старых деревьев в мире.

— Ну, в таком случае, конечно, посмотрю.

Выйдя из машины, я услышал диковинную музыку — попискивала флейта, бухал барабан. Мы вошли через ворота в парк и увидели нависшее над церквушкой, защищенное надежной оградой Дерево. У меня дух захватило. Мало того, что оно оказалось на редкость высоким (хотя, по чести говоря, я видывал деревья и повыше), еще больше поражал его исполинский объем. Могучий конус шуршащей листвы венчал ствол немислимой толщины; корни-контрфорсы впились в землю, будто когти какой-нибудь легендарной хищной птицы — вроде птицы Рух из сказки о Синбаде. Я не знал истории Дерева, не знал, сколько ему лет, и, однако, при всем моем невежестве, тотчас понял, что это — всем деревьям дерево. Оно обладало ярко выраженной индивидуальностью. Оно потрясло

всех нас — всех, кроме Дикса, который бывал здесь раньше. Но и он смотрел на Дерево с благоговением.

— Говорят,— сообщила Пегги приглушенным голосом, словно мы лицеизрели святыню,— что ему три тысячи лет. Оно славилось своими размерами уже тогда, когда сюда пришел Кортес, недаром местные жители водили Кортеса к нему.

Я поглядел на вздымающуюся к небу зеленую громадину. Выходит, за тысячу лет до нашей эры здесь уже стояло молодое деревце...

Кроме нас под Деревом находились только престарелый слепой индеец в выцветшем тряпье и мятой соломенной шляпе — он извлек из флейты какую-то леденящую кровь, диковинную мелодию, я сказал бы, восточного типа — да босоногий мальчуган лет шести-семи, который выбивал замысловатую дробь на барабане. Мы для них словно не существовали.

— Интересно, чем это они заняты?— спросила Пегги.

Судя по тому, что музыканты нас не замечали, они играли вовсе не затем, чтобы выжать из чужеземцев несколько песо.

— Бьюсь об заклад, они играют для Дерева,— сказала Джеки.

— Гром и молния!— воскликнул я.— А что, вполне возможно. Ну-ка, Пегги, попробуй узнай.

— По правде говоря, мне не хочется им мешать.— На Пегги в такие минуты всегда находит робость.

Случай помог нам: старик опустил флейту, вытер губы и замер, обратив лицо к Дереву. Мальчуган тоже устроил передышку и переминался с ноги на ногу, потупившись.

— Ну... Ну скорей же, спроси,— поторопил я.

Пегги несмело подошла к индейцу и заговорила с ним. Когда она вернулась, лицо ее сияло.

— Он в самом деле играет для Дерева! Для Дерева!

— Вот видишь,— торжествующе произнесла Джеки.— Я так и знала!

— Но почему он играет для Дерева?

— Я не стала об этом спрашивать,— ответила Пегги.— Мне показалось, что это... ну, невежливо.

— Во всяком случае, их стоит записать,— сказал я.

Пегги достала из машины звукозаписывающую аппаратуру и, когда слепец поднес к губам флейту, обратил к Дереву незрячие глаза и снова начал играть, записала мелодию.

Может быть, он надеется, что Дерево вернет ему зрение? Или играет просто потому, что это всем деревьям дерево? Ни у кого из нас не поворачивался язык спросить его. Наконец мы вышли из парка, сели в машины и поехали дальше под жалобные звуки флейты и барабанную дробь, которыми слепой индеец и мальчуган приветствовали исподинское Дерево.

Как ни увлекательна была эта поездка, нам не удалось добраться до гватемальской границы и посмотреть рогатого гокко и квезала. Путешествие кончилось в деревне Сан-Кристобаль, дальше путь был закрыт: в Гватемале начались какие-то беспорядки, и границу то

и дело пересекали вооруженные отряды. Скрепя сердце развернули мы машины и покатили обратно в Мехико.

Возвратившись в столицу, мы решили, что будет дешевле жить на частной квартире. С помощью одного из наших друзей удалось найти идеальный вариант в центре города, с тремя просторными спальнями, двумя ваннами, огромной гостиной и кухней. После переселения каждый занялся своим делом: женскую половину нашего отряда больше всего занимали магазины и экскурсии по городу, а Дикс, Шеп и я отправились за кроликами.

Первую попытку я решил предпринять на самое Попокатепетле, и с утра пораньше, погрузив снаряжение в машину, мы взяли курс на исполинский вулкан. С набором высоты становилось заметно холоднее. Мы оглянулись назад. В обрамленной вулканами огромной чаще, озаренное бледным рассветом, переливалось пестрыми огнями лоскутное одеяло Мехико. В столь ранний час смога еще не было. Во второй половине дня с того же места города уже не увидишь.

У подножия Попокатепетля располагается несколько маленьких гостиниц. Мы остановили свой выбор на самой приличной с виду. Хозяином гостиницы был говорливый плутоватый мексиканец. Узнав, что он ярый охотник и держит охотничьих собак, мы спросили, что ему известно о вулканических кроликах. Он ответил, что кролики водятся вплоть до снеговой линии, и обещал связаться с одним из своих друзей, который, наверно, сможет нам помочь.

Друг — другом, а мы пока поехали дальше, в глубь Национального парка Попокатепетль, сколько позволяла дорога. Я решил, что стоит побеседовать с объездчиками, уж они-то нам точно скажут, где искать тепоринго. Дорога взбиралась зигзагами вверх по склону, и вскоре мы очутились в густом сосновом бору. Под соснами, словно большие кудлатые парики, топорщились золотистые кочки травы закатон.

В парке мы вышли из машин; здесь воздух был такой свежий, такой чистый, что с непривычки дух захватывало. Над нами возвышался исполинский снежный купол — вершина вулкана. Не сразу удалось найти лесника, зато, разыскав его, мы получили исчерпывающие сведения о вулканических кроликах. Ну как же, он их хорошо знает, сколько раз видел и в парке, и на других склонах. Недавно сам поймал двух тепоринго, добавил он не без гордости.

— Где они? — воскликнул я.

— Как где? Съел.

Речь шла о животном, которое — во всяком случае, на бумаге — стоит в ряду наиболее строго охраняемых в Мексике. И со мной говорил лесник Национального парка. Не подумайте, что так бывает только в Мексике, то же происходит всюду, где ограничиваются «бумажной» охраной животных.

Так или иначе, мы установили, что, несмотря на старания лесника, еще не все тепоринго истреблены. А вернувшись в гостиницу, узнали, что хозяин разыскал своего друга, и увидели верзилу с огромной головой, лицом страховидного майяского идола и маленькими бегающими глазками. Впрочем, для нас гораздо важнее было то, что он хорошо знал нравы и прихоти тепоринго. Мы услышал, что единственный

способ поймать вулканического кролика — выкопать его из земли. Процедура трудоемкая, но вместе — он, Дикс, Шеп и я, да если привлечь еще двух человек — как-нибудь справимся.

Мы условились, что завтра утром снова поднимемся на склон Попокатепетля и приступим к охоте на кроликов.

Я прочел о вулканическом кролике и его образе жизни все, что сумел найти, — не так уж много, поскольку этого зверька, похоже, никто как следует не изучал, — и мы знали, что тепоринго водятся только в зоне травы закатон и по существу только ею и кормятся. Один источник сообщает, будто кролики едят произрастающую в горах дикую мяту, однако мы ни разу не видели там мяты и подавно не видели уписывающих ее кроликов.

Скоро мы убедились, что охотиться в траве закатон — дело не простое. Огромные золотисто-желтые кочки высотой примерно в метр растут на мягкой черной вулканической почве, в которой тепоринго роют себе длинные извилистые норы. Под свисающими листьями кролики протаптывают сеть тропок, похожих на туннели; насутся они, судя по всему, на самих кочках, поедая как молодую, так и жухлую траву. Мы видели много кочек, словно выкошенных посередине, лишь по краям оставался венчик нетронутых длинных стеблей.

Мы поднялись по склону на высоту около трех тысяч метров, ехали не спеша, внимательно глядя по сторонам — не покажется ли где тепоринго. Правда, глядели мы без особой надежды, ведь было очевидно, что гул мотора загонит всех кроликов в норы. Представьте себе, за очередным поворотом я, к величайшему своему удивлению, узрел сидящего на широкой кочке, словно на сторожевой вышке, тепоринго.

Взвизгнули тормоза, а миляга кролик знай себе сидит в траве, не обращая на людей никакого внимания. Нас разделяло от силы десять метров, тем не менее я вооружился биноклем и принялся жадно рассматривать зверька. Он был не больше домашнего кролика, известного под названием голландского карлика, иными словами — величиной с упитанную морскую свинку. Маленькие округлые ушки плотно прилегли к голове, сразу и не заметишь, а хвоста я и вовсе не разглядел. Окраска преимущественно коричневая, глаза обведены тонким белым колечком; на солнце шерсть отливала зеленью.

Как только я убедился, что это в самом деле животное, ради которого мы проделали столь долгое путешествие, а не какой-нибудь другой из мексиканских кроликов, мы вышли из машины. Тепоринго пискнул — словно кто-то потер воздушный шарик влажным пальцем, только еще пронзительнее, — подпрыгнул вверх, приземлился на той же кочке, оттолкнулся от нее как от трамплина и нырнул в гущу травы. Мы без промедления приступили к работе. Обнесли участок сетью, обошли все кочки, закупоривая выходы из норы тепоринго, затем принялись раскапывать ход, куда он, по нашим расчетам, юркнул. Непривычные к высоте, мы с Диксом и Шепом чуть что задыхались. Казалось бы, пустяк — растянуть сеть, а мы сопели, точно дряхлые клячи по пути на бойню. Естественно, мы быстро разуверились в своих способностях копать землю и бросили лопаты,

предоставив трем охотникам трудиться одним. А они не возражали, зная себе помахивали лопатами, и высота им была нипочем. Вот уже набросали целую гору рыхлой, словно пудра, вулканической земли. Однако тепоринго не показывался; видимо, мы прозевали все же какой-то выход, и кролик улизнул.

Я страшно огорчился, видя, что поймать тепоринго таким способом будет вовсе не легко. Тем не менее мы продолжали поиски на склоне, доехали до другого участка, где водились кролики, и снова взялись за работу. Выбрали такую нору, перед которой лежал свежий помет: все-таки больше надежд на то, что подземная обитель не пуста. Затем повторился трудоемкий процесс закупорки всех ходов, какие удалось обнаружить поблизости. И опять — за лопаты.

Пять раз проделали мы эту процедуру, и пять раз впустую. Наконец на шестой раз нам посчастливилось. Один из охотников вдруг издал какой-то нечленораздельный звук, упал на колени, выбросил вперед руки и вытащил из черной ямы молодого, ясноглазого, в высшей степени живого вулканического кролика. Зверек попытался вырваться, потом успокоился и замер в руках у охотника. Уж не шок ли это?.. Мы быстро определили пол — оказалась самка — и бережно поместили пленницу в одну из припасенных нами клеток.

Кролики и зайцы в неволе, легко впадают в панику; вообразив, что перед ними враг, они способны с такой силой броситься на деревянную стенку или решетку, что разбиваются насмерть. И я опасался, как бы наш первый тепоринго не отколол такую штуку. Даже приготовил пальто, чтобы накрыть клетку. Однако пленница, очутившись в клетке, ничуть не волновалась и безмятежно созерцала нас. Немного выждав, я осторожно протянул вперед руку и поскреб пальцем проволочную сетку. Как же я был поражен, когда крольчиха, слегка подпрыгнув, подошла к сетке и понюхала мой палец! Она вела себя так спокойно, будто мы поймали домашнее животное, а не дикого зверька.

Вечерело, заходящее солнце окрасило могучую снежную шапку Попокатептля в нежный розовый цвет. Налюбовавшись трофеем, я решил, что лучше отвезти крольчиху в Мехико и посмотреть, как она освоится, прежде чем продолжать отлов. Так мы и поступили.

На обратном пути я поразмыслил над тем, как быть дальше. Если продолжать охоту на такой высоте, от нашей тройки будет мало проку из-за разреженного воздуха. Но ведь тепоринго встречаются и ниже. Пожалуй, самое разумное — прибегнуть к методу, который я успешно применял в других частях света: обратиться к местным жителям. Заедем в несколько деревень у подножия Попокатептля и предложим приличную цену за каждого здорового кролика. Однако прежде всего надо убедиться, что пойманный нами тепоринго сумеет приспособиться к неволе. Горький опыт научил меня: одно дело — поймать животное, совсем другое — сохранить его.

Возвратившись в городскую квартиру, мы благоговейно поместили клетку с крольчихой на полу посреди гостиной, подстелив большой газетный лист, после чего помчались на рынок и накупили кучу

всяких плодов, овощей и зелени. Вернулись с рынка — крольчиха так же спокойна, как в первые минуты после поимки. Мы приготовили ей еду, причем тщательно подсчитывали: столько-то веточек того-то, столько-то листьев того-то, столько-то кусочков яблока и так далее. Строгий учет был нужен, чтобы точно знать, сколько и чего она съест (если съест), чему отдаст предпочтение. Положили корм в клетку, накрыли ее, чтобы зверьку было спокойнее, и вышли.

Отмечая наш первый успех, мы славно пообедали. Вернулись через три часа; я осторожно снял с клетки покрывало и поглядел: съела хоть что-нибудь? Поглядел просто так, ни на что не рассчитывая, — ведь обычно дикому животному после поимки нужно какое-то время, чтобы освоиться, да к тому же корм был совсем необычный для крольчихи. Я не поверил своим глазам, обнаружив, что почти все съедено, кроме одной травы, которая ей, очевидно, не понравилась. Даже яблоко съела, хотя я думал, что она к нему не притронется. Приятно, что и говорить, однако я знал, что нужно выждать еще несколько дней, проверить — не повредит ли новая пища нашему тепоринго, не вызовет ли энтерита или еще какой-нибудь губительной хвори. Да, но начало-то какое хорошее, даже не верится!

На другой день, оставив крольчиху на попечение Джеки, мы с Диксом и Шепом посетили деревни на нижних склонах Попокатептля. Деревень было много, но только в двух местах колонии тепоринго находились, так сказать, в пределах досягаемости. Мы переговорили с деревенскими старостами, объяснили, что нам нужно, и предложили очень высокую, по местным меркам, плату за каждого неповрежденного тепоринго. Затем снабдили старост клетками и обещали, что через два дня приедем снова.

Два дня я не спускал с крольчихи глаз — нет ли признаков тревоги или недомогания? Но пленница вела себя спокойно и с явным наслаждением уписывала чуть ли не все, что ей предлагали. Я всей душой надеялся, что жители двух деревень добьются успеха, ведь наше пребывание в Мексике подходило к концу, и, хотя цель экспедиции в общем-то достигнута, от одной крольчихи проку мало. Нужно отловить столько, сколько предусмотрено разрешением, то есть десять экземпляров, да чтобы было не меньше трех самцов. Тогда можно рассчитывать на приплод.

Убедившись на деле, как трудно добыть тепоринго, я мысленно поставил крест на другом виде, который нам разрешили отловить, — все равно времени не хватит. Речь шла, как вы помните, о толстоклювом попугае. Но пока мы выжидали два дня перед тем, как снова ехать в деревню, нам на голову свалилось неожиданное счастье. Мне рассказали про один зоомагазин на окраине города, и, хотя я знал, что власти строго следят за тем, чтобы никто не продавал охраняемых законом животных, стоило посмотреть, чем богата эта лавка. И как же я обрадовался, когда в одной из клеток увидел три пары толстоклювых попугаев! Пестрые, шумливые, в глазах озорство, и все перышки на месте. Поторговавшись, я приобрел все три пары и с торжеством доставил домой. Птицы были чудес-

ные, совершенно здоровые, молодые и Леп не мог на них налюбоваться.

Ничего не скажешь, хороши и удивительно легко нам достались, однако у меня не шла из головы проблема тепоринго. Одного поймали — вот будет досадно, если до отъезда больше не получим. Ведь тогда придется везти крольчиху обратно и выпускать на волю, вся экспедиция насмарку.

Шли дни, мы регулярно навещали обе деревни, и нам регулярно докладывали, что стараются, копают, да только никого поймать не могут. Я им охотно верил. Оставалось лишь повесить обещанное вознаграждение до астрономических размеров — пусть и материальный стимул придаст им силы копать снова и снова, невзирая на неудачи. Сам я после каждой неудачной поездке все больше падал духом.

Но вот в один прекрасный день фортуна как будто повернулась к нам лицом. Мы отправились за город для очередной проверки и, въехав на пыльную главную улицу деревни Паррас, по сияющему лицу и жестам выскочившего нам навстречу старосты сразу поняли, что лед тронулся. Он провел нас через дом во двор, и в оставленных нами клетках мы увидели трех тепоринго. Все живы-здоровы и сидят смиренхонько на месте, словно плен их трогал так же мало, как и нашу первую узницу. Мы осторожно извлекли их, чтобы определить пол, и моя радость слегка померкла, потому что все три оказались самками. Ладно, четыре крольчихи лучше, чем ни одной! Мы рассчитались с ликующим старостой и повезли их в город. На пробу поместили двух тепоринго в одну клетку, но у них оказался склочный нрав, пришлось всех держать порознь.

Три новые крольчихи привыкли к необычному корму так же быстро, как и первая. Прекрасно, однако меня тревожило, что время на исходе, через несколько дней Шепу вылетать на Джерси с нашей добычей, а у нас, как говорится, не выполнен план по тепоринго. И, что хуже всего, нет самца. Следом за Шепом и всем остальным придет пора собираться в дорогу, чтобы поспеть в Веракрус на пароход, и тогда уж нам будет не до лова вулканических кроликов. Мы стали объезжать деревни каждый день, соблазняя жителей фантастическими суммами, и они старались изо всех сил, однако тепоринго упорно не давались им в руки.

В отчаянии я решил на последнюю меру, взял с собой Дикса переводчиком и поехал в Министерство земледелия, к д-ру Моралесу. Объяснил, в каком дурацком положении мы очутились, ехать на край света за вулканическими кроликами, ухлопать кучу денег и вернуться на Джерси только с четырьмя самками — значит потерпеть полный крах. Нельзя ли переписать выданное мне разрешение на Дикса, чтобы он после моего отъезда попытался все-таки добыть еще шесть тепоринго? Уж среди них-то, наверное, будут самцы.

Слава богу, д-р Моралес отнесся к моей просьбе сочувственно. Сказал, что отлично меня понимает, и тотчас согласился оформить разрешение на имя Дикса. Я не знал, как его благодарить.

Последующие сутки были наполнены лихорадочной деятельностью,

надо было изготовить транспортные клетки для тепоринго и особую клетку для попугаев, не только легкую (ведь им лететь на самолете), но и достаточно прочную! Ибо простую деревянную клетку наши толстоклювые могли разломать в четверть часа, а мне отнюдь не хотелось, чтобы они вырвались на волю в самолете, пересекающем Атлантику.

Настал день вылета, и мы поехали на аэродром проводить Шепу и его драгоценный груз. Шеп обещал передать Кэт, чтобы она первое время после его прибытия на Джерси звонила и сообщала нам, как себя чувствуют тепоринго. Опыт показал, что общаться с трестом по телефону куда проще, чем по телеграфу, ибо телеграммы доходили настолько искаженными, что приходилось тут же посылать встречный запрос, выясняя, что хотел сказать ваш корреспондент.

Первый разговор с Кэт состоялся через два дня. Она сообщила, что вулканические кролики, Шеп и попугаи прибыли благополучно. Кролики освоились, попугаи тоже, полный порядок.

Я облегченно вздохнул. Но это не все, теперь дело за Диксом, сумеет ли он добыть для нас еще кроликов, и чтобы непременно был самец... Рискую осточертеть ему своими наставлениями, я без конца твердил, чтобы он тщательно определял пол всех отловленных кроликов и чтобы больше трех самок не брал, а будут попадаться еще — выпускать, продолжая поиски до тех пор, пока не наберется четыре самца.

Дикс усвоил, как кормить тепоринго, как за ними ухаживать, как снарядить их в путь, так что за эту сторону дела я не беспокоился. Зная, как он любит животных, я не сомневался, что он хорошо присмотрит за кроликами.

И вот все дела завершены, мы отправились в Веракрус и сели на пароход. Кончилось путешествие, в котором было много увлекательного, но не обошлось и без огорчений. Если Дикс справится с задачей и пришлет нам самца тепоринго, можно будет считать экспедицию вполне удавшейся. А пока оставалось только надеяться на милость фортуны.

Прибыв на Джерси, я чуть не в первую же минуту помчался проверять, как поживают наши тепоринго. Джил — девушка, которая присматривала за ними, — рассказала мне, что на девятнадцатый день крольчиха произвела на свет двойню и первые сутки все шло благополучно. А потом крольчат нашли мертвыми... Подозреваю, что причиной их гибели была небрежность мамаш. Как-никак, ее поймали беременную, с горы привезли в душный город, потом на самолете доставили на Джерси, она не успела еще как следует освоиться на новом месте, а тут надо растить двух малышек. Конечно, мы огорчались, и все же, по чести говоря, не стоило винить крольчиху.

Проходили недели, а от Дикса — ни слова. Я посылал письмо за письмом, подгонял, подбадривал его, но он и не думал отвечать. В конце концов я заподозрил, что, намучившись с нами во время экспедиции, он попросту махнул рукой на вулканических кроликов. И вдруг однажды утром телефонный звонок. Мистера Даррелла

вызывает Мексика, можно соединять? Объяснить телефонистке, как я ждал этого звонка, было нелепо, я только выдавил из себя тусклое » да ». Это был Дикс, причем слышно было так отчетливо, словно мы с ним находились в одной комнате. Он сообщил, что наконец ему удалось добыть еще шесть тепоринго, из них два — самцы; все шесть благополучно здравствуют у него дома и хорошо едят. Он как раз кончил мастерить транспортные клетки, вышлет мне кроликов в ближайшие двадцать четыре часа. Я записал номер рейса и все прочие данные.

До чего же здорово! Нельзя рассчитывать на удачу всякий раз, когда отправляешься в экспедицию, но до сих пор мне удивительно везло. Похоже, и мексиканская экспедиция меня не разочарует.

Закончив разговор с Диксом, я немедленно соединился с Лондонским аэропортом. С кем только я ни говорил, разъясняя, что такое вулканические кролики, какие они редкие, как важно отправить их в приют для животных, если самолет прибудет поздно и нельзя будет сразу переадресовать клетки на Джерси. Потом позвонил в приют (он находился в ведении Королевского общества борьбы против жестокого обращения с животными), поделился радостной вестью с мистером Уиттэкером и тщательно проинструктировал его, как обращаться с тепоринго, если им придется заночевать в Лондоне. После этого мне оставалось только сидеть и ждать, стараясь не слишком волноваться.

Мы рассчитали, что кролики прилетят в Лондон утром и будет вполне достаточно времени, чтобы перебросить клетки на джерсийский самолет. Когда настал долгожданный день, я сидел как на иголках. Через два часа после того, как по расписанию самолет должен был сесть в Лондонском аэропорту, я позвонил туда. Никто ничего не слышал о прибытии вулканических кроликов. Звоню мистеру Уиттэкеру. Нет, кроликов не привозили, но для них все приготовлено. Пополудни опять звоню в аэропорт — по-прежнему никаких известий. Я не на шутку встревожился. Может быть, позвонить в Мексикку, спросить Дикса, удалось ли ему отправить кроликов условленным рейсом? Четыре часа дня — Лондонский аэропорт все еще ничего не знает.

Опять связываюсь с мистером Уиттэкером, говорю о своей тревоге. Отвечает, что ему из аэропорта ничего не сообщали, но он сам проверит и передаст мне ответ. Через некоторое время он позвонил: кролики найдены и теперь находятся у него. Судя по всему, в сопроводительных бумагах чего-то не хватало, и клетки сунули в первый попавшийся ангар, пока чиновники играли в бюрократическую чехарду. Мистер Уиттэкер заверил меня, что кролики живы-здоровы — он их сам осмотрел, — только немного напуганы. Сегодня уже поздно отправлять их на Джерси, он оставляет их на ночь в приюте, а завтра утром проследит за погрузкой в самолет.

Когда клетки прибыли в зоопарк, мы, сдерживая нетерпение, осторожно сорвали мешковину и заглянули внутрь. Раз, два, три, четыре — пять живых, хотя и немного озадаченных кроликов. И один мертвый. Достали их, определили пол. Нужно ли говорить, что

мертвый оказался самцом. Из пяти живых — четыре самки и один самец.

Ярость моя не поддается описанию. Я не сомневался, что причина гибели второго самца — дурацкая задержка в аэропорту. Новых тепоринго разместили отдельно от первой группы, им предстояло еще пройти положенные испытания.

Я мерил шагами свой кабинет, соображая, как подобраться к Лондонскому аэропорту, чтобы взорвать его ко всем чертям. Вдруг меня осенило. Среди членов треста были председатель Британской европейской авиакомпании сэр Джайлз и леди Гатри; оба они с живым участием относились к нашей работе и не однажды выручали нас. Я взял телефонную трубку. Оказалось, что сэр Джайлз выехал в Швейцарию, но леди Гатри была дома. Я рассказал ей про случай с вулканическими кроликами и объяснил, почему не хочу оставить это дело без внимания: нам еще могут присылать редких животных, и, если они опять застрянут в Лондонском аэропорту, история может повториться.

— Ни за что! — горячо произнесла леди Гатри. — Этого нельзя допускать! Я сама прослежу. Как только вернется Джайлз, напущу его на них.

Так она и сделала. Целую неделю я получал письма от разного ранга чинов Лондонского аэропорта, которые всячески извинялись за промашку с кроликами. И то хорошо: впредь любой адресованный нам груз автоматически включит, как говорится, сигнальную лампочку в мозгу чиновников... Но никакие извинения не могли воскресить нашего тепоринго.

Новое пополнение выдержало испытательный срок, и можно было приступать к самому главному. Мы регулярно осматривали крольчих и, когда подходило время, помещали к ним самца на несколько часов. И следили в оба, потому что у тепоринго крайне сварливый нрав, — чего доброго, какая-нибудь из крольчих прикончит его, и останемся мы совсем без самца.

И вот настал день, когда мы увидели, что одна из крольчих устроила в своем спальном отделении гнездышко из соломы, выстав его собственной шерстью. А в гнездышке лежали два крольчонка. Вот радость!

За малышами установили повседневное наблюдение, росли они хорошо, и мы все больше задирали нос. Да, видно, слишком возомнили о себе, потому что судьба, как нередко бывает в таких случаях, незамедлила преподнести нам несколько неприятнейших сюрпризов.

Во-первых, Джил однажды утром обнаружила, что один из крольчат погиб — каким-то непонятным образом обмотал себе шею прутиком боярышника и задохнулся. Остался один малыш, да и тот был самочкой.

Потом умер взрослый самец. Вскрытие показало, что причиной его смерти был кокцидиоз — заболевание, которое очень трудно распознать на ранних стадиях. Поскольку все крольчихи соприкасались с ним, мы для профилактики немедленно дали им сульфамезатин. Тем не менее две из них погибли от той же болезни.

В итоге мы, что называется, вернулись на исходные позиции. Есть самки — и ни одного самца. Правда, только что был подготовлен и напечатан пятый выпуск нашего «Ежегодника» с полным отчетом о мексиканской экспедиции и фотографиями крольчихи с крольчатами. Я послал экземпляры д-ру Корсо и д-ру Моралесу. И, конечно, Диксу Бранчу. Заодно я написал Диксу и спросил, согласен ли он сам заняться охотой на тепоринго, если мне удастся получить разрешение мексиканских властей. В ответном письме Дикс заверил меня, что сделает все возможное. Тогда я снова обратился к д-ру Моралесу, написал о наших зловключениях, объяснил, что у нас остались одни крольчихи и нельзя получить приплод, но все же есть кое-какие результаты, так что мы трудились не впустую. Например, удалось доказать, что тепоринго можно содержать в неволе, притом на совсем непривычных для них, малых высотах. Установлено также, что вулканические кролики размножаются в неволе. Получены важные данные по патологии тепоринго; в частности, не исключено, что наблюдавшаяся нами форма кокцидиоза присуща только этим животным. Уточнены сроки беременности. Словом, мы вправе говорить скорее об успехе, чем о провале нашего опыта. Так, может быть, Диксу Бранчу будет позволено отловить для нас еще несколько тепоринго? К моей великой радости, д-р Моралес прислал в ответ любезнейшее письмо: учитывая наши результаты, он, конечно же, выдаст Диксу разрешение на отлов кроликов.

Надеюсь, нам не придется долго ждать, и мы добьемся своего, пополнив коллекцию треста плодовой колонией этих симпатичных маленьких зверьков...

Пусть здравствуют животные

Продолжая губить природу, человек рубит сук, на котором сидит, ведь разумная охрана природы — это и охрана человечества.

«ИСЧЕЗНУВШИЕ И ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЖИВОТНЫЕ»

С книжных полок в моем кабинете на меня постоянно глядят два толстых, увесистых красных тома. Они первыми встречают меня утром и последними провожают вечером, когда я закрываю кабинет на ночь. Речь идет о Красных книгах, публикуемых Международным союзом охраны природы. Один том посвящен млекопитающим, другой — птицам, в них перечислены современные млекопитающие и птицы, которым грозит вымирание, и в большинстве случаев в этом прямо или косвенно повинен человек. Пока что Красных книг две, но скоро в скорбную шеренгу станут еще тома, один включает пресмыкающихся и амфибий, другой — рыб, третий — деревья, кустарники и травянистые растения.

Один репортер спросил меня:

— Скажите, мистер Даррелл, сколько же все-таки видов животного мира находится в опасности?

Я подошел к полке, снял с нее тяжелые красные тома и бросил ему на колени.

— Не знаю точно,— сказал я.— У меня не хватило духу подсчитать.

Он поглядел на Красные книги и поднял на меня глаза, полные ужаса.

— Бог мой! Неужели все они под угрозой?

— Здесь еще только половина,— объяснил я.— Только птицы и млекопитающие.

Он явно был потрясен. Дело в том, что по сей день большинство людей не осознают, до какой степени мы разоряем мир, в котором обитаем. Мы ведем себя, словно малолетние недоумки, оставленные без присмотра в бесподобном, изумительном саду и медленно, но верно превращающие его в бесплодную пустыню с помощью ядов, пил, серпов и огнестрельного оружия. Вполне возможно, что за последние недели с лица Земли исчезло еще одно млекопитающее, еще одна птица, еще одна рептилия, еще одно растение. Я надеюсь, что это не так, но я точно знаю, что еще чьи-то дни сочтены.

Наш мир так сложен и так же уязвим, как паутина. Коснитесь одной паутинки, и дрогнут все остальные. А мы не просто касаемся паутины, мы оставляем в ней зияющие дыры, ведем, можно сказать, биологическую войну против окружающей среды. Без нужды сводим леса, создаем очаги пыльных бурь и ветровой эрозии, изменяя тем самым климат. Засоряем реки промышленными отходами, загрязняем моря и атмосферу.

Когда заводишь речь об охране природы, люди тотчас заключают, что ты, страстный любитель животных, подразумеваешь только пушистого коалу или что-нибудь в этом роде. Нет, охрана природы подразумевает совсем не это. Речь идет об охране всего живого на Земле, будь то дерево, трава или сам человек. Напомню о племенах, которых весьма успешно истребили за последние несколько столетий. И о других, которые находятся на грани вымирания сегодня: индейцы Патагонии, эскимосы... С нашей близорукостью, с нашей алчностью и глупостью мы в ближайшие полвека, а то и раньше станем виновниками того, что на Земле будет просто невыносимо жить.

Я-то больше всего занимаюсь охраной животных, но мне очевидно, что охранять надо и места их обитания, ведь, уничтожая среду, можно истребить животное так же успешно, как и с помощью ружья, капкана, яда. Когда меня спрашивают (а спрашивают часто), почему я принимаю все это так близко к сердцу, я отвечаю: наверное, потому, что мне очень посчастливилось, наш мир всегда даровал мне бездну радости. Я чувствую себя в долгу перед ним, и хочется как-то оплатить этот долг. Мой ответ вызывает у людей замешательство, словно я сказал что-то непристойное. Мне же хочется, чтобы побольше людей чувствовали себя в долгу перед природой и стремились вернуть хоть частицу долга.

Среди множества писем, получаемых мной ежедневно, неизменно есть письма об охране природы. Меня спрашивают, так ли она необходима на самом деле. Так вот, повторяю: я считаю, что природу необходимо охранять. По-моему, это одно из самых необходимых дел в мире, где столько делается зла. Ошибается тот, кто считает что поборники охраны природы устраивают много шума из ничего.

Приходят письма и от людей, которые, судя по всему, никогда не обращали свой взгляд на окружающий мир. Им понятны только цифры, лишь цифры на бумаге могут их убедить. Таким людям я сообщаю цифры. Здесь очень ярким примером опустошительной деятельности человека служит судьба двух животных северо-американского континента.

Когда в Северную Америку пришли европейцы, они застали там самые многочисленные скопления животных, какие когда-либо знал человек. Речь идет о двух видах фауны, один из них американский бизон. Сначала его убивали ради мяса. Потом стали убивать из политических соображений, стремясь уморить голодом индейцев, для которых бизон был одним из главных источников существования, даже кости и кожа шли в дело. Пресловутый Буффало Билл, он же Вильям Коди, в один прекрасный день застрелил двести пятьдесят бизонов... В районах, где водились бизоны, смрад от гниющих туш вынуждал пассажиров закрывать окна поездов. Потому что в это время бизонов убивали уже только ради языка — он считался изысканным лакомством, — а туши бросали. К счастью, бизона вовремя спасли от полного уничтожения, но что значит жалкие остатки перед миллионами величественных животных, которые некогда с грохотом проносились по североамериканским прериям!

Второй вид — странствующий голубь. Вероятно, это был самый многочисленный вид пернатых, какой когда-либо существовал и будет существовать на свете. Стаи голубей, числом до двух миллиардов, затмевали небо. Садясь на деревья, они своим весом обламывали толстые сучья. Казалось, их просто невозможно истребить. Вон их сколько, а мясо такое вкусное... И началось избиение странствующего голубя. Стреляли взрослых птиц, забирали из гнезд птенцов и яйца. В 1869 году только в одном районе было поймано семь с половиной миллионов голубей. В 1879 году в штате Мичиган убили *миллиард* птиц. Их же невозможно истребить! Они слишком многочисленны, слишком интенсивно размножаются!

Последний странствующий голубь умер в зоопарке штата Цинциннати в 1914 году.

Истребить вид — на это у человека всегда ума хватит, но еще никто не придумал, как возродить уничтоженных животных. Да и мало кого это волнует. Находятся даже ученые мужи от зоологии, которые утверждают, будто речь идет о естественном ходе эволюции — дескать, данное животное все вымерло бы и без нашей помощи.

Я с этим решительно не согласен. Называть это естественным ходом эволюции — вздор. Или уловка. Все равно что сказать человеку, истекающему кровью: «Понимаешь, старина, у нас крови сколько угодно, но мы не можем сделать тебе переливание, потому что тебе положено сейчас умереть».

— Но ведь так было прежде, — возразят мне, — теперь так не бывает. Теперь созданы всякие там заповедники для охраны животных, с истреблением покончено.

Для просвещения тех, кто в это верит, приведу еще несколько свежих данных. Ежегодно убивают 60—70 тысяч китов. И сколько ученые ни предупреждают, что при таких темпах некоторые виды китов вскоре исчезнут и самому китобойному промыслу придет конец, избиение продолжается. Можно подумать, что девиз китобоев — «Наживайся сегодня, и черт с ним, с завтрашним днем!»

Есть много способов истребить животное. Не обязательно убивать его ради меха, или мяса, или как вредителя. На Востоке было известно несколько видов носорога, теперь большинство из них представлено от силы сотней-другой особей. Почему? Да потому, что есть дурацкое поверье, будто измельченный рог, если принять его внутрь, возвращает силу престарелым мужчинам и делает их привлекательными для юных дев. И это в одной из частей света, где перенаселенность так велика, что надо бы подумать не о стимуляторах, а о противозачаточных средствах. В Индии, на Яве и Суматре носорог практически уничтожен, теперь принялись за африканские виды. Не сомневаюсь, что африканские носороги очень скоро канут в небытие.

Или взять тихоокеанского моржа. Он был для эскимосов источником пищи, а клыки они использовали для замечательной тончайшей резьбы. Однако стоило нашим умникам «открыть» эскимосское искусство, как началось повальное увлечение им, и теперь на моржа охотятся только ради клыков, причем с таким рвением, что скоро моржей вовсе не останется. Они уже внесены в списки угрожаемых видов.

Возьмем еще один пример глубокомыслия людей, ничего не смыслящих в природе. В Африке было решено, что вирус, вызывающий сонную болезнь, обитает в диких животных. И родился блестящий проект: для защиты человека и его невзрачного скота (который уничтожает подлесок и превращает обширные области в очаги пыльных бурь) истребить всех диких животных. Полмиллиона зебр, антилоп, газелей и других копытных погибли, прежде чем выяснилось, что переносчиками сонной болезни могут быть также все мелкие виды. Так что избиение полчищ великолепных животных было совершенно напрасным.

Люди негодуют, услышав, что на дорогах Великобритании ежегодно погибают около двух тысяч человек. Конечно, это трагедия. Но мало кто знает, что на дорогах ежегодно гибнут два миллиона диких птиц. Что жертвами автомашин на дорогах небольшого района,

изучавшегося одним датским исследователем, оказались: 3014 зайцев, 5377 ежей, 11 557 крыс, 27 834 других мелких млекопитающих, 111 728 птиц, 32 820 земноводных. Причем речь идет, естественно, о шоссе, а если добавить проселки, цифру, наверное, придется утроить.

В любой стране, будь столько жертв среди людей, поднялся бы такой шум, такой бунт, что властям пришлось бы запретить автомобили и вернуться к конным экипажам. Нет, я вовсе не против машин, но ведь вы меня понимаете?

Люди не учитывают одного: если посмотреть на карту мира и прикинуть, сколько места отведено заповедникам для животных, получатся какие-то крохотные точки, все остальное — исполинский заповедник для человека. И ведь мало учредить заповедник, нужны средства, чтобы он работал как следует. Но правительства большинства стран не склонны тратить деньги на охрану среды или фауны (разве что общественность очень уж негодует и речь идет о защите особенно симпатичного животного). А многие правительства попросту не располагают нужными средствами.

Не подумайте, что я сгущаю краски. Я мог бы всю эту книгу наполнить потрясающими цифрами, свидетельствующими, что из всех населявших Землю созданий, будь то гигантские хищные рептилии далеких эпох или современные плотоядные, самое свирепое, беззащитное и кровожадное — человек. И ведь он сам себе наносит невосполнимый ущерб своим поведением. Это самоубийство: устроив животному миру кровоизпускание, мы убиваем себя.

Конечно, как я уже говорил, существуют национальные парки, заповедники и тому подобное. Но разрешите привести еще одну цитату из превосходной книги «Исчезнувшие и исчезающие виды», откуда мной взят эпиграф к заключительной главе. «Охранные меры, принимаемые правительствами, имеют смысл только тогда, когда выделяются средства, чтобы эффективно проводить их в жизнь».

Можно простить нашим предкам их прегрешения, говоря: «Они не ведали, что творили». Но мы-то, сыны технологического века, коим мы так гордимся, вправе ли мы простить себе то, что сейчас творим, творим упорно, невзирая на протесты мыслящих людей — будь то зоологи, экологи, специалисты по охране природы или просто рассудительные и прозорливые граждане? Мы высадились на Луне — это выдающееся достижение. Но для чего? Только ради каких-то минералов или чтобы с этого огромного сияющего трамплина шагнуть на другие планеты, где могут оказаться свои формы жизни? Но если мы и на других планетах будем творить такое же безобразие, как на своей, тогда, право же, лучше было огромные средства, израсходованные на космические исследования, обратить на исцеление недугов матушки Земли, вызванных нами же.

Проблема охраны животных и среды (как ради нас самих, так и ради наших потомков) — велика и сложна, ох, как сложна. На свете есть немало стран, где, как я говорил, животные охраняются

только на бумаге, потому что власти, утвердив закон об охране, не дают достаточно денег на организацию заповедников. А если даже учредят заповедник — не отпускают средств, без которых он не может как следует работать. В одной стране я спросил, какие там есть заповедники. Деятель, ответственный за охрану животных, гордо развернул огромную карту, испещренную зелеными пятнами. Вот, дескать, все это заповедники! Тогда я осторожно осведомился, изучались ли они зоологами, или экологами, или биологами, чтобы точно знать, что именно эти районы в первую очередь надо было объявить заповедными. Что вы, ответили мне, на это нет средств.

Так, может быть, зеленые пятна исследованы с другой точки зрения: есть ли в этих местах животные и стоит ли устраивать там заповедники? Нет, и этого не сделано, не на что нанять специалистов... Хорошо, а как налажен контроль. Да никак — нет денег на егерей и объездчиков... Прекрасная карта, вся в зеленых пятнах, выделенного яйца не стоила.

Повторяю, на отсутствие денег жалуются чуть ли не во всех странах, где приняты законы об охране среды и фауны. А ведь есть еще и страны, где таких законов вовсе нет. Энтузиасты охраны природы отдают себе в этом отчет и всячески стараются исправить положение, однако дело подвигается очень медленно. Боюсь, к тому времени, когда наконец будет налажена действенная охрана природы и животных, многие виды уже исчезнут с лица Земли.

В большинстве просвещенных стран есть множество клубов, групп и обществ, будь то для орнитологов или натуралистов широкого профиля, которые трудятся изо всех сил, стараясь спасти местную фауну. Есть и более крупные организации, вроде Международного союза охраны природы, Всемирного фонда охраны животных. С радостью могу сказать, что во многих случаях они добиваются успеха. Например, ими спасена в Испании огромная область Гвадалквивира — 625 тысяч акров. В Австралии они обнаружили кустарниковую птицу, которая считалась вымершей. К сожалению, ее гнездовье помещалось в районе, который отвели под застройку. Пятнадцать лет назад птица стала бы жертвой собственной опрометчивости, теперь же планы строительства пересмотрели и район объявили заповедным.

Так что просветы есть, однако их слишком мало, темные пятна преобладают.

А пока мы боремся за сохранение животных в их естественной среде, можно сделать и еще кое-что. То самое, для чего учрежден наш трест. Многие виды спасены от гибели благодаря тому, что их разводят в специализированных зоопарках. Конечно, это самый крайний выход, но он хоть помогает сберечь вид в надежде, что когда-нибудь охрана природы на родине вида станет настолько эффективной, что можно будет, используя плодovitый фонд, возродить там популяцию.

Список животных, спасенных таким образом, достаточно внуши-

телен. Возьмем оленя Давида, или милу, истребленного в Китае во время Боксерского восстания. К счастью, герцог Бедфордский собрал по зоопаркам Европы всех сохранившихся милу и перевез их в свое поместье Вобэри, где они отлично прижились. Теперь стадо настолько велико, что появилась возможность рассредоточить плодovitый фонд по разным зоопаркам мира. А недавно эти редкие животные были отправлены и на родину, в Китай. Если там сумеют добиться их размножения, можно будет устроить для милу заповедник с надежной охраной; таким образом, олень Давида вернется в свою естественную среду.

Другой пример — гавайская казарка. Эта прекрасная птица почти вымерла, но разумная позиция гавайских властей и прозорливость Питера Скотта спасли ее от верной гибели.

Назовем еще европейского зубра, американского бизона, сайгака, лошадь Пржевальского... Но куда больше видов, остро нуждающихся в такой помощи.

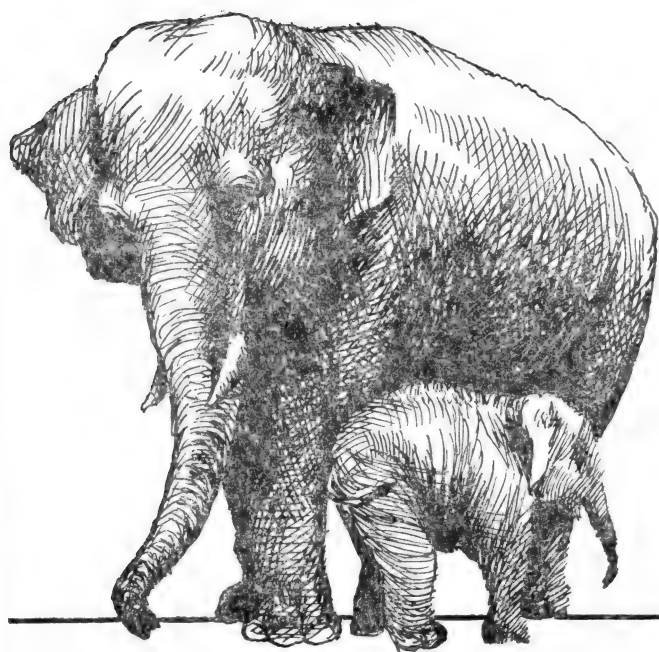
Наш трест именно этим и занимается. Конечно, он всего лишь колесико в сложном современном механизме охраны природы, но мы надеемся, что колесико достаточно важное. Наша задача — не просто содержать в неволе животных. Для меня трест — резервуар, своего рода стационарный ковчег, в котором мы надеемся содержать и разводить наиболее угрожаемые виды, с тем чтобы в будущем вернуть их на родину. Я был бы счастлив завтра распусть трест за ненужностью. Но, боюсь, он сейчас крайне нужен, и хотелось бы видеть побольше таких трестов в других странах.

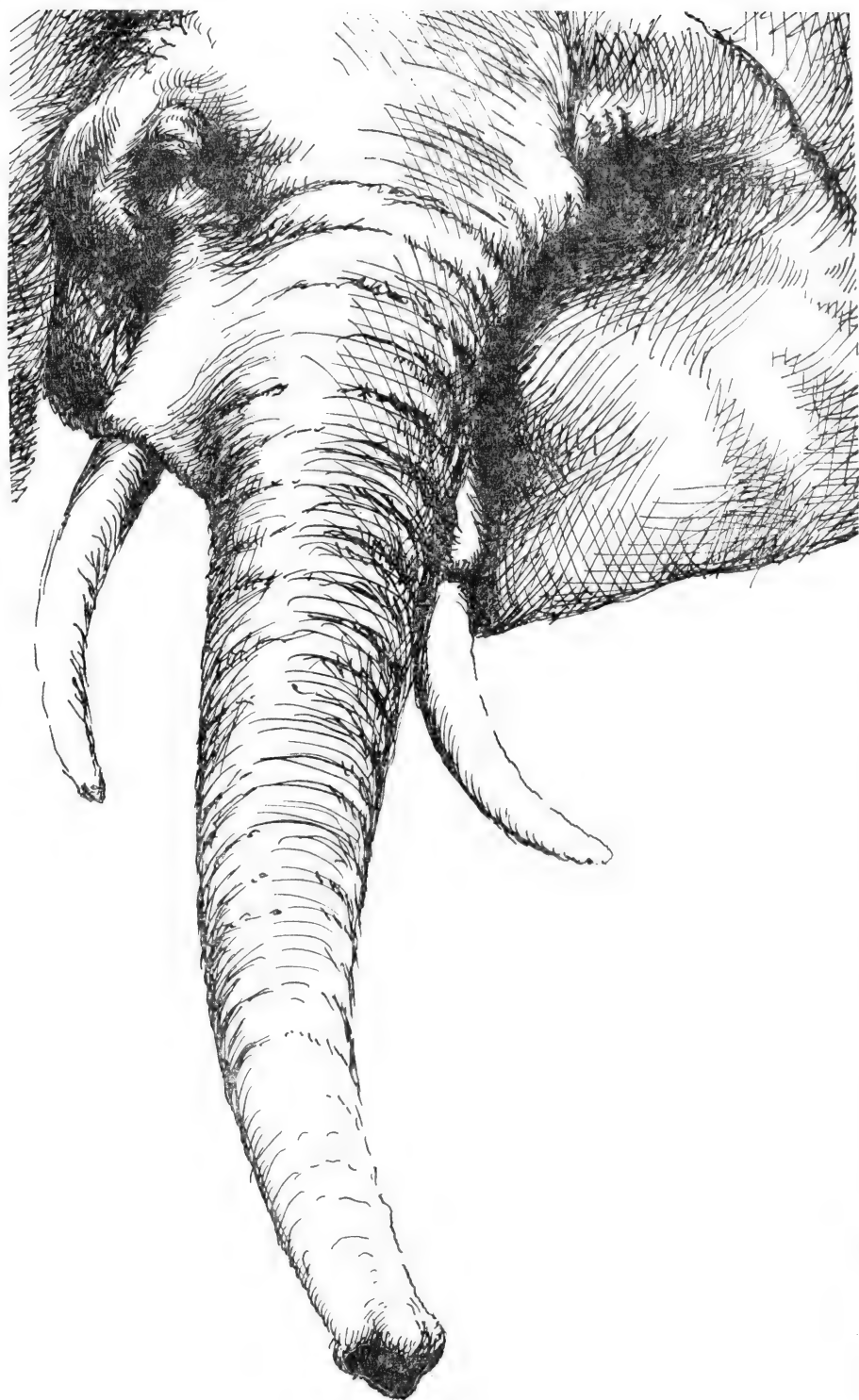
Как уже было сказано выше, я посвятил этому делу всю свою жизнь, в него вложено немало моих денег, а потому я не стесняюсь обратиться за помощью к тебе, читатель. Если ты прочел эту книгу с удовольствием, если тебе пришло по душе хоть одна из моих книг, разреши заметить, что они не были бы написаны, не будь на свете животных! Но сейчас многие из этих самых животных находятся в опасности, если им не помочь — они исчезнут. Я делаю, что могу, но я не справлюсь без твоей помощи.

Если тебе по каким-то причинам не подходит мой трест, умоляю тебя — вступай в любую организацию, которая хоть как-то пытается остановить разорение Земли, и приводи с собой своих друзей. Сделай все, что в твоих силах, не давай покоя твоим депутатам, если тебе покажется, что происходит неразумное покушение на среду, что какое-то растение или животное находится под угрозой и не охраняется как следует. Пиши негодующие письма. Старайся расшевелить власти. Действуй по принципу: если кричать достаточно громко и достаточно долго, кто-нибудь да услышит. Помни, что у растений и животных нет депутатов, им некому писать, они не могут устроить забастовку, даже сидячую, за них некому заступиться, кроме нас, людей, которые вместе с ними населяют эту планету, но не являются ее собственниками.

**Бернгард
Гржимек**

**ДИКОЕ
ЖИВОТНОЕ
И ЧЕЛОВЕК**

Я — гость Москвы

Я брожу один по ночной Москве
Как я парил на кране над Красной
площадью
У зубров в Приокском

Долго не раздумывая, я толкнул массивную вращающуюся дверь и вышел из высотной гостиницы «Ленинград» на улицу. Затея была, прямо скажем, несколько рискованной: я решил в первый же вечер своего прибытия в Москву, один, без чьей-либо помощи познакомиться с этим знаменитым городом. Работники Зооцентра и представители Министерства культуры, встретившие меня в аэропорту и проводившие сюда, до гостиничного номера, раскланялись и ушли, предполагая, что я буду отдыхать после дороги. Но я жаждал деятельности и не хотел терять времени зря, поэтому и решился отправиться один, как говорят, на свой страх и риск.

Итак, я здесь, впервые в жизни переступив границу Советского Союза.

Прохожие на улице, которых я расспрашивал, как пройти к Кремлю, хотя и не понимали ни по-немецки, ни по-английски, ни по-французски (а я, к сожалению, не владею ни одним из славянских языков), но слово «Кремль» было ясно всем и мне любезно указывали дорогу. Светофоры, по указке которых можно кое-как проламинировать меж бесконечных потоков машин, здесь, как и повсюду в мире, нервно мигают своими красными и зелеными огнями, только москвичи (точно так же, как и жители нашего Франкфурта) обращают на них внимание лишь тогда, когда поблизости находится милиционер.

Это было настоящее маленькое приключение — вот так блуждать по незнакомому городу, притом в роли глухонемого! Правда, читать я немного научился: пока летел в Иле из Копенгагена до Москвы, я не терял времени зря и выучил наизусть русский алфавит. Меня уже давно огорчал тот факт, что, получая письма от своих советских коллег-зоологов, я не был в состоянии даже разобрать хотя бы фамилию отправителя на конверте.

Для того же, чтобы узнать, что в них пишут, мне приходилось их каждый раз передавать для перевода во франкфуртскую городскую управу. А там только один человек свободно владел русским языком.

Итак, овладев алфавитом, я мог теперь по буквам разобрать любую вывеску над магазином. Магазины в Москве большей частью открыты допоздна, что удобно, потому что успеваешь закупить продукты даже после окончания рабочего дня. Многие из названий

показались мне удивительно знакомыми! Так, разобрав по слогам одну из светящихся неоновых реклам, я прочел слово «парик-махер-ская» и сразу же догадался, что там такое, потому что по-немецки «парик-махер» означает «изготовитель париков». Над московскими продовольственными магазинами часто можно увидеть вывеску «Гастроном», что тоже абсолютно понятно; «Schlagbaum» по-русски тоже «шлагбаум», «Kappelmeister» произносится как «капельмейстер», и еще много знакомых для себя слов я нашел в русском языке, например почтамт, рюкзак, курорт; на вокзалах объявляют «маршруты» (Marschroute) поездов, а бюстгальтеры называются так же, как и у нас...

В ГУМе (многоэтажном, самом большом магазине Москвы) я без всякого труда объяснил на пальцах, что мне нужны две иголки (забыл взять из дома!), и мне их не только тут же раздобыли, а просто подарили, ни за что не хотели взять денег. А поскольку выяснилось, что я позабыл дома и бритву, то сразу же приобрел себе и безопасную бритву. Шесть марок. Русские лезвия оказались тончайшими и на редкость хорошими, помазок же, на котором было написано «Made in Germany», оказался чересчур жестким.

Люди на улице одеты очень хорошо, так что никто на иностранцев не оглядывается. Молодая москвичка, с которой я заговорил, на мое счастье, вполне прилично владела немецким языком (хотя ни разу в жизни, по ее словам, нигде не выезжала, кроме Вены, и то ненадолго); она согласилась помочь мне в моем трудном положении: показать, где находятся книжные магазины по продаже иностранной литературы. Там же продавались газеты на различных европейских языках. Книги были в основном на немецком, чешском и польском. Тем не менее я нашел все-таки то, что искал: Атлас Советского Союза со множеством специальных карт. Та же любезная молодая дама объяснила мне, как добраться на метро до моей гостиницы, и я отправился «домой».

В Московском метрополитене билетов не берут. Достаточно опустить монету в прорезь на турникете — и можно проходить. Тому же, кто захочет сэкономить деньги за проезд, какой-то коварный аппарат, выбросив на уровне бедер специальное ограждение, не даст пройти. Иногда заградительный барьер запаздывает на какие-то доли секунды и ударяет прямо по ногам (что весьма болезненно и оставляет на память здоровенный синяк!).

Спустившись в метро, я, как и следовало ожидать, поехал не в ту сторону. Когда я поднялся наверх, было уже совсем темно. На каких-то абсолютно незнакомых мне улицах прохожие только пожимали плечами, когда я обращался к ним по поводу «Hotel Leningrad». Нет, они не знают, что это такое. Ко всему еще начал моросить дождик, и точно так же, как это бывает в таких случаях во всех городах мира, внезапно не оказалось ни одного свободного такси... А кроме того, меня разбирало тщеславное желание найти дорогу назад самостоятельно, притом пешком. И, представьте себе, мне это удалось! Правда, к десяти часам вечера или ночи, если хотите, и промокшим до нитки. Зато мне удалось уяснить, что вопреки

разным разговорам на Западе, иностранец может совершенно свободно передвигаться по Москве.

В понедельник утром пришла переводчица. Молодая женщина, но уже преподавательница немецкого языка в институте. Зовут ее Светлана, она миловидна, энергична, ужасно озабочена тем, чтобы со мной ничего не стряслось: я не должен есть немытых фруктов, не должен таскать тяжести, обязан тепло одеваться, чтобы не простыть*.

Я загружаю чемодан с кинокамерой и сумку с фотоаппаратами в такси, мы едем на Красную площадь и останавливаемся где-то возле самой Кремлевской стены. Перед входом в Мавзолей Ленина стоит постоянная, бесконечно длинная, но быстро продвигающаяся очередь из тысяч и тысяч людей. Но сама площадь сейчас совершенно пуста, сегодня предстоит встреча космонавтов.

Я справляюсь у одного из милиционеров, не пропустит ли он нас для съемок на площадь. Нас пропускают. И вот мы уже со своими чемоданчиками пересекаем в гордом одиночестве эту огромную пустую площадь. На другом ее конце стоит машина, которую используют обычно при ремонте проводов уличной электросети. В кузове у таких машин установлено приспособление, с помощью которого выдвигается вверх нечто вроде башни с площадкой для электрика наверху. Рабочие разрешают воспользоваться для съемок их машиной. Более того — меня вывозят на самую середину Красной площади, и башня вместе со мной начинает медленно подниматься ввысь!

Не могу передать, какое это сильное чувство! На фоне огромных красных транспарантов, украшающих фасады домов, и мощных алых знамен с гербами всех союзных республик я на своем башенном кране с кинокамерой в руках тоже кажусь себе необыкновенно значительным... Вот если бы я мог себя самого заснять в этот момент! Это произвело бы на моих телезрителей там, в Западной Европе, большое впечатление. Я с высоты своей «индивидуальной башни» могу снимать Красную площадь и многие тысячи советских людей вокруг нее!

И все-таки я приехал сюда не ради того, чтобы снимать новостройки, советские небоскребы, роскошный метрополитен или кварталы жилых домов, выросшие на окраинах города, — это сделают и без меня. Я приехал снимать животных. Именно они меня интересуют.

Голубей повсюду много, как, впрочем, почти во всех больших городах, где истосковавшиеся по всему живому горожане их балуют и кормят. Это и понятно: голуби — символ мира.

* Эта дама сопровождала меня только во время первого приезда в Советский Союз. Во всех моих последующих путешествиях по стране моим неизменным переводчиком и гидом была писательница Евгения Геевская. Она же переводит на русский язык все мои книги, издаваемые в Москве. А их было уже семь. И то, что на русском языке они звучат не хуже, чем на немецком, объясняется нашим удачным содружеством. Мои книги вверены в надежные руки. Мне хочется выразить здесь свою сердечную благодарность и ей, и профессору А. Г. Банникову, а также издательству «Мысль» за то неизменное внимание, которое уделяют в Москве изданию моих книг.

А мира здесь хотят все — от мала до велика. Здесь честно ненавидят войну. Ведь еще никто не забыл, как фашистские войска вероломно напали на Советский Союз, что западная часть России была разрушена и опустошена. Почти у каждого погибли во время войны родные и близкие. Поэтому никто здесь не хочет войны. Никто.

Московский зоопарк был основан в 1864 году одним университетским профессором-зоологом и с тех пор не подвергался никаким разрушениям во время бушевавших над страной событий. Так что выглядит он сейчас довольно старомодно. Тем не менее он весьма популярен, в нем всегда много посетителей — более трех миллионов в год! И животных в нем можно увидеть самых редких, таких, как: южносибирские красные волки, корсаки, снежные барсы, или ирбисы, сибирские горные козлы, или тэки, изюбры, моржи, куланы, китайские аллигаторы, и даже такую редкость, как бамбуковый медведь из Китая, напоминающий своей черно-белой окраской арлекина... Во всем мире в неволе содержатся всего лишь четыре экземпляра этих «неправдоподобных» животных: два в Пекинском зоопарке, один в Лондоне и вот этот — в Москве.

В Московском зоопарке ведется научно-просветительная работа, оборудован специальный лекторий, организован показ фильмов для многочисленных школьных экскурсий, есть справочный центр для посетителей. В зоопарке работает много ученых. Мне объяснили, что в скором времени начнется постройка нового, значительно большего по площади зоопарка, вынесенного за пределы центра Москвы.

У меня предстоит встреча с зоологами Московского университета. Здание университета расположено на берегу Москвы-реки, и с его высоты просматривается вся панорама города: это необозримое море домов, из которого там и сям возвышаются небоскребы, словно маяки или скалистые рифы...

Сам университет — тоже небоскреб, построенный в 1953 году и состоящий из 37 зданий высотой от одного до семнадцати этажей. Средняя часть здания имеет даже 31 этаж и поднимается ввысь на 240 метров, вонзив в небо гигантскую иглу. Сотни гектаров зеленых насаждений окаймляют это величественное здание; здесь высажено 15 тысяч деревьев и один миллион кустов. Главное здание насчитывает 22 тысячи помещений, а жилые корпуса по обеим его сторонам — 5754 комнаты для студентов и 184 квартиры для преподавателей. Мне гордо сообщили, что в 1963 году в Советском Союзе 332 тысячи студентов сдали государственные экзамены, в то время как в 1914 году их было только 12 200. Есть здесь аудитория, рассчитанная на 1500 мест; библиотека содержит один миллион книг, в ней 33 читальных зала. В университете 20 тысяч студентов, 210 кафедр.

Меня встречают мои коллеги, профессора-зоологи: Гептнер, свободно говорящий по-немецки, Банников с роскошной седой бородой и Дементьев — один из крупнейших орнитологов Советского Союза, говорящий по-французски как парижанин. Все мы вместе держим «военный совет», как наилучшим образом использовать эти два

месяца, отведенные мне на пребывание в стране. Ведь этого, прямо скажем, мало для ознакомления с таким огромным государством.

Результатом совместно разработанного плана явилось то, что на следующее же утро мы вместе с профессором Банниковым и Дементьевым поехали на машине в Приокско-Террасный заповедник, находящийся в 80 километрах от Москвы. Это самый маленький по площади заповедник в пределах РСФСР.

Но зато там живут самые лучшие советские зубры.

Когда мы сегодня с важным видом внушаем государственным деятелям молодых африканских стран, что они должны постараться сохранить своих последних крупных животных, то они совершенно вправе на нас злиться. Ведь не кто иной, как мы, белые, уничтожили пять шестых всей африканской фауны! И сделали мы это после того, как у себя дома начали истреблять самое могучее европейское дикое животное — первобытного быка: он навеки исчез с лица земли. Еще немного — и зубра постигла бы та же участь...

В прошлом столетии на всей Земле оставалось одно-единственное место, где эти могучие лесные богатыри еще жили на свободе: местом этим был Беловежский девственный лес, юго-восточнее Белостока. В нем обитало 500 зубров. Однако во время первой мировой войны этих гигантов перебили. Последний дикий зубр на Земле был убит браконьером в 1921 году. Чудом уцелели лишь два быка и старая, девятнадцатилетняя корова. Притом старшему из быков браконьеры уже успели отстрелить хвост. Однако, несмотря на свой солидный возраст, зубрица в последующие за этим годы произвела на свет еще двух быков и одну телочку. Таким образом вид удалось сохранить. К счастью, польское правительство признало охрану и восстановление зубра делом государственной важности. Через гамбургскую фирму «Карл Гагенбек» были закуплены еще несколько экземпляров зубра из различных зоопарков Европы. Одновременно мой предшественник, тогдашний директор Франкфуртского зоопарка, доктор Курт Примель основал «Общество охраны и восстановления зубра». Оно приняло на себя заботу о том, чтобы быки и телки зубра, содержащиеся в различных европейских зоопарках, время от времени могли спариваться, с тем чтобы поголовье этих животных неуклонно росло. Благодаря его стараниям к 1938 году поголовье зубров на Земле снова достигло ста голов.

Но тут разразилась вторая мировая война. К концу войны поголовье зубров насчитывало 70 экземпляров.

За прошедшее с тех пор время в деле разведения зубров достигнуты большие успехи. Немалую лепту внесла в это дело и Польская Народная Республика. Теперь, после двух мировых войн, зубров снова разводят в самых разных уголках земного шара. Небольшими группами они живут сейчас во всех европейских зоопарках, включая Скандинавию, в Америке и даже в Китае. Будем надеяться, что теперь уж они навечно останутся жить рядом с нами на нашей планете.

В Советском Союзе обитает сейчас 160 чистокровных зубров и более 500 гибридов между зубром и американским бизоном (зубробизонов).

Работники заповедника радушно угощают нас обедом: крутые яйца, жаркое, ветчина, знаменитый русский борщ. Потом нам всю ночь досаждают комары, а на утро под проливным дождем забираемся далеко в лес, чтобы полюбоваться на советских чистокровных, родовитых зубров. Их здесь 43 штуки. У работников Приокского заповедника свои заботы, как и у всех на свете. Заповедник занимает всего пять тысяч гектаров и с одной стороны граничит непосредственно с крупным индустриальным центром — Серпуховым. Как и повсеместно в Советском Союзе, здесь сильно размножились лоси, они зимой сотнями проникают в заповедные леса и повреждают молодые деревья. Охотиться на них в заповеднике не разрешается, а волки, забитившиеся прежде о биологическом равновесии в природе, давно истреблены.

Вначале мне показалось, что в Москве что-то очень мало собак. Неужели их здесь не любят? Должен сказать, что московские вокзалы и улицы содержатся в идеальной чистоте. А то обстоятельство, что нигде кругом не видать привычных собачьих «кучек», я никак не мог отнести к нелюби русских к животным. В это я не верил. Ведь вот в деревнях я же видел достаточно много собак. А на Выставке достижений народного хозяйства, которую я посетил по настоянию своей переводчицы, имеется даже специальный павильон собаководства, увенчанный горделивой башней. Там происходят постоянные выставки породистых собак.

Сначала мы сидели на садовой скамейке и поглощали мороженое из вафельных стаканчиков (более вкусного мороженого, чем то, которое продают в Москве на каждом углу, я нигде в мире не ел!). Мадмуазель Светлана была безмерно горда этой постоянной выставкой, с ее 350 постройками, 79 обширными павильонами, огромными статуями, фонтанами, окаймленными позолоченными фигурами, мраморными замками, построенными для каждой советской республики отдельно, с открытыми площадками для конвертов, маленькими вагончиками, развезжающими по кругу для обозрения территории, и нескончаемым потоком восхищенных и веселых посетителей. Все это я, по ее мнению, должен был непременно заснять на пленку.

И тут я обнаруживаю в путеводителе по ВДНХ, что и здесь, оказывается, есть возможность увидеть животных: есть огромные крытые помещения, где содержат сотни овец самых различных пород: есть большая арена, на которой можно полюбоваться знаменитыми русскими тройками и верховыми лошадьми; есть образцовая звероферма для пушных зверей. Но самое грандиозное и удивительное — это величавый дворец, построенный наряду с другими и для кроликов. Нигде в мире мне не приходилось видеть, чтобы обыкновенным кроликам оказывались такие почести! Это был настоящий греческий храм, на фресках и барельефах которого были изображены не богини или боги, а кролики, и только кролики. Вершины колонн горделиво венчали не фигуры олимпийцев, а... статуи длинноухих! А позади этого храма находилась содержащаяся в образцовом порядке кроличья ферма, в клетках развелись кролики всевозможных пород.

Многие из них, несмотря на их русские названия, хорошо знакомы мне еще со времен моего далекого детства. Здесь и длинношерстные ангорские кролики, и голубые венские, немецкие (Riesenschecken), русские кролики.

В этой части парка, где содержатся только животные, значительно тише и безлюднее. Здесь можно встретить прозрачные пруды с водоплавающей птицей редких пород, есть загоны, где можно полюбоваться на лосей; здесь можно познакомиться с устройством свинофермы, скотного двора или выгона для крупного рогатого скота, а есть и просто тихие полянки, где можно отдохнуть всей семьей и съесть бутерброды.

Я обнаружил, совершенно случайно, что в Москве имеется один рынок, где продаются голуби, которых не едят, рыбы, которых не жарят, птицы, на которых только любуются, и четвероногие, которых покупают только потому, что любят.

Я взял такси и отправился на рынок, расположенный на окраине Москвы, далеко от роскошных проспектов центра. Мы въехали на рынок через простые кирпичные ворота, напоминающие скорее фабричные, и внесли свои чемоданы с киноаппаратурой, поставив их прямо среди торговых рядов, где теснилась густая толпа людей. Их там было не меньше семи-восьми тысяч.

В одном конце рынка продавались только голуби. Здесь были и почтовые голуби, и багдетты, пегие куриные, индийские и павлиньи голуби. Каждый второй человек здесь либо держит в руках голубя, либо взглядом знатока оценивающе рассматривает курлычащих, порхающих меж деревянных переборок больших ящиков голубей.

Потом следуют бесконечные ряды столов с установленными на них ведрами и баками, в которых выются и мечутся мириады дафний. Продают их ложками или чашками — спрос на них большой: ведь это необходимый корм для вечно голодных аквариумных рыбок. На других столах разложен корм для птиц, стоят различной формы и размера клетки, а также бачки с аквариумными растениями.

С каким серьезным видом десяток взрослых людей может рассматривать крошечного пестрого карпозубого циприна (*Zahnkärlfing*), плавающего в банке из-под варенья, которую восемнадцатилетний паренек гордо поднял вверх, чтобы рыбка лучше смотрелась при солнечном освещении!

Пробираясь меж клеток с зелеными попугайчиками-неразлучниками, я с трудом залезаю на один из прилавков и запускаю свою кинокамеру. Я снимаю заинтересованные лица людей: москвичей, поглаживающих кошек, любующихся вуалехвостками, простых советских граждан, подсвистывающих птицам, — словом, самых обыкновенных людей.

Чувствую я себя на таком рынке, как дома. В городе моего детства — Нейсе, на моей силезской родине, такой вот птичий базар был самым притягательным для меня местом! Потому что в свои мальшеские годы я вечно увлекался разведением кур, голубей, уток, даже коз! Поэтому я чувствовал себя глубоко несчастным, когда меня отдали в гимназию, где часы занятий совпадали со временем,

когда был открыт базар. Но я все-таки нашел выход из такой неприятной ситуации: заключался он в том, что за десять минут до начала большой перемены я просил разрешения отлучиться в туалет, а сам неся пулей на базар и возвращался только к началу следующего урока... В милой моему сердцу обстановке, меж рыночных торгов, разложивших свой товар, плетеных корзин с курами, добродушных лошадок, впряженных в крестьянские повозки, дощатых ящичков с гусями, корзинок с голубями, я чувствовал себя совершенно счастливым.

О, я, как никто другой, могу понять чувства этих москвичей на «Птичьем рынке»!

Глава II

Впервые в жизни вижу живого соболя

**Шкурка стоимостью в десять тысяч
золотых рублей**

В неволе они не желали размножаться

«Законсервированные» зародыши

**Поголовье соболей в Советском Союзе
полностью восстановлено**

У моей дорогой матушки была в свое время соболя накидка. Накидка была уже весьма почтенного возраста и несколько обветшала. Тем не менее, когда моя мать приносила ее к скорняку, чтобы подреставрировать или обработать на лето средством против моли, скорняк, преисполненный подлинного благоговения перед этим чудомехом, невольно понижал голос...

Эти русские пушные звери к тому времени стали такой редкостью, что слыли уже почти сказочными, легендарными.

Поэтому не мудрено, что я вырос в обстановке почитания этого незнакомого драгоценного русского зверька и ни за что не поверил бы, что мне когда-либо в жизни придется увидеть его живьем. Ведь Советский Союз обладает государственной монополией на соболя.

И не мудрено, что, увидев живого соболя, более того, стоя перед клетками, где их обитало несколько сот одновременно, я почувствовал, как учащенно забилося мое сердце!

Было это на большой государственной звероферме в Пушкино, примерно в 30 километрах от Москвы. Здесь содержатся еще и 20 тысяч норок, и 800 самок серебристо-черных лис. Немецкие зверофермы, содержащие этих лис и когда-то очень процветавшие, теперь уже давно стали нерентабельными. В начале века хорошая шкурка на Лондонском пушном аукционе оценивалась примерно в 10 тысяч марок. Но с тех пор как этих лис стали разводить в

неволе, шкурок появилось значительно больше, и одновременно они намного подешевели. К 1940 году на мировой рынок ежегодно поступал уже миллион с четвертью шкурок серебристо-черных лис стоимостью всего каких-нибудь пару сотен марок. К тому же в наших климатических условиях эти меха вместо серебристой окраски вскоре приобретают рыжеватый налет, что у скорняков считается весьма нежелательным. И вообще манто из меха с длинным ворсом на сегодняшний день не в моде, потому что слишком полнит наших дам. Поэтому разведение серебристо-черных лис и прекратилось как в Скандинавии, так и в Северной Америке. Только здесь, в Советском Союзе, решили переждать временное затишье, не испугались вынужденных издержек и ждут, когда этот мех снова войдет в моду. Ведь внутри страны он и сейчас охотно раскупается на шапки.

Особенно распространено ныне разведение песцов — белых и голубых. Эти арктические лисы, которые на воле ведут себя одновременно столь доверчиво и нахально, имеют то же преимущество, что и кролики: они быстро размножаются. Я бы сказал, что даже быстрее, чем кролики, потому что в одном помете у них бывает в среднем по 13—15, а то и 20 лисят! У серебристо-черных лисиц же их обычно бывает вдвое меньше.

Здесь, на звероферме, самки соболя в апреле производят на свет от трех до четырех, а бывает и до семи соболят, которых к октябрю уже забивают. На каждую десятку самок приходится один самец-производитель.

Между прочим, мне сказали, что таких больших государственных звероферм в Советском Союзе много.

Все животные обитают в клетках, состоящих целиком из провололочной сетки. Пол тоже состоит из той же сетки, что очень удобно: помет проваливается сквозь нее под клетку, откуда его удобно и быстро можно вымести. Для спанья им служат маленькие деревянные ящики. Эти лисы, норочки и соболя клетки установлены длинными рядами прямо посреди редколесья.

Как я уже упоминал, в клетках содержат помимо соболей еще 800 самок серебристо-черных лисиц, 700 песцов и 20 тысяч норок с детенышами. Норочий мех ведь сейчас стал во всем мире самым что ни на есть модным. (В сезон 1964/65 года «урожай» норок на мировом рынке составлял уже 20 миллионов шкурок, в то время как еще 30 лет назад их был только миллион, притом шкурки эти принадлежали диким, обитающим на воле норкам).

Звероферма «Пушкино» занимает площадь в 27 гектаров, то есть примерно столько же, сколько большой зоопарк.

Но вот что для меня лично плохо — это то, что все эти бесконечные ряды клеток с их плотными крышами установлены в лесу, куда почти не проникает солнечный свет, да к тому же еще пошел дождь — все небо затянуло мрачными, черными грозowymi тучами. Как на таком фоне прикажете снимать соболя?

Тогда я решил попросить бригадира вынуть из клетки молодого, относительно ручного соболя и перенести его на открытое, более освещенное место. Бригадир этот был, между прочим, женского

пола, примерно двадцати пяти лет от роду, в брюках и цветастой косынке. Здесь, на Пушкинской звероферме, 13 бригад, по восемь человек в каждой, причем в бригадах — одни девушки. Для того чтобы стать специалистом-звероводом, надо проучиться пять лет.

Хорошенький бригадир сжалился надо мной. Девушка вытащила из клетки сначала одного молодого соболька, который проявил себя, однако, весьма невоспитанно и укусил ее за ухо. Второй же оказался более покладистым и милостиво согласился мне позировать. При полностью открытой диафрагме едва хватает освещенности, чтобы получить изображение серовато-коричневого зверька. У него как раз та самая предписанная меховой торговлей желаемая окраска, носящая название «водянистая». Когда шкурка соболя имеет желтоватый оттенок — цена ей невелика.

Теперь я выяснил, что меховая накидка моей матушки в свое время не представляла собой какой-либо особой ценности. Поначалу это была всего лишь подкладка от дорожной дохи ее деда, которую она спорола оттуда и отдала для переделки и реставрации скорняку. Соболы несколько сот лет тому назад не были вовсе такой уж редкостью: они встречались от Скандинавии до самой Камчатки. Так, Борис Годунов в 1600 году послал в Вену сразу 40 360 собольих шкурок. Было время, когда на Камчатке охотились за соболями только ради их мяса, шкурка же считалась бросовой, хуже собачьей. Поэтому, когда камчадалов заставили платить подати царю собольими шкурками, они смеялись. В те времена можно было за нож выменять восемь собольих шкурок, за топор — 18. Одному охотнику за зиму удавалось с легкостью отловить капканами от 70 до 80 зверьков. Таким образом, еще в XVIII столетии на Урале, на Ирбитской ярмарке, на знаменитых «пушных торгах» появлялись ежегодно многие сотни тысяч собольих шкурок.

Однако, чем дороже делался этот мех, тем ожесточеннее становилась соболиная охота, тем больше соболей охотники стремились отловить и тем катастрофичнее сокращались численность этих зверьков. А это в свою очередь делало их шкурки все более редкими, ценными, а желание добыть их — все более жгучим. Получался тот самый порочный круг, из-за которого уже немало видов животных исчезло с лица земли. К 1900 году еще случилось, что в Ирбите продавалось от 48 до 53 тысяч собольих шкурок, но уже с 1910 по 1913 год их туда попадало не более 20 или 25 тысяч. И число это год от года все уменьшалось, пока положение не стало совсем угрожающим. Времена, когда какой-нибудь русский чиновник на Камчатке за пару лет становился богачом, давно прошли. Теперь уже никто из камчадалов не соглашался выменивать продукты питания или домашнюю утварь на собольи шкурки, оплачивая таким образом стоимость этих товаров в пятидесятикратном размере. Теперь даже в самых отдаленных восточных районах Сибири каждый знал истинную цену редкостным шкуркам.

Тем временем ценный зверек был уже почти повсеместно истреблен. Самое мизерное число соболей оставалось еще на Алтае, в труднодоступных районах Кузнецкого Алатау и в далекой Якутии.

Да, при такой бешеной погоне подобному крупному представителю семейства куньих нелегко было вообще унести ноги и сохранить шкурку.

Соболи — ближайшая родня наших кунниц, но отличаются от них более высокими и крепкими ногами с заметно более широкой лапой; на горле у них ярко-оранжевое пятно, а мех их гораздо шелковистее и блестит лучше куньего. Широкая лапа необходима соболю в первую очередь потому, что большую часть года ему приходится проводить в снегах: эти лапы по сравнению с грациозными маленькими лапками других куньих напоминают скорее медвежьи. Соболь — хищник. Он азартно охотится на белок и других грызунов, на птиц, не брезгует и рыбой. Отваживается нападать этот маленький разбойник даже на такую крупную добычу, как гуси; случается, что те поднимаются в воздух вместе с вцепившимся в них убийцей, однако вскоре выбиваются из сил и, по мере того как жизнь в них угасает, постепенно опускаются на землю. Известны случаи нападения соболей даже на кабаргу — а ведь она лишь вдвое меньше косули!

Но, несмотря на то что они такие кровожадные разбойники, соболи довольно легко приручаются, точно так же как и наши кунницы если их с самого рождения содержать в домашних условиях. Рассказывают, что во дворце тобольского архиепископа в прошлом столетии жил такой ручной соболь, настолько безобидный и приветливый к людям, что его даже выпускали бегать по улицам словно собачонку. После еды он всегда требовал, чтобы ему дали попить, а затем заваливался спать. Но кошек не любил. Стоило ему увидеть какую-нибудь из них, как он поднимался на задние лапы и весь ошетинивался: того и гляди набросится!

В стародавние времена, охотясь на соболя, в него стреляли дробью, натравливали на него собак, и все это портило драгоценную шкурку. Но чем дороже становился мех, тем осторожнее охотники старались с ним обходиться. Теперь соболя уже не продырявливали дробью, а загоняли с помощью собак на дерево, а затем стряхивали оттуда в снег либо же прямо спиливали дерево. Другие охотники, промышляющие в суровых условиях Севера и старающиеся нажить себе там состояние, применяли разные хитрые способы отлова этих зверьков.

На сегодняшний день промысел соболя ведется иначе — устанавливают домики-ловушки, капканы с приманкой из птичьего мяса. При таком способе наилучшим образом обеспечивается сохранность пойманного соболя — другим хищникам бывает трудно добраться до него раньше, чем промысловики успеют снять с него драгоценную шубку...

Но что толку с того, что цены на соболя шкурки в Ирбите и тем более в Лейпциге от года к году достигали все более рекордных цифр? Безвозвратно исчезал сам объект добычи этих баснословно дорогих шкурок. Неминуемо надвигался день, когда соболи окажутся полностью истребленными...

Поэтому в 1913 году царское правительство, спохватившись,

основало сразу три заповедника в Восточной Сибири, в которых был объявлен запрет на соболиную охоту. Но к сожалению, мера эта запоздала и оказалась абсолютно безуспешной, тем более что вскоре разразилась первая мировая война. После революции в России численность соболя начала понемногу расти. Время от времени они снова стали появляться в тех местах, где уже десятки лет как исчезли. Скорее всего это объяснялось тем, что во время гражданской войны было не до соболя и никто ему не досаждал. Но зверьков было все равно так мало, что можно было не сомневаться в том, что вскоре их численность вновь пойдет на убыль, если не обеспечить их действенную охрану и восстановление.

Советское правительство горячо взялось за это дело. Сначала была осуществлена реакклиматизация соболя в тех местах, где он прежде тысячелетиями безбедно обитал. И это касалось не одного только соболя, но и других истребленных хищническим промыслом животных, таких, как лоси, маралы, бобры, сайгаки, зубры.

Когда намереваешься вновь заселить местность каким-то видом животных, некогда там обитавшим, но исчезнувшим, то необходимо выпустить поначалу хотя бы несколько пар-производителей. Но где взять такие пары живых соболей? Отловить последние десятки зверьков, живущих на воле, и отвезти за тысячи километров от места поймки, чтобы там вновь выпустить, казалось мало обнадеживающим занятием: еще довезешь ли живыми? И даже если бы это удалось, то их все равно на первых порах пришлось бы содержать в неволе, как содержат серебристо-черных лис, норок или нутрий. А опыта в этом деле еще никакого не было.

Шли двадцатые годы. Над вопросом разведения соболей в неволе трудился тогда в Советском Союзе профессор Мантейфель, возглавлявший Московский пушно-меховой институт. Ему удалось выяснить причину всех предыдущих неудач с опытами по размножению соболей в неволе. Дело оказалось в том, что сроки беременности у самок были определены ошибочно. Выяснилось совершенно обескураживающее обстоятельство: беременность у самок соболя длится не два месяца, как это прежде предполагали, а целых девять — с июля по апрель, причем оплодотворенный зародыш в матке на самое неблагоприятное время года как бы «консервируется», а затем, к весне, начинает быстро развиваться. То есть в развитии плода наступает так называемый латентный период. Раньше ошибочно предполагали, что брачный период у соболя приходится на раннюю весну, и самцов подсаживали к самкам, как правило, слишком поздно, поэтому с размножением в неволе ничего и не получалось. А профессор Мантейфель стал подсаживать самцов еще с лета, и — смотрите-ка — у его соболей, которых он содержал в Московском зоопарке, появился молодняк! Это был настоящий триумф: шутка ли сказать — эти царственные животные, эти «меховые бриллианты», «живая валюта» впервые в неволе принесли потомство!

Но, увы, на том дело и закончилось: больше потомства у соболей не появлялось. Думали, гадали, ломали себе голову: чем бы это могло объясняться? Было подмечено, что на воле, в естественных условиях

соболи имеют привычку поедать у более крупной добычи, такой как рябчики, куропатки или зайцы, только одну голову с шеей и печень. Целиком они съедают только таких мелких животных, как, например полевки. Может быть, здесь надо искать разгадку? Ведь головной мозг богат липоидами, на шее и в грудной полости расположены железы внутренней секреции.

Ну что ж — стали пробовать. Мантейфель начал скармливать соболям куриные головы, печенки, «мозговые» кости. Одновременно он пришел к выводу, что большую пользу могут принести сильные электрические лампы, подвешиваемые над вольерами: на свет слетается множество насекомых, которые, ожегшись, падают на пол и жадно поедаются соболями. Заметив это, Мантейфель стал давать им вместе с кормом еще и мучных червей.

Тогда, в двадцатые годы, Советский Союз прилагал немалые усилия по созданию собственных крупных звероводческих хозяйств. За границу посылались специальные комиссии для изучения этого вопроса, и с 1927 по 1931 год в страну было ввезено много серебристых лис, ондатр, а также енотов и норок из Канады. Перевалочной базой для подобного транспорта тогда служил Гамбург. Немецкий специалист по пушным зверям доктор Пауль Шенс принимал транспорт с животными в Гамбурге, перегружал на советские пароходы и сопровождал до Ленинграда. А в Германии в начале двадцатых годов как раз была создана звероферма по разведению ценных пушных зверей. Ее руководителя, доктора Ф. Шмидта, и пригласили в 1927 году в качестве консультанта для организации первых советских пушных звероферм. Он же и стал первым научным руководителем центральной опытной зверофермы в Пушкино. В Союзе он оставался вплоть до 1934 года и до своего возвращения домой успел вывести 136 соболей, рожденных в неволе.

Хорошеньким, молодым соболькам, выраставшим в проволочных вольерах, поначалу не приходилось расставаться с жизнью в угоду богатым модницам. Их старательно выхаживали до тех пор пока они не достигали промыслового размера. Затем их отбирали попарно и отвозили в те местности, где в прежние времена в России водился соболь. Там их и выпускали на волю.

Такая разумная реакклиматизация соболя вскоре принесла свои благодатные плоды. На пушном аукционе, состоявшемся в 1956 году в Ленинграде, уже снова было представлено 14 110 собольих шкур. В Сибири на сегодняшний день обитает больше соболей, чем сто лет тому назад!

И тем не менее собольи шкурки остаются по-прежнему большой ценностью. Уже в 1912 году фирма «Пенижек и Райнер» в Вене, в то время ведущий «Дом моделей пушных изделий» запрашивал за соболье манто не менее 24 тысяч долларов, или 100 тысяч марок. Необработанная соболья шкурка в Западной Германии стоит на сегодняшний день от 200 до 1200 марок. На манто необходимо около 80 шкур средней стоимостью от 400 до 600 марок. Так что нетрудно себе представить, что готовое соболье манто вместе со стоимостью

обработки и отчислениями в пользу торгующих организаций будет стоить не меньше 65, а то и 80 тысяч марок.

Как мне сообщили скорняки, сейчас во всем мире снова имеется от 15 до 20 собольих манто, три или четыре из которых были изготовлены в самое последнее время в Западной Германии. Однако столь пушистые меха, как собольи, сейчас большей частью используются для изготовления пелерин, палантинов или опушки элегантных вечерних платьев. Потому что в качестве пальто этот мех слишком полнит ту, которая его носит...

Однако эти ценные пушные звери могут служить прекрасным примером того, как дикое животное, которому грозит полное истребление, можно спасти, если государство возьмет его судьбу в свои руки. Именно так и случилось с соболем в Советском Союзе.

Глава III

Аскания-Нова процветает

Письмо из России, прибывшее в Судан
на журавлиной шее

«Овечья колония» в России

Последняя дикая лошадь бежала
два дня наперегонки со смертью

Судьба «степного рая»

Дворянский титул... за зоопарк

Нет, положительно нашим отцам и дедам не удавалось так легко и просто носиться по всему земному шару, как мы это делаем сегодня!

Я сел в Москве в самолет и, перелетев через Киев, приземлился в Херсоне, в самом нижнем течении Днепра. На аэровокзале я взял такси и, проехав по степи 160 километров, добрался до такого места, о котором знают и помнят все, кто интересуется животными.

Я еду по степи. Дорога прямая как стрела пересекает плоскую и ровную как стол равнину. Справа и слева следуют одно за другим неоглядные поля, засеянные зерновыми культурами. По обеим сторонам широкого асфальтированного шоссе высажены в пять-шесть рядов молодые деревца. Через каждые 10—12 метров — куст, осыпанный яркими цветами. Однако даже от самой распрекрасной яркости можно устать, если она повторяется все вновь и вновь так, что начинает рябить в глазах...

Дорога не очень гладкая и скорость невелика... Мной овладевает приятная полудремота. Мысли мои улетают далеко-далеко отсюда — в Африку. Я вспомнил, как недавно, во время промежуточной посадки в Хартуме, решил использовать время и переехать на другую сторону Нила, в Омдурман, осмотреть гробницу знаме-

нитого Махди, которому удалось победить самих англичан и на долгие годы прогнать их из своих владений. Генерал Златин-паша родом из Австрии (настоящее имя его было Рудольф Златин) просидел двенадцать лет (с 1883 по 1895) в плену у Махди. Златин-паша позже писал: «Было это в декабре 1892 года. Я получил приказание немедленно явиться пред светлые очи калифа. Я нашел его в кругу своих приближенных. Недавно полученные мною предостережения о том, что я оклеветан Тайжибом Али, были еще свежи в моей памяти, и неприятное ощущение закралось в мою душу. Калиф, как обычно не ответив на мое приветствие, приказал мне сесть.

— Возьми-ка в руки эту вещь,— изрек он после короткой паузы,— и объясни нам, что она означает.

Вид у него при этом был самый непроницаемый и многозначительный. Я встал, взял предложенный мне предмет и принялся рассматривать его со всех сторон. Это было латунное колечко, примерно четырех сантиметров в диаметре, на котором висела латунная же капсула, по форме и величине походившая на револьверный патрон. Кто-то, видимо, уже пробовал ее открыть, и в расковыренное отверстие ясно виднелась тщательно сложенная записка.

Мне стало, прямо скажем, не по себе: вдруг это адресованное мне письмо от моих родных или от египетского правительства, которое пыталось переслать его таким необычным способом, и гонец был схвачен и разоблачен? Тогда дела мои плохи. Я старался сохранить спокойствие. Пока я расковыривал капсулу протянутым мне ножом, стараясь достать оттуда бумажку, я лихорадочно обдумывал, как себя повести и что сказать. К счастью, мне не пришлось пускаться в ход своего искусства притворяться: на двух тщательно сложенных папиросных бумажках, которые я вытянул из капсулы и развернул, был четко написанный на четырех языках текст (немецком, английском, французском и русском):

«Этот журавль выведен и выращен в моем поместье «Аскания-Нова», Таврической губернии, на юге России. Просьба сообщить, где птица была поймана или убита. Сентябрь 1892 года. Фр. Фальц-Фейн».

Я поднял голову с явным облегчением.

— Ну?— спросил калиф.— Какие же сведения содержатся в послании?

— Господин мой,— ответил я,— кольцо, по всей вероятности, снято с шеи убитой птицы. Прежний ее владелец, человек, живущий в Европе, просит сообщить ему, где птица была поймана или убита.

— Ты сказал правду,— изрек калиф в уже несколько более дружественном тоне.— Птицу действительно подстрелил один шейх близ Донголы и обнаружил на ее шее это странное кольцо. Он снял его и передал эмиру Жунис-волед-ед-Дикему, писарь которого, однако, не смог расшифровать текста, написанного презренным христианином. Поэтому он и прислал мне сюда эту штуковину. Повтори-ка еще раз, что там написано?

Я постарался дословно перевести весь текст, изложенный в кратком послании, и по требованию калифа объяснил ему примерное

местоположение и расстояние, на котором находится страна, откуда прилетел журавль.

— Опять одно из тех дьявольских измышлений, которыми занимаются эти нечестивцы,— таково было окончательное заключение калифа,— только они могут расточать свою жизнь на подобные пустяковые и бесполезные занятия. Ни один праведный магометанин никогда бы не решился на нечто подобное!

Я передал кансулу с запиской присутствующему при нашем разговоре писарю и удалился. Однако, прежде чем отдать ее, я еще раз внимательно пробежал глазами и постарался запомнить указанный в ней адрес: «Аскания-Нова, Таврическая губерния, Южная Россия, Фальц-Фейн». Я отправился домой, непрестанно повторяя про себя эти слова, чтобы хорошенько их запомнить: «Аскания-Нова, Таврическая губерния...» — и принял твердое решение, что если мне, по божьей милости, удастся вновь очутиться на свободе, то я непременно извещу этого человека о судьбе его журавля, доставившего мне несколько неприятных, я бы даже сказал, страшных мгновений!

Уже спустя много лет после моего освобождения из плена и прибытия в Каир я стоял как-то на балконе дворца, в котором помещалось консульство, и любовался прекрасным парком, надевшим как раз свой самый роскошный весенний наряд. И тут я заметил ручную цаплю, расхаживающую меж цветочных клумб.

— Пстойте,— воскликнул я,— о чем-то таком мне напоминает эта птица?

И тут же в моей памяти всплыло: «Фальц-Фейн, Аскания-Нова, Таврическая губерния, Южная Россия». Вернувшись в комнату, я приписал к указанному адресу еще пару строк о том, что в конце 1892 года в Донголе был убит журавль-красавка с кольцом на шее.

Сердечные слова благодарности, которые я вскоре после этого получил из России, убедили меня в том, что мой интерес, привлеченный тем маленьким эпизодом, отнюдь не был односторонним».

Но Рудольф Златин никогда в жизни не добирался до юга России, а Фридриху Фальц-Фейну, несмотря на то что он был одним из самых богатых любителей животных во всем мире, тоже ни разу не удалось осуществить своих заветных планов насчет экспедиции в Африку.

Мы едем, едем, и я начинаю у шоферов встречных машин спрашивать, на правильном ли мы пути к Аскании-Нова? Мой таксист не слишком-то в этом уверен: ему еще ни разу не доводилось совершать столь дальних поездок за пределы города Херсона. Мы сворачиваем резко с основного шоссе на боковое (здесь все дорожки поворачивают под прямым углом) и едем дальше. Какой-то трактор тащит комбайн, поднимая к небу облако черной пыли. Тракторист по нашей просьбе останавливается. Черное облако медленно уплывает назад. Знает ли он, где Аскания-Нова? Ну разумеется же — вон там! И он указывает рукой на темнеющую на горизонте полосу деревьев. Да какая там полоса — это целый лес!

Но деревья эти совершенно особенные, и о них мне хотелось бы сначала немного рассказать...

История удивительного леса посреди голой степи ведет свое начало, как ни странно... от овец. Когда по окончании испанской войны за престолонаследие испанцы наконец разрешили вывоз за пределы страны своих знаменитых тонкорунных овец-мериносов, овцеводство стало развиваться повсеместно, в том числе и в Германии. Так в герцогстве Анхальт, например, научились так прекрасно отбеливать и сортировать овечью шерсть, что ее скупали даже ткацкие предприятия Англии. В герцогских владениях выпасалось тогда свыше 100 тысяч овец-мериносов, однако увеличить свое стадо герцог не мог — для этого его поместье Анхальт-Кетхен было слишком мало. Именно по этой причине да еще потому, что герцог состоял в родстве с русской царской фамилией, ему и пришла в голову блестящая идея основать на безлюдной, только недавно освобожденной Россией южнорусской степи своего рода Анхальт-Кетхенскую колонию. И он добился желаемого. Ему и на самом деле отмерили 480 квадратных километров — территорию, превышающую по своим размерам сегодняшнюю Землю Бремен. Более того: первые десять лет ему не приходилось вносить за пользование этой землей никаких налогов! В честь графства Аскании (на северной стороне Гарца) он назвал свои новые гигантские владения Аскания-Нова.

11 августа 1828 года началась одна из самых рискованных «овечьих Одиссеев», известных в мировой истории. 2886 тонкорунных овец, два быка, восемь коров, восемь лошадей и 23 персоны обслуживающего персонала отправились пешком из Анхальта к Черному морю. На трех повозках везли сундуки с одеждой, домашней утварью и инструментом, а также мешки с посевным материалом. Кавалькада двигалась довольно быстро: в день она проходила от 15 до 20 километров. Ровно 1000 овец осталась зимовать в одном поместье в Познани, и, когда все стадо прибыло в Таврическую степь, оказалось, что не хватает всего лишь 35 овец. Еще удачнее прошел перегон 5300 овец в следующем году, а к 1830 году в Аскании Нова благополучно собралось уже около восьми тысяч овец. Там же поселилось 130 немцев, среди которых имелся один учитель, один винодел, несколько мастеровых и сортировщиков шерсти.

Однако ожидаемого предприимчивым семейством Кетхенов бурного притока денег и шерсти не последовало. Наоборот, из кассы маленького герцогства приходилось вкладывать все больше и больше полновесных талеров в «русское предприятие». Когда советник администрации Ауз поехал в качестве ревизора в далекую степь, от него пришло совершенно уничтожающее донесение в Кетхен. Оказывалось, между служащими колонии шла непрерывная ссора. Десять тысяч виноградных лоз, высаженных в этой безлюдной степи, за сохли, та же участь постигла и фруктовые деревья; никак не хотели давать урожай в условиях засухи и зерновые культуры. Главный управляющий колонии, распродавая часть стада, по-видимому, разрешал покупателям каждый раз самим выбирать себе овец. Таким образом, наилучшие экземпляры оказались повыбранными, а остав

пшиеся 32 тысячи голов имели весьма неприглядный вид. Одних невыплаченных окладов в бухгалтерских книгах значилось на 40 тысяч рублей. Все хозяйство Аскании-Нова — предмет всеобщих насмешек, потому что степью никогда еще так безголово не распоряжались. «По-видимому, у этого герцога Анхальта какие-то неисчислимы сокровища, если ему ничего не стоит содержать здесь такое бесперспективное и разваливающееся хозяйство!» Вот в таком примерно роде отзывались соседи об этом поместье.

Сохранить его удалось в общем-то только благодаря милости царя, который по-прежнему не облагал злополучное владение ни налогами, ни царскими податями. Но когда в 1847 году со смертью герцога Генриха род Анхальтов-Кетхенов угас, его наследник, герцог Анхальт-Дессау, воспользовался первым удобным случаем, чтобы отделаться от этой досадной обузы. В 1856 году он продал поместье немецко-русскому помещику Фридриху Фейну за 525 тысяч прусских талеров, что равняется 1,5 миллионам золотых марок. Но все равно это была не слишком выгодная сделка, потому что за прошедшие десятки лет герцогство потеряло по милости этого лихого предприятия значительно более миллиона золотых марок. Объяснялось же все это очень просто: тупоголовые люди стремились хозяйствовать в степи обязательно на «анхальтский» манер...

А вообще-то говоря, все началось с пощечины. Она-то и послужила толчком к стремительному обогащению семьи покупателя имения «Аскания-Нова» — Фридриха Фейна, помогла Фейнам стать миллионерами.

Дело было так: предок Фридриха, огромного роста детина, недюжинной силы и страшно вспыльчивый, состоя на военной службе в вюртембергском полку, получил за что-то от своего офицера пощечину. Дико вспыхив, молодой человек недолго думая схватил свое ружье и пырнул обидчика штыком. Ему удалось бежать, а некоторое время спустя он объявился на Украине. Там и поселился. Его сын Фридрих вырос таким же необузданным, как отец, и обладал той же медвежьей силой. Когда во время какой-то семейной перепалки отец схватил охотничье ружье и пулянул в сына, тот тоже был вынужден бежать из родных мест и поселился где-то на Кавказе. Там ему удалось разбогатеть, и после смерти отца он вернулся назад в родное имение уже знаменитым овцеводом. Он разводил все больше и больше овец и скупал соседние угодья одно за другим, пока не приобрел напоследок и злополучную Асканию-Нова. Ему удалось стать самым крупным овцеводом России, и говорят, что стадо его превышало 750 тысяч голов прекрасных овец, каждая из которых приносила ему ежегодно немалый барыш.

Однако разводить овец в засушливой степи и сохранять им жизнь во время снежных зим — дело совсем непростое. Ведь Таврическая степь отнюдь не отличается тем мягким климатом, который господствует на Крымском полуострове, хотя и расположена всего в каких-нибудь 300—400 километрах севернее его. Поэтому овец здесь приходится зимой держать месяц, а то и два в закрытых помещениях. И у того, кто не сумел запастись на это время достаточного количества

сена, они гибли от голода. Если отара попадает в один из тех ужасных снежных буранов, которые здесь бывают, то может случиться, что обезумевших от страха животных невозможно загнать в овчарню. Иногда в подобной ситуации может помочь лишь воз сена, который тащат впереди отары и за которым погибающие от голода животные готовы следовать куда угодно. Но самое главное — это не давать им летом пастись непосредственно вокруг овчарен, трава вокруг них должна сохраняться до самой зимы. Потом, зимой, там можно погонять табун лошадей, проламывающий своими копытами снежный наст под которым овцы могут найти для себя пропитание, не отходя далеко от своих жилищ.

Но и сама шерсть не приносила тех доходов, которые могла бы она просто-напросто была слишком пыльной и грязной. А колодцев, которые из-за глубокого залегания грунтовых вод с таким трудом удавалось прорыть, с грехом пополам хватало лишь на то, чтобы напоить овец, но никак не на то, чтобы их перед стрижкой искупать. Следовательно, приходилось напирать не на качество, а на количество шерсти, чтобы иметь возможность выручить приличную сумму.

И суммы на самом деле оказывались приличными! Единственная дочь запальчивого Фридриха вышла замуж за деловитого сотрудника своего отца — саксонца Иоганна Готтлиба Фальца. Царь разрешил им носить двойную фамилию — Фальц-Фейн.

Когда Фридрих, имевший пристрастие к путешествиям, спускался однажды на пароходе из Будапешта вниз по Дунаю к берегам Черного моря, он попал в компанию венгерских овцеводов. Фридрих вмешался в их беседу о качестве шерсти, о пастухах, отарах и степях Властелины Пушты, высокомерно оглядев скромно одетого чужака, заявили, что, дескать, тому, кто ничего в этом деле не смыслит, лучше было бы и помолчать. На это Фридрих Фейн как бы между прочим заметил, что у него одного столько овчарок, сколько у всех присутствующих здесь господ, вместе взятых, — овец...

И это была правда. Семейство стало все состоятельнее. У Фальц-Фейнов были поместья в Мекленбурге, вилла в Ницце, сказочный белый дворец в готическом стиле с 60 роскошно обставленными комнатами на берегу Черного моря. Там пышно праздновались дни рождения, притом пиршества длились неделями, и вся округа присоединялась к этому ликованию.

Но, ей-богу, мне никогда не пришла бы в голову мысль поехать в этот столь удаленный уголок Украины, не окажись последний из Фальц-Фейнов, тоже Фридрих, «сумасбродным любителем животных». Еще гимназистом он получил разрешение выстроить себе «птичий дом». Он радовался, когда на охоте удавалось изловить подранка: вылечивал птиц и содержал их затем в просторных вольерах. Однажды случилось несчастье. Перед самым концом охоты из-за неосторожного движения само собой разрядилось ружье, и весь заряд дробы попал Фридриху в правую руку. Чтобы не испортить настроения родителям, он наскоро перевязал рану, надел другую куртку и, как ни в чем не бывало, явился на праздничный рождественский ужин. Но когда один из его учителей, приветствуя его, стал слишком

уж дружески пожимать ему руку, он не вынес боли и упал в обморок

Более серьезные испытания выпали на долю Фридриха, когда ему после смерти отца пришлось взять на себя управление всеми поместьями. Однажды, когда он уволил одного строптивого инспектора, внезапно ночью в той части дома, где находилась спальня владельца замка, произошел взрыв. Только под утро Фридриха удалось откопать из-под обломков: на теле его зияли многочисленные раны и несколько ребер оказались сломанными. К счастью, одна из потолочных балок так удачно легла на спинки железной кровати, что образовала над ней нечто вроде защитного перекрытия. Оказалось, что какой-то неизвестный злоумышленник начинил печку взрывчаткой и, подведя к ней бикфордов шнур, заставил взлететь все на воздух.

Фридрих Фальц-Фейн, который не курил и не пил, имел лишь одну, но «пламенную страсть»: он обожал всяческое зверье. Став единовластным хозяином Аскании, он принялся строить новые птичники, которые становились все просторнее и прекраснее. Но настоящее начало столь знаменитого сегодня «рая животных» — Аскания-Нова следует отнести к 1887 году. Именно в тот год Фридрих Фальц-Фейн пригласил к себе в имение специалиста, которому и удалось пробурить первую глубинную скважину в земле. На глубине 70 метров наткнулись наконец на отличную, прозрачную воду. С помощью насоса ежедневно выкачивали по 300 тысяч ведер воды наверх. Вскоре и все соседние поместья обзавелись аналогичными буровыми скважинами, и со временем с их помощью, да и еще путем устройства плотин на реках, было организовано искусственное обводнение земель, и сегодня степь, когда-то заселенная лишь кочевниками, превратилась в одну из неиссякаемых житниц Советского Союза.

Водонапорная башня, построенная в стиле древней руины, стоит еще и сегодня, но вся сверху донизу обросла плющом. Отсюда вода растекается по каналам «зоопарка», где купаются утки и гуси из всех стран света, а затем стекает в большой пруд, где гордо вышагивают фламинго и пеликаны. Шестьсот различных видов деревьев Фридрих Фальц-Фейн свез сюда со всех концов земного шара, пытаясь акклиматизировать их посреди безлесной степи; ему удалось вырастить большой ботанический сад. Двести из этих видов прижились и стали разрастаться дальше. По ухоженным дорожкам этого райского парка я и бродил вечером в день своего приезда в Асканию-Нова и наслаждался пением соловьев.

Фридриху не нужно было больше содержать своих любимых птиц в клетках. Теперь они и так никуда не улетали из зеленого «острова в степи».

Первым птицам еще подрезали крылья, но после линьки — а у потомства их и подавно — подобная предосторожность оказывалась уже излишней. Более того, весть о зеленом оазисе посреди безлесной степи, где всегда достаточно корма, странствующий пернатый народец вскоре разнес по свету, и вот здесь загнездились и иволги, и соловьи, славки и другие мелкие певчие птицы. Даже единичные перелетные птицы оседали на все лето в «степном раю». Помимо

оседлых пернатых по прошествии нескольких десятков лет здесь прижились около 40 пролетных видов, таких, как домовый сыч, угод, аист, хохлатый жаворонок, деревенская и другие ласточки, различные голуби, воробьи, скворцы, галки, белая трясогузка, ястреб, чибис, зяблик, кукушка, горлица, сойка, болотный лунь, озерная чайка.

От года к году «овечий король» все больше увлекался своим «птичьим раем». Он решил расширить ассортимент обитателей так называемого «зверинца на воле». Вступив в переписку со знаменитыми в то время немецкими звероловами — Гагенбеком и Рухе-Альфельдом, он вскоре стал приобретать все новые и новые партии экзотических животных. Так, южноамериканские страусы нанду сразу же прижились и приступили к выращиванию многочисленного потомства. Для прибывших же вслед за ними австралийских эму и африканских страусов степной климат оказался, по-видимому, все же недостаточно жарким, чтобы откладывать яйца. Зато четыре вида кенгуру, верблюды, дромадеры и ламы чувствовали себя здесь как дома, как, впрочем, и 13 видов оленей и косуль, 20 видов антилоп, а также горные козлы, гривистые бараны, яки, зебры, индийские водяные буйволы, или арни.

В 1889 году Фридрих посетил Всемирную выставку в Париже, где познакомился с известным зоологом Жоффруа Сент-Илером. После беседы с ученым он с удвоенным пылом взялся за начатое дело — создание в степи «рая для животных».

— В вас, — сказал ему знаменитый француз, — счастливо сочетаются любовь к природе, знания, энергия и наличие необходимых средств для выполнения ваших планов!

Так оно и было на самом деле.

К сожалению, Ф. Фальц-Фейну не удалось сохранить хоть нескольких из последних диких лошадей, обитавших тогда еще на юге России. Он слишком поздно обратил на них внимание. А ведь еще в начале семидесятых годов его покойный отец, возвращаясь из своих поездок, частенько рассказывал, что опять видел табунок диких лошадей. Под конец их оставалось всего каких-нибудь восемь голов, потом пять, потом лишь две лошади, причем все в одном и том же месте. Эти дикие степные лошадики были мельче и грациознее, чем восточноазиатские лошади Пржевальского, и встречались прежде в южнорусских степях довольно часто, наравне с орлом-могильником, грифами, дрофами, пеликанами, тушканчиками, сайгаками и волками. Чем больше людей поселялось в степи, тем больше отстреливалось диких лошадей, причем просто так, из желания позабавиться охотой. Нередко случалось, что драчливые дикие жеребцы отбивали от стада домашнюю кобылу и покрывали ее, но, по мнению Фальц-Фейна, ни одному домашнему жеребцу не удалось бы покрыть дикую степную кобылу: для этого дикие жеребцы были слишком ревнивы и боевиты. Поэтому и самые последние из диких лошадей оставались чистокровными, и полукровок меж ними никогда не водилось.

Однажды папаша Фейн сообщил сыну, что по Рахмановской степи бегают всего только одна дикая лошадь — видимо, последняя.

Одинокая кобыла держалась вблизи пасущихся табунов домашних лошадей и, когда пастухи отсутствовали, старалась затесаться в табун. Но стоило появиться пастуху, как она тут же отбегала в сторону и держалась отдельно. Ни разу никто не видел, чтобы она лежала на земле, даже дремала она стоя, в то время как домашние лошади обычно укладываются отдыхать на землю. В течение трех лет дикая лошадка становилась все более ручной. За это время она уже дважды приносила жеребят от домашнего жеребца, которых у нее затем отнимали. Под конец она отважилась однажды зимой зайти вместе со всем табуном в загон, более того, проследовала за всеми остальными в конюшню. Эту возможность использовали для того, чтобы ее изловить: домашних лошадей выпустили наружу, а ее загнали в стойло. Во время этой операции дикарка вела себя самым необузданным образом: прыгала на стены и затем в течение нескольких дней отказывалась от пищи. В суетоке баталии она потеряла один глаз...

Постепенно, очень постепенно, эта последняя южнорусская дикая лошадь становилась спокойней. Здесь, в конюшне, она родила еще одного, третьего по счету, жеребенка. Вот только скрести скребком и вообще прикасаться к себе она не позволяла. А поскольку она покорно давала водить себя за уздечку на водопой, то владелец поместья, по фамилии Дурилин, так упорно старавшийся сохранить эту последнюю дикую лошадь, решил, что она весной добровольно останется пастись вместе со всем табуном. Но не тут-то было! Как только лошадей выпустили из загона, она с громким торжествующим ржанием убежала далеко в степь. Еще один раз, правда, она вернулась назад, нашла своего жеребенка, но тот не захотел последовать за ней, и она ушла одна, чтобы никогда уже не возвратиться, будто растворилась в необозримой зеленой степи... Ни принуждением и заточением, ни любовью и хорошей кормежкой не удалось сломить бунтарского духа дикой лошади!

Когда крестьяне, жители деревни Агайман, что в 37 километрах от Аскании-Нова, обнаружили на следующую осень пасущуюся в степи одинокую кобылу, они решили, что во время рождественских гуляний славно позабавятся, устроив за ней охоту главным образом затем, чтобы проверить резвость своих собственных лошадей. И им никогда бы не удалось ее загнать, несмотря на то что они заранее расставили посты — всадников на определенном расстоянии один от другого. Несчастную жертву старались гнать именно в сторону следующего поста, передавая как бы по эстафете, так что за ней гнались все время новые свежие лошади. И тем не менее дикарка словно бы насмехалась над своими упорными преследователями. Она с легкостью перемахивала через высоченные сугробы, в которых погоня безнадежно застревала. Никогда бы им не удалось изловить лошадь, не попади она ногой в глубокую трещину во льду и не сломай ее. Крестьяне взвалили ее на сани и привезли в деревню, где собрались зеваки со всей округи, чтобы на нее поглазеть. К сожалению, она скончалась через пару дней, хотя деревенские жители и пытались соорудить ей шину для переломанной ноги...

Вот так последняя представительница когда-то многочисленного рода героически отстаивала свою свободу до самого последнего дня жизни. И с тех самых пор больше нет и не будет, на все будущие времена на нашей планете диких степных лошадок. (А то, что экспонируют в некоторых зоопарках под названием «тарпаны», заверяя, что это вновь выведенный вид диких степных лошадей, так это самые обыкновенные домашние лошади серой, мышиной масти.)

Фридрих Фальц-Фейн начал опасаться, что с палевой азиатской дикой лошастью Пржевальского произойдет нечто подобное, что и со степной, таврической. Поэтому он установил контакт с одним купцом из Томской губернии, по фамилии Ассанов. Купец этот вел торговые дела в Монголии и помог Фальц-Фейну снарядить первые экспедиции в места обитания этих животных. В 1897 году удалось отловить какое-то количество молодняка лошади Пржевальского. Однако все жеребята погибли уже в дороге, потому что и отлов и уход за ними проводились непрофессионально. Поэтому Фальц-Фейн распорядился, чтобы жеребят отлавливали, не затравливая до полусмерти, а отстреливая кормящих кобылиц и заменяя их в дороге домашними. Но оказалось, что это не так просто: пришлось закупать кобылиц заранее, еще в Бийске, там же случать с жеребцами, да с таким расчетом, чтобы жеребята появились на свет именно в то время, когда жеребятятся дикие кобылицы.

Но снова неудача: обслуживающий персонал не придерживался так строго предписаний, как этого требовалось, и отловленные жеребята снова погибли в дороге. И только на третий раз все пошло как по маслу: в 1899 году удалось отловить семерых жеребят — шестерых самочек и одного жеребца. Из них пятеро благополучно преодолели пятисоткилометровый путь до Бийска, где их погрузили в железнодорожные вагоны и довезли до ближайшей к Асканию-Нова станции. А оттуда новоселам пришлось протоптать еще 70 километров пешком.

«Весной 1901 года я был в Антверпене,— пишет Фридрих Фальц-Фейн,— где виделся с Гагенбеком. Ему страстно хотелось разузнать, каким это образом я ухитрился доставить к себе диких лошадей из Монголии. Но поскольку он сам в подобных случаях ни за что не выдавал своих секретов, то и я решил отмолчаться. Однако он меня все же перехитрил. Дело в том, что я закупил у него в зоопарке диких животных и принял его предложение дать мне с собой сопровождающего из его людей — дескать, тот как раз едет по своим делам на Украину и привезет всю закупленную партию в Асканию-Нова. Но, прибыв на место, этот тип принялся допытываться у моих людей относительно подробностей отлова и транспортировки, а те ему все и выболтали. А осенью 1901 года он направился напрямик в Бийск, где и купил у Ассанова тех самых 28 лошадей, которые были заготовлены для меня. Лошади эти попали в Гамбург. А в 1902 году Гагенбек получил от Ассанова еще следующую партию. Я же в 1903 и 1904 годах получил от Ассанова только несколько штук».

В 1897 году шесть братьев и сестер Фридриха решили сделать ему коллективный подарок за то, что он, как старший, так справед-

ливо распределил между ними наследство и помогал им вести хозяйство. Подарили они ему группу американских бизонов. Фридриху не стоило особого труда получить помеси между этими могучими дикарями и домашним скотом. Выведенные таким образом «бастарды» были значительно сильнее и больше своих домашних родичей. Так, к примеру, в жаркие летние дни выносливый подольский домашний скот впрягали в уборочные машины в две смены, в то время как помеси между домашним скотом и бизонами трудились без устали от зари до зари. Стадо бизонов и поныне пасется в Аскании-Нова.

Вместе с Н. В. Лобановым, любезно согласившимся меня сопровождать, мы выезжаем в степь на таратайке, которую без видимых усилий катит послушная белая лошадка. Повозка выглядит совсем как в старину: состоит она из четырех колес, на которых укреплена гладкая платформа, сверху брошена мягкая подстилка — вот и все нехитрое устройство. Но это очень практично — во всяком случае я смог спокойно разложить на ней всю свою аппаратуру и коробки с пленкой. В любую минуту с такой повозки можно легко соскочить, чтобы заснять окружившую вас стайку оленей или верблюдов, разглядывающих людей с нескрываемым любопытством, а то и стадо восточноафриканских гну, которые проносятся мимо или, размахивая хвостами, совершают в непосредственной близости от вас свои виртуозные прыжки. Но ручными гну никак не назовешь. За те десятки лет жизни, которые им пришлось провести здесь в Аскании-Нова, эти озорные, большие черные антилопы так и не захотели сблизиться с человеком, несмотря на то что их каждую зиму загоняют в конюшни.

Зато бизоны мне кажутся совсем домашними — ну, ничем не отличаются от наших коров, по своему оведению во всяком случае. Пасет их конный пастух, который на ночь загоняет их в огромные загоны.

Это, я вам скажу, зрелище, которое стоит посмотреть! Такое можно было увидеть разве что сто лет тому назад в американских прериях с участием индейцев или ковбоев. Мы же сегодня можем совершенно спокойно подъехать к стаду бизонов, словно это пасущиеся коровы, несмотря даже на то что в стаде присутствуют новорожденные телята. Я замечаю, что здесь же пасется и несколько гибридов между бизоном и домашним скотом, и прошу пастуха отогнать этих полукровок в сторону, чтобы я мог снять стадо чистокровных бизонов. Меня лично подобные помеси всегда огорчают.

Вольдемар Фальц-Фейн в своей книге, посвященной покойному брату Фридриху, переведенной на немецкий язык и выпущенной в Берлине в 1930 году, сетовал на то, что Асканию-Нова переименовали якобы в Чапли. Но это неправда. Теперь название Аскания-Нова официально значится во всех русских атласах и специальных изданиях. С 1956 года угодья эти отданы в распоряжение Украинской сельскохозяйственной академии. Аскания-Нова принадлежат 330 квадратных километров земли, из которых 130 квадратных километров — целинные земли, а 15,6 квадратных километров подлежат сохранению в девственном виде, без какого-либо вмешательства

человека. Заметно усилилась научная сторона дела: теперь здесь трудится около 100 ученых, помимо них еще 220 сотрудников лабораторий, а всего работает в хозяйстве две тысячи человек. Аскания-Нова превратилась почти что в маленький город, украшенный бульварами, широкими улицами и насчитывающий примерно около шести тысяч жителей. Ботанический сад и зоопарк прекрасно ухожены. В двух бывших особняках Фальц-Фейнов расположились теперь бюро и институт. И несмотря на то что Аскания-Нова больше не принадлежит его семейству, Фридрих Фальц-Фейн все равно был бы доволен, узнав, что дело его жизни, его идеи и планы не пропали зря, а развиваются дальше, да притом еще так успешно.

Правда, на сегодняшний день здесь уже держат не 400 тысяч овец, как прежде, а только семь тысяч. Зато если при Фальц-Фейне пахотных земель поначалу было всего два процента от всех угодий, а под конец — 17 процентов, то при Советской власти уже две трети всех земель стали пахотными. Овцы здесь, можно сказать, содержатся теперь только в качестве подопытных животных: ведется селекционная работа, стараются вывести засухоустойчивые формы одновременно с хорошим качеством шерсти.

Прежде, до изобретения электрических стригальных машин, человеку приходилось от 35 до 50 минут елозить ножницами по овце, чтобы снять с нее все положенное количество шерсти, при этом он еще достаточно часто прорезал ей нечаянно и кожу... За один день редко удавалось остричь более 30 овец. Если овца при стрижке получала сильное ранение, стригалю за нее не платили, а если он во время стрижки, не дай бог, удюшит нечаянно овцу, то из его жалованья вычиталось четыре рубля. До начала текущего века за стрижку одной овцы платили 2,5 копейки, затем стали платить по пять копеек; жилье и питание — бесплатное, но инструмент надо было приносить свой. Заработок в день не превышал обычно пяти рублей 50 копеек. С одной овцы получали в год несколько больше четырех килограммов шерсти. Из такого количества можно изготовить добрых два мужских костюма.

Уже в девяностых годах прошлого века Фридрих Фальц-Фейн приобрел стригальные машины, действующие при помощи пара (он был вообще за всякое новшество), однако никто не умел с ними как следует обращаться.

Профессор И. И. Иванов, занимавшийся тогда проблемой искусственного осеменения животных, попросил у Фальц-Фейна разрешения провести в его хозяйстве серию опытов по искусственному осеменению лошадей. Они дали блестящие результаты. Это позволяло осеменить спермой одного племенного жеребца вместо 20 нескольких сот кобыл, и при этом отпадала необходимость отрывать кобыл от работы и водить по четыре, а то и по пять раз на случку к жеребцу. Теперь хватало одного раза.

Поначалу новый способ был встречен полным недоверием. Полученных таким образом жеребят считали неполноценными. Такое искусственное оплодотворение, введенное профессором И. И. Ивановым, стало применяться повсюду в Советском Союзе, а за годы, про-

шедшие между двумя мировыми войнами,— и во всех других европейских странах. В ФРГ на сегодняшний день большая часть телят появляется на свет именно подобным образом.

Год за годом сибирская язва уносила тысячи жертв из огромных овечьих отар России. Ужасная болезнь лютовала и среди крупного рогатого скота и лошадей. Луи Пастеру, как известно, удалось изобрести вакцину против этой эпидемии, способной убивать и людей. Фридрих Фальц-Фейн заказал Харьковскому ветеринарному институту изготовить для своего хозяйства вакцину для прививки скоту.

Подобные прививки прошли успешно, и в 1887 году почти все овцы Аскании-Нова подверглись инъекциям. Результат оказался самым неожиданным и ошеломляющим: с мест выпаса овечьих отар, пасущихся в степи, ежечасно начали поступать пугающие донесения, что привитые овцы гибнут не только дюжинами, а уже сотнями. Повсюду валялись их трупы. Тем не менее Фридрих не отступился, возобновил опыты и к девяностым годам достиг полного успеха. Обязательная вакцинация овец против сибирской язвы была введена во многих губерниях России, после чего потери среди овец резко пошли на убыль.

Вместе с экзотическими животными в «степном оазисе» стали появляться и всякого рода странные личности. Так некий Вильгельм Конраец, любитель соловьиного пения, а еще пуще — алкоголя, потеряв свое место на сцене Парижской оперы, приземлился в качестве учителя музыки в Таврической степи. Он обучал детей не только музыке, но и немецкому и английскому языкам. Однако учителя музыки не удовлетворяло пение соловьев в асканийских кущах. Он хотел сам стать обладателем этих замечательных певцов. Вскоре он отловил себе изрядное количество соловьев и принялся их дрессировать, чтобы они пели у него в комнате. Как ни странно, ему удалось этого добиться. Причем способ был крайне прост: достаточно провести жесткой щеткой по листу бумаги, чтобы заставить соловья в клетке запеть. Набрав целую коллекцию дрессированных соловьев, он отбыл на свою родину. Однако через пару лет один из Фальц-Фейнов, будучи в Париже, заметил на бульварной скамейке фигуру спящего, совершенно опустившегося человека и узнал в нем бывшего учителя музыки Конраца.

Частыми гостями Аскании-Нова бывали и такие ученые знаменитости, как профессор Людвиг Гек — директор Берлинского зоопарка; орнитолог, доктор Отто Хайнрот, известный профессор зоологии Матчи и многие русские ученые.

В годы перед первой мировой войной в зоопарке Фридриха Фальц-Фейна работало почти сто человек. Все большую известность приобретал его «Степной оазис». Несмотря на то что он был расположен далеко от железной дороги и в то время еще не существовало автобусов, тем не менее туда не иссякал поток посетителей — до 4600 человек в год,— чтобы полюбоваться на чужеземных животных, нашедших здесь, в степи, свою новую родину.

В Аскании-Нова в то время обитало 402 вида различных живот-

ных, из них 344 вида птиц, 50 — копытных, да еще в придачу кенгуру, мары, сурки. Не держал Фальц-Фейн у себя только хищников, и в теперешней Аскании-Нова этого тоже не делают.

В один прекрасный день сам царь сообщил о своем желании посетить Асканию-Нова. Поднялся большой переполох, всю окрестность празднично украсили, воздвигли триумфальные арки, «старый» дом возле зоопарка буквально утопал в цветочных гирляндах, флагах и зеленой листве. Срочно была сформирована казачья сотня для поддержания порядка, потому что со всех сторон начали стекаться толпы крестьян и проезжих, чтобы поглазеть на государя всея Руси. 23 апреля 1914 года, когда царь со своей свитой на трех автомобилях прибыл из Крыма в Асканию-Нова, можно безусловно считать звездным часом Фальц-Фейнов. Ведь это был небывалый случай, чтобы царь посетил обыкновенное, не титулованное лицо да еще вдобавок прожил в его доме несколько дней в качестве гостя! Ознакомительные поездки и приемы были засняты на недавно изобретенную киноплёнку представителем парижской фирмы «Патэ». Десятью днями позже Фридрих получил от царя телеграмму, где тот просил пожаловать к нему в гости в Ливадию. На прощание царь даровал ему дворянство.

Насколько мне известно, это первый и единственный случай, чтобы кто-нибудь получил дворянство за содержание зоопарка.

Потом была революция, освобождение Аскании-Нова Красной Армией, затем ее захватили войска интервентов, а затем снова Красная Армия. Фальц-Фейн уехал за границу.

Когда Фридрих Фальц-Фейн жил уже в качестве эмигранта в берлинском отеле «Континенталь», он написал письмо сыну известного торговца животными Германа Рухе из Альфельд-Ганновера, в котором просил его приехать по важному делу. Фридрих вручил сыну своего коллеги толстый пакет. В нем оказались несколько тысяч рублей — долг. Фридрих совершенно спокойно мог бы не отдавать этого долга, потому что вся немецкая собственность была конфискована еще царским правительством, даже та, что принадлежала помещикам — выходцам из немцев, в течение многих поколений уже полностью обрусевшим и заслужившим боевые награды. Но тем не менее он нашел способ и возможность добровольно передать свой долг человеку, у которого пользовался кредитом. Молодой Рухе был до слез тронут необыкновенной порядочностью клиента своего отца.

А Фридрих Фальц-Фейн мирно скончался в 1920 году в санатории Бад Киссинген и был похоронен на старом кладбище «Двенадцати апостолов» в Берлине. На могильном камне, изображающем двух степных орлов, высечена надпись:

«Здесь покоится знаменитый создатель Аскании-Нова».

Будь Фридрих сейчас на моем месте и разъезжай он здесь, по Аскарийской степи, ему было бы чему порадоваться. Дом, в котором он родился, стоит целехонек, в нем почти ничего не изменилось, и он наверняка узнал бы все свои старые комнаты, несмотря на то что теперь они заставлены письменными столами и канцелярской

мебелью. Перед фасадом приезжих по-прежнему молчаливо встречают древние, грубо изваянные из камня скифские бабы. Они когда-то давно были вырыты из степных могильников и водружены у парадного въезда. Посаженные им деревья шумят и поныне. Искусственная роща по-прежнему орошается хитроумной сетью арыков; вода в них подается насосом, который приводится в движение паровой машиной. В полях произрастает низкорослая пшеница — сорт, специально выведенный для степных районов. Стебель ее достигает всего 30 сантиметров в высоту. Дело в том, что летом в этом континентальном климате разница между температурой воздуха днем и ночью очень велика. Поэтому в ранние утренние часы на растениях оседает обильная роса — в это время года она служит единственным источником влаги на полях. Если высевать обычную пшеницу с высоким стеблем, то растение будет испарять слишком много влаги, и никакой росы не хватит для того, чтобы сохранить ему жизнь. А вот низкорослая пшеница в этом отношении застрахована.

Еще в 1906 году в Аскании-Нова периодически работал М. Ф. Иванов, однофамилец И. И. Иванова, впервые применившего в этом хозяйстве искусственное осеменение. После революции профессор Михаил Федорович Иванов занялся выведением овец «асканийской тонкорунной породы» и «украинской белой степной свиньи» — породы, которые на сегодняшний день получили широкое распространение по всему Советскому Союзу. Большой Научно-исследовательский институт животноводства носит теперь его имя. Главный корпус этого института, построенный в 1957 году, выдержан в классическом стиле французских дворцов XVIII столетия, фасад украшает бюст его основателя. А перед самым входом в парк установлен большой стенд с именами и фотографиями сотрудников Аскании-Нова, особо отличившихся своей работой за последние годы, — им присвоено звание Героев Социалистического Труда.

— Если бы вы были советским гражданином, — шутит директор Асканийского зоопарка, — вы бы тоже обязательно стали Героем Социалистического Труда!

Это все из-за моей неиссякаемой энергии. Ну разумеется же, я хочу использовать с толком каждый проведенный здесь день, пока гощу в Аскании-Нова. Встаю я чуть свет. Сплю в «Доме для приезжих», в котором вечно полно ученых, съезжающих сюда из самых разных концов Советского Союза. «Дом» ничем не отличается от комфортабельной маленькой гостиницы. Рано утром, как только открывается столовая, я бросаюсь к столам, за которыми завтракают рабочие совхоза, наскоро выхлебываю свой борщ — так называется суп из свеклы со сметаной и яйцом, — быстренько съедаю перловую кашу, бутерброд с ветчиной, запиваю сладким чаем с лимоном и потом уже до вечера ничем не питаюсь, чтобы использовать все светлое время суток для съемок. К этому я привык еще в Африке. Между прочим, и все пять зоологов зоопарка охотно составляют мне компанию.

Мы выезжаем на «джипе» далеко в степь, где возле одного из хуторов пасется стадо из 45 африканских антилоп-кани. Это потомки

тех, что завез сюда еще Фальц-Фейн, причем 15-е поколение их за 65 лет, которые они обитают здесь, на Украине. На время обеда конные пастухи загоняют антилоп в закрытый двор с деревянными строениями типа конюшен. Мы отворяем ворота, а Н. Лобанов кладет поперек входа на землю балку. Его расчет верен: каждая антилопа побаивается незнакомого предмета, преградившего ей дорогу. Но потом, собравшись с духом, перемахивает через него огромным прыжком длиной в несколько метров! А я стою сбоку и снимаю. Именно таким способом мне удастся снять самых крупных антилоп Африки в роскошном прыжке.

В другом загоне содержится табун домашних лошадей, которых скрещивают с жеребцами дикой лошади Пржевальского. Здесь есть представители каждого переходного звена, от чистокровного дикого жеребца до домашней лошади. Всех их, так же как и антилопкани, выпускают пастись в открытую степь, разумеется, под присмотром конных пастухов.

Однако семь чистокровных лошадей Пржевальского из предосторожности держат в отдельном загоне. Правда, загон этот настолько велик, что трудно обнаружить ограду, и создается полное впечатление, что видишь этих свободолюбивых диких красавцев на воле...

Одну из диких кобылиц отловили в Монголии и привезли сюда, у нее уже дважды были жеребята, а жеребца привезли из ФРГ.

Рядом обитает стадо зебр Бема, тот же самый подвид, что и в Серенгети, в Восточной Африке. Поначалу зебры нас дичатся, испуганно отбегают в сторону, но под конец любопытство берет верх — они окружают нас плотным кольцом, а мы спокойно расхаживаем среди них.

Здесь же разводят куланов, сибирских горных козлов, бантенгов, болотных антилоп ситутунга — общей сложностью 36 видов диких копытных численностью в 500 голов, да еще в придачу 64 вида птиц численностью в 2000 особей. Уходом за животными заняты пятьдесят человек, и каждый год приезжает примерно 50 тысяч человек, чтобы полюбоваться на зверей. К старому фальц-фейнскому зоопарку теперь прирезано еще 200 гектаров новой земли, и помимо этого зоопарку принадлежат еще свыше 800 гектаров, то есть восемь квадратных километров, что под загонами.

Вообще-то говоря, животные содержатся здесь не для показа посетителям, а для других целей. Так, например, Аскания-Нова снабжает молодняком многие зоопарки Советского Союза, но главным образом животных здесь разводят для того, чтобы заселять ими заказники и другие территории, восстанавливая там истребленных некогда диких животных. Вот почему здесь так много прекрасных стад благородных оленей, отлично выхоженных пятнистых оленей и маралов, которые сейчас так доверчиво окружили нашу повозку!

Какой необычайной красоты картины предстают здесь вашему взору! Бескрайнее голубое небо, каким его можно увидеть только над безграничными долинами Востока, желтовато-зеленая степь, мирно пасущиеся стада диких животных. И я снимаю, снимаю, снимаю без конца. Кого я только не заснял на пленку! Тут и антилопы

нильгау, и степные орлы, олени вапити, маралы; посчастливилось мне снять стайки краснозобых казарок и индийских гусей.

Но когда наша лошадка наконец перед заходом солнца поворачивает к дому и я начинаю упаковывать свою аппаратуру, то обнаруживаю, что один из моих объективов потерян. Теперь он лежит где-нибудь в высокой траве на площади размером в несколько квадратных километров — пойди найди! Я имел неосторожность сказать об этой потере моему провожатому и никак не ожидал, что это вызовет такую реакцию: один из всадников тотчас же скачет в деревню, привозит оттуда телегу, набитую школьниками, которых расставляют цепочкой для протесывания местности. Боже мой! Вот уж не ожидал, что вызову своим неосторожным сообщением такую сумятицу! Напрасно я пытаюсь убедить своих спутников, что объектив хорошо застрахован и что нет никакой необходимости его так тщательно разыскивать. Какое там!

— Это будет настоящий позор, если вы уедете отсюда, потеряв такую необходимую для вашей работы вещь! — ответил мне на это Н. Лобанов. Он оказался настоящим следопытом. Отмерил кусок степи, где мы примерно могли проезжать, по самым незаметным вмятинам в траве находил места, где мы останавливались и фотографировали, и места, по которым проносились галопом бизоны.

Постепенно становилось все темнее. И наконец, радостный вопль — один из школьников все-таки нашел объектив! Я бы никогда не поверил, что подобные вообще возможно на эдакой огромной степной равнине! Но о том, что у меня где-то свалился с телеги еще и экспонетр, я решил лучше промолчать. Иначе бы все участники этой операции остались без ужина...

Когда я хожу сейчас по Аскании-Нова, то ловлю себя на том, что стараюсь посмотреть на все глазами покойного Фридриха Фальц-Фейна. Это потому, что я перед самым отъездом сюда прочел воспоминания о нем, написанные его братом. Разумеется, он нашел бы здесь новые, современной постройки конюшни, но и его, старые, еще стоят на месте. Значит, они были построены добротно и прочно, раз сохранились здесь с начала века.

Как много времени уже прошло с тех пор! Между прочим, я узнал, что один гибридный жеребец, полученный от скрещивания зебры с лошастью Пржевальского, появившийся на свет в 1929 году, умер только несколько недель тому назад, в возрасте 34 лет — настоящий долгожитель среди лошадиных!

Несколько крупных антилоп-кани здесь ежедневно доят, словно коров. Они дают в среднем по два литра молока в день, иногда даже по шести, а удой у одной канны достигает даже семи литров! Меня угостили стаканом такого молока из холодильника. Впервые в жизни мне пришлось попробовать молоко антилопы. По вкусу оно мало отличается от коровьего, только намного жирнее. Его дают здесь больным в близлежащем госпитале.

В соседнем отсеке конюшни я обнаружил парочку молодых антилоп — больших куду. Они кажутся мне ужасно знакомыми — где-то я их только недавно видел! Особенно знакомыми потому, что в

ушах у них алюминиевые метки. Ведь в нашем Франкфуртском зоопарке все новорожденные копытные получают ушные метки, чтобы потом всегда было легко определить, когда они родились и откуда родом. И действительно, во дворе я обнаружил два новых ящика с надписью: «Зоопарк, Франкфурт». Этих животных мы недавно продали голландскому звероторговцу, а уж он перепродал их дальше, сюда. Значит, они проделали то же самое долгое путешествие, что и я, и кружным путем добрались по Советскому Союзу почти до самого Черного моря!

Ах вы дорогие мои франкфуртские куду, далеко же вас, однако, занесло! Но будем надеяться, что ехали вы сюда не напрасно и станете родоначальниками асканийского стада куду...

Глава IV

Рыси, возвращайтесь назад!

Жертвы оказывались обезглавленными

**Ручная рысь
Линдеманна в качестве
подопытной модели**

Безопасны для человека

Так ли уж зорки «рысьи глаза»?

**Рыси «владеют» земельными участками
величиной с целое поместье**

Удивительные находки стали попадаться в марте и апреле 1959 года в районе озера Бодензее, вокруг местечка Мескирх у Уберлингина. Это были мертвые косули, у которых головы почему-то были отрезаны и куда-то запрятаны. Уже заподозрили было, что это дело рук каких-то садистов, но тут лесничий Хайгле рано утром, на рассвете, обнаружил злоумышленника: перед ним стояла самая настоящая рысь. Их разделяли всего каких-нибудь четыре метра, поэтому лесничему удалось хорошо разглядеть и кисточки на ушах, и короткий хвост, и бакенбарды, и даже темные пятна на шкуре. Какое-то мгновение зверь пристально разглядывал человека, а затем бесшумно исчез в кустах.

По свидетельству охотника А. Берглунда, в Швеции появление рыси тоже замечают именно по находкам обезглавленных жертв, в особенности если это косули.

Но каким образом рысь попала в окрестности Бодензее? Может быть, удрала из какого-нибудь зоопарка или странствующего зверинца? Или сбежала при перевозке животных по железной дороге? Вообще-то подобное вполне возможно. Сбежали же в 1936 году три рыси из Мюнхенского зоопарка «Хеллабруин», и никто не поднимал по этому поводу особого шума. Одна из беглянок прожила на воле

по крайней мере до 1950 года, что было доказано очевидцами. И что немаловажно: за это время рысь ни разу не нанесла ущерба домашнему скоту. Тем не менее последние рыси в Баварии были застрелены еще в 1850 году, в Вюртемберге — в 1846, а в соседней Швейцарии последний представитель этих «джентльменов удачи» испустил дух в 1872 году в районе Граубюндена.

С тех пор от рыси осталось лишь одно воспоминание в немецком языке, а именно когда кто-то обладает очень острым зрением, то о нем говорят, что у него «рысьи глаза». На необычайную остроту зрения у рыси указывал еще старый доктор Конрад Геснер в своей «Книге о зверях», вышедшей в Цюрихе в 1557 году. «Своими глазами она зрит сквозь древо и камень», — пишет автор. И дальше утверждает уже совсем фантастические вещи: якобы рысь так тщательно заправляет свои экскременты для того, чтобы из них впоследствии получились драгоценные камни...

Так что же, у рыси и на самом деле такое уж сказочно острое зрение? Вольдемару Линдемманну удалось досконально изучить этот вопрос, работая в тридцатых годах в Беловежском заповеднике, в польском девственном лесу. В свое время и в этом национальном парке — всемирно известной родине зубров — старательно истребили всех крупных хищников — рысей, медведей и волков. В результате чрезмерно размножились косули и олени, которые начали повреждать в больших количествах молодые деревца, и, так как больше никто не «выбраковывал» слабых и больных особей, они стали вырождаться: у оленей сейчас редко можно встретить роскошные ветвистые рога, и поэтому у охотников исчезло желание за ними охотиться; таким образом численность копытных начала угрожающе нарастать...

Польша после первой мировой войны приняла решение вновь заселить девственный лес животными. Рыси и волки сами пришли из соседних с Беловежской пушей областей, а медведей, правда, не без некоторых трудностей, удалось привезти туда из зоопарков. Сотня рысей, живущих теперь в пуше, ежегодно с ноября по март режет от 200 до 300 больных и слабых косуль и оленей. Это составляет примерно 10—15 процентов от всего их поголовья.

Рысь умерщвляет свою добычу молниеносно, перекусывает шейные позвонки и потом зачастую отделяет голову от туловища и прячет ее в какое-нибудь укромное место. Так что смерть в лапах такого хищника, как рысь, во многих случаях наступает даже быстрее, чем от пули охотника.

Рысь способна в течение четырех — шести часов проглотить до пяти килограммов мяса. Так что с тех пор, как в Беловеже снова появились волки и рыси, численность косуль и оленей сократилась, но вовсе не катастрофически. Просто в природе наступило биологическое равновесие. Зато те особи, что остаются жить, бывают значительно крупнее и здоровее, чем прежде.

Так вот именно в этом знаменитом лесу Линдемманну в мае 1935 года посчастливилось найти двух еще слепых котят — детенышей рыси. Он принес их домой и дал им домашнюю кошку в качестве кормилицы. Рысята оказались самцом и самочкой, назвали

их Мурр и Линка, и, как только у них прорезались глазки, они начали играть и резвиться как самые обычные котята. Игрушками им служили собственный хвост или хвост и уши другого, деревянные шарики или кусок оленьей шкуры. Они ласкались к своему хозяину, в возрасте десяти недель уже каждый знал свою кличку и тотчас же являлся на зов. Рысят, резвящихся в лесу, Линдемани без труда вызывал свистом или определенной командой. Линку даже удалось отучить от горячо любимой охоты на домашнюю птицу. Мурр же никак не мог отказать себе в этом удовольствии, несмотря на то что, проштрафившись, бывал каждый раз сурово наказан. Но если уж он гнался за добычей, то все крики, свисты и команды были напрасны.

На всех прочих людей рыси попросту не обращали никакого внимания. И если Линка еще позволяла кое-кому гладить себя по спинке, то Мурр не допускал подобных фамильярностей и сразу же поворачивался и уходил. Чем старше он становился, тем нелюбезнее делался. Однажды Мурр, стоя возле крыльца, поедая брошенный ему кусок мяса, когда мимо проходила служанка. Причем даже не очень близко — шагах в десяти от него. Вдруг зверь в бешенстве прыгнул на ничего не подозревающую девушку и, не выпуская мяса из пасти, разорвал ей когтями бедро. Пришлось Мурру примерно в годовалом возрасте перекочевать в Варшавский зоопарк. Линка же продолжала жить у Линдемани и никогда не проявляла себя враждебно по отношению к людям. Но только к людям. Собак обе рыси злобно ненавидели и старались немедленно умертвить.

Рыси явно избегали воды. Никакими лакомствами невозможно было заманить их в какой-нибудь ручей или пруд. При этом они прекрасно умели плавать, что выяснилось во время половодья. По ночам они часто пристально, не мигая, смотрели на луну. Она словно завораживала их своим колдовским светом. Тогда они часами способны были сидеть на подоконнике и, подняв к небу голову, тихононько подвывать: «У-у-у-о-о-о-у-у!»

Половозрелой самка рыси становится только на втором году жизни, самец — на третьем. Увидев впервые в своей жизни снег, рысята сначала осторожно его обследовали, а потом разом окунулись в сугроб и принялись с явным удовольствием в нем валяться. Во время своих прогулок с хозяином они всегда старались держаться в тени деревьев или кустарника, а не выходить в открытое поле. Пересеченную местность предпочитали равнинной. Ежели шел дождь, они становились вялыми и приходили в дурное настроение. Грозы боялись страшно: стоило блеснуть молнии и ударить грому, как они молниеносно исчезали под кроватью или еще в каких-нибудь укромных уголках.

Когда владелец выпускал их по утрам из сарая, где они теперь спали, они его неизменно радостно приветствовали: терлись головами о его руки или одежду и проводили мягкой лапой с втянутыми когтями по его ногам. Поскольку к нему они относились совсем иначе, чем к другим людям, Линдемани решил выяснить, по каким отличительным признакам они его, собственно, узнают? Он переделался

в одежду одного из егерей, который был одного с ним роста и примерно той же комплекции, а на него надел свой костюм. Однако когда тот вошел в помещение к рысям, те все равно не стали его приветствовать, а к Линдеманну, надевшему на лицо маску, они сначала приблизились с некоторой опаской, но, дотронувшись до его рук и ног, сразу же словно преобразились. Стоило же их хозяину заговорить под маской своим голосом, они уже в полном восторге подпрыгивали возле него и урчали от удовольствия.

Однажды Линдемани решил явиться к ним в женской одежде. Пока он молчал, потребовалось немало времени, чтобы сломить их недоверие, в особенности у Мурра. Когда же он помимо женской одежды напялил себе на лицо еще и маску, они вообще перестали обращать на него внимание и обиженно ушли. Но как только он заговорил с ними обычным голосом, они сначала робко, но затем решительнее приблизились к нему и наконец узнали.

Линке иногда разрешалось залезать к своему хозяину в постель — она это ужасно любила. Но если в кровати спал кто-нибудь посторонний, она ни за что не соглашалась там лежать. После того как Мурра пришлось отправить в Варшаву, Линка особенно сильно привязалась к своему другу-человеку. Все, что ей удавалось добыть во время прогулки, — будь то мышь или молодая косуля — она притаскивала, клала перед ним на землю и пылливо заглядывала в глаза: ну бери же! Передней лапой она перекатывала добычу из стороны в сторону до тех пор, пока он не брал ее в руки.

Осенью следующего года кончался контракт с польским Управлением лесного хозяйства, по которому Линдемани работал в лесничестве, и надо было уезжать. Пришлось с тяжелым сердцем отдать Линку в тот же Варшавский зоопарк. Но поскольку она была такой миролюбивой, ее там не стали сажать в клетку, а держали на тонкой цепочке, которая на колечке скользила вдоль туго натянутой проволоки, как держат многих цепных собак. И еще год спустя она узнавала своего бывшего хозяина среди сотен людей. Она поднималась на задние лапы, клала ему передние на плечи и, как во времена своего детства, принималась лизать шершавым языком это дорогое ее сердцу лицо...

Дикие животные, ставшие такими ручными, представляют собой большую ценность для этолога, ученого, изучающего поведение животных. И Вольдемар Линдемани, работая в лесничестве, разумеется, не упустил возможности основательно использовать ручных рысей для постановки научных опытов.

Так, по его заказу была изготовлена деревянная вышка и установлена на самом высоком месте прямого как стрела шоссе, ведущего через Беловеж. Стены вышки были снабжены подвижными щитами. С высоты трех метров просматривалась вся дорога. От этой вышки тянулась вдоль шоссе электропроводка, где через каждые 50 метров были вкручены лампочки, с помощью которых Линдемани давал команды своим помощникам. На каком-то определенном расстоянии от вышки, поперек дороги, протягивали тонкую проволоку. На ней подвешивались на крючках чучела разных животных, на

которых обычно охотится рысь, и помощники Линдеманны, дергая за тоненький шнур, тянули их через дорогу. «Бежала» такая жертва в весьма естественной позе и не прямо, а рывками, зигзагами, прыжками, что достигалось различным подергиванием шнура. Здесь было и чучело пятнистого кролика, заяц-русак, лесная мышь и заяц-беляк. Рысь находилась вместе с исследователем на вышке, и по ее реакции определяли, на каком расстоянии она способна заметить ту или иную добычу. Во время приготовления дорогу от нее заслоняли щитом и открывали только перед самым пуском «добычи». Итак, по тому как рысь начинала рваться и тянуть за ошейник, исследователь без особого труда мог определить, обнаружила ли она мнимую жертву или нет.

Таким способом удалось перепроверить утверждения старого доктора Конрада Гесснера относительно необыкновенной зоркости рысьих глаз. И что же выяснилось?

Когда выпадал снег, Линке удавалось различить зайца-беляка только на расстоянии 25 метров; серого же зайца-русака — на расстоянии 300 метров; кролика — в 325 метрах, косулю — в 500. Даже маленькую мышку рысь обнаруживала на расстоянии 75 метров. Летом же все было наоборот: беляка она прекрасно замечала на расстоянии 350 метров, точно так же как косулю. Это только лишний раз доказывает, какую важную роль для животного, за которым охотятся, играет защитная окраска! Мышь рысь обнаруживала летом только в 50 метрах от себя, зайца-русака — в 225 метрах, кролика — в 300. Светлой летней ночью рыси удавалось еще заметить зайца-беляка, когда он «перебегал» дорогу в 200 метрах, а зайца-русака — в 125 метрах.

Между прочим, человек видел все то же самое ничуть не хуже, а иногда и лучше. Правда, следует учесть, что он знал, где именно «добыча» должна появиться.

Так что ничего уж такого сверхъестественного рысьи глаза собой не представляют и, разумеется, не способны «зреть сквозь древо и камень»...

Тем не менее Линка однажды явственно проследила (что можно было видеть, наблюдая за ее глазами и головой) канюка, описывавшего круги в небе на расстоянии трех километров. Размах крыльев канюка — около 1,2 метра.

Между прочим, еще никогда не случалось, чтобы живущая на воле рысь напала на человека. Вот собак они, правда, не боятся даже в тех случаях, когда какая-нибудь свора загоняет их на дерево. Если на собаках не надеты колючие панцири, защищающие шею и грудь, то рассвирепевшая рысь может их сильно поранить и даже умертвить.

В наши дни рысь в Польше стала снова постоянным обитателем и находится под охраной Управления лесным хозяйством. В центральных районах Швеции теперь, про причине массового переселения из деревень в города, лесные местности значительно меньше заселены и реже посещаются людьми, чем пятьдесят лет тому назад. Поэтому и рысей там стало больше. Теперь их в Швеции 250 штук, около

тысячи в Румынии, из Чехословакии недавно сообщили, что у них 400 голов. А финны вот начисто истребили у себя рысь как «вредного хищника». Теперь разве что изредка какая-нибудь из них забежит из Советского Союза в качестве нарушителя границ... Но другие оседлые хищники, такие, как волки, медведи и росомахи, продолжают обитать и в Финляндии.

В Европе каждая рысь «владеет» собственным охотничьим участком, иногда достигающим 1000 гектаров. Размер участка зависит от того, что в нем можно поймать и съесть. Биолог по имени Жак Саундерс между 1956 и 1961 годами отловил и поместил на Ньюфаундленде 50 канадских рысей. Тридцать одну из них он затем в общей сложности 52 раза отлавливал повторно и, кроме того, тщательно изучал их следы на снегу. Помеченные особи пробегали расстояния до 10,5 километров, но в среднем по 4,2 километра. Территории трех рысей, точно определенные по снежным тропам, составляли последовательно 15,6; 18,2 и 20,8 квадратных километров. Зимой рысь добывает в европейских лесах помимо больных и ослабевших косуль еще и белок, лис, молодых диких кабанов и с особым пристрастием преследует одичавших кошек. В бесснежные зимы ей с дикими копытными везет меньше. Тогда ей приходится переключаться на водяных крыс и рыб, оставшихся после половодья в бочажках, или на старых и ослабевших сурков, иногда на отбившихся от стада овец. В годы обильного выплода майских жуков рысь лакомится ими всюю. На Ньюфаундленде Ж. Саундерс исследовал содержимое желудков у 206 убитых рысей, да еще в придачу 220 кучек экскрементов, в 116 случаях наверняка, а в 104 — предположительно принадлежащих рысям. За все пять лет, во время которых проводились исследования, во все сезоны 73 процента их содержимого составляли зайцы-беляки; 21 процент составляли птицы, в основном весной и летом; мыши составляли 14 процентов, причем чаще в бесснежное время; остатки от съеденного мяса крупной дичи встречались в 20 процентах, причем в основном осенью и зимой. Остатков от поедания домашних животных не было встречено ни разу.

Во время планомерных троплений, проведенных зимой в Швеции с 1956 по 1965 год под руководством опытного охотоведа Бертила Хаглунда, было выявлено, что там основной добычей рыси служат северные олени, косули и зайцы-беляки. В одной трети случаев, как удалось «прочитать» по следам, нападения рыси на косуль оказывались безрезультатными; на зайцев — даже две трети случаев кончались ничем.

Расстояние от одной дневной лежки рыси до другой составляло в среднем 7,6 километра. За одну ночь рысь редко ловит больше одной жертвы. Подкрадывается она к ней с величайшей осторожностью, и бросок свой старается совершить с расстояния, не превышающего 20 метров. Наиболее успешной, согласно наблюдениям, бывала у шведских рысей охота на северных оленей. Даже взрослый олень не в состоянии стряхнуть с себя вцепившуюся ему в шею рысь; смертельная схватка обычно заканчивается быстро: жертва не в силах бывает пробежать и 50 метров.

По охотничьему участку каждой отдельной особи ведут раз и навсегда протоптанные тропинки, там всегда есть излюбленные, привычные места лежки и водопоя. У старых, сильных самцов имеются специальные площадки для брачных игр. Самки прибегают туда даже издалека, чтобы спариться с самцом. Самцы послабей не решаются приблизиться к таким местам, ревниво и злобно охраняемым их владельцами, они обходят их на почтительном, зачастую километровом расстоянии. Но зато вокруг может скопиться сразу несколько молодых, еще не вошедших в полную силу самцов, которые уж постараются сообща позаботиться о любой самке, не добившейся успеха на главной «брачной площадке». А такое случается нередко, потому что господствующие там фаворитки гарема стараются прогнать прибежавшую невесть откуда «новенькую»... Личная жизнь у рысей, как мы видим, складывается в основном из встреч и расставаний. Так, на одной такой площадке для брачных игр в Восточных Карпатах зимой было поймано в капкан 14 рысей.

У этих кистеухих хищников «свадьбы» празднуются не в мае, а с января по март. А в мае у них уже котята. Свои логова для принесения потомства самки-рыси устраивают в заброшенных барсучьих норах или в естественных нишах, например под навесом скал. Видимо, боясь, как бы их «родильные дома» не были обнаружены, мамы-рыси никогда вблизи них не охотятся, а промышляют на километровом расстоянии от логова. Даже забредшую в окрестности логова кошулю в таком случае стараются не замечать и не трогают.

У рыси, достигающей в длину одного метра 30 сантиметров и весящей до 45 килограммов, практически нет врагов. Разве что филины или орлы способны при случае похитить детеныша рыси; впрочем, и волк может представлять опасность для рысенка (точно так же как рысь — для волчонка). Поэтому рысий род расселился бы довольно широко по свету, если бы его так упорно не истреблял его единственный и главный враг — человек. Северный вид рысей заселяет Европу, Азию и Канаду. Дальше к югу обитает так называемая пардовая рысь, несколько меньшего размера и более пятнистая. Встречается она на юге Испании и в Южной Азии. Еще дальше к югу живут совсем небольшие, стройные, однотонно-песочного цвета пустынные рыси или каракалы. Родина этих элегантных созданий — Индия, южные районы Средней Азии, Передняя Азия и Африка.

До какого возраста способна дожить рысь, пока удалось узнать лишь из сведений, полученных в зоопарках. Так, в Аугсбургском зоопарке семнадцатилетнюю рысь пришлось усыпить по причине старческой немощи.

В зоопарке Скансен в Швеции парочка рысей в течение нескольких лет подряд производила на свет потомство — по два-три детеныша в помете.

В одном отношении эти кошачьи нас определенно превосходят: они слышат гораздо лучше человека. Так, рыси Линдемманна улавливали звук полицейского свистка даже на расстоянии 4,5 километра, в то время как его сеттер слышал свисток лишь за 3,5 км, терьер и

деревенские беспородные псы — за 3,2 км, а люди улавливали эту трель только на расстоянии 2,5 километра. Что же касается обоняния, то тут рыси заслуживают, пожалуй, не более высокой оценки, чем мы с вами.

Владелец Мурра и Линки проделывал и ряд других опытов. Он построил, например, длинный зигзагообразный проход, в который выпускал своих питомцев, предварительно заклеив им глаза лейкопластырем. Вслепую они наполовину меньше натывались на стены, чем домашние кошки. Следовательно, осязание у рысей развито особенно хорошо.

С памятью дело у них обстояло следующим образом. Когда Линдемани на виду у Мурра и Линки прятал под одну из опрокинутых на полу мисок кусок мяса, то Линка помнила, под которой из них лежало мясо еще в течение полутора часов, а Мурр даже в течение трех. Они направлялись напрямик к нужной миске и старались лапой ее перевернуть. Один из моих волков, живущих у меня дома, запоминал в подобной же ситуации только на пять минут, куда я прятал мясо, а моя собака — на 60 минут. Однако когда рыси сами что-нибудь прятали, то запоминали по крайней мере на четыре дня, куда они зарыли свои запасы.

Должен сказать, что сейчас рыси снова понемногу завоевывают свои старые позиции в Средней Европе. Даже в Дании, где последняя рысь была застрелена еще в 1689 году, один плотник, по фамилии Педерсен, зимой 1964 года в лесу возле Зюдфалстера уложил наповал крупную рысь. Рысь, видимо, перебежала туда по льду из Польши. Увеличилось количество кистеухих кошек и в Норвегии, где они были уже почти полностью истреблены. В Польше в 1963 году было учтено 330 штук. В Саксонских лесах уже неоднократно были замечены следы рысей. А поскольку польские и советские специалисты отмечают, что за последние годы прослеживается явное распространение этого вида на запад, то можно ожидать, что скоро этих красивых крупных хищников снова можно будет увидеть в ГДР и в Западной Германии. Поскольку они не представляют опасности ни для домашнего скота, ни для людей, то они здесь уже заранее объявлены охраняемым видом. Так что добро пожаловать, дорогие рыси!

Поездка в советский бобровый заповедник

Двести местностей названы в честь бобров

Три беды бобров

Дровосеки, не вредящие лесу

Бобровая струя и бобровые шапки

Бобры снова заселяют Советский Союз

Ей-богу, есть смысл сесть вечером в Москве в скорый поезд, отъезжающий на юг, провести десять часов в спальном вагоне (да еще в обществе молодой дамы), с тем чтобы наутро иметь возможность в самой непосредственной близости полюбоваться бобрами! За год перед этим я пробовал сделать то же самое в канадских Скалистых горах Роки Маунтин. Каждый день я выезжал на машине из городка Джаспер к берегам реки Гайки, с тем чтобы поснимать бобров. Но, увы, эти «чернецы» появлялись лишь к вечеру, перед самым заходом солнца, когда ни о какой съемке уже не могло быть и речи. Вот тогда-то они и принимались плавать по подпружному ими же самими маленькому озерцу. Бобры рассекали своими массивными головами зеркальную поверхность вод, с громким всплеском заныривали, снова появлялись со дна с корневищами кувшинок в зубах и принимались их смачно жевать. А покрытые снегом зубцы прекрасных Скалистых гор бесстрастно отражались в прозрачной синей воде... И ничего тут не поделаешь: к сожалению, грызуны эти активны в основном с захода солнца до полуночи, а к утру их уже трудно увидеть, так что со съемкой дело было плохо.

А вот здесь, в Советском Союзе, обстоятельства как будто складывались для меня более обнадеживающе: рядом с сотнями диких бобров в Воронежском заповеднике живут и почти ручные, привыкшие к присутствию человека животные, а также несколько бобров-производителей, которых содержат в специально отгороженных вольерах.

Спальный вагон громыкает по рельсам, бегущим через бесконечные, ровные как стол равнины. А за окном — долгий и светлый июньский вечер. Мы с удовольствием пьем чай с сахаром и лимоном, заедая его печеньем. Мимо нас пролетают деревни, леса, фабрики, бескрайние пшеничные поля, а горизонт тем временем начинает затягивать блеклой дымкой поздних сумерек. Такие светлые летние ночи, когда совершенно неохота спать, располагают к тихой неторопливой беседе.

Переводчица, будучи горожанкой, поначалу несколько удивлялась тому, что из-за животных можно вот так разъезжать по свету, как это делаю я. Бобра она видела всего один раз и то в зоопарке, а на

воле — ни разу. Но это и неудивительно. Кто вообще может похвастаться тем, что встречал где-либо живого бобра в естественных условиях?

Прежде они, правда, обитали в Серерной Америке, Европе и Азии, на всех ручьях и прудах, всюду, где только произрастали ива, береза и осина. В Ирландии их не было никогда, но зато Англия стала первой страной в Европе, где бобры уже к XII столетию оказались полностью истребленными. Погибели их способствовали три причины (из которых одна была основана на явном недоразумении) Но о них несколько позже. Последнего бобра в Швейцарии убили в 1705 году недалеко от Базеля; в Рейнланде и Саксонии бобров истребили к 1840 году, в Баварии — к 1850, в Вюртемберге — к 1854, в Нордрейне-Вестфалии последний погиб в 1877 году, в Нижней Саксонии — в 1856 году. Теперь одни лишь названия деревень и городов свидетельствуют, что когда-то там обитали эти старательные маленькие строители плотин: Биберах*, Биберштайн, Бибрих, а поскольку по-русски, по-польски и чешски это животное именуется бобром, встречаются такие географические пункты и реки, как Бобер, Боберсбах, Бобиц, Боберов. Только в ГДР и ФРГ можно насчитать более 200 географических названий, явно ведущих свое происхождение от этого самого крупного в северном полушарии грызуна.

Если повнимательнее всмотреться в герб города Висбаден-Бибрих, то легко можно понять причину, за что люди так безжалостно истребили этих маленьких «гидростроителей». На гербе изображен бобр, держащий в зубах рыбу. Потому что столетиями люди были уверены в том, что зверек, который так хорошо плавает и ныряет, непременно должен питаться рыбой, как это делает, например, выдра. А тот, кто питается тем же, чем и человек, тот по детски-наивному убеждению (и сегодня еще неполностью изжитому у некоторых охотников и фермеров) является самым что ни на есть зловредным «вредителем», нежелательным конкурентом по добыче пропитания. При этом за прошедшие сотни лет никто ни разу не дал себе труда вскрыть желудок застреленного бобра и посмотреть, что же он все-таки ест? Тогда выяснилось бы, что ничего другого, кроме растительного корма, там найти невозможно. К несчастью, мясо самого бобра принято было причислять к «рыбным блюдам». Поэтому во время долгих постов его, как «постное», разрешалось подавать на стол в жареном и вареном виде, чем широко пользовались монастыри и зажиточные горожане. Мясо бобра можно было есть, не боясь «оскоромиться» Причислить бобра к рыбам оказалось возможным не только из-за его водного образа жизни, но еще и потому, что его уплощенный хвост по форме напоминает рыбий да к тому же еще покрыт чем-то вроде чешуи. Иезуитский патер Шарлевуа в 1754 году писал: «Судя по его хвосту, это самая настоящая рыба, и он официальным образом причислен к этим животным медицинским факультетом в Париже. А уже, согласно такому заключению, теологический факультет пришел к выводу, что мясо его можно есть и во время поста»

* По-немецки бобр — «бибер» (Biber). — Прим. перев.

Вторая беда бобра заключается в том, что у него на брюхе имеются две железы, причем как у самцов, так и у самок; выделения этих желез, так называемая «бобровая струя», считалась лекарством практически от всех болезней. Так, врач Иоганнес Мариус опубликовал в 1685 году в Аугсбурге некий трактат под названием «Кастро-рология» с 200 различными рецептами. Он тоже считал, что бобры поедают рыб, саламандр и лягушек. Считалось, что «бобровая струя» помимо всех своих других целебных качеств излечивает от ревматизма, ломоты в суставах, поднимает жизненный тонус больного и, более того, может оживить умирающего. Однако тщательнейшее химическое исследование этого вещества выявило, что из всех его составных частей разве что салициловой кислоте можно приписать целебные свойства, а больше ничему. Вырабатывается салициловая кислота из ивовой коры — основного продукта питания бобров. На сегодняшний день химическая промышленность свободно изготавливает производные салициловой кислоты, притом совсем дешевым способом, в частности, для широко распространенного аспирина. Таким образом, можно считать, что химия спасла бобрам жизнь. А в 1852 году за «бобровую струю» платили 720 марок, по тогдашним ценам огромные деньги! В сыром виде бобровая струя, изъятая из железы самца, весит от 50 до 170 граммов. В продажу она поступала в виде бурой, вязкой, сильно пахнущей пасты — смеси из различных масел, смол, жиров и салицила. Сегодня никто уже за этим снабжением не гоняется и никто не согласится платить за него такие деньги. Однако в немецком официальном прейскуранте на фармацевтические изделия, где разного рода пережитки еще годами переставляются из издания в издание, в томе, вышедшем уже в 1962 году, все еще указана цена на «бобровую струю»: один грамм — 55 пфеннигов. «Запах — едкий, напоминающий валериану, вкус — ароматный, горьковатый и острый», — можно прочесть в том же издании.

Сильнопахнущим веществом, которое выделяют бобры из расположенных сзади желез, они маркируют определенные пункты своего охотничьего и жилого участка, чтобы бобры из других семей могли распознать, что это чужая собственность.

Траперы в Северной Америке очень быстро нашли способ, как приманить бобра к капкану: достаточно только обмазать его «бобровой струей», как начнут сбегаться со всей округи бобры и, возмущенные чужим запахом, постараются перебить его своим собственным. При этом они непременно попадут в капкан.

Уже по одному тому, что в средние века бобровые хвосты считались особым лакомством и есть их разрешалось только дворянскому сословию, можно судить о том, как со временем меняются вкусы. Думаю, что сегодня не много нашлось бы любителей, кто согласился бы их отведать... Но что касается бобровых мехов, то они, как и прежде, остались вожделенной мечтой всякого франта. И в этом заключается третья беда бобров.

Тело бобра сверху покрыто длинными остевыми волосами, намокающими в воде. Поэтому, выходя на берег, он выглядит всегда таким всклокоченным, словно мокрая щетка. Но зато подшерсток

у него удивительно густой, теплый и мягкий, притом он красивого коричневого оттенка. Бобр тщательно натирает «руками» этот подшерсток маслянистым секретом из специальной железы, чтобы в воде он не намокал. Под водой длинные верхние волосы плотно прикрывают нежный подшерсток наподобие плаща. В шерсти задерживается воздух и, таким образом, ни она сама, ни кожа под ней не намокают. Выйдя из воды, бобр никогда не отряхивается, как это делают, например, собаки, а, проводя «руками» вдоль тела, как бы выжимает воду из своего «плаща», чтобы поменьше влаги занести в жилище.

Дабы беспрепятственно получить возможность добраться до бобровых шкур и «бобровой струи», в прежние времена бобрам помимо поедания рыб инкриминировали еще и то, что они, строя плотины, «умышленно» затопляют луга и пастбища, да к тому же еще валят лес. Так, например, Фридрих Великий в 1765 году отменил все и всякие запреты на истребление бобра, так что всем, кому не лень разрешалось отстреливать и отлавливать «этих вредителей». В XVIII веке в Пруссии в течение целого столетия на них была разрешена свободная охота. Вскоре они там исчезли полностью; в Литве они тоже стали столь редкими, что уже в 1566 году цена бобра равнялась цене лошади.

Маленькие трудолюбивые «гидростроители» исчезли также из всей Франции. Сегодня еще какая-то сотня их обитает под тщательной охраной в дельте Роны и ее притоков. Источником вечных забот и опасений для всех, кто радеет о родной природе, служат последние бобры, чудом сохранившиеся на среднем течении Эльбы, между Торгау и Магдебургом. В 1913 году их было всего 188, затем поголовье бобровой колонии несколько выросло во время первой мировой войны, когда большинство браконьеров призвали в армию, и к 1919 году их было уже 272, но затем поголовье бобров снова пошло резко на убыль, и к 1925 г. их опять осталось всего 100 экземпляров; потом оно опять возросло до 210 к 1945 году и снова упало до 100 в 1948 году. Прямо-таки отчетливое отражение политической истории нашего государства! В 1964 году подсчет дал опять 174 экземпляра, 16 из которых обитало в Шорфхайде и происходило от родоначальников, выпущенных в этих местах до второй мировой войны. В Мекленбурге (ГДР), говорят, живут четыре — шесть бобров родом из Воронежа, привезенных туда специально для акклиматизации. Только в ФРГ не было ни одного. За последние два десятилетия нам удалось расселить бобров и в ФРГ. Раздобыть их было чрезвычайно трудно, потому что нам не хотелось использовать для этой цели канадских бобров, которые имеются во всех зоопарках Западной Европы. Шведы никак не могли изловить для нас у себя хоть несколько экземпляров, у ГДР и своих было мало. И наконец, мне удалось получить небольшую партию из Советского Союза. Так что у нас теперь обитают именно русские бобры. И вот теперь немецкий Союз охраны природы планирует завезти и поселить бобров на озере Шалзее, в Шлезвиг-Гольштейне или у Тирольской Ахе в Верхней Баварии.

В начале века был такой случай. Частный Аквариум в Берлине демонстрировавший посетителям на Унтер ден Линден разных водных животных, тайно приобрел одного из обитавших на Эльбе бобров. Слух об этом дошел до властей, и бобра было предписано вернуть на место. Обиженный владелец послушаться не посмел, однако предварительно обменял немецкого бобра на канадского. И вполне могло бы стать, что бобровая колония на Эльбе перемешалась бы с канадскими бобрами и перестала быть чистокровной популяцией, если бы не счастливая случайность. Полуручной «канадец» сразу же после отъезда государственной комиссии, водворившей его на новое местожительство, вылез из вод Эльбы и добровольно залез назад в ящик, в котором его привезли, не пожелав воспользоваться прелестями вольной жизни. Пришлось везти его назад в Берлин.

Аналогичные неудачи постигли людей, пытавшихся в 1830 году акклиматизировать бобров в Бранденбурге, близ Потсдама. Все их старания не увенчались успехом. Когда после второй попытки у выпущенной парочки годами не появлялось потомства, у энтузиастов опустились руки. Но потом, после смерти зверьков, их хорошенько осмотрели и выяснилось, что это два самца...

И в России бобрам тоже пришлось отступить перед натиском людей. К моменту падения царской власти в этом огромном государстве бобры сохранились лишь в нескольких местах: возле Воронежа, в Белоруссии, в Туве — на берегах Енисея; число их не превышало 900 голов. После установления Советской власти бобров начали строго охранять. И охраняют по сей день, несмотря на то что поголовье их выросло до 40 тысяч экземпляров. Основным пунктом, откуда их расселяют в новые места обитания, служит Воронежская область. Вот именно туда-то нас сейчас и мчит скорый поезд.

Но прежде мне хочется рассказать еще о «бобровой трагедии», разыгравшейся в Северной Америке. Там приблизительно к 1600 году обитало еще от 60 до 100 миллионов бобров, за которыми охотились (но одновременно и охраняли и обожествляли их) индейцы. Согласно поверьям индейцев, Великий дух Маниту создал сначала бобров, а потом уж людей. Некоторые индейские племена считали себя потомками Большого бобра, называли бобров своими «маленькими» братьями, никогда не истребляли целых семей бобров, не убивали самок с детенышами, а косточки, оставшиеся от съеденного бобра, аккуратно собирали и относили назад, в воду чтобы они ни в коем случае не достались собакам.

Европейцы же лихорадочно нажились на бобров, как только попали в Новый Свет. Одна из старейших торговых компаний «Компания Гудзонова залива», существующая и поныне, была основана в основном ради добычи бобровых шкур и их экспорта. Немало было войн с индейцами, восстававшими против истребления своих маленьких друзей-бобров. «Компания Гудзонова залива» до 1800 года вывозила ежегодно по 50 тысяч бобровых шкур, что по стоимости составляло порой половину всего американского экспорта. Ведь бобровая шкура уже в те времена в самых диких местностях стоила целый доллар, а трапшерам и вообще всякому приезжему на диком

Западе и Севере приходилось все, что им было необходимо, оплачивать втридорога мехами. На постоянных дворах «Торговой компании» продовольственные товары отпускались по баснословно высоким ценам: 25 фунтов муки — за пять долларов, фунт солонины — за доллар, фунт чаю — за три доллара, четыре свечи — один доллар. Тот, кто хотел купить ружье, должен был сложить кучу из бобровых шкур, равную по высоте вертикально поставленному на пол ружью.

В те времена многие знаменитые американские состояния были сколочены именно на бобровых шкурах, например состояние семейства Астор. Ценные бобровые шкуры привлекали торговцев, трапперов и миссионеров.

В моде тогда были широкополые, легкие как пушинка шляпы из бобрового фетра. Боясь, чтобы их не надули с шерстью, шляпники предпочитали скупать целиком шкурки, а потом уж сами их состригали. Из одной шкурки получалось полтора фунта шерсти, из чего изготовлялось больше дюжины шляп; такая шляпа весила подчас всего каких-нибудь 50 граммов! Шляпники тогда умели сортировать шерсть при помощи воздушной струи. Продавались «цельные», «половинчатые» и «четвертные» шляпы — в зависимости от того, какой слой из заячьей шерсти подкладывался под слой бобровой.

Уже в 1663 год за бобровую шкурку платили от 85 до 125 марок. Но своей кульминационной точки экспорт бобровых шкур, осуществлявшийся «Компанией Гудзонова залива», достиг к 1875 году, когда она продала 207 903 бобровые шкурки!

Но потом дела год от года становились хуже и хуже, пока к 1900 году бобры на территории всех Соединенных Штатов, а также на большей части Канады не оказались почти полностью истребленными...

Рано утром наш поезд останавливается на станции Графская. Это небольшое селение с базаром посреди лесной местности, вблизи Воронежа. Мы пережидаем на перроне, пока из встречного поезда местной линии выгрузятся все мужчины и женщины, спешащие на работу, а затем пересекаем железнодорожное полотно и входим в вокзальное помещение. Там нас уже ждет директор бобровой фермы и Воронежского заповедника В. Жарков. Он ведет нас через лес, прямою к зданию церкви с луковичным куполом. Но не успеваю я удивиться, как узнаю, что именно здесь, в бывшем монастыре, разместилась администрация заповедника и краеведческий музей. Нельзя сказать, чтобы монастырское подворье оказалось самым удобным местом для размещения подобных учреждений, но здание еще вполне крепкое.

Сюда, в заповедник, стекаются студенты и ученые из всего Советского Союза, чтобы проводить здесь научные исследования. Потому что Воронежский заповедник прекрасно приспособлен для подобной работы. Он представляет собой как бы лесной остров посреди степи размером в 31 тысячу гектаров и является частью Усманского бора. Охранять эти места начали уже с 1922 года силами местных учреждений, а с 1927 года здесь был основан Государственный

Воронежский заповедник. В заповеднике теперь водится много видов животных. Рядом с чисто степными видами, такими, как суслики, сизоворонка, щурка, здесь можно встретить лесных обитателей: лесного хорька рядом со степным, зайца-беляка рядом с зайцем русаком. Лоси, столь сильно размножившиеся повсюду в Советском Союзе, пришли и сюда. Причем сами, по своей воле. Их здесь не было более 150 лет! А вот косуль и оленей сюда завезли и акклиматизировали уже давно. Подобное же расселение ценных видов животных производится и во многих других районах страны. В заповеднике работает около ста штатных сотрудников.

Но основную славу заповеднику принесли его бобры. Воронежские бобры (*Castor fiber*) — черного или темно-коричневого цвета; их здесь около 500 голов и обитают они вдоль рек Усмани и Ивницы. Каждый год сотню или более отлавливают (обычно в возрасте одного года) и перевозят для расселения в другие области Советского Союза. Воронежские бобры прижились и размножились теперь во многих районах страны. В ГДР тоже было отправлено 40 штук, где они живут на специальной ферме.

Здесь и в Северной Америке за последние десятилетия было разгадано много секретов, касающихся жизни этих удивительных созданий.

Ну, во-первых, конечно, об их способности валить и ошкуривать деревья. Бобр справляется с этим трудоемким процессом, имея для этой цели всего лишь четыре оранжево-желтых резца — два сверху и два снизу. Эти зубы — самое главное оружие бобра. Он способен просуществовать без хвоста, без ног, даже ослепнув, но если он, не дай бог, потеряет свои зубы, то через неделю его не станет. Передняя сторона этих длинных (так, что они даже высовываются из рта) резцов покрыта слоем эмали (точно так же как и наши зубы). Но задняя сторона зуба эмалью не покрыта и состоит из менее твердого дентина. Когда бобр что-нибудь грызет, то дентин стачивается быстрее, чем эмаль, и, таким образом, передняя стенка зуба все время остается острой, словно лезвие. Следовательно, эти своеобразные «ножи» во рту бобра непрерывно самозатачиваются. Кроме того, бобр умеет выдвигать свою нижнюю челюсть с ее двумя резцами вперед и точить таким образом свои «ножи» друг о друга. Чтобы «спилить» дерево, бобр упирается верхними резцами в его кору, а нижней челюстью начинает быстро поводить из стороны в сторону. Эти своеобразные ножницы производят от пяти до шести движений в секунду. Между прочим, бобр умеет стянуть свои губы позади зубов так, чтобы иметь возможность грызть дерево и под водой во время ныряния: тогда вода не попадает ему в рот.

Про бобров часто сочиняли разные небылицы, вроде того что они якобы валят деревья всегда так, чтобы те падали своей кроной в воду, что они в состоянии «рассчитать» заранее, как и когда упадет дерево, и поэтому ни один бобр никогда не бывает убит падающим стволом; кроме того, они якобы умеют специально направлять падение дерева таким образом, чтобы оно не застряло своими ветвями в кронах соседних с ними деревьев, потому что не упавшая на землю зеленая крона теряет для маленьких дровосеков всякий смысл.

Но это все не соответствует действительности. Правда, деревья, стоящие у воды, действительно большей частью падают кроной в воду, но объясняется это совсем иными причинами: просто ветви дерева, растущие в сторону открытой воды, развиваются лучше и становятся толще и длиннее, а следовательно, и перевешивают дерево при его падении. А деревья, растущие подалеже от воды и поваленные бобрами, обычно лежат кроной в самых различных направлениях. Бывало и так, что, рухнув, дерево убивало бобра. Правда, подобное случается, видимо, очень, очень редко. А однажды наблюдали, как бобры с великим трудом «подрубили» толстое дерево, но оно росло на склоне, зацепилось кроной за соседние деревья и сползло вниз всего лишь на какой-нибудь один метр. Тогда бобры еще раз «перерубили» ствол столь неудачно упавшего дерева. Но когда и после этого злополучный ствол, поддерживаемый соседями, сполз вниз всего на небольшой кусок, дровосеки отступились от него и ушли.

Охотнее всего бобры валят деревья, стволы которых имеют в поперечнике от восьми до 20 сантиметров. Выбирают для повала чаще всего осину, иву, тополь, менее охотно березу и ольху и совсем избегают хвойных деревьев, то есть самую расхожую нашу древесину. Не берутся они валить и твердые породы деревьев, например дубы.

«Работает» бобр довольно быстро и энергично. Восьмисантиметровую в поперечнике иву он перегрызает за пять минут, а если дерево толстое, то маленькому дровосеку приходится трудиться над ним несколько ночей подряд. Каждый бобр валит и ошкуривает ежегодно от 200 до 300 стволов: участок земли в 100 гектаров способен прокормить колонию бобров в течение 1—1,5 года. Над толстыми стволами бобры трудятся зачастую вдвоем, причем поочередно: пока один грызет, другой оглядывается по сторонам. Случается, что бобры принимают перегрызать ствол толщиной больше человеческого торса. В качестве «бобрового рекорда» зафиксирован тополь высотой 27 метров и 1,5 метра в поперечнике, который эти отважные дровосеки спилили однажды в Британской Колумбии.

Наиболее удобно для бобров, разумеется, валить деревья, стоящие у самой воды. Во всех же других случаях им приходится сплавлять куски поваленных стволов или отгрызенные от них ветви кратчайшим путем, по каналам. Если им еще нужно транспортировать древесину довольно далеко по воде до своей плотины — это для них не составляет особого труда. Но дальше, чем в 200 метрах от берега, бобры деревьев не валят. Если все деревья вокруг колонии уже срублены, зверьки, как правило, перекочевывают в другое место. После ухода бобров в лесу возникают все новые «бобровые лужайки» — очищенные от деревьев поляны и прогалины. Ведь созданные ими при помощи запруд искусственные озера постепенно мелеют и вытекают после того, как маленькие «гидротехники» перестают латать отверстия в своей плотине. Таким образом, благодаря деятельности бобров естественный ландшафт выгодно видоизменяется: в нем появляется все больше зеленых лугов — удобных пастбищ для диких копытных.

Препарируется сваленное дерево так: лежащий на земле ствол разрезается на куски, причем чем толще ствол, тем короче куски. Даже в тех случаях, когда бобры уже унесли все чурбачки, можно промерить их длину по кучкам опилок, остающимся возле каждого места «распиловки». Самый толстый конец ствола обычно оставляют лежать; его лишь ошкуривают, а кору съедают.

Свежая молодая кора и мягкая древесина — вообще основной корм бобра. Такой жесткой пище соответствует и крепость его зубов. Жевательный «жим» бобра равняется 80 килограммам, в то время как у человека он составляет лишь 40 килограммов. При этом следует учесть, что бобр весит всего каких-нибудь 18—20 килограммов, самое большее — 30.

В Воронежском заповеднике каждая семья бобров запасает себе на зиму в качестве провианта в среднем 108 осин от восьми до 35 сантиметров в поперечнике, утапливая их в воде. Помимо этого они зимой обгрызают еще поваленные ветром деревья. В неволе же каждый бобр получает на ферме ежедневно семь килограммов осиновых веток вместе с корой, два килограмма березовых веток, 25 килограммов ивовых. Следовательно, один взрослый бобр поглощает ежегодно 4197 килограммов древесины вместе с корой в придачу к своему обычному зеленому корму, что составляет вместе 7,5 кубических метра древесной продукции. Из 580 различных растений, произрастающих в Воронежской области, бобры используют 148 видов.

На суше бобры довольно неуклюжи, даже человек их легко может догнать, и, если им приходится спасаться бегством, они быстро устают. Поэтому многие бобры, обитающие в равнинной, богатой влагой местности, прокладывают себе специальные каналы, ведущие к их пастбищным участкам, расположенным иногда довольно далеко от реки. Возможно, такие каналы ведут начало от постоянных тропок, прокладываемых этими животными, которые постепенно утаптываются все глубже и глубже, погружаясь в мягкий влажный грунт, а уж потом бобры их планомерно начинают расширять и углублять, пока те не достигнут глубины примерно 50 сантиметров, так, чтобы бобру удобно было проплывать по ним под водой. По таким каналам удобнее транспортировать и ветки.

Добытые в лесу ветки бобры под водой засовывают срезанным концом глубоко в илистый грунт так, чтобы они не всплывали. Это прежде всего запасы на зиму, потому что летом они питаются и водяными растениями, и травой, и клубнями водяных кувшинок. Целые плоты из неошкуранных веток зачастую прикрывают входы в жилую крепость.

Понав на новое место, бобр чувствует себя привольно только после того, как обеспечит себе убежище, попасть в которое можно только под водой. На крупных реках, где вода обычно не убывает или на слишком широких, которые невозможно перегородить плотной, бобры довольствуются простыми береговыми норами, но непременно с двумя, а чаще всего четырьмя-пятью входами.

Вот, например, у немецких бобров, проживающих на Эльбе, как правило, именно такие, примитивные береговые жилища, выполненные

на отмелях или банках, поэтому их можно назвать «банковыми бобрами». «Парадный въезд» в подобные жилища ведет снизу, из-под воды, косо вверх, где заканчивается под поверхностью земли. Выкапывается камера шириной примерно в один метр 20 сантиметров и высотой от 40 до 50 сантиметров; стены ее изнутри заботливо и старательно разравниваются. Если вода в реке поднимается, пол в жилой камере тоже бывает необходимо приподнять. Для этого бобру достаточно соскребсти с потолка соответствующую порцию земли и утрамбовать ее на полу. Как правило, потолочное перекрытие такого «блиндажа» настолько прочное, что на нем могут стоять сразу несколько человек, не опасаясь провалиться. Однако в случаях, когда бобрам приходится раскапывать нору все дальше вверх, они укрепляют ее тем, что набрасывают сверху кучи веток и хвороста, воздвигая настоящую крепость. Если же водное зеркало поднимается все выше и выше, например, тогда, когда бобры запрудили речку плотиной, то такую «бобровую хатку» приходится все надстраивать и надстраивать, пока она в конце концов не превратится в остров, окруженный со всех сторон водой...

Наверное, именно подобным образом возникали в прежние времена эти удивительные бобровые сооружения посреди водоемов. Нынешние бобры, — правда, не слишком часто — тоже воздвигают подобные постройки прямо посреди своих запруженных плотиной «водохранилищ». С этой целью они громоздят под водой друг на друга пропитанные водой ветки, слепляя их илом, пока такой искусственный остров не будет возвышаться на метр, а то и на два над поверхностью воды. Но если сама крепость — в особенности у бобров, живущих в северных областях, тщательно укрепляется и «цементируется» илом или глиной, то «потолок» в ней бывает, наоборот, довольно рыхлым, воздухопроницаемым, чтобы проветривалось помещение. Но, несмотря на это, спутанные и переплетенные меж собой ветки составляют достаточно прочное перекрытие, на которое человеку можно встать ногами и разломать которое хищному зверю не так-то просто. В суровые зимы можно наблюдать поднимающийся из вершины хатки «дымок», повисающий над ней в виде легкого облачка. В старых, обжитых «крепостях» встречаются «передние», «смежные комнаты» и разные другие помещения, однако жилая камера неизменно расположена в 20 сантиметрах над уровнем воды. Бобровые хатки, как я уже сказал, практически для большинства хищников недоступны, и даже если медведь вздумает, навалившись всей тяжестью сверху, проникнуть внутрь, то, прежде чем он это успеет проделать, все обитатели хатки уже ускользнут через подводные коридоры и исчезнут под водой.

Бобры не впадают в зимнюю спячку, хотя в холодное время года и делают довольно вялыми. И тем не менее их можно неделями не увидеть на поверхности. Даже тогда, когда на улице минус 15 градусов, температура воздуха в жилой комнате держится всегда несколько выше нуля. Когда реки замерзают, бобры добираются до своих «складов» с провиантом, проплывая подо льдом. При этом им зачастую не приходится даже пользоваться лунками для дыхания. По-

тому что реки и озера замерзают поначалу только у берегов. Потом уже, по ходу зимы, в реках уровень воды несколько опускается, и между водой и льдом образуется некоторое пространство. Причем в середине реки лед опускается ниже, а у берегов, поддерживаемый корнями деревьев и землей, он выше. Так что под ним оказываются прекрасные, защищенные со всех сторон воздушные ниши для бобров.

А кроме того, бобры отличные ныряльщики. В старых природоохранительных книжках можно еще прочесть, что они способны оставаться под водой до двух минут; однако в феврале 1939 года Рудольфу Берендту, на Эльбе, удалось зафиксировать 10 минут, а здесь, в Графской, в опытном бассейне, бобр задерживался даже на целых 15 минут.

Бобры никогда не засоряют своими экскрементами жилых помещений, а выделяют их только в воду. Для своих детенышей они устраивают мягкие постели из тонко настиганных опилок.

Во время паводка бобрам в их крепостях ничего особенного не угрожает, в худшем случае им приходится временно перебраться в свои запасные жилища. А вот обмеление реки или озера представляет для бобров большую опасность. Когда вода уходит, открываются входы в их крепости. Кроме того, засыхают и портятся их плавучие продовольственные запасы. Для того чтобы поддерживать постоянный уровень воды, бобры строят свои плотины, которые образуют искусственные водохранилища. В этих водоемах они чувствуют себя в безопасности и по ним транспортируют свой корм к «складам».

Для постройки плотин бобры сначала втыкают в дно ручья вертикально поставленные ветви и стволы, укрепляя и придавливая их камнями, илом и тростником. Часто они используют для этой цели и упавшее поперек реки дерево, обкладывая его постепенно со всех сторон строительным материалом. Чем выше поднимается уровень подпруженной воды и чем она больше наполняет русло ручья или реки, тем выше приходится бобрам наращивать плотину и удлинять ее в сторону более пологого берега.

Самая длинная плотина в Воронежской области находится возле Мариники. Протяженность ее — 120 метров, высота — один метр и ширина — от 60 до 100 сантиметров. На горных ручьях у подножия Скалистых гор в Канаде плотины достигают высоты трех метров! А самая мощная плотина построена бобрами на реке Джефферсон в штате Монтана, в США. По ней можно пройти целых 700 метров! Такие огромные плотины поддерживаются в течение десятков, а может быть, даже сотни лет многими поколениями бобров. Разумеется, только в тех случаях, если в окрестностях растет достаточно корма. В Колорадо известна плотина, построенная еще 70 лет тому назад. Со временем на таких плотинах вырастают деревья и кустарники, они становятся все крепче и шире. По ним совершенно спокойно может проехать даже всадник.

На то, чтобы построить плотину длиной в 10 метров, у семьи бобров уходит примерно одна неделя. Если течение очень сильное, бобры выше по реке воздвигают множество мелких дополнительных дамб, типа волнорезов, чтобы не прорвало основную плотину. Они зорко следят за сохранностью плотины, и стоит только где-нибудь

начать просачиваться воде, как усердные «гидростроители» в первую же ночь примутся лихорадочно латать поломку. Работают они настолько старательно и поспешно, что в Америке вошло в поговорку всякую лихорадочную деятельность сравнивать с работой бобров: „To work like beavers“ («работать, как бобры»). Различные подвиды бобров строят разные по внешнему виду плотины; более того, вид плотины зачастую зависит от окружающей ее местности.

Некто мистер Ж. Халл, проживающий возле Денвера, никак не мог добиться того, чтобы воздвигнутая им искусственная запруда не пропускала воду. И несмотря на все старания инженеров, которых он то и дело привлекал к этой работе, плотина все вновь и вновь давала течь. Но после того как там поселилась пара бобров, зверьки всего за несколько дней полностью починили и укрепили запруду. У них прямо какая-то необъяснимая страсть запруживать воду. Так, в зоопарках бобры, как правило, ведут непримиримую борьбу с администрацией, всячески затыкая и заделывая стоки для воды в своих искусственных бассейнах. Эти стоки прямо не дают покоя зверькам.

Чтобы поймать бобра, трапперам в Америке бывало достаточно проткнуть дыру в плотине и установить возле нее в воде капкан. Но иногда и сами бобры при наводнениях проделывают бреши в своих плотинах, чтобы дать стечь воде.

На одной из рек, впадающей в озеро Мичиган, бобры использовали маленький, уже заброшенный железнодорожный мост в качестве опоры для своей плотины: они плотно законопатили двухметровую арку проема моста и запрудили воду. В Канаде бобровые плотины имеют часто у основания от четырех до шести метров, а у гребня — от одного до двух метров. Случалось, что за ночь бобры затопляли какую-нибудь улицу или отрезок железнодорожного полотна, устроив небольшое искусственное водохранилище. И хотя такую бобровую плотину нетрудно тут же проломить, тем не менее избавиться от воды не так-то просто, потому что начинается упорная борьба между человеком и бобром. И не прекратится она до тех пор, пока животных не отловят и не переселят куда-нибудь в другое место.

В горах же бобры выступают на ролях искусных «землеустроителей». Препраждая бурные горные потоки, бобровые плотины препятствуют занесению песком и галькой пастбищ и пашен, расположенных у подножий гор. Благодаря запрудам вода только очень медленно стекает в долины, а искусственно созданные водохранилища бобров вскоре заселяются форелью и другими видами рыб, а также водоплавающей птицей.

60 миллионов бобров, обитавших некогда в Соединенных Штатах, устройством своих бесчисленных маленьких водохранилищ и дамб значительно снижали паводки. То же самое происходило и в древней Германии 1000 или 2000 лет тому назад. Теперь люди стараются добиться того же самого путем устройства запруд и гидростанций в горах. Если сбросить со счета получаемую при этом энергию, то на сегодняшний день тратят миллиарды и миллиарды для того, чтобы искусственно восстановить необходимое для судоходства и водоснабжения городов равновесие в природе, бездумно разрушенное

тем, что из него изъяли одну совсем маленькую, но очень важную деталь. А теперь задумайтесь, так ли уж необходимы были бобровые шляпы и стоили ли они того, во что это сейчас оборачивается?

Когда вам в зоопарке хочется увидеть бобров, это редко удается. Еще реже случается, чтобы они в неволе приносили потомство. Да это и неудивительно, учитывая их более чем необычный образ жизни и способ питания. С другой стороны, их и на воле не так-то легко наблюдать, потому что работают они в основном по ночам, а молодняк свой прячут в норах. Таким образом, в книжках, изданных отнюдь не только в средневековье, то и дело появлялись самые фантастические сообщения о жизни и поведении бобров. Так, утверждалось, что преследуемый охотниками бобр выкусывает у себя железу с «бобровой струей», бросая ее в качестве выкупа под ноги преследователям, чтобы спасти свою жизнь. Даже в последнем многоотомном издании Брема «Жизнь животных», которое, правда, с 1914 года не переиздавалось, можно прочесть, что детеныши бобра появляются на свет слепыми и голыми.

В том, что это не так, легко можно убедиться здесь, в Графской, каждой весной. С 1933 года тут функционирует «бобровая ферма» состоящая из расположенных в ряд вольтер, построенных на берегу высохшей протоки, сразу же позади монастыря. Руслó обводняется искусственно. Зацементированные каналы, заходящие на пару метров под воду, ведут со стороны берега в отдельный дубовый домик. Каждый такой домик изнутри обит жостью и перекрыт еще второй островерхой крышей так, что внутри его можно хорошо утеплить соломой. Такие искусственные бобровые крепости при желании можно сверху приоткрыть и посмотреть, что делается внутри. Именно так удалось узнать, что спят бобры преимущественно на спине, сложив лапы на животе, да притом еще и нередко храпят во сне. На этой ферме содержатся в среднем сто бобров, причем от двенадцати до пятнадцати пар производителей. Уход за ними возложен на пять сотрудников фермы и женщину — ветеринарного врача.

В Графской имеются не только темные воронежские бобры, но и норвежские (*Castor fiber fiber*), монгольские (*C. f. birula* привезенные сюда с рек Булган и с Енисея, уральский бобр (*C. f. pohlei*) с реки Конда на северном Урале, а также канадский бобр (*C. f. canadensis*) из штатов Висконсин и Аризона.

Долгое время думали, что канадские бобры не скрещиваются с европейскими и азиатскими и не дают с ними потомства, пока финский зоолог Лаури Сиивонен не сообщил, что привезенные для акклиматизации в Финляндию канадские бобры прекрасно скрещиваются с местными европейскими и хорошо размножаются. Точно так же были получены гибриды между воронежским и уральским бобром, воронежским и норвежским. Однако бобров, которых раселяют в другие области Советского Союза для акклиматизации, берут не из этой фермы: их отлавливают в годовалом возрасте в естественных условиях заповедника и отправляют на новое место жительства, вдев им предварительно в ухо алюминиевую метку

Помимо бобров здесь обитает еще и выхухоль (*Desmana moscata*

которая сродни кротам. Эти веретенообразной формы животные, покрытые похожим на плюш мехом, прекрасные пловцы и ныряльщики. Выхухоли достигают в длину примерно четверти метра и обладают в придачу семнадцатисантиметровым, сжатым с боков хвостом, который служит им рулем во время плавания. Ушные раковины у них отсутствуют, вместо глаз — малюсенькие бисеринки, но зато нос их вытянут в расширяющийся наподобие трубы хобот и чрезвычайно подвижен. Ближайшие родичи выхухоли обитают на Пиренеях. Выхухоли тоже роют свои убежища в отвесных берегах, с входом, скрытым под поверхностью воды. Следовательно, они представляют собой нечто вроде малюсеньких бобров, с той лишь разницей, что питаются они водными насекомыми, рыбой, пиявками и улитками. Поскольку выхухоли тоже являются ценными пушными зверями, уже 600 штук из них перевезены отсюда в различные части Советского Союза.

Наблюдая за бобрами на ферме, люди, к немалому своему удивлению, заметили, что спариваются эти животные исключительно только в воде. Для этой цели самец поворачивается на спину и подплывает снизу под самку. По всей видимости, бобры придерживаются единобрачия. Когда после 105—107 дней беременности у самки в норе появляются детеныши, самцу приходится на длительное время освободить помещение. Вместе с ним выселяется из квартиры и прошлогодний молодой бобр. Бобрята вопреки утверждению Брема появляются на свет уже зрячими и покрытыми шерстью. Правда, глаза у них в течение первых двух дней бывают полузакрыты и затянuty вязкой слезью. У них уже явно обозначаются резцы. Материнское молоко бобрята сосут около двух месяцев и растут буквально на глазах. В первые дни они прибавляют ежедневно почти по восемь процентов от своего веса, а с 25-го по 35-й день — по 4 процента, достигнув же двухмесячного возраста, они прибавляют уже только по одному проценту ежедневно. Когда малыши сосут молоко, самка подгибает свой хвост и заботливо подкладывает его под детенышей, так, чтобы они сидели на теплой его подкладке.

Бобровая детвора рано научается плавать и нырять. И точно так же как и другие звериные, да и человеческие детеныши, проявляет при этом большую неосторожность. Если на берегу появляется наблюдатель, да к тому же еще издает клич, похожий на бобровый, их разбегает неудержимое любопытство, и они стараются подплыть поближе, чтобы разглядеть, что там происходит. Матери тогда приходится заталкивать их носом назад и вклиниваться между ними и посетителем. Старые бобры в подобных случаях обычно ударяют своим хвостом-лопатой плашмя по воде, заныривают и мгновенно исчезают из поля зрения.

Если бобровые детки слишком долго «болтаются на улице» или становятся дерзкими и непослушными, мамаша хватает их лапами поперек туловища и насильственно затаскивает в дом. Что бобреха несет своего детеныша буквально на руках, легче всего наблюдать на суше. Раньше этому никто не хотел верить. Но директор старого Гамбургского зоопарка Болан описывал случай, как бобреха несла

своего детеныша на высоко поднятых передних лапах, вытянувшись во весь рост и передвигаясь при этом на задних ногах. Подтверждение такой необыкновенной транспортировки детенышей было получено полстолетия спустя и в Цюрихском зоопарке, где такое поведение самки бобра удалось снять на фото- и кинопленку. В этом зоопарке пара бобров несколько лет подряд приносила и выращивала потомство. При случае можно увидеть, как бобрята едут, усевшись на хвосте своей мамы.

Когда в Воронежском заповеднике вскрывали норы бобров (разумеется, перекрыв предварительно все выходы сетью), то, как правило, заставали в них три поколения животных. Потому что молодняку прошлого года рождения разрешается оставаться с родителями до появления на свет нового помета. Тогда они на некоторое время вместе с отцом бывают вынуждены покинуть свой дом. Но имеют право в него вернуться и там перезимовать. Однако, как только следующей весной появляется новый приплод, им приходится покидать своих родителей и родительский кров навсегда. Если они не соглашаются сделать это добровольно, их просто прогоняют, выталкивая и кусая. К осени, следовательно, в возрасте двух с половиной лет молодежь становится половозрелой, а на следующую весну у молодых бобров появляются уже собственные детеныши (детенышей у бобров бывает от одного до шести, в большинстве же случаев — от двух до четырех). Молодые бобры отправляются на поиски новых мест для жилья вверх и вниз по реке, удаляясь нередко на 20, а то и 25 километров от отчего дома, и там справляют новоселье. В поисках подходящих для постройки дома мест бобры способны преодолевать и значительные расстояния по суше. Так, одного бобра, выпущенного в Северной Америке, спустя четыре месяца нашли в горах, на расстоянии 30 километров от места выпуска.

Продолжительность жизни бобра составляет приблизительно от 10 до 15 лет. В Воронеже одному бобру удалось дожить до 23 лет, а в одном зоопарке бобр прожил якобы даже целых 30 лет!

Совесь американцев начала пробуждаться к началу нашего века — как раз вовремя, пока они еще не успели окончательно истребить всех своих бобров. Поспешно были изданы не только законы об их охране, но и начаты работы по расселению в тех местах откуда бобры безвозвратно исчезли. Так, девять бобров, выпущенных в 1906 году в штате Нью-Йорк, размножились столь успешно, что к 1924 году число их потомков было уже столь велико, что за добытые меха удалось выручить 1 миллион долларов. В Норвегии запрет на добычу бобров был объявлен в 1899 году; на сегодняшний день их там от 12 до 14 тысяч, и норвежских бобров успешно переселяют в Финляндию и Швецию. То, что они совсем самостоятельно способны завоевывать новые территории, было установлено Охотничьим управлением штата Мэн: бобры заселили небольшой остров, расположенный в 19 километрах от суши, для чего им пришлось проплыть это расстояние по морю.

Не успели бобры в Канаде прийти в себя от жестокого преследования, как грянула первая мировая война и охота на них снова была

разрешена. Началась настоящая бойня. В 1924 году было добыто и продано 169 172 бобровые шкурки. Причем велся не разумный, рациональный отстрел, проводимый специалистами-охотниками, нет, это снова были те же «джентльмены удачи», без разбора и учета на будущие времена начисто разорявшие и уничтожавшие бобровые колонии.

Против такого жестокого и безрассудного массового разбоя резко выступил тогда индейский писатель Вэшак Воннесин (Серая Сова). Во всех своих многочисленных статьях, публичных выступлениях и книгах он взывал к сознательности и совести канадцев. Сам он, как и многие другие, из охотника превратился в защитника животных, главным образом после того, как стал свидетелем такой душераздирающей сцены:

«В капкане оказалась самка бобра. Громко крича от боли, она пыталась стряхнуть капкан, намертво вонзившийся в одну из ее передних лап. Другой лапой она судорожно прижимала к себе детеныша, который безмятежно продолжал сосать молоко... Очень осторожно я высвободил лапу несчастной самки из западни, но она была перерублена пополам и повисла безжизненной тряпкой. Тогда я точным ударом острого томагавка отрубил безжизненную часть, а самка, не сделавшая ни малейшей попытки укусить меня от боли, припала к луже хлеставшей из раны крови и, видимо мучимая адской жаждой, принялась жадно ее лакать... Потом она медленно потащилась к озеру. Однако с полдороги вернулась за своим детенышем. А тот, глупыш, заинтересовавшись шнурками моих мокасин, не сразу согласился следовать за матерью. Мой спутник одобрил то, как я поступил, несмотря на потерю ценной шкуры. Вид беспомощного несмышлениша смягчил его сердце. Меня этот случай тоже заставил крепко призадуматься и сыграл немалую роль в последующем моем решении бросить бобровую охоту навсегда. После той, запомнившейся мне сцены я спас жизнь не одному бобровому детенышу тем, что шел по следам «весенних охотников», подбирая осиротевших малюток, которых затем в течение года держал у себя в доме. Дольше держать их было невозможно, потому что, подрастая, они начинали совершенно варварски обращаться с моей домашней утварью».

Из дальнейшего повествования Воннесина можно увидеть, что, живя в человеческом жилище, бобры способны натворить бог знает что:

«Когда мы переступили порог моего домика, нашим глазам предстала картина, надолго врезавшаяся в память. Казалось, что по помещению прошел ураган. Стол был опрокинут, и все, что на нем лежало, исчезло. Однако окошко было разбито, и в нем торчал длинный толстый кол, а под другим, еще целым, лежал аккуратно уложенный штабель дров. Разобранный на составные детали рукомоийник нашелся, после долгих поисков, на нарах, в постели, притом аккуратно прикрытый простыней. Одежда и подушки из постели были изъяты и вместе с другими предметами домашней утвари, такими,

как горшки, тазы, мокасины и т. п., оказались нагроможденными в виде баррикады перед печкой.

Всячески извиняясь перед моими гостями, которых я привел с собой, я старался мысленно оценить причиненный мне ущерб, однако ничего существенного не пострадало — ничего не произошло такого, что могло бы угрожать моей жизни и благополучию. А ведь я уходил совсем ненадолго, просто решил совершить маленькую прогулку, но мягкая, теплая погода заманила меня подальше и заставила отсутствовать несколько дольше, чем я собирался. Приятные запахи весны донеслись, видимо, и до моих бобров и воодушевили их на столь активные действия: За неимением ничего лучшего они, словно ошалеv, кинулись строить из моего скромного домашнего имущества плотину. Теперь они были несколько смущены происшедшим и почти разумным не показываться; по-видимому, приход моих друзей заставил их побыстрей убраться в свое убежище. Но спустя некоторое время они все же осмелели и появились. Я их, как положено, представил гостям, а они, деловито собрав с гостей привычные подарки — яблоки и шоколад, исчезли, словно маленькие лесные гномы»

Индийскому писателю Воннесину и другим друзьям природы удалось завоевать сердца канадцев для бобров. На обширных территориях Канады охота на бобров для белых была полностью запрещена и разрешена лишь индейцам: Тропы трапперов возле реки Святого Лаврентия и теперь были закреплены за отдельными индейскими охотниками, согласившимися продавать шкурки государству. Так, в 1960 году в провинции Квебек было добыто 30 тысяч бобровых шкурок, каждая стоимостью в 30 долларов. В 1961 году охота на бобров впервые была снова разрешена белым трапперам, после чего было добыто 33 400 штук. Каждому отдельному трапперу разрешалось отловить не более двадцати бобров, причем без стрельбы. На шкурах необходимо было ставить государственное клеймо и продавать их можно было только специально уполномоченным государством торговцам пушнины. В американском штате Айдахо по существующим ныне правилам каждый траппер обязан десятую часть добытых им бобров сдать живьем. Ими затем заселяют местности, в которых эти животные прежде были начисто истреблены. На труднодоступные лесные поляны и озера в горах их доставляют на самолетах и спускают туда в клетках, привязанных к парашютам, сбрасывая с высоты от 150 до 300 метров. Туго натянутые постромки парашюта придерживают задвижку от дверцы, но, как только клетка коснется земли и постромки ослабнут, срабатывает спиральная пружина, и дверца сама собой открывается. Иногда для этой цели нанимают и небольшие дирижабли.

Когда основной враг бобров — человек выбывает из игры, то заселению рек и озер этими трудолюбивыми маленькими гидростроителями ничто уже помешать не может, и оно происходит достаточно быстро и интенсивно. Ведь в конце концов большинство их прежних врагов, таких, как волки, рыси, россомахи и медведи, тоже давно истреблены или стали чрезвычайно редкими. На сегодняшний день считают, что бобр в Северной Америке вновь завоевал свой

прежний ареал, но уже огнюдь не столь многочислен там, как раньше. Полагают, что в Соединенных Штатах обитает около 250 тысяч бобров, а в Канаде — 1,5 миллиона.

В Европе тоже усердно стараются возвратить бобру права гражданства. Так, в Финляндии в тридцатых годах выпустили канадских и норвежских бобров. В 1958 году там впервые после девятидесятилетнего перерыва можно было разрешить отстрел 400—500 бобров. В Польше бобры сейчас живут в районе лесничества Олива. Родом они из Советского Союза. В Швейцарию завезли бобров из Франции, отловленных на Роне, и в 1959 году они там уже принесли первое потомство.

Должен признаться, что за всю свою жизнь я ни разу не видел, не слышал и не читал столько о бобрах, как в те дни в Графской.

Из Воронежского заповедника в Москву я прибыл почти что законченным специалистом по бобрам. Но должен сказать, что они такие интересные создания, эти коричневые шустрые и старательные трудяги, которые уже за много тысячелетий до нас изобрели плотины, дамбы и занимались гидростроительством, что не приходится жалеть ни об одном из часов, потраченных на знакомство с ними.

Глава VI

Альбиносы — кто они такие?

А есть ли на самом деле белые мыши?

Альбиносы у всех видов диких животных

Люди-альбиносы

**Белый слон проездом из Таиланда
в Данию...**

«Вот мы тут поспорили между собой: четверо из нас отрицают существование белых мышей в природе, а мы двое утверждаем — белые мыши есть. И мы просим вас, дорогой доктор Гржимек, решить наш спор. Пожалуйста, ответьте нам, существуют ли в естественных условиях белые мыши?»

Подобного рода вопросы о белых мышах преследуют меня почему-то всю жизнь. Первый раз я подумал, что тут какой-то розыгрыш. Ведь общеизвестно, что белых мышей разводят десятками тысяч. Во всех лабораториях и институтах имеются специальные помещения для белых мышей и крыс. Их заражают страшными и отвратительными болезнями, оперируют, проверяют, сколько времени они способны просуществовать, получая плохо перевариваемую организмом пищу, — и все для того, чтобы помочь больным людям или заболевшему домашнему скоту. Можно их купить и в зоомагазинах; юные

натуралисты, не достигшие, как правило, восьмилетнего возраста, обычно любят пугать ими своих мам...

И тем не менее есть, по-видимому, люди, уверенные, что белые мыши не что иное, как измышление горячечного бреда наравне с зелеными чертиками. А на самом деле их не бывает. Да вот только недавно я вновь получил запрос, на сей раз из Шлезвиг-Гольштейна. Но я теперь уже давно ничему не удивляюсь. Спрашивающие меня люди сомневаются, видимо, в том, существуют ли белые мыши в дикой природе, без вмешательства селекционеров. Просто потому, что они никогда и нигде их не встречали. Но, в то время как первого голубого волнистого попугайчика мы, европейцы, увидели впервые в 1882 году, белые мышки, бегающие вокруг наших жилищ, вошли в историю человечества гораздо раньше. Ведь китайские жрецы уже много тысячелетий тому назад использовали их для своих предсказаний. Поэтому китайские правители приказывали своим летописцам аккуратно вносить в летопись страны каждый отдельный случай поимки подобной зверушки, считая его значительным событием. Таким образом, теперь документально подтверждено, что с 307 по 1641 год мышей-альбиносов в Китае удалось изловить всего лишь 30 раз.

Белые животные отнюдь не такое уж редкое явление. Среди домашних животных тем более, но и среди диких тоже. Поскольку белизна бросается в глаза, их редко можно не заметить. Если полистать природоведческие книжки, то можно узнать, что альбиносы зарегистрированы и среди кенгур, и среди землероек, а также кротов (причем три процента), летучих мышей, зайцев, диких кроликов, леммингов, сурков, леопардов, тигров, пум, ягуаров, куниц, выдр, енотов, тюленей, диких кабанов, кафрских буйволов, верблюдов, ланей, водяных козлов, обезьян, гепардов, зебр, кобр, форелей и других рыб. В 1938 году в Восточной Африке впервые обнаружили белого жирафа, которого даже удалось снять, а недавно еще одного в Уганде, затем — в Гарамба-парке в Республике Заир, и один почти белый самец жирафа живет в Северной Кении, южнее Цаво-парка; суеверные браконьеры, к счастью, боязливо обходят его стороной...

Белых бурых медведей, которые, разумеется, сильно отличаются по своей «конструкции» от белых полярных медведей, хотя и очень редко, но все же видели. Встречаются «беляки» и среди ворон, воронов, черных дроздов, воробьев, ласточек и вообще среди большинства видов птиц. А поскольку белая окраска, как правило, передается по наследству, то для селекционера не составляет труда скрестить двух альбиносов и вывести таким способом новую расу белых животных. Так, белых ланей можно увидеть сплошь и рядом. В парке Клампенбург, возле Копенгагена, долгое время обитало столько же белых благородных оленей, сколько бурых. Если только захотеть, то в некоторых местностях путем направленного отстрела бурых ланей можно было бы разводить только одних белых или одних только черных.

Чисто-белых беломордых бубалов (вид африканских антилоп, обычно рыжей масти) можно видеть на многих фермах в Южной

Африке. По сравнению с обычными у них пониженная сопротивляемость к погодным явлениям, зачастую они получают солнечные ожоги, особенно на ушах, а зрение со временем настолько слабеет, что животные почти слепнут. Поэтому именно на них чаще всего нападают собаки и гонят прямиком на заграждения из колючей проволоки.

Эдвард Халлстром из Сиднейского зоопарка разводит на своей частной ферме стадо белых кенгуру, которых выменивает в разных зоопарках мира на других редких животных.

Прежде считалось, что среди львов в отличие от других крупных кошачьих альбиносов не встречается, пока в 1961 году туристам, разбегавшимся по Крюгеровскому национальному парку, не удалось сфотографировать белую львицу.

А один индийский магараджа много лет занимался разведением белых тигров. Не так давно он продал таких белых тигров некоторым американским зоопаркам, а также в Бристольский, в Англию. У таких тигров характерные для вида черные полосы начертаны не на золотисто-желтом, а на белом фоне.

Поэтому у зоологов не считается особым событием, если кто-то сообщает о появлении нового альбиноса. Гораздо удивительнее в этом смысле было бы обнаружить вид животных, у которого никогда не встречаются альбиносы.

В Дарвиновском музее в Москве имеется специальная коллекция альбиносов. Там можно полюбоваться на чучела снежно-белых глухарей и тетеревов, беркутов, орланов-белохвостов, воронов, сов, соколов, лис, волков, рысей, леопардов, тигров — короче, буквально на большинство известных нам видов, только в белом «издании».

Ведь и среди нас самих тоже нередко встречаются альбиносы. У всех рас, начиная с белокожих скандинавов и кончая черными, как эбеновое дерево, негритянскими племенами, время от времени появляются отдельные индивидуумы, кожа которых начисто лишена пигмента. У таких людей и внутренние органы тоже лишены пигмента. Ведь природная окраска человеческой кожи — кремовато-белая. Присутствие же желтого красящего пигмента придает ей желтоватый оттенок. Наличие черного пигмента делает кожу темной. Стоит он из мельчайших крупиц меланина, которые сами по себе не черные, а скорее «сепия», или бурые, но в больших массах полностью поглощают свет и производят впечатление черного. К этому прибавляется еще красный цвет крови, курсирующий по мельчайшим кровеносным сосудам кожи и придающей ей розоватый оттенок. И вот, если смешивать белую, желтую, красную и черную краски в разных пропорциях, то можно получить любой желаемый цвет человеческой кожи: белый, желтый, красноватый или черный. У человеческих альбиносов черный пигмент начисто отсутствует, а желтый присутствует лишь в самых незначительных количествах. Красноватый цвет крови, просвечивающей сквозь такую кожу, придает ей слегка розоватый оттенок. А поскольку красящий пигмент у таких людей отсутствует, разумеется, и в радужной оболочке глаза (точно так же как, мы это знаем, у красноглазых белых кроликов и мышей), то

глаза у людей-альбиносов тоже красные. Светопроницаемость таких глаз резко повышена, и поэтому альбиносы обычно щурятся или держат веки полузакрытыми. Из-за постоянного прищуривания вокруг глаз у альбиносов вскоре образуется сеть резких морщинок, придающих им совершенно особый, характерный для этих людей вид. Считается, что у нас, европейцев, на 10 тысяч встречается один альбинос, а вот у сан-бласских индейцев из Центральной Америки альбинизм распространен в семьдесят раз больше.

При входе в африканский национальный парк Серенгети долгое время в качестве контролера входных билетов работал негр-альбинос, то есть человек с белым цветом кожи, но по всему остальному — типичный африканец. Его портрет помещен в моей книге «Они принадлежат всем». Разумеется же, альбиносы, в особенности лысые, очень чувствительны к солнцу и легко могут получить солнечные ожоги и тепловые удары.

Встречается альбинизм и у всех культурных растений. Но подобные зародыши очень скоро отмирают, потому что в них отсутствует хлорофилл — зеленый пигмент листа, без которого невозможен обмен веществ, да и сама жизнь растения.

Густав Дитрих, работавший прежде служителем во Франкфуртском зоопарке, но затем переехавший в Бангкок, столицу Таиланда, некоторое время спустя решил нас снова навестить и приехал на пару недель во Франкфурт. На обратном пути он заехал в Рангун, столицу Бирмы, где посетил Рангунский зоопарк, с директором которого, господином Кьявом Тхейном, у нас давние дружественные отношения. Леопардиха Маузи, к примеру, произведшая у нас в зоопарке на свет уже более тридцати детенышей, — подарок Рангунского зоопарка, а многие франкфуртские зоопарковские животные отправились жить в Бирму. Г. Дитрих прислал мне оттуда письмо с приветом от директора зоопарка, в которое вложил несколько снимков молодого белого слона, живущего сейчас в Рангуне, и написал следующее:

«Здесь зоопарк безмерно гордится своим белым слоном (хотя он не столько белый, сколько целиком розовый и с белыми глазами). В отличие от белых слонов у нас там, в Таиланде, это животное здесь вызывает форменную сенсацию. В Таиланде, при дворе, есть специалисты по этим вопросам, способные точно определить все признаки настоящего слона-альбиноса, которых обязательно привлекают при каждой новой поимке «белого слона». У такого слона обязательно должны быть белые ногти, красные глаза и целый ряд других признаков; в общей сложности насчитывается двенадцать различных степеней «альбинизма» у слонов. Я широко демонстрировал в Бангкоке фотографию бирманского белого слона и понял, что ничего подобного здесь ни разу не видели».

Казалось бы, что после всего вышеизложенного, подтверждающего, что альбиносы нам известны у всех буквально видов животных, да и у людей, белый слон не может представить чего-то особенно необычного и волнующего. Но на фотографии, присланной мне Дитрихом, слоненок сияет такой ослепительной белизной на темном фоне

большого серого слона, что у меня невольно закрались сомнения: я не мог безоговорочно поверить в его реальное существование. Ведь уже в «Жизни животных» Брема можно прочесть о том, что в Сиаме (теперешнем Таиланде) белые особи разных видов животных ценятся очень высоко, что белые слоны там считаются священными, а король носит титул «господина над белыми слонами». Но, несмотря на все старания и усилия, лишь крайне редко удается изловить более или менее светлый экземпляр. А по-настоящему белым слонем там, по-видимому, еще никто ни разу не обладал.

Когда К. Бок в 1881 году был в Бангкоке, ему показывали двух слонов, окрашенных светлее остальных и имеющих к тому же на ушах светлые пятна. Однако разница в окраске была едва уловимой. Но как раз в это время где-то на севере страны поймали слона якобы и на самом деле белого. Его должны были привезти к королю.

«В назначенный день весь город был охвачен праздничным возбуждением, всем не терпелось посмотреть на это новоявленное чудо,— пишет К. Бок, которому довелось присутствовать при торжественной выгрузке с корабля этого священного животного.— Меня следовало бы заподозрить в дальтонизме, если бы я стал утверждать, что животное это было «белым». Нет, белым его никак не назовешь, но тем не менее это был настоящий, доподлинный альбинос: все тело его было бледновато-розовым, с коричневым налетом, а на спине росло несколько белых жестких щетинок. Радужная оболочка его глаз, окраска которой служит верным признаком альбинизма, была бледно-желтого цвета. Выглядел он очень мирным; правда, корнак вел его на веревке, а не восседал на нем верхом. Полная отрешенность и уравновешенность слона составляли резкий контраст по отношению к царящему вокруг всеобщему возбуждению»

Так что нет сомнения, что белые слоны все же иногда встречаются. Редко, но встречаются. Правда, авторитетные лица прошлого столетия утверждают, что «белеть» подобным слонам немножко помогали при помощи тщательного мытья, отбеливания, а то и просто белой краски... Как легко таким способом обмануть даже критически настроенных людей, я знаю по собственному опыту.

Однажды (по-моему, это было в 1947 или 1948 году) наш Франкфуртский зоопарк решил устроить первоапрельскую шутку для прессы и публики. С этой целью мы накануне ночью обрызгали нашу крупную азиатскую слониху из распылителя побелкой. После этого наша добрая старая Симла стала действительно такой ослепительно белой, что в Таиланде ее непременно бы приняли за олицетворение Будды собственной персоной. А за несколько дней до первого апреля мы поместили в газетах маленькую заметочку о том, что белый слон, который из Таиланда отправлен в Копенгагенский зоопарк, проведет день или два, транзитом, во Франкфурте, где и будет выставлен для обозрения. Смеха ради мы взимали еще пару грошей доплаты к входным билетам с тех, кто желал посетить в эти дни слоновник и полюбоваться на чудо-животное.

Но мы не предусмотрели, как далеко может зайти наша шутка!

Уже с самого раннего утра в зоопарк заявили американские фоторепортеры, которые принялись снимать «белого слона» со всех сторон — оказывается, они приняли все это дело за чистую монету. Радио оповестило всех о небывалом проезде госте, и ночью меня поднял с постели звонок из одного американского пресс-агентства, которое желало знать, что же на самом деле происходит: все скандинавские газеты широковежательно сообщали о скором сенсационном прибытии из Бирмы чудо-слона, и только один директор Копенгагенского зоопарка ничего не знал о свалившемся на него счастье... Вскоре последовал и встревоженный звонок из Дании: какой слон? откуда? Не без труда мне удалось тогда всем объяснить, что это была всего лишь первоапрельская шутка, которая так взбудоражила пол-Европы. Подробнее об этом и о многих других смешных и грустных зоопарковских историях я рассказал в своей книге «Двадцать животных и один человек».

Поэтому, и только поэтому, я проявил поначалу такое недоверие к снимкам, присланным из Рангуна, на которых был изображен такой блистательно белый слоник. Но тот-то слоник и на самом деле оказался настоящим альбиносом.

Глава VII

Чудо Казахстана

Как феникс из пепла

Сайгаки снова на марше

Истребленное животное — сегодня
самое многочисленное из всех диких
копытных Советского Союза

Зимой половина погибает — к осени их
опять столько же

Почему самцы гибнут первыми?
Гаремы и «родильные дома»

Остров, с которого не возвращаются

Как опасно иметь рога

Оказывается, добраться до сайгаков вовсе не так просто! Для этого надо долететь до самого Казахстана. А попасть в Казахстан мне хотелось обязательно. Ведь именно там при Советской власти удалось провести потрясающее мероприятие по охране природы, достойное войти в хрестоматию. Вымирающий вид животного, от которого осталось всего каких-нибудь несколько сот особей, за три десятилетия был превращен в самый многочисленный вид из всех встречающихся в Советском Союзе диких копытных. За счет сайгачатины сейчас обеспечивается потребность в белковом питании

сотен тысяч людей, причем на землях, абсолютно непригодных по своим качествам для хозяйственной деятельности человека.

И вот я уже у цели. Внизу, у трапа, стоят с громадными букетами профессор Слудский из Казахской Академии наук и работники Алма-Атинского зоопарка. Перед вылетом я заблаговременно дал телеграмму директору зоопарка С. Константиниди, потому что мне было известно, что в этом городе «на краю света» есть хороший большой зоопарк. В ответ на последнее пасхальное поздравление, разосланное Франкфуртским зоопарком во все зоопарки мира, я получил от коллектива Алма-Атинского зоопарка пространную ответную телеграмму. На нашей пасхальной открытке были изображены два солдата, вонзающих друг в друга штыки своих винтовок, а вокруг них стоят львы, слоны, буйволы, медведи, жирафы — словом, животные, которые никогда не убивают особей своего вида, и с удивлением взирают на то, что творит «венец создания»... Лондонский «Панч» («Punch»), а также французские, американские и московские газеты просили у нас тогда разрешения перепечатать у себя эту карикатуру, принадлежащую перу А. П. Вебера. Я намеревался предложить С. Константиниди купить у нас или выменять на что-нибудь молодых африканских бегемотиков, которых мы весьма успешно научились разводить у себя во Франкфурте. Но оказалось, что у него они уже есть. Я удивился: так далеко в Азии — и есть?

Зоопарк здесь относительно молодой — основан в 1937 году; занимает 38 гектаров. Но это замечательный парк: в нем 1800 животных 200 различных видов, живущих частично в весьма современных вольерах. Обслуживающего персонала — 200 человек, а посетителей, ежегодно стремящихся попасть в парк, — около 1,5 миллиона.

Каждый вечер мы сидим вместе с научными сотрудниками и служащими зоопарка, и я часами рассказываю им о животных Африки и разных других частях света, а они рассказывают мне о Сибири, Монголии, северных морях, ну и, разумеется, о Казахстане. Приглашают меня выступить и по Казахстанскому телевидению.

Алма-Ата — один из красивейших городов мира, об этом я прочел еще дома, в новейшем издании энциклопедии Брокгауза. Там, где еще 50 лет назад находился всего лишь скромный русский форпост, сегодня живет около миллиона жителей, на каждого из которых приходится по 8,5 квадратных метра зеленых насаждений и по 10 огромных деревьев, высаженных вдоль тротуаров. Когда-то по этим местам проходил знаменитый «шелковый путь», по которому верблюдья караваны везли из Китая тюки шелка, направляясь через теперешний Фрунзе и Ташкент на Ближний Восток. На сегодняшний день этот «шелковый путь» превратился в широкую автостраду, по которой нескончаемым потоком спешат машины. Весной воздух Алма-Аты напоен ароматом цветущих яблонь, вишен и урюка. Недаром, Алма-Ата по-казахски означает «Отец яблок». По арыкам вдоль обочин дорог и парков весело журчит кристально чистая вода, сбегаящая с тающих горных ледников.

...На многих площадях города бьют фонтаны, много здесь красивых

зданий, магазинов, парков, есть и детский парк, по которому курсирует ребячья железная дорога. Есть и русские, и казахские театры. В бурно развивающейся республике много различных национальностей.

В один из дней мои новые знакомые — профессор-зоолог Е. Гвоздев, А. Слудский и другие — засовывают меня вместе со всей моей аппаратурой в машину и везут по новому прекрасному шоссе вверх, в горы за 100 километров, к озеру Иссык. Здесь ледники окаймляют яркую зеленовато-синюю водную гладь, по которой скользят прогулочные катера и лодки, а на берегу — ресторан, туристический лагерь с домиками на четырех человек каждый, детские пионерлагеря, водопады.

Рядом с нами на берегу расположилась группа проводниц из поезда «Алма-Ата — Москва». Расстелив на траве белые скатерти, они водрузили на них целые горы пирожков, бутербродов, сыра, фруктов. Я должен непременно с ними сфотографироваться, меня угощают водкой, просят танцевать и петь. Какой-то молодой человек заговаривает со мной по-немецки: он из семьи немцев Поволжья, но рожден уже в России.

Казахстан состоит не только из одних колхозных плодовых садов, необъятных полей пшеницы, рудников по добыче цветных металлов, тучных пастбищ и гидроэлектростанций. Нельзя забывать, что половину всей страны составляют пустыни. И в этой пустыне когда-то обитало много миллионов причудливых животных.

Почти две тысячи лет назад греко-римский географ Страбон уже описывал этих удивительных копытных под названием «сайга». Он писал, что питьевую воду они набирают «про запас» в свой напоминающий хобот огромный нос и по нескольку дней носят с собой. А. Баплан в 1660 году сообщал, что у сайги отсутствует переносица, что мешает ей управлять своим огромным свисающим носом, и поэтому она вынуждена пасться, пятясь задом. Надо сказать, что это и на самом деле какие-то весьма нескладные на вид существа — с громадным бесформенным носом, на тонких ножках, ростом с овцу. Они не производят столь элегантного впечатления, как антилопы Африки или Индии. Но в близком родстве с ними и не состоят. Среди жвачных сайга составляет отдельное подсемейство *Saiginae*, в которое входит один-единственный вид *Saiga tatarica* L.

В ледниковый период, когда еще существовали шерстистые носороги и длинношерстные мамонты, сайгаки паслись огромными стадами во всех степях Европы и Азии, от Англии через Германию и Россию, вплоть до Сибири и Аляски. Их кости и по сей день находят в Западной Европе. Но даже еще в XVI и XVII веках западная граница их ареала доходила до предгорий Карпат и Буга. Знаменитый исследователь и путешественник Паллас в 1773 году писал из киргизских степей, что численность сайги столь велика, что его казаки могут ловить их столько, сколько душе угодно. Другой ученый — Эверсманн — видел их в 1850 году переплывающими нижнее течение реки Урал в «неимоверном количестве», вся степь между Волгой и Уралом была буквально ими усеяна.

Точно так же как в наше время носороги в Азии и Африке истребляются из-за суеверия китайских лекарей, которые воображают, что могут изготовлять из их рогов средство от импотенции, так же и сайгакам в прошлые века приходилось прощатся с жизнью из-за китайцев. Одни только бухарские и хивинские купцы с 1840 по 1850 год продали китайцам не менее 344 747 пар полупрозрачных, словно восковых, ребристых сайгачьих рогов. При этом мясо этих животных бросали. Охотились на сайгаков из укрытий возле водоемов либо гнали верхом стадо в сторону цепи стрелков. Охотились на сайгаков с помощью борзых собак и ловчих соколов; зимой этих копытных выгоняли из тростниковых зарослей на гладкий лед озер, по которому они не в состоянии были двигаться, и забивали там дубинками.

Но всего этого было мало. Изобретательные люди возводили в степи длинные заборы, постепенно сходящиеся наподобие воронки. Расстояние между заборами с одного конца составляло примерно пять километров, а с другого оставался лишь узкий проход. Сайгаков загоняли туда тысячами, а то и десятками тысяч, а когда обезумевшие от страха животные начинали, давя друг друга, протискиваться сквозь узкий проход в конце «воронки», их там встречали заостренные колья, о которые они распарывали себе животы и грудные клетки. При таком необыкновенно жестоком «безружейном методе» охоты добывались тысячи сайгаков, но еще больше убегали искалеченными...

Вот таким образом антилопа-сайгак, пережившая, как вид, многие тысячелетия, начала быстро исчезать с лица земли, как только поближе познакомилась с человеком.

В суровую зиму 1828/29 года сайгаки полностью вымерли в степях между Волгой и Уралом. С тех самых пор стада «европейской сайги», обитавшей западнее Волги, в течение целых 100 лет не воссоединялись больше с азиатскими стадами. А к концу первой мировой войны сайгу уже причисляли к видам животных, не имеющих шансов выжить. Это была ближайшая кандидатура в список животных, которых человек за последние 200 лет заставил окончательно исчезнуть с нашей планеты. Под натиском хозяйственной деятельности человека с его плугами и сенокосилками, продвигавшейся все дальше с севера на юг — в степи и полупустыни, жизненное пространство этих диких копытных катастрофически уменьшалось. Лишь на самой крайней границе Европы, в Калмыкии, оставалось буквально несколько дюжин сайгаков, да еще кое-где в Азии, например на Устюрте, в долине Сары-Су, в общей сложности не более 1000 голов. Потерянный, вымирающий вид...

И к счастью, в самый последний момент, как говорится, за пять минут до того, как окончательно опустится занавес, в 1919 году в РСФСР был издан запрет на отстрел антилопы-сайги, а вслед за ним в 1923 году такой же запрет вышел и в Казахской республике.

Вместе с тем русские зоологи начали пристально изучать жизнь этого вымирающего вида. Кто же были эти люди, спасшие сайгу от полного истребления и помогшие ей «восстать из пепла»? В первую очередь здесь следует назвать московского профессора А. Г. Банни-

кова с целой группой сотрудников, а затем профессора А. А. Слудского из Алма-Аты.

И вот теперь они оба любезно согласились посвятить меня в замечательный гигантский эксперимент, показать мне, каким образом удалось добиться того, чтобы сайга к концу двадцатых годов начала медленно, но верно заселять вновь свои прежние угодья в Европе, а с тридцатых годов и в Казахстане.

Сначала пробовали установить, сколько и где осталось последних групп сайгаков, развезжая по степи на машинах. Но затем поняли, что учет можно вести только с самолетов. Иногда наблюдение велось одновременно с восемью самолетов. Но поскольку наименьшая скорость у них составляла 125—150 километров в час (в отличие от значительно более «медленных» самолетов, которые мы использовали в Африке при учете стад диких копытных в Серенгети), да еще и потому, что рыжеватый цвет шерсти этих животных сливается с общим фоном степи, заметить сайгаков с воздуха оказалось тоже довольно трудным. Лучше получалось по вечерам — в это время бегущие антилопы отбрасывают длинные тени, по которым их можно обнаружить. С целью учета сайгаков самолеты налетали 40 тысяч километров — расстояние, равное экватору.

Помощники профессора Банникова поместили затем более 20 тысяч новорожденных сайгачат. Прежде всего исследователям предстояло выявить, зачем и куда кочуют стада сайгаков, точно так же как нам пришлось проделать это со стадами гну и зебр в Танзании. Ведь сайгаки вечно кочуют, они всегда в пути. Очень точно предчувствуя изменения погоды, могущие привести к засухе или сильному снегопаду, они стараются откочевать в другие районы. Если они пасутся, то продвигаются довольно медленно — три — шесть километров в час. Лишь мимо человеческих поселений они стараются проскочить побыстрее, увеличивая свой темп до 20 километров в час. И только зимой, в бескормицу, они в некоторых местностях решаются подходить довольно близко к домам. Но если погода начинает портиться всерьез, то есть при сильном снегопаде, грозящем полностью отрезать животных от кормных мест, то случается, что сайгачье стадо продвигается за двое суток 120, а то и все 200 километров к югу. В обычные же несуровые зимы с частыми оттепелями сайгаки бредут не спеша по талому снегу, отходя в периоды заморозков подальше к югу, где снежный покров редко превышает 10 сантиметров и где он на окаймляющих Каспийское море солончаках быстро тает. С началом же оттепели сайгачьи стада начинают снова потихоньку двигаться на север: там в это время больше корма.

А вот при наступлении сильных холодов и в многоснежные зимы сайгакам приходится, как говорится, бежать наперегонки со смертью. Тогда они движутся строго по направлению ветра, не разбирая дороги, пересекая железнодорожное полотно, мимо человеческих поселений, не страшась никакой опасности: только бы побыстрее. Волгу сайгаки пересекают лишь зимой. В суровую зиму 1953/54 года при резком западном ветре по волжскому льду переплывались на другую сторону целые полчища сайгаков. В особенности тяже-

лые бескормные зимы, которые перепадают примерно раз в 10 или 12 лет, при сильных снегопадах, ураганном ветре и больших морозах несчастные животные нередко забредают на лед Каспийского моря, где пытаются прокормиться за счет засохшего тростника, камыша и хвороста, отчего вскоре погибают. Если снежный покров толщиной более 20 сантиметров продержится дольше двух недель — это верная гибель для сайги. А поскольку во время сильных снегопадов все животные одновременно направляются в одну и ту же сторону, то такое стадо лавинообразно нарастает до огромных размеров.

В общем и целом сайга смещает места своего летнего выпаса зимой к югу на 250—400 километров. Особенно засушливые годы, например с 1945 по 1951, или снежные, вроде с 1948 по 1950 или 1953/54, вынуждают сайгу совершать более длительные кочевки. И несмотря на то что в суровую зиму 1953/54 года из восстановленной «европейской» сайги, численность которой тогда уже достигла 180 тысяч голов, 80 тысяч погибло от голода и холода, тем не менее оставшаяся часть в поисках кормов вынуждена была разбрестись далеко по соседним районам, и, таким образом, этим неутомимым животным удалось снова занять свои некогда утерянные владения.

Несметные кочующие стада сайгаков представляют собой незабываемое зрелище. Случается, что они идут непрерывным потоком шириной от одного до 1,5 километра. Иной раз в течение пяти-шести дней мимо вас непрерывно может следовать со скоростью 10—20 километров в час полчище в 60, а то и в 100 тысяч голов! Так было, например, весной 1958 года, когда непогода задержала их дольше обычного на юге и, торопясь поскорей попасть в места окота, сайгаки шли безостановочно, даже ночью.

И вот что интересно: из множества видов растений, входящих в меню степной антилопы, 13 процентов не потребляется ни какими другими дикими животными, ни домашним скотом (из-за наличия в них ядовитых веществ или повышенного содержания соли). Но именно такие растения и составляют наиболее привычное питание сайги. Пока в степи еще можно найти сочные стебли, сайга не пьет. Но по мере продвижения засухи на север животным приходится каждый день покрывать все большие расстояния, чтобы добраться до еще зеленых растений. И только с наступлением настоящей засухи они начинают искать воду. Причем на водопой сайгаки идут гуськом, выстроившись цепочкой. При этом они раздувают свой «хобот», покачивают им слегка из стороны в сторону, входят ногами в воду и жадно пьют, сдвинув нос в сторону. В воде каждая особь проводит не больше семи-восьми минут.

Их комичные носы выдают тот факт, что эти животные уже испокон веков приспособились к быстрому и продолжительному бегу по пыльной степи: передние полости носовых ходов способны широко раздуваться, а ноздри обращены вниз, и притом маленького размера. Как правило, при вскрытии таких носов в них находят комки спрессованной пыли, сцементированные слюной. Нечто подобное, но уже не столь явно выраженное можно найти и у крупных

африканских антилоп-топи, некоторых мелких антилоп-дукеров, а также у верблюдов.

Обычно сайгаки бегут иноходью, развивая без особых усилий скорость от 70 до 80 километров в час. Если же они спасаются бегством, то прежде всего подсакивают высоко в воздух, чтобы лучше рассмотреть, откуда им угрожает опасность, а потом уж переходят на галоп. Спасаясь бегством, они стараются придерживаться равнинной местности, такой, как высохшие ложа озер и другие, а препятствия оббегают кругом, вместо того чтобы перепрыгивать через них. Слух у них неважный, и обоняние тоже не играет столь уж важной роли, потому что для их родины характерны воздушные течения, резко поднимающиеся вверх. Зато зрение у сайгаков превосходное: опасность они замечают на расстоянии, превышающем одну тысячу метров!

Самцы-сайгаки, как ни странно, предпочитают более зрелых девиц молодым. Большой период брачных игр наступает в конце ноября, когда становится холодно и неуютно. К этому времени самцы уже нагуляли себе жирок — жировой слой, в особенности на крупе, достигает у них трех-четырех сантиметров, а громадный нос раздут пуше прежнего. Теперь он свисает как настоящий хобот и покачивается из стороны в сторону. Элегантным это, на наш взгляд, никак не назовешь... Под глазами у влюбленных кавалеров отрастают густые пучки длинной шерсти, а на шее с обеих сторон свисает грязно-бурая грива, по которой теперь становится легко отличить самцов от самок даже на большом расстоянии. Из подглазничных желез у них вытекает бурая, сильно пахучая жидкость. По этому запаху самец в состоянии обнаружить своих соперников даже ночью. У одного самца в гареме бывает от двух-трех до двадцати и даже тридцати самок, которых он постоянно гоняет в кучу и за которыми зорко следит. В период гона самец ничего не ест, только время от времени подбирает и заглатывает снег.

У сайгаков принято отбивать друг у друга возлюбленных. Вот какой случай описывает наблюдатель А. Фандеев.

Сайгак — владелец гарема из 16 самок заметил другого самца, с несколько меньшим гаремом, состоящим всего из девяти самок, и тотчас же направился к нему. Соперники с такой силой стукнулись рогами, что более слабый обладатель меньшего гарема потерял равновесие и свалился с ног. Его противник тотчас же похитил у него трех самок и погнал к своему гарему. Через минуту бой повторился. После сильнейшего удара более слабый соперник снова свалился на землю, а победитель пригнал теперь уже и всех остальных его самок к своему гарему. Весь бой длился не больше пяти-шести минут. Но удары были столь мощны, что побежденный самец еще в течение восьми минут был не в состоянии от них опомниться и продолжал неподвижно лежать на земле. Однако по прошествии этого времени он внезапно вскочил и побежал к стаду своего соперника. Вместе с тремя своими самками, которые держались с краю чужого гарема, он поспешно бросился прочь. Погони не последовало, но владелец

большого гарема немедленно согнал свое разбредшееся в разные стороны стадо в тесную кучу.

Основной брачный период длится только семь-восемь дней, однако гаремы сохраняются еще и в последующие 45 дней, в течение которых самцы покрывают уже молодых, годовалых самок, оставленных прежде без внимания. Самкам этим, как правило, нет и года, а всего семь с половиной — восемь месяцев, поскольку на свет они появились только весной того же года.

Но вот наконец брачный период завершен, и гаремы объединяются снова в общие большие стада. Теперь бывшие соперники, которые еще два дня назад так бешено дрались между собой, мирно пасутся рядом, не обращая друг на друга ни малейшего внимания. Теперь у них, надо сказать, есть все основания позаботиться о себе. Ведь у сайгаков происходит нечто схожее с пауками: вскоре после свадьбы большинству самцов предстоит погибнуть, даже если самки их и не убивают и не сжирают, как это делают новобрачные паучихи... Тут все обстоит несколько иначе. Ведь самки в период любовных игр отнюдь не постыятся, а продолжают преспокойно нагуливать жир, и то время как их измученные возлюбленные вынуждены встречать суровую зиму в тощем, обессиленном состоянии. Поэтому к марту они обычно массами погибают; в суровые зимы падеж самцов уносит добрую половину всего их поголовья. А скудный зимний корм достается беременным самкам: ведь именно от них теперь зависит сохранение вида. Хорошо хоть, что молодые самцы не становятся еще половозрелыми к ноябрю, как их сестры. Это позволяет им пережить зиму и подготовиться к тому, чтобы взять на себя ответственную функцию по сохранению вида следующей осенью. Молодых самцов-однолеток вожак гарема никогда не прогоняет из стада. Из самок старших возрастов беременеет 96 процентов, из молодых — 86. У трех из четверых сайгачих бывают двойняшки; тройни, правда, не встречаются никогда.

Такая необычайная плодовитость да в придачу умение при помощи быстрых ног спастись от непогоды и холодов — вот разгадка секрета сайги; так ей удастся выживать на столь скудных землях, да еще и нагуливать на них жир.

Помимо постоянного истребления человеком случались и просто зимы массовой гибели сайги: в 1855, 1866, 1879, 1891, 1903, 1917, 1927, 1948, 1950, 1953 годах. После одного такого «джуга» в 1949/50 году погибла половина всех антилоп. А снежной зимой 1953/54 года, когда высота снежного покрова достигала от 40 до 60 сантиметров, а мороз — 40 градусов, западнее Волги погибло 40 процентов этих несчастных животных. Первыми погибали старые, потом молодые самцы, а под конец — как старые, так и молодые самки. Однако уже спустя год после этой массовой катастрофы стадо сайгаков западнее Волги вновь восстановило свое прежнее поголовье.

На свет появляется одинаковое число сайгачат обоего пола, следовательно, 1 : 1, однако у взрослых особей это соотношение уже резко меняется — 1 : 2,6. После некоторых особенно суровых зим в живых остается не более трех-четырёх процентов самцов.

Именно благодаря своей способности убегать от плохой погоды в одну из суровых зим пало лишь от 30 до 40 процентов от всего стада, в то время как поголовье джейранов, обитавших в той же местности, уменьшилось на 80—90 процентов. Джейранам после этого еще в течение 10 лет не удавалось восстановить свою былую численность, в то время как сайгачье поголовье восстановить за один-два года. Здесь мы наблюдаем такой феномен природы, когда за многие миллионы лет у определенного вида выработалась совершенно необычайная способность выживать на самых бедных пастбищах, несмотря на периодические стихийные бедствия. А человеческая несознательность чуть было не уничтожила такое необыкновенное чудо!

Ежегодно в конце марта — начале апреля сайгачьи стада откочевывают из низин Каспийского побережья в северном направлении иногда на 300—350 километров. Там находятся их «родильные дома» — плоская, лишь слегка всхолмленная равнина, поросшая невысокой редкой травой. Точно так же как зебры и гну в Серенгети, они приносят на свет своих детенышей отнюдь не в высокой густой траве, где они, казалось бы, надежно скрыты от глаз хищников, а, наоборот, на совершенно открытой, почти голой земле. Оказывается, что для сохранности детенышей гораздо важнее тот факт, чтобы хищники не могли незаметно подкрасться, прячась в густых зарослях растительности.

И вот в начале мая вся степь оживает, шевелится, наполняется звуками: блеянием молодняка и ответным блеянием самок. Самки с детенышами повсюду — до самого горизонта. Большая группа рожениц иногда может занимать территорию в 300 квадратных километров!

При подсчете с воздуха число животных достигает порой от 150 до 200 тысяч. 95 процентов из них — самки с детенышами.

Только спустя шесть или восемь часов после своего появления на свет сайгачата принимают сосать материнское молоко. В первые дни своей жизни они лежат неподвижно, прижавшись к земле, и сосут молоко всего в течение нескольких секунд или минут, а потом снова затаиваются. Сайгачье молоко содержит 6,7 процента жира и 5,4 процента белка, следовательно, оно питательнее коровьего. Но уже с третьего или четвертого дня после рождения сайгачата начинают закусывать молоко травой, а в возрасте двух или двух с половиной месяцев питаются уже исключительно только зелеными кормами; редко какой детеныш еще подойдет к вымени матери, чтобы напиться молока.

Даже новорожденного, однодневного сайгачонка человеку не так-то легко догнать, если тому вздумается от него убегать. Но к счастью, малыши лежат так неподвижно, судорожно прижавшись к земле, что ничего не стоит к ним подойти и взять их в руки. Мать при таких обстоятельствах обычно отбегает метров на 500—600 в сторону, а затем, описав большую дугу, возвращается назад. Но уже в возрасте четырех-пяти дней от рода сайгачата, как правило, сразу же убегают при приближении опасности. При этом они проявляют одну

свою удивительную способность — внезапно исчезать. На полном скаку они вдруг резко бросаются на землю и становятся невидимыми, поскольку окраска сливается с фоном степи. Преследователь тут же теряет их из виду, а отыскать их практически невозможно. Когда мать-сайгачиха в поисках своего детеныша с блеянием возвращается назад, к ней, как правило, с жалобным криком бегут навстречу сразу несколько сайгачат. Но она лишь обнюхивает их и оставляет: ей нужен только свой. А собственный детеныш будет кричать непрерывно до тех пор, пока не появится мать. В пяти-шестидневном возрасте сайгачата уже способны в течение 27—30 минут бежать со скоростью 30—35 километров в час. А в возрасте десяти дней они в состоянии бегать столь же быстро и продолжительно, как взрослые особи.

Спустя восемь — десять дней после начала окота самки с детенышами уже покидают свои «родильные дома». Теперь они пускаются в путь, собираясь в огромные стада, и уже через несколько дней их можно найти на расстоянии 200—250 километров от этих мест. Шум, создаваемый кочующим стадом, нарастает и становится явственно различим за несколько километров; о приближении стада сайгаков говорит и огромное облако пыли, поднимающееся к небесам. Если на пути стада стоит машина, оно просто «обтекает» ее со всех сторон.

Не считая человека, главным врагом сайгаков является волк. Правда, догнать отдельно взятую здоровую особь волком не под силу, но зато ослабленные зимой, после брачного периода, самцы, беременные на последнем месяце самки, ну и, конечно, много детенышей становятся их жертвами. В высоком снегу сайгаки беспомощны против волков, потому что легче проваливаются в снег, чем их преследователи (давление их острых копыт на каждый квадратный сантиметр снеговой поверхности в четыре с половиной раза больше, чем у волка с его широкими мохнатыми лапами). Кроме того, волки, как известно, охотятся стаями; антилопы же, как и большинство других диких копытных, спасаясь бегством, описывают дугу, возвращаясь постепенно, как правило, к исходному пункту. А там их ждет другая часть волчьей стаи, не принимавшая участия в погоне.

В пятидесятых годах нашего века в Казахстане на каждую сотню сайгаков приходилось по одному волку, и хищники эти уничтожали 20—25 процентов сайгаков. Но затем начала проводиться непримиримая борьба с волком, когда за шесть лет было отстрелено 80 тысяч хищников. Последовало резкое увеличение поголовья сайги. Что же касается европейской части ареала, западнее Волги, то там с самого начала численность волков была столь незначительной, что никак не влияла на поголовье сайгаков. Будем надеяться, что устранение волков не повлечет за собой тех печальных последствий, которые случались уже не раз, когда истребляли естественных врагов какого-либо вида животных. Ведь волки помогают избежать «перенаселенности» копытными отдельных местностей и способствуют естественному отбору, истребляя больных и ослабленных особей.

Итак, взрослым сайгакам, кроме человека, можно сказать, никакой враг не страшен. Зато на новорожденных сайгачат очень даже есть

кому позариться: тут и степной орел, и беркут, и ворон, и лисица. В случае нападения с воздуха сайгачиха обычно подсакивает высоко в воздух и старается ударить птицу копытами или головой. Между прочим, те же самые прыжки они совершают, когда самолет на бреющем полете пролетает низко над степью, где расположены «родильные дома».

Каждый десятый детеныш погибает уже в первые дни своей жизни. Порой их погибает даже еще больше. Так, например, в мае 1947 года, во время сильной засухи, погибло 20 процентов сайгачат. В мае 1959 г. — даже целых 60 процентов. Но и при обычных погодных условиях к концу первого года жизни из пяти горбоносых сайгачат в живых остается лишь два. И тем не менее это совсем немало, если учесть, что каждая самка ежегодно производит на свет в среднем по 1,6 детеныша.

В прежние времена на сайгаков зачастую нападал особый вид овода, который откладывал им под кожу свои яйца. Вокруг вылупившихся из яиц личинок образовывались болезненные гнойники, доставлявшие сайгакам немалые страдания. Но с конца XIX века с этой ужасной пыткой было покончено. По-видимому, в какой-то момент численность горбоносых антилоп настолько упала, что оставшихся особей просто не хватало на то, чтобы биологический цикл этого опасного паразита не оказался нарушенным. Таким образом, овод вымер прежде, чем его животное-хозяин. И хотя сайгаки с тех пор уже снова достигли своей прежней численности, паразит их так и не оправился — он исчез бесследно. А вот у антилоп, обитающих в Монголии, овод так и не перевелся.

Случается, что и ящур, это страшное заболевание домашнего скота, переходит на сайгачьи стада. У самцов от этого отламывается верхняя часть рогов, а молодой погибает почти целиком. Во время одной такой эпизоотии на каждого живого сайгачонка приходилось по два мертвых, а в общей сложности удалось насчитать 40 тысяч трупинов. Однако урон среди взрослых антилоп был не так уж велик: девять процентов от всего стада. Суровая зима приносит значительно больший ущерб.

С началом зимы сайгаки откочевывают из степей к югу, в пустыню. Шерсть их к этому времени светлеет, приобретает серый оттенок и теряет свой блеск. Там, в заснеженной пустыне, они выкапывают из-под снега полынь, богатую белками и жирами. У них, как и у всех раскапывающих снег копытных, — длинные острые копыта. А вот лошади Пржевальского, а также куланы, или дикие азиатские ослы, те не в состоянии своими круглыми короткими копытами как следует разгрести снег. Поэтому, когда к их естественным врагам прибавился еще и человек в качестве охотника, их поголовье катастрофически быстро пошло на убыль, пока не исчезло вовсе. А горбоносые маленькие антилопы оказались в этом отношении устойчивее и продержались значительно дольше.

Сайгаки, как типичные степные животные, испытывают неизлечимый страх перед кустарниками. Они стараются держаться от них подальше. Следовательно, они никогда не вредят древесным насаждениям. То же самое относится и к полям ржи и пшеницы. На одном

квадратном километре ржаного поля, по которому прошло стадо сайгаков, найдено всего каких-нибудь 15—20 оборванных колосьев. Животные аккуратно прошли гуськом в междурядьях ржи. Поскольку они предпочитают в качестве кормов растения высотой примерно 15—20 сантиметров, то даже во время засухи и в разгар лета почти никогда не заходят в посевы кукурузы; правда, обходя их, иногда сильно затаптывают по краям. Так что, как видите, ущерб, наносимый ими сельскому хозяйству, отнюдь не велик.

А остановить колесо фортуны удалось действительно буквально в самый последний момент. Правда, поначалу запретами на охоту удалось добиться немногого, разве того, что последние пары сотен оставшихся в живых сайгаков не были выбиты. Но потом, в середине двадцатых годов, в европейской части популяции западней Волги начали замечать постепенное увеличение их поголовья; в Казахстане оно стало ощутительным к тридцатым годам. Во время второй мировой войны, когда в степи оставалось мало скота, но и меньше людей, процесс этот еще убыстрился. В районах западнее Волги в каждом более или менее крупном населенном пункте был учрежден егерский пост, где работало в общей сложности 25—30 человек. Егеря разъезжали на мотоциклах по степи, вели борьбу с браконьерством и дважды в месяц должны были представлять отчеты о состоянии дел в подведомственном им районе. Но прежде всего им вменялось в обязанность охранять «родильные дома» от бродячих собак, которые прежде ежегодно утаскивали уйму новорожденных ягнят.

После того как лавина пришла в движение, она нарастала уже с каждым годом все больше и больше. В 1947/48 году в Казахстане насчитывалось снова столько же сайгаков, как 100 лет назад. В 1951 году их было там около 900 тысяч, в 1960 году — уже 1,3 миллиона. Еще дальше к востоку, в Монгольской Народной Республике, к 1955 году тоже издали закон о запрещении охоты на сайгу.

К 1954 году сайгаки распространились по степи настолько широко, что подошли к самым границам земель, занятых под сельскохозяйственные культуры. Они заселили всю территорию, которую им сейчас может предоставить человек. Это отнюдь не мало: в азиатской части Советского Союза это два миллиона квадратных километров, в европейской — еще 150 тысяч, что равняется половине территории всей Европы. Однако в таких засушливых степях и полупустынях произрастает в лучшем случае от двух до семи центнеров зеленой массы на каждый гектар. Больше чем одна антилопа на одном квадратном километре здесь не прокормится.

Поэтому начиная с середины пятидесятых годов было разрешено использовать часть поголовья сайгаков на нужды человека. С этой целью был создан Астраханский промхоз — государственное охотхозяйственное учреждение. Каждый год ведется учет животных с самолета, летающего над территорией «родильных домов», а затем повторно осенью, незадолго перед открытием охоты. Государственные охотничьи бригады отстреливают сайгаков, выезжая темными ветреными ночами на машинах в степь и освещая стада прожекторами. Частным лицам подобная охота категорически запрещена.

Такая бригада, состоящая из пяти человек, медленно едет по степи со скоростью 15—20 километров в час. Даже в обычном свете фар антилоп можно обнаружить на расстоянии до двух километров по их отвечающим зеленым глазам. Подъехав к стаду на расстояние 100—200 метров, машина останавливается, и включается сильный прожектор. Пораженные ярким сиянием, сайгаки останавливаются или даже начинают подходить ближе, точно так же как мы это наблюдали у газелей Томсона в Восточной Африке, когда отлавливали их для мечения. Стрелки тем временем выскакивают из машины и с близкого расстояния, в 30—40 метров, начинают отстреливать животных.

Как я уже сказал, в противоположность обычной охоте при таком способе почти не остается подранков, которые убегают и затем умирают мученической смертью. Кроме того, с такого расстояния можно легко отличить пол и возраст животных. Отстреливают главным образом молодых самцов. Прежде отстреливали старых. Но когда однажды в порядке эксперимента их число сократили до одного-двух процентов (в то время как обычно оно составляет 10—20 процентов от стада), то на следующий год оказалось в четыре — шесть раз больше яловых самок, чем обычно. Одна бригада в состоянии за пять-шесть часов уложить от 100 до 120 антилоп.

Сайгаки отличаются невероятной способностью быстро приходить в себя после «кровопускания». После появления молодняка поголовье стада разом увеличивается на 115 процентов, следовательно, в течение 14 дней оно фактически удваивается. Так что в случае отсутствия волков и бродячих собак или когда их очень мало можно смело изымать для хозяйственных нужд до 40 процентов от общего поголовья сайгаков (с учетом естественного отхода), не нанося им ни малейшего урона — число их не уменьшится.

В настоящее время в европейской и азиатской частях Советского Союза промышляется от 250 до 300 тысяч сайгаков. Однако считается, что сайгацьи стада должны разрастись до еще больших размеров. Так, в Казахстане рассчитывают на поголовье от двух до трех миллионов.

От добытых животных используется не только мясо, которое по вкусу не уступает баранине, но также и шкура, из которой выделяется хромая кожа. В дело идут и рога, из которых вырабатывается лекарство типа «пантокрин». Выпотрошенный самец дает в среднем до 25 килограммов мяса, самка — от 16 до 17 килограммов. Таким образом, на сегодняшний день в Советском Союзе ежегодно получают шесть тысяч тонн дополнительного мяса, 20 тысяч квадратных метров кожи, и все это с бросовых, полупустынных земель, которые после окончательного истребления сайги остались бы навеки пустовать.

Странно, что это, казалось бы, столь неприхотливое животное так трудно, оказывается, реакклиматизировать в былом районе обитания, из которого оно когда-то исчезло. Вот, например, Фридрих Фальц-Фейн попробовал осуществить это в степи Аскании-Нова, но выпущенные там сайгаки исчезли без следа. В то время как еще за 100 лет до этого они населяли всю южно-украинскую степь, где бродили несмет-

ными стадами. С тем же успехом их пытались в последние годы переселить на острова Азовского и Каспийского морей — все напрасно. Даже в зоопарках они редко выживают и размножаются там лишь в самых редких случаях. Как узнал я от директора Алма-Атинского зоопарка С. Константиныди, они в неволе предпочитают сочные зеленые корма питьевой воде и бывают довольны, когда воду чуть подсаливают.

В зоопарке Алма-Аты, а это значит на родине сайги, я обнаружил всего один-единственный экземпляр сайги, причем самку, сиротливо стоящую в углу большой вольеры.

— Да и та только потому не разнесла себе голову об ограду, что слепа на один глаз, — улыбается директор зоопарка.

Вот такие они, эти сайгаки. Поэтому в Московском зоопарке нет ни одной подобной антилопы, а в тех случаях, когда западноевропейские зоопарки покупают или выменивают их в Советском Союзе, то жизнь этих странных антилоп в неволе обычно бывает недолгой...

На Барсакельмесе — большом острове в Аральском море — тоже спохватились в самый последний момент. Название острова, между прочим, на тюркских наречиях означает: «Пойдешь — не вернешься». Дело в том, что в давние времена случилось, что кто-то, соблазнившись возможностью перейти зимой на остров по льду, потом не мог вернуться, потому что капризная и непостоянная погода, характерная для этих мест, нарушала ледовую связь с островом.

На Барсакельмесе реакклиматизировали куланов. На сегодняшний день их там 50 голов. А сайгаки на острове к 1929 году были уже почти полностью истреблены. Чудом осталось пять штук — все самки. Тогда решили завезти туда еще восемь, среди которых были и самцы. К 1961 году их стало уже 2 тысячи. У этого островного стада то преимущество, что оно несколько менее дикое, чем их сородичи на Большой земле. Потому что в Казахстане и на Волге их можно увидеть разве что из окна автомобиля, и то лишь на очень большом расстоянии, да еще, может быть, с самолета.

Когда нужно отловить сайгаков для проведения научных опытов или зоопарков, то делают это обычно именно здесь, на острове. Поначалу расставляли длинные сети, и загонщики, растянувшись в цепочку, теснили стадо в сторону сетей. В лучшем случае таким способом удавалось отловить от 10 до 20 запутавшихся в сетях животных. Однако сайгаки раз от разу становились все хитрее. Не добежав до сетей, они резко поворачивали назад и стрелой проносились меж машин и мотоциклов в обратном направлении. Поэтому теперь отлавливают только новорожденных антилоп или таких, которым всего несколько дней от роду. Догонять взрослых особей на автомашинах бессмысленно: они только тогда сдаются, когда бывают уже полностью вымотаны, и вскоре после этого умирают от отека легких. В течение пяти-шести дней можно маркировать ушными метками до тысячи штук новорожденных ягнят. Если их хотят вырастить в неволе, то помещают в загоны, но не более десяти в один загон, потому что иначе они при сильном возбуждении могут начать беспорядочно

метаться, топча друг друга и распарывая острыми копытами кожу лежащих.

Впрочем, сейчас решено в отдельных местах обитания сайгаков создать искусственные водопой, в частности близ мест их окота. Тогда им незачем будет совершать свои изнурительные кочевки к северу, где они сплошь и рядом попадают на колхозные поля; решено их и зимой, в случае нужды, подкармливать.

Именно эти антилопы нам, людям, уже однажды оказали большую помощь. Было это, правда, давным-давно, в эпоху оледенения, когда наши предки в Европе и Азии вынуждены были наряжаться в шкуры и прятаться в пещерах, пробавляясь одной лишь охотой. По-видимому, сайгаки в те времена оказывались наиболее легкой добычей, а главное, они после стихийных бедствий наиболее быстро умели восстанавливать свое поголовье. Во всяком случае именно их косточки особенно многочисленны в тех местах, где подолгу хозяйничали доисторические люди.

На примере сайги можно убедиться в том, какое безумие уничтожать живые существа и природные объекты вокруг нас, не созданные руками человека, заставляя их исчезнуть с лица земли. Любой вид животных создавался миллионами лет в жестокой борьбе за существование, он зачастую обладает такими свойствами, о которых мы даже и не подозреваем. Антилопа-сайга способна продуцировать на засоленных почвах пустыни, несмотря на самые суровые зимы, высококачественное мясо и кожу, чего наш домашний скот сделать не в состоянии. Просто жуть берет, когда подумаешь, что эдакое носатое чудо могло бы на сегодняшний день бесследно исчезнуть с лица земли, если бы 40 лет назад в это дело не вмешались несколько энергичных, деятельных и разумных людей!

Альпийские сурки воспрямили духом

Впадать в зимнюю спячку — большое удобство

Что на дворе — осень или зима?

Три четверти года без сознания

Сурок, который не терпел закрытых дверей

Поединок сурка с лисой

Когда мы ведем себя прилично по
отношению к ним...

Помогает ли сурочий жир против
ревматизма?

Соискатели не ревнивы

Почему они свистят?

К способности впадать в спячку мы, люди, можем относиться совсем по-разному, в зависимости от обстоятельств. В одних случаях мы восприняли бы ее как кошмарный сон, в других — как недосягаемую мечту. Ведь именно оттого, что мы боимся проснуться в темном гробу, глубоко под землей, у нас принято держать покойников три дня в открытом гробу на возвышении, прежде чем опустить их в могилу. После того как несколько десятилетий тому назад всю Европу обошли ужасные истории о впавших в мнимую смерть людях, проснувшихся ночью в гробу и потерявших от страха рассудок, в парижских моргах стали надевать покойникам на палец кольцо, шнур от которого вел в дежурное помещение. Многие лица делали в своем завещании распоряжение, чтобы врач им после смерти черерезал вены... Это одна сторона дела.

А вот другая. Мы, жители крупных городов, в наших бетонных нагромождениях из «жилых пещер», оснащенных искусственным климатом, почти перестали замечать, что на дворе — осень или зима? Но у наших предков дело обстояло совсем иначе. В своих крепостях с незастекленными окнами, при мерцающем свете смолистой лучины, воткнутой в стену, без овощей и фруктов зимой они наверняка не раз завидовали животным, которые, впадая в зимнюю спячку, безбедно просыпают все тяготы сурового времени года. А сегодняшние наши хирурги? Да они ни о чем так не мечтают, как о таком способе, который помогал бы превращать пациентов в сурков. Ведь они и так уже начали перед некоторыми операциями замораживать людей во льду, для того чтобы температура их тела снизилась, а обмен веществ затормозился. Тогда приток крови к мозгу во время операции можно прервать на нужное время.

Сейчас как раз зима, и наши зоопарковские сурки впали в спячку в своих подземных убежищах, точно так же как и их родичи — североамериканские луговые собачки. Осенью они набирали полный

рот коротко настриженной травы, так что она смешно торчала с обеих сторон изо рта словно пышные усы! Но таскали они ее к себе в норы отнюдь не в качестве запаса провианта на зиму: они утепляли ею свое жилище и затыкали все входы и выходы. Правда, должен признаться, что мы ни разу не наблюдали, чтобы какой-нибудь сурок ложился при этом на спину, наваливая себе кучу сена на брюхо, и придерживал его лапами, а его товарищи втягивали его, словно маленький возок с сеном, в нору. Подобные рассказы можно услышать в Альпах от местных жителей и прочитать в некоторых книжках. Однако достоверных наблюдений еще ни разу нигде не было зафиксировано.

Выкопав мы сейчас сурков из земли, мы нашли бы их холодными и безжизненными, с температурой тела всего четыре градуса. Их можно было бы колоть иглками, резать ножами, трубить у них над ухом — они ничего не почувствуют. Только один раз в несколько минут сердце их медленно сжимается, и тогда можно уловить едва-едва заметный вдох и выдох. Правда, за время спячки зверьки худеют, они теряют от одной до двух пятых своего веса. Но стоит им поголодать в состоянии бодрствования 12 дней, и они потеряют столько же, сколько в спячке за пять или даже семь месяцев. В то время как наши зоопарковские сурки здесь, на равнинной местности, спят по пять, а то и только четыре месяца в году, их собратья в Альпах проводят в спячке семь месяцев, а в норах, расположенных высоко в горах, даже до девяти. Следовательно, три четверти года они находятся в бессознательном состоянии и только три месяца живут «полной жизнью».

Интересно, забывают ли они, что было до того, как они впали в столь длительный глубокий сон? Нет, не забывают. Это мы знаем точно. Проверjali. Правда, проснувшись, они первые дни пребывают в дурном расположении духа — чуть что, стараются цапнуть. Но членов своей семьи они узнают безошибочно и различают их среди чужих сурков; боязливые и после спячки ведут себя так же недоверчиво по отношению к людям, а ручные остаются такими же приветливыми, как и раньше.

Биолог, профессор Оскар Кениг из Вены, как-то отнял у куницы пойманного ею альпийского сурка в возрасте 35 дней. Поначалу он бегал свободно по всей квартире и, как большинство звериных и человеческих детенышей, был ласков и доверчив со всеми. Однако по достижении семимесячного возраста сурок начал к чужим людям относиться враждебно. За членов «своей» семьи он стал признавать одну лишь чету Кенигов и большого кобеля немецкой овчарки. Он нежно их покусывал и приглашал поиграть в прятки и догонялки.

К следующей весне сурок сделался настолько проворным и активным, что с ним уже не стало никакого сладу. Он вскарабкивался на любую мебель, грыз углы, откусывал с наволочек и одежды пуговицы, ежедневно с большой старательностью опрокидывал ведро с углем, а чулки, платья, покрывала — словом, все, что ему удавалось раздобыть, утаскивал в свою жилую коробку и старательно ее утеплял. За полотенца, висящие на крючке, он дергал до тех пор, пока они не сваливались на пол. В довершение всего он еще принялся

объедать все комнатные растения в цветочных горшках. Но, желая иметь свободу, он больше всего не терпел закрытых дверей. Маленький бесенок научился с помощью зубов и когтей открывать и закрывать двери с магнитными защелками. Для большего удобства он их снизу подгрызал. Стоило только кому-нибудь закрыть за собой дверь, как сурок тут же подбегал и снова ее открывал. А поскольку он к тому же еще принялся «маркировать» пахучими метками все углы комнат и ножки мебели, обозначая «свои» владения, хозяевам пришлось скрепя сердце выдворить его в построенную в саду общую вольеру к другим сородичам-суркам. Каждый раз, когда они его потом оттуда забирали в дом и через несколько часов возвращали обратно, его товарищи поспешно подбегали к нему и обнюхивали его мордочку. Им явно хотелось не только удостовериться, что это именно он, но и полюбопытствовать, где он был и чем вкусным его кормили.

Когда в дом приходил кто-нибудь чужой, сурок, достигший уже размеров зайца, ковылял ему навстречу, нервно бил хвостом, взъерошив длинную темную шерсть, скалил зубы, поднимался на задние лапы, обхватывал передними ногу посетителя и норовил его укусить. Разумеется, подобные действия может позволить себе только ручной сурок, считающий себя существом равноправным с человеком. Дикие альпийские сурки при подобной встрече испускают резкий свист и стремглав бросаются к норе. В особо отдаленных местностях Альп сурки исчезают уже тогда, когда человек появляется на расстоянии 200 метров от них, и проходит несколько часов, прежде чем они отваживаются выглянуть из своих убежищ. Поэтому в прежние времена сфотографировать сурка в природной обстановке было делом нелегким. Приходилось подползать к нему по-пластунски, и уходило целые часы, а то и дни на то, чтобы получить хороший снимок.

В наше время положение во многих местах совсем изменилось. Так, когда едешь по Энгандинскому парку в Швейцарии, к югу, можно увидеть на обочине дороги необычный треугольный дорожный знак: посреди красного ободка черный силуэт поднявшегося «столбиком» альпийского сурка. Оказывается, совсем рядом с шоссе на дороге находится колония этих занятных зверьков. К ним можно приблизиться на пять, три, а то и два метра, и они, ничуть не волнуясь, будут вас с любопытством разглядывать. Если их вспугнуть, они неохотно, с явно недовольным видом шмыгнут в свои убежища, но тут же повернутся и будут оттуда выглядывать. Как и многие другие виды животных, они отнюдь не избегают и не боятся цивилизации, наших машин и нас самих; они просто не хотят, чтобы их убивали. Там, где к ним относятся дружелюбно, они становятся очень доверчивыми.

В нашем Франкфуртском зоопарке альпийские сурки в течение нескольких лет жили фактически на свободе. Когда они поселятся в каком-нибудь определенном месте и пророят там свои подземные ходы и норы, они несколько не заинтересованы куда-нибудь убегать или даже совершать сколько-нибудь длительные рекогносцировочные вылазки. Ведь и в горах одна такая сурочья колония «хозяйничает»

на участке, не превышающем обычно 2500 квадратных метров, то есть четверти гектара. Когда же им вот так, как в зоопарке, приносят пропитание прямо к входу в их норы и отпадает необходимость ходить «на сенокос», сурки становятся еще ленивее и теряют всякую охоту к перемене мест. Наши сурки прорыли себе ходы, отверстия которых выходили за ограду их вольеры, прямо на дорожки для посетителей. Нас это, признаться, несколько не беспокоило, вот только собаки были очень недовольны. Дело в том, что стоило какой-нибудь собаке появиться на дорожке, как из отверстия выскакивал самец-сурок, обхватывал ее за шею и старался вцепиться в нее зубами. А еще я боялся, как бы они в один прекрасный день не прорыли подземный ход в лисью вольеру. Тогда бы лисы их тут же прикончили да еще, чего доброго, сами выбрались бы через их туннели на волю.

Между прочим, исход такого поединка лисы с альпийским сурком отнюдь не предсказуем. Одному охотнику случилось наблюдать, как лиса пыталась убить сурка. Но сурок защищался столь отчаянно, что под конец оба остались лежать мертвыми на земле.

Поскольку медведи и главным образом рыси на родине альпийских сурков давно истреблены, то единственным их врагом остаются орлы, да и те теперь встречаются в Альпах очень, очень редко. Тем не менее все, что летит по воздуху, — будь то даже просто обрывок бумаги — пугает сурков до крайности. Еще каких-нибудь 100 лет назад их можно было увидеть на всех ярмарках, чаще всего в сопровождении тирольского или савойского мальчишки. Ручной зверек танцевал под звуки свирели своего владельца.

Поскольку и мы, люди, в последнее время стараемся вести себя прилично по отношению к суркам, то жить им стало безусловно выгоднее. Чего не скажешь о большинстве других диких животных! К середине прошлого столетия сурков можно было встретить лишь в отдельных местах Альп или в Татрах. На территории сегодняшней ФРГ альпийские сурки обитали лишь в районе Берхтесгадена и в западном Алгое. То, что истребление их зашло так далеко, объясняется опять же человеческим суеверием и верой во всяческие чудеса. Так, нашлись предприимчивые люди, которые, ловко используя тот факт, что сурки залегают в спячку в сырых земляных норах и тем не менее не болевают ревматизмом, пришли к смелому выводу, что сурочий жир должен служить прекрасным средством от ревматизма. А подобные вымыслы пользуются обычно успехом у простодушных людей, и поэтому сурочий жир издавна славился как прекрасное растирание при ревматизме; спрос на него был велик, а цена высока. Уже не одному виду животных суждено было исчезнуть из-за человеческой глупости, которая утверждала, что их рог, кости или шерсть способны возбуждать любовь, исцелять недуги или охранять от «дурного глаза». Но совсем худо обернулось дело для сурков, когда некий аптекарь из Шафгаузена поставил продажу сурочьего жира на широкую ногу, рекламировав его во всех газетах. Цены на сырье немедленно подскочили, и в 1944 году в Швейцарии было отстреляно 16 тысяч сурков. К чести того аптекаря должен сказать, что он дал уговорить себя возмущенным любителем природы и от-

казался от своего бизнеса, что ему высоко зачтется. Но ведь дело-то и на самом деле было «липовым»: у ревматиков без всякой пользы для них вытягивали деньги из кармана и внушали им напрасные надежды...

Сурочий жир содержит большой процент ненасыщенных жирных кислот и витамин D.

Люди, у которых в голове не одни только мысли о том, как бы побольше заработать, всегда относились к суркам с большой симпатией. То ли за их умильную привычку садиться «столбиком» — поза, в которой они напоминают веселых маленьких человечков, то ли за их необыкновенную игривость. Во всяком случае тот, кто имеет возможность тихо за ними понаблюдать, лучше всего вооружившись биноклем, тот безусловно может получить от этого немалое удовольствие. Они гоняются друг за дружкой, кубарем скатываются вниз по склону, а то встанут один против другого да как «чокнутся» передними резцами, аж стук раздастся. При этом они еще и весело пищат. Успехом пользуется у них и «бокс»: стоя один против другого и упираясь ладонями в грудь или плечи противника, они стараются столкнуть друг друга с места и при этом не дать возможности дотянуться до себя лапами.

Вот так и получается: там, где жадные до наживы и жестокие люди уничтожили альпийских сурков, там другие, сознательные, постарались их снова расселить. Почти все сурки, обитающие сейчас в ФРГ, реакклиматизированы в Альпах с 1880 года. Так, колония, обитающая сейчас возле Гогенашау в Чимгауе, ведет свое начало от восьми сурков, привезенных туда в 1887 году из Берхтесгадена. Все поголовье сурков, населяющее на сегодняшний день Штейермарк (10 тысяч квадратных километров), состоит из потомков зверьков, выпущенных там в 1883 году. То же самое относится к Каринтии, Нижней Австрии, Тиролю и другим местам. В Циллертале в 1963 году было добыто много черных сурков. В районе Зальцбурга до 1912 года их не было вовсе — сейчас их там насчитывают тысячами. В Австрии в 1955 году было добыто в общей сложности 3369 сурков. Также и в Карпатах, в югославских горах и на Пиренеях расселили альпийских сурков. Считается, что во всей Европе сейчас насчитывается от 50 до 100 тысяч сурков. Наиболее высоко расположенная в горах колония найдена на высоте 2200 метров, самая низкая — на высоте 900 метров. В 1947 году французы завезли сурков на Пиренеи, и они там прекрасно прижились. В 1954 году их выпустили на Фельдберге, после того как другие альпийские животные, а именно 12 серн, выпущенных там в 1935 году, в течение 20 лет размножились до 250 голов. Заселение различных местностей сурками — дело явно стоящее. Они почти повсюду приживаются, даже на равнине. И никто не может их обвинить в том, что они наносят какой-нибудь ущерб. В Советском Союзе также успешно было проведено расселение алтайских горных сурков.

У нас в Европе вовсе не так уж много животных, впадающих в настоящую зимнюю спячку. К ним можно отнести ежа, летучих мышей, хомяка, соню-полчка и садовую соню. Все эти животные

впадают в зимнюю спячку, как и сурки. А вот медведям, барсукам, а также белкам и кротам это свойственно в меньшей степени.

После того как сурки весной проснулись, они первым делом принимаются за генеральную уборку: сено, подстилки и всяческие отбросы вышвыриваются из норы. И уже пару дней спустя празднуются свадьбы. Нам не слишком-то много известно о брачных играх и семейной жизни альпийских сурков, потому что все это происходит главным образом под землей. И вот только недавно Ганс Пзеннер построил в своем замечательном новом зоопарке в Инсбруке искусственное подземное сооружение для сурков в разрезе — с одной стеклянной стеной, через которую можно наблюдать за обычно скрытыми от глаз семейной жизнью и выращиванием потомства у этих зверьков. Создается впечатление, что самка бывает в течке всего один день, но за это время она спаривается буквально подряд со всеми самцами своей группы. Соискатели не ревнивы, во всяком случае никаких драк между ними не наблюдается. (Примерно то же самое происходит ведь и у наших домовых крыс.) Сурчата появляются на свет через пять недель беременности, причем слепыми и почти голыми, во всяком случае шерсть на них очень редкая. Но уже спустя три-четыре недели они с любопытством выглядывают из норы наружу. В Лондонском зоопарке один альпийский сурок прожил почти 14 лет; считается, что на воле такой зверек может прожить 15—16 лет.

Сурки умеют громко свистеть, и этим широко известны. Свист они издают, обычно встав «столбиком» и опустив «руки по швам». Однако свист их вовсе не обязательно «сигнал тревоги», как часто можно прочесть в литературе. Сурок свистит во всех случаях, когда он чем-нибудь взволнован. Так, ручной сурок, о котором здесь уже говорилось, свистел безостановочно в течение 30 секунд, застряв ногой в решетке. А когда ему впервые довелось услышать гудение пылесоса, он свистел даже несколько минут подряд.

Если белочки и другие дальние родичи сурка время от времени поедают и яйца и даже птенцов, то он — строгий вегетарианец. Даже насекомых не ест. Наверное, поэтому кишечник такого относительно маленького животного имеет в длину 6,5 метра.

Но именно сурки повинны в том, что во многих районах Альп люди верят в существование некоего «гигантского лапчатого червя». Дело в том, что сурок, пробираясь по снегу, зачастую ставит заднюю ногу аккуратно в след передней, оставляя отпечатки не четырех, а только трех ног, что заставило многих людей ломать себе голову: кто бы это мог быть? Ведь все три отпечатка вместе напоминают след одной большой и мощной лапы. Не иначе как чудовище какое-то!

Вот так маленький зверек может стать иногда причиной большого заблуждения, вызывающего суеверный страх!

В гости к кавказским турам

**Несколько дней в Тебердинском заповеднике
на Кавказе**

**Как проводится учет серн и горных козлов
в условиях высокогорья?**

Сколько заповедных земель в СССР?

**Отлов альпийских горных козлов
в Гран-Парадизо**

Виртуозный прыжок или трюковые съемки?

Идеи Докучаева, воплощенные в жизнь

**Лесополосы — надежная защита
пахотных земель**

В большом концертном зале, расположенном на территории Франкфуртского зоопарка, в течение последних 20 лет не раз уж выступал хор кубанских казаков, исполняющий русские народные песни. В хоре действительно прекрасные мужские голоса. Я бы никогда не подумал, что мне доведется проезжать по их гордым станицам, мимо старинных крепостей и церквей, возвышающихся на скалистых холмах, а затем подниматься вверх по Кубани, стекающей вниз с вершин Приэльбрусья и впадающей затем в Азовское море. Но тем не менее это случилось. Сначала мои любезные коллеги из Аскании-Нова, этого знаменитого «рая для животных» посреди Таврической степи, везли меня на новом «газике» по бесконечным, прямым как стрела асфальтовым шоссе меж не менее бесконечных полей пшеницы, пока мы не достигли узкого залива, отделяющего Крымский полуостров от материка, а уж оттуда наш путь лежал меж бескрайних виноградных плантаций до Симферополя. Если бы я захотел, то имел бы возможность заехать ненадолго в Ялту и мог бы полюбоваться прекрасными курортами Черноморского побережья. Но для чего я, собственно, сюда приехал? Осматривать модные курорты или ради горных козлов? Ну разумеется же, ради козлов, вернее, туров, как они здесь называются. И для этого мне надлежало тут же, в Симферополе, пересечь на большой реактивный самолет.

Мы летим над сплошными облаками, а под ними должно катить свои волны Черное море. Пересекаем скалистые вершины Северного Кавказа, направляясь в район южнее Майкопа, пока не приземляемся возле красивого курорта Минводы. Нас встречает директор Тебердинского заповедника и везет на машине вверх по берегу Кубани. По дороге мы останавливаемся перекусить: икра, жареная курица и не водка, а русский коньяк. Но скажу по секрету: водка-то гораздо

лучше, просто она считается здесь, по-видимому, менее респектабельной.

Дорогой можно не утруждать себя беседой, потому что шофер включил радио и оно непрерывно рассказывает ему что-то на русском языке. Так что у меня есть время оглядеться по сторонам и поразмышлять.

Когда солнце уже начинает прятаться за снежные вершины, наш путь длиной в 220 километров наконец закончен, и мы прибываем в Теберду — красивое местечко по типу швейцарских, на высоте 1300 метров. На веранде Дома для приезжих установлены умывальные столики с подвешенными над ними умывальниками. Такие я увидел впервые. Когда рукой подталкиваешь вверх штырь, из бачка льется вода. Очень удобное приспособление. Спать мы ложимся в комнатах, сверкающих безукоризненной чистотой.

Тебердинский заповедник находится на Северном Кавказе на высоте от 2100 до 4000 метров и занимает площадь в 695 квадратных километров. Поначалу может показаться, что это страшно много. Однако на Кавказе это не единственный заповедник. В Краснодарской области имеется еще один, в три раза больше этого. Там водятся даже зубры. К сожалению, правда, это уже не те чистокровные кавказские горные зубры, обитавшие здесь когда-то, те давно вымерли. По размерам они были мельче равнинных зубров из Польши. Теперь же здесь расселили гибридов между горным и равнинным зубром.

К 1965 году в Советском Союзе было уже 65 государственных заповедников общей площадью в 39 817 квадратных километров. Это больше половины всей Баварии. Помимо них имеются еще и так называемые заказники общей площадью в 31 560 квадратных километров. От заповедников они отличаются тем, что в них охраняют только животных, а не весь биоценоз в целом, и создаются они большей частью на ограниченный срок, а не «на вечные времена», как заповедные земли. Есть и такие заказники, или резерваты, в которых разрешена ограниченная охота на определенные виды животных. Осуществляют этот промысел представители Охотничьих обществ. Почти полностью заповедными являются и пять государственных охотхозяйств общей площадью в 3110 квадратных километров и 29 государственных опытных охотничьих хозяйств (8186 квадратных километров). Названия «заповедник» и «заказник» не искусственно созданные слова — это старинные, народные. Ведь забота об охране природы, в первую очередь леса, существует в русском народе издавна. И тем не менее этих заповедников все еще мало для государства, занимающего 22 270 600 квадратных километров. Их скоро станет еще больше.

К сожалению, заповедных земель во всех странах на земном шаре пока еще очень мало. словно блохи, орудующие в гладком и красивом мехе благородного животного, мы, люди, заняты как раз тем, что стараемся переделать елико возможно лицо нашей милой старой планеты, сводим и уничтожаем роскошные леса, перекрываем вольные веселые реки, стараясь их «зарегулировать», загазовываем воздух над

городами и лугами, заслоняя солнце индустриальной дымовой завесой... Только самые малые, ничтожно малые, клочки земли мы оставляем природе и животным.

Здесь, в Теберде, одним из охраняемых объектов является серна. Поголовье серн начало угрожающе убывать, и был момент, когда их осталось всего-навсего 200 штук. Теперь их снова более 1000. Может быть, даже еще больше, просто серн очень трудно учесть, потому что живут они и в лесах. (Серны ведь в Альпах только из-за постоянного преследования превратились в высокогорных и скальных животных. В Шварцвальде, где их сейчас вновь акклиматизируют, они живут, как и здесь, на облесенных склонах; точно так же и в польских Есениках.)

А вот с оленями в Теберде дело поначалу обстояло плохо. Благородный олень здесь водится только вне границ заповедника. Правда, работающие в заповеднике 106 сотрудников и шесть научных работников стараются вести за ними наблюдение и вне границ самого заповедника. В 1953 году четырех благородных оленей перевезли в центральную часть заповедника. Они там хорошо прижились и размножились до 30 голов. Помимо этого в 1938 году на далекой реке Уссури с колоссальными трудностями удалось отловить 54 пятнистых оленя, которые в Уссурийском крае были уже на грани полного истребления, и перевезти их сюда. Здесь, в Теберде, их поголовье за три года уже увеличилось втрое, олени стали почти ручными и кочевали уже по всей местности. Однако во время фашистской оккупации, как мне рассказали, их всех перестреляли из автоматов. На сегодняшний день пятнистые олени встречаются здесь только совсем маленькими группами, которые опасливо жмутся к горам. Много медведей, но увидеть их практически не удастся. Впрочем, никаких неприятностей из-за них еще ни разу не случилось.

Но для того чтобы полюбоваться на горных козлов, надо подняться высоко в горы. Притом верхом.

В горы направляется целая кавалькада: провиант, палатки, киноаппаратура, все это увязывается в брезентовые мешки и крепится на спины терпеливых, благородных выючных лошадей. Меня самого облачают в нечто вроде просторного комбинезона и горные ботинки, что придает мне такой вид, что я едва узнаю себя в зеркале. Дорога идет так круто вверх по лесистому склону, что бедные кобылки вскоре уже все в мыле, а поскольку мне их жалко, я слезаю и иду рядом с ними пешком — ведь наш караван движется очень медленно.

Не будь вокруг меня симпатичных кавказцев с их обветренными лицами, я мог бы посчитать, что нахожусь где-нибудь в Швейцарских горах или посреди Скалистых гор: бурные горные ручьи, солнечные лучи, пронизывающие толщу девственного леса, проглядывающие меж деревьев скалистые вершины, покрытые вечным снегом, или сочные зеленые лужайки. Но здесь нет ни единого дома, никаких отелей, нигде не наткнешься на мачту линии высокого напряжения или на канатную дорогу для туристов. Здесь все сохраняется в первозданном состоянии, так, как это было тысячу лет тому назад. Где еще сейчас у нас в ФРГ или где-нибудь в Швейцарии можно оглядеться вокруг

и не найти хоть какое-нибудь человеческое жилье и вообще следы хозяйственной деятельности человека?

Тем не менее перед самым заходом солнца мы добираемся до маленькой постовой будки, притулившейся где-то среди гигантских стволов деревьев. Никогда бы мне ее самому не разыскать! Нам как гостям постелили внутри, на нарах, усталых соломой, все же остальные залезли в спальные мешки и легли снаружи. Вечером мои спутники разжигают костер, варят, жарят и беседуют. Я понимаю, что мы совсем близко от того места, где живут горные козлы.

В прежние времена горные козлы обитали на большей части Альп (недаром они зовутся альпийскими козлами), а еще раньше, возможно, и во многих других европейских горных местностях. Древние римляне привозили их даже в Рим и устраивали между ними бои. По-видимому, альпийский горный козел и послужил моделью для создания охотничьего барельефа в Сплитском соборе. Римские и этрусские пряжки в виде рогов горных козлов во множестве находили возле озер Комер и Лаго-Маджоре. Даже в египетской резиденции фараонов — Фивах — можно увидеть альпийских горных козлов в качестве элемента стенной росписи.

Но так же как и бобр и сурок, носорог и антилопа-сайга, горные козлы пали жертвой средневекового суеверия, невежественной народной медицины. Считалось, что в них найдены средства от всевозможных человеческих недугов. Еще в прошлом столетии такой альпийский козел представлял собой настоящую бродячую аптеку: кровь его служила якобы средством против камней в желчном пузыре («потому что эти животные так подолгу бегают по камням»), а из рогов изготовлялись кольца, «защищающие» от множества болезней, «безоаровые камни» (круглые шарики из шерсти, различных смол, камешков и других элементов, скапливающиеся временами в желудках горных козлов) спасали якобы от рака. Даже помет собирали в качестве надежного средства от чахотки или подагры... А уж высушенное сухожилие сердечного мускула, называемое «сердечным крестиком», — тому приписывали совершенно чудодейственные, таинственные свойства! Так что тот, кому удавалось подстрелить альпийского козла, разом делался состоятельным человеком. Епископы Зальцбурга содержали собственные аптеки, в которых сбывали пациентам подобные снадобья.

Чего же удивляться, что даже самые строгие законы об охране не смогли спасти бедных альпийских козлов, тем более что браконьерство в народе чаще рассматривается как смелый, романтический вид спорта, а не как преступление, подобное ограблению дома, разбою или краже.

Так что зальцбургскому архиепископу не оставалось ничего другого, как уволить с 1712 по 1720 год подряд шестерых егерей, которых он нанимал исключительно с целью охраны альпийских козлов: им просто некого было больше охранять. Швейцарские альпийские козлы исчезли примерно спустя сто лет после австрийских. В XVI и XVII веках по северным Альпам Швейцарии уже не скакало

ни одного козла; в Валлисе они продержались еще до начала XIX столетия. Но потом и здесь поубивали последних.

Могло бы случиться, что альпийского горного козла нам пришлось бы увидеть лишь в виде неуклюжих старинных деревянных поделок, если бы не лесничий Жозеф Делапьер и естествоиспытатель Цумстен, которым в 1816 году удалось уговорить правительство Пьемонта взять под охрану последние несколько дюжин альпийских козлов в Гран-Парадизо. Эта горная гряда расположена в Северной Италии, выше Турина, близ французской границы, в Грайских Альпах. К счастью, сардинское королевское семейство рассматривало охоту на альпийских козлов как собственную привилегию и ревниво следило за тем, чтобы никто на них не покушался. Начиная с 1854 года Гран-Парадизо был даже объявлен частным владением короля Виктора Эмануэля II, а обитавшие в нем горные козлы — охраняемой королевской дичью; для сохранности их поголовья было учреждено специальное лесничество. Но дело в том, что вокруг Гран-Парадизо живут крайне бедные горцы, которые могут добыть себе средства существования только путем отхожего промысла: всем мужчинам приходится зимой уезжать работать на фабрики, далеко от своих семей. Они крайне заинтересованы в том, чтобы иметь право стрелять горных козлов. В 1921 году это место было объявлено национальным парком. Однако 64 охранника поначалу столь плохо оплачивались, что лучшие из них были вынуждены уйти на производство.

Границы национального парка Гран-Парадизо проведены столь неудачно, что проходят значительно выше альпийских пастбищ и лугов. В особенности в суровые зимы горные козлы и серны бывают вынуждены спускаться ниже этих границ, продолженных чаще всего на высоте от 1700 до 1800 метров. А там их прямо с автострады расстреливают из винтовок с оптическим прицелом с расстояния в 300—400 метров. Зимой 1962/63 года одних серн было отстреляно 500 штук. В долине Саваранч зимой 1963/64 года погибло 1125 горных козлов и серн.

Один охотник из Аосты построил себе в округе Сан-Пьетро, близ границы национального парка, шикарный «охотничий дом», из которого он получил возможность стрелять по перешедшей границу дичи, что называется, чуть ли не «с постели». Так что только разумное изменение границ национального парка (уже давным-давно предложенное незаинтересованному правительству) могло бы спасти это уникальное европейское сокровище. Между прочим, все альпийские козлы, обитающие на сегодняшний день где-либо в Италии, Швейцарии или Австрии — все они родом из Гран-Парадизо.

Но вернемся к нашим горным козлам, живущим на Западном Кавказе. Здесь, в районе Теберды, они выглядят точно так же, как альпийские. А вот подальше к восточным отрогам Кавказа обитает уже так называемый дагестанский тур, у которого совсем другие рога: на передней стороне у них отсутствуют характерные для горных козлов валики, да и бороды у туров практически нет. Туры хотя и относятся к горным козлам, но окраска у них типично оленья. Рога у них закручены наподобие бараньих, напоминая по

форме улиток. Туров на сегодняшний день насчитывается от 3000 до 4000. Все горные козлы, включая испанских туров, нубийских, сибирских горных козлов, или тэков, а также винторогого козла, или мархура, и североафриканского гривистого барана, относятся к диким козлам. О близком их родстве свидетельствует хотя бы тот факт, что они легко скрещиваются между собой, а также с нашими домашними козами. Однако единственной дикой исходной формой домашних коз считается безоаровая коза, встречающаяся на Крите и нескольких других островах, а также в гористых местностях Малой Азии и Ирана.

Чтобы увидеть здешних тебердинских горных козлов, надо вскопить ни свет ни заря — в 4 часа утра, потому что пугливые животные только по ночам держатся вне границ леса и уже спустя четверть часа после восхода солнца забираются дальше вверх, карабкаясь по скалистым уступам горных склонов. А туда нам с нашей киноаппаратурой за ними не залезть. Да и захоти мы это сделать, осторожные животные, вероятно, по целым дням не подпускали бы нас на расстояние, необходимое для моего телеобъектива, потому что лазить по скалам они умеют уж во всяком случае намного лучше нас.

Но идти нам в темноте пришлось совсем недолго: от сторожки всего каких-нибудь два-три километра! Потом мы застыли неподвижно за низенькими елочками. Я лихорадочно устанавливаю свою камеру с длинным телеобъективом на треножнике. Проходит целая вечность, пока мне удастся нащупать стадо своим объективом, но зато теперь я смог разглядеть их очень ясно и четко. Вели они себя спокойно и беззаботно, явно не подозревая о нашем присутствии.

Ничего не скажешь — внушительно выглядят такие козлы с их огромными, загнутыми назад рогами. Козочки с их короткими острыми рожками производят по сравнению с ними куда более невзрачное впечатление, почти как домашние козы. Когда такой горный козел взбирается на вершину скалы, поворачивает голову в сторону ближайшей самки и замирает в такой позе, он становится похожим на изваяние. А когда он влюблен, то задирает вверх хвост и, точно так же как и наши домашние козлы, высовывает язык и быстро плепает им вверх и вниз. Голова и шея при этом судорожно вытянуты вперед, уши тоже. Время от времени такой ухажер с лицом фавна поднимает переднюю ногу, указывает ею на предмет своего вожделения, и затем начинает медленно покачивать ею взад и вперед. Не остается ни малейших сомнений, кому именно предназначается его благосклонное внимание...

Интересно, не убивают ли друг друга подобные силачи с их страшным оружием в приступах ревности? Оказывается, нет. Вот мы, например, во Франкфуртском зоопарке уже в течение полутора десятков лет содержим горных козлов в совсем небольшом загоне и никогда не отделяем самок с детенышами от самцов. Причем в стаде постоянно содержится вместе несколько взрослых козлов. Еще ни разу не было случая, чтобы кто-то из них оказался мертвым или даже серьезно пораненным.

Когда горный козел угрожает своему сопернику, он трясет головой,

демонстрируя свои рога, а если хочет произвести еще более сильное впечатление, то поднимается на дыбы. Передние ноги при этом согнуты под острым углом, а подбородок опущен и прижат к груди. Но все это смахивает на турнирные бои — никто не стремится нанести увечья противнику. Тот, кто во время потасовки забрался выше по склону, уже наполовину победил. Поэтому каждый старается обойти другого и залезть как можно выше. Затем верхний поднимается на дыбы и, наклонив голову несколько вбок, изо всех сил ударяет выпуклой стороной своих рогов (ни в коем случае не остриями!) по рогам противника. Тот обычно старается устоять на всех четырех ногах, чтобы выдержать силу подобного удара. Треск при этом раздается весьма внушительный.

А иной раз два соперника стоят рядом, словно упряжка лошадей, сцепившись рогами, и стараются перетянуть один другого. Целыми днями два таких ревнивца способны бегать плечо к плечу, пока не определится, кто же все-таки слабей. И тогда уже они не бегут рядом, а победитель преследует повсюду побежденного словно его «злой дух». Когда двое дерутся, другие козлы зачастую подбегают посмотреть, но отнюдь не с целью уладить спор. Иной раз после очередного виртуозного прыжка драчуны могут оказаться задом друг к другу и будут удивленно озираться по сторонам.

Стадо, за которым мы сейчас наблюдаем, еще не полностью пробудилось. Две козочки, например, еще лежат на боку, вытянув ноги. Один козел лежа уткнул концы рогов в землю так, что нос его повернут вертикально вверх, к предракетному небу. Другой козел, который лежит, поджав все четыре ноги, уперся подбородком в землю, чтобы разгрузить шею. Подобные огромные рога вообще, наверное, животному в тягость. Для вставания с земли у горных козлов, видимо, не существует твердых правил, как, например, у коров. Здесь один приподнимается сначала на передние ноги и сидит какое-то мгновение в типично собачьей позе, в то время как другой поднимается, упираясь задними ногами, как это делают коровы.

Есть советский фильм о сибирских горных козлах, где показано, как спасающееся бегством стадо тэков, загнанное меж двух отвесных скал, скачет вниз зигзагами с одной стенки на другую и таким способом уходит от своих преследователей. Меня не раз спрашивали, не является ли это трюковой съемкой. Думаю, что нет: горные козлы способны прыгать с необычайной меткостью, особенно вниз по склону.

В Гальском зоопарке был такой случай. Один тур решил удрать. Он взобрался на скалистый выступ и без малейших колебаний сиганул с десятиметровой высоты прямо на улицу. Ни минуты не мешкая, он помчался дальше, на другую улицу, и прибежал наконец к каменистым, обрывистым берегам реки Заале, пронесся оттуда еще около двух километров по набережной и, чувствуя за собой погоню, перемахнул через перила и кинулся в реку, которая, кстати, достаточно глубока, даже судоходна. По части плавания тур оказался не таким уж молодцом. Поэтому вскоре забрался на узкий бордюр каменной облицовки отвесного берега, где и застыл неподвижно, словно изваяние. Тут и удалось накинуть ему на рога веревочную петлю и

под конец пешком привести назад в зоопарк. Причем вели его сразу трое крепких мужчин. Надо сказать, что после всех этих неприятностей тур больше никогда не делал попыток убежать и предпочел пожизненно оставаться в своем безопасном загоне!

Но чтобы горный козел, как я вычитал из одного специального издания, мог с места совершить «многометровый вертикальный прыжок в высоту» — такого я никогда не видел, да и, признаться, не поверю в это.

Когда снимаешь животных, нужно проявлять особое терпение. Ведь далеко не каждые несколько минут происходит что-нибудь интересное. Но вот какой-то козел поднялся на дыбы и, двинувшись на своего противника, прошел целых пять метров на задних ногах. Да, это не шутка, когда он вот так, со всей мощью обрушивает сверху свои 80 килограммов на через соперника. Толстые валики на передней стороне рогов способствуют тому, чтобы рога при ударе не соскальзывали так легко друг с друга. А вот к возрасту, как иногда думают, эти утолщения не имеют никакого отношения. Это ни в коем случае не «годовые кольца». Ведь и по ветвистости оленьих рогов нельзя с точностью определить, сколько лет такой красавец уже прожил на свете. У стареющих горных козлов рога хотя и становятся постепенно все длиннее, но зато и все глаже, из них не выдвигаются уже сколько-нибудь заметные валики. У молодых козлов сначала появляется здоровенная шишка под кожей лба, даже горячая на ощупь, если приложить к ней ладонь. А вскоре из-под кожи показывается очередной валик — происходит нечто похожее на то, когда у ребенка прорезаются зубы. Рога неодинаковой толщины: правые почти всегда несколько короче и толще. Большинство горных козлов при схватках предпочитают всегда ударять каким-нибудь одним рогом. Доктор Инго Крумбигель исследовал в музеях 317 черепов горных козлов и обнаружил в них 20 заживших переломов, причем 17 из них в левом роге.

Если мы будем содержать в зоопарке вместе со всем стадом оленей двух самцов или двух взрослых самцов-антилоп вместе с самками, то жизнь более слабого превратится в сплошную муку. Так или иначе он все равно погибнет, потому что ему некуда убежать. Ведь и для оленей нам приходится устраивать специальные лазы и укрытия, где они могут спастись от похотливых самцов, которые во время течки способны загнать их до полусмерти. Горные козлы же своего рода «подкаблучники», несмотря на свой грозный вид. Дело в том, что горные козочки своими маленькими острыми рожками способны нанести довольно опасные удары. В то время как их «повелители» создают в основном лишь шумовые эффекты, их маленькие женушки, когда бьют — то уже без промаха...

Здесь, в Теберде, у самок горного козла как раз пару недель назад появились на свет детеныши. Рожают они их на открытых местах, но часто козлята уже спустя несколько часов прячутся куда-нибудь в расщелину скал или какую-нибудь нишу. Зачастую укрытие бывает слишком мало для матери, и тогда она просто остается стоять возле него. Первые 14 дней самка и детеныш держатся вместе, как

это наблюдается и у всех горных животных. Малышка бежит, тесно прижавшись к бедру матери, так что та все время ощущает его присутствие. Во время пастбы самка не отходит от своего козленка больше чем на пять — десять метров. И только достигнув возраста 14 дней, молодой становится самостоятельнее, учится лазить по уступам и игриво скачет вокруг своей матери.

Здесь вот мы видим, как горные козлята объединились в нечто вроде детского сада. Они гоняются друг за другом, пробуют бороться наподобие старших, поднимаются при этом на задние ножки и стараются перелезть друг через друга. Если кто-то из козлят не хочет принимать участия в общих играх, к нему непременно подбежит один из играющих и до тех пор будет скрести по его спине копытцем, пока тот не встанет и не присоединится к общему веселью.

Если же два подростковых горных козленка затевают нешуточную драку, их матери следят за ними весьма пристально, в то время как на поединки взрослых самцов самки не обращают явного внимания. Здесь же они подчас сбегаются со всех сторон и наблюдают за драчунами, однако не вмешиваются.

Если горные козлы и не в состоянии подпрыгнуть вверх на несколько метров, то забраться как угодно высоко для них проще простого: были бы какие угодно, пусть даже почти отвесные, стенки. В этом пришлось убедиться звероторговцу Герману Рухе из Ганновера при покупке сибирских горных козлов-таков. Один из новоселов, помещенный в тесный загончик с дощатыми стенками высотой в 2,5 м, подпрыгнул, оттолкнулся копытами от стенки, и не успели сторожа взять в толк, что происходит, как он с невероятной быстротой поднялся кверху, кружа словно по винтовой лестнице, и был таков.

Один из индийских служителей пустился за ним в погоню. Он обнаружил его пасущимся на газоне, посеянном на обочине дороги. Поскольку этот человек был специалистом по метанию лассо, ему удалось накинуть животному на рога веревочную петлю. Однако горный козел оказался сильнее этого индийца и побежал, волоча за собой ловца. Добежав до речушки Варне, козел с ходу перемахнул через нее, совершив виртуозный прыжок, а индус на веревке шлепнулся прямо в холодную воду. От рывка тэк слегка повернул голову, и петля соскользнула с его крутых рогов.

Поскольку история эта угодила в прессу, то уже через пару дней стали поступать жалобы и претензии за нанесенный ущерб: где-то сибирский козел объел в саду ботву, а где-то нанес повреждение лесным посадкам или стащил заготовленное сено. Кончилось это тем, что какой-то крестьянин запер ворота своего сеновала, когда животное туда забралось. Таким образом его удалось водворить на место.

К счастью, европейцы успели спохватиться в самый последний момент и позаботиться о спасении альпийских козлов. Таким образом удалось избежать того, чтобы они оказались начисто вымаранными из книги жизни нашей Земли, как это случилось с южноафриканской кваггой, дронтом, стеллеровой коровой, первобытным быком, бескрылой гагаркой, североамериканским странствующим голубем, сумчатым волком и многими, многими другими.

Сначала пытались сохранить последних альпийских козлов в зоопарках и загонах. Но в те времена ни у кого еще не было необходимого опыта по разведению диких видов животных в неволе. Поэтому после бесконечных неудач дело каждый раз кончалось тем, что к диким горным козлам подсаживали домашних коз, и дикие козлы постепенно вырождались. Гибриды же, получаемые от подобного скрещивания, вполне плодовиты. Так получилось, что в Венском и Зальцбургском зоопарках под конец остались одни лишь гибриды между горным козлом и домашними козами. Потомки их, выпущенные в Альпах на волю, неминуемо погибали.

В Берне таких вот гибридов поместили в вольеру знаменитого зверинца «Бернер Штадтграбен», где испокон веков держали медведей — гербовое животное Берна. Однако гибридные козлы не желали оставаться в своих вольерах и вскоре уже скакали по крышам соседних домов, опрокинули постовую будку и даже нападали на людей, срывая с них ключьями одежду.

Постепенно швейцарцев начало все больше обуревать тщеславное желание вернуть это прекрасное горное животное, которое они так жестоко и бездумно истребили у себя в стране. С этой целью в 1892 году был основан охраняемый парк. Однако, к великому огорчению швейцарцев, чистокровных альпийских козлов в то время можно было раздобыть только у итальянцев в Гран-Парадизо. А те в течение многих лет оставались глухи к такого рода просьбам. Дело в том, что горные козлы стали по полному праву государственной монополией Италии. Поговаривают, что швейцарцы тогда всерьез разрабатывали планы, как браконьерским способом отловить в Гран-Парадизо несколько горных козлов и тайком переправить через границу.

Но только в 1906 году к швейцарцам попали первые настоящие альпийские козлы, на сей раз вполне законно, с великодушного соизволения итальянских властей. С тех пор в парке разводят лишь исключительно чистокровных альпийских козлов. Все альпийские козлы, которых позже расселили в швейцарских или австрийских Альпах, были родом исключительно только из Гран-Парадизо.

Разведение горных козлов на сегодняшний день для современных работников зоопарка не проблема. От нескольких альпийских козлов, предоставленных в распоряжение нашего Франкфуртского зоопарка Охотничьей инспекцией кантона Граубюнден в июле 1954 года, к 1963 году удалось вырастить уже 13 детей и внуков.

Но тогда, в самом начале, в Гран-Парадизо никто еще не знал толком, каким образом нужно отлавливать живых козлов. Потому что это ведь значительно труднее и опаснее, чем отстреливать «капитальных рогачей», которыми обычно так похваляются знаменитые охотники. Поначалу соблазнились наиболее удобным способом: самок отстреливали, а козлят забирали. Но подобный метод, практикующийся и при отлове горилл, орангутанов и многих других видов диких животных, имеет тот недостаток, что при этом бесцельно погибают именно самки, то есть, взрослые особи, способные производить потомство. А кроме того, добытое таким путем потомство чаще всего все равно не удастся вырастить без материнского молока и

материнской любви. Так что отсев из числа пойманных детенышей бывает пугающе велик. Люди, занимающиеся реакклиматизацией горных козлов, порой готовы рвать на себе волосы с досады. Так, однажды, когда они уже благополучно доставили самку с детенышем на новое место жительства и выпустили на волю, тут же, откуда ни возьмись, прилетел беркут и умертвил козленка на глазах у привезших его людей.

Первые альпийские козлы-новоселы были выпущены 8 мая 1911 года на горной гряде «Серые рога». Было их пять штук. Один из них никак не соглашался уходить на свободное житье, все время возвращался назад к людям, и его пришлось водворить обратно в вольеру зверинца. Остальные же прижились и стали успешно размножаться. И надо сказать, что на сегодняшний день о них в Швейцарии пекутся несколько больше, чем пеклись об их истребленных предках. Когда в 1953 году один человек тайно пристрелил двух альпийских козлов, ему присудили уплатить штраф в размере 6000 франков.

За истекшее с тех пор время альпийских козлов расселили уже по разным другим местностям итальянских, а также французских, швейцарских, австрийских и немецких Альп. Во многих местах они успешно прижились. В 1964 году в Швейцарии уже насчитывалось свыше 30 популяций альпийских козлов общим числом более трех тысяч голов. К этому же времени поголовье альпийских козлов в Испании достигло 10 тысяч, за несколько последних лет оно там почти удвоилось. Только вот у нас, в немецкой части Альп, они, к сожалению, не прижились. На альпийских козлов, выпущенных в Хагенских горах, южнее Кенигзее, в 1922 году, вскоре напала чесотка, и поголовье их сократилось до 10 экземпляров. Да и те пересекли австрийскую границу, где и присоединились к тамошнему большому стаду. Только очень, очень редко они ненадолго появляются на наших землях.

Из этого видно, как нелегко бывает восстановить то, что когда-то было бездумно уничтожено.

Часто охотники, а порой даже кое-кто из охранителей природы все еще говорят о «полезных» и «вредных» животных. Они считают, например, наиболее удобным способом увеличения поголовья африканских антилоп и зебр отстрел львов и гиен. В то время как наличие хищных животных совершенно необходимо, чтобы «выбраковывать» больных и слабосильных особей. Там, где ни беркуты, ни рыси не несут больше ни зимой, ни летом своей круглосуточной вахты, — там больные особи заражают других, и как чесотка, так и различные эпизоотии распространяются с невиданной быстротой.

У нас, в Серенгети, в Восточной Африке, каждый третий, а то и второй детеныш газели Томсона, а также гну и зебр становится жертвой леопардов, львов, гиеновых собак, грифов, шакалов, крокодилов, гигантских змей и многих других хищных животных. Не будь этого, стада мирных копытных в течение немногих лет удвоили и даже удесятирили бы свое поголовье, что неминуемо привело бы к перевыпасу пастбищ и последующему разрушению почвы. И тогда уж волей-неволей пришлось бы вмешаться охотникам.

Но вмешательство охотника всегда приводит к тому, что животные теряют доверие к человеку, становятся пугливыми и не разрешают к себе приближаться. А ведь именно эта их доверчивость и служит тем притягательным моментом, который сегодня так привлекает туристов в национальные парки Африки, именно это их там так очаровывает. Где еще можно подъехать на расстояние нескольких метров ко львам, слонам, жирафам или проехать через десятитысячное стадо зебр, чтобы животные не обратили на это никакого внимания и не убежали? В этом-то и кроется необыкновенная популярность африканских национальных парков. Там же, где приходится регулировать численность дичи путем отстрела, животные убегают от всех без исключения людей. И увидеть их удастся одним лишь специально гонящимся за ними охотникам, а не обычным посетителям.

В советских заповедниках меня часто расспрашивали, как мы обездвиживаем животных наркотическими снарядами, чтобы не повредить их при отлове. Дело в том, что во многих заповедниках Советского Союза олени, а главным образом лоси так сильно размножились, что повреждают весь подрост деревьев в лесах. Приходится ограничивать их поголовье путем отстрела, а это в свою очередь приводит к тому, что их никто из посетителей заповедников не видит, во всяком случае летом. Вот именно поэтому сотрудники заповедников озабочены методом использования «наркотического ружья», чтобы с его помощью отлавливать и переселять животных в другие районы.

— А что, у вас разве нет больше волков в Банф-парке или в Джаспер? — спрашивал я два года назад у работников канадских национальных парков в Скалистых горах, где многочисленные оленивапити показались мне уж слишком пугливыми. Оказалось, что волков начисто истребили, «потому что они резали уж очень много оленей». Зато теперь приходится самим выступать на ролях волков и отстреливать множество «лишних» оленей (в чем здесь не очень охотно сознаются!). Точно так же обстоит дело и в американских национальных парках.

Меня огорчило, что и в Советском Союзе не избежали этой ошибки. Волков уничтожают где только возможно. Если здесь, в Тебердинском заповеднике, и осталось еще несколько штук, то скорее всего потому, что не удалось еще всех перебить. А объясняется все очень просто. В то время как львы и леопарды — животные довольно оседлые, не совершающие дальних кочевков, волки, в особенности зимой, рыщут в поисках добычи по всей округе. Территории заповедника не хватает на то, чтобы держать волков круглый год в его границах. Стоит же им выйти за его пределы, как тут же начинают поступать серьезные жалобы из окрестных деревень. Вот так и получилось, что и в Советском Союзе, как и в Соединенных Штатах и в Канаде, волков повсеместно истребили, выплачивая денежные премии за каждого убитого волка.

Но нельзя же забывать при этом, что волк в наших широтах — единственный хищник, который, истребляя в больших масштабах молодых и ослабленных старых животных, способен регулировать

численность крупной дичи. А если не волк — то кто же? Рысей почти уже нет, равно как и пум в Северной Америке. Так что там, где волка нет, его функции приходится брать на себя человеку и самому убивать, чтобы сохранить равновесие в природе.

Мы, европейцы, обязаны приложить все усилия, чтобы сохранить в Африке последние остатки тропической природы, чтобы наши потомки и потомки самих африканцев еще через сто лет могли с благоговением любоваться тем, каким прекрасным был Черный континент с его слонами, носорогами, жирафами, львами и зебрами, до того как мы, европейцы, «навели в нем порядок». Что касается нашего собственного жизненного пространства, то нам этого вряд ли удастся добиться. Чтобы создать у нас действительно нетронутые «памятники природы», надо сохранить обитающих там хищников. Это, однако, нигде до сих пор последовательно не проводится.

Но я надеюсь, что именно в Советском Союзе это все же осуществят. Потому что национальные парки, в которых не истребляют волков, должны быть очень большими, что осуществимо практически только в восточной части Советского Союза или в северных районах Канады.

Вот какие мысли терзают таких людей, как я, когда вот так разъезжаешь по белому свету. С горными козлами дело обстоит благополучно. Они спасены. В Гран-Парадизо их число, между прочим, во время последней мировой войны снизилось до 413 голов; правда, к 1963 году их снова стало 3198 плюс 5363 серны. На сегодняшний день во всех Альпах обитает в общей сложности 6000 альпийских козлов, то есть в сто раз больше, чем 150 лет тому назад.

Здесь, в Тебердинском районе, их число увеличилось с 800 особей до 2500—3000. Учет ведется ежегодно в августе. Осуществляют его студенты-биологи и охотоведы, которые поднимаются на горные хребты, распределяются там по определенному плану и подсчитывают всех увиденных горных козлов. Проводится учет столь поздно, в августе, потому, что именно в это время тучи комаров вынуждают животных покинуть лесные и кустарниковые зоны и подняться высоко в горы, до самых снежных вершин.

Как мне сообщил мой друг, профессор Банников, на сегодняшний день в Советском Союзе обитает снова около 250 тысяч сибирских горных козлов и 23 тысячи других видов козлов.

Возвращаясь с Кавказских гор назад в Минводы, я обратил внимание на расположенные в низине ровные ряды лесополос. Такие же я видел уже на Украине в степях, недалеко от Аскании-Нова. Состоят они из пяти или шести рядов лиственных деревьев, пересекающих, словно по линейке, с интервалом в один или два километра необозримые поля зерновых культур. Эти зеленые полосы не имеют ни конца, ни края, во всяком случае они тянутся до самого горизонта. Деревья все молодые, двухлетние, но встречаются и постарше — самое большое пятнадцатилетние. Жаль только, что они такие идеально прямые, совсем как современные асфальтированные шоссе, а не как естественный лес.

Мысль о создании лесных полезащитных полос принадлежит за-

мечательному русскому ученому профессору В. В. Докучаеву (1846—1903), занимавшемуся проблемами почвоведения и климата.

При освоении степей в XVIII—XIX вв. лесные рощи и леса, окаймляющие реки, были начисто вырублены поселенцами. Над громадными степными пространствами нависла опасность превращения в пустыню в результате ветровой эрозии. Поэтому В. Докучаев после засухи и неурожая в 1892 году приступил к созданию трех опытных хозяйств в Воронежской губернии на водоразделе между Волгой и Доном возле Хренова, между Доном и Донцом у Старобельска и между Донцом и Днепром у Велико-Анадольска. Там в степях он и провел первые опытные посадки различных пород деревьев.

Этот опыт, осуществленный в Советском Союзе, и был положен в основу огромных работ по степному лесоразведению. Основная масса лесополос заложена была на полях в 1947—1953 годах. Работы по лесопосадкам в ряде районов продолжают и по сей день. Особенно большие государственные лесополосы, протянувшиеся с севера на юг, достигали порой 60 метров ширины, и на них было высажено 580 миллионов древесных саженцев.

В годы с нормальной погодой урожай с каждого гектара пахоты, защищенной лесополосами, увеличивается на 2—2,5 центнера. В засушливые годы они помогают еще больше. Огромное значение имеют лесополосы в борьбе с черными пылевыми бурями. Они являются важными средствами защиты пахотных земель и посевов от ветровой эрозии.

Глава X

Пять зоопарков Парижа

**Людовик XIV подарил Версальский зверинец
своей двенадцатилетней фаворитке**

**Один миллион двести тысяч марок за
доставку животных**

Якобинцы освобождали львов из заточения

Яванские крысы напали на дворец

Бюффон мечтал о настоящем зоопарке

**Вместо Народного парка — детские
карусели**

**Французская революция помогла созданию
научного учреждения**

Когда-то в Тюильри жили четвероногие...

Версальский зверинец, безусловно, не был первым зоопарком Парижа. Ведь еще около 1570 года Карл IX размещал в саду Лувра и в Тюильри, а значит, в самом сердце Парижа вольеры с различными животными. Там были львы и медведи, быки, буйволы и ослы, а двор

забавлялся тем, что на специально сооруженной для этой цели арене натравливал догов на быков. Такое представление состоялось еще в октябре 1572 года — только два месяца спустя после Варфоломеевской ночи, во время которой были убиты десятки тысяч гугенотов. Вольеры же с экзотическими птицами и верблюды появились несколько позже.

Имелись зверинцы также и при замках Фонтенбло и Шантий. И вообще в XVII и XVIII веках у французской аристократии считалось престижным содержать у себя дома экзотических животных. А поскольку в те времена Франция задавала тон, то зверинцы возникли вскоре и при дворцах немецкой знати, а также других европейских стран.

В 1654 году кардинал Джулио Мазарини распорядился построить у входа в Венсеннский лес, в Париже, новый зверинец, куда собрали воедино животных из Лувра и Тюильри. Следовательно, уже тогда на том же месте, где несколько десятков лет назад был сооружен самый современный и большой зоопарк Парижа под названием «Боа де Венсенн», уже имелся зверинец.

Однако от всех тех старинных зверинцев сегодня не осталось и следа. Разве что два павильона еще напоминают о бывшем версальском зверинце, да еще в садоводстве, расположившемся сейчас на его месте, можно найти остатки фундамента старинных построек. И хотя сейчас никаких диких животных там не осталось, тем не менее я порекомендовал бы любителям природы, посещающим Версальский дворец, совершить небольшую пешеходную прогулку через парк, до бывшего заброшенного зверинца. Как только спуститься с широкой лестницы дворца и немного пройдешь вдоль левого берега крестообразного огромного «увеселительного пруда», сразу очутишься перед двумя еще сохранившимися павильонами и увидишь разрушенную стену знаменитого когда-то зоопарка. Однако эти павильоны вовсе не были предназначены для жирафов, как вам расскажут живущие там сегодня садовники: в зверинце никогда никаких жирафов не было. А предназначались эти сравнительно небольшие строения для гостей короля.

Когда знаменитый король Франции Людовик XIV в возрасте 24 лет принял решение о застройке государственных земель Версаля, которые за 28 лет до этого были приобретены его отцом, он сначала и не думал о том колоссальном, великолепном дворце, который должен был возникнуть на этом месте. В первую очередь его интересовал сам парк и зверинец, к которому король питал особое пристрастие. Архитектор Лево набросал весьма необычный проект такого зверинца. Прежде во всех дворцах вольеры и клетки с дикими животными и экзотическими птицами были разбросаны по всей территории парка далеко друг от друга — там бассейн для водоплавающих, а там — львы в клетках. Лево впервые сосредоточил зверинец в одном месте, на территории, не превышающей трех-четыре гектаров. Но поскольку зверинец не был рассчитан, как современные зоопарки, на толпы народа, а предназначался только для короля и его почетных гостей, архитектор спроектировал его в виде расходящихся

из одной точки лучей, подобно полураскрытому вееру. Из этой точки августейший посетитель мог обозревать всех животных разом. Такое расположение клеток было перенято затем почти всеми планировщиками, строящими зверинцы в Европе по примеру Версаля; его влияние заметно и на функционирующем и сегодня зоопарке Шенбрунн в Вене. На «смотровой площадке» строился и маленький замок, украшенный внутри портретами и скульптурами животных.

Людовик был в таком восторге от проекта, что страшно торопил со строительством. Зверинец сооружался с 1662 по 1664 год и обошелся в 450 тысяч франков. Может быть, такая сумма и не покажется слишком большой, но нельзя забывать, что короли в те времена привыкли пользоваться при строительстве дешевым подневольным трудом своих подданных. Людовику так не терпелось заполучить свой зверинец, что он после некоторых колебаний разрешил подрядчику продолжать работу даже по воскресеньям, после мессы. В 1665 год начали поступать первые чужеземные животные: страусы, египетские цапли, орлы, дикобразы, «фараоновы крысы» (мангусты), лисы, лев, экзотические голуби, казуар, слон (подарок короля Португалии), три крокодила от сиамского короля, верблюды, олени, лани и голландские коровы, молоком которых, замешанным на яичных желтках, кормили фламинго. На отдельном водоеме содержались и пеликаны. Питьевую воду подводили по двум зацементированным акведукам из рек Сен-Кер и Фонтено. Постройка акведуков закончилась лишь к 1688 году.

Судя по сохранившимся до наших дней счетам, доставка животных в Версаль с 1671 по 1694 год обошлась в 1,2 миллиона марок. Подобная дороговизна объясняется тем, что тогда еще приходилось для этой цели высылать собственные корабли и снаряжать специальные экспедиции. За это время в Версаль прибыло 536 султанок, 103 страуса и множество других животных.

Слон оказался непревзойденным мастером по развязыванию узлов: по ночам он упорно и ловко распутывал завязанные на его ногах канаты. Однажды ему даже удалось бесшумно снять с петель дверь помещения, в котором его запирали, и, не потревожив здорового сна своего служителя, отправиться на осмотр зверинца уже в роли посетителя...

Примерно с 1670 года король разрешил своему народу свободный доступ в парк, а следовательно, и осмотр зверинца. Но поскольку это приводило к постоянной порче клумб и статуй, да и вообще ко всяческому загрязнению парка, с 1699 года свободный вход был снова закрыт, и прогулки по парку разрешались уже только придворным и то в сопровождении специальных проводников. Именитые гости, спустившись с дворцовых террас, усаживались в роскошные лодки, среди которых были и настоящие венецианские гондолы. Одетые в экзотические костюмы «гондольеры» отвозили гостей сначала к зверинцу, а затем, после обеда, обычно к дворцу Трианон, сохранившемуся до наших дней на противоположном берегу озера.

Когда блистательный король превратился в ворчливого, страдающего от подагры и множества других болезней старца, он вдруг

воспылал особой симпатией к одиннадцатилетней, притом не особенно красивой принцессе Аделаиде Савойской, обвенчавшейся год спустя с герцогом Бургундским. Под влиянием минутного каприза Людовик подарил ей весь зверинец да приказал его еще расширить, подновить и украсить. Поскольку герцог, супруг Аделаиды, предался мистицизму, его юная жена частенько проводила время с кавалерами в своем маленьком дворце при зверинце. Так во всяком случае утверждали злые языки. Но, когда фаворитка короля умерла в возрасте 28 лет, он потерял всякий интерес к своему детищу — зверинцу. Что касается его пятилетнего наследника, то тот поначалу долгое время проживал в Париже, в Лувре, и таким образом когда-то столь пышное и роскошное предприятие в течение последующих ста лет все больше приходило в упадок.

Когда началась революция, якобинцы, ворвавшиеся в Версальский дворец, прошествовали с флагами и под барабанный бой через весь парк и очутились перед зверинцем. Предводитель революционеров объявил директору зверинца Леману, что они пришли, чтобы именем народа освободить из заточения животных, рожденных свободными по воле господней и томящихся в неволе лишь для развлечения тиранов. Леман, не оказывая сопротивления, высказал, однако, опасение, как бы выпущенные на волю хищники не сожрали своих спасителей. Поэтому освободители удовлетворились тем, что он торжественно вручил им ключи от клеток с хищниками. Что касается остальных, оставшихся к тому времени в живых обитателей зверинца, то их частично забрали с собой, частично передали живодеру, а то и просто выпустили из вольер свободно разгуливать по огромному парку. Был среди них и верблюд, пять видов обезьян, олени, много птиц. Но были и яванские крысы, потомки которых за последующие десятилетия причинили много вреда Версальскому дворцу и другим крупным строениям в парке. Олени и птицы большей частью погибли в следующую зиму. Однако некоторые из них приспособились к новой обстановке и даже размножились. Около 1840 года зоологу Журдену удалось собрать весьма многочисленную и очень интересную коллекцию из экзотических животных, подстреленных или пойманных им в Версальском лесу.

А в зверинце оставались только носорог, лев, живущий вместе с собачкой, которую он нежно любил, один буйвол, одна антилопа, одна зебра-квагга (!), венценосный голубь, шесть или семь павлинов и две дюжины кур. Профессорам из Парижского естественноисторического музея после двухлетних бесконечных ходатайств удалось наконец добиться того, чтобы им передали этих животных и перевезли в Париж. К сожалению, носорог незадолго до того повредил себе ногу и погиб из-за гноящейся раны, так что в Ботанический сад, где решено было создать зверинец, прибыл только его труп. Примерно к 1809 году постройки, относящиеся к Версальскому зверинцу, были уже полностью разрушены. Правда, в сороковых годах прошлого столетия была сделана попытка их вновь отстроить. Там намеревались разместить конный завод для арабских скакунов. Строительство

уже началось, но было прервано революцией 1848 года, после чего уже больше не возобновлялось.

Если сегодня со знаменитой площади Согласия (Place de la Concorde) направиться по берегу Сены к востоку, то непременно попадешь в большой парк — «Jardin des Plantes», то есть Ботанический сад, в котором находится Естественноисторический музей. Часть Ботанического сада отведена под зоопарк, который был основан в 1650 году Людовиком XIII в качестве «Jardin Royal des Plantes Médicinales» (Королевского сада для лекарственных растений). Уже знаменитый естествоиспытатель Бюффон, возглавлявший музей с 1739 по 1788 год, поселил в Ботаническом саду лебедей, уток и павлинов. Распорядился он также вырыть «медвежий ров», в котором при его жизни, однако, бродили лишь дикие кабаны. Всю свою жизнь он носился с идеей организовать настоящий, полноценный зоопарк. Когда ему в 1783 году наконец удалось расширить территорию Ботанического сада, он намеревался просить двор о передаче ему животных из совершенно запущенного Версальского зверинца. Однако ни ему, ни его последователю Добентону не удалось осуществить эту идею. Возник зоопарк только в годы после революции. Занимает он всего 6 гектаров, однако и сегодня еще экспонирует на столь небольшой территории множество достойных внимания животных. Старый слоновник, постройки 1802 года, используется до сих пор; столь же стар длинный ряд домиков, частью крытых соломой, в которых живут разные виды диких быков, олени и антилопы. Старый обезьянник, построенный в 1841 году, заменен модной новостройкой 1927 года; исчезли и галереи клеток для хищников, вместо которых воздвигнут большой павильон хищников, окруженный, однако, со всех сторон обычными тяжелыми железными клетками, а не свободными вольерами.

Скопище решеток под столетними деревьями производит впечатление чего-то архаичного. Но тем не менее там живет прекрасная пара взрослых горилл, и можно найти такие редкости, как овцебыков, горалов, киангов, лошадей Пржевальского, голубых баранов, семь видов пеликанов. В зоопарке содержится в целом 130 видов млекопитающих, 150 различных форм, следовательно, больше, чем в новомодном Парижском зоопарке в Венсеннском лесу, в котором представлено лишь 108 видов и 118 форм. Если сложить оба этих зоопарка вместе, то получится наиболее богатая коллекция млекопитающих на Европейском континенте. В ней насчитывается и наибольшее число антилоп. То, что оба учреждения подчиняются одному директору, безусловно, способствует чрезвычайно полезному взаимообмену.

Во второй половине прошлого столетия повсюду в Европе начали создавать зоопарки. Парижская общественность открыла на средства, собранные у граждан, в 1854 году в западной части города, а именно в Булонском лесу, зоопарк, занимающий площадь в 20 гектаров. Основной целью создания этого зоопарка послужило желание проверить, смогут ли чужеземные животные прижиться в нашем, европейском, климате. Поэтому поначалу хищные животные там отсутствовали.

К сожалению, первоначальный замысел такого «народного парка» постепенно видоизменялся. В наше время он превратился в детский увеселительный парк. Детей сажают в старомодные вагончики «кукушки» и провозят через Булонский лес ко входу в зоопарк. В нем они находят обширные игровые площадки, купальный бассейн, качели, горки, огромное колесо, приводящее в движение искусственную речку: ее быстрое течение проносит лодки с посетителями мимо зеленых лужаек, окаймляющих ее берега.

Знаменитый естествоиспытатель Добентон, чей бронзовый бюст украшает вход в солидный, модный павильон для птиц, наверняка не пришел бы в восторг, обнаружив в его вольерах одних лишь самых обычных и наиболее часто встречающихся птиц: павлинов, домашних голубей, домашних уток, карликовых кур и пару фазанов. Незарешеченная площадка для выгула слонов пуста: их здесь нет. Есть современные открытые помещения для медведей, павианов и львов. Но медведи без конца показывают разные фокусы и попрошайничают, обедаясь сахаром и мороженым, которое посетители покупают в расположенных по соседству ларьках. То же самое происходит и возле вольер с ланями — их кормит всякий кому не лень. На арене, рассчитанной на более чем тысячу зрителей, цирковой дрессировщик демонстрирует обучение львов-подростков. А на высокой голубиной башне со множеством отсеков и ячеек обитают лишь прилетевшие сюда из города птицы и больше никто. Пустует и бассейн для тюленей.

Как это обычно водится в известных на весь мир городах, где сохранились знаменитые памятники старины и старинные здания, каждый приезжий осматривает обычно в Париже Дом инвалидов, площадь Согласия, Лувр, Нотр-Дам и Эйфелеву башню. Однако не многие знают о том, что в городе на Сене имеется еще и прекрасный, вполне современный зоопарк. Построен он был в 1931 году по случаю «Колониальной выставки», по проекту фирмы Карл Гагенбек и находится в восточной части города, в Венсеннском лесу. Прежде его часто называли «Оргией бетона» за беспорядочное нагромождение искусственных бетонных скал. Однако тот, кто посетит его сегодня, убедится в том, что зоопарк уже не производит подобного впечатления. Его директор, профессор Нувель, в течение многих лет занимается озеленением искусственных утесов, насаждая различные выходящие растения — плющ, горец и дикий виноград. А поскольку за прошедшие годы и деревья сильно подросли, то они закрыли своими кронами каменные нагромождения, да и перемежающиеся с ними ухоженные зеленые газоны и кусты придают парку гораздо более естественный и выигрышный вид, чем у него был прежде. Лишь длинный ряд огромных площадок для медведей, называемых «медвежьими горками», между которыми невозможно втиснуть ни клочка зелени, — вот те, действительно, выдают, каким поначалу выглядел Венсеннский зоопарк.

Но посетитель, желающий составить себе правильное представление о парижских зоопарковских животных, непременно должен посетить оба зоопарка — этот и тот, что в Ботаническом саду. А здесь, в Венсеннском, он увидит и американских вилорогов — единственную

антилопу Северной Америки, сбрасывающую наподобие оленей свои рога, увидит бушбоков, лошадиных антилоп, водяных козлов, беломорского бубала, горную зебру Гартманна, зебру Греви; на двух разных островах живут шимпанзе и гиббоны; размножаются в зоопарке и фламинго; львы и тигры живут на открытых площадках, отгороженных от публики широченными и глубочайшими рвами; есть здесь и вольеры с макаками, павианами, паукообразными обезьянами, есть группа из семи жирафов, ориби, болотные козлы, сомалийские газели, желтоспинные дукеры, белохвостые олени, окапи, уже несколько раз приносившие в неволе потомство, фенеки (маленькие пустынные лисички), еноты-ракоеды, японские бурые медведи, большая коллекция редких лемуров с Мадагаскара, разные виды мартышек, есть и белобрюхий тюлень, красные волки, испанские рыси, песцы, гибриды между львом и тигром, кианги и куланы. Жила здесь и лошадь Пржевальского, рожденная в Праге, где она недавно умерла в возрасте 30 лет.

Но ни в том, ни в другом зоопарке нет Аквариума. Зато недалеко от Венсеннского зоопарка, в помещении Колониального музея, есть хорошо оборудованные Аквариум и Террариум для тропических животных, а в западной части города, близ дворца Шайо, в бывшем Трокадеро, есть Аквариум, в котором экспонируются холодноводные рыбы.

В еженедельнике, рекламирующем мероприятия и достопримечательности Парижа, в рубрике «Зоопарки» я обнаружил еще один — четвертый по счету зоопарк, на сей раз частный, принадлежащий актеру Жану Ришару, живущему в Эрменонвилле, примерно в 60 километрах от центра города. Проехать туда на машине по автострасе номер два не составляет никакого труда. В этой деревеньке знаменитый писатель Жан-Жак Руссо провел весной 1778 года последние недели своей жизни. Гостил он здесь в прелестном дворце, построенном на озере и принадлежащем маркизу Рене де Жирардин. Там его и похоронили, однако позже, во время революции, его прах переправили в Пантеон.

А теперь киноактер Жан Ришар устроил рядом со своей красивой виллой, на самой опушке леса, зоопарк. Посещение — свободное. Правда, животным он предоставил всего лишь черверть своего сада, напоминающего скорее дворцовый парк. Поэтому им приходится довольствоваться лишь маленькими домиками и довольно тесными вольерами, но содержится все в идеальной чистоте и порядке. Несмотря на то что я приехал в будний день, да еще и довольно рано утром, на стоянке парковалось уже свыше 40 машин посетителей, и маленький зоопарк был переполнен. Живут в нем помимо разных других животных подростковый, слон, верблюды, львы, тигры, леопарды, ламы, один гриф, макаки, два гиббона. У одного из гиббонов вокруг талии надет пояс, к которому прикреплена «страховка», скользящая на кольце вдоль туго натянутой проволоки. Сам же гиббон, широко раскинув руки, ходил взад и вперед по горизонтально натянутому канату, словно настоящий канатоходец.

Вдоль основной дорожки, ведущей через зоопарк, расставлены

щиты с карикатурами на известных французских актеров, головы которых посажены на туловища различных зверей. Но основным притягательным моментом, по-видимому, служит все же дрессировка трех почти взрослых львов, выращенных здесь, в зоопарке, которых время от времени демонстрирует сам хозяин дома.

Таким образом, можно считать, что этот самый молодой и самый маленький зоопарк Парижа — не что иное, как некий рецидив давно прошедших времен зверинцев.

Мне могут возразить, что тут было рассказано не о пяти парижских зоопарках, как гласит название главы, а всего лишь о четырех. Ведь в самом первом и знаменитом давно уже нет никаких животных! Однако, как сказал мне профессор Нувель, проект нового государственного зоопарка уже разработан во всех деталях и скоро приступят к его строительству.

Глава XI

Лососей спасут. А кто спасет человека?

Рейн в роли сточной канавы

Рыбы отравлены, а нам эту воду пить...

Покупку Аляски оплатили лососи

**Рыбы, которые «чуют» сквозь воду
и облачаются в панцирь**

**Одновременно с гидростанциями необходимо
строить рыбозаводы**

Со времен катастрофического замора рыб, имевшего место в 1949 году, в Рейне нет больше знаменитого рейнского лосося. И с этого же примерно времени Рейн перестал быть «Великой немецкой рекой», а превратился в клоаку для сотен тысяч человеческих уборных и стока грязных и ядовитых индустриальных отходов.

В Федеративной Республике Германии насчитывается 7 тысяч поселков, у которых хотя и имеется канализация, но нет очистительных сооружений, следовательно, все свои нечистоты они спускают прямо в реки. Мимо знаменитого романтического утеса Лорелеи, где, по преданию, моряк загляделся на прелестную деву с золотыми волосами, проплывает теперь ежедневно 20 тысяч тонн индустриальных отходов, растворенных в речной воде... А не будь они растворенными в воде, то могли бы заполнить 957 товарных вагонов, или 24 поезда! Наши реки и ручьи ежедневно принимают порцию сточных вод в 21 миллион кубических метров! И только одна треть этих вод бывает предварительно очищенной. Один литр рейнской воды в районе Майнца содержит 20 граммов осадка. Это напоминает скорее суп, чем речную воду. Даже дождю, падающему над индустриальным

районом, приходится пробиваться сквозь слой воздуха, в каждом кубометре которого содержится 85 тысяч частиц пыли, в то время как в лесном воздухе парят всего каких-нибудь 500—600 частиц. Над всей территорией ФРГ висят в воздухе два миллиона тонн пыли! К этому следует добавить еще и 5 миллионов тонн серной кислоты; 70 процентов этого ядовитого вещества нависает непосредственно над Рурской областью. Там и ели не превышают шести метров в высоту, в то время как в других местах они достигают двадцати. Несчастливы те люди, которые вынуждены постоянно дышать этим воздухом. Я полагаю, что человеческие легкие никак не менее чувствительны к нему, чем елки...

А теперь к человеческим нечистотам и фабричным отходам добавились еще и стиральные порошки. А уж их-то не удастся удалить из воды даже при помощи очистительных сооружений!

Так что сегодня остается, пожалуй, только радоваться тому, что закуска «рейнский лосось», которую еще изредка можно найти в меню отдельных гостиниц на берегах Рейна, выловлена не в этой сточной канаве, а прибыли в свежемороженном или законсервированном виде с далекой Аляски, из Северной Америки или Скандинавии. Часто это вовсе и не речные лососи, а крупная кумжа, или озерная форель, относящаяся к тому же семейству лососевых, а то и сайда — «озерный лосось», относящийся к тресковым; мясо их предварительно особым способом окрашивается «под лосося».

Но самое страшное в том, что наша речная вода предназначена не только для обитания рыб — ведь мы ее к тому же и пьем! В Федеративной Республике Германии, да и вообще в большинстве западноевропейских стран, грунтовых вод уже давно не хватает на то, чтобы обеспечить ими все население. Из наших водопроводных кранов течет большей частью отфильтрованная речная или озерная вода. В Институте гигиены в Майнце исследовались многочисленные пробы водопроводной воды. И что же? Даже в той воде, которая на вкус была безукоризненной, находили много остатков от бензопирена и родственных ему веществ, считающихся канцерогенными. Кроме того, очень часто обнаруживались следы детергентов из новомодных стиральных средств. Оба эти вещества вызывали у подопытных животных в тревожных масштабах рак желудка... И ядовитые эти примеси с каждым днем все увеличиваются. Боннскому правительству пришлось выделить 800 миллионов марок на то, чтобы очистить Рейн хотя бы от самых опасных загрязнений.

Подумать только — какая благодать и пошла прахом! А ведь еще в 1880 году в нижнем течении Рейна ежегодно вылавливалось около 70 тысяч лососей, многие из которых весили до 45 килограммов и достигали в длину полутора метров! А в начале прошлого века при найме слуг или посыльных заранее оговаривалось условие, что питаться одной лишь лососиной им придется не чаще двух дней в неделю...

В конце прошлого столетия голландцы просто-напросто перегораживали сетями устьевые рукава реки, пытаясь захватить весь улов лососей для себя одних. Но тогда поспешно созвали конференцию

с участием всех заинтересованных государств, и нидерландцы вынуждены были пойти на уступки. Ведь им и так было ясно, что для размножения самкам и самцам лососей все равно приходится подниматься на тысячу километров вверх по реке, пока они не достигнут мест своих нерестилищ на Верхнем Рейне и впадающих в него ручьях. Для этой цели они вынуждены добираться до самой Швейцарии, то есть на высоту примерно тысячи метров над уровнем моря. А если молодые лососи перестанут спускаться вниз по реке к морю, то и никакие взрослые никогда больше не поднимутся вверх против течения, к местам нерестилищ. Потому что у лососей все происходит не так, как у угрей, а наоборот: те уходят нереститься в море, а эти приходят для размножения к нам в реки. Так что голландцы в конце концов даже согласились взять на себя расходы по искусственному выращиванию мальков лосося, несколько миллионов которых они стали ежегодно выпускать в верхнем течении Рейна.

Надо сказать, что и в других реках в прежние времена не умели по достоинству оценить и с толком использовать эту благодать. Так, еще в 1827 году в устье Мемеля ежедневно вылавливали более тысячи штук лососей, каждый из которых весил в среднем по 15 килограммов. Даже всего по одной марке за штуку их невозможно было полностью сбыть и приходилось каждый раз большую часть улова закапывать в землю... В Северной Америке в прежние времена устанавливали на некоторых реках «лососевые колеса», которые просто вычерпывали идущих на нерест лососей лопастями. Одно такое колесо порой могло за день вычерпать до 14 тысяч рыб. Огромные области Аляски до сих пор оставались бы непригодными для обитания человека, если бы не кочующие косяки лососей. В некоторых районах жителям достаточно было работать всего каких-нибудь 14 дней во время хода лосося, чтобы обеспечить себя пищей на целый год.

Когда в 1867 году государственный секретарь США Стевард откупил у русского царя за 7,2 миллиона долларов огромную территорию Аляски, американцы сочли это неудачной сделкой и долгое время называли ее не иначе как «стевардова дурь». Но уже вскоре одним только ловом лосося в водах Аляски удалось выручить за год больше, чем стоила вся покупка этой земли. В 1905 году в Британской Колумбии и в штате Вашингтон было выловлено 59 миллионов килограммов лососей. В штате Вашингтон еще в сороковых годах нашего столетия ежегодно заготавливали 2 350 000 ящиков лосося — цифра, в которую трудно даже поверить. И тем не менее это всего только шестая часть того «урожая», который снимали там с 1910 по 1917 год. Специалисты в те годы считали, что вылов лососевых идет на убыль только из-за все увеличивающегося числа плотин и гидроэлектростанций. Уже обсуждались планы, как их заменить паровыми электростанциями, потому что лососевый промысел все еще казался экономически более важным, чем создание электрического тока силой воды.

Молодь лосося, вылупившаяся из икры в верховьях рек и ручьев, остается там примерно в течение года, а в северных областях Евразии и Америки даже два или три года. В это время мальки бы-

вают весьма схожи с обыкновенной ручьевой форелью и питаются поначалу так же, как те, улитками, насекомыми, а позже и мелкой рыбешкой. Но в один прекрасный день лососей начинает обуревать тяга к морю. Правда, попав в океан, они не совершают в нем столь грандиозных путешествий, как, например, угри, а придерживаются побережья, так называемой шельфовой зоны континентов. Там они довольно интенсивно «наводят порядок» в стаях макрелей, шпрот и сельдей, упорно преследуя их скопления. При этом они начинают необыкновенно быстро расти. Один помеченный лосось, которого удалось выловить через четыре недели, прибавил за это время семь килограммов, в момент мечения он весил 9,5 килограмма, а после вторичного вылова — уже 16,5. Именно в этот период жизни лосося его мясо приобретает тот розоватый «лососевый» оттенок, который столь высоко ценится гурманами; интенсивность окраски зависит от степени накопления жира.

Прежде считали, что в море лосося невозможно встретить дальше чем в ста километрах от берега, что лососи вынуждены держаться близ устья той реки, которая является их родным домом, чтобы потом суметь найти обратную дорогу. Но ихтиолог А. Хартт пометил 36 383 лосося в северной части Тихого океана и затем выпустил их. И что же выяснилось? У отдельных рас, например у чавычи, 17 процентов помеченных особей в течение года снова было выловлено в тех же местах; лососи, помеченные возле Алеутских островов, частично были обнаружены очень далеко оттуда, где-то в Амуре; балтийские лососи резвились в открытом море в 1000 километрах от устья своей родной реки, а тихоокеанские — еще дальше. Но самое длительное путешествие совершила чавыча: помеченная в 1956 году возле Адака, на полпути между Аляской и Камчаткой, она была поймана в 1957 году на расстоянии 3800 километров оттуда — в штате Айдахо, в Америке.

В море лососи нагуливают побольше жира, обретают необходимые рост и силу для предстоящего далекого путешествия вверх против течения реки. Добрая половина всех лососей проводит в море три зимы, но каждый пятнадцатый возвращается в реку уже через год, а 25—30 процентов — через два. Некоторые из них возвращаются и позже, чем через три года: так по крайней мере поступают шведские лососи.

Ихтиологи долго ломали себе голову над загадкой: как удается лососям безошибочно находить дорогу назад к устью реки, по которой они в молодости спустились в море, а оттуда разыскать нужный приток, а возможно, даже тот же ручей, где они когда-то вылезли из икринки? Из 100 тысяч шведских лососей, помеченных еще в своих родных реках, только 1 тысяча (то есть один процент) была впоследствии обнаружена заблудившейся в других реках; сходные результаты дали и учеты, проведенные в Северной Америке.

По всей вероятности, лососям помогает в этом исключительно острое обоняние. Ведь рыбы, как известно, способны чуют в воде: они ощущают самые тонкие запахи. Так, в 1959 году в штате Вашингтон были отловлены 3 тысячи лососей из двух разных прито-

ков одной и той же реки. Затем половине из них ноздри заткнули ватой. Все лососи, имевшие возможность пользоваться обонянием, вскоре вернулись в свои исходные притоки. Из тех же, чьи носы были заткнуты, половина заблудилась.

Другими опытами было доказано, что рыбы «помнят» химический состав воды, в котором находились непосредственно перед тем, как отправиться в свой долгий путь к морю. Если их незадолго до отправки пересадить на некоторое время в другую реку, то спустя несколько лет они появятся именно там, а не на своей настоящей «родине». Но ведь вода каждого ручья и каждого притока перемешивается с другой водой тем сильнее, чем больше притока впадает в основное русло реки, не говоря уже о море. Следовательно, у рыб должно быть поразительно тонкое восприятие химических свойств воды, чтобы обнаруживать самые незаметные следы того или иного вещества в воде! В это даже трудно поверить. Тем не менее в опытах с рыбами других видов тоже удалось выявить их потрясающую способность обнаруживать самые незаметные, присутствующие в воде вещества.

Какое невероятное напряжение — плыть против течения на такие далекие расстояния! Если при этом еще учесть, что, вплывая из моря в реку, рыбы вскоре совершенно перестают питаться, то все это начинает граничить с какой-то немыслимой фантастикой! Притом им приходится преодолевать пороги, даже водопады и дамбы, совершая четырехметровые прыжки по воздуху. В реке Везере лососи за 24 часа проплывали против течения от 38 до 40 километров!

Сюда следует добавить, что во время такого чудовищного физического напряжения еще и перестраивается организм рыбы. У самок в начале пути икра занимает 0,3 процента от общего веса тела, а когда они достигают своих нерестилищ, то этот процент в среднем уже составляет от 20 до 25, а случается, что икра весит до 35 процентов от веса рыбы.

Кроме того, лососи надевают свой брачный наряд. Особенно элегантно выглядят старые самцы. На голове у них образуется зигзагообразный орнамент из сливающихся на синем фоне красных пятен. Живот становится ярко-красным, а основания плавников — розовыми. Когда такая махина длиной в целый метр и весом в 15—20 килограммов во время своих виртуозных прыжков через водопады с силой шлепается на скалы или проплывает по мелководью ручьев, шаркая брюхом по острой гальке, то нетрудно себя и поранить. Поэтому кожа лосося к началу путешествия сильно утолщается, в особенности на спине и вокруг плавников. Таким образом мускулы тела оказываются в основном защищенными, раны же на коже обычно быстро затягиваются. У самцов образуются еще и шипы на челюстях, во всяком случае у некоторых видов. Они служат им для отвоевывания места на нерестилищах.

Поскольку лососи на обратном пути из моря постыятся, поймать их на удочку в Рейне, например, оказывалось невозможным, впрочем, и во многих других реках тоже. Однако в Шотландии и в реках Скандинавии и Швеции лов лососей на крючок с наживкой, в особенности на искусственных мух,— самый что ни на есть любимый вид

спорта. Англичане обычно такие участки с хорошим клевом лосося сдают в аренду, причем за дорогую плату. Промысловый же лов лосося производится сетями и успешнее всего уже у самого устья рек. Так, в Абердине, в Шотландии, в 1952 году таким способом было выловлено 10 тысяч лососей общей стоимостью в полмиллиона марок. Можно себе только представить, как опечалены шотландцы тем, что лососи теперь все отравлены из-за обработки прибрежных пастбищ инсектицидами.

Лососи обычно прибывают отдельными возрастными группами. Рыбы каждой такой группы имеют и приблизительно одинаковый размер. В прежние времена знали, в какое время года какие стаи лосося должны прибыть в Рейн.

Добравшись до своей «родины», самка лосося начинает обследовать устилающую дно гальку и в разных местах выкапывает ямы. Делает она это мощными ударами задней части тела, сворачиваясь и разворачиваясь при этом, словно пружина. Камни разбрасываются в стороны не ударами плавников, а создаваемым при этом водоворотом. Самцы дрожат от волнения и дерутся меж собой довольно злобно за обладание самкой. Когда самка выбрала себе наконец такое место для икрометания и разгребает и углубляет свое «гнездо», самец начинает охранять и защищать его от посягательства сородичей. Если выкопанная ложбинка вполне удовлетворяет самку, она плотно укладывается в нее, а самец начинает снова встать и вперед мимо своей избранницы, каждый раз задевая ее боком. Потом он прижимается к ней потеснее и начинает дрожать. Затем оба одновременно выталкивают: она — икру, он — сперму. Рты у обоих в это время от волнения широко раскрыты. Иногда самец от возбуждения даже набрасывается на самку, пытаясь ее укусить. Случаются драки и между самками.

Особенно желательным считается, когда на дне выкопанной ложбинки имеется щель между крупными камнями, в которую полностью может вестись весь анальный плавник самки, не касаясь при этом грунта. Тогда большинство икринок исчезает в щели, а сперма покрывает ложбинку белым облаком. Сразу же после этого самка проплывает немного вперед по течению, забрасывает свою кладку гравием и принимается рыть новое гнездо. Не подумайте, что такая ямка так уж мала — длиной она от одного до двух метров, а шириной — полметра.

В наших широтах лососи нерестятся между ноябрем и январем. Диаметр икринки составляет 6 миллиметров, а их у одной самки от 6 до 8 тысяч штук. Время выклева мальков зависит от температуры воды. При 4 градусах это происходит через 80 дней, при 16 градусах всего через 19, а если вода особенно холодна, мальки могут до 200 дней оставаться в икринке.

С тех пор как наши реки стали такими застроенными и перегороженными, повсюду перешли на искусственное выращивание лососевой молоди на так называемых рыбозаводах: в огромных сооружениях и специальных резервуарах с проточной водой, где мальков сотни тысяч, а то и миллионы. Для этой цели сначала вы-

лавливают в ручьях больших, созревших для нереста рыб (притом обращаются с ними весьма осторожно, чаще всего усыпляя их на время). Преимущество такого способа в том, что самцов, которых вообще-то требуется не слишком много для осеменения, можно тут же отпускать на свободу, да и самок, после того как у них «выдаивают» икру. Процесс этот достаточно прост: легким массажем живота самок стимулируют к отдаче икры, которую собирают в большие тазы с водой, заливают сверху спермой и затем перемешивают. С рыбами надо обращаться крайне аккуратно, иначе они могут преждевременно выбросить икру и сперму. Между прочим, однажды в Дорсете при таком искусственном способе выращивания появились на свет 20 тысяч двухголовых мальков! Все они, разумеется, через месяц погибли. В естественных условиях они не дожили бы и до такого возраста.

Французским зоологам совсем недавно удалось выяснить, что же определяет, в какой именно момент подросшим молодым лососям следует отправляться в далекий путь к морю. По всей вероятности, это регулируется щитовидной железой. В какой-то момент она начинает усиленно выделять в кровь йодистый гормон, от которого молодая рыба приходит в особенное возбуждение, разыскивает сильное течение и, отдавшись ему, перестает двигаться: течение несет ее к морю, причем хвостом вперед, а головой назад. А уж там, с усиленным попаданием в организм натрия, лосось приходит снова в состояние равновесия.

Путь на континент лососям на сегодняшний день преграждает все: и стиральные порошки, и человеческие нечистоты, и химические отходы фабрик, а также бесконечные плотины, дамбы и шлюзы. Но поскольку промысел лосося приносит столь колоссальный доход, удалось добиться того, чтобы возле многих плотин были устроены особые рыбопропускники, позволяющие лососям пробраться вверх по течению к своим нерестилищам. Но стоит это больших денег, да и гидроэнергетики жалуются, что от таких устройств теряется много воды, не попадающей на колеса турбин. Сооружали уже и специальные лифты для рыб, в которых лососей заманивали сильным течением и затем поднимали вверх до уровня запруженной воды. Однако большей частью и это не помогало, потому что вода водохранилища оказывалась слишком теплой для лососей. Поэтому стали применять такой способ: ниже плотины рыб вылавливали, грузили в специальные цистерны с водой и перевозили за многие километры вверх по течению, туда, где еще имелись стремнины, а в воде было достаточно кислорода. Но все подобные ухищрения весьма дорогостоящи и, к сожалению, не всегда приносят желаемый успех. Даже добравшись столь мучительным способом до верховьев реки, лососи зачастую не находят здесь привычных и необходимых для своего нереста условий. Образовавшиеся от подпора воды озера подчас очень глубоки, у них отвесные, крутые берега, в то время как лососям для нереста нужна глубина, не превышающая одного — трех метров. Да и ручьи, впадающие в реку или озеро, зачастую образуют теперь высокие водопады. Поэтому в Швеции, к примеру,

издан закон, обязующий электростанции сооружать специальные рыбопитомники, способные выращивать ровно такое количество молоди лососей, которое прежде вылавливали в этой реке до постройки плотины. В начале шестидесятых годов 15 таких шведских рыбопитомников производили ежегодно ровно один миллион молодых лососей, из которых каждый десятый получал метку.

В наше время уже совершенно не обязательно добиваться, чтобы лососи могли достигать мест своего нереста, поднимаясь вверх по рекам, тем более что им этого все равно не осилить в создавшихся условиях. Теперь лососевые косяки облавливают прямо в море с помощью модных ловчих сетей и всего современного оборудования рыболовческих судов вроде электро- или эхолокации. Таким образом, по меткам выяснилось, например, что 15 процентов от всех выловленных в Балтийском море судами разных национальностей лососей выращено на шведских рыбозаводах. Нельзя сказать, чтобы шведов это приводило в большой восторг, и они всячески стараются добиться увеличения своей доли в улове Балтийского рыболовного промысла. А реки, впадающие в Балтийское море, производят сейчас от семи до восьми миллионов лососей.

Так что с помощью искусственного выращивания можно будет и дальше добывать миллионы лососей, несмотря на застроенность наших рек и загрязненность воды, ставшей непригодной для рыб. А вот как быть с нами? Ведь нам-то самим придется и дальше продолжать пить эту воду...

Глава XII

Оставьте в покое белых медведей

Кто хватает меня за шиворот?

Их губит любопытство

Медведь в палатке

Дрессированные медведи для полярного
исследователя Амундсена

В зоопарках размножаться не хотят

Радарные станции губительны для белых
медведей

Беспомощные в воде и опасные на суше

— Кто там ухватил меня за шиворот? — спросил один из членов второй экспедиции Баренца, высадившейся в сентябре 1595 года на сибирское побережье в поисках «особого вида алмазов»

Стоявший рядом с ним товарищ крикнул.

— Это медведь! — И убежал...

А медведь умертвил свою жертву, перекусив несчастному осно-

вание черепа. Когда на помощь подоспели другие члены экспедиции и пытались отогнать и убить медведя, он успел задрать еще одного человека, прежде чем удалось с ним расправиться.

Один мой знакомый биолог, Алвин Педерсен из Копенгагена, уже не раз зимовавший в Арктике, считается специалистом по белым медведям. Простудировав все имеющиеся в мире публикации об этих животных начиная с 890 года, он нашел, что за 1100 лет было лишь три случая, когда белый медведь без всякого на то повода напал на человека и умертвил его. Произошло это несколько лет назад на северо-восточном побережье Гренландии. Один охотник как-то вечером отошел недалеко от своей палатки и, выйдя на лед, сел и стал набрасывать эскиз окружающего ландшафта. Когда его хватились, то нашли лежащим на снегу с проломанным черепом, а следы вокруг не оставляли ни малейшего сомнения в том, что убийцей был не кто иной, как медведь.

По всей вероятности, оба описанных происшествия произошли из-за того, что медведи не сразу сообразили, на кого они, собственно говоря, напали. Ведь и в том и в другом случае они не разорвали и не съели свою жертву, даже куска от нее не оторвали. Да и вообще не известно ни единого случая, чтобы белые медведи съели человеческий труп, несмотря на то что могилы эскимосов и охотников-промысловиков, безусловно, неоднократно предоставляли им такую возможность.

Можно утверждать, что оба этих человека были убиты, так сказать, «по ошибке».

Дело в том, что медведи довольно узко специализированы по части питания. Очень редко кто-нибудь из них позарится на овцебыка в Гренландии, уж не говоря о северных оленях, которых медведю не догнать; в лучшем случае они в годы сильного размножения леммингов примутся переворачивать камни и прихлопывать лапой разбегающихся во все стороны маленьких грызунов. Движения их при этом выглядят со стороны такими неуклюжими и забавными, что даже странно, как они ухитряются добывать себе подобным способом пропитание. Но основной и главной пищей белых медведей служат тюлени.

Охотится на них белый медведь с доисторических времен одним и тем же испытанным способом: либо он подкрадывается к спящему тюленю, ползя на брюхе по-пластунски, причем очень медленно и по возможности под прикрытием ледяных торосов и сугробов. Притом он выбирает тюленей, которые находятся в стадии линьки и поэтому особенно вялые и сонные. Убивает он их сокрушительным ударом своей мощной передней лапы (утверждают, что медведи — левши и бьют всегда с левой) или укусом в голову. Если же тюлень лежит на другой льдине и их разделяет вода, медведь очень тихо, стараясь не шуметь, сползает задом в воду, подплывает к намеченной льдине (причем на последние несколько метров заныряет), а затем выпрыгивает возле самой жертвы на лед, отрезая ей спасительный путь к воде. Может он и терпеливо караулить возле отдушины во льду, которые тюлени используют для того, чтобы время от времени набрать

воздуха, плавая подо льдом. Стоит тюленю в таком случае только высунуться, как медведь метким ударом разбивает ему голову о кромку льда. Некоторые виды тюленя устраивают себе родильные камеры в метровом слое снега, покрывающем лед. Вход в такую нору устроен снизу, через расширенную для этой цели отдушину. Сверху, на снежных полях, подобные жилища остаются абсолютно незаметными. Однако белым медведям удастся учуять их даже сквозь метровую толщу снега, а иногда и через полуметровую. Так что по части обоняния они далеко переплюнули и собак и волков: те чуют запахи на глубину не более 50—75 сантиметров. Обнаружив такую тюленью нору, медведь в мгновение ока ее раскапывает и хватается в первую очередь детенышей тюленя. Полярным летом он довольствуется мясом, зимой же поглощает почти одно только сало, которое срывает в спешке вместе с целыми кусками кожи. Но любимым его блюдом всегда остаются потроха.

Животные, приспособленные только к какому-то определенному виду и способу питания, лишь с большим трудом привыкают к другим, новым для них обстоятельствам, к непривычной обстановке; на наш взгляд, они «недостаточно интеллигентны». Так, белые медведи за последние несколько столетий все еще не уразумели того, что именно человек — их единственный настоящий и опасный враг и что нужно немедленно убегать, как только заметишь его даже совсем издали.

— Охота на белого медведя так, как она проводится на сегодняшний день, не только совершенно не опасна, но и не требует никакой особой подготовки охотника,— рассказывает опытный полярник Педерсен.

Именно поэтому некоторые норвежские экскурсионные бюро стали с недавних пор приглашать иностранных туристов в увеселительные путешествия по Заполярью с неперменной охотой на белого медведя, входящей в программу. Один такой новоявленный «охотник» — Эрнст Людвиг с тремя другими и командой из пяти человек отправился на яхте на Шпицберген, чтобы развлечься охотой на тюленей и белых медведей. Первого медведя они увидели у Земли Франца-Иосифа и бросили жребий, кому из охотников он достанется. Медведь не обратил на них ни малейшего внимания, хотя их лодка подъехала к нему на расстоянии ста метров. Следующих медведей им удалось подманить поближе жареным тюленьим жиром, а потом с удобного расстояния застрелить. А те добродушно играли, не ожидая никакого подвоха со стороны этих непонятных двуногих существ!

Один профессиональный охотник, перезимовавший севернее Шпицбергена на небольшом островке в 1959 году, рассказывал, что убил 129 белых медведей и снял с них шкуры.

Биолог М. Шайн из Пенсильванского государственного университета на восточном побережье Шпицбергена опробовал способ отлова белых медведей с помощью наркотических зарядов. Вот что он пишет:

«Медведь явно издевался над нами. Он отплыл на расстояние ста метров, где становился практически недосягаемым для нас, вылез на льдину и просто перестал нас замечать. Он принялся преспокойно

поглощать остатки валявшегося там тюленьего мяса, а нам не оставалось ничего другого, как фотографировать его. Что касается медведицы, то она не обращала на нас ни малейшего внимания даже тогда, когда мы начали приближаться к ней по льдине, хотя мы и не делали никаких попыток спрятаться. И только когда наши наркотические заряды задели шерсть на ее спине, она встала и ушла».

Очень скоро все же удалось это трех-четырёхлетнее животное весом в 190 килограммов усыпить наркотическим зарядом, связать и затащить в клетку, установленную на палубе судна (таких медведей затем метят цветными ошейниками и снова отпускают на волю, чтобы получить возможность проследивать их сезонные миграции).

Я невольно задаю себе вопрос: о каком «охотничьем азарте» может идти речь у того, кто решается убивать таких доверчивых и добродушных животных?

Но чаще всего медведи все же предпочитают уклониться от встречи с таким незнакомым и странным явлением, как человек. Заметив его издали, они осторожно удаляются. Притом не слишком быстро: шагает медведь не быстрее человека. Если у вас есть собаки, ему никуда не уйти. Они очень быстро его догонят, начнут бешено облаивать со всех сторон, хватать за задние ноги, пока он наконец не остановится и не усядется на снег. Тогда можно подойти к нему на расстояние пяти метров и со всеми удобствами застрелить. Даже раненый медведь на человека не нападает, если ему есть куда убежать. Если ружье отказало, достаточно бросить его на землю и кинуться прочь: медведь не бросится вдогонку, а займется ружьем. И только в редчайших случаях зверю удастся уйти — если он сумеет скрыться под водой или забраться высоко в скалы.

Однако нередко медведи, с присущей им любознательностью, не замысливая ничего дурного и не ожидая никакого подвоха, стараются подойти поближе к такому удивительному человеческому существу. Эскимосы в этих случаях умеют очень быстро отличить подобного «любопытного» медведя от агрессивного. Как только он отвернется, они принимаются кричать, размахивать руками или подбрасывать в воздух предметы одежды, чтобы снова привлечь его внимание. Случается, что медведи подходят по льду совсем близко к судам и разглядывают их с большим удивлением. Они даже охотно принимают угощения — куски сала, которые им протягивают на палке с палубы. Однажды их внимание привлекла пустая бочка, оставшаяся лежать на льду. Медведи со всей округи собрались на нее поглазеть, сначала они приближались к ней очень осторожно, но потом, толкнув пару раз лапой, принялись перекатывать с места на место, да так увлеклись этой игрой, что вскоре укатали бочку за километр от того места, где ее нашли.

Мужчина, толкавший впереди себя сани и направлявшийся к пароходу, только благодаря возбужденным крикам своих товарищей обратил внимание на то, что по пятам за ним идет медведь, приносясь к его одежде. Когда зимой 1633/34 года на острове Ян-Майен впервые зимовали европейцы, а именно семь голландцев, им непрерывно приходилось отбиваться от любопытствующих белых

медведей. Нескольких из них им пришлось пристрелить, после чего остальные постепенно стали вести себя осторожнее и убегать при виде ружья. Но обо всех этих приключениях можно было узнать лишь из дневников, которые вели зимовщики, потому что последний из семи человек скончался 30 апреля от цинги.

Эскимосские женщины, собирая летом ягоды, неоднократно наткались на белых медведей, однако те их ни разу даже не тронули и не бросались вдогонку.

Однако взрослых, самоуверенных самцов белых медведей лишь выстрелами удается удерживать от проявления любопытства. Вот что сообщает некто Пайер, участник одной из полярных экспедиций:

«Когда члены экспедиции в 1876 году зимовали возле острова Сабина у Северо-Восточной Гренландии, случилось так, что один матрос покинул корабль и отправился в одиночку осматривать вершину соседней горы. Забравшись наверх и присев отдохнуть, он внезапно обнаружил, что в нескольких шагах от него стоит огромный белый медведь и внимательно его разглядывает. Дико перепугавшись, матрос бросился бежать вниз по склону горы. Однако, обернувшись, увидел, что медведь бежит за ним и расстояние между ними катастрофически сокращается. Человек принялся кричать, но медведь несколько не испугался, более того — казалось, что крик его только по-настоящему раззадорил. Чтобы отвлечь его внимание, матрос сорвал с себя куртку и бросил под ноги своему преследователю. Медведь действительно обследовал ее самым тщательным образом, но затем возобновил погоню в удвоенном темпе. Матрос продолжал сбрасывать на бегу другие предметы своей одежды, и, хотя медведь каждый раз останавливался и с интересом их обнюхивал, тем не менее он затем без труда нагонял беглеца и под конец оказался уже так близко, что тот, сбросив медведю на голову свой шарф, в изнеможении остановился. Медведь подошел к нему и обнюхал его руки (так что перепуганный матрос явственно ощутил холод его мокрого носа). За это время остальные зимовщики уже хватились парня и услышали его крики о помощи. К нему поспешили навстречу, и, когда медведь увидел приближающуюся по льду группу возбужденно жестикулирующих людей, он предпочел убраться восвояси».

Один из спутников Фритьофа Нансена, пробираясь в темноте по льду, наткнулся на голодного медведя и был укушен за бок. Но как только моряк ударил медведя фонарем по голове, тот немедленно исчез. Хуже пришлось другому члену экспедиции, ученому, доктору Бергену, который решил поздно вечером невдалеке от корабля понаблюдать за звездами. Когда он возвращался, к нему сзади подкрался медведь и, свалив мощным ударом лапы на землю, укусил в голову. Человек явственно услышал, как хрустнули кости его черепа в зубах хищника. Крик пострадавшего только на миг отпугнул разбойника. Затем он вернулся снова и укусил свою жертву вторично, и снова в голову. Когда спутники Бергена, слышав крики, начали спускаться с палубы, хищник схватил свою жертву за голову и стал оттащить в сторону. Настигнутый выстрелом, он на какое-то мгновение выронил свою ношу, но затем схватил за руку и потащил

дальше. Только тогда, когда люди подбежали к нему почти вплотную, медведь наконец отступился от добычи и исчез в темноте.

Когда домики экспедиций или охотничьи избушки в Заполярье остаются более года необитаемыми, их, как правило, находят взломанными и тщательно обследованными. Обычно это проделывают медведи, изголодавшиеся за долгую полярную зиму, потому что съедают в таких случаях не только все мало-мальски съедобное, но и то, что хоть чем-то его напоминает: гуталин для сапог, меховую одежду, резину, замазку для окон, не брезгают они и солью. Что только уже не исчезало в таких медвежьих желудках! Однажды при подобном ограблении медведи утащили 17 мешков с сеном, разбросав его по всей округе, и старательно затыкали им отдушины во льду.

Что касается палаток, то их медведи хотя и рассматривают с большим вниманием и с близкого расстояния, тем не менее проникнуть в них почему-то боятся. Когда такое однажды все же произошло, разбуженные вторжением люди подожгли коробку спичек и сунули под нос любопытному мишке, отчего он кинулся удирать как бешеный. Во время первой зимовки Педерсена возле Скоресби-Зунда молодая самочка белого медведя проникла в сарай с провиантом. Ей так там понравилось, что она решила не уходить оттуда и разлеглась спать на мешке с мукой. В другой раз молодой белый медведь совершенно спокойно вошел в полуоткрытую дверь домика, в котором находился Педерсен с одним из своих спутников. Завидя людей, мечущихся по комнате в поисках оружия, медведь настолько испугался, что в первый момент застыл, словно каменный. Потом он сделал попытку подняться на дыбы, но низкий проем двери ему этого не позволил. Секунду он стоял и рассматривал людей, причем беспомощное выражение его глаз явственно выдавало его полную растерянность. Затем он попытался назад и с такой скоростью исчез из виду, что Педерсену, выбежавшему вслед за ним из домика, удалось увидеть лишь, как он сполз с края льдины и скрылся под водой.

Впрочем, можно очень легко отличить, с какими намерениями к вам приближается белый медведь. Если его гонит не любопытство, а голод, то он будет красться, используя любое прикрытие, чтобы спрятаться, будет подползать на брюхе по-пластунски. Если же его разбирает любопытство, он будет подходить совершенно открыто, правда делая вид, что пришел абсолютно случайно, не слишком-то демонстрируя своего интереса.

Карл Гагенбек однажды по просьбе полярного исследователя Руаля Амундсена (1872—1928) заказал дрессировщику Ройбену Кастангу выдрессировать группу из 21 белого медведя, чтобы они тянули за собой сани. Ему удалось этого добиться за 9 недель, причем без особых трудностей. Однако поскольку дрессировщик не согласился принять участие в полярной экспедиции, а Амундсен опасался, что медведи не подчинятся кому-нибудь другому, то из этой затеи так ничего и не вышло. Медведей же использовали для циркового номера.

Белый медведь — вечный странник. Вокруг самого Северного полюса, на огромной прочной ледовой шапке, белых медведей нет.

Вместе с дрейфующими льдами они кочуют по полярным морям, северной Сибири, Скандинавии, Гренландии, Канаде и Аляске. Каждый из них — ярко выраженный «индивидуалист» и сохраняет по отношению к своим сородичам «вооруженный нейтралитет». Никто никого не трогает, но при встрече предусмотрительно обходят друг друга стороной. Случаются, правда, драки из-за добычи или из-за самочки, но до смертельного кровопролития дело никогда не доходит.

За медведицей весной, в период размножения, следует, как правило, по три-четыре самца, но всегда на почтительном расстоянии один от другого.

Оплодотворенное яйцо в материнском организме, по-видимому, месяцами остается как бы «законсервированным», во всяком случае оно не развивается дальше до тех пор, пока медведица не заляжет в свою берлогу, впадая в спячку на всю долгую полярную ночь. Летом по крайней мере никому не приходилось застрелить самку медведя с оформленным эмбрионом в матке. И новорожденных медвежат в полярной области никогда не встретишь — их можно увидеть только в зоопарках. Это крошечные существа, размером не больше крысы и весом чуть больше одного фунта, притом поначалу совершенно слепые. В зоопарках же белые медведи в отличие от бурых размножаются чрезвычайно редко. Исключением является Нюрнбергский зоопарк, где, как сообщил мне его директор доктор А. Зайтц, с 1945 по 1960 год появилось на свет 37 белых медвежат, 19 из которых благополучно удалось вырастить.

Снежная берлога, которую самка белого медведя устраивает для себя в начале зимы, — невысока, лишь бы медведица стоя могла в ней поместиться. Поскольку стены такой берлоги ледяные и не продуваются ветром, то и температура внутри держится выше нуля, точно так же как это наблюдается в «иглу» — снежных хижинах эскимосов. Вход в такую берлогу вскоре засыпается снегом. Когда же весной медведица выбирается из своего теплого зимовья, за ней гуськом следует ее потомство. Спать медвежата укладываются, прячась меж теплых лап своей мамы, и до достижения полуторагодового возраста, то есть до тех пор, пока они не перезимуют одну зиму, никогда не лезут в воду.

Любимая игра маленьких медвежат — это катание с горки. Мать тоже принимает участие в их играх. Они забираются на склон, ложатся на живот, вытянув задние ноги и с восторгом съезжают вниз. Медвежата готовы без конца и самозабвенно предаваться подобным развлечениям. Материнское молоко они сосут почти до двухлетнего возраста и долго остаются при матери. Иногда можно встретить медведицу с сыновьями, которые ростом уже выше нее самой. Таким образом, проходит не менее трех лет, пока дело дойдет до следующего спаривания, да и молодые самочки становятся половозрелыми лишь в четырехлетнем возрасте. Самцы растут вплоть до восьмилетнего возраста. Размер такого взрослого зверя от кончика носа до кончика хвоста составляет два с половиной метра. Самки достигают обычно двухметровой длины. Самец весит, как правило, от 400 до

450 килограммов. Одна итальянская экспедиция сообщила, что застрелила медведя размером в 2 метра 88 сантиметров и весом в 800 килограммов. Но подобных цифр больше никогда ни от кого не приходилось слышать.

Когда наступает полярное лето, белые медведи становятся азартными сборщиками ягод. Одинаково охотно они собирают и чернику и шикшу. По их синим ртам, а также по содержимому желудков застреленных особей можно легко убедиться в том, что они способны неделями питаться одними только ягодами. Едят они охотно и сочную траву, и другие растения; случалось уже видеть белых медведей, ныряющих на мелководье за морскими водорослями. Попавшие же в желудок листья деревьев остаются неперевавленными. Белые медведи, точно так же как бурые, — страстные рыболовы. Они заходят в устья больших северных рек, когда лососевые необозримыми стаями направляются из моря вверх по течению для икрометания. Они убивают их ударом передней лапы, однако отнюдь не столь ловко, как это проделывают их родичи — бурые медведи.

В мясе белых медведей, точно так же как и у свиней, могут встречаться трихины. Уже не один полярный исследователь, поев непроваренной медвежатины, погиб мучительной смертью. Печень медвежья — еще опаснее. Она ядовита из-за сильно повышенного содержания витамина «А». У того, кто отведал этой печени, вскоре может начаться головная боль, рвота, а через несколько дней начнет шелушиться кожа на всем теле.

Эти огромные белые создания когда-то населяли все моря и их побережья, там, куда только дрейфовали льды. Более ста лет назад их еще можно было встретить в Лабрадоре вместе с обитавшими там бурыми медведями, причем оба вида вполне ладили между собой. Следовательно, они были способны обитать на 52-м градусе северной широты, что соответствует высоте Штуттгартена. Итальянский мореплаватель Кабот в 1497 году высадился на остров возле Ньюфаундленда, который «был полон белыми медведями». Дрейфующие льды заносили их время от времени и в Исландию.

На суше белые медведи пребывают только зимой, когда самки спят в своих берлогах. Но сон их нельзя считать настоящей спячкой, потому что, потревоженные чем-нибудь, они моментально взбадриваются, словно бы и не спали.

Поскольку летом медведи вместе с огромными, медленно дрейфующими ледовыми полями кочуют вслед за своей основной добычей — тюленями по Арктике, они неизбежно сталкиваются с промысловиками, тоже добывающими тюленей. Поэтому белые медведи и становились постоянно легкой добычей промысловых судов. Нигде их по-настоящему не охраняли, да это и невозможно без общего, международного соглашения, потому что они обитают ведь не в одной какой-либо стране, а постоянно кочуют, нигде надолго не задерживаясь. Следовательно, спасти их от постепенного истребления можно только всем сообща.

А тем временем из более южных районов своего ареала белые медведи за последнее столетие уже окончательно исчезли.

Но хуже всего сложилась обстановка для этих зверей, когда после открытия Шпицбергена и Новой Земли охотники проникли в основные места пребывания тюленей и белых медведей. Насколько катастрофично снизилось число медведей буквально за последние десятилетия, явствует хотя бы уже из статистики норвежских тюленьих промысловиков. Вплоть до 1925 года они еще убивали ежегодно 700—800 белых медведей, привозя домой их шкуры. Не задолго до последней мировой войны шкур бывало ежегодно уже только 350.

По предположительным подсчетам, с 1924 по 1945 год этих животных на Земле стало ровно наполовину меньше. И с каждым годом число их все убывало. Особенно опасной для обитания медведей сделалась обстановка с тех пор, как американцы начали помимо метеорологических станций создавать в Заполярье еще и опорные военные базы. Туда постоянно летают самолеты, происходит периодическая смена личного состава. А у солдат даже установился некий неписанный закон: «You cannot come back from the Arctic without having shot a polarbear» («кто же возвращается из Арктики без шкуры белого медведя?»). А ответственные за сохранность природных богатств учреждения не отдадут себе, по-видимому, отчета, что, попустительствуя подобному положению вещей, они способствуют уничтожению культурных ценностей и общего достояния всего человечества, которое невозможно воссоздать, как воссоздаются разрушенные войной города.

Биолог К. Харрингтон, который зачастую проводит длительное время в Арктике и специализируется на изучении белого медведя, оценивает их поголовье в Канадской Арктике в 6000—7000 голов, а все мировое поголовье — несколько более 10 тысяч. По его подсчетам, на Аляске ежегодно убивают около 200 медведей, в Канаде — 600, в Гренландии и Норвежской Арктике — между 150 и 300. До 1956 года, пока в Советском Союзе не был введен строжайший закон об охране белых медведей, там тоже их отстреливали. Следовательно, ежегодно более 1200 белым медведям приходилось расставаться с жизнью! Никакой охраной эти животные не пользовались до самого последнего времени во всей северной области Норвегии. Разве что только на весьма ограниченном участке, расположенном восточнее Шпицбергена, где некоторые медведицы производят на свет свое потомство. В Советском же Союзе начиная с 1956 года разрешается лишь отлавливать живых медвежат для зоопарков примерно от 20 до 40 в год. А на острове Врангеля медведей вообще трогать запрещено.

Советский Союз был первым среди всех стран, в которых водятся белые медведи, кто взял это вымирающее животное под полную охрану государства. Должно было пройти еще с десяток лет, пока наконец и другие страны, в том числе Канада, США, Дания и Норвегия, сделали то же самое.

Известный советский зоолог Савва Успенский провел немало времени у северных побережий Советского Союза, на островах и ледовых полях северных морей. Знакомство с ним доставило мне

огромное удовольствие. Это человек энергичный, обаятельный, большого личного мужества. Он отлавливал белых медведей, метил их, а затем выпускал снова на волю и проводил за ними длительные наблюдения. Особо интересные и поразительные исследования проведены им на острове Врангеля, этом «родильном доме» белых медведей, где он бесстрашно проникал внутрь родильных берлог медведей, проводя учет медвежат.

Очерки об этих удивительных работах С. Успенского с интересными иллюстрациями опубликованы во многих статьях и нескольких книгах.

Вылезая из воды мокрым как губка, белый медведь даже без всякого отряхивания вскоре делается уже совершенно сухим. мех его наполнен воздухом и поэтому держит тепло. Эскимосы недаром уже с давних пор всегда испытывали пристрастие к медвежьим шкурам, даже несмотря на их необычную тяжесть. Длина шерсти на брюхе медведя достигает 20 сантиметров.

Черными пятнами на белом медведе остаются только нос и когти. Тем не менее нередко встречаются сообщения «о белых медведях с синими ногами». Это объясняется тем, что, когда медведям долго приходится пробираться по покрытому шершавой ледяной коркой снежному насту, шерсть на их лапах обтрепывается и начинает просвечивать темная кожа.

Поэтому, когда белые медведи в зоопарках вдруг ни с того ни с сего начинают местами линять, это всегда неприятно бросается в глаза и выглядит очень некрасиво. Особенно часто шерсть у них начинает выпадать на шее и плечах. Неясно, отчего бы это? Причины до сих пор остаются невыясненными. В большинстве случаев, после неоднократной обработки средствами от насекомых шерсть на облынявших местах вновь отрастает. Поэтому считается, что возбудителями подобных облысений являются какие-то клещи, но видеть их еще никому не приходилось. Подозрение пало и на кожные грибки. Однако осмотреть взрослого белого медведя, не подвергая его наркозу, сами понимаете, дело почти безнадежное — они ведь никогда не бывают достаточно ручными, а наркоз для многих животных все же чреват смертельной опасностью.

В воде белый медведь абсолютно беспомощен. Сидя в весельной лодке, а еще лучше, разумеется, в моторной, его можно преспокойно гнать перед собой и с помощью шеста или весла направлять в нужную сторону. Эскимосы, например, таким способом транспортируют плывущих медведей к своему стойбищу и убивают уже где-то поблизости от него, вместо того чтобы тащить эдакую тяжелую махину откуда-нибудь издалека. Плывущий медведь быстро устает. Так, один из них, которого заставили проплыть полчаса, настолько утомился, что, взобравшись на льдину, тут же улеся отдыхать. Он подпустил фотографа на расстояние всего нескольких метров, не сделав ни малейшей попытки удрать или обороняться.

Падаль они способны учуять за несколько километров, и когда случается, что кит, попав на мелководье, обсохнет и погибнет, то тут уж непременно со всех сторон сбежится целая компания белых

медведей. Стараясь учуять едва уловимый запах, они принимаются в поисках его качать головой из стороны в сторону — движение, которое часто можно наблюдать у белых медведей в цирке или зоопарке, в особенности когда они содержатся в тесных помещениях.

В неволе они способны иногда дожить до тридцатипятилетнего возраста.

Об одном волнующем происшествии сообщает все тот же Алвин Педерсен. Однажды он со сворой собак преследовал белого медведя. Зверь выбежал на молодой, еще не окрепший лед, который при ходьбе по нему прогибался под ногами. Но Педерсена это не испугало, потому что он знал, что даже тонкий морской лед достаточно прочен и способен выдержать основательную тяжесть. Но внезапно медведь принялся вытворять нечто непонятное: остановившись, он начал подпрыгивать высоко кверху и шлепаться изо всей силы на лед, пока льдина под ним не треснула и он не провалился задними ногами в воду. Провалились в воду и собаки, и сам Педерсен, хотя он и бросился тут же плашмя на лед. К счастью, ему удалось вскорости выбраться на прочный припай, а оттуда добежать поскорее до своего домика, где он поспешно сбросил намокшую одежду и залез в спальный мешок. Случись это где-либо подальше от дома, неудачливый охотник в своей мокрой одежде неминуемо замерз бы и погиб.

Глава XIII

Наш заяц-русак — неизученное животное

Самая многочисленная дичь Европы

**Двести тысяч задавленных под колесами
ежегодно**

**Зайцы — ярко выраженные индивидуалисты и
влюбленные глупцы**

Эмбрионы за эмбрионами

Зайцы в Древнем Риме

Откуда у зайцев рога?

Заяц — храброе животное

В ФРГ сейчас живет меньше баварцев, чем зайцев.

Заяц-русак в нашей стране — наиболее многочисленное и в то же время совершенно неизученное животное, хотя и причисляется теперь к «крупной дичи» (из чего видно, сколь оскудели и поскромнели представители прежде столь разнообразной и многочисленной отечественной фауны!). На сегодняшний день в Федеративной Республике Германии бегают свыше миллиона зайцев и лишь 600 тысяч косуль и 60 тысяч оленей. За один только год около 200 тысяч зайцев погибает на шоссежных дорогах под колесами машин, а

свыше миллиона съедается. И тем не менее еще каких-нибудь 20 лет назад мы не знали многого об образе жизни этих животных, хотя они были известны уже во времена древних греков. Недаром до наших дней дожили разные нелепые утверждения относительно зайцев, которые упорно передаются из поколения в поколение, вроде того что они спят с открытыми глазами, что могут скрещиваться с домашними кроликами, продуцируя гибридов, и что время от времени можно увидеть зайцев... с рождками. Кроме того, заяц почему-то служит олицетворением трусости.

Что касается заячьего населения Федеративной Республики, то численность его медленно, но верно снижается, как, впрочем, и численность всех других обитателей открытых полей, в то время как лесных животных постепенно становится больше. Причем виноваты в этом не столько лисы, кошки или собаки и даже не вся прибывающая армия охотников — гроза зайцев, а скорее химические средства борьбы с насекомыми, мышами, крысами и другими вредителями. Но зато наши «косые» завоевали такие области, в которых им, казалось бы, и не положено водиться. Ведь заяц-русак — обитатель безлесных, открытых равнин; наиболее многочисленны они в плодородных равнинах Нижнего Дуная. Однако за последнее время отдельные расы зайца-русак проникли в леса или поднялись в горы, откуда вытеснили зайца-беляка, с которым создали смешанное гибридное потомство. С 1825 года серые зайцы-русак в России интенсивно распространились на восток и север (частично путем искусственного расселения человеком) и заняли, таким образом, вновь 2,5 миллиона квадратных километров земли. Помимо южной части Западной Сибири они населили и Восточно-Фризские острова, Ирландию, южную часть Швеции, где их прежде никогда не бывало, Северную и Южную Америку и Аргентину, где они тоже частично потеснили местные виды зайцев. В Югославии, Венгрии и Польше их ежегодно отлавливают десятками тысяч и продают за границу для дальнейшего расселения. Таким образом, большая часть нынешних немецких зайцев — потомки венгерских или югославских.

Захват новых мест обитания и отпор многочисленным своим врагам зайцы осуществляют путем деторождения, интенсивного и скоростного. Самцы отчаянно дерутся за зайчих, да так, что клочья шерсти разлетаются во все стороны. Они поднимаются на задние лапы и «обрабатывают» друг друга передними, подпрыгивая вверх и пиная противника задними ногами в живот. Вокруг подобных «ристалищ» собирается всегда много птиц, которые охотно используют такую неожиданную благодать — валяющуюся вокруг шерсть для утепления своих гнезд. А зайцы в своем любовном угаре перескакивают через зайчих, орошая их при этом мочой, или подбрасывают заднюю часть корпуса кверху, целясь в предмет своего вожделения струей мочи. Таково уж обхождение у заячьих кавалеров! А поскольку зачастую можно наблюдать, как 10—12 зайцев одновременно лущуют друг друга из-за одной зайчихи, то среди охотников упорно бытует неверное представление о том, что самцов у зайцев значительно больше, чем самок. Но это неверно.

Зайчиха четыре раза в год приносит потомство: иногда от двух до трех зайчат, иной раз лишь одного, а бывает, что и пятерых. Те, что родились весной, осенью бывают еще неполовозрелыми. По всей вероятности, зайчиха кормит молодняк лишь два-три раза в день, а все остальное время держится от него отдельно и пасется сама. Уход за своим потомством она совершает настолько скрытно и незаметно для чужих глаз, что, один лесник рассказывал мне, что за все 30 лет службы только дважды застал зайчих за этим занятием. Зайчата, хотя и весят поначалу всего по 130 граммов, то есть 3 процента от веса тела матери, тем не менее в случае необходимости в возрасте трех недель в состоянии обойтись без материнского молока и перейти на подножный корм. Да и вообще с семейными привязанностями у зайцев дело обстоит, прямо скажем, совсем неважно. Молодые самцы после спаривания совершенно перестают интересоваться самками, да и старые зайцы живут каждый поодиночке, бобылями. Даже если какая-то местность густо населена зайцами-русаками, они никогда не подают друг другу сигналов об опасности при приближении врага, как это делают многие другие виды животных, например сурки, кролики, галки. У зайцев каждый должен позаботиться о себе сам.

Влюбленный заяц иногда может настолько потерять голову, что кинется прямо под ноги человеку, если тот будет спокойно стоять, прислонившись к дереву. Однажды такой шальной зайчишка, обмишурившись, кинулся догонять охотничью собаку, бежавшую рядом с машиной своего хозяина, приняв ее за зайчиху. Велико же было удивление обоих, когда он ее догнал...

Но тем не менее с домашними кроликами они никогда не скрещиваются и никакого смешанного потомства у них не получается, сколько бы некоторые фермеры ни пытались это утверждать. Все «лепориды», которых предъявляли в качестве подобных гибридов, при более тщательном анатомическом обследовании оказывались самыми обычными домашними кроликами. Эти два зверька вовсе не такая уж близкая родня, как может показаться на первый взгляд. Дикие кролики живут в земляных норах, а зайцы — нет. Заячьи детеныши появляются на свет зрячими и с шерстным покровом, в то время как кроличьи — слепыми, голыми и беспомощными. Так называемые «заячьи кролики» не что иное, как одна из пород кроликов, шерсть которых серого, заячьего цвета — только и всего.

Поскольку зайчата большую часть времени проводят одни, затаявшись где-нибудь в траве, то наткнувшись на них люди готовы поклясться, что нашли «бедного сиротку», и чувствуют себя обязанными забрать его с собой домой. Но содержать в домашних условиях дикого зайца — дело хлопотное и непростое, о чем будет сказано несколько позже. И напрасно многие считают, что зайчиха не примет назад своего детеныша после того, как его потрогал человек, — это ерунда; и все же трогать найденыша не рекомендуется: может статься, что подобная пигалица окажет бешеное сопротивление и нанесет вам весьма ощутимые царапины!

Уже древние греки гонялись за зайцами с дубинками, сетями,

стрелами и копьями. Но помимо желанного охотничьего трофея зайцы являлись для них «символом любви» и были столь популярны, что их специально отлавливали, с тем чтобы расселять на островах, где они прежде не водились. Но там зайцы вскоре превращались в злостных вредителей, объедая начисто всю зелень и опустошая все вокруг, над чем злорадные соседи Греции от души смеялись.

Впрочем, тогда в Древней Греции, и вообще в античную эпоху, животных наблюдали и изучали более пристально, чем гораздо позже, в средневековье. Так, у Геродота еще можно найти сообщение о том, что у зайчихи, принесшей потомство, в чреве уже зреет следующее. Долгое время такое утверждение считали чепухой. Но вот не так давно профессор Х. Хедигер провел тщательные исследования над содержащимися в неволе зайцами и выяснил, что так оно и есть. Во всяком случае из научно-исследовательского института в Познани, где уже в течение многих лет разводят зайцев путем клеточного содержания, сообщают, что зайчих, как правило, за пять или семь дней до производства ими на свет потомства самцы снова покрывают. Высказывается предположение, что, в то время как старшие эмбрионы находятся в одном роге матки, в другом уже развиваются новые. Однако наличие в матке вскрытой зайчихи разновозрастных зародышей пока еще ни разу не удалось установить документально. Но тем не менее, несмотря на то что обычный срок беременности у зайцев 42 дня, зайчихи могут, при случае, по своему усмотрению сократить интервал между двумя пометами.

Не правда ли, трудно даже поверить, что нечто столь необычное и удивительное в течение многих столетий оставалось незамеченным нами, неизученным, да притом у животного, которое миллионами отстреливалось и поедалось!

В старину существовало поверье, что даже самый омерзительный урод, поевши зайчатины, в течение последующих девяти дней будет прекрасен и пригож. С этой целью в Риме старались разводить побольше зайцев, содержа их за высокими гладкими каменными оградами, через которые не могли проникнуть хищники, а самим длинноухим не под силу было перескочить. Нерон устраивал в цирке представления, где львы ловили зайцев. Особенно он был заинтересован в белых зайцах, что выглядело более эффектно; их, по слухам, привозили ему из Аркадии — страны счастливых пастушков. По всей вероятности, их специально для такой цели и разводили. Подобные белые зайцы с красными глазами встречаются иногда и у нас.

Заяц-русак обычно придерживается своей родины. Вся жизнь одной особи протекает, как правило, на территории, не превышающей 500 гектаров. Когда однажды 116 молодых зайцев пометили ушными метками и снова отпустили на волю, то 60 процентов из них некоторое время спустя подстрелили в радиусе двух километров от места выпуска, а 30 процентов не далее пяти километров. Только один-единственный экземпляр откочевал на расстояние 40 километров. Однако животные, завезенные из каких-то других стран и выпущенные затем на волю, способны откочевать и значительно дальше.

Но чтобы заяц, завезенный к нам из Венгрии, как сообщалось, спустя некоторое время был подстрелен снова в Венгрии, следовательно, пробежал несколько сот километров назад — в это я, простите, что-то поверить не могу...

Поскольку каждому зайцу уготована смерть от дробы охотника, то животные эти обычно не доживают до преклонного возраста. Среди подстреленных две трети бывают обычно моложе года, а три процента — от трех до семи лет отроду. Из подстреленных самок число половозрелых особей составляет обычно примерно пятую часть. Но если зайцу даровать жизнь, он может дожить и до значительно большего возраста. Так, у зоолога, доктора Эрне Мора, заяц прожил в неволе девять лет, а на воле как-то подстрелили одного с ушной меткой, вдетой 12 лет назад.

На участке, на котором обитает заяц и который он считает «своим», он устраивается наиболее удобным и безопасным для себя образом. Обычно он не бегает просто так, не разбирая дороги, а прокладывает себе тропы, на которых специально скусывает траву (в народе подобные тропки называют «ведьмиными»). Кроме того, у него всегда имеются «лежки», где он отдыхает и спит. Большей частью это продолговатые ложбинки, около 40 сантиметров в длину, в которых он сидит, затаившись так, что его совершенно невозможно заметить. Поэтому всем его врагам, включая и человека, бывает так трудно обнаружить зайца, если он не бежит. Иной раз можно пройти в трех шагах от такой «лежки» и не заметить затаившегося в ней зайчишку. А он и не шевельнется. Но если его случайно все же обнаруживают, то всегда замечают, что глаза у него широко раскрыты. Отсюда, по-видимому, и произошла сказка о том, что заяц якобы спит с открытыми глазами. Нет, заяц в таких случаях не спит — просто у него необыкновенно крепкие нервы: дрожит от страха, но не убегает — надеется на свою защитную окраску. Известен случай, когда один такой заяц регулярно затаивался в лежке, вырытой им в нескольких шагах от рельсов железной дороги. Каждый день мимо него громыхали составы скорых и товарных поездов, но «храбрый зайчишка» не убегал. Когда же зайцу становится уж невыносимо страшно, он буквально «взрывается» — взметнувшись высоко вверх, кидается прочь. Неподготовленный человек или пес, ошарашенный таким внезапным появлением зайца, не могут сразу же прийти в себя и броситься в погоню. Так что проходит пара секунд, за которые длинноухий успевает отбежать на порядочное расстояние. Ведь, догоняя его на машине, уже удалось выяснить, что он может развить скорость в 60 километров в час.

Чувствуя, что собака его вот-вот настигнет, заяц начинает изменять свои знаменитые трюки, не говорящие, однако, о какой-либо его особенной хитрости или «изобретательности», как это принято считать; такое поведение для зайца является просто врожденным. Иногда эти обычные заячьи фокусы выражаются во внезапном изменении направления бега: на полном ходу заяц сворачивает в сторону, а преследователь неизбежно проскакивает мимо и только постепенно может преодолеть инерцию. Если зайцу удалось оторвать-

ся от своего преследователя, он начинает петлять: поворачивает назад и пробегает некоторое расстояние по собственному следу, затем делает огромный прыжок в сторону (иногда до 2,7 метра) и, запутав таким образом следы, бежит дальше. Такую уловку он может проделать несколько раз подряд. А собака, бегущая опустив нос к земле и припнувшись, внезапно обнаруживает, что след утерян, бежит назад, растерянно кружит вокруг одного и того же места, пока не упадет на новый след. Но время уже безвозвратно потеряно, что дает зайцу солидную фору: он может спрятаться в каком-либо укрытии и, усевшись столбиком на задние лапы, наблюдать оттуда за манипуляциями своего врага. Иногда он в таких случаях, если трава высока, даже приподнимается на задних лапах и проходит пару шагов вперед. Уже замечено, что ручные зайчики, выращенные при доме, играя с детьми, часто поднимаются на дыбы и бегут на двух ногах. Зачастую заяц сбивает с толку своих преследователей тем, что на полном ходу вскакивает в развилку ветвей или на какую-нибудь стену и, скрывшись таким образом из виду, устраивается там поудобнее и надолго. Способность совершать самые виртуозные прыжки уже не раз сбивала с толку даже опытных охотников. Так, один заяц с ходу перемахнул через полутораметровую церковную ограду; другой, за которым гналась одичавшая бездомная собака, в своем отчаянии вскочил на бензобак мотоцикла, оттуда на плечо мотоциклиста и, совершенно сбив с толку своего преследователя, соскочил сзади на землю и удрал. Даже через автомобиль перемахнул один такой длинноухий, а другой — через лошадь.

Порой в каком-нибудь охотничьем постоялом дворе случается увидеть чучело зайца с рожками на голове; даже в естественно-научных коллекциях можно было прежде найти нечто подобное. Но это всего лишь шутки умелых изготовителей чучел, которые, желая позабавиться, прикрепляют рожки косуль к заячьему лбу...

Зайцы не особенно боятся воды. Разумеется, всякий зверек с густым подшерстком старается не слишком-то намочить. Тем не менее уже не раз наблюдали, как зайцы-русаки совершенно добровольно заходили в ручей и там купались. Преследуемый заяц способен запросто переплыть широкую реку, иной раз проплыть даже расстояние до 600 метров! На некоторых морских островах зайцы ежедневно переплывают с одного острова на другой только потому, что там растет особенно сочная трава.

Когда такой вот длинноухий чувствует себя в безопасности и сыт, он способен вытворять самые удивительные вещи. Так, доктор Т. Цвислер, притаившись в засидке, наблюдал такую сценку. Заяц приблизился на расстояние двух метров к ничему не подозревавшему скворцу, и, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, резко подпрыгнул вверх, несколько раз повторил свой маневр, быстро перебирая в воздухе задними лапами. Затем он, повалившись на спину, стал кататься по траве, как это делают собаки, а потом поднялся и, сидя на задних лапах, принялся «бить поклоны», резко кивая головой. И представьте себе, весь этот «странный танец» явно предназначался для скворца. А тот следил за его представлением, склонив от удивле-

ния голову набок. Продолжалась эта сценка минут пять подряд.

Про трусливых людей мы говорим: «труслив, как заяц», и вообще заяц для нас — воплощение глупости и трусости. Однако африканские зайчишки, более мелкие и длинноухие, чем наши, играют в сказках аборигенов совсем иную роль — лукавых и пронырливых персонажей. Они ловко обманывают других животных (как в наших сказках это проделывает обычно кумушка-лиса). Убегать что есть мочи от человека или собаки — что же тут трусливого? Разве сами мы не бросаемся улепетывать во весь дух, если за нами погонится разъяренный слон или лев? Охотники, которые приходят в лес не только «пострелять», но и полюбоваться живой природой, животными в их естественной обстановке, уже не раз убеждались, какими неслыханно храбрыми бывают иной раз зайцы. Как они смело нападают на промысляющих в поле бездомных кошек и даже собак. Однажды видели, как заяц отбивал атаки нападающей на него кошки: он резко подскакивал сверху и с такой силой пинал обидчицу задними ногами, что та перекувыркивалась через голову. И так несколько раз подряд, пока кошка не сочла благоразумным отступить. А заячья мамаша в течение нескольких дней подряд отражала атаки двух разбойниц-ворон, вознамерившихся похитить ее детенышей.

Когда профессор Х. Хедигер еще разводил в Базельском зоопарке зайцев, то у него были большие трудности с зайчихами: как их уберечь от того, чтобы они не разнесли себе череп о железную решетку, когда посетители слишком близко подходили к их клеткам, желая «погладить прелестных зайчат». Пришлось на почтительном расстоянии от клеток протянуть колючую проволоку. А мы, во Франкфурте, вовсе не намеревались содержать в зоопарке зайцев. Но тем не менее, как это водится обычно во всех зоопарках, нам время от времени приносили ручных зайцев, от которых их владельцы желали избавиться. Выпустить такое ручное животное на волю — означает его верную гибель. Поэтому мы были вынуждены временно сажать их в маленькие клетки, совершенно непригодные для их содержания. Но пока мы лихорадочно подыскивали новых владельцев для несчастных узников, они, к нашему удивлению, быстро приспосабливались к непривычной обстановке, приносили потомство и выращивали его в условиях неволи. Подобные же сведения поступали к нам и из других зоопарков. Так что зайцы, как оказалось, способны быстро отучаться от своих заячьих привычек — безумных прыжков, сумасшедшей беготни и так далее и могут безбедно существовать в небольших жилищах, не проламывая себе череп о железную решетку. Но только в тех случаях, когда они с детства жили рядом с человеком.

У меня дома тоже жил однажды такой заяц по кличке Теодор, которого никак нельзя было бы назвать робким или стеснительным. Он бесстрашно командовал собаками, прогонял их с их законных подстилок, если сам хотел на них поваляться. В таких случаях он над самым ухом собаки выбивал передними лапами барабанную дробь. У Теодора были свои твердо установленные «тропы», которыми он бежал по квартире: между тумбами письменного стола, затем

вдоль книжных стеллажей на кухню и обратно — точь-в-точь как это бывает у диких зайцев на воле. Ел он охотно и колбасу, и фарш, как это часто наблюдается у зайцев, живущих в домашних условиях, в то время как в желудках вольных зайцев ни разу не приходилось находить остатков животной пищи. Возможно, что свою потребность в белках они удовлетворяют за счет поедания совсем молодых побегов растений, богатых растительными белками. А живя в неволе, они таковых не получают или получают недостаточно.

Такие прирученные зайцы способны показывать самые различные фокусы. Мне как-то попала в руки афишка, датированная 1689 годом, на которой артист Карлос Легранд объявляет о показе дрессированных зайцев, марширующих на задних лапах и бьющих при этом в барабаны. Покойный барон фон Безелагер тоже имел ручного зайца, который жил у него пять месяцев в доме, затем был выпущен на волю и бегал по имению где только хотел. Когда по вечерам приходили гости, то достаточно было зажечь на веранде свет, открыть дверь в сад и покричать: «Мукель! Мукель!», как он немедленно являлся откуда-то из темноты, вскакивал своему бывшему владельцу на колени, нисколько не смущаясь присутствием посторонних людей, которых порой бывало даже более дюжины, — зайчик не обращал на них никакого внимания. И хотя ему специально отрезали одно ухо, чтобы охотники могли его отличить от других и случайно не подстрелили, тем не менее настал день, когда он сделался добычей какого-то хищника.

Глава XIV

Где наши аисты?

Московский аист... в Серенгети

Увезенный в Израиль вернулся в Польшу

Аистинные браки — не гусиные

Античные и современные сказки об аистах

Печная труба — ловушка для птенцов

Аисты летели вслед за цирком

Что означает их трескотня?

С аистами происходит то же самое, что со мной: как только повеет зимой — их тянет в Африку. Правда, их путешествие требует несколько большего времени, чем мое. И хотя аисты способны за два дня пролететь 610 километров (что было доказано возвратом колец с метками), тем не менее они обычно летят на юг не слишком поспешая, с промежуточными посадками в удобных для себя местах. Вылетев из ФРГ в конце августа, они лишь в ноябре заявляются в Южную Африку. А поскольку они не очень-то охотно машут

крыльями и предпочитают планировать, используя восходящие воздушные потоки, то избегают пролетать над большими водными бассейнами, где таких восходящих потоков почти не бывает. Так, наши западноевропейские белые аисты летят в Африку не через Средиземное море, а взяв юго-западное направление, пересекают Испанию, затем Гибралтар, пролетают над Сахарой и прибывают в Южную Африку почти одновременно с восточноевропейскими аистами, которые летят через Балканы, Босфор, Турцию и Восточную Африку. Многие из аистов, правда, так и остаются зимовать в Восточной Африке — никуда дальше не забирается. Я сам их там видел и снимал, как аисты с присущей им важностью расхаживают между носорогами и зебрами, точно так же как у нас дома они шествуют по пашне вслед за пахарем.

А вот над Италией аистов больше не увидишь — там их давно истребили на гнездовьях, точно так же как в Англии и почти во всей Франции.

Граница между аистами, летящими в юго-западном направлении, то есть по «испанскому» пути и по «турецкому маршруту», проходит от Южной Голландии, через Гессен, в Западную Баварию. Разумеется, естествоиспытатели, основной отличительной чертой которых, как известно, является любопытство, уже давно пытались выяснить, почему же одни аисты улетают на юго-восток, а другие — на юго-запад. С этой целью профессор Шюц еще до второй мировой войны провел такое исследование. В богатой аистами Восточной Пруссии он брал нелетных птенцов аиста и пересылал их в бедную аистами Рейнскую область. Там их и выращивали до наступления осени. Рейнские аисты в августе должны отлетать в юго-западном направлении, в сторону Испании. Так им во всяком случае положено. Однако юные «пруссак», выпущенные на волю уже после того, как все взрослые птицы давно улетели, поднялись в воздух и, покружив, направились на юго-восток. Так, как у них заведено. Перелетев через Альпы, они добрались до долины По. Так что, как видите, стремление лететь в юго-восточном направлении в них заложено, можно сказать, еще в яйце, оно врожденное; родительское обучение тут не понадобилось. Несколько лет спустя целую группу аистят, взятых с крыш восточнопруссских деревень, вырастили на Рейне и выпустили осенью одновременно со взрослыми птицами. Эти молодые аисты улетели вместе со старшими в юго-западном направлении. В этом случае, как видно, пример более опытных особей оказался сильнее, чем врожденная тяга.

Но аист не может лететь в Африку, когда ему вздумается, — это не мы с вами. Он может лететь туда только в конце августа. Так, в 1939 году один польский орнитолог решил попробовать сократить путь аистов до Африки и переправил несколько птенцов из Польши в Израиль самолетом. До начала осеннего перелета аистов оставалось полтора-два месяца. Но эти птицы, которым столь комфортабельным способом сократили добрую четверть предстоящего пути в Африку, не захотели воспользоваться своим преимуществом. Не прошло и 12 дней, как они все уже сидели снова по своим гнездам

в Польше. Добрались они туда, разумеется, уже без всяких удобств, своими силами. А через несколько недель, в конце августа, им пришлось проделать тот же путь в обратном направлении, но уже вместе со всей стаей.

Однажды я получил письмо от своего знакомого лесничего из Серенгети, в Восточной Африке, где он сообщал, что они там нашли мертвого аиста с алюминиевым кольцом на лапе. Надпись на нем гласила: «Москва. 6069». Когда находишь такое кольцо, то его следует направить в любое из известных вам Бюро кольцевания птиц — все равно в какое. А они уж там сами разберутся, куда его следует переслать дальше. Обычно его пересылают в Бюро кольцевания соответствующей страны или города, указанного на кольце. Я, например, сообщил об этой находке в Бюро кольцевания «Радольфцелль» в Вюртемберге, а оттуда уже известили московских орнитологов о находке; при таком способе всегда можно узнать, сколько лет назад и где именно данная птица была окольцована. Таким образом, между прочим, выяснилось, что добрая часть тех белых аистов в Серенгети, которых я всегда воспринимал как «весточку с моей далекой родины», на самом-то деле родом из России. А вот полстолетия или даже целое столетие тому назад такого случая произойти не могло бы, потому что в те времена аисты в Московской области не водились. Зато теперь они там все шире распространяются по своим новым местам обитания, в то время как у нас, на Западе, они встречаются все реже и реже. В начале века в Швейцарии выводило свое потомство 150 пар аистов — теперь там нет ни одного. Точно так же и в Эльзасе стали призадумываться над этой проблемой. Там ведь прежде всегда гордились своими многочисленными аистами, в каждой второй деревеньке имелся постоянный двор под названием: «У аиста». В 1947 году в Эльзасе еще насчитывалось 177 пар аистов, а в 1958 году — только 135. Поэтому Вальдфогель из Раппольтсвалера в 1956 году решил основать «Общество эльзасских друзей аистов». Члены этого общества построили на свои средства 25 новых гнезд, скупили даже несколько лугов и заложили два больших и три маленьких водоема, куда школьники отовсюду стаскивали лягушачью икру и головастиков. Следующей весной, в апреле, аисты, возвращаясь из Африки (назад они всегда летят более целенаправленно и поспешно, видимо подгоняемые любовью!), заметили радушный прием, приготовленный им в Эльзасе, но большинство все же полетело дальше своей дорогой, на север. Тем не менее три пары остались и вывели там птенцов. Сообщение об этом обошло все газеты и вдохновило многих других людей тоже построить у себя на крыше искусственные гнезда для аистов и обеспечить им необходимые условия для пропитания. А король Марокко до того расчувствовался, что даже прислал в Эльзас 20 аистов самолетом.

Но случается и так, что какая-нибудь парочка решает обойтись без длительного путешествия в Европу и остается выводить свое потомство прямо на месте, в Южной Африке. Уже дважды удавалось наблюдать там аистов на гнезде — последний раз в 1961 году, в Юго-Западной Африке.

Мой друг Майлс из Серенгети писал мне как-то, что видел, как среди множества аистов расхаживал один, у которого в крыле торчала негритянская стрела. И птица все же не потеряла способности к полету. Я тогда вспомнил, что другой аист еще 140 лет тому назад доказал, что аисты на зиму улетают в Африку: его шею пронзила негритянская стрела, конец которой торчал из груди, а острие выходило наружу возле самой головы. И тем не менее птица одолела далекое расстояние до своего дома в Висмаре, где 21 мая 1822 года была застрелена охотником. Чучело этого аиста с восьмидесятисантиметровой стрелой в теле простояло более ста лет в музее Ростокского зоологического института.

Тяга к родному дому, к своему гнезду, где аист впервые увидел свет, по-видимому, необычайно сильна. И несмотря на то что многие молодые аисты на первое лето остаются в Африке, потому что по-настоящему половозрелыми становятся лишь к четырем годам, они тем не менее некоторое время спустя непременно появляются на своей родине. Причем примерно восемь процентов из них приземляется непосредственно на крышах той же деревушки, 41 процент — в окружности 10 километров, а 21 процент — в 10—25 километрах от того места, где они когда-то впервые высунули свою голову из яйца. Но подобная трогательная привязанность относится все же скорее к гнезду и родине, чем к родителям. Из 60 аистов год спустя только 37 оказывались в тех же гнездах; через пять лет их было уже только 11, а спустя семь лет — лишь один. При этом наибольший возраст, которого способен достичь аист, равняется примерно 20 годам; в Натале в 1961 году нашли мертвого аиста, окольцованного в 1942 году в Росситене*, в бывшей Восточной Пруссии. А сколько их гибнет по дороге! Не так давно в Натале, в Южной Африке, в районе Драконовой горы обнаружили много сотен мертвых аистов, погибших во время страшного града. А когда в Эльзасе однажды обрушилась фабричная труба, стоявшая 15 лет без употребления, то в ней нашли более 50 скелетов аистов, когда-то в нее провалившихся и не сумевших выбраться. Уже неоднократно случалось, что аисты убивали пчелы.

А то, что молодые аисты якобы кормят и пестуют своих престарелых родителей, — это чистый вымысел. Тем не менее древние греки так безоговорочно в это верили, что закон, обязывающий граждан заботиться о своих родителях в старости, носил название «Pelargonia», производное от «pelargos» — аист.

А как много бытует еще разных других легенд об аистах, в которые люди верят по сегодняшний день! В Румынии вам расскажут, что аисты способны на страшную месть тому, кто разорит их гнездо. Они приносят пылающую головешку на соломенную крышу обидчика и, обмахивая ее крыльями, заставляют разгореться всю; вскоре пламя охватывает весь дом, и он сгорает дотла. Совсем недавно я прочел в нашей солидной охотничьей газете заметку о происшествии,

* Нальс — Рыбачий.

имевшем якобы место в одной из латвийских деревень. В ней самым серьезным образом сообщалось следующее:

«Один мальчишка залез на крышу, вынул из аистиного гнезда яйцо и подложил вместо него индюшачье. Все птенцы вылупились одновременно, но когда папаша-аист увидел темного уродца, он пришел в ужас, слетел с гнезда и был таков. Вскоре он вернулся в сопровождении 40—50 аистов. Они подняли такую трескотню, что люди побросали свою работу и стали ждать, чем кончится весь этот скандал. «Помитинговав», аисты разлетелись, остался лишь папаша-аист и еще один, видимо, его ближайший приятель. Вдвоем они набросились на гнездо, убили ударами клювов несчастную аистиху и ее птенцов. Всех их выбросили из гнезда. Затем оба они поднялись в воздух и, описав прощальный круг над опустевшим гнездом, тоже улетели прочь, чтобы никогда уже сюда не возвращаться».

Вот какая печальная история. А в другой раз аисты собрались перед отлетом в дальние страны на лужайке.

«Среди них был один с больной ногой. «Всенародный аистиный комитет по охране здоровья» принял решение не брать его с собой — все равно не долетит. Тогда два других аиста схватили калеку за крылья и подтащили к растрескавшемуся дереву. Голову несчастного затолкали в щель, а тело рванули книзу — так с бедным молодым аистом было покончено. Все же остальные стали энергично готовиться в путь».

Рассказ о подложенном яйце и безвинно погибшей «нарушительнице семейной верности» можно прочесть в книге, вышедшей в свет в 1220 году, автором которой является Кальзарий фон Гейстербах. Называется она «*Dialogus magnus visionum et miraculorum*». В 1954 году рассказ перепечатала оттуда «Ридерс дайджест», но на сей раз яйцо было гусиным, и случилось все якобы в Западной Германии.

Что касается повадок аиста, то об этом многое можно прочесть у профессора Конрада Лоренца. Так, аист-самец защищает возле гнезда вовсе не обязательно свою супругу — он будет защищать любую самку, насиживающую кладку. В его поведении «закодировано», что он должен защищать «самку на гнезде». Значит, любую. И вообще супружеские пары у аистов отнюдь не так магически и неразлучно привязаны друг к другу, как, например, у журавлей, лебедей, гусей, галок или воронов. Ведь самцы и самки у аиста и в дальние свои путешествия отправляются врозь, притом в разное время. Самец-аист весной появляется задолго до своей супруги, или, точнее сказать, относящейся к данному гнезду самки.

Любители природы могут порассказать великое множество всяких баек об аистах, которые вот так и перетаскиваются из столетия в столетие и время от времени выдаются за новое, только что случившееся происшествие. Больше всего мне нравится оригинальное умозаключение одного работника лесничества, которое на сей раз уже, вероятно, в шутку было опубликовано все в той же охотничьей газете:

«Аисты просто-напросто ввинчиваются высоко в небо и остаются там в течение двенадцати часов. А земля под ними за это время

продолжает вертеться и успевает повернуться настолько, что, когда аисты снова опускаются вниз, они уже в Африке...»

Но порой можно услышать и захватывающие дух «аистинные истории» совсем современного происхождения. И следует считать заслугой орнитолога Рудольфа Кука, проявившего терпение и настойчивость в разоблачении одной такой газетной шумихи. Многие западногерманские газеты осенью 1953 года поместили под крикливыми заголовками подробное сообщение о том, как индийский четырехмоторный самолет «OZ-14» с 44 пассажирами на борту, пилотируемый командиром корабля Дадимом Тхелумом, между северной оконечностью Крита и островом Касос врезался на высоте 1055 метров в стаю аистов, насчитывающую от 12 до 15 тысяч птиц:

«Лопастя пропеллеров перемалывали тела целых дюжин аистов до тех пор, пока их перья и кости напрочь не забили все четыре двигателя. Экипаж, который еще до этого ужасного происшествия из-за сильного урагана запросил у аэропорта «Ираклион» на Крите разрешение на посадку, теперь радировал туда «SOS». Однако приказ аэропорта тотчас же совершить где-либо на Крите вынужденную посадку команда не выполнила. В этой острокритической ситуации внутри самолета начали разыгрываться самые душераздирающие сцены! Четыре индийских промышленника продиктовали по радио свое завещание. Во время вынужденной посадки в двух километрах восточнее «Ираклиона» самолет ударился о землю, загорелся, однако пассажиры, несмотря на ранения, частично тяжелые, остались в живых».

Р. Кук решил проверить это сенсационное сообщение, и ему удалось выяснить, что его передало Информационное бюро в Любеке, которое в свою очередь получило его от одного арабского агентства в Каире. А уж оттуда никогда не отвечали ни на какие запросы. Тогда запросили немецкое консульство в Афинах, Управление аэропорта «Ираклион», греческое Управление гражданской авиации, индийское Управление гражданской авиации, подключив все сколько-нибудь причастные к подобным делам службы. Результат: во всей Греции никто даже не слышал о таком волнующем происшествии, ни самолета с подобными опознавательными знаками, ни пилота с такой фамилией не существует вообще. Все событие от начала до конца и со всеми подробностями оказалось чистым вымыслом.

В старых школьных учебниках еще можно прочесть, что взрослые аисты обучают своих птенцов полету, демонстрируя им, как это надо делать. Но достаточно лишь вырастить в неволе осиротевших аистят или птенцов, забранных из гнезда родителей (что, кстати сказать, не представляет больших трудностей), как тут же убедишься в том, что все обстоит совсем иначе. Способность к полету у аистят заранее «запрограммирована»: придет срок, и они полетят.

Знаменитая пара орнитологов — Оскар и Магдалена Хайнрот — уже несколько десятков лет назад проделали такой опыт и подробно его описали. К фрау Хайнрот, которая в основном и ухаживала за осиротевшими аистятами, они относились очень дружелюбно, ее мужа же старались пырнуть клювом в лицо. Получив пару затрепчин,

они утихомиривались и запоминали, что так вести себя опасно. Став большими, они еще помнили об этом и не делали попыток напасть на хозяина: по-видимому, молодые аисты подчинились ему как старшему и более сильному члену семьи, «стоящему выше их на некоей иерархической лестнице». Поэтому за затрешины они на него не обижались. Что же касается фрау Хайнрот, то по отношению к ней они с самого начала и до конца держались исключительно приветливо и привязались к ней всей душой.

Аистята прекрасно умеют есть свой корм — мясо, мелко нарезанную рыбу и тому подобное — прямо из мисочки. Они ведь приучены к тому, что родители, принося корм, кладут его в гнездо, что называется им «под нос», в то время как многим другим птенцам корм засовывают в широко раскрытый клюв. Именно поэтому людям, на крыше которых гнездились аисты, часто легко удавалось выкормить осиротевших или брошенных почему-либо родителями аистят. Корм насыпали в ящичек, прикрепленный на длинном шесте, который протягивали снизу на крышу. Будь то не аисты, а другие птички детки, привыкшие ожидать прихода родителей, сидя с широко разинутыми клювами, то те при подобных обстоятельствах неминуемо умерли бы с голоду.

Но я должен сказать, что не так уж они безобидны, эти аисты. Однажды моему покойному коллеге, директору Лейпцигского зоопарка профессору К. М. Шнайдеру, аист двумя ударами клюва разбил линзу зеркальной фотокамеры. По-видимому, он принял ее за чей-то огромный глаз.

Вот каким осторожным надо быть, если приближаешься к этим остроклювым птицам, даже тогда, когда они еще в самом, казалось бы, нежном возрасте!

В Эслинге однажды внезапно погас свет — что-то случилось с электропроводкой. Вскоре на земле нашли мертвого аиста: оказывается, он налетел на электрический провод и разорвал его. Овдовевшая аистиха продолжала насиживать одна, причем в течение трех дней почти не покидая гнезда; слетала она с него всего несколько раз на пару минут поискать какого-нибудь корма. Такое поведение самки аиста небезынтересно, потому что обычно у этих птиц самка и самец сменяют друг друга во время насиживания. Случись нечто подобное у голубей — оставшийся в живых партнер будет сидеть на гнезде ровно столько, сколько ему «предписано». В привычное время «смены вахты» птица встанет и улетит. И ее несколько не будет заботить тот факт, что брошенные без надзора яйца за это время остынут и зародыши погибнут. Она вернется точно к положенному часу, сядет на гнездо и будет насиживать дальше. А вот аистиха — нет: та вывела своих птенцов самостоятельно, без помощи самца; возможно, это объясняется еще и тем, что несчастье с самцом произошло всего за каких-нибудь два-три дня до вылупления птенцов. Однако уже семь дней спустя аистята исчезли — по-видимому, они почему-либо умерли и мать их проглотила, как это иногда наблюдается в подобных случаях. Когда однажды подстрелили самку аиста, то папаша самостоятельно вырастил птенцов, правда, к тому моменту, когда они

потеряли мать, им было уже две или три недели. Молодняк аистов, которых выхаживает только один из родителей, как правило, несколько отстают в физическом развитии и становятся летными на две-три недели позже, чем другие.

Родителям-аистам приходится немало потрудиться, чтобы раздобыть достаточное количество корма для своего выводка. Так, профессор Шюц однажды подсчитал, что шагающий вслед за плугом аист в течение часа поймал 44 полевки. Меню другой трапезы было составлено из: 76 майских жуков, 674 мелких жужелиц, 730 личинок пилильщиков, 1315 саранчовых. У зулусов в Южной Африке и многих других негритянских племен аист прямо так и называется «пожиратель саранчи», что наилучшим образом показывает, чем он там в первую очередь питается.

Отмечен и такой случай. Во время косьбы зимнего рапса из кротового холмика выскочил горноста́й. Аист, следовавший за сенокосилкой, тотчас же схватил маленького разбойника за шиворот. Каждый раз, когда тот пытался нанести аисту ответный удар, птица подлетала примерно на метр вверх. Но, после того как аист нанес горностаю пять или шесть метких ударов клювом, подбросив его при этом в воздух, тот испустил дух. Затем аист, давась, с трудом проглотил свою добычу.

Между прочим, аист, ставший ручным и разгуливающий по деревенскому двору, бывает иной раз не прочь схватить зазевавшегося цыпленка и снести его наверх, на крышу, своим деткам.

В Мюнстерском зоопарке парочка аистов, жившая там уже в течение восьми лет с подрезанными крыльями, вырастила самостоятельного двух аистят, а третьего пришлось вырастить служителям. Аисты ведь, как известно, снежно-белые птицы, лишь маховые перья их крыльев — иссиня-черные. Эти большущие перья вырастают у них с 31 по 48 день жизни ежедневно на девять миллиметров! Таким образом, к двум с половиной месяцам аистята уже становятся летными. Мюнстерские аистята начали к этому возрасту регулярно совершать облеты над городом, присаживаясь на крыши домов и башни — лучшую рекламу для зоопарка трудно даже придумать! То, что третьего аистенка вырастили служители и он видел в каждом человеке доброго друга, обернулось для него пагубным образом. Даже тогда, когда он вместе со своими братьями пасся на лугу далеко от Мюнстера, он радостно бежал навстречу каждому прохожему, чтобы поприветствовать его. При этом он приседал, бил крыльями и издавал шипяще-мяукающие звуки. Дети и неразумные взрослые тыкали в него палками, бросали камнями и замучивали до такой степени, что работники зоопарка охотнее всего подрезали бы ему крылья — и дело с концом. Но им не хотелось лишать его радости жизни и возможности улететь на зиму в дальние страны. Когда мюнстерские аисты улетели, их видели сначала возле голландской границы, а уже 14 дней спустя одного из них (конечно, ручного) подстрелили в окрестностях Марселя.

Другой выращенный людьми аист уже много позже, когда он летал со стаей диких родичей, к которой присоединился, каждый

раз спускался с небес к своим приемным родителям, стоило им лишь похлопать в ладоши и покричать: «Ханзи! Ханзи!»

Чешский цирк под руководством Клудского закупил, будучи на гастролях в Румынии, 50 молодых аистов. Птицы были еще не летными, поэтому им разрешалось свободно бегать меж жилых фургонов палаточного городка, обнесенного забором. Птиц хорошо кормили, но когда их перед переездом цирка на другое место хотели запереть, они вдруг, все как один, поднялись на крыло и улетели прочь. Никто и не заметил, что они стали уже летными! На следующей стоянке цирка, в нескольких сотнях километров от прежнего места, аисты внезапно появились снова. Они уселись на канатах, крепящих опоры большого купола «шапито», и спустились оттуда только после того, как был установлен забор, огораживающий цирковой «городок». Тогда они, как ни в чем не бывало, стали снова расхаживать меж фургонов и с удовольствием доставать корм из своих прежних кормушек. Но стоило цирку сняться с места, как они снова исчезли и завылились назад только на следующей стоянке, в Брюне. Так они и сопровождали свой цирк по воздуху.

В зверинце Скансен в Стокгольме один зоопарковский аист доказал, что умеет хорошо плавать. На пруду жили три аиста с подрезанными крыльями. Причем два на одном острове, а третий, неуживчивый, — на другом. И вот этот аист дважды переплывал расстояние в 12 метров, отделяющее его от другого острова. В Базельском зоопарке черный аист с подрезанными крыльями сумел тем не менее обвенчаться с обычным белым, свободно летающим аистом и произвел на свет гибридного аистенка, прожившего, однако, на свете всего 53 дня.

На земле существует 17 различных видов аистов.

Как только аист выберется из яйца, он тотчас же закидывает голову на спину и производит хватательные движения клювом. Люди, ухаживающие за аистами, часто принимают это за судороги. Но это не судороги, а просто подготовительный этап к трещанию клювом. Аистенок проделывает точно те же движения клювом, что и взрослый аист во время трещания, но треска не слышно, потому что клюв еще мягкий. Только через шесть дней можно различить легкий шорох. Хайнрот говорил об этом так:

— Создается впечатление, что они охотно бы трещали клювами еще в яйце, если бы там было достаточно места!

Подобное поведение — доказательство того, что они обучаются трещанию не у своих родителей, а это их прирожденное свойство. Молодые аисты непременно потрещат клювами, прежде чем взять принесенную им еду, какими бы голодными они ни были. Сначала надо обязательно потрещать, а потом только есть. Создается впечатление, что они обязаны доказывать родителям, что они «настоящие аисты», что те не ошиблись адресом. Когда за аистятами приходится ухаживать людям, то кормление превращается в настоящую муку, особенно когда торопишься и хочешь их накормить побыстрее.

Трещание клювом у взрослого аиста означает просто: «Я взвол-

нован». В чем причина волнения — ненависть ли это или любовь, можно узнать только из последующих действий птицы. Но случается и так, что аист от удивления «теряет дар речи». Так, одному крестьянину из деревни Ратьен бросилось в глаза, что вернувшийся из Африки к своему гнезду на его крыше аист испуганно снова взлетел, опустился на соседнюю крышу и оттуда в немом оцепенении устоялся на свое гнездо, наклонив голову набок. Гнездо было уже очень давним и обжитым, оно достигло с годами двух метров в диаметре и нескольких центнеров веса. Крестьянин подождал-подождал, а потом притащил лестницу и влез на крышу посмотреть, в чем дело. Каково же было его удивление, когда ему чуть ли не в лицо взлетела кряква. В гнезде лежало десять бледно-зеленых яиц, которые хозяин тут же подложил в свое курятнике несушке. Как только гнездо было освобождено от самовольного квартиранта, аист «с явным облегчением» тут же занял свою старую квартиру.

Что, собственно говоря, происходит с нашими европейскими аистами, которые, казалось бы, повсюду пользуются такой любовью? С конца прошлого столетия вплоть до 1928 года их численность непрестанно убывала. Затем она стала резко повышаться, но с 1937 года снова пошла на убыль. Опрос, проведенный Орнитологической станцией Радольфцелль, дал следующие результаты: от Португалии до Советского Союза в 1958 году гнездились в общей сложности 68 423 пары аистов; в ФРГ и ГДР — 4800 пар (в 1934 году их было 9035). Наиболее богатым аистами районом Западной Германии считается Бергенхузен в округе Шлезвиг. В 1939 году там было 59 занятых гнездами крыш, в 1950 году их стало 26. Бергенхузенские аисты летают в Южную Африку через Балканы. Кольцо, надетое аисту в этой деревеньке, вернулось из окрестности Кейптауна, отдаленного от Европы как-никак на 10 400 километров. Возле Бергенхузена пока еще имеются обширные пространства болот.

Еще хуже обстоит дело с японскими аистами. Те почти уже совсем истреблены. В 1964 году их там оставалось всего 13 штук (против 25 в 1960 году). Поскольку они на воле (по-видимому, из-за ядовитых веществ, применяемых для борьбы с вредными насекомыми) практически перестали размножаться, то для самых последних пар теперь выстроили огромные вольеры, по которым они могут даже летать.

Может быть, аисты у нас вымирают оттого, что мы повсюду осушаем болота и озерки? Потому что наши крупные города своими водопроводами выкачивают всю грунтовую воду, из-за чего ее уровень повсюду неуклонно понижается, а земляные уголья становятся все суше? Или слишком много аистов отстреливают на пролете через Францию? Постоянному уменьшению их числа способствует, безусловно, и тот факт, что огромные территории Африки постоянно опыляются с самолетов ядохимикатами для борьбы с саранчой. Однако то, что у нас их становится все меньше, вовсе еще не означает, что они вообще вымирают. Ведь множество аистов выводит свое потомство в Северной Африке, и, как мы видели, они завоевывают себе новые места обитания в Восточной Европе.

И тем не менее мы обязаны задать себе вопрос: неужели наши дети не увидят ни одного аиста на крыше?

Почему мы не ездим на лосях?

Самые мощные олени на свете

Вместе с саними через забор

Лосю спешить некуда

Лосиная ферма на Урале

Сохатый убивает медведя

**Лосиха, которая давала шесть литров
молока в день**

Перспективен ли лось как тягловое животное?

Чтобы преступники не могли удирать из мест заточения, пробираясь по лесам и болотам Сибири, русская царица Екатерина II запретила обьезжать и приучать к упряжке сохатых, этих мощных лесных великанов. Да и в городе развезжать на лосях не рекомендовалось — лошади пугаются. Тем не менее возможность такая все же существует — превратить лося в верховое или тягловое животное.

Ведь они на самом деле вовсе не такие «дремучие», дикие и пугливые, как это часто почему-то изображается. Во время строительства Беломорско-Балтийского канала лоси часто выходили из лесу и присоединялись к пасущимся коровам строителей; не раз отдельные из них безбоязненно проходили по деревенским улицам и меж ба-
раков, причем отнюдь не только зимой, гонимые голодом, а просто так. Какие-нибудь десять лет назад годовалый лось вскочил через открытое окно в класс школы на окраине Стокгольма, разумеется, к несказанному удовольствию учеников! Когда заядлый охотник барон Тизенхаузен однажды сидел в засидке, выслеживая тетерева, какой-то лось стал проявлять к нему повышенный интерес. Охотник попытался прогнать его зажженной спичкой, но тщетно: лось отбежал всего на пару шагов и, наоборот, еще больше заинтересовался вспыхивающими в темноте огоньками. Он так назойливо стал приставать к Тизенхаузену, что тому в конце концов пришлось поджечь целую коробку спичек и бросить ее сохатому в морду. Только после этого любопытный верзила кинулся наутек.

За последние годы лоси стали все чаще появляться в тех местах, из которых они уже многие сотни лет как исчезли; например, в некоторых районах Чехословакии и ФРГ.

Были это в основном одиночные экземпляры, чаще всего самцы, и вели они себя несколько не пугливо. Никто не знает, откуда они, собственно говоря, появились. Возможно, из лосиных заказников, созданных в Польше после войны.

Ведь и наши страны в конце концов были когда-то местами обитания лосей; только мы, люди, их здесь начисто истребили. По находкам лосиных рогов в торфяных болотах удалось выяснить, что

еще тысячу лет тому назад сохатые обитали в древней Германии, римские завоеватели знали их и изображали на своих картинах. Три тысячи лет назад, а возможно, значительно раньше, они уже водились в Швейцарии.

Лоси относятся к оленям, притом они самые крупные и тяжеловесные из всех живущих ныне на Земле оленей. Самцы могут весить до 8 центнеров, а размах рогов у них достигает более двух метров! Зачастую встречаются экземпляры, у которых высота в холке составляет 2 метра 20 сантиметров — это уже нечто близкое к слонам. Известно, что с оленями всегда надо быть начеку: дело с ними иметь опасно. Даже ручные, выкормленные из рожка и выращенные в доме, олени непременно становятся злобными и агрессивными, как только повзрослеют и достигнут брачного периода. А объясняется все очень просто: они выросли в окружении людей и считают их особями своего вида. Человеческие приемные родители в таких случаях всегда страшно возмущаются «неблагодарностью» своих воспитанников. Вот совсем недавно я получил письмо от двух пожилых дам, в котором они описывают подобный случай. Гуляя в лесу, они повстречали косяло. Не успели они вскрикнуть от восхищения, как «милый козлик» на них напал. Одной из дам удалось ухватить его за острые рожки, но козлик не отступал. С разорванными платьями, пятясь задом всю дорогу, при этом непрерывно подталкиваемые беснующимся животным, несчастным удалось наконец добраться до постоянного двора на опушке леса, где они и спаслись, захлопнув за собой дверь.

А вот именно с самыми большими и мощными оленями — лосями дело обстоит совсем иначе: с ними подобных разочарований, как правило, не испытывают. Может быть, это объясняется тем, что самцы-лоси и во время брачного периода ведут себя значительно сдержаннее. Они не утруждают себя тем, чтобы согнать в гарем десятки самок и отгонять от них соперников, как это делают благородные олени или американские вапити. У лосей все происходит гораздо спокойнее. Самец на десять дней или в лучшем случае на две недели сходится с самкой, иногда сразу с двумя. Проведя положенное время вместе, они затем расстаются, и лось ищет себе новую подружку.

С лосями вообще гораздо легче иметь дело, чем с другими оленями. Особенно легко с ними обращаться, если загнать в воду. Так, для мечения лосей биолог Д. В. Симкин, работающий в Онтарио (Канада), загонял их с помощью вертолета в озеро, затем приводнился сам рядом с животными и продавал им в ухо метку. Подобная метка позволяет распознавать их несколько лет спустя, определять их возраст, пути миграций и узнавать многое другое, касающееся их жизни и поведения. У большинства лосей в июле голова бывала сплошь покрыта слепнями, несмотря на то что сильный ветер, производимый вертолетом, наверняка многих из них сдувал.

В прибалтийских странах, в том числе в Швеции и России, уже с очень давних пор имеются сведения о случаях приручения лосей. Выращенные в доме лосята свободно разгуливали по комнатам и поднимались даже по лестницам на второй этаж. Правда, выяснилось,

что они почему-то испытывают явную неприязнь к зеркалам и при случае стараются разбить их ударом передних копыт.

У одного старшего лесничего в Прибалтике, Гарри Вальтера, жил ручной лось по кличке Чук, который с потрясающей виртуозностью вскакивал и выскакивал через окно в комнату и обратно, причем ничего не разбивая. Во время обеда он всегда присутствовал в столовой и вообще бегал за своим хозяином, как собачка, когда тот находился в лесу. Лошади и собаки вполне ладили с Чуком. Он позволял даже ездить на себе верхом. Правда, только без седла — седла он не терпел. К сожалению, во время своих прогулок по лесу лось научился способу, которым можно сразу раздобыть очень много грибов (к грибам он был весьма равнодушен): он нападал на грибников, в основном на женщин, прогонял их, а сам преспокойно опустошал их корзины. Поэтому его обычно держали взаперти, когда хозяин находился в отлучке. Но если ему удавалось вырваться, то он еще и полдня спустя после его отъезда мог бежать по следу лошади, увезшей хозяйскую повозку — такое прекрасное у лосей чутье. Но прожить на белом свете ручному животному удалось лишь пять лет — его отравили. Как видно, опустошением корзины грибников он нажил себе слишком много врагов...

И вот возникает законный вопрос: почему же такое доверчивое, легко приручаемое и сильное животное уже давным-давно не превратили в домашнее? Но нечто подобное пока что произошло только с одним видом оленей и то, можно сказать, лишь наполовину, а именно с северным оленем. Северные народности издавна перегоняют свои оленьи стада по тундре и заставляют их худо-бедно таскать за собой свои сани. Однако из-за непослушания и агрессивности оленей запрячь их в сани удается только после того, как всех взрослых самцов кастрируют. Для производства потомства оставляют одних лишь молодых, еще не вошедших в полную силу оленей.

А ведь лоси гораздо сильнее и выносливее северных оленей, они могут (во всяком случае на короткие расстояния) бежать со скоростью 60 километров в час. Притом им не требуется обязательно ягель — они зимой могут довольствоваться побегами хвойных деревьев, и, хотя сохатые в основном питаются ветками лиственных пород, тем не менее умеют, в случае необходимости, опуститься на «колени» и пастись на траве.

Эти могучие лесные великаны к тому же еще отличные прыгуны. Так, в Неандертальской долине, близ Вушперталя, где их держали в загоне, они с места перемахнули через изгородь высотой в 2,5 метра, да еще через голову стоящего за ней лесничего, только потому, что им показалось, что недавно помещенные в этот же загон бизоны подошли к ним чересчур близко...

Поскольку лоси, как видно, боятся лишь волков, медведей и рысей и никак не могут взять в толк, что именно человек их злейший и опаснейший враг, то их и удастся так легко повсеместно истреблять. В Северной Америке лосей, к примеру, сто лет тому назад было еще

около миллиона, а теперь поголовье их снизилось до 195 тысяч (и на таком уровне сейчас уже охраняется законом).

За время первой мировой войны лоси в Восточной Европе были почти начисто истреблены. Поэтому В. И. Ленин подписал в 1922 году декрет, запрещающий лосиную охоту во всей европейской части России. Южнее Москвы была даже основана лосиная ферма, на которой вплоть до 1937 года приучали лосей к верховой езде и упряжке.

Во время последней мировой войны поголовье лосей сильно поубавилось. После войны поляки создали в восточной части своей страны лосиный резерват «Червони багно» (Красное болото) размером около 80 тысяч гектаров, где поголовье бородатых великанов достигло уже свыше 200 голов. Во второй резерват, находящийся всего в 26 километрах от Варшавы, в 1951 году завезли одного лося и двух лосих. Теперь их уже примерно 80 голов.

Там, где этих гигантов охраняют, они быстро размножаются. Так, к примеру, в Швеции надолго полностью запретили охоту на лосей, а за последние два десятилетия время от времени разрешали охотиться на них в течение нескольких дней. И что же дала подобная практика? Поголовье лосей в Швеции с 1929 года увеличилось в 10 раз. И хотя число это за последние годы составляет только 30 000, тем не менее шведы жалуются, что лосей все равно еще слишком много. Сохатые опустошают леса, а сами год от года становятся все мельче.

Около десяти лет назад биолог, доктор Петер Кротт, живший в то время в Финляндии, пробовал приучить двух ручных, выращенных в доме лосят к верховой езде и упряжке. По достижении почти взрослого возраста они, к его немалому удивлению, позволили без малейшего сопротивления надеть на себя сбрую, хомут и уздечку, специально изготовленные для них по заказу Кротта. Ни одна молодая лошадка, какой бы ласковой и доверчивой она ни была, никогда не позволит сделать этого с первого раза, хотя бы уже потому, что лошади гораздо чувствительнее к щекотке. Резиновую узду (железная была бы для зимы слишком холодной) молодые лоси жевали с не меньшим энтузиазмом, чем американцы — жевательную резинку. На пустые сани, которые они при этом тащили за собой, лоси просто не обращали никакого внимания. Пусси и Магнус, как звали этих симпатичных лосят, со сбруей и санями разгуливали по окрестности как и куда им вздумается, так, как делали это во время пастбы. Никаким дерганьем за вожжи или окриками управлять ими не удавалось: их рот был слишком жестким и нечувствительным к узде. Зато они охотно следовали за своим хозяином, если он шел впереди, что им, однако, не мешало через каждые 20 минут останавливаться, обрывать зеленые ветки и спокойно их жевать. Кроме того, они, пройдя в упряжке самое большое с полчаса, ложились передохнуть прямо посреди дороги и лежали по три четверти часа, утомившись от неестественного напряжения. И в то же время им ничего не стоило перемахнуть вместе с привязанными

к ним саями через двухметровый ручей, да и метровые заборы не представляли для них преграды.

Стоило же Кротту нагрузить на сани какую-нибудь поклажу, даже если это были только ветки или сено, животные вскоре натирали себе кожу до крови, несмотря на то что сбруя во многих местах была смягчена толстой подкладкой. Впрочем, и ручной лось старшего лесничего Вальтера (о котором я здесь уже упоминал) позволял своему хозяину ездить на себе верхом, не делая ни малейших попыток сбросить седока, как это делает любая молодая лошадка. Но в то же время он шел с человеком на спине только туда, куда сам хотел, останавливался где хотел и не позволял управлять собой ни при помощи вожжей, ни нажимом ног. Не признавал он и никакого седла.

Петтер Кротт возил своих питомцев в разные города Финляндии, чтобы продемонстрировать их там в качестве тягловых животных. Но демонстрации эти проходили не слишком-то удачно. Правда, Пусси и Магнус без всякого сопротивления поднимались вслед за своим хозяином по сходням в кузов грузовика, если он шел впереди с кочаном капусты в руках. Они разрешали себя там привязать за уздечку к борту, ложились и вели себя совершенно спокойно во время езды. Когда они поворачивали голову, то опасные рога проходили на расстоянии всего каких-нибудь миллиметров от глаз доктора Кротта, стоявшего между ними; это показывает, с какой точностью они рассчитывают свои движения. Когда лоси в одном из городов ночевали в кузове грузовика, затянутом брезентом, и слышали снаружи знакомый голос своего хозяина, с кем-то разговаривающего, они, не раздумывая, прыгнули, прорвав брезент, с двухметровой высоты на мостовую. Собравшаяся вокруг толпа зевак сразу заметно поредела... Однако на зов своего хозяина они послушно подошли к нему, сунули свои носы ему под мышки и последовали за ним словно пара побитых собачонок.

Во время демонстрации хождения в упряжке они несколько не пугались ни скопления людей, ни многочисленных велосипедистов, ни машин, ни автобусов. Лишь возле вокзала их сильно напугал громохавший мимо поезд. Когда же он прошел, они снова успокоились и вернулись на свое место.

К несказанному удовольствию ребятишек, запряженные в повозку лоси ложились прямо посреди улицы на мостовую, не обращая никакого внимания на толпящихся вокруг зрителей, и принимались в спокойствии душевном пережевывать свою жвачку. Даже частный спортивный самолет, низко круживший над местом их отдыха, никоим образом им не мешал.

Поскольку все попытки превратить Пусси и Магнуса в породо-чных тягловых животных так и не увенчались успехом, их пришлось в конце концов отдать: одного — в Гамбургский, а другого — в Датский зоопарк.

А вот в Печоро-Илычском заповеднике в Советском Союзе лосей сумели лучше приспособить к верховой езде и хождению в упряжке, чем это удалось доктору Кротту. Именно в тех местах Урала и

Сибири в течение последних десятилетий неоднократно находили наскальные рисунки доисторического человека, изображающие пастухов, пасущих лосей, или лосей, запряженных в волокуши. Следовательно, жители Сибири еще во времена неолита приручали лосей, однако позже сохатые, по-видимому, были вытеснены лошадьми и северными оленями.

Еще в 1938 году на Серпуховской опытной станции, недалеко от Москвы, жили 13 ручных лосей, которых ежедневно запрягали в сани. За час они перевозили от одного до полутора кубических метров дров на расстояние в 15 километров; однажды они тащили сани даже целых 80 километров — это был рекорд. Следующую станцию было решено основать на Урале, там, где лоси могут найти в изобилии свой основной корм, а именно листву и ветки. Ведь лось только летом прибавляет к своему обычному рациону различные травы и грибы. А в некоторых гористых местностях он довольствуется зимой в основном ветками елей. Может он приспособиться и к совершенно новой, непривычной для себя обстановке, например, летом, спасаясь от оводов, лось способен откочевать к самому берегу моря, а в степях Казахстана его порой можно встретить на полях подсолнечника.

Лоси, содержащиеся на Печорской опытной станции, не боялись ни хищников, ни собак. Даже медведю один здоровенный рогач разможжил передним копытом череп, не используя в схватке своих огромных лопатообразных рогов. По всей вероятности, рога у лося играют роль своего рода турнирного оружия, пускаемого в ход только против соперников во время гона. Зато молодой лось легко может стать добычей медведя. Так, однажды летом 1962 года два медведя средь бела дня проникли в загон лосиной фермы и на глазах у растерявшегося персонала задрали двух лосят. Если снежный покров очень глубок, то мишке не трудно бывает справиться и с большим лосем. Его широкие мохнатые лапы меньше утопают в снегу, чем лосиные копыта, поэтому медведь настойчиво преследует беременных, менее поворотливых самок или, подкараулив лося, сидя где-то на дереве, прыгает ему оттуда на спину.

Вначале, с 1946 по 1948 год, для Лосиной фермы отлавливали лосят в возрасте от одного до трех дней, которых без труда можно было выкормить коровьим молоком из рожка. Такие животные становятся предельно ручными и привязываются к кормящему их человеку всей душой, бегая за ним повсюду. Желудок лосенка вмещает полтора литра молока, а в день лосенок выпивает до двух литров. Дикая лосиха дает в среднем примерно 150 литров молока в год; регулярной дойкой время лактации можно продлить с четырех до шести месяцев. Самая лучшая лосиха — Майка по достижении шестилетнего возраста давала ежедневно почти по шесть литров молока, следовательно, около 400 литров в год.

Уже двух-трехмесячных лосят взнуздывают и привязывают за поводок к столбу. Через пару недель они привыкают спокойно ходить на поводке. Важно, чтобы они прибегали не только на зов знакомого голоса, но и на звук рожка, потому что иначе они будут следовать только за одним-единственным человеком. С помощью рож-

ка их может вести за собой любой. По сигналу рожка все стадо следует за пастухом в загон фермы, где каждый получает по несколько килограммов картофеля или свеклы, чтобы загон фермы навсегда оставался для прирученных лосей притягательным местом.

За своим воспитателем молодой лось бежит точно так же, как он бежал бы за своей матерью в лесу. Правда, такая привычка поначалу всегда затрудняет обучение в упряжи — лосенку надо, чтобы человек шел впереди, а не сидел где-то сзади. Поэтому начинают всегда с того, что впрягают лосей в сани в тот момент, когда рожок сзывает их с пастбища назад, на ферму. Тогда они, как правило, и сами по себе бегут туда, не дожидаясь своего воспитателя.

Когда лоси достигнут веса 130—150 килограммов — а это бывает иногда уже в 6 месяцев, — их начинают приучать носить на спине поклажу и тянуть за собой повозки с грузом. Труднее всего добиться, чтобы животное согласилось уйти от стада, точно так же как это бывает с лошадьми. На вторую зиму сани загружают уже поклажей весом в 1,5 центнера, которые лось должен отвезти на расстояние в 8—10 километров со скоростью 8 километров в час. К трем годам животные бывают уже полностью натренированными и способными возить солидную поклажу. Можно на них ездить и верхом. Взрослый лось способен нести на спине до 150 килограммов, что составляет примерно четверть, а то и треть их собственного веса.

Шестилетний кастрированный лось по кличке Урал весил 480 килограммов, а лось Акви был способен тащить за собой поклажу общим весом в 1860 килограммов. В противоположность лошадям лоси не испытывают страха перед самолетами и подвозят сани непосредственно к старым люкам. Не боятся они, как правило, ни легковых автомобилей, ни грузовиков с включенными моторами.

Так что может статься, что сохатый все же еще станет добрым помощником человека для работ в северной тайге. Ведь ему не требуется запаса кормов на зиму, как лошадям, и не нужно горючее для двигателя, как машинам; ни глубокий снег, ни болота, ни поваленные деревья для него не преграда. Даже в сибирские зимние холода ему не требуется утепленной конюшни — он преспокойно ложится отдыхать прямо на снегу и в случае обильного снегопада просыпается утром в сугробе, из которого выглядывает одна только голова с рогами. Будем надеяться, что хотя бы в Сибири лось станет в скором времени домашним животным, на котором можно будет ездить верхом и перевозить грузы.

Овцебыкам мороз не страшен

А ведь они жили когда-то в Европе

Автомобили и самолеты спасли овцебыков

Зоопаркам они не нужны

**Путешествие длиной в двадцать три тысячи
километров**

Сколько овцебыков на земном шаре?

— У кого есть шкура овцебыка, тот и на Северном полюсе не замерзнет — так во всяком случае говорит Алвин Педерсен, а ему можно верить, потому что он, как я уже говорил, не одну зиму провел в Арктике. Однажды он только что снятую с туши овцебыка шкуру вывесил на балке для просушки. Температура воздуха была минус 27 градусов Цельсия. Солнце едва виднелось над горизонтом. Педерсен засунул в густую шерсть градусник, и уже через десять минут он показал плюс два градуса Цельсия. Видимо, поэтому овцебыки зимой никогда не мерзнут, скорее летом им тяжело из-за жары. Мошара и гнус, которые способны превратить арктическую весну и лето в настоящий ад и которые так досаждают северным оленям и лосям, заставляя их бежать без оглядки, овцебыкам ни почем. У них они могут добраться разве что до одних глаз.

И в самом деле, у овцебыков, по-видимому, наиболее длинная шерсть среди всех диких животных. На спине она достигает 16 сантиметров, а на шее, груди и задней части тела — целых 90 сантиметров! Когда весной у овцебыков происходит линька, эта шерсть длинными ключьями висит на острых уступах скал и зарослях кустарника, а то и просто кучами валяется на земле. Вот такими «траченными молями» овцебыки выглядят обычно и в зоопарках. Поэтому я их даже не узнал: кто, думаю, такие? — когда впервые в жизни увидел в Канаде в естественных условиях. Передо мной стояли темно-бурые, почти черные, роскошные лоснящиеся животные, показавшиеся мне гораздо крупнее, чем у нас дома, в зоопарке. Ведь самец-овцебык достигает в холке всего 1,3 метра, а из-за пышного меха выглядит значительно больше, а главное, гораздо толще, хотя весит на самом деле от 220 до 400 килограммов. Так почему бы, задают себе многие вопрос, не одомашнить этот низкорослый арктический дикий скот, напоминающий некое переходное звено к крупным овцам? Почему бы не начать прясть их прекрасную шерсть? Но дело в том, что раздобыть эту прекрасную шерсть не так-то просто! Если ее состричь, то животное вскоре неминуемо погибнет от воспаления легких. А кроме того, мягкие теплые шерстинки перемежаются с длинной жесткой остью, которую совсем не легко бывает удалить.

Между прочим, в ледниковый период овцебыки жили даже в Северной Европе и на севере Соединенных Штатов. Но вместе с

ледником они отходили все дальше на Север, пока не ушли настолько далеко, что «открыть» их удалось только в 1869 году. Впервые их увидели члены Второй немецкой полярной экспедиции. Обнаружили они их во время зимовки на острове Сабине-Ойя, близ берегов Гренландии. Благодаря этому «открытию» для бедных овцебыков наступили тяжелые времена, чуть было не приведшие к их полному исчезновению с лица земли. Когда мы читаем захватывающие сообщения полярных экспедиций в эти края, то не представляем себе, какую кровавую бойню учиняли они в стадах овцебыков. К своему несчастью, овцебыки среди всех арктических животных наиболее беззащитные, и убить их легче легкого. Не только сами исследователи и их провожатые питались этим мясом, но и множество ездовых собак, которым приходилось тащить на санях тяжелое снаряжение и провиант европейцев.

А спасло овцебыков, как ни странно, изобретение автомобилей и главным образом самолетов. Современные полярные экспедиции теперь не мыкаются больше с ездовыми собаками и санями: все необходимое для жизни им привозят непосредственно в лагерь.

И хотя овцебыка называют еще и мускусным быком, тем не менее не «отвратительный мускусный запах» помешал этим животным быть съеденными. Правда, самцы в период гона действительно дурно пахнут. А что касается знаменитого мускуса, входящего в качестве обязательного компонента в состав самых дорогих духов, то к овцебыку он не имеет никакого отношения: его добывают у кабарги — маленького оленя ростом с собаку, обитающего в горах Восточной Сибири. А вот каким образом «мускусные быки» приобрели свое вводящее в заблуждение название — теперь уже выяснить совершенно невозможно.

Овцебыки — весьма смелые и бесстрашные животные, которые, по всей вероятности, не убегают ни от волков, ни даже от медведей. При приближении противника они быстро собираются в кучу, образуя настоящую маленькую неприступную крепость: взрослые животные стоят тесным кругом головами наружу, а телята теснятся посередке, и грозная крепость готова не только к обороне, но и к наступлению. Если какая-нибудь собака или волк действительно отважится приблизиться, то молниеносным ударом острых рогов будут подброшены в воздух и растоптаны твердыми копытами. Случается, что кто-нибудь из самцов, рассвирепев, неожиданно вырвется из общей группы и кинется в одиночку на врага. Длинное и пышное руно надежно защищает его от укусов. Но, совершив дерзкую вылазку, такой храбрец сразу же скачет галопом обратно и задом вдвигается в общую линию обороны.

Именно поэтому с помощью собак, облаивающих стадо со всех сторон, легко заставить убегающих овцебыков остановиться и можно преспокойно подойти к ним на расстояние выстрела, не подвергая себя самого ни малейшей опасности. На человека с его дальнобойным оружием способ обороны овцебыков не был рассчитан. Но чтобы добраться до добычи, необходимо перебить все стадо, иначе оставшиеся в живых никого к себе не подпустят. Тем не менее

подобному «охотнику» надо целиться спокойно и знать, куда стрелять. Потому что у овцебыка есть неуязвимые места. Так, из сообщений полярника Виталиса Пантенбурга можно узнать, что он стрелял в овцебыка из ружья калибра 9,3 миллиметра с расстояния всего в каких-нибудь 30 метров и, целясь ему прямо в лоб, не сумел причинить животному ни малейшего вреда! Дело в том, что у овцебыка оба рога соединены над глазами общей пластиной. Такая лобная пластина, твердая как сталь и притом эластичная, толщиной в 10 сантиметров оказалась непробиваемой даже для современного оружия подобного типа.

Также и при отлове телят приходится отстреливать все остальное стадо...

Впрочем, в начале нашего века это нисколько не смущало охотников на тюленей и китобоев, если только они за дополнительный палубный груз в виде нескольких телят овцебыка могли выручить на обратном пути добавочно несколько сот марок. Таким образом, получилось, что зоопарки, скупавшие этих телят, сами того не подозревая, способствовали истреблению овцебыков в Гренландии. С 1900 по 1925 год в зоопарки мира попало по меньшей мере 250 телят овцебыков, и нетрудно сосчитать, что из-за каждого такого теленка погибло от пяти до шести взрослых особей. Один только Нью-Йоркский зоопарк с 1902 по 1939 год приобрел 26 таких телят. А в неволе овцебыки в основном жили недолго. Они ведь родом из Арктики, где в воздухе содержится очень мало бактерий, поэтому у них очень слабая сопротивляемость против различных возбудителей болезней, свирепствующих среди нашего рогатого скота и овец, уж не говоря о резкой смене климата. Но если им удавалось благополучно перенести акклиматизацию и приспособиться к новым кормам, то они и в зоопарке жили более долгие сроки. Так, в Бостонском зоопарке парочка таких акклиматизировавшихся овцебыков, приобретенная в 1925 году, прожила довольно долго: самец — 11 с половиной лет, а самочка больше 15.

Когда директорам зоопарков стало ясно, каким путем овцебыки попадают к ним в руки и каким способом их отлавливают, они сообща приняли решение их больше не покупать. И надо сказать, что последние десятки лет все твердо придерживались этого решения, так что побочный доход тюленьего промысла несяк.

Необычайная морозоустойчивость овцебыков, прекрасное качество их мяса и шерсти, разумеется, не раз приводили к мысли расселить и акклиматизировать их в других местностях. Но все овцебыки, перевезенные в Исландию, вскоре погибли. Первые шесть телят, выпущенные на волю в Швеции, в скором времени заболели воспалением легких и тоже умерли. В Южной Норвегии, в горах Довре, начиная с 1932 года выпустили в общей сложности 38 телят. Пять из них вскоре погибли из-за лавин, да и из остальных мало кому удалось выжить. Молодые самцы покинули телочек и исчезли в неизвестном направлении. Некоторое время спустя они появились в Сундалене, где затесались в стадо домашних коров, насмерть перепугав доярок. Но это только поначалу. Вскоре выяснилось, что коровы,

люди и овцебыки быстро привыкают друг к другу и прекрасно ладят между собой. Постепенно овцебыки настолько освоились, что стали на ночь заходить вместе с коровами в коровники. На выпасе они неизменно проявляли себя вполне миролюбиво; домашние быки бывают часто значительно опаснее. Ни разу не было случая, чтобы живущий на воле овцебык напал на человека.

В горах Довре эти животные облюбовали себе маленькую, романтическую, полностью изолированную горную долину Столсдален, где держатся и по сегодняшний день. Но речь идет всего лишь о крохотном стаде.

По-видимому, при попытках расселения часто допускали одну и ту же ошибку: молодежь слишком рано предоставляли самому себе, а кроме того, нельзя этих животных завозить слишком далеко к югу.

А вот авторитетный американский зоолог Хорнедей тот действовал значительно осторожнее и обдуманнее. Он задался целью заселить овцебыками Аляску, чтобы обеспечить голодающим эскимосам новый источник пропитания. Американский конгресс выделил на это 40 тысяч долларов.

Итак, в 1930 году в Гренландии было отловлено общей численностью 34 овцебыка (15 самцов и 19 телочек), которых на пароходе переправили через Осло в Нью-Йорк; затем, после четырехнедельного карантина, на поезде до Сиэтла и дальше снова на пароходе — до Севарда на Аляске, а оттуда снова поездом во внутренние районы Аляски, до Фэрбенкса. И, представьте себе, животные перенесли это длительное путешествие (как-никак 23 тысячи километров) на удивление хорошо. Все-таки есть разница, когда их отлавливают и опекают дорогой специалисты, а не китобои. Кроме того, их на Аляске не бросили сразу на произвол судьбы, а продержали некоторое время в загонках. Из выпущенных затем на волю овцебыков шестерых через год задрали медведи, а трех других не досчитались по неизвестным причинам. Но зато все остальные прижились как нельзя лучше. Однако тем временем на Аляску уже завезли северных оленей, которые значительно лучше подходили на роль полудомашних животных для эскимосов. Поэтому решено было снова отловить всех овцебыков, поголовье которых значительно возросло, и переселить их на остров Нунивак, расположенный недалеко от побережья Аляски, в Беринговом море. В 1943 году их там было уже свыше ста, а недавно учет, произведенный с помощью самолета, показал, что их число за последнее время значительно возросло. Следовательно, можно считать, что эксперимент с акклиматизацией благополучно удался.

Подобным же образом происходило дело на Шпицбергене. Из 17 завезенных туда овцебыков один упал со скалы и разбился насмерть, но зато остальные прекрасно прижились, держась в районе залива Адвент. К 1942 году их стало уже 70 голов. Вообще-то говоря, овцебыки размножаются довольно медленно. В стаде из 20 взрослых животных чаще всего можно найти не больше трех-четырёх телят. На свет они появляются в апреле, когда наступают сильные

холода, а ночи еще длиннее, чем дни. Часто они замерзают, прежде чем успеют обсохнуть после родов. Во время последней мировой войны большинство овцебыков на Шпицбергене было отстрелено, но к 1960 году их число там снова возросло до 150 голов.

Канадское правительство сравнительно недавно разрешило вывезти в Советский Союз целое стадо овцебыков. Их перевезли на остров Врангеля, недалеко от сибирского побережья в Северном Ледовитом океане.

Алвин Педерсен считает, что овцебыков сейчас на свете не больше 10 тысяч. Канадцы по отношению к ним ведут себя весьма благожелательно. У них эти храбрые черно-бурые звери строго охраняются. Даже тот, кто держит у себя шкуру овцебыка, рискует подвергнуться строгому наказанию. Канадцы считают, что в самой Канаде и на островах в Северном Ледовитом океане обитают в общей сложности 13 тысяч овцебыков, а на северном и восточном побережьях Гренландии — еще 11 тысяч. Но как обернулась их дальнейшая судьба за последние годы, этого пока никто не знает. Как здесь уже упоминалось, служащие метеорологических станций и военных опорных пунктов в Арктике от скуки всегда не прочь пострелять — что никак не идет на пользу овцебыкам. Но тем не менее будем надеяться, что перспектива выжить у этих северных животных с их мужественными и стойкими сердцами все же несколько увеличилась.

Глава XVII

Черепаша — не игрушка

**Что станет с тридцатью тысячами
«игрушечных черепах»?**

**В Англию за один год ввезено восемьдесят
восемь тонн живых черепах**

Они медленно умирают в наших квартирах

Черепаша в роли альпинистов и акробатов

Набеги на бахчи

Когда они влюблены...

Долгожитель ста двадцати девяти лет

Осенью 1963 года нижняя палата британского парламента обсуждала как бы вы думали что? Допустимую величину панциря у молодых сухопутных черепах! Намеревались даже издать закон, согласно которому запрещался ввоз в страну греческих и мавританских черепах, если их панцирь не достигает девяти сантиметров в поперечнике. А весь переполох был вызван тем, что в 1959 году, как выяснилось, в Англию было ввезено 88 тонн этих несчастных, обре-

ченных на неминуемую гибель животных; в 1960 году прибыло еще 60 тонн — в основном из Марокко. В пересчете на штуки это 250 тысяч особей ежегодно. И хотя в 1961 году Марокко наполовину уменьшило экспорт своих черепах, зато подросла партия из Туниса и Балканских стран; кстати, мы, немцы, тоже ввозили именно оттуда подобное же количество черепах. Правда, до издания закона в нижней палате дело не дошло, потому что британские импортеры добровольно обязались не принимать больше черепах размером ниже установленной нормы.

Надо сказать, что депутаты только из чистой любви к животным решили заняться таким, прямо скажем, необычным вопросом. Дело в том, что черепахи от природы очень живучи и выносливы, как мы сейчас увидим из дальнейшего повествования. В наших североευропейских странах они поступают исключительно только в зоомагазины или в магазины детских игрушек, потому что для еды они непригодны: знаменитый «суп из черепахи» изготавливается из совершенно других — больших морских черепах. И если ежегодно каждый раз заново ввозится такое огромное количество (сотни тысяч!) «игрушечных черепах», то это показывает, что столько же их и погибает ежегодно.

Просто это не так бросается в глаза, потому что черепахи умирают очень медленно, постепенно. Подобно заводным игрушкам, которых позабыли завести, они неподвижно лежат где-нибудь на холодном балконе или в углу на каменных плитах кухонного пола, пока их однажды не найдут мертвыми и не выбросят в помойное ведро... Или черепахи надоедают своему владельцу, и он старается сбыть их ближайшему зоопарку, которому тоже не нужно избыточное количество греческих черепах.

Вот нас, например, во Франкфуртском зоопарке не перестают запрашивать о том, как следует обращаться с черепахами, и мы давно уже изготовили и размножили перечень необходимых рекомендаций.

Надо сказать, что именно у самых маленьких черепах в нашем прохладном климате наименьшая перспектива выжить.

При этом они милые, занятные, совсем не такие уж «неинтеллигентные» существа (как многие думают) и могут доставить немало радости своему владельцу. Надо лишь соблюдать совсем немного условий, чтобы они оставались здоровыми и веселыми. В первую очередь им необходимо тепло, лучше всего — около 25 градусов по Цельсию. Поскольку они холоднокровные животные, тело которых принимает температуру окружающей среды, почти не производя собственного тепла, то нет никакого смысла заворачивать их (точно так же как и змей) в теплые одеяла — это ровно ничего не даст. Кроме того, нельзя забывать, что в наших комнатах у пола всегда несколько холоднее, чем там, где находятся наша голова или руки. Но стоит черепахе найти обогреваемое солнцем местечко, электрический камин или еще какой-нибудь источник тепла, как она тут же заметно оживляется и становится весьма активной. Нельзя только запирать черепах на солнцепеке или класть на батарею: у них должна всегда

оставаться возможность перебраться по своему желанию в тень.

Когда в доме достаточно тепло, черепахи вскоре начинают совершать длительные прогулки по всем комнатам. При этом они уже вскоре, через пару дней, стараются придерживаться одних и тех же постоянных путей, словно бы проторенных тропинок, так, как привыкли делать это на воле. Правда, кое в чем они иногда проявляют удивительную тупость. Так, если на их «проторенной» дорожке вдруг оказывается ножка стула, они ни за что на свете ее не обойдут, а будут, судорожно напрягаясь, изо всех сил стараться своим панцирем сдвинуть стул в сторону (что им часто и удается). Если же стул слишком тяжел, то, тщетно проковылявшись какое-то время и окончательно выбившись из сил, черепаха тут же на месте и заснет.

Очень скоро она уже освоится в вашем доме. Если на дворе хорошая погода, а дверь, ведущая с террасы в сад, заперта, черепаха будет нетерпеливо бегать возле нее взад и вперед. Если кормушка оказывается пустой, она подползет к наиболее близко сидящему от нее человеку, остановится возле его стула и, подняв голову, уставится ему в лицо немигающим взглядом.

У исследователя Х. Г. Шмитта, проводившего опыты с черепахами, они охотно совершали «восхождения» в горы (сложенные из скатанных ковров). И чем отвеснее был «склон», тем, казалось, им интереснее было его преодолевать! Одна из его черепах сумела даже прогнать от кормушки трех ежей. Она до тех пор кусала их за носы, пока колючие шары, вконец перепуганные, не сгрудились с противоположной стороны кормушки, боясь подойти. Более того, стоило черепахе заслышать где-либо в комнате или в саду характерное чавканье, издаваемое ежами во время еды, она сейчас же бежала туда, чтобы проверить, что они такое нашли, и принять участие в их трапезе.

Другая черепаха даже научилась открывать притворенные двери: она поднималась на задние лапы возле самой щели и до тех пор напирала корпусом на дверь, пока та не поддавалась.

У зоолога, профессора О. Келера, во время его работ в Анатолии стоял в палатке ящик с отловленными черепахами. Ночью он проснулся от непрерывной возни и грохота, раздававшихся из ящика. Каково же было его удивление, когда он, включив фонарик, внезапно осветил ящик: четыре черепахи стояли в углу друг у друга «на плечах», и верхняя как раз намеревалась перевалиться через край ящика!

Греческие сухопутные черепахи — чистые вегетарианцы в отличие от наших, отечественных, болотных черепах и некоторых других видов. Они вполне довольствуются салатом, листьями капусты и одуванчиков, земляникой, вишнями, сливами, да и вообще любыми другими фруктами. Охотно они берут и белый хлеб, смоченный в воде или молоке.

Если ручная, домашняя черепаха отказывается от еды, то это обычно объясняется только одним: ей слишком холодно. Часто достаточно устроить черепахе теплую ванночку в какой-нибудь мелкой посудине, откуда ей удобно высовывать голову наружу, и — о чудо! — она словно бы преобразится на глазах. По крайней мере раз

в неделю надо предоставлять черепахе возможность искупаться. Мавританские сухопутные черепахи, привезенные большей частью из Северной Африки, еще больше нуждаются в тепле, чем греческие, с Балкан. Эти мавританцы обычно ярче окрашены, часто они оливково-зеленого цвета. Их легко можно отличить по отсутствию рогового щитка на конце хвоста и по строению спинного панциря, заканчивающегося на заднем конце одинарной пластиной, в то время как у греческих она двойная. Кроме того, у мавританских черепах с двух сторон основания хвоста расположены две большие роговые бородавки.

В разгар летней жары черепахи начинают «влюбляться». Можно только удивляться, с какой прытью эти обычно такие медлительные животные начинают тогда бегать! Самцы стремительно кружатся вокруг самок, преследуют, догоняют их, распрямив ноги и приподняв панцирь над землей, а не волоча его как обычно. Если самка неподатлива, то «кавалер», втянув голову в панцирь, изо всей силы будет ударять им сзади о ее панцирь и повторять это до тех пор, пока предмет его вожделения не одумается. Грохот от ударов панциря о панцирь можно слышать даже на расстоянии. В конце концов самцу приходится наполовину взобраться на самку, что при такой негибкой «амуниции» бывает достаточно трудно сделать. Поэтому у самцов брюшная сторона панциря имеет вогнутую поверхность (что, кстати, позволяет отличить самца от самки). Во время свадьбы самцы издают звуки, напоминающие тихое кошачье мяуканье.

Живя в доме, греческие черепахи вскоре становятся столь ручными, что перестают втягивать голову и лапы под панцирь, когда их берут в руки. Большинство из них принимает и корм из рук. Они, безусловно, способны кое-чему обучиться и накапливать «житейский опыт». Так, одна черепаха, которая уже пару раз свалилась со стола на пол, научилась ползать по нему осторожно, минуя края. Однако желая выйти в сад, они будут упорно сползать по лестнице даже тогда, когда каждая ступенька заставляяет их перекувырнуться через голову. А вот цвета черепахи, между прочим, различают не хуже нас с вами.

На Балканах черепах предпочитают отлавливать в сезон созревания дынь. Иначе их приходится по одной штуке собирать в горах. А тут они прямо целыми полчищами сами заявляются на бахчи. Если их в это время не отлавливать, то они при подобных масовых нашествиях способны за несколько часов обглодать все дыни.

Одному ловцу черепах удалось как-то за один-единственный день отловить 7200 греческих черепах, упаковать их в 65 ящиков и отправить.

В прежние времена в Албании часто развлекались тем, что устраивали «черепаший бег». Как-то раз на таких бегах все участники поставили на одного известного фаворита-спринтера, а тот не пришел первым. Закончилось все большей дракой, после которой на поле боя осталось лежать пятеро раненых и трое убитых — не черепах, конечно, а людей...

Когда зимы у нас бывают не слишком суровыми, то удравшим

на волю черепахам порой удастся выжить. Так, Х. Г. Шмитт, о котором здесь уже упоминалось, получил своих черепах от лесничего, живущего возле реки Ампер, притока Изара. Там они уже в течение многих лет жили на воле. Лесничий утверждал, что еще десять лет назад встречал черепаший молодняк, вне всякого сомнения вылупившийся из яиц, отложенных в природных условиях и перенесших суровую зиму в предгорьях Альп. Однако если наступит какал-то уж очень морозная зима, с такой северной колонией черепах будет покончено.

Да и с комнатными черепахами больше всего хлопот бывает осенью и зимой. Если в доме достаточно тепло, в особенности у пола, то черепахам совсем необязательно впадать в спячку. Но лучше всего они будут себя чувствовать, если их осенью посадить в деревянный ящик с двадцатисантиметровым слоем листвы и мха (но ни в коем случае не с высохшим торфом или древесными опилками — они будут способствовать обезвоживанию организма животного, и оно высохнет). Затем ящик следует поставить в темное, прохладное помещение с температурой не выше 5—7 градусов и не ниже —3 градусов. В случае необходимости ящик время от времени можно слегка смачивать. Накрывать животных мхом не надо — они сами в него зароятся. Когда весной температура воздуха достигнет 12—15 градусов, ящик следует вынести в сад. Поначалу черепах окунают в ванну с водой комнатной температуры. Купаясь, они одновременно жадно пьют. Особи, перезимовавшие в спячке, весной бывают обычно значительно бодрее и активнее, чем те, которые провели зиму с нами в комнате.

Какого возраста способны достигнуть греческие черепахи на воле, пока еще не выяснено. Но зато известно, что, живя в доме, такая черепаха может стать свидетелем того, как в семье вырастут дети и как затем у них появятся собственные дети и даже внуки. Так, фрау Ева Трост из Вупперталя сообщает, что, будучи ребенком, получила в 1930 году в подарок черепаху. Весила эта малютка тогда 300 граммов, а к 1946 году она уже достигла веса 1 килограмма 250 граммов. Другой читатель журнала «Das Tier», доктор Е. Герк, пишет, что получил свою черепаху еще в 1911 году, когда она была размером с пятак. Панцирь у нее был еще мягок и податлив. Полстолетия прожило животное в их семье. В 1958 году черепаха в последний раз отложила яйца, но рост ее на этом не прекратился. В ноябре 1960 года она весила 2 килограмма 390 граммов, а год спустя — 2 килограмма 435 граммов. К сожалению, в 1961 году черепаха скончалась от простуды.

Но все это ничто по сравнению с документально установленным возрастом свободно живущей коробчатой черепахи, особым видом сухопутных черепах, обитающих в районе Нью-Йорка. Один фермер нашел ее в 1953 году на своем поле в Род-Айленде и привез в Нью-Йоркский зоопарк. Руководителя отдела рептилий привлекла в этом, в общем-то отнюдь не редком животном одна необычная и весьма интересная деталь: на брюшной стороне панциря были выгравированы две надписи: «EBK, 1844» и „GVB, July. 22, 1860». С помощью

местных газет и радио он стал наводить справки об «ЕВК», некогда увековечившего себя на панцире черепахи. И спустя некоторое время действительно удалось обнаружить его могилу на кладбище деревни Вайоминг. Звали его Эвард Б. Кенъон, и на его сохранившемся до наших дней надгробном камне были высечены те же начальные буквы «ЕВК», что и на черепахе. Когда он расписывался на панцире, ему было 19 лет. Вряд ли он мог ожидать, что животное настолько его переживет. Ведь в 1953 году черепахе стукнуло уже 129 лет!

С размножением черепах в неволе дело обычно не клеится. Правда, самочка греческих сухопутных черепах по весне нередко откладывает яйца. Но делают они это и тогда, когда содержатся в одиночку: для яйцекладки они, точно так же как и куры, вовсе не нуждаются в оплодотворении. Но разумеется, из таких неоплодотворенных яиц никакого потомства не выводится. Яйца черепах белые. Перед их откладкой черепаха выкапывает с помощью хвоста и задних лап ямку в земле и, отложив туда яйца, снова засыпает ее землей и до тех пор ползает поверх нее взад и вперед, пока поверхность не сровняется.

Оплодотворенные яйца черепах, содержащихся в неволе, можно зарыть в цветочном горшке с землей и песком, сверху положить слой мха, который время от времени смачивают. Один любитель черепах недавно именно так и поступил, поставив цветочный горшок на батарею центрального отопления, так что температура земли в нем достигла 22—25 градусов Цельсия. После того как горшок простоял там с октября по январь, вылупилась одна живая черепанка.

Служительница Дрезденского зоопарка рассказывала мне недавно, что она положила такие яйца в один из ящиков шкафа, стоящего в подсобном помещении павильона рептилий, и забыла о них. В подсобном помещении, как и во всем павильоне, было всегда натоплено и влажно. И можно представить себе ее удивление, когда в ящике вскоре заползали маленькие черепашки! Однако такие случаи — редкая удача. Обычно ничего подобного ни у кого не получается.

И вот о чем я хочу вас попросить, дорогие мои читатели: не покупайте, пожалуйста, черепах в качестве игрушек для ваших детей. Но коль скоро вы их уже купили и принесли домой, то постарайтесь хотя бы создать для этих маленьких существ (не сделавших вам ровно ничего дурного!) нормальную «черепашью жизнь». Ведь для этого так мало нужно, и это совсем не трудно.

Вилороги — «ветераны» Американского континента

«Световая» и «химическая» сигнализация
у вилорогов

Почему они не хотят жить в зоопарках?

Самые быстроногие «американцы»

Койоты им не страшны

Убил — плати

Их спасение — национальные парки

Спасибо Сетону-Томпсону

Зачем болтать в воздухе ногами?

У вилорогов самые обоснованные права
гражданства

Никто не знает, отчего американские вилороги (*Antilocapra americana* Ord.) так редко размножаются в зоопарках, более того, в большинстве случаев способны прожить в них не больше года. И хотя на западе Американского континента они в естественных условиях обитают очень давно, тем не менее не выдерживают жизни в неволе даже в восточных штатах той же Америки, уж не говоря об Европе. А поскольку никому неохота держать у себя животных, не выдерживающих условий неволи, то и вилорогов в Европе можно увидеть чрезвычайно редко. Правда, время от времени кто-нибудь из зоопарковских директоров делает очередную попытку с помощью новых кормов или других условий содержания продлить вилорогам жизнь. Так, мне посчастливилось впервые увидеть вилорогов в одном из четырех зоопарков Парижа. А уже несколько позже я имел возможность наблюдать и фотографировать их в Канаде.

Притом надо сказать, что вилороги отнюдь не какие-нибудь особенно редкие животные, наоборот. К 1800 году в американских прериях их водилось видим-невидимо: более 40 миллионов голов! Стада их были столь же многочисленны, как и знаменитые стада бизонов, которых перебили... Но только что построенной тогда железной дороге зимой 1868/69 года целыми вагонами доставляли в город убитых вилорогов. В тех местах их тогда насчитывалось не менее трех-четырех миллионов голов. За 25 центов можно было купить три-четыре антилопы.

И только сегодня стало ясно, что полчища бизонов и вилорогов, наиболее полно использующие прерии, могли бы стать замечательным источником столь необходимого белкового питания для людей. Разумеется, истребив диких животных и заселив пастбища домашним скотом, тоже можно обеспечить человека мясом, но отнюдь не в

адекватной массе на каждый гектар. И что не менее важно: дикие стада не вытаптывали, не разрушали земли, в то время как на сегодняшний день в Соединенных Штатах после всего лишь столетнего использования под сельское хозяйство огромные территории превращены уже в пылевые пустыни. Между прочим, сейчас мы, европейцы, как раз тем же самым занимаемся и в Восточной и в Центральной Африке — в рамках «помощи» развивающимся странам, повторяем те же самые, если не еще большие ошибки, потому что африканская почва под палящими лучами тропического солнца еще гораздо быстрее превращается в пустыню...

Когда говоришь об антилопах, то невольно вспоминаешь только об Африке или Индии. Но вилорог — чисто американская антилопа. Это единственное в мире копытное, ежегодно сбрасывающее не рога, а только их «чехлы» — роговое покрытие костных рогов. А сами рога остаются на голове пожизненно. У косуль и оленей, как известно, их костяные рога сменяются каждый год, а весной снова отрастают. Рога у них не покрыты «чехлами», как это наблюдается у коз, овец и антилоп. А вот у вилорогов костяные рога ежегодно высвобождаются из «чехлов», которые падают на землю, где их затем подбирают мыши, земляные белочки и зайцы. Но до их сброса под старыми «чехлами» образуется новый костный рог, поначалу еще покрытый защитным слоем бархатистой шерсти, у основания даже волосняным покровом. Пока новые рога как следует окрепнут, пройдет целых четыре месяца.

А знаете ли вы о том, что вилороги задолго до нас изобрели световую сигнализацию, то, что мы теперь именуем «гелиографом»? Стоит лишь кому-то из вилорогов заметить опасность волка, койота или еще что-нибудь необычное в поле зрения, как он сейчас же «распускает свои хризантемы», то есть распускает длинную белую шерсть на задней части тела так, что она распадается на две стороны, рассеивая свет своей ослепительной белизной; издали это напоминает две огромные белоснежные хризантемы. Другие антилопы замечают такой сигнал за многие километры и тотчас же передают его дальше. С быстротой молнии сигнал тревоги настораживает все стадо. Одновременно две железы, расположенные у основания «хризантем», начинают выделять резко пахнущее вещество, запах которого даже мы с вами, с нашими убогими обонятельными возможностями, способны уловить на расстоянии ста метров.

Вилороги — самые быстроногие млекопитающие Американского континента. Они способны пробежать полтора километра не снижая скорости 80 километров в час. Следовательно, ни один волк, ни койот, ни даже борзая догнать их не в состоянии. И тем не менее вилорогов удавалось уничтожать миллионами без особого труда. Каким же образом, спросите вы. А очень просто. Поначалу их губило собственное неумное любопытство. Старые поселенцы рассказывают, что достаточно бывало лечь на спину и болтать в воздухе ногами или, привязав на палку красную тряпку, размахивать ею в воздухе, чтобы приманить на расстояние выстрела убежавших поначалу животных. Правда, на сегодняшний день они нас, людей, изучили уже достаточно

хорошо, и подобных промахов не совершают. Однако раньше нередко случалось, что вилороги сопровождали в каких-нибудь ста метрах повозку, запряженную волами, или фургон с лошадьми, ночью они, ничтоже сумняшеся, пробегали между палатками какого-нибудь лагеря.

Вилороги среди всех диких животных нашли, пожалуй, наилучший способ преодоления изгородей из колючей проволоки. Они не стараются перепрыгнуть через них, а просто проскакивают сквозь них. Они ухитряются на полном скаку, не снижая скорости, проскочить меж двух горизонтально натянутых колючих проволок, даже тогда, когда расстояние между ними не превышает 35 сантиметров. А ведь вилороги ростом никак не меньше козы! Иной раз вилорог может развлекаться тем, что будет долго галопировать рядом с идущей по дороге машиной, затем, «поддав газу», перегонит ее, пересечет перед самым носом дорогу и, как бы удовлетворенный тем, что доказал свое превосходство, сбавит скорость и отстанет.

Ровно сто лет прошло с тех пор, как мы, люди, снизили поголовье этих удивительных и красивых американских антилоп с 40 миллионов до 19 тысяч. Похоже уже было на то, что они вот-вот окончательно исчезнут из американских прерий, а следовательно, и вообще с лица земли. Однако в начале нашего века американцы одумались, им стало ясно, какое позорное пятно наложила на историю их страны садистская бойня, учиненная ими среди огромных стад бизонов. Пробуждению их сознания особенно поспособствовали статьи и книги знаменитого натуралиста и писателя Эрнста Сетона-Томпсона. Вскоре все сошлось на том, что отечественную фауну, которой грозит гибель, необходимо охранять, для чего и были основаны национальные парки. Таким образом число этих антилоп, с их громадными хризантемами начало постепенно возрастать. К 1924 году их стало уже 40 тысяч, а сейчас по прериям кочует более 400 тысяч вилорогов. Чтобы фермеры не отстреливали каждого забредшего на их землю вилорога в качестве «вредителя», им в некоторых штатах даже выплачивают премии. В Вайоминге, например, каждый охотник должен заплатить владельцу земельного участка, на котором он застрелил вилорога, 5 долларов, а в Техасе — даже от 30 до 100 долларов.

А других врагов, помимо человека, быстроногим антилопам страшить в общем-то не приходится.

Самцы-вилороги во время гона вполне довольствуются маленьким гаремом из трех-четырех самок; редко какой-нибудь особенный удалец отвоевывает себе восемь самок. Самки большей частью приносят на свет двойняшек. Как и наши косули, они оставляют их днем лежать одних, затаившись, и лишь ненадолго, чаще всего ночью, подходят к ним, чтобы напоить молоком. Но лежат детеныши врозь — в 80—100 метрах один от другого; кроме того, они практически лишены какого-либо заметного запаха. Так что если хищник и наткнется на одного из них, то второй, как правило, остается незамеченным. К тому же мамаша-вилорог храбро бросается на защиту своих детей: она метко бьет острыми передними

копытами врага, будь то койот, лиса или даже орел, и заставляет их отступать.

Среди всех нынешних обитателей Америки у вилорогов наиболее весомое право гражданства: они гораздо больше «американцы», чем большинство других животных. Среди них у вилорогов нет даже настоящей родни, да и от антилоп других континентов они отличаются довольно существенно. В противоположность большинству копытных у вилорогов всего два «пальца» на каждой ноге и нет «висячего» копытца, то есть рудиментарного коротенького остатка бывшего «пальца», висящего несколько выше на ноге, как это наблюдается у буйволов, оленей и многих других парнокопытных. Предков и родичей вилорога можно найти только в одной лишь Америке, где они обитали уже один-два миллиона лет назад. Но в то время как их тогдашние современники — крупные жирафовые верблюды и безрогие олени давно вымерли, вилороги утвердились и дожили до наших дней. Так что они уже миллионы лет настоящие «американцы», в то время как другие крупные парнокопытные — бизоны, олени, лоси, вапити и прочие гораздо позже мигрировали на континент, не говоря уже о таких значительно более поздних эмигрантах, как лошади. А уже об индейцах и тем более о белых американцах и говорить нечего...

Глава XIX

Много ли ума надо опоссуму?

Искаженный портрет опоссума

У кошки и то мозгов в пять раз больше

Можно ли убить воню?

Что значит «играть в опоссума»?

«Национальное кушанье» американцев

Двадцать четыре детеныша на одной чайной ложке

Они жили рядом с динозаврами

В моем школьном учебнике по естествознанию была забавная картинка, которая запомнилась мне на всю жизнь. На ней была изображена мамаша-опоссум, несущая на спине своих детенышей. Длинный хвост ее был загнут кверху и вперед, нависая горизонтально над спиной, а маленькие опоссумята зацепились за него своими тоненькими хвостиками, чтобы ненароком не свалиться.

И вот только совсем недавно я узнал, что эта картинка — чистейший вымысел и что принадлежит она известной франкфуртской художнице Анне Марии Сибилле Мериан (1647—1717), нарисовавшей ее 250 лет тому назад. Художница провела несколько лет (с 1699 по 1701) в Суринаме, в северной части Южной Америки, где рисо-

вала различные виды местных цветов и насекомых; рисунки эти еще по сегодняшний день вызывают восхищение у каждого, кому их приходится видеть. Однако большинство рисунков было опубликовано только после смерти художницы ее дочерью. На последней странице книги можно увидеть картинку, где под веткой с сидящими на ней насекомыми изображен и опоссум, причем та самая злополучная мамаша-опоссум с детенышами на спине. Но хвост ее, за который уцепились своими крохотным хвостиками детеныши, направлен не вперед, а горизонтально назад. Однако за прошедшие с тех пор десятилетия и даже столетия картинка не раз перерисовывалась для различных изданий и можно проследить, как ее постепенно видоизменяли, «подправляли» и «улучшали», пока хвост мамы-опоссума не превратился в настоящий поручень над ее спиной, за который детенышам замечательно удобно держаться. Есть даже фотографии подобного же рода, однако сняты на них всегда только чучела, изготовленные в музеях, по-видимому, по этим же образцам.

С тех самых пор как мы, европейцы, знаем, что такое опоссум, а именно с 1500 года, он неизменно будоражил наше воображение и давал пищу для самых невероятных фантастических измышлений. Но за последние десятки лет в Америке так тщательно исследовали биологию и образ жизни этого животного, как ни у одного другого сумчатого на Земле. И тут выяснились такие удивительные подробности, которые поначалу действительно можно принять только за вымысел.

Надо сказать, что уже тогда, когда испанский путешественник и натуралист Пинсон привез из недавно открытой в то время Бразилии самку опоссума с детенышами в набрюшной сумке, это вызвало в Испании подлинную сенсацию. Даже правящие в то время монархи — Фердинанд и Изабелла — пожелали убедиться в существовании подобного чуда природы и собственноручно залезали своими царственными перстами в сумку опоссума...

И действительно, нигде во всей Европе, Азии, Африке, ни на Яве, ни на Суматре, ни на Филиппинах нет и в помине сумчатых животных. Найти их можно только в обеих Америках, в Австралии, на Тасмании и некоторых близлежащих к ней островах. Но в то время как в Австралии до сих пор еще проживает 150 видов сумчатых животных, опоссум в Америке, как, впрочем, и многие другие «устаревшие», «несовременные» формы животных, попал в невыгодные для себя условия и стал постепенно вымирать; становился все малочисленнее, а кое-где практически исчез и вовсе.

Может быть, у него не хватило смекалки приспособиться к новым условиям, как это делали другие млекопитающие? Ведь опоссум слывет явно туноватым животным. Мозг опоссума весит всего лишь пятую часть мозга кошки. А ведь по общему весу тела обоих животных примерно одинаковы.

Но вот с 1920 года опоссумы начали вновь завоевывать Северную Америку, продвинувшись далеко на север. Теперь ежегодно на пушной рынок США поступает от двух до трех миллионов их шкурок.

Первое, что инкриминировалось опоссумам в книгах о только не-

давно открытом континенте — Америке,— это то, что они дурно пахнут. То есть просто жутко воняют. Запах этот проникает якобы сквозь дерево и камень, а индейцы, понюхав его, падают замертво на землю. Если опоссум приблизится к какой-нибудь деревне, жители вынуждены ее поспешно покинуть... Затем опоссуму приписывался такой фокус: поймав маленькую птичку, он кладет ее на землю, а сам повисает над ней, зацепившись хвостом за сук. Как только какая-нибудь хищная птица, желая поживиться добычей, подлетит к ней, опоссум отпускает сук, падает на хищника сверху и — «одним махом двоих побиваю». В довершение всего утверждалось, что животные эти спариваются через нос, а самки «вдувают» затем новорожденных в свою сумку...

Что касается дурного запаха, то тут верно лишь одно — что опоссумы действительно большинству животных не по вкусу или во всяком случае не являются для них лакомым блюдом. Возле или внутри лисьей норы никогда не найдешь косточек опоссума. Если же собака поймает опоссума, она перегрызет ему хребет, встряхнет пару раз хорошенько и бросит мертвого зверька на землю, в то время как лесного сурка она в аналогичных обстоятельствах наполовину слопает, а остаток еще и закопает «про запас». И тем не менее, в особенности в южных штатах США, опоссум считается национальным блюдом, причем едят его с гарниром из батата. Правда, некоторые люди советуют при этом больше нажимать на батат, а не на жаркое... И все же имеются фотографии, на которых можно увидеть президента США Франклина Д. Рузвельта за поеданием жареного опоссума.

То, что опоссуму удастся даже с малым количеством мозгов выживать в борьбе за существование, объясняется все же не столько его дурным запахом, сколько его необычайной живучестью. Так, если повнимательнее рассмотреть коллекции скелетов опоссумов в различных музеях, то можно обнаружить на них огромное множество сломанных переломов, от которых другие млекопитающие, одинаковых с опоссумом размеров, безусловно погибли бы. Ни одно из них не смогло бы перенести столько травм! К тому же опоссумы очень ловко прикидываются мертвыми. У американцев даже есть выражение «to play opossums», что означает «изображать опоссума», то есть «притворяться мертвым». Такое поведение в минуту опасности довольно широко распространено в животном мире: умеют прикидываться мертвыми и птицы, и пресмыкающиеся, земноводные и членистоногие, но среди них нет ни одного, которое бы пользовалось в Америке такой популярностью, как опоссум. Опоссум в подобных случаях остается лежать на боку с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом, из которого вываливается язык.

Какой-то мальчишка подобрал однажды на дороге мертвого опоссума; неся его за хвост и размахивая животным из стороны в сторону, он протаскал свою находку в течение двух часов, пока наконец, перелезая через забор, не заметил, что «мертвое» животное старается ухватиться за забор лапами...

Если опоссум и не использует собственный хвост в качестве

поручня или якорной стоянки для сидящих на его спине детенышей, то тем не менее способен транспортировать с его помощью листву и траву для утепления своей норы. Он подгибает хвост под себя, пропуская его между ногами вперед, затем набирает полный рот зелени и запикивает шесть, а то и восемь порций меж животом и хвостом. Придерживая таким способом поклажу, он затаскивает ее в свое жилище. Но никоим образом опоссумы не способны крепко-накрепко ухватиться хвостом за сук и повиснуть на нем вниз головой, как это делают некоторые обезьяны. Используют они его во время лазания только затем, чтобы придерживаться за ветки и не потерять равновесия. Повиснуть же, прочно уцепившись одним лишь хвостом, опоссумы не в состоянии.

В прошедшие геологические эпохи Земли сумчатые были распространены почти по всей планете. Еще Кювье в 1820 году находил их ископаемые останки в меловых отложениях под улицами Парижа. Когда доктор Барнум Браун вырыл из земли в канадской провинции Альберта целый скелет рогатого гигантского динозавра, то есть пресмыкающегося, то рядом с ним он нашел останки и современного ему вымершего сумчатого. Его крохотные косточки вызвали у палеонтологов куда больший интерес, чем огромный костяк динозавра! Потому что маленькое сумчатое относилось к самым первым млекопитающим, появившимся рядом с рептилиями на земном шаре. Именно поэтому ему и дали научное название «*Eodelphis*», то есть «заря опоссума». Потому что маленькое сумчатое животное относилось именно к опоссумам.

Сегодняшние опоссумы еще не распространились столь далеко к северу, чтобы добраться до Канады, — ведь их подлинный дом находится на юге. Зиму они переносят плохо, хотя и не впадают в настоящую зимнюю спячку, как сурки. У опоссумов зимой нередко отмерзают кончики ушей или хвоста, что им, впрочем, не мешает жить дальше.

В то время как у лошади беременность длится около года, у козы — пять месяцев, у собак и кошек — около двух, у кроликов — один, а у болотного бобра больше четырех, опоссуму достаточно всего 13 дней, чтобы произвести на свет свое потомство. Правда, по новорожденным и видно, что это настоящие недоноски. Их скорее назовешь эмбрионами, чем новорожденными детенышами: шесть штук весят вместе один грамм, а на чайной ложке их помещается целых 24! Вес одного детеныша равняется одной десяти тысячной части веса матери, он слепой, голый, с недоразвитыми задними конечностями. Так что роды мамаше-опоссуму не доставляют особого труда. Даже если детенышей бывает за один раз до 25 штук (что случается нередко!), все равно они появляются на свет в течение каких-нибудь пяти минут.

Многие сотни лет оставалось загадкой, каким образом такое недоношенное малюсенькое существо добирается из родовых путей до сумки матери, расположенной на животе. Много вокруг этого было споров и догадок, точно так же как и вокруг кенгуру. Одним казалось, что они видели, как мамаша-опоссум хватала малышей зубами или

губами и сажала к себе в сумку, другие утверждали, что самка в момент родов сгибается почти пополам, так что родовое отверстие приходится прямо против широко растянутой брюшной сумки и детенышу остается лишь, ухватившись ртом за один из сосцов, повиснуть на нем.

Что касается кенгуру, то с ним все стало ясно 25 февраля 1906 года, когда некто Герлинг сумел пронаблюдать у своей «домашней» самки кенгуру весь процесс появления на свет детеныша от начала и до конца. Он увидел, как маленький «недоносок» с огромным напряжением в течение получаса пробирался по шерсти живота матери и заполз наконец в набрюшную сумку, где и исчез, мать ему при этом почти ничем не помогала. В 1933 году одному посетителю Галльского зоопарка тоже удалось пронаблюдать аналогичный случай. Только с той разницей, что на сей раз самка расчищала дорогу маленькому путешественнику, старательно прилизывая шерсть на его пути в сумку.

И вот наконец 6 февраля 1920 года выяснилось и то, как это все происходит у опоссума. Пронаблюдать весь процесс на сей раз удалось преподавателю Техасского университета, доктору К. Г. Гартману. Он увидел, как крохотные эмбрионы опоссума без всякой помощи со стороны матери самостоятельно проползали восемь сантиметров, отделявшие их от сумки, цепляясь изо всех сил за шерсть своими передними, хорошо развитыми лапками. Ползли они медленно, с огромным трудом, похожие скорее на червей, чем на млекопитающих. От того, сумеют ли они достичь спасительной сумки, зависит их жизнь, и, по всей вероятности, добрая половина их, будучи не в силах удержаться, падает на землю.

Между прочим, доктору Гартману принадлежит большинство загадок тайн биологии и образа жизни опоссума. В 1952 году была издана его книга об опоссумах.

Если детеныш достиг теплой сумки матери — он преодолел первую и наибольшую трудность в своей жизни. В сумке имеется 13 сосцов, и мамаша-опоссум может по своему усмотрению открывать и закрывать сумку, плотно стягивая ведущие в нее отверстие. Но, когда сумка закрыта, в ней скапливается плохой воздух — он содержит 6 процентов углекислого газа. Остается только удивляться, как маленькие опоссумы способны эдакое выдержать!

Лишь спустя 10 недель они начинают выползать из сумки и довольно ловко ползать по шерсти матери, без всякой помощи с ее стороны, а достигнув возраста трех-четырех месяцев, становятся уже совершенно самостоятельными. Две трети их питания — продукты животного происхождения: насекомые, мыши, личинки майских жуков, дождевые черви и даже жабы, которыми другие мелкие хищники обычно презгуют.

Поскольку продолжительность жизни у опоссумов весьма мала — не больше двух лет, то им приходится интенсивно размножаться: самка дважды в год приносит детенышей. Не так давно Глену Сандерсону из Иллинойса удалось проделать совершенно потрясающий опыт: он пометил крошечных эмбрионов еще в сумке матери

для того, чтобы потом иметь возможность отличить их во взрослом состоянии от других; он под лупой удалил каждому из них по одной фаланге на десяти пальцах задних конечностей, причем в различном порядке. Это помогло ему впоследствии выявить немаловажные детали и особенности в образе жизни опоссума. Так, например, выяснилось, что у них бывает одинаковое число самок и самцов и что на одном квадратном километре может обитать сто особей.

Хотя все сумчатые животные и без того считаются не слишком-то сообразительными, опоссум среди них занимает особенно незавидное место по своим умственным способностям — это животное явно «туповатое». Так, Г. Х. Нойманн проделывал следующие опыты. Он приучал гигантского кенгуру и опоссума искать корм в двух коробках с различными геометрическими фигурами на крышках. Например, на одной — кружок, а на другой — треугольник, и корм всегда под треугольником. Кенгуру быстро выучился различать семь таких пар коробок и искать корм только под нужной крышкой. Опоссуму же едва удавалось запомнить две такие пары и то не твердо. В то время как кенгуру еще дольше, чем пять месяцев спустя, помнил, под каким знаком следует искать лакомство, а под каким нет, опоссум уже через четыре недели позабыл и перепутал все начисто.

В зоопарке у профессора Хедигера австралийский опоссум упорно восседал на горячей трубе парового отопления, несмотря на то что в его распоряжении находилось достаточно много деревянных приспособлений для лазания. На всех четырех лапах и на голом хвосте у него образовались тяжелые ожоги, но он упрямо продолжал залезать именно на трубу отопления. Причина, видимо, крылась в том, что там, высоко, под самым потолком, где проходила труба, животное чувствовало себя в большей безопасности, скрытым от посторонних глаз.

Но если так подумать, то ведь ни труба парового отопления, ни черно-белые фигуры на картонных крышках не относятся к предметам, встречающимся опоссумам в их обычной жизни. Они попросту не играют для них никакой роли. А то, что эти сумчатые достаточно хорошо оснащены для своего существования в нашем мире, они за последние четыре десятка лет доказали не только в США, но и в Новой Зеландии. С самого начала освоения Новой Зеландии у попадающих туда европейцев наблюдается какая-то удивительная тяга завозить самых различных животных из всех частей света и там их акклиматизировать. Завезенных туда американских опоссумов вскоре стало уже слишком много. В 1947 году впервые был разрешен их свободный отстрел.

Опоссумов в США сейчас уже около 20 миллионов, и говорят, что ежегодно поголовье их увеличивается еще на шесть-семь миллионов. Плотность заселенности достигла уже 100 голов на каждый квадратный километр. Считается, что они весьма существенно вредят деревьям.

Так что, как видите, можно неплохо обходиться даже совсем скудным количеством мозгового вещества... и не только в политике...

Человек, которого выменяли на оленьи рога

Олени в зоопарке опаснее львов

**Радиоактивный стронций накапливается...
в оленьих рогах**

**К 1900 году в Швейцарии не осталось ни
одного оленя**

**Охота только для аристократии,
крестьянам на охоту — порка**

Удобны ли такие головные украшения?

Безрогий олень — трусливое животное

**О пантах в Сибири, Казахстане и на
Алтае**

**Богатые заокеанские гости не должны
охотиться в Африке!**

Хотите послушать, как трубят олени?

Прежде в нашем Франкфуртском зоопарке только тем служителям доплачивали «за работу в особо опасных условиях», которые ухаживали за львами, тиграми, медведями и слонами. Потому что когда думаешь о возможных несчастных случаях в зоопарке, то прежде всего приходят в голову львы, леопарды или белые медведи, которые ведь и на свободе убивают других крупных животных. А между тем именно они-то реже всего нападают на своих служителей. Ведь хищные звери в зоопарках живут обычно в двойных клетках, то есть в клетках, состоящих из двух помещений; во время уборки или кормления достаточно перебраться в другой отсек и хорошенько запереть дверь, чтобы полностью себя обезопасить. Никому не приходится заходить вместе с ними в одно и то же помещение. И если все же случается, что кто-то получает ранение, то только по причине невнимательности во время работы или из-за попыток служителя «дрессировать» животное.

А вот по вине человекообразных обезьян, жеребцов зебры, верблюдов, быков или диких кабанов люди уже не раз попадали на операционный стол. За искусанные руки чаще всего следует «благодарить» маргышек, кунит, лис и разную прочую «мелочь»; чаще всего подобное происходит, когда их хотят поймать и пересадить в другую клетку. Как-то один бородавочник пару лет тому назад серьезно ранил, чуть не убил, одного из наших самых опытных служителей, а спустя год в Дуйсбургском зоопарке такой же ручной бородавочник и на самом деле убил служителя.

Но особенно коварны олени. Выращенные дома ручные самцы

косули уже многих людей отправили на больничную койку. Один из наших благородных оленей 20 лет назад тяжело ранил своего служителя, тот едва успел перелезть через ограду вольеры. А в Базельском зоопарке олень заколол одного служителя насмерть.

Однако не подумайте, что благородные олени с их роскошными головными украшениями и в природных условиях норовят пырнуть человека! Такого с ними никогда не бывает. Просто, находясь в зоопарке, они теряют всякий страх перед двуногими существами, а кроме того, они содержатся там в условиях, сильно отличающихся от природных.

У нас, например, самец-олень круглый год живет в одной вольере совместно с небольшой группой оленух и молодняка. Мы, правда, встраиваем в их вольеры поперечные загородки с узкими лазами для самок, где они могут спастись от назойливости или грубости самцов. Самцы же с их раскидистыми рогами не могут вообще или не могут слишком быстро последовать за ними сквозь узкий проход. В лесах же такие мощные рогачи проводят вместе с самками лишь одну двенадцатую часть года, а именно время гона, падающее на сентябрь и октябрь. Остальную же часть года самцы держатся отдельно, в своей «мужской компании». В таком стаде самцов практически не бывает вожака, все пасутся совершенно независимо, не обращая друг на друга никакого внимания. И наоборот: ссор между самцами тоже не возникает. Если же в самочьем стаде встречаются рогачи, то это обычно выросшие сыновья — двух- или трехлетки. Они еще продолжают «держаться за мамину юбку», хотя на хороших кормах уже успели отрастить завидные головные украшения. Однако «права голоса» в стаде у них еще нет. Группу возглавляет, как правило, одна из старших оленух, но обычно лишь до тех пор, пока у той есть собственные малыши. Так во всяком случае утверждает Вильгельм Линке в своей книге о благородном олене. Олени доживают в среднем до двадцатилетнего возраста, но иногда могут прожить и дольше.

Такие ветвистые олени рога весом в 14—16 килограммов — вещь совершенно удивительная! Наверное, не слишком-то удобно и приятно таскать подобное сооружение у себя на голове! Причем таскать его приходится большую часть года, пока не сбросишь. Сбрасывание приходится обычно на февраль. Но еще значительно раньше, примерно с июля или августа (после того как олень соскребе о камни и кустарник отмершую, засохшую кожу с рогов), они уже представляют собой лишь мертвую, затвердевшую кость. А затем происходит следующее: особые клетки растворяют костное вещество под розетками у основания роскошных «канделябров», и в один прекрасный день они сваливаются с головы своего владельца. Удивительным образом оба рога, как правило, падают почти одновременно.

Потеря грозного оружия приводит оленя поначалу в шок. Он становится совершенно неполноценным и незащищенным. Во всяком случае в зоопарках уже наблюдалось, как потерявшего рога красавца оленя, которому прежде

всегда почтительно уступали дорогу, какая-нибудь старая самка лущевала передними копытами, да так его охаживала, что он в страхе бросался наутек. По-видимому, в такие минуты он даже забывает, что мог бы оказать сопротивление аналогичным способом, то есть встать на дыбы и отбиваться передними ногами. Ведь именно так и поступают так называемые «гололобы» самцы или те, у которых только что отросли чувствительные и легко ранимые панты, когда между оленями возникают какие-либо разногласия или несовпадения во взглядах...

Сброшенные же рога достаются обычно мышам, белкам и другим грызунам, которые их охотно поедают; впрочем, в Шотландии их якобы съедают сами олени.

По-видимому, олений организм должен заранее накопить большую массу питательных веществ, чтобы затем, в течение всего лишь нескольких месяцев, вырастить подобное мощное сооружение! Сначала из черепа показывается нечто клубнеобразное. Но даже тогда, когда рога наполовину готовы, обтянуты мягкой кожей наподобие замши, а концы их округлые и тупые, — они бывают на ощупь неизменно теплыми, почти горячими.

Растущие кости значительно сильнее накапливают радиоактивные вещества, чем любые другие. Именно поэтому в скелетах детей находят гораздо больше ядовитого радиоактивного стронция, чем в скелетах взрослых людей. В рогах шотландского оленя, которые подробно исследовали в 1957 году, содержалось в 10 раз больше радиоактивного стронция, чем в рогах оленя, убитого в 1952 году.

Таким образом, олени рога способны особенно наглядно отражать все усиливающееся загрязнение нашей земной атмосферы из-за испытаний ядерного оружия.

Молодые олени рога — панты — испокон веков считались целебными и использовались в народной медицине. В наше время в Советском Союзе в государственных масштабах, на больших современных фермах держат оленей-пантачей, которым периодически спиливают рога.

В Москве были проведены серьезные клинические анализы оленьих рогов, что позволило выяснить следующее: панты действительно содержат много половых гормонов и биологически активных веществ. Они оказывают положительное действие при явлениях старения организма и заживления ран.

На территории нынешних ФРГ и ГДР олени водились с незапамятных времен. И были они в Европе прежде столь многочисленны, что одну из трех наиболее ранних эпох появления человеческих поселений в Швейцарии даже назвали «эпохой оленьих рогов». Однако к 1900 году во всей Швейцарии уже нельзя было найти ни одного благородного оленя. Граждане Швейцарской конфедерации их начисто истребили. В других странах Европы правящие династии и титулованная знать заботились о том, чтобы сохранить хоть часть этих великолепных животных для своих охотничьих утех... В то время как леса и поля испокон веков были всеобщим достоянием людей и любые поселенцы и крестьяне могли добывать в них для

себя дрова и пропитание, эти знатные господа во времена средневековья превратили такие уголья в свою частную собственность. Во всяком случае теперь только им одним разрешалось охотиться на оленей, медведей, кабанов, волков и прочую дичь. Охота служила как бы временной заменой воинского ремесла, развлечением среди скучных и будничных хозяйственных дел. Кроме того, такую охоту можно было обставить весьма роскошно и помпезно. Сначала строили охотничьи дома в лесу, затем уже начали воздвигать целые охотничьи дома в лесу, затем уже начали воздвигать целые охотничьи замки и дворцы, достигавшие порой грандиозных размеров, как, например, замок Морицбург в Саксонии.

Что касается четвероногих, то с ними все эти благородные бароны, графья, князья, короли обходились, прямо скажем, не очень-то благородно и недостойно настоящих охотников, во всяком случае в сегодняшнем нашем понимании. Они загоняли оленей верхом и с помощью целых свор собак, преследуя их часами, до тех пор пока у тех уж и дух вон; затем обессилевшим животным наносили поначалу легкие раны, чтобы продлить себе удовольствие, и разыскивали подранков по их кровавым следам... А чтобы не так уж сильно напрягаться самим, гоняясь за зверем по лесу, они вскоре додумались загонять дичь в большие загоны и уже там, где ей некуда было деться, убивали ее копьями, стрелами из лука или из мушкетов. Используя подневольный труд, крестьян принуждали воздвигать километровые заграждения, чтобы феодал всегда имел под рукой подходящую дичь к приезду гостей, если тем захочется поохотиться. Рогачей гнали вдоль длинных изгородей, в проемах которых их подстерегали петли-удавки и ловчие сети. Нечто подобное делают в наши дни в Африке браконьеры, живущие рядом с национальным парком Серенгети. Наиболее «добычливыми» оказывались самые длинные сети, в которых прочно запутывалась загнанная дичь. Чтобы иметь возможность развешивать такие грандиозные сети для проветривания и лучшей их сохранности (иначе могут истлеть!), в лесу воздвигались специальные хранилища для сетей. Такое строение в Гессенском Вальдау, например, имеет в длину 75 метров, то есть только в половину короче развешиваемой в нем сети.

Если кто-либо в Европе или еще где-то становится богат, тот зачастую начинает интересоваться охотой. Это происходит не потому только, что скитание по лесам и полям привносит приятное разнообразие в тягостные и скучные будничные занятия, связанные с деланием денег, а скорее потому, что охота все еще носит оттенок необычного и благородного занятия. Тот, кто в наше время приглашает «погоняться за зайцами» или «пострелять оленей», заставляет окружающих быстрее забыть о том, что разбогател-то он на торговле потрохами или холодильниками...

Но то, что у нас, в Европе, есть охотники,— это все же хорошо. Иначе кто бы стал подкармливать зимой оленей? Не будь у нас энергичных людей, радеющих об охотничьем хозяйстве, наши крестьяне давно бы уже объявили всех рябчиков, зайцев, лис и оленей «вредителями сельского хозяйства» и начисто их истребили.

Вот если бы только некоторые охотники, кстати прекрасно изучившие средневековые приемы охоты и лихо трубящие в охотничий рожок, научились бы еще вдумчивому природоведческому подходу к вопросам охоты! Хорошо бы им усвоить, что хищное животное отнюдь не кровожадный разбойник, которого следует убивать лишь за то, что он, так же как и сам охотник, убивает мирных представителей нашей фауны. А что, наоборот, рыси, дикие кошки, орлы, лисы, филины, ястребы, соколы, коршуны, выдры, куницы и другие хищники изымают из природного биоценоза излишек молодняка травоядных, а также больных и ослабленных особей, сохраняя биологическое равновесие в природе. Причем они в отличие от человеческих охотников выходят на промысел не только по выходным дням, а всегда — и ночью, и в метель, и в стужу, и под морозящим дождем. И уж поверьте, они лучше нас с вами различают, кто слаб и кто болен! И никакой выборочный отстрел с целью оздоровления стада никогда не заменит их острого, натренированного и «профессионального» взгляда!

Когда в прошедшие времена знатный охотник был одновременно и владельцем угодий и единовластным судьей, он всегда стремился особенно жестоко расправиться со своими охотничьими конкурентами. Изгнать нарушителей запретов из страны или жестоко высечь — было еще самым легким наказанием. Некоторые князья приказывали за подобные провинности отрубать нарушителю руку, выкалывать глаза или забрасывать его камнями. Егеря и охрана бдительно следили за сохранностью «барской дичи». Многим из них в благодарность за верную службу даровали дворянский титул (о чем можно было впоследствии догадаться по оленьим рогам на их гербе). Притом крестьян в лес толкал отнюдь не охотничий азарт, а голод и безнадёжная нужда.

На сегодняшний день считается нормальным, если на один квадратный километр смешанного леса приходится один благородный олень, а в хвойном достаточно и одного на два квадратных километра. Во всей Федеративной Республике Германии обитает сейчас не больше 60 тысяч оленей и в 10 раз больше косуль. Однако князьям, повелевавшим в прошлые времена Европой, всего было мало, поскольку им ведь все равно не приходилось возмещать крестьянину нанесенного ущерба за потравы. Они только радовались, когда стада благородных оленей разрастались до колоссальных размеров.

Некоторые августейшие охотники приказывали собирать диких копытных в загон, а затем прогонять по одному мимо стрелка словно движущуюся мишень. Лучше всего — мимо окна охотничьего замка. Именно таким способом австрийскому наследнику престола (позже убитому) удавалось иной раз за день уложить 100 оленей. Да и последний кайзер — Вильгельм II устраивал подобного же рода «охоты» в Верхней Силезии. Два телохранителя при этом перезаряжали и подавали ему ружья.

Я очень боюсь, что то же самое повторится и в Африке. Поэтому я стал деятельно противиться тому, чтобы европейские и заокеанские псевдоохотники, надежно охраняемые вооруженными платными

проводниками, имели право стрелять в время своих «сафари» во львов и слонов, в то время как местного африканца за то же самое бросают в тюрьму как браконьера. Я опасался, как бы теперь африканцы, ставшие самостоятельными, не убрали вместе с европейским господством и всех кафрских буйволов, носорогов и жирафов. Я постарался сделать все от меня зависящее, чтобы этого не произошло. В пятидесятых годах мы совместно с моим сыном Михаэлем написали книгу и отсняли одноименный фильм «Для диких животных места нет», где резко осуждалась подобная, ничем не оправданная и никому не нужная стрельба «заезжих гастролеров» по диким животным. Это ведь никакая не охота. Она не имеет ничего общего с деятельностью настоящих охотников из европейских Охотничьих обществ, радеющих о процветании подлинного охотничьего хозяйства. Вместе с целой группой других энтузиастов по охране природы нам еще удалось в самый, можно сказать, последний момент убедить некоторых африканских государственных деятелей ставших самостоятельными молодых африканских стран изменить свое отношение к собственной дикой фауне.

Мне бы хотелось, чтобы богатые заезжие охотники приносили Африке не вред, а пользу. И этого можно было бы достичь, если бы они согласились арендовать в Восточной Африке большие охотничьи угодья, держать там платных егерей, отстреливать дичь только согласно плану Управления охоты, а именно изымать излишнюю часть ее, бороться с браконьерством, выплачивать местным племенам столь же высокие арендные платы за пользование охотничьими угодьями, как, например, в Баварии, и покрывать нанесенный дикой фауне ущерб. Вот это было бы справедливо. Я не охотник, но против разумной формы охоты я абсолютно ничего не имею. Разумеется, вне границ заповедников и национальных парков.

Вот в Швейцарии теперь снова появились благородные олени, даже довольно много. В 1914 году там был основан национальный парк Граубюнден. Уже в 1915 году туда перешли девять оленей из Австрии. К 1939 году их стало 350, а на сегодняшний день оленей, я бы сказал, скорее даже слишком много, потому что отсутствуют хищники, призванные держать их численность в разумных границах. Всякий, кому захочется, может теперь осенью поехать в лес, чтобы послушать, как трубят олени во время гона. Их «зов любви» относится к романтике европейского леса. Порой он становится столь притягательным для чужестранных туристов, что предприимчивые хозяева туристических гостиниц, расположенных неподалеку от леса, специально нанимают нескольких лесорубов, чтобы те, спрятавшись в самой чащобе, имитировали, дуя в садовую лейку, призывный зов благородных оленей... Гости бывают очень довольны, а лесничий тоже, потому что таким способом можно отвлечь поток любопытных от настоящих мест брачных игр оленей.

Сильный самец способен порой собрать вокруг себя до 20 молодых и матерых самок. Но тем не менее это не настоящий гарем, потому что самец не является вожаком такого стада, не охраняет его, более того, в случае опасности — при приближении охотника или собак —

он поскорее убегает прочь. Единственная его забота, по-видимому, состоит в том, чтобы не допустить приближения соперников-олений и чтобы ни одна из его самок к ним не перебежала.

Когда дело доходит до драки двух оленей между собой, то, наблюдая за ней, можно убедиться в том, что их роскошные ветвистые рога скорее турнирное оружие, чем клинжалы, предназначенные для убийства. Именно их ветвистость способствует тому, что при ударе рога запутываются в рогах противника и не наносят таким образом серьезных ранений в более уязвимые части тела оленя. Когда два таких драчуна стоят друг против друга, скрестив рога, то это скорее способ померяться силами, столкнуться или стянуть противника с места, как мы делаем это при перетягивании каната или выжимании рук.

Но может случиться, что рога одного оленя во время поединка настолько застряли и заклинились в рогах другого, что разъединить их становится абсолютно невозможно, и тогда несчастным соперникам грозит голодная смерть. Плохо дело и в тех случаях, когда у оленя вместо разветвленных рогов вырастают два острых и прямых, словно копыта, рога. Тогда он легко пронизывает ими ветвистые рога противника и закалывает его. У молодых оленей обычно сначала вырастают именно такие копытоподобные рога, но у них они как раз не представляют серьезной опасности. Как правило, у молодых еще не хватает смелости вылезать в настоящую схватку с матерым оленем. А вот когда попадаетесь взрослый олень с подобными рогами — тогда только держись! Зачастую за таким укрепляется дурная слава оленя-убийцы.

Иногда олени могут применять свои рога и совсем для других целей. Так, однажды удалось пронаблюдать, как содержащийся в саду за оградой олень, который никак не мог добраться до спелых яблок на деревьях, применял акробатический трюк. Он поднимался на дыбы и тряс изо всей силы головой. Рога ударяли по веткам, и яблоки сыпались вниз. А там уж они поступали в полное его распоряжение.

Разветвления рогов отнюдь не увеличиваются регулярно с каждым прожитым годом, как это многие почему-то себе представляют: будто бы в первый год жизни у оленя на голове копыта, на второй — вилы, на третий на рогах уже шесть отростков, затем восемь и так далее. Вес и размер рогов, а также их ветвистость зависят не в последнюю очередь от того, как питается их владелец. Иной олень уже на второй год носит на голове не вилы, а целые «каandelabры» с шестью, а то и с восемью свечками. А когда олень перевалил через самые свои лучшие годы — примерно четырнадцати-пятнадцатилетний возраст, — рога его уже «пойдут на убыль», с каждым годом число отростков станет уменьшаться, пока они под конец не превратятся в первоначальные гладкие копыта, правда, теперь уже более крепкие, чем у молодых.

В охотничьем замке Морицбург, в Саксонии, висят рога благородного оленя весом в 18,8 килограмма с 66 отростками. Рога эти прусский король Фридрих I, будучи тогда еще только курфюрстом

бранденбургским, уступил королю Саксонии за «длинного малого», то есть за особенно рослого солдата для своего Потсдамского гарнизона. Рассказывают, что оленя пригнала к курфюрсту дочка лесника, восседавшая верхом на ручном лосе.

Во время гона, а иногда и в другие периоды олени могут вести себя самым удивительным образом. Так, один олень настойчиво интересовался белой кобылой, впряженной в охотничью повозку. На ее ржание он отвечал отрывистыми, лающими звуками. Когда она везла повозку по лесной дороге, он следовал за ней, прячась за кустарниками, и вообще старался все время держаться где-то поблизости. Именно поэтому его и удалось подманить поближе и пристрелить.

Оленухам обычно бывает необходимо достичь двух- или трех-летнего возраста, чтобы впервые привлечь к себе внимание заинтересованного в партнершах кавалера. Но случается, что отдельные самки оказываются оплодотворенными уже в первую осень своей жизни. Самец во время брачных игр проявляет обычно достаточно терпения и ведет себя по отношению к самкам весьма миролюбиво. Даже прошлогодним телятам разрешается оставаться в стаде. А через восемь с половиной месяцев, в мае или июне, оленуха в один прекрасный день отделится от «самочьего» стада (насчитывающего обычно от шести до двенадцати голов), чтобы где-то в укромном месте, одной, без посторонней помощи произвести на свет свое потомство. Прошлогоднего теленка она к этому моменту прогоняет. Сами роды редко длятся дольше десяти минут, но оленуха при этом сдавленно стонет и даже вскрикивает. Пока олененок не в состоянии по-настоящему бегать, а значит, в первые два, а то и четыре дня, мать оставляет его лежать запрятым от посторонних глаз и лишь два раза в день приходит, чтобы напоить молоком. Как только олененок научится следовать за ней, он будет прикладываться к вымени через каждые несколько минут. К этому времени возвращается и присоединяется к матери и прошлогодний теленок, которому тоже иногда великодушно разрешается получить свою порцию молока.

Пока у оленых «девиц» не появятся собственные дети, они всегда держатся возле матери. А вот молодые рогачи еще раньше отделяются от «дамской компании» и присоединяются к «мужской».

Один охотник наблюдал, как олени оказывают друг другу помощь. Он ранил одного из восьми оленей в стаде. Животное ослабело, начало спотыкаться и пыталось лечь. Но остальные не дали ему этого сделать: подперев его со всех сторон, они завели подранка в ближайшее ржаное поле, а оттуда уже в рощу. Подобная помощь раненым собратьям наблюдалась не раз и у слонов, и у кафрских буйволов.

Спасаящийся от преследования олень способен развить скорость 67 километров в час.

Там, где на оленей не охотятся, в особенности возле кормушек зимой, они становятся совсем ручными. К ним можно подойти на довольно близкое расстояние. Так, один охотник прикармливал оленей в 20 метрах от своего дома. Они настолько к этому привыкли,

приходя по ночам зимой и летом, что нисколько не пугались электрической лампы, горящей на дереве в четырех метрах над их головами. Кроме того, особое устройство включало в доме, на письменном столе, ночничок, чтобы домочадцы всегда могли узнать, что пришли олени и за ними можно понаблюдать.

В пасхальное воскресенье 1943 года целое стадо оленей, около двадцати голов, нанесло визит саксонскому городу Цане. Было семь часов вечера, так что переполох произошел немалый! Олени перемахнули через ручей, переплыли пруд и очутились в самом центре города. Испугавшись гуляющей толпы, часть пришельцев бросилась по направлению к вокзалу, а остальные перескочили через садовые ограды. Один угодил в витрину магазина и сильно поранился о разбитое стекло. Несколько оленей забежало во дворы жилых домов. Общая сумма причиненного оленями ущерба составила свыше 2 тысяч марок.

Поскольку олени всегда считались «княжеской» дичью, то их с давних пор было принято дарить в качестве ценного подношения. В 1661 и 1662 годах в Неймарке отловили 159 оленей и отвезли на корабле в Лондон.

Европейские благородные олени сейчас сильно размножились в Аргентине, Австралии и особенно в Новой Зеландии. Наши охотоведы одно время воображали, что отечественная благородная дичь станет более рослой и статной, если ввезти из Северной Америки вапити или из Восточной России маралов. Вапити хотя и крупнее европейских оленей, однако европейские охотники вскоре потеряли к ним всякий интерес, потому что выглядят они менее импозантно: в период гона у них не отрастает на шее пышная грива, да и клич у них какой-то жалкий, писклявый, скорее свист, а не рев... Кровь ввезенных когда-то в Европу чужеземных оленей в нашей современной благородной дичи присутствует в очень малом количестве. По-видимому, те оказались неустойчивыми по отношению к европейским болезням и паразитам.

500 или 1000 лет тому назад у германских охотников было больше возможности раздобыть себе в качестве охотничьего трофея сильно ветвистые рога, чем сегодня. Отчасти это объясняется тем, что наши олени теперь, не по своей воле, стали чисто лесными животными, в то время как по природе своей они предпочитают открытые кустарниковые пространства или редколесье.

Самые крупные олени Европы обитают сейчас в Карпатах, на Балканах, и вообще ареал их отодвинулся дальше к востоку.

Обожающие всяческую роскошь и помпезность владельцы мира сего не раз пытались запрячь благородных оленей в свои повозки. Первым, кому удалось этого добиться, был император Марк Аврелий, который во время триумфального шествия в честь победы над Пальмирой восседал на колеснице, запряженной четырьмя ручными оленями. После этого животные были принесены на Капитолии в жертву богу Юпитеру. Много позже барон Пюклер как-то проехался в Берлине по Унтер-ден-Линден на упряжке из шести благородных оленей. Во всех таких случаях речь идет о кастрированных животных,

обращаться с которыми значительно легче и безопаснее. Если кастрация произведена в момент, когда у оленя на голове крупные ветвистые рога, то он их уже никогда не сбросит; если же тогда, когда он их только что потерял, то они больше не отрастут.

Французский наместник Люстик, правивший во времена Наполеона в городе Касселе, 15 августа, в день рождения Наполеона, организовал катание на оленьей упряжке. Четыре оленя, запряженные в коляску, внезапно понесли. Все сидевшие в коляске пассажиры в ужасе повыскакивали на ходу. Вернувшись пешком и зайдя в конюшню, люди застали там всю упряжку оленей в полном составе — оленя явились туда значительно раньше своих пассажиров. Никакой повозки с ними, разумеется, уже не было: на беглецах висела лишь порванная в клочья сбруя, и за ними волочилась сломанная оглобля...

Глава XXI

Снежные козы скачут по небоскребам

**Не только бесстрашные, но и странные
создания**

**Увидеть снежных коз в Скалистых горах
теперь не сложно**

На четвереньках за снежным козленком

**Козел сбрасывает четырех собак в
пропасть, а коза закалывает медведя-гризли**

Капитан Кук спутал их с белыми медведями

Десять дней на краю бездны

Представьте себе, что вы поднимаетесь на лифте на самый верх нью-йоркского небоскреба. Вылезаете на крышу и тут вдруг обнаруживаете, что по кровельным желобам, зубцам и выступам «Вулворт билдинга», «Эмпайр Стейт билдинга» и других гигантских высотных домов Манхэттена скачут какие-то белые существа. При ближайшем рассмотрении они оказываются козами, причем совершенно неправдоподобными козами — расхаживающими по карнизам, стоящими на водосточных трубах, карабкающимися по уступам стен или безмятежно взирающими с какого-нибудь подоконника вниз, в стометровую пропасть нью-йоркских улиц...

Вот именно такое волнующее впечатление испытываешь, наблюдая в бинокль за этими бородатыми «альпинистами» на заоблачных отвесных вершинах Скалистых гор. Знаменитый американский биолог Эрнст Сетон-Томпсон, книги которого я, будучи мальчишкой, буквально заглатывал, писал: «В один прекрасный день праматерь

наша природа задумала создать такое существо, которое может счастливо жить на необитаемых скалистых башнях, венчающих величественные «кафедральные соборы» Скалистых гор. В качестве сырья она выбрала какое-то копытное, обитающее на равнине, наблюдала его бесстрашным сердцем, железными нервами, стальными жилами и одеждой из самой теплой шерсти, перемежающейся, для прочности, с длинной, грубой щетиной. Затем она отбеливала свою новую игрушку до тех пор, пока та не сделалась снежно-белой, и приказала ей отправляться на обетованную землю, которую никто у нее никогда не сможет оспорить...»

Североамериканские снежные козы не только бесстрашные, они и необыкновенно странные животные. Начнем с того, что они вовсе никакие не козы, несмотря на то что очень на них похожи как внешне, так и своим поведением. Но плечевой пояс и шея у них значительно мощнее, а рога гораздо короче и не завиты спирально, как у многих коз. Они скорее сродни горалам и серау (азиатским горным антилопам) и нашим европейским сернам, несмотря на то что внешне с ними совсем не схожи. Кроме того, снежные козы, пожалуй, единственные копытные на свете, которые самым настоящим образом усаживаются на свой зад, да еще при этом держат корпус в вертикальном положении, так, что передние ноги свободно свисают вдоль живота: ни дать ни взять — собачка, которая «служит». Когда снежная коза, сидя в такой позе, с важностью оглядывает окрестности, она до смешного напоминает профессора, смотрящего поверх сползших на нос очков.

Как же билось у меня сердце, когда мне впервые в жизни довелось увидеть на воле этих знаменитых животных, о которых я прочел так много волнующих историй! Притом должен сказать, что там, в национальном парке Банф, расположенном в канадских Скалистых горах, увидеть их не составило особого труда. Достаточно было подняться на машине по серпантину асфальтированной дороги, идущей элегантно виражами вверх через эту «супер-Швейцарию», выйти в указанном месте и подойти к перилам, огораживающим край отвесного склона, как они уже и предстали моему взору. В бинокль их прекрасно можно было разглядеть: они мирно паслись несколькими уступами ниже. словно белоснежные барашки на зеленой лужайке, свежевystиранные перед стрижкой... А я-то ожидал, что потребуются несколько дней бесплодного ожидания, пока наконец не удастся хитроумным образом к ним подкрасться, чтобы мельком увидеть это чудо где-то на головокружительной высоте утесов...

В действительности все выглядит совсем иначе. Не то чтобы снежных коз расплодилось уж очень много на Земле — нет. Всего каких-нибудь 1200 в США (в двух национальных парках северных штатов Монтана и Вашингтон) и, может быть, еще пара тысяч на их настоящей родине, в Скалистых горах в Канаде. Но места обитания отдельных стад известны, и животные не кочуют далеко по горам, а держатся неделями, даже месяцами, а часто и круглый год в одних и тех же местах, обычно где-то чуть выше границы леса. Там у них в общем-то нет врагов, в особенности зимой, когда все остальные живот-

ные стараются убежать из этой снежной пустыни. Зимой копыта и рога снежных коз приобретают иссиня-черный цвет, в то время как летом они кажутся серовато-белыми. Иной раз на ослепительно белом фоне снегов от всей козы можно увидеть одни лишь темные точки глаз, черную черточку губ, четыре черных копыта и два рога. Как им удастся выживать зимой среди обледенелых утесов в снежной метели — этого никто не знает, потому что ни один человек еще не отважился в такую пору проникнуть туда для наблюдения за ними.

Как известно, эти отважные скалолазы отнюдь не прыгают меж скал с проворством и ловкостью белок на деревьях. Нет, они, наоборот, шествуют неторопливо, я бы сказал, с важностью и достоинством, тщательно выбирая дорогу, как самые настоящие опытные альпинисты. Следуя за ними в гору, даже человеку было бы нетрудно их нагнать. Ни разу еще не наблюдалось, чтобы застигнутое врасплох стадо снежных коз испуганно бросилось врассыпную, удирая, что есть мочи, как это делают любые антилопы на равнине. Но зато их можно внезапно обнаружить в таких местах — например, на отвесной стене или выступе скалы, — что даже трудно поверить, чтобы существо с четырьмя ногами и без крыльев могло туда забраться! Чаще всего их в подобных случаях принимают за кучку снега, а не за животное.

Снежная коза обычно не совершает больших прыжков вверх: редко они превышают один-полтора метра. Зато вниз козы, не раздумывая, прыгнут на семь или восемь метров, каким бы отвесным ни был обрыв, причем благополучно приземлятся на самый малюсенький уступ скалы, даже если он затянут льдом. В. Сеймур, мэр Сиэттла, оказался однажды свидетелем совершенно виртуозного трюка, проделанного снежной козой. Опасаясь, что ему потом не поверят, он заставил четырех своих спутников расписаться под следующим документом:

«Прошлым августом мы заметили снежную козу, с трудом карабкающуюся вверх по совершенно отвесному скалистому обрыву Литтл Биг Чив. На одном абсолютно непреодолимом участке я невольно крикнул: «Куда ты лезешь, идиотка, не осилишь ведь!» Но коза все же решилась. Местами ей приходилось подпрыгивать на всю длину своего корпуса, чтобы достичь следующего уступа. Но вот она попыталась достичь в прыжке уже совсем недоступного выступа: передними ногами она едва коснулась края карниза, однако удержаться на нем, чтобы подтянуть весь корпус, не смогла. Мы уже подумали: ну, конец козе, теперь она разобьется в лепешку. Но не тут-то было. Коза всеми четырьмя ногами оттолкнулась от скалы, проделала в воздухе настоящий кульбит и уверенно приземлилась на том уступе, с которого прыгала».

Если они на первый взгляд и напоминают всего лишь самых безобидных пушистых козочек, то сердца у них — отнюдь не козьи, а львиные. Чарльз Чепман, известный зверолов, пытался как-то вместе с одним провожатым отловить пару снежных козлят для зоопарка Бронкса в Нью-Йорке. Для того чтобы незаметно подкрасться к

козам, они решили накрыться шкурами снежных коз, голову прикрыть белыми носовыми платками и на четвереньках подползти к пасущимся животным. Они наметили себе козу с козленочком, пасущуюся на таком месте, где снег сполз с почвы. Между прочим, в подобных случаях вовсе не обязательно подходить тихо, не создавая шума.

Многие люди даже утверждают, что снежные козы бывают временами глухи. И правда, нередко у мертвых снежных коз уши до самого внутреннего уха бывают плотно забиты насосавшимися крови иксодовыми клещами. В одном слуховом проходе порой можно обнаружить до 20 клещей — не удивительно, что животные от этого плохо слышат.

В описываемом же случае коза, как только поняла, что к ней подкрадываются, нагнула голову и двинулась на непрошенных гостей. Поскольку об острых рогах снежных коз идет дурная слава, то этим двоим ничего не оставалось, как вскочить и ретироваться. Но тогда только коза и заметила, с кем именно она имеет дело, и сама тоже поспешно кинулась бежать в противоположном направлении, прыгая через такие препятствия, которые казались совершенно непреодолимыми. Козленок же был еще не в состоянии последовать за ней, и звероловам благополучно удалось поймать его для зоопарка.

Но бывает и так, что стычка со снежной козой заканчивается для обидчиков значительно хуже. В конце прошлого столетия, когда снежные козы еще не находились под полной охраной на Американском континенте, Е. А. Миллс описывал случай, происшедший в местности, где сейчас образован национальный парк Глейшер. Два охотника со своими собаками загнали старого снежного козла в тупик на самом краю ледового поля. Козел вскочил на крутой выступ скалы, нависающий над гладкой отвесной стеной. Он ждал возможности удара, сделал пару бесплодных попыток, но собаки с остервенелым лаем окружили его со всех сторон. Тогда он кинулся на одну из них и нанизал ее на свои острые рога, словно на вилку. Затем последовало второе быстрое движение головой, и собака, взлетев на воздух, грохнулась в пропасть. С неимоверной быстротой он убил таким способом подряд трех собак, а четвертую столкнул с уступа живой. Остальные собаки после этого предпочли отступить. А козел повернулся и пошел буквально по стене, степенно ступая по карнизу и мельчайшим выступам с таким спокойным и безразличным видом, словно бы все происшедшее не произвело на него ровно никакого впечатления...

Очень редко можно встретить снежных коз во время пересечения ими долин. Один фермер из Форт-Стила, в Британской Колумбии, по имени Артур Фенвик, как-то заметил снежного козла, решительно пересекавшего долину: «Но старый вождь индейцев Изадоре, лагерь которого располагался неподалеку, заметил его еще раньше. С двумя индейцами и целой сворой собак он вознамерился с помощью лассо поймать козла живьем. В погоне участвовало три лошади и целых пятнадцать псов. Спустя короткое время одна из индейских женщин заметила, что в поле творится что-то неладное, схватила ружье и побежала туда, где происходила дикая свалка. Один из индейцев, схватив ружье, действительно застрелил снежного козла,

но... все собаки к этому моменту были уже либо убиты, либо покалечены. Лишь с огромным трудом индейцам удалось избежать того, чтобы еще и лошади их оказались пропороты страшными острыми рогами».

Что же касается высокогорья, то там снежным козам практически никто не страшен, разве что только пумы — эти горные львы. Чтобы орлы на них нападали — плохо верится. Наверное, это такое же ошибочное утверждение, как то, что наши альпийские орлы утаскивают ягнят и молодых косуль. Ведь как те орлы, так и наши охотно подбирают падаль, и поэтому остатки костей и шкур снежных козлят или детенышей косуль вовсе еще не служат доказательством того, что орлы сами же их и убили. Насколько мне известно, отмечен всего один такой случай. Два зверолова отогнали снежную козу от ее козленка, и тот совершенно неожиданно самостоятельно стал взбираться по почти отвесной каменной стене. Как только детеныш ушел из-под защиты своей матери, откуда ни возьмись на него спикировал американский белоголовый орлан (кстати, американское гербовое животное). В обычных же условиях для снежной козы не составляет труда отбить своего детеныша у орла.

Даже в тех случаях, когда снежная коза попадает в тупик, то есть забирается в такое место, где ей на узком карнизе скалы уже не повернуть назад, она все равно находит выход из положения. Неоднократно уже наблюдали, как коза поднималась на задние ноги и, прижавшись спиной к стене, делала поворот на 180 градусов.

По-настоящему снежные козы подвергаются опасности лишь тогда, когда спускаются в долину или пересекают лес. В некоторых местностях их нередко можно встретить пасущимися на лугах горных долин. Они, безусловно, бывают вынуждены время от времени пересекать равнины и леса, чтобы попасть с одного горного хребта на другой или для розыска солонцов. Именно здесь-то на них и нападают черные медведи-гризли, волки, росомахи или крупные горные койоты. Но снежные козы умеют защищаться! Во всяком случае если они и погибнут в такой схватке, то и противнику придется не легче. Рога снежных козлов хотя и небольшие, каких-нибудь 25—30 сантиметров в длину, но необыкновенно острые и молниеносно разят, как кинжалы! Уже упомянутый здесь Артур Фенвик нашел однажды крупную мертвую снежную козу, убитую явно медведем-гризли, о чем говорили не только натоптанные вокруг следы, но и то, что хребет у козы оказался переломленным.

— Я удивился, почему это медведь не утащил с собой козу и не зарыл ее, как он обычно делает, — рассказывал фермер. — И решил на всякий случай оглядеться вокруг. Вскоре я действительно нашел огромного гризли, мертвого и залитого кровью. Осмотрев его, я обнаружил, что снежная коза дважды пырнула его в область сердца. Медведю еще удалось ее прикончить, но и он, отойдя на несколько сот метров, упал замертво.

Уже не раз находили хищников, погибших от удара острых рогов снежных коз в сердце, легкие или в брюхо. Так что снежным

козам хищники не страшны. Скорее уж — лавины. Вот из-за них козы погибают гораздо чаще.

Впрочем, небезопасен для них и дождь. В зоопарках у коз обязательно должно быть какое-нибудь убежище от дождя, хотя бы крыша над головой, иначе их пушистый мех словно губка пропитывается водой, и животное может погибнуть от воспаления легких. По всей вероятности, они на воле во время дождя прячутся под навесами скал или в пещерах. Шерсть их еще нежнее, чем знаменитая кашмирская. Во время линьки в отдельных местностях можно собрать с кустов и острых выступов скал большие пучки такой шерсти, весом иногда в несколько фунтов. Индейцы, населявшие северо-западное побережье Америки, в прежние времена постоянно собирали и пряли такую шерсть. Часть пряжи они окрашивали в яркие цвета и вязали затем такие узоры, которые сегодня сошли бы за какие-нибудь кубистские или футуристические, но на самом деле всегда изображающие какое-нибудь тотемное животное.

Именно по таким вот вязаным шалам и шкурам первые путешественники — открыватели новых земель — впервые узнали о существовании подобного высокогорного животного. Капитан Джеймс Кук во время своего кругосветного путешествия в 1778 году, достигнув Британской Колумбии, записал в вахтенном журнале, что туземцы приносили им «куски шкур от белых медведей и целые шкурки белых медвежат». Но поскольку вокруг бухты Принца Вильгельма, в радиусе 1500 километров, нет никаких белых медведей, а снежных коз в горах в те времена было достаточно много, речь шла, по-видимому, именно об их мехе.

Александр Маккензи, знаменитое путешествие которого по реке, названной его именем до самого ее впадения в Ледовитый океан, я недавно повторил (следуя тем же курсом на самолете), писал о каких-то «белых буйволах», которых можно найти в горах, лежащих западнее реки. Я часами прочесывал на маленьком спортивном самолете все ущелья Гор Ричардсона и ничего подобного там не нашел. Возможно, речь шла о снежном баране Даля, которых мне тоже удалось увидеть и даже снять, или опять же о снежных козах, которых тогда здесь было еще достаточно много. Но лишь в 1811 году первому европейцу удалось увидеть живую снежную козу, добыть ее и описать. Звали его Александр Генри.

В 1860 году вошли в моду муфты и воротники из черно-белого меха африканских обезьян гверца. Цены на шкуры этих животных — черные с белой спинкой — баснословно подскочили, и меховщики вскоре додумались подменять этот мех шкурками снежных коз, окрашивая их частично в черный цвет. Это тогда привело чуть ли не к полному истреблению североамериканских «скалолазов». На сегодняшний день снежные козы не только повсюду охраняются, но в 1923 году их даже удалось успешно акклиматизировать на острове Баранова, близ берегов Аляски, а в пятидесятых годах — еще и на острове Кадьяк.

Остается только удивляться, что подобные высокогорные животные так хорошо приспосабливаются к условиям зоопарка. Так, в Нью-

Йоркском зоопарке один снежный козел прожил с 1900 по 1909 год и умер в десятилетнем возрасте. Но когда в мае 1963 года в зоопарке города Калгари, в Канаде, у снежной козы родился козленок, это была своеобразная маленькая сенсация, потому что такого не случилось за все 35 лет содержания этих животных в неволе.

Один из звероловов Нью-Йоркского зоопарка рассказывает: «Особенных трудностей при перевозке маленьких снежных козлят у меня в общем-то не было. Кормил я их примерно каждые три часа и днем и ночью. Проголодавшись, они начинали подпрыгивать возле меня или даже лазить по мне, если я лежал в постели, а спал я с ними в одном отделении. Только когда я оставлял их одних и ненадолго отлучался, они начинали проявлять беспокойство и всячески пытались выбраться из вагона. Но стоило мне только накормить бедных маленьких сироток, как они все тесно прижимались к моим ногам и засыпали. Снова проголодавшись, они вскакивали и начинали стучать по мне передними копытами. Думаю, что их матерям с ними тоже приходится не слишком сладко, но у тех ведь не бывает за один раз по столько козлят, сколько было у меня...»

Весит козленочек при рождении ровно 4 килограмма и спустя полчаса уже умеет бегать и прыгать. Детеныши у самок появляются чз в два года.

Живут ли снежные козы моногамно, парами, как некоторые утверждают, или стадно — пока еще доподлинно неизвестно. Во всяком случае позиды рогов у них расположены особые железы, выделяющие маслянистое вещество, особенно обильное во время гона. Им козлы метят ветки кустарника или выступы скал, возможно, для того, чтобы «маркировать» свой участок обитания.

В национальном парке Банф, где я наблюдал в тот раз за снежными козами в бинокль, некто Ж. Бревстер несколько десятков лет назад стал свидетелем того, что необычайные скалолазные способности снежных коз могут им иногда и отказать. Тогда охота на них еще не была запрещена, и группа охотников преследовала стадо коз в испещренных расселинами Скалистых горах. В конце концов козы, спасаясь от преследования, стали спускаться по крутой отвесной стене, верхний край которой выдавался далеко вперед, так что охотники, стоя наверху, совершенно потеряли их из виду. Несолоно хлебавши всей компании пришлось спуститься к своему лагерю, разбитому в долине. Каково же было их удивление, когда, взглянув наверх, они обнаружили всех пятерых пропавших коз: они стояли, тесно прижавшись друг к другу, на крохотной площадке, выступавшей из отвесной стены, над страшной, бездонной пропастью. С наступлением ночи они все еще продолжали неподвижно стоять на том же месте. На другое утро охотники, к немалому своему изумлению, застали животных все там же — они никуда не ушли. Не ушли они и в течение всего следующего дня. Бревстер и его товарищи поняли, что снежные козы как бы сами себя поймали в ловушку, а теперь были не в состоянии ни спуститься вниз, ни вернуться назад.

Стадо состояло из двух взрослых особей и трех молодых. Ясно было, что старые животные шли впереди во время спуска, а теперь

не могли развернуться, потому что неловкие молодые загораживали им дорогу. Таково было во всяком случае мнение наблюдателей.

Судьба «узников» так заинтересовала охотников, что они решили не уходить с места своего лагеря, пока не узнают исхода этой трагической истории. И вот бедные козы одна за другой стали слабеть и сваливаться вниз с карниза, разбиваясь на дне пропасти. Но момент падения охотникам удалось наблюдать только один раз. Потому что падали козы незаметно, ночью. Последняя продержалась на роковом карнизе десять дней, но затем и она свалилась в страшную пропасть...

Глава XXII

Испанская коррида — бесчестное состязание

Напрасно писатели ее облагораживают
Есть честный и достойный бой быков —
в Португалии

Обыкновенные пастухи храбрее тореро
Здесь герои уходят с арены живыми
Найдите лучшее применение своим
деньгам!

А быков пусть забивают на бойне

Хотите я вам скажу, где на сегодняшний день можно во время своего отпуска увидеть настоящий, благородный бой быков, после которого не уходишь с нечистой совестью и камнем на сердце?

Я уже неоднократно публично обосновывал, почему образованный и интеллигентный человек не должен в Испании посещать корриду. Вовсе не потому, что там убивают быков, — их ведь предостаточно убивают и на бойне. Однако в большинстве стран принято, чтобы, как в спорте, так и в жизни, всякое соревнование проводилось честно, порядочно, чтобы обе стороны имели одинаковые шансы. Врожденный способ, которым принято меряться силами у быков, — это лоб в лоб — и старайся столкнуть противника с места. И тогда это действительно прекрасное спортивное зрелище. Его еще сегодня можно увидеть в Таиланде, население которого, с его древней высокой культурой, устраивает во время своих празднеств не бой быка против человека, а бой быка против быка. Происходит такое состязание почти на рыцарский манер: когда один из быков побежден, другой не преследует его, никоим образом не старается его убить. А вот в Испании заставляют искусственно разъяренное животное бодать пустой платок, а в него тем временем сзади втыкают острые бандериллы. Тореро до тех пор дразнит сильное и ловкое животное,

заставляя его совершать «холостые» выпады, при которых он ни разу не встречает ожидаемого честного сопротивления, пока оно окончательно не вымотается и не потеряет всякого интереса к такой бесплодной игре. И тогда быка, уже почти беззащитного и не оказывающего сопротивления, просто закалывают на радость зрителям, жаждущим крови и убийства. Бык всегда погибает, а тореро уходит целехонек, а если с ним порой что и случается, то это равносильно обычным «производственным травмам».

Поскольку коррида существует только для того, чтобы ублажать жаждущих крови непритязательных зрителей, то и проводить ее можно неспортивно, бесчестно. Известно, что во многих случаях быкам перед боем спиливали концы рогов, а затем снова приклеивали, с тем чтобы они не могли причинить серьезного вреда в случае, если бык против ожидания вдруг и на самом деле пырнет своего мучителя. Испанские газеты уже не раз печатали подобные скандальные разоблачения, когда быкам перед боем делали усыпляющие уколы, ставили их транспортные клетки вверх ногами или били мешками с песком по почкам, чтобы животные стали менее поворотливыми. Но никогда нигде нельзя прочесть, чтобы какого-нибудь тореро за подобные вещи дисквалифицировали, как это, безусловно, произошло бы при любом другом спортивном состязании.

Разумеется же, нельзя считать испанцев по этой причине более жестокими или менее симпатичными, чем другие народы. Ведь и в Италии прежде для увеселения масс бросали христиан на растерзание львам, в фашистской Германии совсем недавно еще устраивались такие зрелища, как публичные казни, а в Англии сто лет назад петушьи бои считались национальным видом спорта. Бойцовым петухам прикрепляли к шпорам маленькие острые ножи, чтобы противники действительно имели возможность искромсать друг друга и зарезать. Но у всех этих народов с подобными делами давно покончено.

Однако не подумайте, боже упаси, что я беру на себя смелость указывать испанцам, каким образом им следует забивать свой скот. Это их дело.

Но неиспанским писателям и другим деятелям культуры не пристало в своих произведениях облагораживать подобную бесчестную игру, украшать ее исполнителей незаслуженными лаврами, как это сделал еще в 1875 году композитор Бизе своим популярным маршем из оперы «Кармен» или лауреат Нобелевской премии Эрнест Хемингуэй в своих книгах об Испании. А уже им вторят и подражают разные эпигоны. Поддержка подобного бизнеса хоть и помогает тореадорам значительно быстрее превратиться из пастухов или погонщиков ослов во владельцев шикарных особняков и «кадиллаков», однако отнюдь еще не делает их героями!

Каждый турист, направляющийся в Испанию, с которым мне приходилось разговаривать, решительно отвергал корриду: нет, он в корне против таких зрелищ, но... один раз все же стоит посмотреть, что это такое. Что же касается наших «Бюро путешествий», то те

устраивают все таким образом, что стоимость входного билета на корриду и проезд туда и обратно входят в оплату гостиницы. Кому же охота зазря деньги платить? И вот уже 80, а то и больше огромных автобусов с иностранными туристами теснятся на стоянке возле арен. А молодого современного испанца спортивного склада уже давно не интересует старомодная кровавая романтика боя быков, тот гораздо охотнее сходит на футбольный матч. Коррида же демонстрируется в основном для приезжих, она превратилась в «туристический аттракцион» и содержится на деньги туристов.

Недавно я был в Португалии. Отправляясь в Лиссабонский зоопарк, я, признаюсь, не испытывал особых надежд увидеть что-нибудь стоящее. Ведь если в Англии — 10, в маленькой Голландии — два, в ФРГ — примерно двенадцать, а в США — несколько дюжины больших зоопарков, то во всей Франции существует всего один по-настоящему большой зоопарк, в Италии тоже только один, который можно считать современным, а в Испании Барселонский зоологический сад еще только набирает силу. Единственный зоопарк Бельгии находится не в его столице — Брюсселе, а в Антверпене — центре фламандской части страны. Три швейцарских зоопарка возникли не в говорящей по-французски части страны; в Женеве же, Лозанне и Лугано зоопарки отсутствуют начисто. По-видимому, интерес к животному миру присущ больше североамериканцам, североевропейцам, славянам, а романским народам уже в гораздо меньшей степени, в особенности почему-то жителям Средиземноморья.

Каким же неожиданным сюрпризом оказалось для меня то, что после семиминутной поездки в метро из центра Лиссабона я очутился перед прекрасным, идеально чистым, просторным зоопарком, в котором увидел ухоженных животных. В стране, где каждый третий человек не умеет ни читать, ни писать, Лиссабонский зоопарк сумел организовать специальную школу для детей своих служителей и уже выстроил вторую, в которой школьники, пришедшие на экскурсию, могут получить квалифицированную консультацию. В прелестно оформленном «Собачьем поселке» живут все имеющиеся в Португалии породы собак. Тут же и ветеринарная лечебница, открытая для посетителей.

«По-видимому, и к другим животным в Португалии относятся иначе, чем в Испании», — подумал я и решил это проверить.

Входные билеты на бой быков, который должен был состояться в пасхальное воскресенье, стоили 60—70 марок и тем не менее оказались распроданными. Я вспомнил, что в Испании первая в году коррида тоже приходится непременно на пасху.

Пришлось мне побегать по разным причастным к этому делу учреждениям, прежде чем в самом влиятельном из них, находящемся на третьем этаже дворца в стиле ренессанс, проявили внимание к моей просьбе. Здесь я получил письменное разрешение спуститься вниз, на арену, в то время как газетным репортерам и даже телевизионным операторам не разрешалось покидать междурядий трибун.

Вот это был настоящий спорт! Я просто восхищался. В то время как в Испании рыцари только в давние времена выходили один на

один против быков — в Португалии все сложилось совсем иначе. Там эти игрища остались привилегией отважных и благородных.

На испанских курортах можно и сейчас еще нанять верховых лошадей, у которых выколот один глаз — «для арены». Бедных старых кляч выпускают на арену, с тем чтобы нарочно разъяренные быки их там разодрали в клочья. Причем это те же быки, которые где-нибудь на выгоне ни одной лошади не причинили бы ни малейшего вреда!

Здесь же, в Лиссабоне, на желтый песок арены выезжают самые искусные наездники на прекрасных чистокровных лошадях. У всадника нет даже уздечки, он управляет лошады одним лишь нажатием ног и шпорами, да так, чтобы она пританцовывала навстречу быку, кружила вокруг него, гарцевала перед ним, а потом быстро удирала от него, как только бык всерьез вздумает за ней погнаться. Ни одна лошадь при этом не оказывается пораненной: они ведь слишком дорого стоят, а искусство наездников слишком высоко. Помимо того на рога быков предусмотрительно надеты кожаные чехлы, уменьшающие риск для лошади.

Испанского тореро, делающего вид, что ему ежеминутно грозит смертельная опасность, здесь, по-моему, просто-напросто осмеют! Потому что делают все то же самое, что делает и он, но только без всяких помпезных выкрутас и трюкачества, а главное — без убийства. Быку протягивают красный платок, и он три, шесть, а то и двадцать раз бросается на него, стараясь забодать. Тореро остается стоять на месте, лишь перемещая платок, а бык бегаёт вокруг него, да так, что каждый раз задевает его боком то за спину, то за живот. А тореро может его в такой момент еще и дружески пошлепать по крупу, что он, смеясь, и делает.

К великому сожалению, и здесь, стараясь доказать, что искусство испанцев им полностью подвластно, быкам втыкают в загривок бандериллы, обернутые цветной бумажной лентой, правда, с той разнице, что здесь человек это делает спешившись, один на один с разъяренным животным, притом не отвлекая его красным платком, а если верхом — то на благородной лошади и без поводьев. Разгоряченный схваткой бык, возможно, и не ощущает особой боли от болтающихся у него на спине штырей. Но именно затем, чтобы португальцы не считали, что им следует во всем подражать испанцам в их отвратительном обращении с быками (чтобы тоже приманивать к себе в страну как можно больше туристов), нам следовало бы возить свои деньги именно на португальскую корриду, а не на испанскую.

Последний акт корриды в Португалии выглядит совсем по-другому, чем в Испании. Когда бык уже совершенно измотан и не хочет больше бороться, португальский тореро становится в двух метрах от него к нему спиной, более того — опускается на колени, а бык взирает на него совершенно равнодушно. Затем тореро берет платок и шпагу и показывает, как легко и просто в такой момент заколоть обессилившее животное: никакого особого искусства тут не требуется! Он показывает это дважды, трижды, а то и семь раз, но только имитирует, а не вонзает шпагу в быка. Восторженные молодые дамы

бросают ему на арену снятую с ноги изящную туфельку на высоком каблуке, причем непременно левую, а мужчины бросают шляпы.

То, что такой вот бык отнюдь не какое-то жуткое чудовище, не людоед какой-нибудь, можно понять хотя бы по тому, как он после боя, под аплодисменты публики, покидает арену. Тут только вспоминаешь, что это ведь самый обыкновенный домашний скот! Чтобы забрать быков домой, на арену выходят так называемые «forcados», или «campinos», обыкновенные пастухи из Рибатейо, знаменитого местечка, где разводят рогатый скот. На них та же самая одежда, в которой они ходят и дома, у себя в деревне,— яркие цветные курточки, короткие штаны, вязаные белые голфы и зеленые шапочки с помпонами. Восемь или девять парней не спеша заходят на арену без всяких платков, без шпаг, просто с голыми руками, как у себя дома, на пастбище. Они миролюбиво подзывают своих питомцев. А взволнованный недавними переживаниями бык вглядывается в них пристально, узнает эти цветастые фигурки и постепенно начинает успокаиваться. Один из парней, руки в боки, смело идет навстречу быку через всю арену. Ради увеселения публики он даже подзадоривает быка. Тот действительно кидается ему навстречу, но «campinos» не увертывается от него, как это делает тореро. Он просто хватается за рога и ложится животом на широкий лоб животного. Там он либо удерживается, либо бывает подброшен высоко в воздух, падает на спину быка и сползает сбоку на землю. В тот же момент уже двое других пастухов хватают быка за хвост, а двое или трое теснят его с обеих сторон так, чтобы он не мог обернуться.

Во время того представления, на котором мне довелось присутствовать, двух «campinos», повредивших себе ногу и захромавших, их товарищи уводили с арены под руки. Надо сказать, что эти «campinos» произвели на меня гораздо более сильное впечатление, чем тореро.

Если четвероногий герой еще не перебесился и не дает прогнать себя с арены, «campinos» поступают очень просто: они берут в руки обычный деревянный шест, держат его поперек впереди себя и теснят быка к выходу так, как продельвают это с ним на выгоне, когда его надо куда-нибудь перегнать. И бык к такому обращению явно привык. Правда, бывает, что он возмущается подобной фамильярностью, поворачивает назад и хочет наказать наглеца. Так случилось как раз возле того места, где я стоял, наблюдая за происходящим. Но «campinos» ничуть не растерялся и просто перемахнул через барьер на трибуны, вмиг очутившись рядом со мной.

Но самый надежный способ — это коровы. Да, коровы, представьте себе! Если разбушевавшийся бык так и не желает покинуть арену, туда запускают одновременно шесть или семь коров со звенящими колокольчиками на шее. Они окружают вояку со всех сторон, и поскольку стадное чувство сильнее всякого желания подраться, то вскоре наш герой уже мирно топает вслед за остальными к выходу, точно так же как у себя дома он возвращается с пастбища в свой хлев.

Гризли истреблены, бурые — распроданы

**Великий дух Маниту создал гризли
раньше, чем людей**

А Гулассе, оказывается, не умер

Ухо придется пришить!

«Старичина Мозес»

**Под Бонном отлавливали медведей для
римских гладиаторов**

Война из-за гербового медведя

Наполеон увез не только казну, но и медведей

**Граждане туристы! Не превращайте медведей
в попрошайек!**

Разве нельзя заселить ими снова Альпы?

Когда Великий дух Маниту уже вдоволь настранствовался по свету, он решил заселить Землю животными. Он взял свой длинный посох, отломил нижний его конец и раскрошил в мелкие щепки, которые затем бросил в воду. Из них получились рыбы. Потом он сорвал несколько листьев с дерева, положил на ладонь и сдунул. Из них получились птицы. Среднюю часть своего посоха он разломал на крупные и мелкие куски, и они побежали, поскакали и поползли в разные стороны: из них получилось всякое зверье. Под конец у него остался в руках лишь круглый набалдашник. Великий дух поразмыслил, что бы такое из него сотворить? И наконец решил превратить его в существо, которое должно быть мощнее и умнее всех остальных. Им и стал медведь-гризли. Он сразу сделался таким сильным и агрессивным, что самому Маниту пришлось спастись от него на вершину горы Схаста.

В те времена медведи-гризли ходили еще выпрямившись во весь рост на двух ногах, как позднее люди, а добычу свою не рвали клыками и когтями, а убивали дубинками. Так во всяком случае рассказывают индейцы племени схаста.

Великому духу так понравилось жить на обитаемой теперь Земле, что он привез с неба все свое семейство и поселился на горе Схаста. Гора эта напоминала огромный остроконечный вигвам, и Маниту разжигал в ней для своего семейства огонь. И точно так же как над индейскими вигвамами, над ее вершиной днем курился дымок, а по ночам плясали огненные искры.

В один прекрасный весенний день младшая из дочерей Маниту, нежная рыжеволосая девушка, побежала одна в лес. Дул теплый

ветер, и дочке Великого духа не хотелось возвращаться домой. Она шла и шла, пока к вечеру не заблудилась.

Возвращаясь домой с охоты, папаша-гризли нашел под кустом спящее рыжеволосое и белокожее дитя богов. Он принес свою находку жене, и та решила воспитать найденныша вместе с собственными детьми. Так и произошло. Маленькая дочь Великого духа выросла совместно с медвежатами, а когда все они повзрослели, мамаша-гризли выдала свою приемную дочку за одного из своих сыновей. Медведи, которые тогда еще умели говорить, съехались со всей округи на свадьбу. Дети, родившиеся затем от этой неравной пары,— а их было видимо-невидимо — отчасти походили на Великого духа, а отчасти на медведя-гризли. Кожа у них была красноватой и безволосой, как у их матери, а волосы на голове были черными, как шерсть гризли, и вырастали очень длинными. Они были сильными и смелыми, как их отец, но обладали умом своего деда, Великого духа. Так произошли краснокожие люди — первые индейцы.

Когда старая медведица, приемная мать, много лет спустя уже лежала на смертном одре и почувствовала, что близок конец, ее стала терзать совесть. Она послала гонца к Великому духу, чтобы тот открыл ему секрет, где живет его пропавшая без вести дочка. Услыхав правду, Маниту пришел в такую ярость, что рванулся как безумный вниз с горы: до сих пор еще можно увидеть, каким ободранным, прямо вспаханным, выглядит ее южный склон. Настигнув медведей-гризли, Маниту ударом молнии убил старую медведицу. А за то что гризли осмелились создать новые живые существа на Земле, хотя это положено одному лишь ему, Великому духу, он наказал их. Им пришлось расстаться со своими дубинками, которыми они прежде убивали добычу, и впредь им разрешалось пользоваться одними лишь клыками и когтями; кроме того, они лишились дара речи. Маниту сломил их гордыню и заставил припасть к Земле. Такими они и остались: с тех пор им приходится бегать только на четвереньках. Лишь в случае крайней опасности, когда кому-нибудь из медведей угрожает смерть, он может подняться на дыбы. Так что в свой последний, смертный час гризли поднимается на задние лапы и стоит так, как стояли его предки и сам Маниту Великий дух.

И тем не менее огромные медведи еще долго оставались страшными владыками Северной Америки, обожествляемыми индейцами. И на самом деле, подумайте только, каким надо обладать мужеством, чтобы с одним лишь каменным топором в руках или со стрелами с каменными наконечниками выходить против такого мощного и свирепого зверя! Пусть даже вшестером или ввосьмером — все равно страшно! Ведь медведи-гризли считали себя равными с людьми и при встрече не желали уступать им дорогу.

Это пришлось испытать на себе и первым белым, появившимся на континенте. Со своими кремневыми ружьями, свинцовыми пулями и вечно сырым порохом они не слишком-то превосходили силами медведей и индейцев. Наоборот, тогда считалось, что индейцы способны «одной стрелой пронзить самку бизона, да еще и спрятавшегося за ней теленка в придачу». Пока первая стрела звенит в

воздухе, тетива уже спускает вторую, а отдельные стрелки ухитрились выпустить подряд восемь стрел, до того как первая коснется земли...

Первым белым, которому удалось увидеть своими глазами медведя-гризли и описать его, был некто Генри Келси. По-видимому, он был парнем что надо. Четырнадцатилетним нищим мальчишкой он перебрался из Англии в Канаду и нанялся учеником в «Компанию Гудзонова залива по продаже пушнины». Он быстро нашел общий язык с индейцами, и отношения у него с ними сложились лучше, чем с белыми. Вскоре он ушел с ними вместе в прерии и пропадал там два года, кочуя со стойбищами краснокожих. За это время он не только досконально ознакомился с канадскими прериями и бизонами, но, как он писал в 1691 году, «видел медведей больше белых, но не белых, не черных, а серебристых, как наши английские кролики». Двадцатью годами позже он стал британским управляющим «Компании Гудзонова залива».

Еще сто лет спустя в отдельных районах Америки бывало не совсем ясно, кто кого преследует: кто, собственно говоря, охотник, а кто дичь? Один капитан, по фамилии Леви, курсировавший весной 1805 года по верхнему течению Миссури, сообщал потом, что ему и его спутникам все время приходилось спасаться от огромных медведей. Один подранок преследовал капитана несколько десятков метров, и только потому, что он был ранен и ослабел, у охотника оказалось время перезарядить свое ружье и еще дважды пальнуть в разъяренного зверя. А двумя днями позже один из спутников капитана с диким криком выбежал из леса на берег и успел еще в последнюю минуту прыгнуть в лодку: за ним гнался гризли. В другого такого медведя несколько дней спустя палили сразу шесть охотников одновременно. Несмотря на то что четверо из них попали, зверь в бешенстве, широко разинув пасть, бросился на своих обидчиков. Двое дрогнули и кинулись к лодкам, но четверо других перезарядили ружья и снова выстрелили в раненого зверя. Но и им под конец пришлось побросать свои ружья и прыгнуть в воду. К такому способу не раз приходилось прибегать медвежатникам во время той знаменательной поездки.

Когда мне не так давно довелось побывать в верхнем течении Миссури, по берегам которой сейчас выросло множество ферм, поселков, городишек и даже больших городов, у меня никак не укладывалось в голове, что здесь только каких-нибудь сто лет назад бродили медведи и охотились индейцы.

Известен случай, когда в 1923 году некто Хуг Гуласс ранил крупного медведя-гризли, который погнался за ним. Человек едва успел ухватиться за нижний сук дерева, но подтянуться не успел — медведь стащил его вниз и стал терзать. Товарищи Гуласса подбежали к месту происшествия, но никак не могли выстрелить, потому что неминуемо попали бы и в человека. Когда медведь наконец отпустил свою жертву и повернулся, чтобы уйти, двое или трое немедленно в него выстрелили. Тогда он с новой силой набросился

на несчастного Гуласса. Это повторилось трижды, пока чудовище не рухнуло замертво.

Гуласс был еще жив, но так искусан и переломан, что его нельзя было тронуть с места. Тогда спутники перевязали его как могли и, посоветовавшись, приняли решение оставить его на месте. Майор Генри, возглавлявший отряд, спросил, кто согласен добровольно остаться дежурить возле раненого, пока не пришлют подмогу. Если учесть, что в округе обитали враждебно настроенные индейцы, уж не говоря о медведях, это было небезопасное предложение. После долгого тягостного молчания один парень наконец вызвался остаться. Звали его Джим Бриджер, и был он очень молод и отважен. За особое вознаграждение с ним согласился остаться еще и некий Фитцджеральд. Джим Бриджер позже стал одним из самых известных землепроходцев. Он сам рассказал впоследствии, как они тогда провели пять томительных дней возле умирающего, но никаких признаков ни ухудшения, ни улучшения его состояния не наступило. Поэтому они решили, что дело безнадежное и, забрав его ружье, лошадь и все пожитки, отправились догонять своих. Прибыв в форт, они рассказали, что Гуласс умер и они его захоронили.

Но Гуласс не умер. Он даже сумел дотащиться до реки, чтобы промыть свои гноящиеся раны, и больше ползком, чем пешком, добраться до форта. Немножко окрепнув, он двинулся вверх по Миссури в поисках тех, кто его так бессовестно покинул.

И он нашел их, представьте! Когда он наконец предстал перед глазами Бриджера, тому почудилось, что перед ним привидение. Но, убедившись, что это живой Гуласс, он понял, что сейчас наступит его, Бриджера, смертный час, и уже увидел, как перед ним открываются врата вечности...

Однако за долгое время, ушедшее на поиски обидчиков, жажда мести у Гуласса значительно поостыла, и острота обиды прошла. Он лишь смерил молодого человека с ног до головы пристальным взглядом и затем сказал:

— Куда вы, тысячу чертей, подевали мое ружье и мою лошадь?

Неподалеку от форта Киова, где спасся злополучный Гуласс, в том же году случилось еще одно неприятное происшествие. На капитана Смита, ведшего под уздцы выюнную лошадь, посреди небольшой поляны внезапно напал гризли. Зверь схватил человека за голову, свалил на землю и разгрыз в щепки рукоятку охотничьего ножа, которым тот пробовал защититься. Один из спутников капитана, не владея особым литературным стилем, так описывал впоследствии все, что произошло:

— Ну ясно, что ни у кого из нас не было никаких медицинских познаний. Один сказал: эй, помоги-ка, поддержи-ка его, а другой ответил, почему бы тебе самому не поддержать? И так мы топтались вокруг и не знали чего делать. Тогда я спросил у самого капитана, как нам лучше поступить. А тот сказал, чтобы один или двое сбегали за водой, а я, мол, если у меня есть с собой иголка с нитками, пускай вытащу их поскорей, да чтобы живей принимался пришивать ему кожу к голове. Обрезал я ему ножницами волосы и, ей же богу, в

первый раз в жизни мне пришлось заниматься подобным делом, давай, верите или нет, зашивать ему раны! Тут выяснилось, что проклятый медведь захватил в свою страшенную пасть почти всю голову капитана — от левого глаза с одной стороны, до правого уха с другой! Он фактически снял с него скальп, и кожа висела белыми лохмотьями там, где он проехался по черепу своими огромными клычищами. Одно ухо было оторвано и висело лишь на лоскуте кожи... Ну, залатал я его как только мог — он мне все время давал указания, что куда пришивать, — но когда дело дошло до уха, я сказал, что не знаю, что с ним делать, придется ему, дескать, теперь без уха обходиться. А он — нет, нет, попробуй-ка все-таки его как-нибудь присобачить, не бойся. Вот я, значит, и постарался лучше приложить его к прежнему месту и пришил как смог. Вот такая история. А потом мы нашли примерно в миле оттуда воду и пошли туда все вместе, и капитан тоже. Там мы немножко передохнули, пока капитан снова был в состоянии сесть на лошадь. Так мы наконец и добрались до нашего лагеря, где и устроили его как только можно лучше. И знаете — ничего, оправился! А мы все получили урок, каков характер у этих медведей-гризли, и, уж поверьте, не скоро о том позабудем».

А я вам в свою очередь скажу, что можно только поражаться, из какого крепкого материала были скроены тогда эти малые — трапперы и землепроходцы...

Но постепенно времена менялись и не в пользу самоуверенных медведей-гризли, властелинов Американского континента. Их ведь когда-то в США жило свыше сотни тысяч. Но с тех пор индейцы успели приобрести сначала железные наконечники для стрел, а затем и огнестрельное оружие, да и вооружение белых становилось все изощреннее и стрелять из него можно было более метко. Пули все глубже проникали в тела животных. Свыше 60 миллионов бизонов, пасшихся в бескрайних прериях, исчезли без следа за какие-нибудь десятки лет.

В 1848 году пять охотников после года пребывания в штате Орегон вернулись с 700 шкурами медведей-гризли.

Чем превосходнее делалось оружие, тем нахальнее стали обходиться люди с прежде столь устрашавшим их противником. Так, в Калифорнии господствовавшие тогда там испанцы упражнялись в том, что окружали медведя верхом на лошадях и набрасывали ему на шею лассо. А один североамериканский морской офицер решил однажды проделать нечто подобное в одиночку. Ему и на самом деле удалось накинуть лассо на одну из медвежьих лап, и он стал тянуть за нее, намереваясь потащить медведя волоком за лошадью. Однако не тут-то было! Лошадь не могла сдвинуться с места даже на сантиметр, словно пришитая. Более того, растерявшийся сначала медведь пришел в себя, ударил свободной лапой пару раз по натянутому лассо, а затем принялся грызть его зубами и тянуть за него изо всех сил. Лошадь пришлось осадить назад, а затем мишка ее форменным образом потащил за собой, как непослушную собачонку! Под конец офицеру не оставалось другого выхода, как

ударом ножа перерубить лассо под громкий хохот местных жителей, следовавших за ним верхом в качестве зрителей.

Пойманных таким способом медведей в южных штатах часто выпускали на арену бороться с быками вместо тореадоров. Медведя привязывали на тяжелую цепь посреди арены так, чтобы у него оставались лишь самые незначительные возможности для передвижения. А быка доводили до такого состояния бешенства, что он кидался на медведя, всаживая ему в ребра свои страшные рога; тот обычно тут же вцеплялся ему зубами в нос и таким способом удерживал от дальнейших попыток напасть. Лежа на спине и цепко удерживая быка зубами за нос, медведь старался обхватить передними лапами его шею, в то время как бык пытался по мере возможности затоптать медведя копытами. Медведь от этого приходил все в большую ярость, злобно тряс быка за нос, и порой ему удавалось в бешеной схватке сбить своего противника с ног. В подобных случаях медведь «срывал» бурные аплодисменты, потому что кровожадная публика уже предвкушала, как медведь сейчас разделается с быком. Зачастую быку удавалось вырваться, подняться снова на ноги и ретироваться, в то время как медведь забирался в вырытую им самим ямулизывать раны. Но такой исход боя не устраивал зрителей. Быка все вновь и вновь натравливали на медведя, пока он наконец окончательно не отказывался от поединка. Тогда организатор «турнира» требовал от публики дополнительно двести долларов, которые ему охотно бросали на арену. После этого выводили свежего быка, и все начиналось сначала. Под конец обоих быков пристреливали, чтобы избавить от ненужных мучений.

А тем временем для медведей-гризли наступали тяжелые времена. И чем дальше — тем хуже. К 1830 году в прериях Техаса паслось 100 тысяч голов рогатого скота, десятью годами позже его было уже 330 тысяч, а в 1850 году — 3,5 миллиона. Если где-нибудь находили мертвую корову, от которой медведи уже успели оторвать какую-нибудь часть, то они тотчас же получали клеймо «убийц» и «разбойников», хотя известно, что медведи при случае не прочь поживиться падалью, и любое животное, погибшее от каких-либо инвазий или эпизоотий, может стать для них притягательным объектом. Медведей начали травить со сворами собак; такой вид охоты считался даже «веселым спортом». Собаки облаивали мишку, окружая его со всех сторон так, чтобы он не мог удрать и в то же время не мог наброситься на охотника. Такой способ сильно облегчал отстрел, делал его даже, можно сказать, удобным, необременительным. За голову каждого медведя полагалась премия; кроме того, стали разбрасывать отравленные приманки. Животные, которые прежде не знали себе равных по силе, становились все пугливее, они отступали в самые дальние, недоступные для человека горные долины. Ни разу за последние десятилетия никто не слышал, чтобы гризли на кого-нибудь напал. Уже начинает казаться, что они полностью изменили свой нрав, эти медведи, что они вовсе и не правнуки тех, прежних, наводящих ужас на всю округу бестий! Может быть, они сумели оценить опасность, которую представляет собой человек, вооруженный

современным оружием? Или кровавые истории из прошлого несколько преувеличены?

Во всяком случае на сегодняшний день гризли считаются почти безобидными: 99 из ста никогда не убивают ни скота, ни какую-либо крупную дичь. Правда, случались и исключения. В течение целых 35 лет медведь, получивший кличку Старый Мозес, терроризировал в Колорадо всю округу в радиусе ста километров. Закончились его бесчинства лишь в апреле 1904 года. Считалось, что он зарезал 800 голов крупного рогатого скота, не считая нескольких дюжины телят и мелких домашних животных. Убил медведь и не менее пятиерых людей, пытавшихся его пристрелить. Но «людоедом» его никак не назовешь, потому что сам он никогда на людей не нападал, если его не трогали. Некоторые очевидцы рассказывали, что он даже обладал своеобразным чувством юмора, этот Старина Мозес. Не раз он устраивал такие номера: подкрадывался незаметно к лагерю каких-нибудь землемеров или ни о чем не подозревающих путешественников и затем внезапно врывался туда с шумным сопением и ревом. Но ни разу при этом никого не поранил, если в него не пытались выстрелить из ружья. Он вполне удовлетворялся тем, что распугивал всех обитателей лагеря, наслаждаясь зрелищем, как они кидаются врассыпную или карабкаются на деревья, словно стая перепуганных обезьян. Возможно, что он таким способом пытался прогнать непрошенных пришельцев из своих владений. Вполне возможно.

Этот Старина Мозес неизменно оставлял трапшеров в дураках, когда они вознамеривались заработать довольно значительную премию, обещанную за его голову. Через натянутые шелковые шнуры, ведущие к самострелам, он просто-напросто перепрыгивал. Мясные приманки, уложенные внутрь траншеи, закрытой сверху деревянными балками, он доставал без труда, вскрывая лапами крепкое деревянное перекрытие и старательно обходя стороной оба входа в траншею, где, конечно же, были установлены массивные капканы.

Мак-Кракен, написавший интересную книгу о медведях-гризли (из которой я почерпнул многие старые истории об этих гигантах американской фауны), утверждает также, что в 1856 году на улицах Сан-Франциско частенько можно было встретить мужчину, за которым, словно собачки, бежали два медведя-гризли. Одного из них, а именно медведицу, владелец ее, живя в лесу, вырастил с самого раннего младенческого возраста. Говорили, что она его якобы впоследствии защищала от других своих диких сородичей. Но однажды она спарилась с проникшим в лагерь самцом гризли и принесла своему владельцу медвежат, совместно с которым их и вырастила. Однако поскольку я в общем-то знаком с медведями и знаю, что такое взрослый медведь-гризли, то считаю всю историю сильно преувеличенной. Тем более что обо всем этом уже писал несколько позже один журналист, а сам «укротитель» выступал со своими медведями в цирке Барнум.

На сегодняшний день в Соединенных Штатах осталось не более 300 медведей-гризли. Больше всего медведей-гигантов, пожалуй, на «краю света», на полуострове Аляска. Спокойнее всего они чув-

ствуют себя на уединенном острове Кадьяк. Там они ведут мирную, без волнений и тревог, жизнь. Отдельные экземпляры, встав на дыбы, достигают роста 3,3 метра. Безусловно, это самые крупные и мощные бурые медведи на всем земном шаре. Уже случалось не раз, что убитый на Кадьяке медведь весил свыше семи центнеров, и тем удивительнее, что новорожденные медвежата весят зачастую всего лишь полфунта. Только раз в году эти громадины, пробавляющиеся в основном вегетарианской пищей — кореньями и травой, становятся настоящими мясоедами. Происходит такое с ними весной, когда лососи начинают подниматься вверх по рекам. Уже тогда, когда невообразимые полчища созревших для икрометания рыб начинают скапливаться в морских бухтах, перед тем как войти в реки, отдельным медведям не терпится, и они заходят в соленую воду, да часто так далеко, что снаружи остается торчать лишь одна голова с ушами. Там они пытаются ловить наиболее крупных рыб лапами или зубами, чаще всего безуспешно. Но как только лососи появляются в реках — медведи уже все тут как тут. Они бродят вдоль берега или прямо усаживаются на мелководье. Пойманных рыб они выносят в пасти на берег, словно собаки, несущие поноску. Там они кладут их на землю и осторожно снимают сначала с одного бока всю филейную часть, затем с другого. Так что на земле остается лежать один лишь хребет с головой и хвостом.

Наибольшее число гризли Соединенных Штатов проживает сейчас в Йеллоустонском национальном парке. Когда я был там в последний раз, егера рассказывали мне, что их в парке примерно 180 голов, «во всяком случае больше, чем во всех остальных Соединенных Штатах, вместе взятых». Они и там питаются исключительно растительной пищей, что опять же приходит в противоречие со всеми кровожадными историями, дошедшими до нас из глубин веков. И тем не менее некоторых из этих прежних «владык Америки» пришлось за последнее время пристрелить из-за неосознанности посетителей парка. Они не только оставляли кучи объедков возле туристических палаток, но еще и бросали медведям специально корм, так что отдельные медведи сделались частыми гостями в туристических лагерях. А это всегда чревато опасностями.

Несколько лет назад одна супружеская пара с детьми и бабушкой заночевала в Йеллоустонском парке, в палатке. Посреди ночи один из ребят проснулся и начал хныкать, что другой «к нему пристает, щекочет его и дует в лицо». Поскольку ребенок все не унимался, проснулась и бабушка, которая увидела, что посреди палатки стоит огромный медведь и принахивается к постели ребенка. Страшно перепугавшись, она схватила свое одеяло и набросила его медведю на голову. Результат был таков, что все полетело вверх тормашками, палатка оказалась сорванной с места и разорванной в клочья, а медведь поспешно убежал прочь. К счастью, никто не оказался даже поцарапанным.

А можете ли вы себе представить, мои современники, что еще две тысячи лет назад бурые медведи для Германии и Швейцарии (Гельвеции) были важной статьей дохода, поскольку шли на экспорт?

Возле Кёльна не так давно был вырыт из земли памятник, надпись на котором подтверждала, что дело обстояло именно так. Воздвигнут он был в честь богини охоты Дианы во исполнение обета, данного неким легионером, квартировавшим с 80 по 111 год нашей эры в Бонне. Капитан приносил богине благодарность за удачную охоту: в течение шести месяцев ему удалось отловить 50 медведей!

Ведь в те времена в Риме наши мишки пользовались большим спросом. И требовалось их там довольно много. Так, император Калигула, убитый в 41 году новой эры, однажды за один только день выпустил на арену сразу 400 медведей, заставив их бороться с огромными собаками и гладиаторами. А Гордиан I, умерший в 235 году,— даже 1000 медведей. Император Проб (276—282)* и вовсе всех перепахнул: повелел возвести в цирке искусственный лес, в котором в общей сложности были заколоты копыями 200 леопардов, 100 львов и 300 медведей. Другие римские императоры держали медведей при своих дворцах для собственного увеселения; иногда они натравливали их на живых людей. Так что игра стоила свеч: прочесывать обширные тогда леса древней Германии и Швейцарии в поисках такого выгодного товара. Общинные земли, через которые провозили клетки с пойманными медведями, были обязаны их кормить. До сих пор еще 62 местечка в Швейцарии носят на своем гербе изображение медведя. Столица Берн названа так в честь медведя, а разменная монета «бацен» происходит от слова «Petz» — «мишка»**.

Из-за одного такого герба с изображением медведя аппенцельцы в 1578 году чуть было не затеяли войну против Сен-Галлена. Дело в том, что они страшно гордились своим гербовым животным. А незадолго до того, в начале XV столетия, измученные пастухи Аппенцеля восстали против аббата и всей аристократии Сен-Галлена. Покорный «альпийский медведь» вдруг взбунтовался, нагнав страху на аристократов, и предпринял даже набеги за границу, где разгромил пять городов и 64 крепости. Когда «взбесившегося альпийского зверя» удалось наконец загнать назад в горы, он все же оставил о себе наводящую ужас память и заставил себя уважать. И вот в 1578 году первопечатник Леонгард Штрауб из Сен-Галлена издал календарь, поместив в нем гербы многих провинций. И тут аппенцельцы заметили, что у изображенного на их гербе медведя не хватает признака мужественности; с тем же успехом его можно было принять за медведицу. А поскольку у них и без того с Сен-Галленом шли бесконечные распри, то они усмотрели в этом нарочитое оскорбление. Поэтому власть имущие Аппенцеля отрядили в Сан-Галлен чиновника Цидлера и зодчего Брюллизауера в качестве парламентаров с требованием дать ответ в течение трех дней. Но депутатский совет

* Проб (Probus) — римский император. Упрочил власть Рима в Галии и по всей рейнской границе, оттеснив в 277 году вторгшихся в галлию франков, алеманнов и др.

** Медведь по-немецки — Bär.

и бургомистр Сен-Галлена потребовали 14 дней для совещания по претензии аппенцельцев, и посланцам пришлось уехать ни с чем. Уже на другой день в Сен-Галлен прибыл ультиматум, дававший «противнику» всего 24 часа на размышления.

Поскольку ответа из Сен-Галлена так и не последовало, гнев аппенцельцев стал нарастать, и они начали готовиться к военным действиям. Аббату Иоахиму стоило немалых усилий утихомирить разгневанных владельцев поруганного герба и свести инцидент к переговорам за «круглым столом». В январе 1579 года было наконец принято такое решение: издателя Штрауба обязали изъять из календаря и уничтожить страницы с изображением «медведицы» и принести торжественную клятву, что он впредь никогда больше не позволит себе позорить герб властелинов Аппенцеля. Но тут выяснилась пикантная подробность: оказывается, тот самый Леонгард Штрауб купил клише с изображением герба аппенцельцев у одного базельского книгопечатника. А тот уже за год до скандального происшествия печатал оттиски с того же самого клише — и ничего. Никто этого не заметил...

Швейцарцы в Берне уже в течение 500 лет содержат свое гербовое животное в знаменитом «Медвежьем рву». Именно там в 1575 году появились на свет два совершенно белых медвежонка, что было воспринято тогда как необыкновенное чудо и как предвестник больших событий. Когда «медвежий ров» еще находился внутри городской стены, непосредственно к нему примыкала тюрьма. Называлось это учреждение «Синий дом» (по цвету одежды, выдаваемой заключенным). Рассказывают, что однажды ночью один из заключенных, воспользовавшись грохотом разыгравшейся грозы, пробил ломом стену своей камеры. Пока он долбил камень, до него снаружи все время доносились какая-то странная возня и шорохи, словно бы кто-то пытался ему помочь. А когда ему удалось наконец выломать кусок стены, оттуда раздалось сопение и рычание медведя. Беглец угодил, оказывается, прямо в «медвежий ров».

Однако медведь от неожиданности растерялся и отпрянул в сторону, а человек, воспользовавшись его замешательством, пролез в отверстие в стене и был таков. Велико же было изумление тюремного надзирателя, когда он на другое утро вместо заключенного обнаружил на его соломенном матраце медведя! Он бросился бежать, забыв запереть дверь на засов. Таким образом зверь получил возможность выбраться на улицу. Там он не спеша поплелся к овощному базару, откуда все продавцы мгновенно бросились врассыпную. А мишка с удовольствием принялся за неожиданный богатый завтрак... И только несколько часов спустя нашелся смельчак, а именно местный кузнец, который вместе со своими подручными решился изловить косолапого.

История эта произошла, по-видимому, после 1788 года, потому что именно в этом году был выстроен «Синий дом».

А еще несколькими годами позже, 5 марта 1798 года, «Медвежий город» был завоеван французами. Они захватили 300 орудий, около 60 тысяч ружей и 19 бернских флагов с изображенным на них

медведем. Но наибольшую ценность для завоевателей представляла, разумеется, государственная казна, хранившаяся в подвалах ратуши. На 11 подвод, в которые были впряжены 44 лошади, погрузили 100 кованых сундуков с семью миллионами фунтов золота и серебра и выехали за ворота города. Этим самым полновесным бернским золотом Наполеону впоследствии удалось рассчитаться за свой неудавшийся египетский поход.

Французы увезли с собой и последних трех оставшихся в «медвежьем рву» медведей. Их засунули в три больших, обитых изнутри медью ящика, погрузили на три телеги, в каждую из которых была впряжена шестерка лошадей (лошади тоже были трофейные), и повезли через Лозанну в Париж.

Однако беднягам парижский воздух пришлось не по вкусу. В зверинце, размещенном в Ботаническом саду, их посадили в такие тесные клетки, где им и повернуться-то было трудно. Два из них тут же и умерли. Третий выжил, но влачил жалкое существование. Во всяком случае один швейцарец, увидавший его там где-то около 1820 года, писал: «На него приходят поглазеть как на что-то вроде поверженного и плененного врага...» Национальная гордость швейцарца явно оказалась задетой.

И право, просто позор, что в такой исконно «медвежьей» стране, как Швейцария, больше нет ни одного живущего на воле медведя! Я полагаю, что такой нацеленной на иностранный туризм стране, как Швейцария, медведи могли бы приносить к тому же немалый доход. После недавних исследований, проведенных доктором Петером Кроттом в Итальянских Альпах, в местах обитания последних альпийских бурых медведей, нам более или менее известно, каким именно способом можно было бы осуществить реакклиматизацию этих животных. Ученый прожил два года вместе со своей семьей высоко в горах и воспитал там двух живущих на воле медвежат.

Последние каких-нибудь пять бурых медведей, оставшиеся в живых в этих местах, вытеснены человеком в слишком высокие пояса гор, где им практически нечем питаться. Скоро и их не станет. А расположенные несколько ниже горные долины заняты хуторами. Медведям же, питающимся в основном растительным кормом и к тому же не впадающим здесь в зимнюю спячку в неблагоприятное время года, на такой высоте невозможно прокормиться. Гонимые голодом, они бывают вынуждены время от времени спускаться вниз, проникать через крыши в продовольственные склады или амбары, причиняя вред крестьянским хозяйствам.

А теперь подумайте: ведь ни для кого не секрет, что ведение крестьянского хозяйства так высоко в горах на сегодняшний день перестало быть рентабельным. Все больше пашен и лугов оказываются брошенными, а хозяева их переселяются вниз, ближе к цивилизации, в особенности к индустрии. И не слишком много потребовалось бы денег на то, чтобы выкупить несколько заброшенных хуторов в горах и на освободившихся землях основать достаточно большой национальный парк, в котором медведи, рыси и другие дикие животные смогли бы выгодно жить на свободе. По сравнению с

другими капиталовложениями, требующимися для целей туризма, как, например, строительство автострад, рытье туннелей и так далее, затраты на организацию такого парка окажутся просто смехотворными.

Мы ведь теперь уже знаем, что медведи могут вполне мирно соседствовать с человеком, если у них есть необходимые жизненные условия. Достаточно привести такие примеры, как Словакия, Югославия или Швеция; прекрасно себя чувствуют медведи на Пиринеях, в Румынии, Польше, Советском Союзе, а также в Северной Америке. В национальных парках Соединенных Штатов и Канады медведи являются основным притягательным объектом. Каждое лето миллионы туристов устремляются туда нескончаемым потоком, чтобы удобно, из окна машины, фотографировать медведей или фотографироваться вместе с ними. Та страна, которая сумеет организовать в Альпах медвежий заповедник, будь то Австрия, Италия или Швейцария, непременно переманит к себе львиную долю автотуристов, направляющихся из Северной Европы через Альпы на юг. Ведь таким туристам в национальных парках можно показать не одних только медведей, но и бобров, зубров, диких лошадей, сурков, а также непуганую европейскую охотничью дичь, например оленей, косуль, кабанов, зайцев-беляков, диких кроликов, орлов, грифов или сов — следовательно, тех животных, которых в других местах Европы никогда не увидишь: там они слишком пугливы и не решаются выбираться днем из своих укрытий.

Дождемся ли мы, что когда-нибудь в Швейцарии или еще где-либо в Альпах снова будут жить на воле гордые красавцы — бурые медведи?

Глава XXIV

Эти «сумасбродные» глухари

С чего это они вдруг теряют всякий
страх перед людьми?

Глухарей все меньше и меньше

Почему удалась реакклиматизация в
Шотландии

Им нужен лес, а не «дровяные плантации»

О пользе и вреде мелиорации

Охота к перемене мест у глухарок и тяга
к дому у глухарей

Глухаренок, который спал на спинке
кровати

Глохнут ли глухари на току?

Как-то в апреле в горах Чешского Леса шедшему по тропинке лесорубу внезапно преградил дорогу — кто бы вы думали? — обычный глухарь. Он грозно выскочил навстречу человеку, явно возражая

против того, чтобы кто-то нарушал границы его владений. За забиякой стали наблюдать. И выяснились совершенно удивительные вещи. На самочек-глухарок токующий боевитый глухарь почти не обращал никакого внимания, зато настойчиво нападал на гуляющих по лесу. Правда, когда к нему подходили слишком близко, он все же благо-разумно ретировался в кусты. Так продолжалось до конца мая. А когда время токования прошло, исчез и Жозеф, как прозвали от-важного глухаря, уже успевшего стать местной знаменитостью. Од-нако следующей весной он появился снова, причем на том же самом месте. Его легко можно было отличить по укороченному перу в хвосте. На сей раз он стал еще нахальнее: набрасывался на ноги, пытаясь клонуть. Особенно глухаря почему-то раздражал коричне-вый цвет, за что его вскоре прозвали «антифашистом». Когда его изловили и отвезли на грузовике за десяток километров от того места, он на другое же утро был снова «на посту», пунктуально, как всегда. Слава его росла, и на будущий год начали приезжать фото-графировать его со всей округи. А он становился все развязнее, и вскоре его уже можно было снять токующим на голове у какого-нибудь посетителя. Дальнейшая судьба глухаря мне, к сожалению, не известна.

Зато мне известен случай, имевший место восемью годами позже. Двое людей, прогуливающихся по лесу в Верхней Баварии, внезапно заметили меж деревьев токующего глухаря, который с расстояния около семи метров явно двинулся им навстречу. Не-смотря на то что эти двое (как они сами потом рассказывали) пытались «подразнить» его палками и камнями, он продолжал свой причудливый танец с короткими перебежками и поклонами во все стороны. Погуляв еще пять минут, люди снова увидели того же глухаря, который на сей раз быстрым и целеустремленным шагом с расстояния пяти метров устремился на одного из гуляющих.

«Своей палкой, которая все еще была у меня в руках,— пишет сей храбрый мужчина,— я размахнулся и ударил глухаря по шее. Палка переломилась пополам, а глухарь повалился набок. Правда, через пару секунд он поднялся, слегка отряхнулся и медленно, полный достоинства и презрения, двинулся прочь. Мой приятель хотел швырнуть ему вдогонку камень, да я и сам мог бы его прикончить оставшимся у меня в руке обломком палки. Один наш знакомый лесничий сказал нам потом, что, возможно, глухарь охранял гнездо с насиживающей глухаркой».

Вот какое сообщение поместила одна охотничья газета.

Разумеется, глухарь никакую глухарку не охранял и не защищал, такого у них не водится. Но что же тогда толкнуло его на столь странное самоубийственное поведение?

Подобных «сумасшедших» глухарей действительно время от вре-мени можно встретить в лесу. Они спрыгивают с дерева, как только приближается человек, токуют перед ним, могут сесть на капот маши-ны, даже на человеческое плечо. Такие птицы обычно становятся местной достопримечательностью, и всегда, как правило, находится кто-то, кто их в конце концов приканчивает.

Про нашего глухаря, живущего во Франкфуртском зоопарке, тоже не скажешь, чтобы он как-то особенно интересовался скромно окрашенной коричневатой глухаркой, помещенной вместе с ним в вольере. Она большей частью прячется где-нибудь в кустарнике. Зато глухарь не дремлет! Он злобно кидается навстречу каждому посетителю. А поскольку у нас в зоопарке птиц семейства куриных можно рассматривать не только через проволочную сетку, но, по желанию, разрешается заходить и внутрь просторных вольер, то мне пришлось во владениях глухаря установить еще дополнительные невысокие, примерно до уровня колен, заграждения, чтобы помешать ему наскакивать на ноги посетителей. К счастью, до такого нахальства, как вскочить кому-нибудь на голову, наш красавец еще не дошел...

Как выглядит токующий глухарь, у нас в стране знают многие, потому что их охотно изображают на картинках и в виде пропыленных чучел вешают у себя дома над диваном. В то же время я готов биться об заклад, что из 63 миллионов жителей Западной Германии живого глухаря видели в своей жизни не более 10 тысяч, и думаю, что не ошибусь, если скажу, что девять из десяти охотников тоже его не видели. Объясняется это тем, что зоопарки, как правило, их никогда не экспонируют. Поза токующего глухаря схожа с позой кукарекающего петуха, только глухарь, этот «древний петух», еще умеет распускать свой хвост наподобие широкого веера. Эта сильная, представительная птица с таким острым, мощным клювом часто издает на рассвете удивительно тихое пение; песни глухаря состоят из щелканья и звуков, напоминающих трение точильного камня о металл. Дыхательное горло у глухаря на целую треть длиннее его шеи и поэтому в области зоба делает большую петлю: видимо, подобная конструкция помогает звучанию в унисон. Токование само по себе удовольствие, вероятно, довольно небольшое, требующее к тому же немалого напряжения сил. Так, ручной глухарь, живущий у профессора Мархлевского в Кракове, на первом году своей жизни токовал в течение двух часов в день, а на второй год — уже по четыре часа. На советской опытной ферме молодые глухари-ята делали первые попытки токовать уже в августе или в начале сентября, то есть в возрасте трех с половиной месяцев, но полностью половозрелыми они становятся только на следующую весну.

Считается, что глухарь на току, издавая свои «точильные звуки», временно глохнет. Подкрадывающийся к нему охотник выжидает именно момента «пения» и в несколько прыжков приближается к своей жертве. Во всяком случае так это описывается в книжках. А вот почему глухарь в такие моменты перестает слышать? На этот счет существует много предложений. Считается, что слуховой канал в этот момент бывает зажат из-за повышенного кровяного давления либо сплюснен из-за особого поворота головы птицы. Однако тщательное анатомическое исследование ничего подобного не подтверждает. Скорее всего токующая птица потому почти ничего не слышит, что сама в этот момент издает громкие звуки и притом необычно возбуждена. Как удалось установить с помощью фотогра-

фий, у глухаря в таком состоянии и глаза затягиваются третьим веком (или мигательной перепонкой), так что он вдобавок еще ничего и не видит.

И тем не менее свыше дюжины глухарей, токовавших в три часа ночи на заросших елью болотистых островах, внезапно замолчали, как по мановению волшебной палочки, стоило только из темноты донестись глухому крику филина. И как рассказывал один мой знакомый охотник, та же история повторялась и во все последующие ночи. Подобный страх перед филином казался ему сильно преувеличенным и ничем не оправданным, пока однажды наутро он не застиг филина расправлявшимся с токующим глухарем. Филина пристрелили, но глухарь был уже мертв.

У глухарей обычно есть специальные места для токования, куда они слетаются померяться силами. Токуя друг перед другом, они разжигают свои страсти до высокого накала. Когда же во всей округе не находится ни одного соперника, то одиночному глухарю явно не хватает противника, на котором можно было бы сорвать накопившийся гнев. Вот в таких случаях они и нападают на людей, после чего слыvät «сумасшедшими». Что же касается нашего зоопарковского глухаря, то у того фамильярность по отношению к людям объясняется просто: мы получили его из Швеции, где он вырос на ферме. Такие прирученные глухари, как правило, на протяжении всей своей жизни рассматривают людей как своих старых знакомых, друзей или соперников.

Надо сказать, что глухарь не больно-то утруждает себя в деле продолжения рода. На его долю достается только привлекать своим искусством токования и брачными танцами самочек в свои владения и спариваться с ними. Вот и все дела. Остальное ложится исключительно на самку. Глухарка высидивает кладку из 6—10 яиц в течение 28—30 дней, причем гнездо устраивает где-нибудь в укромном месте на земле, и никто ее не охраняет. Яйца глухаря размером примерно с куриные. Но, несмотря на свою внешнюю скромность и скрытный образ жизни, глухарки и решительнее и отважнее своих сверкающих опереньем кавалеров. Так, орнитолог Илка Койвисто в Финляндии проделала следующий опыт. Она пометила 1085 птенцов глухаря метками на крыльях (метить таких птиц ножными кольцами невозможно, потому что толщина ног у взрослого глухаря резко разнится с толщиной ног птенцов). К началу 1963 году 3,2 процента помеченных птиц было снова отловлено. Причем выявилась следующая картина: самцы не часто отваживаются на далекие путешествия — их обнаружили в радиусе одного — четырех километров. Самочки же, наоборот, не побоялись пуститься в путь и были обнаружены за 5 и даже 25 километров от исходного места. Даже самый старый глухарь за целых десять лет не ушел дальше чем на один километр от места маркировки.

Вот, правда, в Швеции однажды подстрелили глухаря, удалившегося на расстояние 38 километров от места выпуска. Из 1895 глухарей, окольцованных в Советском Союзе, 40 были обнаружены в среднем за 2,5 километра от места выпуска; и здесь самое большое расстояние

составляло 40 километров. В то время как у Альфреда Брема можно еще прочесть, что глухари зимой «ежедневно проделывают 12—15 километров».

Когда у глухарки появляются птенцы, она способна стать удивительно бесстрашной. Двоих охотников, охотившихся в Лихтенштейнском предгорье Альп и присевших перекусить возле поваленного ствола огромной ели, ожидал сюрприз: после того как они посидели там с полчаса, притом громко переговариваясь и куря, они вдруг обнаружили, что из-под ствола торчат хвостовые перья глухарки. Причем перья шевелились от сидящих под ними птенцов!

«Потеряв дар речи от удивления,— пишет охотник,— мы подождали еще пять минут и, видя, что глухарка не собирается покинуть своего убежища, слегка ткнули ее курительной трубкой. Тут терпение птицы лопнуло, она поняла, что обнаружена, и, словно подстреленная, проскочила у меня между ногами, а за ней по меньшей мере с десяток прелестных коричневато-серых пушистых клубочков. Однако полюбоваться ими нам не пришлось: через пару секунд все они, вместе с мамашей, с поразительной быстротой бесследно исчезли в зарослях кустарника».

В одном из лесных хозяйств ФРГ во время лесопосадки работницы, сажающие сосну, медленно приближались к месту, где находилось глухариное гнездо. Глухарка прочно сидела на гнезде и не сделала ни малейших попыток слететь с него даже тогда, когда девушки приблизились к ней почти вплотную. Не удавалось согнать ее ни криками, ни маханием рук. Тогда одна из наиболее бойких девиц подхватила глухарку на руки и отнесла на некоторое расстояние в сторону. И птица снесла это безропотно, нисколько не сопротивляясь и не вырываясь. Более того, когда девушки уселись завтракать, она подбежала к ним и охотно угощалась хлебом и печеньем, а потом, когда они снова принялись за работу, безмятежно разгуливала между ними все утро. Однако при приближении лесничего птица тотчас же улетела. В бинокль ему было видно, как она сразу же вернулась, как только он ушел. Трижды подряд она исчезала при приближении мужчины и возвращалась, как только девушки оставались одни. К полудню появился еще и глухарь, который принялся токовать и приплясывать вокруг глухарки, не обращая внимания на копающих землю работниц. Звук его голоса походил на звук точильного станка и был слышен на расстоянии 200—300 шагов.

Как-то тому же лесничему рабочие принесли из леса пять свежих глухариних яиц. Он подложил их индейке, и через 30 дней вылупились пять глухарят. Молодые глухари — два самца и три самочки — спали чаще всего на дереве, а их приемная мать, индейка, внизу под деревом или на одной из самых нижних веток. Вскоре глухари начали взлетать и на крышу лесничества, а потом и на крыши домов соседнего городка. Следующей весной все они исчезли в окрестных лесах — сначала самцы, а затем и самки.

У наших детей и внуков останется еще меньше возможности увидеть живого глухаря, чем у моего поколения. Потому что тетеревиных у нас становится с каждым годом все меньше и меньше.

В 1964 году во всей ФРГ насчитывалось 6000 глухарей, 14 708 тетеревов и 4120 рябчиков. Во всей Чехословакии в 1961 году было 4029 глухарей, из них почти три четверти в Словакии (не правда ли, удивительно, кому это удалось так точно подсчитать столь осторожных птиц в лесу?).

Возможно ли еще восстановить постепенно исчезающее поголовье глухарей и другой ценной и редкой пернатой дичи? Это зависит от того, сумеем ли мы вместо «дровяных плантаций», где ели посажены стройными рядами, словно посеянная на освобожденных от сорняков полях рожь, воссоздать снова настоящие, естественные леса. Правда, специалисты лесного хозяйства часто утешают нас тем, что леса в нашей стране за последние 150 лет стало не меньше, а скорее даже больше. Однако нет особых причин радоваться или гордиться. Потому что там, где прежде был смешанный лес, состоявший из различных пород деревьев, перемежающихся лесными полянами, болотами, прогалинами, пустошами, торфяниками, озерами, там сегодня стоят ровные посадки из одновозрастных дубов, буков и елей. И больше всего из елей, потому что эти деревья и приживаются легче, и растут скорее, да и посадка их обходится дешевле. Несмотря на все возражения, не раз возникавшие по этому поводу за последние годы, упорно продолжают сажать хвойные виды в ущерб листовым... А ведь такие лесопосадки или «древесные плантации» значительно уязвимее в смысле ветровалов и нападения насекомых-вредителей, чем настоящий лес. Для того, например, чтобы бороться с короедами, совкой сосновой или другими вредителями леса, приходится затрачивать массу денег, хотя бы для того лишь, чтобы убрать все отмершие и засохшие деревья, кора которых очень удобна для выплода различных вредителей. Лесничие вынуждены вновь и вновь опрыскивать лесопосадки всяческими ядохимикатами, чтобы сдерживать размножение вредителей, и уничтожают при этом заодно и муравьев и птиц, которые в естественном лесу прекрасно приспособлены сохранять равновесие в природе.

До сих пор в наших краях бездумно продолжают раскорчевывать тысячи гектаров пустошей, осушать одинокие заболоченные лесные поляны и болота только потому, что когда-то, во времена Фридриха Великого, это считалось большой заслугой и доблестью. Но сейчас ведь уже ясно, что таким образом мы формируем малоплодородные, бедные почвы, которые уже через 10 или 20 лет не будут годиться для распашки. А ведь сельское хозяйство и без того теперь старается перебазироваться на более удобно расположенные, более старые участки земли; упор делается на крупномасштабные хозяйства. Кроме того, следует не забывать о том, что именно пустоши, болота, глухие лесные чащобы способны сохранять столь необходимую влагу в течение всего года, а ведь вода становится год от года все большим дефицитом во многих областях Европы! Только из-за того, что в государственных бюджетах Земель — этих небольших стран, входящих в состав Федерации, — в течение десятков лет все вновь и вновь предусматриваются миллионные ассигнования на «повышение плодородия почв», упрямо и бездумно продолжают

делать все то же самое: регулировать речной сток, осушать болота, понижать уровень грунтовых вод. Потому что в случае если выделенные на это средства не будут истрачены, всегда существует опасность, что их на будущий год вычеркнут из бюджета и больше не выделят. Одновременно миллиардные затраты идут на то, чтобы создавать повсюду искусственные водохранилища, необходимые для сбора вод для все разрастающихся больших городов.

Однако за последнее время — я бы сказал, просто к счастью — древесина настолько подешевела, что уход, который требуют лесопосадки, фактически потерял всякий смысл. Сама посадка буковых и еловых насаждений стоит дороже, чем то, что можно выручить, даже срубив ее затем всю под корень. С другой стороны, миллионные массы городского населения на своих машинах все больше стремятся попасть в настоящий лес, на лоно природы. Им хочется любоваться красивыми ландшафтами, дышать чистым лесным воздухом. Они хотят попасть именно в настоящий лес, заметьте — в дремучий лес, воспетый поэтами и романтиками, а вовсе не на дровяную плантацию, поставляющую лесопиломатериалы и сырье для бумажной промышленности. Так что мы еще можем надеяться, что наше лесное хозяйство постепенно переориентируется и обширные лесопосадки (являющиеся, кстати, в основной своей части всеобщим достоянием) снова превратятся в естественные леса. В нормальные леса, где будут расти и береза, и ясень, и клен, и осина, ива и тополь, липа и крушина, акация и вяз, и всякого рода кустарники, трава и цветы, где будут бегать и летать разные виды животных.

Вот тогда-то и для глухарей снова наступят лучшие времена. Потому что для полного благоденствия им нужны дремучие, обширные смешанные леса с болотцами и торфяниками.

Между прочим, Христиан Людвиг Брем, отец знаменитого автора «Жизни животных», подстрелив и вскрыв десяток глухарей на току, к своему удивлению, обнаружил, что зоб у них был набит одной лишь хвоей — иголками ели, пихты и сосны. Говорят, что зимой глухарь способен просидеть несколько суток подряд, иногда даже до восьми дней, на одном и том же дереве, обрывая с него всю хвою.

Но в другое время глухари как раз наоборот — весьма прихотливы и разборчивы в отношении еды; правда, это замечаешь, лишь когда содержишь их в неволе. Им нужны и почки, и молодые побеги, и разного рода ягоды.

Глухариный молодняк, и в первую очередь маленькие птенцы, питаются почти исключительно жуками, гусеницами, личинками, мухами, червями и улитками. А их на наших сплошь забрызганных ядами лесных плантациях явно недостаточно. Видимо, именно из-за этого почти все попытки вновь акклиматизировать глухарей в местах их прежнего ареала терпели неудачу. Ведь прежний ареал глухаря тянулся из северной Испании через всю Европу до Байкала и Лены в Азию.

Первые попытки искусственного расселения глухарей предпринял еще в 1630 году полководец Валленштейн в Мекленбурге. Безрезультатно пытались расселить глухарей в Ирландии, Дании, на

Аландских островах Финляндии, во Франции, Италии, Швеции и др.

Только в одной Англии, где их тоже полностью истребили, опыт удался, а именно в Шотландии. Туда завезли в 1837—1838 годах сначала 48, а затем еще большее количество глухарей из Швеции. Кроме того, там подкладывали глухаринные яйца в тетеревиные гнезда, и тетерева их высиживали. Правда, в подобных случаях всегда возникает опасность, что впоследствии могут появиться гибриды между тетеревом и глухаркой, реже — наоборот. Они представляют собой нечто среднее между обоими видами родителей. Тем не менее двадцатью годами позже общее число глухарей в Шотландии оценивалось уже свыше тысячи.

По-видимому, раньше в новых местах всегда выпускали слишком мало и чаще всего уже взрослых глухарей, иногда всего лишь одну пару. В чем и крылась ошибка. Но даже при наличии больших естественных лесных угодий с ручейками и болотами и при условии, что завезен будет один только глухаринный молодец, и то услышать их «пение» на току удастся лишь на будущий год, ранней весной. Именно так, между прочим, поступили в Польше, где выпустили глухарей в возрасте от двух до трех месяцев.

Но вырастить в неволе глухаринных деток — дело отнюдь не простое! Это заметила еще супружеская чета зоологов Хайнрот, у которых пять глухарят в возрасте семи недель внезапно погибли. Наседка, под которой они вывелись, не пользовалась у птенцов должным уважением: они явно не понимали значения голосовых сигналов и поз своей приемной матери и посещали ее только в качестве источника тепла. По-видимому, поведение мамы-глухарки сильно отличается от поведения домашней курицы. Зато по отношению к людям глухарята вели себя весьма доверчиво. Чувствуя себя покинутыми, они неизменно издавали свое протяжное «ди-и-и!».

Орнитолог Д. Мюллер из Института Макса Планка тоже потерял почти всех детенышей глухаря; все они погибли от различных болезней. Зато оставшийся в живых глухаренок привязался к исследователю всей душой и не желал отойти от него ни на шаг. Ночью он устраивался на ночлег на спинке его кровати... Если его хозяин засиживался слишком долго за работой, он укладывался спать, примостившись на его письменном столе. За обедом он тоже составлял ему компанию. Когда птенца оставляли одного, он тоже издавал «клич одиночества»: «ди-и-и!». Другая группа, из пятнадцати птенцов глухаря, которую Д. Мюллер вывел еще до того глухаренка, принималась «плакать» даже тогда, когда он был в комнате, но сидел тихо, не шевелясь. Как только кто-нибудь из птенцов замечал, что его нет, и начинал издавать свое испуганное «ди-и-и!», остальные сейчас же подключались и ныли хором, хотя за секунду до этого безмятежно клевали корм. Заслышав голос хозяина в саду, они тотчас же слетались и сбегались к нему со всех сторон и принимались старательно склевывать насекомых, бутоны и семена вокруг того места, где он стоял.

Между прочим, именно Хайнроты установили, что хорошо оперившимся четырехмесячным глухарятам, весом примерно в полкило,

достаточно только один раз перелинять, чтобы сменить свою «детскую одежду» на сверкающее, шикарное одеяние взрослого глухаря.

Выращенные в неволе глухарята могут прожить довольно долгую жизнь. У некоего Н. Стергера в Крайинбурге глухарь прожил целых 18 лет. А наибольшая продолжительность жизни у свободно живущего глухаря отмечена в округе Ориматилас, в Финляндии. 1 июля 1950 года ему в трехдневном возрасте вдели в крыло метку, а 25 сентября 1960 года он был там же подстрелен, достигнув веса 4,5 килограмма.

Глухари, способные достигать 4—5 килограммов веса у самцов и 2,5—3 килограмма у самок,— наиболее крупные из всех тетеревиных, 18 видов которых распространены или, вернее, были распространены по всей умеренной зоне северного полушария.

Глава XXV

Не созданное руками человека

В Западной Германии пренебрегают
творениями природы

Естествознание — в загоне

Единственное мыслящее существо на

Земле в ответе за все

Техника не должна заглушать живую природу

Животные позволили человеку стать
человеком

Так называемые «цветные» посрамили
нас, европейцев

Не так давно одна большая западногерманская газета поместила фотографию советской почтовой марки с изображением Рихарда Вагнера, снабдив ее следующей саркастической подписью: «По-видимому, Советы оставили за собой неоспоримое право изображать на почтовых марках немецких композиторов, в то время как наша федеральная почта предпочитает почему-то изображать животных...» Напрасная ирония! Вот именно в Советском-то Союзе как раз выпущены целые серии марок, посвященные редким видам животных, находящимся под угрозой исчезновения с лица земли; более того, они изображены на миллионах спичечных коробков! Но это ведь очень характерно для западногерманских публицистов — считать все, что создано природой, гораздо менее ценным, да что там говорить — просто ничтожным по сравнению с тем, что создано человеческим разумом.

Как известно, у нас документальные, научно-познавательные фильмы неизменно проходят цензуру, иначе подобный дорогостоящий труд не попадет на экраны кинотеатров. Только на этих условиях кинодокументалисты получают право на желанный льготный налог,

которым пользуются лишь игровые картины, а иначе ни один кинотеатр не согласится принять в прокат познавательный фильм. Цензура проводится «Фильмовой квалификационной комиссией». Ее анонимная судейская коллегия подвергает критике взгляды создателя фильма и его художественные методы. Комиссия вынуждает автора вносить всякого рода поправки (вот почему я больше не снимаю подобных фильмов). К примеру, в фильме «Серенгети не должен умереть», снятом мной совместно с моим покойным сыном Михаэлем, квалификационная комиссия потребовала убрать фразу: «В мире все обстоит бы гораздо лучше, если бы люди вели себя подобно львам» (речь шла о том, что львы никогда друг друга не убивают); убрать следовало также утверждение, что сохранение на Земле последних диких животных ничуть не менее важно для человечества, чем сохранность Акрополя или Лувра. Мне было указано, что сравнивать стада зебр с подобными историческими ценностями непозволительно и неуместно. И лишь потому что я отклонил подобного рода вмешательство и вся общественность приняла нашу сторону, квалификационной инстанции пришлось отступить от своих требований.

А вот и третий, еще более серьезный пример того, как у нас недооценивают созданные природой, а не человеком ценности. Решением Конференции наших министров просвещения, состоявшейся 29 сентября 1960 года, программа получения знаний по биологии для старших классов гимназии была значительно сужена. Число преподаваемых естественнонаучных предметов существенно уменьшилось. Кроме того, во многих школах большинства Земель Федерации школьникам дано право почти или совсем не посещать уроков естествознания. Таким образом, большая часть школьников старших классов с тех самых пор не получает достаточных природоведческих знаний. Особенно это чревато опасностью для тех ребят, которые по окончании гимназии выбирают себе специальность, не имеющую отношения к естественным наукам, а следовательно, и во время учебы в институте не соприкасаются с биологией.

Адвокаты, судьи, экономисты, священнослужители, журналисты, политики, историки, а также большинство учителей и преподавателей высших учебных заведений ФРГ будут таким образом в будущем лишены даже основных понятий о законах природы и о биологических процессах, а ведь именно эти познания скоро станут решающими для будущего всех народов. Правда, должен отметить, что ни один из тех одиннадцати министров западногерманской федерации во время учебы в институте не соприкасался с предметами, которые принято объединять под общим названием «естествознание». Поэтому для них, должно быть, было достаточно затруднительно составить себе какое-либо ясное суждение о смысле и значении этой, ставшей теперь столь решающей, области знания.

А ведь горизонт многих наших современников (умение видеть и понимать происходящее) и так уже значительно сузился по сравнению, например, с известными естествоиспытателями, чей

взгляд охватывает всю Землю и двухмиллиарднолетнюю историю населяющих ее существ. Историки, изучающие доисторическую эпоху, способны заглянуть на 10 тысяч лет назад, исследователи из области культуры и философии в состоянии охватить от двух до четырех тысячелетий, большая часть искусствоведов и специалистов по истории литературы, да и вообще «образованные интеллектуалы» заглядывают назад обычно не более чем на несколько столетий, большая же часть населения страны помнит лишь о том, что было несколько десятилетий назад, а уж экономисты, политики и создатели мод — те часто довольствуются вообще парой лет. (Так во всяком случае утверждает Гельмут Гамс, у которого я это вычитал.)

Естествоиспытателя же всегда глубоко впечатляет, какой бесконечно малой выглядит во времени и пространстве наша собственная жизнь по сравнению с вечным, многообразным, стремительным потоком эволюции, и от этого он становится всегда скромным и почтительным перед Природой.

Каждое живое существо на Земле подчиняется общим законам природы, против которых оно бессильно: огонек его жизни можно загасить одним лишь легким дуновением, будь это одноклеточная водоросль в тропическом океане или сам президент Соединенных Штатов... Мы не можем не видеть и не понимать, что развитие, продолжавшееся миллионы лет, достигло своей высшей точки, а именно появился феномен человеческого мозга. С его помощью (кстати, еще так слабо изученного!) жизнь на Земле получила способность познать самое себя, задуматься о себе самой и вместе с тем познать окружающую действительность: солнце, луну, волны, птиц, рыб и так далее; научилась сравнивать их между собой, изучать. Только в человеческом мозгу происходит отражение свойств материи. Подобного еще не было дано ни одной из жизненных форм на Земле. От столетия к столетию, от десятилетия к десятилетию люди научатся все изощреннее уничтожать себе подобных да и вообще любые другие жизненные формы на планете. Изменять и истреблять. Они уже способны изменить весь земной шар.

Именно поэтому все творения человека независимо от того, относятся ли они к технике, химии, искусству, все более заглушают, подавляют то, что создано не человеком. Одновременно нас становится все больше и больше. И хотя мы никак не можем наладить мирного сосуществования на Земле и не в состоянии обеспечить справедливого распределения питания между всеми народами, но зато наши технические конструкции становятся все виртуознее, все фантастичнее. Однако они нас все меньше и меньше впечатляют, все меньше способны удивить. Мы уже несколько не сомневаемся, что овладеем Луной и Венерой; мы привыкли читать в газетах о том, что люди за несколько часов на головокружительной высоте совершают витки вокруг всего земного шара, и нас это, как ни странно, меньше поражает и волнует, чем в прошлом столетии волновало изобретение парохода или прорытие первого туннеля в горах...

И только очень медленно, но зато со все нарастающей силой за

последние годы стало проясняться сознание, сколь важны для нас те самые живые создания, которые появились на Земле без нашего содействия и гораздо раньше нас; какой источник наслаждения, радости, понятия красоты, восторга дает нам окружающая нас природа — та природа, которую мы как раз собираемся изничтожить! Причем изничтожить на веки вечные. Но чем редкостнее, чем недоступнее станут вещи, не созданные руками человека, чем реальнее станет угроза исчезновения, тем они сделаются для нас дороже и ценнее.

Сегодня уже только какими-нибудь тысячами исчисляются представители трех видов высших приматов — человекообразных обезьян — самых разумных после нас существ на Земле. Если не произойдет что-то совершенно радикальное, то один из них, а именно азиатский орангутан, будет полностью истреблен еще за время жизни нашего поколения... При этом мы даже еще не дали себе труда узнать, как он живет, о чем думает и как действует. Буквально в самые последние годы двое молодых зоологов взяли на себя труд пожить рядом с двумя другими видами диких человекообразных обезьян: с шимпанзе в Танзании и горными гориллами вулканической области Вирунга в Заире. И они открыли совершенно потрясающие вещи! Шимпанзе, который, согласно новейшим исследованиям крови, проведенным сотрудником Франкфуртского зоопарка Якобом Шмиттом, является наиболее близким родственником человека, охотится, убивает и съедает различных других животных, в том числе и низших обезьян. А столь несправедливо оклеветанная огромная и могучая горилла, стоящая по степени родства с нами на втором месте, — чистый вегетарианец. Горилла питается исключительно растениями, по натуре миролюбив и ему свойственно поведение, исключаящее драки и убийства среди себе подобных и другими видами животных. Какая великолепная возможность получше познать нашу собственную раннюю историю развития бесследно исчезнет, если мы допустим чтобы последнее жизненное пространство этих разумных существ а с ним и они сами было бездумно уничтожено!

Ведь не кто иной, как животные, помогли человеку стать человеком. Собака помогала ему удачно охотиться, облаивая и оставившая для него дичь, мешая ей убежать, чтобы охотник мог с удобного расстояния убить ее дубиной, пращей или стрелой. Скот без труда выкармливал своим молоком его детей, нес на себе его скarb по горам и долам, позволяя ему накапливать столько утвари, сколько ему самому никогда бы не сдвинуть с места. А это в свою очередь помогло человеку объединиться в патриархальные общины, регулировать совместное жите и улучшать свой быт. Что же касается лошади, то именно она пронесла его с небывалой скоростью по всем континентам.

Но вот уже несколько десятилетий мы перестали нуждаться в диких животных. Во всяком случае многие так думают. Но какое непростительное ослепление — дать вот так, окончательно угаснуть жизни вокруг нас! Причем угаснуть безвозвратно, исчезнуть так,

что наши собственные дети и внуки никогда уже не смогут извлечь из нее никакой пользы.

Именно ради этого некоторые из нас — а год от года таких делается все больше — стараются сделать все возможное, чтобы сохранить хотя бы жалкие остатки живой природы. Разумеется, мы полностью отдаем себе отчет в том, что при постоянном увеличении численности людского населения нельзя сохранить природу просто так, целиком, как она есть. Это невозможно. Сохранить можно только отдельные, маленькие ее островки. И лучше всего для этой цели создавать национальные парки, местности, не заселенные людьми, в которых людям не разрешается ничего изменять. Вот за них-то мы боремся.

Не самый плохой путь заключается в том, чтобы воодушевить людей нашей идеей. Заставить их понять и поверить в необходимость наших планов. Ведь никто уже на сегодняшний день не сомневается в том, что уничтожать культурные памятники старины не дозволено и недостойно культурных людей. Организация Объединенных Наций выделила 12 миллионов долларов на то, чтобы спасти храм Абу-Симбела от затопления в водохранилище. А вот сколько выделяют на то, чтобы спасти от уничтожения дикую фауну, которой грозит гораздо худшая опасность, чем каменным идолам?

Вместе с тем мы стали свидетелями весьма обнадеживающих событий. После того как европейцы во времена колониальной власти уничтожили 90 процентов африканской дикой фауны, можно было подумать, что освободившиеся из-под колониального гнета племена быстро доведут до конца это нехитрое дело. Но ничего подобного не случилось. Вместо этого новые африканские правительства взяли на себя ответственность за то, чтобы сохранить своих диких животных — последних представителей прекрасной африканской природы для своих потомков. Для потомков других народов Земли. Созданные еще при бельгийцах национальные парки Конго, несмотря на все перипетии гражданской войны, не были разрушены и по мере возможности охранялись. В ставшей самостоятельной Танзании налогоплательщик, несмотря на свою отчаянную бедность и нужду, вынимает из кармана последние гроши, чтобы помочь своему правительству сохранить дикую природу своей родины. Новое африканское правительство посрамило своих европейских предшественников хотя бы уже тем, что оно за первые годы своего правления вместо одного национального парка создало три и сейчас создает следующие, что средства, отведенные в государственном бюджете на охрану природы, за последний год увеличились уже на одну треть. Но разве эти мудрые, сознательные, но отнюдь не состоятельные черные люди не вправе рассчитывать на то, чтобы более богатые страны помогли им сохранить ценности, имеющие столь важное значение для будущего всего человечества в целом?

Эти ценности уже сейчас начали приобретать немалое значение для всех народов. Все большее число людей стремится проводить свой отпуск путешествуя, тянется к живой дикой природе. Еще каких-нибудь сто лет назад 80 процентов населения жило в деревнях

1

в окружении животных: лошадей, коров, овец, кур, а в лесу и полях они встречали косуль, оленей, зайцев. Когда в прежние времена люди, выросшие в деревне, отправлялись в путешествие, они совершенно не обращали внимания на окружающую их природу, по которой ехали неделями. В своих дорожных записках они отмечали лишь города, кафедральные соборы, крепости, дворцы. Еще полстолетия тому назад никто бы и не подумал, что сегодня миллионы людей будут устремляться каждую весну на природу только затем, чтобы насладиться солнцем, морем и красотой ландшафта.

Вот так и сейчас уже набирает силу новый поток туристов, стремящихся в Африку.

И хотя мы, европейцы, совместно с африканцами, может быть, и сумели сохранить небольшую часть африканской природы, но нашу собственную, европейскую северную природу в ее первозданном виде нам скорее всего сохранить не удастся. Потому что на сегодняшний день ни в Европе, ни в Северной Америке, ни в Северной Азии нет ни одного национального парка, в котором бы полностью сохранялось равновесие в природе. Мы все еще не можем отделаться от ребячливого представления, что животные делятся на «полезных» и «вредных». Именно такая уверенность побудила наших охотников истребить отечественных хищных животных или свести их численность до минимума. В большинстве североамериканских и европейских национальных парков крупных хищников почти повсеместно изничтожили ради сохранности мирных копытных, таких, как олени, антилопы, горные бараны или горные козлы. В то время как в настоящих заповедных территориях регулирование численности берут на себя хищные животные и человеку не приходится выступать на ролях убийц, на ролях охотников. И благодаря этому животные там перестают бояться человека.

К сожалению, еще нигде в жизненном пространстве, занимаемом европейцами, не сделано попытки создать настоящий национальный парк, в котором будет охраняться вся фауна в целом, все дикие животные, даже волки, то есть, национальные парки, свободные от всякого вмешательства человека. Но поскольку волки в отличие от львов, леопардов и гиен совершают дальние и обширные кочевки, такие национальные парки в наших северных областях должны занимать большую территорию и не должны быть окружены человеческими поселениями. Возможность создания подобных заповедных территорий и сохранения для наших потомков хоть частицы неприкосновенной северной природы осталась разве что в самых отдаленных частях Канады и Сибири. Будем надеяться, что человеку еще удастся сохранить хоть часть природы в ее великолепной первозданной красоте...

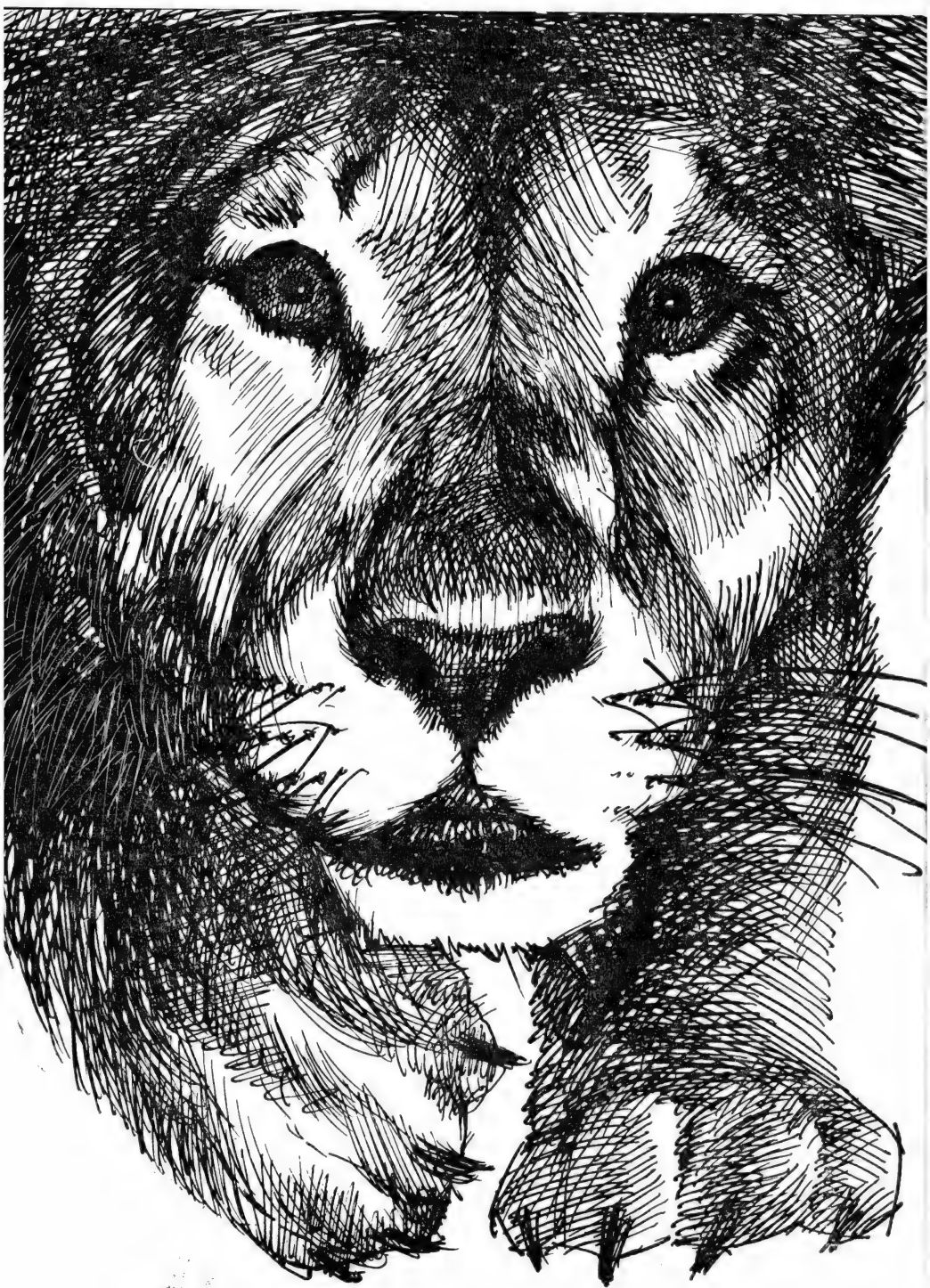
Чем ближе мы узнавали наших львят, тем сильнее привязывались к ним. Нам трудно было примириться с мыслью, что нельзя навсегда оставить себе всю троицу. Но как ни печально, с двумя львятами придется расстаться. Лучше всего с самыми рослыми. Они не так зависели от нас, как Эльса, и всегда держались вместе. Наши африканские бои одобрили этот выбор. Когда мы спросили, какого львенка оставить, они в один голос ответили:

— Самого маленького!

**Джой
Адамсон**

**РОЖДЕННАЯ
СВОБОДНОЙ**

Глава I

Львята

Много лет прожила я в Северной пограничной провинции* Кении. Эта пустынная, заросшая колючим кустарником область простирается от горы Кении на юге до границы с Эфиопией и занимает площадь больше 300 тысяч квадратных километров.

Цивилизация мало повлияла на эту часть Африки. Фермеров тут не было, а местные племена жили почти так же, как их предки. Животный мир этого края богат необычайно.

Мой муж Джордж был старшим инспектором по охране диких животных. Жили мы на юге провинции, поблизости от Исиоло, небольшого городка, где было десятка три европейцев — чиновников колониальной администрации.

Кроме охраны животных и борьбы с браконьерством Джордж еще должен был заботиться об уничтожении опасных зверей, нападающих на местных жителей. По делам службы ему часто приходилось совершать дальние поездки — мы их называли сафари. Если было возможно, он всегда брал меня с собой, и я смогла хорошо узнать этот дикий, девственный край с его суровой жизнью, где законы утверждает природа.

С одного сафари и начинается наша история. Лев-людоед убил человека из племени боран. Джорджу сообщили, что хищник вместе с двумя львицами обитает на холмах по соседству с деревней, где жил погибший. С убийцей надо было расправиться, и вот мы разбили лагерь к северу от Исиоло на территории племени боран.

Утром 1 февраля 1956 года я была одна в лагере вместе с Пати — даманом, который жил у нас уже шесть с половиной лет. С виду даман похож на сурка или морскую свинку, однако зоологи считают, основываясь на строении его ног и зубов, что он ближе всего к носорогам и слонам.

Пати лежала у меня на плече, точно мягкий меховой воротник. Надежное прибежище, и все видно. Кругом сухая равнина, лишь кое-где торчат гранитные утесы да реденькие кусты. Но животных было много, особенно жирафовых антилоп и других газелей.

Вдруг послышался шум мотора. Видимо, это Джордж вернулся, притом гораздо раньше, чем предполагалось. Вскоре из-за колючих

* Названия африканских стран и их административных единиц сохранены такими, какими они были в период путешествия автора.— *Прим. пер.*

кустарников показался «лендровер» и остановился возле палаток. Я услышала голос Джорджа.

— Джорж, ты где? Иди сюда, скорей, посмотри, что я тебе привез!

С Пати на плече я выбежала из палатки и увидела львиную шкуру. Но прежде чем я успела спросить, как прошла охота, Джордж указал рукой на заднее сиденье машины. Там, пряча мордочки в лапах, лежали три львенка, три пятнистых пушистых комочка. Им было всего несколько недель от роду, глаза еще затягивала голубоватая пленка. И хотя малыши даже не умели как следует ползать, они попытались уйти от меня. Я взяла их на руки и стала успокаивать. А Джордж рассказал, что произошло.

Под утро его и Кена, тоже инспектора, привели к тому месту, где залег людоед. Когда рассвело, из-за скал вдруг появилась львица и бросилась на них. Им совсем не хотелось убивать ее, но львица наступала, а отходить было опасно, и Джордж велел Кену стрелять. Раненая львица быстро куда-то скрылась. Кровавый след тянулся вверх по пригорку. Они осторожно поднялись на гребень, Джордж взобрался на большую плоскую глыбу, чтобы лучше было видно, а Кен двинулся в обход. По пути он заглянул под камень, остановился, вскинул ружье и выстрелил из обоих стволов. Раздался грозный рев, и прямо на него прыгнула львица. Джордж не мог стрелять, он боялся попасть в Кена. Но к счастью, один из следопытов стоял на более удобном месте. Он выстрелил, львица метнулась в сторону, и тут Джордж добил ее. Это было крупное, сильное животное с грузными сосками. И Джордж понял, почему львица так храбро и решительно вела себя. Как же он раньше не сообразил, что она защищает свое потомство!

Джордж велел искать львят. Вдруг из расщелины в каменной глыбе донеслись какие-то звуки. Кен просунул туда руку, но не дотянулся. Львята сердито ворчали. Пришлось срезать длинную палку, загнутую на конце, и с ее помощью детенышей все же удалось извлечь из расщелины. Им было от силы две-три недели. Малышей отнесли в машину. Всю дорогу до лагеря два львенка покрупнее рычали и шипели. Зато третий, самый маленький, вел себя так смиренно, словно ничего не произошло. И вот теперь они все трое лежали у меня на коленях, а я не могла им налюбоваться.

К моему удивлению, Пати, которая всегда очень ревниво относилась ко всем возможным соперникам, спустилась с моего плеча и легла вместе со львятами, предлагая им свою дружбу. С первого же дня они стали неразлучны. Вначале Пати превосходила размерами львят. Шестилетний даман с чувством превосходства глядел на неуклюже шелковистые комочки, которые и ходить-то как следует не умели.

Только на третий день львята стали пить разведенное сухое молоко, а до тех пор, сколько я им его ни предлагала, они только морщили носики и отвечали нечто вроде «нг-нг, нг-нг», как мы делали в детстве, пока не научились говорить «нет, спасибо».

Но стоило им один раз отведать нашего угощения, как у них

появился неутолимый аппетит. Каждые два часа я должна была подогревать молоко и мыть резиновую трубку, которая заменяла им соску. Мы уже заказали в ближайшей лавке (до нее было около восьми километров) не только соски, но и рыбий жир, глюкозу и еще сухого молока. И тут же передали SOS за двести пятьдесят километров в Исиоло начальнику администрации района, предупреждая его, что вскоре придут три высокородных младенца и нужно приготовить для них удобный деревянный дворец.

Уже через несколько дней малыши освоились и стали всеобщими любимцами. Пати, их самозабвенная заботливая нянька, часто выполняла свои обязанности. Она обожала подрастающих маленьких тиранов и быстро прощала им все обиды. Все три львенка были «девочки» с ярко выраженной, несмотря на ранний возраст, личностью. Самая крупная относилась к сестрам снисходительно и добродушно. Мы дали ей кличку Большая. Вторая была веселой озорницей. Она колотила лапами по бутылочке с молоком и, когда сосала, сладко жмурилась. Я назвала ее Люстика, что означает «веселая».

Третья, самая маленькая, была самой отважной. Сестры всегда посылали ее на разведку, когда замечали что-нибудь подозрительное. Я назвала ее Эльсой по имени одной моей знакомой, которую она мне чем-то напоминала.

В естественных условиях Эльса вряд ли стала бы равной в прайде*. У львицы чаще всего рождается четверо детенышей. Один из них, как правило, умирает сразу. Другой, обычно очень слабенький, тоже вскоре погибает. Вот почему почти всегда встречаются львицы с двумя львятами. Мать растит детенышей до двухлетнего возраста. Первый год она кормит их, отрывая пережеванную пищу. На втором году жизни детеныши начинают участвовать в охоте. Если они ведут себя недостаточно сдержанно, мать строго их наказывает. В этом возрасте львята сами не могут убить животное и довольствуются остатками от трапезы взрослых. А остаются нередко одни лишь крохи, так что вид у львят бывает довольно жалкий. Подчас голод берет верх, и тогда они с риском для жизни пробуют урвать кусок у взрослых или отделяются от прайда. Но охотиться по-настоящему они еще не умеют, поэтому их подстерегают всякие неприятности. Законы природы суровы, и львы с первых шагов проходят трудную школу.

Большую часть дня наша четверка — Пати и трое львят — проводила в палатке, под моей кроватью. Видимо, там они считали себя в полной безопасности. Может быть, это место напоминало львятам их «детскую» в расщелине. Они были чистоплотны от рождения и всегда успевали вовремя выбежать на песок. Только в первые дни иной раз приключалась беда. И если лужица оскверняла обитель львят, они мяукали и потешными гримасами выражали свое отвращение. Они всегда очень следили за собой, и от них не было никакого неприятного запаха, разве что иногда чуть-чуть пахло не то медом, не

* Прайдом называется союз трех или более львов. Он может включать одну или несколько семей, возглавляемых взрослыми, или несколько взрослых, которые охотятся вместе.— *Прим. авт.*

то рыбьим жиром. Их розовые язычки были жесткие, как наждак. Когда малыши немного подросли, можно было даже сквозь одежду почувствовать, как они лижут.

Через две недели мы вернулись в Исиоло. Дворец для высокородных младенцев был уже готов. Львят встретили по-царски, каждый подходил их приветствовать. Особенно им по душе пришлось дети, а также наш садовник — молодой сомалиец Нуру, которому мы присвоили звание главного смотрителя львов. Нуру обрадовался. Во-первых, это почет. Во-вторых, когда малышам надоедало носиться по дому и саду и они ложились отдыхать в тени под кустами, он мог посидеть несколько часов без забот, следя лишь за тем, чтобы к ним не подбрались змеи или бабуины.

Три месяца малыши питались молоком, в которое мы добавляли глюкозу, рыбий жир, костяную муку и немного соли. Вскоре мы заметили, что им достаточно есть каждые три часа, а потом и того реже.

Глаза у львят совсем раскрылись, но они еще не научились определять расстояние и часто промахивались. Чтобы развить у них глазомер, мы давали им для игры мячи и старые автокамеры. Все резиновые предметы и все мягкое и гибкое чрезвычайно занимало их. Особенно увлекательно было отнимать друг у друга камеру. Нападающий пытался оттолкнуть того, кто ею завладел. Если это не помогало, вцеплялся в нее зубами, и начинался спор, кто кого перетянет. Победитель хвастался перед побежденными своим трофеем, вызывая их на новую потасовку. Если они не обращали внимания на провокацию, он клал камеру у них перед самым носом, делая вид, будто не опасается, что ее могут стащить.

Главным во всех этих играх была неожиданность. С раннего возраста они умели очень ловко подкрадываться друг к другу, а также и к нам, инстинкт подсказывал им точные движения.

Нападали всегда сзади. Прижмутся к земле и тихонько ползут к ничему не подозревающей жертве. Стремительный бросок — и нападающий уже всей тяжестью навалился на спину своей жертвы, сбивая ее с ног. Мы, конечно, делали вид, будто ничего не замечаем, когда они атаковали нас. Малыши были счастливы.

Пати тоже участвовала во всех играх, хотя опасалась увесистых ударов и следила за тем, чтобы воспитанники, которые были уже втрое крупнее своей няни, не придавили ее. Она все еще пользовалась авторитетом. Если львята вели себя чересчур дерзко, достаточно было одного строгого взгляда Пати, чтобы они уgomонились. Она обладала завидным мужеством и умела показать львятам, что не боится их. А ведь оружием Пати были только острые зубы, проворство, смекалка и смелость.

Пати жила у нас с самого рождения и очень привыкла к нам. В отличие от своего родича, древесного дамана, она не была ночным животным и спала со мной в постели, обвинившись вокруг моей шеи, словно меховой воротник. Питалась она только растительной пищей, зато пристрастилась к спиртному. Причем выбирала самые крепкие напитки. Доберется до бутылки, наклонит ее, вытащит пробку и сосет. Это было очень вредно для Пати и вовсе не украшало ее

морального облика, так что мы старались прятать от нее виски и джин.

Примечательно, как Пати «ходила в уборную». Скальный даман всегда делает это в одном месте, обычно на краю камня. Дома у нас Пати садилась на край унитаза. Это было препотешное зрелище. Во время сафари лишенная удобств Пати совсем терялась. Пришлось нам смастерить для нее стульчак.

Я ни разу не видела у Пати ни одной блохи, ни одного клеща и поначалу не могла понять, почему она непрерывно чешется. Четыре пальца на передних лапах и три на задних были оснащены круглыми копытцами, точно у крошечного носорога, а палец с внутренней стороны задней лапы кончался когтем. Им она приглаживала свою шубку, и казалось, что она чешется.

У Пати не было хвоста, зато в середине спины выходила железа — белое пятнышко среди пестроватой серой шерстки. Волосы вокруг железы поднимались дыбом, когда зверек пугался или радовался. Чем старше становились львята, тем чаще были взерошены волосы на спинке Пати: ей приходилось опасаться их довольно грубых выходов. Им ничего не стоило спутать ее с мячиком, поэтому Пати научилась мигом вскакивать на подоконник, лестницу или еще куда-нибудь повыше. До львят Пати занимала первое место среди наших воспитанников. Тем трогательнее было видеть, как она любит этих озорников, хотя им теперь принадлежало все внимание гостей.

Львята крепили, и им не терпелось испытать свою силу на всем, что попадалось на пути. Ну как не потрепать, не потаскать брезент! И вот они уже волокут его, пропустив между передними лапами. А вырастут, будут так же тащить свою добычу. И еще любимая игра: одна из сестер вскакивала на мешок с картофелем и сидела там, отбивая все налеты, пока кто-нибудь неожиданным толчком в спину не свергал ее с трона. Чаще всего побеждала Эльса. Она умела уловить момент, когда сестры боролись друг с другом.

Отличными игрушками оказались также наши немногочисленные бананы. Их широкие красивые листья скоро превратились в рваную бахрому. А как увлекательно лазить по деревьям! Львята были природными акробатами, но часто забирались чересчур высоко и потом не знали, как слезть. Приходилось их выручать.

Рано утром Нуру выпускал своих подопечных на волю, и они стремглав выскакивали за дверь, давая выход накопившейся за ночь энергии. Это было похоже на старт в собачьих гонках. Как-то раз, выбежав во двор, львята увидели палатку, где спали гости. В пять минут от палатки остались одни клочья. Нас разбудили вопли наших друзей, которые тщетно силились спасти свое имущество. А львята, обезумев от восторга, ныряли в груды вещей и появлялись с трофеями — туфлями, пижамными штанами, обрывками противомоскитной сетки... Пришлось проучить их прутом.

Уложить малышей вечером в постель было совсем не просто. Представьте себе трех озорных девчонок, которые, как все дети, не любят ложиться спать да к тому же бегают вдвое быстрее, чем

взрослые, и хорошо видят в темноте. Мы прибегали к хитрости. Например, привязывали к веревочке бумажный пакет и потихоньку тащили к их загону. Львята не могли устоять и кидались ловить пакет.

Ладно бы они еще играли только на воле, но сестрички пристрастились к подушкам и книгам. Опасаясь за нашу библиотеку и другое имущество, мы были вынуждены запретить им входить в дом. На террасе пришлось устроить дверь — сетку из стальной проволоки, натянутой на деревянную раму. Львята обиделись. Чтобы утешить их, мы подвесили на дереве автомобильную покрывку. И пожевать можно, и покачаться! И еще одну игрушку они получили от нас — деревянный бочонок из-под меда, который громко тарахтел, когда его катали. Но самым большим успехом пользовался наполненный старыми фотокамерами мешок, подвешенный на суку. Они вцепятся в мешок зубами, а мы тянем за веревку и раскачиваем его. Чем громче мы смеялись, тем больше радости было львятам.

Однако никакие игрушки не могли заставить их позабыть о том, что путь на террасу закрыт. Они то и дело подходили к двери и тыкались носами в проволоку.

Как-то вечером мы сидели на террасе с друзьями за рюмкой вина. Наше оживление привлекло львят, но они вели себя на диво скромно, не терлись носом о проволоку и вообще держались на почтительном расстоянии от двери. С чего это они вдруг такие смиренные? Я поднялась с места, чтобы посмотреть, в чем дело, и, к своему ужасу, увидела на ступеньках большую плюющуюся кобру. Не обращая внимания ни на львят, ни на нас, змея ползла куда-то по своим делам. Прежде чем мы успели схватить ружье, она уже скрылась.

Но ни загородки, ни змеи, ни запреты не могли удержать Люстику от попыток пробраться в дом. Она проверяла все двери и быстро научилась нажимать и поворачивать дверные ручки. Только задвижки принудили ее сдаться. Да и то однажды я увидела, как она пыталась отодвинуть задвижку зубами! Застигнутая врасплох, проказница в отместку сорвала с веревки выстиранное белье и утащила его в буш*.

Когда львятам исполнилось три месяца, зубы у них выросли и окрепли так, что им можно уже было давать мясо. Я резала его на мелкие кусочки, чтобы оно напоминало пищу, которую они получали бы от матери. Много дней львята отказывались притронуться к мясу, гримасничали. Наконец Люстика попробовала новую еду и осталась довольна. Глядя на нее, решились и сестры. С этого дня каждая трапеза сопровождалась потасовкой. Бедняжке Эльсе, которая по-прежнему была самой слабой, почти ничего не доставалось. Тогда я стала приберегать для нее вкусные кусочки и во время кормежки брала ее на руки. Эльсе это очень нравилось. Она мотала головой и жмурилась от удовольствия. Потом брала в рот мой большой палец и передними лапами мяла мне запястье — движение,

* Заросли, лесистые участки.

которым детеныши выжимают молоко из сосков матери. Так зародилась наша нежная дружба. Часто кормежка превращалась в игру, и мне всегда было весело с этими зверятами.

Они были порядочные лентяи. Улягутся удобно — и не сдвинешь. Даже ради самой вкусной мозговой косточки не встанут, а просто подкатятся к ней. Особенно им нравилось, когда я держала кость так, что можно было сосать ее, лежа на спине кверху лапами.

Вылазки в буш часто сопровождались приключениями. Однажды утром я пошла проверить, как подействует на львят глистогонное средство. Они спали недалеко от дома. Вдруг я заметила колонну черных муравьев, передовые уже подбирались к моим малышам. А надо сказать, что у этих муравьев мощные челюсти и они ни перед чем не отступают. Я уже хотела разбудить львят, но тут колонна свернула в сторону.

А минутой позже малыши сами проснулись, так как мимо проходила пятерка ослов. Львята впервые видели таких крупных животных, но с присущей, львам отвагой тотчас ринулись в атаку. Первый успех вскружил им голову, и, когда через несколько дней к нашему дому подошел караван из сорока ослов и мулов, три маленьких львенка обратили всю эту кавалькаду в бегство.

В пять месяцев львята чувствовали себя превосходно и крепили с каждым днем. Жили они на воле и только ночью спали за оградой из камней и песка в своей конуре. Без ограды нельзя было обойтись: ведь вокруг нашего дома бродили дикие львы, гиены, шакалы и слоны.

Чем ближе мы узнавали наших львят, тем сильнее привязывались к ним. Нам трудно было примириться с мыслью, что нельзя навсегда оставить себе всю троицу. Но как ни печально, с двумя львятами придется расстаться. Лучше всего с самыми рослыми. Они не так зависели от нас, как Эльса, и всегда держались вместе. Наши африканские бои одобрили этот выбор. Когда мы спросили, какого львенка оставить, они в один голос ответили:

— Самого маленького!

Когда Эльса останется одна, будет легче приучить ее не только жить с нами в Исиоло, но и выезжать в сафари.

Большую и Люстику мы устроили в роттердамский зоопарк Блиндорп. Они должны были лететь туда самолетом.

До аэродрома в Найроби было почти триста километров, и мы стали заранее приучать львят к автомашине, каждый день вывозя их на полutorке с оплетенным проволокой кузовом. И даже кормили их в машине, чтобы лучше освоились. А в последний день положили на дно кузова мешки с песком.

Когда мы двинулись в путь, Эльса побежала следом по дороге, потом остановилась и печальным взглядом проводила машину, увозившую ее сестер. Я сидела с ними в кузове. Полагая, что мне в дороге достанется не одна царапина, я захватила с собой все для перевязки. Но мои предосторожности оказались излишними. Первый час львята еще волновались, но потом притихли и улеглись на мешках, обняв меня лапами. Трудно представить себе большую доверчивость.

Так мы ехали одиннадцать часов и только дважды останавливались из-за прокола шин.

И вот мы в Найроби. Львята смотрели на меня широко открытыми глазами словно вопрошая, что означают все эти незнакомые звуки и запахи. А затем самолет навсегда увез их из родной страны.

Через несколько дней мы получили телеграмму: наши львята благополучно прибыли в Голландию. Три года спустя я навестила их. Они встретили меня любезно, разрешили даже погладить, но не узнали. Им жилось хорошо, и я только радовалась, что они, судя по всему, не помнят своего привольного детства.

Глава II

Эльса встречает диких животных

От Джорджа я узнала, что все время, пока я была в Найроби, Эльса нервничала и ни на минуту не расставалась с ним. Ходила за ним как тень, сидела под его письменным столом, когда он работал, ночью спала в его постели. Каждый вечер он выводил ее на прогулку, но в тот день, когда я должна была вернуться Эльса отказалась гулять. Она села посреди дороги, собираясь ждать меня, и ни за что не хотела уходить. Неужели знала, что я приеду! Если это так, на каком же инстинкте было основано ее предчувствие? Трудно, а то и вовсе невозможно объяснить такие вещи.

Эльса встретила меня восторженно, но мне было больно глядеть, как она всюду ищет своих сестер. Много дней она звала их, вглядываясь в буш, и неотступно ходила за нами, точно боялась, что и мы ее бросим. Чтобы успокоить Эльсу, мы разрешили ей пожить в доме. Львенок спал с нами на кровати, и мы нередко просыпались оттого, что он лизал нас своим шершавым языком.

При первой возможности мы захватили Эльсу с собой в сафари, чтобы отвлечь ее от поисков и переживаний. К счастью, сафари пришлось ей по вкусу. Как и мы, она отлично чувствовала себя в походе.

Грузовик, на который мы укладывали свою постель и другие мягкие вещи, вполне устраивали Эльсу. Лежать ей было очень удобно, и она видела все, что делалось кругом.

Мы разбили лагерь на крутых берегах Васо-Ньи́ро, среди зарослей зонтичной акации и пальмы дум. В засушливую пору обмелевшая река лениво несет свои воды к болоту Лориан, образуя в пути несколько стремнин и множество глубоких заводей, изобилующих рыбой.

Недалеко от лагеря подымались каменистые гряды. Эльса рыскала по расщелинам и скалам, потом взбиралась на какой-нибудь утес, с которого открывался вид на буш. Вечером лучи заходящего солнца окрашивали весь край в теплые тона, и Эльса сливалась с рыжими скалами.

Это было лучшее время дня. Спадал зной. Природа и люди об-

легченно вздыхали. Пурпурные тени вытягивались, сгущались, солнце наконец пряталось, и сумрак сглаживал все складки. Смолкал последний зов какой-то птицы, и во всем мире воцарялось безмолвие. Все ожидали с затаенным дыханием, когда наступит ночь и проснется буш. И вот — протяжный вой гиены, будто сигнал к началу охоты.

Мне запомнился один вечер. Я привязала Эльсу к дереву возле палатки и сидела рядом, прислушиваясь к вечерним звукам, а она принялась за ужин. Пати, уютно свернувшись у меня на коленях, поскрипывала зубами. Значит, довольна жизнью. На берегу стрекотала цикада. Восходящая луна смотрелась в морщинистое зеркало потока. Высоко в бархатном небе искрились звезды. Мне всегда казалось, что в нашей провинции звезды вдвое крупнее, чем где-либо. Внезапно послышался гул, точно вдали летел самолет. Это шли к реке слоны. К счастью, ветер был в нашу сторону, так что они не могли нас учуять. Вскоре гул прекратился.

И вдруг совсем явственно — львиное рыканье. Сперва вдалеке, затем все ближе, ближе. Как поведет себя Эльса? А Эльса равнодушно отнеслась к голосу родича. Она отрывала зубами куски мяса старательно пережевывала их, потом легла на спину кверху лапами и задремала. Хохотали гиены, тявкали шакалы, звучал величественный львиный хор...

Стояли очень жаркие дни, и большую часть времени Эльса проводила в воде. Когда солнце и здесь добиралось до нее, она пряталась в камыши на откосе и время от времени шлепалась в речку. Зная, что в Васо-Ньи́ро много крокодилов, мы побаивались за Эльсу, но на нее никто ни разу не напал.

Она постоянно затевала какие-нибудь озорные игры и требовала, чтобы мы в них участвовали. Чуть зазеваешься — и она вмиг обрызгает водой, а то вдруг выскочит из реки и вся мокрая затеет с нами возню на песке, не щадя фотоаппаратов, биноклей, ружей. Ее лапы умели и приласкать, и дать с ходу дружеского тумака. Особым приемом Эльса шутя валила нас наземь. Ловкий удар лапой по ногам — и ты уже растянулся на песке!

Она очень следила за своими когтями. Точила их о стволы с самой грубой корой, оставляя на ней глубокие борозды*.

Выстрелы ее не пугали. Она быстро усвоила, что «бум!» означает мертвую птицу, и очень любила отыскивать и приносить дичь, особенно цесарок. Но птичье мясо ела редко, а перья вовсе в рот не брала. Первая птица всегда принадлежала ей, и она гордо таскала добычу. А если надоест нести, положит птицу на землю у моих ног и смотрит на меня, точно говоря: «Помоги, пожалуйста, понеси немного!». И трусила потом следом за мной, не сводя глаз с добычи в моей руке.

А вот турачи, напоминающие европейских куропаток, ее ничуть не привлекали.

Если попадался слоновий помет, Эльса непременно каталась в нем,

* Скорее всего, она таким образом упражняла мышцы, вытягивающие когти.—
Прим. авт.

даже втирала лапами в шкуру эти «сухие духи». Помет носорогов и многих других травоядных ей тоже нравился, но не так, как слоновий. Мы пытались понять, в чем тут дело. Инстинктивное желание заглушить собственный запах, чтобы обмануть животных, на которых обычно охотятся львы! Привычка домашних собак и кошек кататься в помете, несомненно, пережиток того же инстинкта. Пометом плотоядных Эльса никогда не «мазалась». Свои собственные надобности она отправляла в сторонке от звериных троп, по которым мы обычно ходили.

Как-то раз, заслышав в зарослях слона, Эльса со всех ног кинулась туда. Слон сердито затрубил, потом вдруг послышалось кудахтанье цесарок. Мы волновались. Чем все это кончится? Слон почти сразу успокоился, зато цесарки были просто вне себя. Через минуту из кустов выскочила Эльса, а за нею стая сердитых птиц, которые явно решили нагнать на нее страху. Только она захочет присесть, как цесарки обступают ее со всех сторон и поднимают такой гвалт, что поневоле затрусись дальше. Лишь увидев нас, дерзкие птицы оставили Эльсу в покое.

В другой раз во время прогулки Эльса внезапно остановилась перед кустами занзеверии. Потом подпрыгнула в воздух и поспешно отступила, глядя на нас так, словно хотела сказать: «Почему вы не поступаете, как я?»

Тут мы заметили среди острых листьев свернувшуюся в клубок большущую змею! И конечно, поблагодарили Эльсу за то, что она нас вовремя предостерегла.

Когда мы вернулись из сафари в Исиоло, начался период дождей. Повсюду лужи, ручьи... Эльса ликовала. Она с упоением шлепала по воде, высоко подпрыгивала и приближалась к нам, чтобы обрызгать чудесной грязью! Это было уже чересчур. Пора дать понять Эльсе, что она теперь уже слишком взрослая для таких выходов... Мы вооружились прутиком и сделали ей внушение. Она усвоила урок, и в дальнейшем нам редко приходилось пользоваться прутиком, хотя на всякий случай мы носили его с собой. Эльса научилась понимать слово «нельзя», оно сдерживало ее, даже когда поблизости бродили соблазнительные антилопы.

Трогательно было видеть, как львица разрывается между охотничьим инстинктом и желанием угодить нам. Пока что она была точно пес: все, что движется, надо преследовать, но инстинкт, повелевающий убивать, еще не развился в ней. Конечно, мы следили за тем, чтобы мясо, которое ей давали, не связывалось в ее представлении с видом живых коз. Гуляя с нами Эльса встречала много диких животных, но преследовала их лишь потехи ради. Потом она быстро возвращалась к нам и тихо мяукала, рассказывая об увлекательной погоне.

Каких только животных не было по соседству с нашим домом! Много лет мы наблюдали за стадом водяных козлов и антилоп импала. Среди наших «знакомых» было и около полусотни жирафов. Эльса каждый день встречала их, и они ее хорошо знали. Жирафы разрешали ей подкрадываться — подпустят на несколько метров и преспокойно уходят. Семейство ушастых лис привыкло к ней нас-

только, что мы могли спокойно пройти в двух-трех шагах от норы этих робких зверушек, а лисята продолжали кувыркаться в песке у входа.

А как весело было Эльсе с мангустами*. Эти зверьки, размером не больше ласки, селятся в заброшенных термитниках, построенных из очень прочного материала и представляющих собой идеальное убежище. Термитник подымается на несколько метров и весь пронизан ходами, в которых хорошо отсиживаться в полуденный зной. Под вечер потешные маленькие мангусты покидают свою крепость и выходят искать ягоды и червяков. А когда стемнеет, возвращаются домой. Вот в это время мы и проходили обычно мимо термитника. Эльса садилась возле него, словно замыслив правильную осаду крепости, и подолгу увлеченно смотрела, как эти комичные зверьки то вдруг выглянут из хода, то, тревожно свистнув, снова исчезнут.

Но если Эльса любила подразнить мангустов, бабуины не прочь были поизводить ее. Они облюбовали неприступную для леопардов крутую скалу неподалеку от нашего дома и ночевали там в тесных расщелинах. Бабуины отправлялись в свою «спальню» перед самым закатом, и тогда вся скала становилась крапчатой. Из надежного укрытия они всячески поносили Эльсу, и та ничего не могла поделать.

Когда Эльса впервые встретила лицом к лицу со слоном, мы немало переволновались. Ведь у нее не было матери, которая могла бы научить ее остерегаться этих великанов. Слоны считают львов опаснейшими врагами своих слонят и порой безжалостно расправляются с ними.

Это случилось утром. Нуру, как обычно, повел Эльсу на прогулку. Вдруг он примчался домой, запыхавшись, и сообщил, что Эльса «играет со слоном». Схватив винтовки, мы пошли за ним и увидели большого старого слона, который завтракал, уткнув голову в куст. В это время Эльса, подкравшись сзади, шутя шлепнула его по задней ноге. Ответом на эту дерзость был оскорбленный рев. Слон попытался, вышел из зарослей и ринулся в атаку. Эльса легко увернулась и опять стала подкрадываться к нему. Как ни потешно было глядеть на все это, мы перепугались. Не пришлось бы пустить в ход оружие...

К счастью, игра наскучила обоим довольно скоро. Слон вернулся к своему завтраку, а Эльса легла спать тут же рядом.

В последующие месяцы она не упускала ни одного случая поиграть на слоновьих нервах. А случаев было много. Наступило то время

* Различают несколько видов мангустов, обитающих в Азии, Африке и Южной Европе. В данном случае речь, видимо, идет об ихневмоне *Herpestes ichneumon* — небольшом хищнике из семейства виверровых. Питается ихневмон мелкими позвоночными, в том числе и ядовитыми змеями, к яду которых зверек малочувствителен. Сравнение с лаской, однако, вызывает недоумение, так как ихневмон и все другие мангусты значительно крупнее.

года, когда в наши края наведывались стада по несколько сот голов. Исполины отлично разбирались в топографии Исиоло и всякий раз находили те огороды, где кукуруза и брюссельская капуста особенно удались. Но в остальном, несмотря на близость африканских лачуг и оживленное движение на дорогах, они вели себя смирно, не причиняя людям особых хлопот.

Наш дом стоял километрах в пяти от самого Исиоло среди различных пастбищ, поэтому слоны баловали нас своим вниманием. Их любимым местом было заброшенное стрельбище рядом с нами. Вот почему в разгар «слоновьего сезона» мы соблюдали осторожность во время прогулок. А теперь нужно было думать не только о себе, но и об Эльсе, и мы удвоили бдительность.

Однажды в полдень Нуру и Эльса привели за собой целое стадо слонов. Мы заметили их из окна столовой и попытались привлечь к себе внимание Эльсы, но она уже отвернулась, собираясь идти им навстречу. Потом вдруг присела, с удивлением наблюдая, как два десятка слонов, повернув к стрельбищу, идут в затылок друг другу. Настороженные запахом, слоны длинной цепочкой выбирались из кустарника, где притаилась львица. Эльса пропустила их мимо себя и медленно пошла следом, вытянув голову и хвост в одну прямую линию. Вдруг замыкающий, огромный самец, мотнул головой и затрубил. Но боевой клич не испугал Эльсу, она продолжала идти за слонами. Мы решили проследить за ними. Они мелькали среди зарослей, но не было слышно ни рева, ни треска ломаемых сучьев — ничего, что говорило бы о стычке. Все-таки мы волновались до тех пор, пока наш левенок не вернулся домой, утратив наконец интерес к своей затее.

Но не все слоны, с которыми встречалась Эльса, вели себя миролюбиво. Как-то раз со стрельбища донесся страшный шум и топот. Прибежав туда, мы увидели, как Эльса мчится по склону, преследуя слоновье стадо. Один самец все же атаковал ее, но львица оказалась слишком проворной. Слон прекратил погоню и вернулся к стаду.

Немало веселых минут доставляли Эльсе жирафы. Во время одной нашей прогулки она заметила стадо и, дрожа от возбуждения, стала тихонько подбираться к нему. Жирафы смотрели на нее невозмутимо. Эльса взглянула на них, затем на нас, словно желая сказать: «Ну, что вы тут стали, как столбы, мешаете охотиться?» Потом рассердилась и с разбегу повалила меня на землю.

А в тот же день вечером мы забрели прямо в гущу слоновьего стада. Быстро смеркалось, но мы еще различали контуры огромных животных. Для меня всегда было загадкой, как эти великаны могут так бесшумно пробираться через буш. Не успеешь оглянуться, как ты уже в окружении! Так и на этот раз. Они отрезали нам все пути к отступлению. Куда ни глянь — слон. Мы старались как-нибудь отвлечь Эльсу, время было совсем не подходящее для забав. Но едва она их заметила, удержать ее оказалось невыносимо. Эльса кинулась в гущу стада, слоны затрубили. Сердце у меня сжалось от страха, потому что в темном бушу мы никак не могли выйти из окружения. Наконец удалось найти лазейку, и мы вернулись домой — без Эльсы.

Она пришла гораздо позже, очень довольная своими приключениями, и не могла понять, почему я вне себя от тревоги.

Дорожка, ведущая к нашему дому, была окаймлена живой изгородью из эвфорбии, которую животные обычно не трогают. Ветви этого кустарника содержат очень едкий млечный сок. Если он попадет в глаза, получается болезненное, долго не проходящее воспаление. Звери далеко обходили нашу изгородь, одни лишь слоны с удовольствием лакомились сочными ветвями, и после их ночных трапез оставались огромные пролысины. Однажды, кормя Эльсу, я услышала, как за кустами топают слоны. Пять великанов увлеченно уписывали изгородь, которая нас разделяла!

Дополнительное разнообразие в жизнь Эльсы внес поселившийся по соседству носорог. Как-то вечером мы возвращались с прогулки, было уже совсем темно. Вдруг она бросилась за домики наших рабочих, поднялся страшный шум. Подбежав, мы увидели, что Эльса стоит лицом к лицу с носорогом. После короткого замешательства носорог сердито фыркнул и помчался прочь. Эльса за ним по пятам.

На следующий день Эльса, Нуру и я опять вышли к вечеру на обычную прогулку и задержались дотемна. Вдруг Нуру схватил меня за плечо, потому что я чуть не наскочила на носорога, который наблюдал за нами из-за куста. Я отпрыгнула и обратилась в бегство. К счастью, Эльса его не заметила. Она решила, что я с нею играю, и кинулась за мной вслед. Счастливо отделились. Ведь носороги коварные создания, они нападают на все, включая грузовики и поезда! А на следующий день Эльса отыгралась. Она километра три гоняла носорога по долине. Нуру честно старался не отставать от нее.

В конце концов носорогу надоели эти проказы, и он переселился в более спокойное место.

Мы выработали для Эльсы твердый распорядок дня. С утра, пока еще было прохладно, ходили на стрельбище полюбоваться грациозными антилопами импала, послушать птичий хор. Как только рассветало, Нуру вел Эльсу на прогулку в буш. Энергия расpirала львицу, она гонялась за всем на свете, даже за собственным хвостом.

С началом дневного зноя они прятались в тень под какое-нибудь дерево. Эльса спала. Нуру читал Коран и пил чай. Для защиты от диких зверей Нуру всегда носил с собой ружье, но он строго соблюдал наше наставление: сперва покричать, потом стрелять. Он очень привязался к Эльсе и ревностно о ней пекся.

Потом они возвращались домой, и мы принимали дежурство. Сперва Эльса выпивала молоко, затем шла с нами на прогулку. Она лазила по деревьям, точила когти, ловила упоительные запахи, подкрадывалась к газелям Гранта или жирафовым антилопам, которые охотно играли с нею в прятки. Очень любила Эльса возиться с черепахами, она катала их словно мяч. Но больше всего она любила играть с нами. Ей хотелось, чтобы мы, ее «прайд», непременно участвовали во всех ее проделках и забавах.

Вечером с наступлением темноты мы приводили Эльсу домой, на ее площадку, где она получала на ужин сырое мясо, чаще всего баранину или козлятину. Ребра и хрящи тоже входили в ее меню.

Я держала в руках кость, а она грызла ее так, что на лбу у нее перекатывались тугие желваки. Потом я извлекала из костей мозг, а Эльса, стоя на задних лапах, облизывала мои пальцы. Пати сидела на подоконнике и спокойно смотрела на нас. Она ведь знала, что скоро придет ее черед завладеть хозяйкой. Я лягу спать, и она займет свое место у меня на шее.

Но до тех пор оставалось еще несколько часов, которые я проводила с Эльсой — играла с нею, рисовала ее, иногда читала. Это были часы нашей самой душевной близости. Мне кажется, именно в это время, когда Эльса, сытая, довольная, дремала, посасывая мой большой палец, в ней крепла любовь к нам. Только в лунные ночи она вела себя беспокойно, металась взад и вперед вдоль изгороди, ловя трепещущими ноздрями таинственные ночные запахи. Когда Эльса нервничала, ее лапы становились влажными. Часто было достаточно потрогать их, чтобы узнать ее настроение*.

Глава III

Путешествие Эльсы к Индийскому океану

Эльсе исполнился год. У нее сменились зубы, причем я выдернула ей один молочный клык, и она терпеливо перенесла операцию, даже не дернула головой. Кости она обглаживала не резцами, а коренными зубами, помогая себе шершавым, покрытым жесткими сосочками языком. У нее была обильная, насыщенная солями слюна.

А Пати старела, и я заботилась о том, чтобы ей было как можно спокойнее.

Подшло время нашего отпуска. Мы решили отдохнуть на берегу моря, недалеко от границы Сомали, по соседству с рыбацкой деревушкой. Идеальное место для Эльсы. Наш лагерь будет далеко от людей, на самом берегу, а захочется тени — сразу за песчаным пляжем начинается кустарник.

С нами поехали двое наших друзей — молодой служащий Дон и гостящий у нас австрийский писатель Герберт.

Дороги были скверные, переезд занял три дня. Я ехала с Эльсой на грузовике и с привалов снималась первая. За мной следовали оба «лендровера». Пати была на попечении Джорджа. На сухих песчаных равнинах, по которым пролегал наш путь, было очень жарко.

В одном месте дорога затерялась в паутине верблюжьих следов, и, когда стало темно, я сбилась с пути. А тут еще кончился бензин. Мне оставалось только ждать и надеяться, что Джордж обнаружит мой след. Прошло несколько часов, прежде чем я заметила

* Очень интересное наблюдение. Назначение этого явления — сделать следы более «пахучими», что облегчает животным нахождение других особей своего вида. Механизм его, однако, не совсем ясен.

вдали его фары. Он сказал, что они разбили лагерь в нескольких километрах и надо поспешить туда: Пати заболела, у нее тепловой удар. Он дал ей немного коньяку, но сомневался, что она выживет.

Эти километры показались мне нескончаемыми. Когда мы добрались до лагеря, Пати была без сознания. Потом она очнулась, даже узнала меня, попыталась скрипнуть зубами, выражая свою любовь ко мне. Это был ее «последние слова». Сердце Пати еле билось. Вот она вздрогнула, вытянулась... Это конец.

Пати умерла.

Я держала ее на руках. Маленькое тельце долго не остывало.

Я вспоминала, сколько радости доставила она мне за семь с половиной лет. Вспоминала многочисленные сафари, в которых Пати была моей верной спутницей. Вместе мы побывали у озера Рудольф, где ей очень докучала жара, и на берегу океана. Мы подолгу катались на утлой дхоу, ездили в долину Сугута и к горе Кении. Ее вересковые склоны пришлось Пати очень по вкусу. Когда мы путешествовали по кручам горы Ньиرو, Пати очень ловко цеплялась за спину мула. Я делала зарисовки племен Кении. И где только мы не разбивали лагерь! Порой у меня месяцами не было другого товарища.

А как кротко она относилась к всевозможным зверям — белкам, мангустам, которые жили в нашем доме, как любила наших львят. Когда мы ели, Пати сидела возле моей тарелки и осторожно брала у меня из рук лакомые кусочки.

Я очень привязалась к Пати.

И вот я заворачиваю ее в кусок ткани, обматываю поверх сбрую с поводком и рою могилу рядом с лагерем. Ночь душная, лунный свет чуть побелил темные складки на просторной равнине. Мир, тишина...

Наутро мы отправились дальше. Хорошо, что скверная дорога не позволяла задумываться.

На место прибыли вечером. Нас встретили рыбаки. Они рассказали, что какой-то лев причиняет им много хлопот. Чуть не каждую ночь он уносит коз. Они надеялись, что Джордж расправится с разбойником.

Было поздно разбивать настоящий лагерь, и мы устроились спать под открытым небом. Нас было десять человек. Как единственная женщина, я поставила свою раскладушку чуть поодаль. Эльса была заперта в грузовике рядом со мной. Вскоре все, кроме меня, уснули. Вдруг я услышала странный звук, словно по земле что-то волокли. Зажгла фонарик... В нескольких метрах от моей кровати стоял лев, он держал в зубах шкуру антилопы, которую мы застрелили в тот вечер.

В первый миг я решила, что это Эльса, но она лежала на своем месте в машине. Я снова перевела взгляд на льва. Он зарычал, не сводя с меня глаз.

Я медленно двинулась к Джорджу. И сделала глупость, повернувшись к зверю спиной. Нас разделяли каких-нибудь несколько шагов, я почувствовала, что он идет за мной. Тогда я быстро обернулась и направила луч фонаря ему в морду. Прикинула расстояние —

метров семь-восемь. Пятясь, я отступила к кроватям, на которых храпели мужчины. Проснулся только Джордж. Я сказала, что за мной крадется лев, он не поверил.

— Ерунда! Наверно, гиена или леопард.

Все-таки он встал с кровати, взял винтовку и почти сразу же увидел светящиеся глаза, а затем услышал ворчание. Джордж не сомневался, что это тот самый разбойник, о котором нам говорили. Он подвесил на дереве метрах в тридцати от машины кусок мяса и стал ждать.

Вскоре в том месте, где мы устроили кухню, загремела посуда,

Джордж тихонько обогнул машины, поднял винтовку и одновременно зажег фонарик. Лев сидел между кастрюлями, уписывая остатки нашего обеда. Джордж нажал спуск — осечка! Нажал снова — опять осечка! Забыл зарядить ружье. Лев не спеша удалился. Сконфуженный Джордж сходил за патронами и вернулся в засаду.

Прошло довольно много времени, прежде чем он услышал, что кто-то тянет приманку. Джордж включил фары автомобиля, яркий свет озарил льва. Грянул выстрел. В самое сердце! Лев был молодой и безгривый. Подвиг типичный для побережья.

Утром мы по следам определили, что произошло ночью. Сперва лев утащил шкуру антилопы и закусил ею метрах в двадцати от моей кровати. Насытившись, он обошел весь наш лагерь.

Эльса внимательно наблюдала за событиями, но не издавала ни звука.

Как только взошло солнце, мы повели ее на берег знакомиться с Индийским океаном. Был прилив. Поначалу львица оробела от рокота и плеска волн. Осторожно понюхала воду, куснула пену, окунула морду, чтобы напиться... И скорчила гримасу, набрав в пасть соленой воды. Мы начали купаться. Глядя на нас, Эльса тоже решила войти в море. Она сразу пристрастилась к купанию. Ей всегда нравились лужи и ручьи, здесь же был настоящий рай. Она отлично плавала, окунала нас с головой, брызгала, колотя по воде хвостом, — словом, не давала нам покоя до тех пор, пока не удостоверится, что мы наглоotalись соленой водички.

Эльса привыкла всюду следовать за нами, поэтому, когда остальные уходили ловить рыбу, я оставалась на берегу. Иначе львица поплыла бы за лодкой.

Здесьние рифы славятся на всю Кению красивейшими коралловыми рыбками. С масками и подводными ружьями мы ныряли в чудесный мир кораллов. Одни кораллы напоминали пагоды, другие — мозг великана, третьи были словно огромные грибы, расписанные пурпурными цветочками или изумрудными зигзагами. Течение колыхало занавесы ярких водорослей, среди которых укрывались стайки рыбешек. Плывая вдоль глубоких ложбин, мы попадали в темные гроты, заглядывали в сумрачные туннели, откуда навстречу нам выскакивали любопытные коралловые рыбки, явно озадаченные нашими габаритами. Ведь под водой все кажется чуть не вдвое больше.

Мы видели рыб в красную полоску, напоминавших дикобразов. Их плавники были совсем как веера, и они порхали над кораллами,

будто бабочки. У золотых в голубую крапинку рыбок, похожих на коробочки, над глазами торчал рог. Попадались синие рыбки с желтой картой Африки на плоских боках, сновали цветные «шахматные доски» и «зебры». Некоторые рыбы были будто в масках, а их длинные плавники напоминали шлейфы. Иные во время опасности раздувались и превращались в ежей, у других позади спинного плавника как бы выдвигался дюймовый штык. На дне, сливаясь с песком лежали рыбы, плоские, как камбала. А рядом, приоткрыв створки, торчали огромные моллюски — смертоносные живые капканы. Возле самого рифа неподвижно — если не считать янтарных глаз, которые пристально следили за всем, — стояла ядовитейшая рыба-дьявол, пряча свое грозное оружие под ярко-синей бахромой. Самой легкой добычей были омары в жестком шиповатом панцире. Наполовину укрывшись под камнем, они словно ждали, когда стрела пронзит их панцирь между глазами. Длинные усики настороженно колыхались в воде. Актинии, эти причудливые «цветы», безжалостно расправлялись с мелкими тварями, которые подходили слишком близко к их непрестанно движущимся щупальцам. К счастью, ядовитые скаты были проворнее нас. Они молниеносно исчезали, прежде чем мы успевали различить на песке их крапчатые спины.

Пока мы парили в мерцающем мире переменчивых красок и причудливых созданий, Эльса под чьим-нибудь присмотром отдыхала в манграх возле лагеря. Рыбаки, приметив зверя, подтягивали труссы повыше и обходили его морем. Они не подозревали, что Эльса ничуть не боится воды!

Она охотно гуляла на берегу, ловя кокосовые орехи, принесенные волнами. Иногда мы привязывали орех на веревку и крутили его в воздухе над головой, а Эльса без устали прыгала за ним. Она быстро убедилась, что рыться в песке увлекательно и полезно: чем глубже зарываешься, тем песок прохладнее и влажнее и тем приятнее в нем кататься. Еще она любила волочить длинные космы водорослей и порой столько их наматывала на себя, что становилась похожей на морское чудовище. Но всего потешнее было возиться с крабами. На закате берег кишел этими маленькими розовыми созданиями. Они вылезали из норок и бочком спешили к воде. Волны непрестанно отбрасывали их, но крабики не сдавались и наконец, урвав клочок сочной морской травы, бегом тащили добычу домой. Им и без того приходилось трудно, а тут еще Эльса носилась по берегу и тормозила то одного краба, то другого, невзирая на болезненные щипки. К чести крабов надо сказать, что из всех противников Эльсы, включая слонов, буйволов и носорогов, только они успешно ей противостояли. Станут боком на посту перед норкой, поднимут розовую клешню, и, как бы Эльса ни ловчила, крабы всегда успевали цапнуть ее чувствительный нос.

Прокормить Эльсу становилось все труднее. Сметнув, что выдался хороший случай подзаработать, местные жители запрашивали втридорога за своих коз. Для них настала пора роскошной жизни, но вскоре Эльса наказала спекулянтов. Они не очень-то внимательно присматривали за скотом, козы с утра до вечера бродили в кустар-

нике, оказываясь легкой добычей львов и леопардов. Как-то вечером, когда козам уже давно полагалось спать, мы отправились на пляж. Вдруг Эльса метнулась в кусты. Блеяние... тишина. Видно, она учуяла козу, бросилась на нее и навалилась всей тяжестью. Но ей никогда не приходилось убивать, она просто не знала, как это делается, и, когда мы подошли, попросила помочь. Джордж выстрелом добил козу. Владелец не объявился,— должно быть, решил, что в гибели козы повинен дикий лев. И мы промолчали. А стоило признаться, и к нашему лагерю пригнали бы на соблазн Эльсе всех престарелых коз на многие километры вокруг, чтобы потом потребовать с нас возмещение. Голос своей совести мы заглушили. Ведь как-никак Джордж прикончил самого грозного истребителя коз. А бешеные деньги, которые с нас драли за покупаемых для Эльсы животных?..

Под конец отпуска Джордж заболел малярией. Но он так увлекся подводной охотой, что, наглотавшись лекарств, продолжал вставать ни свет ни заря, и нырять.

Как-то вечером, возвращаясь с Эльсой с прогулки, я услышала в лагере стоны и крики. Заперев львицу в машину, я побежала к палатке. Джордж сидел на стуле в беспамятстве и кричал. Он требовал револьвер, звал меня, проклинал Эльсу, грозил застрелиться. Несмотря на жар, он все же узнал меня, стиснул до боли мне руки и простонал, что теперь, когда я пришла, можно и умереть. Я сильно испугалась. Слуги жались поодаль, а наш гость стоял, не зная, что делать. Он приготовил палку на случай, если Джордж начнет буйствовать.

Они шепотом рассказали мне, что вдруг ни с того ни с сего Джордж принялся размахивать руками, звать меня, искать револьвер. К счастью, я быстро вернулась.

Теперь нужно было уложить Джорджа и успокоить. Мы потащили его на кровать. Он безвольно повис у нас на руках, холодный как лед. Хотя мне было страшно, я старалась говорить с ним ровно, спокойно. Рассказала, как мы гуляли с Эльсой, какую рыбу повар приготовил на обед, какую ракушку я нашла, шутила по поводу его странного поведения. А сама задавала себе вопрос: неужели умрет?

И совсем как ребенок, Джордж успокоился. Только лицо его посерело, нос заострился, глаза закрылись... Он прошептал, что холод ползет у него вдоль ног к сердцу, а руки уже омертвели. Вот встретятся оба ледяных потока у сердца — и конец. Вдруг он с безумным испугом опять вцепился в меня, точно я олицетворяла жизнь. Я влила немного коньяку в пересохший рот Джорджа, погладила его по голове, заговорила о торте, который привезла из Исиоло. Хороший торт, мы съедем его вечером, как только Джордж поднимется на ноги.

Мне было ясно, в чем дело. Джордж принял чересчур много мепакрина да к тому же пошел нырять, не дождавшись, когда это сильное лекарство подействует. Что-то в этом роду уже было с ним несколько лет назад, я сразу узнала симптомы. Под утро Джордж, совершенно измученный, уснул, но до тех пор он перенес еще не-

сколько приступов, во время которых мозг его лихорадочно работал и он бормотал что-то невнятное. Утром я послала за врачом в Ламу. Но тот ничем не смог помочь, только прописал снотворное и заверил Джорджа, что он быстро поправится, если не будет нырять.

Когда Джорджу стало лучше, мы поспешили вернуться в Исиоло. Как всегда, отпуск пролетел слишком быстро. Зато мы привезли домой отличный загар, а шуба Эльсы от частого купания стала совсем шелковистой.

Глава IV

Львы-людоеды

Вскоре после нашего возвращения домой во время одной из прогулок я заметила, что Эльса ходит с трудом, точно у нее болит что-то. Смеркалось, а нам еще предстоял долгий путь по крутым, каменистым склонам, сквозь колючий кустарник. Наконец Эльса и вовсе остановилась. Джордж, решив, что у нее запор, посоветовал сделать ей клизму. Но для этого надо было дойти до дому и съездить в Исиоло за всем необходимым. Джордж вызвался побыть с Эльсой.

Уже стемнело, когда я вернулась с водой, клизмой и фонариком. Но одно дело ставить клизму в кабинете ветеринара и совсем другое — лечить царапающуюся львицу среди колючего кустарника в кромешной тьме.

Мне удалось влить бедняжке пол-литра воды, больше она не позволила. А этого, конечно, было мало, и оставалось только нести львицу.

Я снова сходила домой, взяла раскладушку (вместо носилок), карманные фонари, прихватила шестерых боев и повела отряд к холмам.

Едва мы поставили раскладушку на землю, как Эльса перекатилась на нее и легла лапами вверх. Новый способ передвижения ей явно понравился. Можно было подумать, что ее всю жизнь так носили. Но Эльса весила около восьмидесяти килограммов, и запыхавшиеся потные носильщики вовсе не разделяли ее радости. Каждые пять минут они останавливались, чтобы отдышаться.

А львица преспокойно лежала, даже норовила цапнуть зубами ближайшего носильщика, чтобы поторопить его. Мы измучились, пока добрались домой и вытряхнули Эльсу из носилок — сама она и не думала их покидать.

Оказалось, у нее завелись глисты. Видно, заразилась на берегу моря.

Эльса быстро поправилась. А вскоре после этого случая Джорджу пришлось заняться двумя львами-людоедами, которые за три года убили или ранили двадцать восемь человек из племени боран. О бесчинствах этих хищников рассказывали страшные вещи. Как-то

раз один из них проник вечером в бому* и утащил юношу. Бедняга звал на помощь, но никто не посмел выйти, только две собаки с громким лаем кинулись вслед за львом. Зверь выпустил добычу, отогнал собак, потом вернулся к жертве и уволок ее.

А ведь бораны известны своей отвагой, они до сих пор с одними копытами выходят на львов**.

Бораны и на слонов охотятся, но не ради мяса, а чтобы доказать свое мужество. Когда слон выслежен, молодежь соревнуется, кто первым обогривит его кровью свое копые. Молодой боран не может рассчитывать на успех у девушек, пока не убьет хотя бы одного опасного зверя.

Однако львы-людоеды сумели нагнать страху даже на этих храбрецов. Оба разбойника оказались на редкость смелыми и хитрыми, они прятались от погони в густых зарослях у реки, где невозможно метнуть копые. И, конечно, немалую роль сыграло здесь суеверие. Говорили, будто эти львы, прежде чем выходить за добычей, идут на песчаную прогалину, копают лапами ямки в два ряда и палочками играют в бау (эта древняя игра, напоминающая шашки, распространена во всей Африке). Если все признаки сулили удачу, они нападали на бому, если нет, откладывали вылазку до другого раза. А кто-то уверял, будто эти львы — духи двух «святых», которые давным-давно были убиты боранами и теперь вернулись мстить. Бораны настолько уверовали в это, что пригласили издалека другого «святого», чтобы он прогнал духов. Колдун явился со всем своим реквизитом — книгой, колокольчиком и свечой — и в наград за труды потребовал шестьдесят коз. А львы продолжали безобразничать. В довершение всего Джордж и еще несколько охотников не смогли разделаться с убийцами с первой попытки. Тогда бораны окончательно решили, что это сверхъестественные существа и с ними никто не справится.

Хотя надвигался дождливый сезон, мы были твердо намерены разрушить чары. Однако мы не подозревали, что на это уйдет двадцать четыре дня!

И вот мы в пути. Эльса и я на грузовике, Джордж, молодой офицер и несколько следопытов на лендровере с прицепом. В трех километрах от фактории Мерти и в полукилометре от Васо-Ньи́ро нам попалось хорошее место для лагеря. Мы поставили свои палатки под красивыми акациями недалеко от реки. Местность вокруг просматривалась свободно, а, когда охотишься за людоедами, это очень важно: меньше опасности, что они нападут на лагерь.

Затем мы отправились в Мерти, чтобы узнать последние новости. Фактория состояла из трех глинобитных лагуч с железными крышами.

* Первоначально слово «бома» означало «укрепленное место». Теперь так называют и колониальный пост, и любое огороженное африканское поселение.— *Прим. авт.*

** До наших дней сохранились два древних первобытных вида охоты — с гарпунами на китов на маленьких лодках и охота пигмеев на слонов: воин забирается под брюхо зверя и колет его, потом возвращается к товарищам, и уже все вместе они атакуют слона.— *Прим. авт.*

Лавочки-сомалийцы рассказали нам, что в последние три месяца разбойники людей не трогали, зато все время резали скот. Несколько дней назад они забрались во двор одной лавки и утащили осла. Вот уже месяц с реки чуть не каждую ночь доносится их рычание.

Джордж пригласил вождя и старшин племени и попросил их предупредить всех, живущих у реки, чтобы они известили нас, как только львы опять выйдут на разбой.

Людоеды орудовали в районе, который простирался примерно на восемьдесят километров вдоль Васо-Ньи́ро. Можно было подумать, что они тотчас проведали о нашем появлении. Они отлично чувствовали себя в густых прибрежных зарослях, и им ничего не стоило пройти километров пятьдесят ночью, по холодку, тогда как мы могли преследовать их только днем, продираясь в жару через колючую чащу или шлепая по колено в болотной грязи.

Для начала Джордж отшагал почти шестьдесят километров, прежде чем ему удалось подстрелить зебру. Эту приманку он привязал к большой акации среди зарослей в полутора километрах от лагеря. На нижних ветвях дерева, в трех-четыре метрах от земли, мы соорудили махан — платформу.

Три ночи подряд Джордж и молодой офицер дежурили на платформе. Они слышали, как где-то выше по течению реки рычали львы, но и только. Сидя в лагере, я слышала могучий ночной концерт. Эльса мирно храпела рядом со мной, в машине. Неужели она не подозревает, что ее родичи совсем близко? Просто парадоксально: день и ночь мы охотимся на грозных людоедов, а когда, усталые, возвращаемся домой, то первым делом идем к Эльсе, и ее преданность вознаграждает нас за все испытания. Кли́н клином...

Как бы ни вели себя эти разбойники, я невольно восхищалась ими. Да и Джордж, хотя у него есть все причины ненавидеть их (ему однажды здорово досталось от зверя), считал львов самыми умными среди диких животных и уважал их.

На четвертую ночь, когда он и Джон решили отоспаться в лагере, львы сожрали приманку. Пришлось добывать новую. Снова охотники дежурили три ночи, а днем тщетно пытались выследить убийц. Уставшие охотники опять пришли на одну ночь в лагерь, и опять львы воспользовались случаем. Еще немного — и мы тоже поверим, что это духи святых, а скорее, дьяволов!

Мы изменили тактику, сосредоточив на дневной охоте все усилия. Дважды нам удавалось выследить их в чаще и подойти совсем близко. И оба раза мы слышали, как они уходят, а взять их на мушку не могли. Тяжко в зной согнувшись бродить по туннелям в зарослях, рискуя к тому же столкнуться с носорогом или слоном. Вода в реке заметно прибывала, в горах уже начались дожди. Львы обитали на другом берегу, и надо было поскорее перебираться туда, пока еще позволял брод около Мерти.

Рано утром мы свернули лагерь и подъехали к броду. За ночь вода сильно прибывала. Я воткнула в землю палку для замера, ее быстро затопило. Все же мы решили, что на машинах можно переправиться. Джордж отделил прицеп от «лендровера» и снял ремень

вентилятора, чтобы не забрызгать водой свечи. На малой скорости он благополучно перебрался через реку. Теперь была моя очередь. Эльса, как обычно, сидела в кузове. Бурный поток стремительно нес обломки. На полпути мотор закашлялся и заглох. Мы тщетно пытались завести его. Эльсу я выпустила, она радостно прыгнула в реку и принялась плескаться и ловить плавник, точно все это было затеяно ей на потеху. Она с наслаждением топила мужчин, которые, разгружая машину, ходили по шею в воде. Пришлось посадить ее на привязь. Мы вынесли вещи на берег и попробовали вытащить грузовик «лендровером». Он угрожающе кренился, а цепей, которые у нас были с собой, не хватало. Мы срочно привязали к ним ремни из буйволовой кожи и объединенными усилиями все-таки извлекли грузовик из реки под бурные аплодисменты вездесущих бабуинов.

Волей-неволей надо было разбивать лагерь. Целый день мы сушили имущество. Боеприпасы, одежда, лекарства, книги, провиант, мотор грузовика, запасные части, постели палатки — все отсырело. Эльса никак не могла оторваться от этого натюрморта. Она все ходила, обнюхивала его и недовольно сморщилась, когда ей попался табак.

На другой день река вышла из берегов, и мы перенесли лагерь повыше. Всю следующую ночь лил дождь, грозя положить конец нашей охоте. Все таки мы решили подыскать дерево, на котором можно было бы соорудить махан. Буш на этой стороне был низкорослый, и нам пришлось довольствоваться небольшим деревом мсваки. Его высота только-только позволяла устроиться вне досягаемости голодного льва. Джордж убил зебру и привязал ее к стволу. Едва стемнело, он вместе с Джоном вскарабкался на платформу. Возможно, львы чувствовали, что наш махан, сколоченный на высоте всего двух с половиной метров от земли, не очень-то надежен, так как через часок охотники услышали рычание обоих разбойников. Один подал голос от брода, до которого было с полкилометра, второй — с другого берега. Первый лев рычал все громче и громче, он явно был в ударе, от его могучего голоса дрожала платформа. Вдруг Джордж уловил характерные звуки: хищник рвал тушу. Но в крошечной тьме охотники ничего не могли разглядеть. Подождав, пока лев войдет во вкус трапезы, Джон включил фонарик и увидел зверя. Он лежал спиной к охотникам, зарывшись головой в тушу зебры. Неудобная мишень... Но тут лев, потревоженный светом, повернул голову в их сторону.

Джордж выстрелил, целясь в шею. Лев рывкнул, подпрыгнул и бросился наутек, издавая горловые звуки. Он был серьезно ранен. Джордж не сомневался, что утром мы найдем в буше мертвого льва. Как только рассвело, из лагеря пришли два следопыта, и все вместе двинулись по следу. Пятна крови исчезали в прибрежной чаще.

Но если лев еще жив, преследовать его опасно... Охотники шли очень медленно, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Вдруг раздалось рычание, и Джордж приметил в зарослях двух львов, которые тотчас обратились в бегство. Похоже, товарищи соединились... Теперь держи ухо востро, ведь подраненный лев

не замедлит напасть. Кровавые пятна почти исчезли, а в сумраке буша трудно было отыскать отпечатки лап. Охотники остановились, разглядывая почву. Вдруг один из следопытов хлопнул Джорджа по плечу и кивнул назад. В пятнадцати метрах от них из-за куста показалась львиная голова. Джордж выстрелил и попал льву в переносицу. Это был крупный самец — два метра восемьдесят пять сантиметров от носа до кончика хвоста. Судя по всему, тот самый, которого они подранили ночью, так как в затылке у него было два пулевых отверстия. Второй лев, видимо, перебрался на другой берег. Джордж услышал плеск воды сразу после выстрела.

Отыскав охотников, я не могла не выразить Джорджу своего восхищения. Не очень-то приятно идти за раненым людоедом по таким зарослям... Мы уже охотились три недели и не щадили себя, стараясь выследить желтых разбойников, но до этой минуты я даже мельком их не видела. Теперь богатырь был повержен, лапы, отпечатки которых мы уже хорошо знали, безжизненно поникли. Ему было лет восемь, самый расцвет. Хорошо, конечно, что один людоед обезврежен, но почему-то победа над великолепным зверем нас не обрадовала. Со льва сняли шкуру. Я сфотографировала его сердце, оно было величиной с детскую голову. Мне стало ясно, почему мне всегда казалось, что в груди Эльсы стучит мощный мотор.

На следующий день Джордж и Джон снова отправились дежурить на махане. Они надеялись подстеречь второго людоеда, но не дождались его и только промокли насквозь. Правда, с того берега кто-то подавал голос.

Река сильно разлилась, переправиться на машинах было невозможно, вплавь тоже нельзя из-за крокодилов. Тогда Джордж сматерил из раскладушки лодку. Получилось неплохо, только лодка не могла выдержать больше одного человека. Джордж пересек реку и дошел до Мерти. Весть о победе над людоедом всех обрадовала. Убедившись, что разбойники уязвимы, бораны тотчас вызвались помочь выследить второго. По пути в Мерти Джордж видел свежие следы львицы. Не она ли рычала ночью? Он уже сомневался, что убил того самого льва, которого перед тем подранил. Может быть, разрывная пуля прошла насквозь и отверстия в затылке пробиты осколками? Но тогда раненый лев бродит на том берегу, где мы разбили второй лагерь.

На обратном пути Джордж встретил у брода шестерых молодых воинов с копьями. Они хотели участвовать в охоте. Он попросил их прийти на следующий день и захватить своих лучших собак. Наутро мы встретились с ними, как было условлено. Но что за жалких псов они привели с собой? Правда, воины уверяли, что эти собаки бесстрашные, не боятся львов.

И вот мы снова идем по бушу. Джордж вскоре заметил, что собаки, как их не подгоняют владельцы, не очень-то рвутся вперед. Ну конечно же! Вот вожак, поджав хвост, вернулся назад, и за ним вся свора. Сейчас раздастся рев, и лев ринется в атаку... Но рычания мы не услышали, зато возбужденно затыкали бабуины. Это верный признак, что поблизости опасность — лев или леопард.

Немного выждав, мы двинулись дальше. Джордж пригнулся, нырнул под ветку и заметил светлое пятно! За колючим кустарником, приготовившись к прыжку, лежал лев. Джордж уже прицелился, но в это время услышал жужжание мух: зверь был мертв. Пуля, которую он выпустил ночью, пробила насквозь горло льва и, видимо, разорвала яремную вену. Лев был настоящий красавец, правда, поменьше первого — около двух метров семидесяти сантиметров. Хотя он и натворил немало бед, я смотрела на него с почтением.

Оба убитых нами льва были в расцвете сил. Никаких недугов, которые оправдывали бы их людоедство. А ведь чаще всего львы становятся людоедами из-за какого-нибудь физического изъяна. То ли они ранены стрелой, то ли пострадали от капкана, то ли зубы у них плохие, или же в лапах застряли иглы дикобраза. И престарелые животные тоже иногда отдают предпочтение менее прыткой добыче.

Но бывают исключения, когда можно лишь гадать, что побудило льва охотиться на людей. Может быть, беспечность местных жителей, которые часто спят под открытым небом у загона, куда на ночь помещают скот? Представьте себе голодного льва, который готов пробиться за добычей сквозь колючую изгородь и вдруг видит у ограды спящего человека. Мудрено ли, если он не устоит против соблазна? Случайность кладет начало привычке, и появляется еще один людоед. А у родителей учатся львята, так что эта черта может передаваться из поколения в поколение. Не по наследству, конечно, а в силу примера.

Мы выполнили свою задачу, и бораны теперь могли не бояться «духов». Хотя, кто поручится, что у пристреленных львов не найдется бойких потомков? Оставалось надеяться, что дети не пойдут по стопам родителей*.

Глава V

Сафари у озера Рудольф

Эльсе было уже полтора года, когда я впервые заметила, что от нее порой распространяется резкий запах. Вместе с мочой она оставляла выделения двух так называемых анальных желез, которые расположены под самым хвостом. И хотя это был ее собственный запах, Эльса гримасничала, нюхая его.

Как-то во время одной прогулки нам встретилось стадо антилоп канн. Эльса тотчас стала подкрадываться к ним. Крупные животные паслись на крутом откосе, в стаде было много телят. Одна антилопа загородила путь Эльсе и, чтобы отвлечь ее, затеяла в кустах игру. Так продолжалось, пока стадо не ушло за пригорок.

* К сожалению, вскоре оказалось, что мы надеялись напрасно.— *Прим. авт.*

Тогда антилопа галопом умчалась прочь, и бедняжка Эльса осталась в дураках.

Помню еще один забавный пример «звериной стратегии». Мы пошли с Эльсой на пригорок за домом, и я увидела внизу пасущихся слонов со слонятами, штук восемьдесят. Львица тоже их приметила. Не успела я крикнуть «нельзя», как она ринулась вниз по склону. Потом спохватилась и начала осторожно красться к стаду.

Ближе всего к ней была слониха с маленьким слоненком. Эльса кралась очень искусно, но мамаша тотчас смекнула, в чем дело. Мы испугались: сейчас пойдет в атаку! К нашему удивлению, слониха ограничилась тем, что закрыла слоненка собой и стала потихоньку подталкивать его к другим слонам. Тогда Эльса незаметно подобралась к двум самцам. Но они отнеслись к ней равнодушно. Третья группа, к которой она подкралась почти вплотную, тоже не захотела играть с нею. Солнце было уже совсем низко. Мы окликнули Эльсу, но она даже ухом не повела. Мы решили идти домой без нее,— может, и не натворит глупостей.

Я зашла в ее загон и села там с книгой, но никак не могла сосредоточиться. И все сильнее волновалась, мне рисовались всевозможные ужасы. Но что делать? Если держать Эльсу на привязи во время слоновьего нашествия, она может рассердиться, станет раздражительной, потом с нею и вовсе не сладить. Пусть уж сама научится знать свой шесток, поймет, где кончается веселье и где начинается опасность в игре с великанами животного мира. Может быть, так у нее скорее пропадет интерес к ним.

Прошло три часа. Ей давно пора быть дома. Наверное, случилась беда... И вдруг послышалось знакомое «хнк, хнк». Эльса! Ей очень хотелось пить, но, прежде чем идти к миске с водой, она облизала мне лицо и пососала мои большие пальцы, чтобы показать, как она рада видеть меня. От нее пахло слонами. Наверное очень близко подбиралась к ним да еще вывалилась в помете. Она шлепнулась на землю, видно сильно устала... Чувство смирения овладело мной: мой друг вернулся из мира, который мне совершенно недоступен, и относится она ко мне с прежней нежностью. Догадывалась ли Эльса, что представляет собой своеобразное звено между двумя мирами?

Из всех животных ей, бесспорно, больше всего нравились жирафы. Она могла подкрадываться к ним часами пока эта игра не приедалась обоим сторонам. Посидит, подождет немного — и вот они уже снова подходят к ней. Длинные, тонкие шеи вопросительно изогнуты, крупные печальные глаза устремлены на львицу. Потом, жуя свои любимые стручки акации, не спеша удаляются. Но иногда Эльса преследовала их по-настоящему. Приметит и, прижавшись к земле, заходит так, чтобы ветер не выдал ее запаха. Каждый мускул предельно напряжен... Обойдет тихонько стадо и гонит его на нас, ожидая, что мы из засады откроем огонь по дичи, которую она так ловко обманула.

Занимали ее и другие животные. Однажды во время прогулки Эльса стала принюхиваться и вдруг бросилась в кустарник. Шум, топот, фыркание. Все ближние и ближе! Мы едва успели отскочить в

сторону, когда из зарослей выскочил бородавочник*. Он тут же снова нырнул в чащу. Эльса за ним по пятам. Мы долго слышали, как трещат кусты. Я даже испугалась за Эльсу. Ведь у бородавочника большие и грозные клыки. Наконец она вернулась и стала тереться головой о мои колени, рассказывая, как весело было ей играть.

Следующие сафари мы задумали к озеру Рудольф. Его солоноватые воды простерлись на триста километров, заходя на севере в Эфиопию. Путешествие должно было длиться семь недель. Почти все время мы шли пешком, вещи были на ослах и мулах. Эльсе впервые предстояло совершить такой переход в обществе четвероногих. Хотя бы они поладили между собой!

Отряд был довольно большой: мы с Джорджем, инспектор Джулиан из соседней области, Герберт, который опять гостил у нас, следопыты, шоферы, бои, шесть овец для Эльсы, тридцать пять ослов и мулов. Караван с выюками был отправлен заблаговременно, тремя неделями раньше. Первый этап, примерно в пятьсот километров, мы проехали на машинах. Получилась целая колонна: два «лендровера», мой грузовик с Эльсой, а также две трехтонки для перевозки людей, продуктов, горючего и восьмидесяти галлонов воды.

Первые триста километров пути пролегали по широкой и пыльной пустыне Каисут. Затем мы поднялись на склоны вулкана Марсабит, возвышающегося над пустыней на полторы тысячи метров. Густой мшистый лес, нередко окутанный облаками, был приятным контрастом со знойной, сухой равниной. Марсабит — подлинный рай для животных. Обитают тут носороги, буйволы, большой куду, львы и множество других животных. А здешние слоны известны лучшей во всей Африке слоновой костью.

На Марсабите расположен последний правительственный пост, дальше простирается необитаемый край, лишенный связи с внешним миром. Кругом лишь вулканические гряды да песчаные ложбины... Мы ехали в общем без происшествий, только один раз моя машина чуть не развалилась. Соскочило заднее колесо, пришлось чинить. На починку ушло несколько часов. Бедная Эльса! Все это время она сидела в кузове, только там можно было укрыться от палящего солнца. Но она вела себя очень смирно.

Скверная дорога привела нас в горы Хури на границе с Эфиопией. Растительность здесь очень скудная. Хотя эти горы и выше Марсабита, они получают гораздо меньше влаги. Сильный ветер бушует на их безлесных склонах. Эльса никак не могла привыкнуть к такой погоде. Ночи она проводила в машине, защищенная от холода брезентом.

Джорджу нужно было проверить, как здесь обстоят дела с дичью,

* Бородавочник (*Phacochoerus africanus*) — наиболее распространенный в Африке представитель семейства свиней. Свое название получил из-за многочисленных утолщений кожи, напоминающих бородавки. Ведет ночной образ жизни, днем прячется в довольно глубоких норах, вырытых другими животными.

не занимаются ли габба браконьерством. Мы провели в горах Хури несколько дней, потом двинулись на запад. Мрачный, пустынный вулканический ландшафт... Машины тряслись на камнях, буксовали в песке сухих русел, петляли между каменными глыбами. Но вот мы пробились к пустыне Чалби, протянувшейся на сто тридцать километров. В прошлом здесь было озеро, теперь по его гладкому, твердому дну можно мчаться на полной скорости. В пустыне часты миражи: вдруг вдали возникают озера с пальмами по берегам и идущие прямо по воде газели ростом со слона. Край нещадного зноя и жажды...

В западной части пустыни Чалби лежит оазис Норт-Хорр. Там есть полицейский пост, и туда приходят на водопой тысячи верблюдов, овец и коз, принадлежащих племени рендилл. Никаких дел в Норт-Хорре у нас не было, мы лишь пополнили запасы воды и сразу двинулись дальше.

Наконец после трехсот семидесяти километров основательной тряски мы достигли оазиса Лойонгалан — несколько источников, окруженных пальмами дум, в трех километрах от южной оконечности озера Рудольф. Тут мы встретили наших осликов. Когда Эльсу привезли к озеру, она тотчас же бросилась в воду, словно спеша смыть усталость, и очутилась в обществе крокодилов, которых здесь великое множество. К счастью, они вели себя спокойно, но на всякий случай мы постарались отогнать их. Эти узловатые чучела маячили у самого берега на всем нашем пути вдоль озера, отбивая у нас всякую охоту купаться.

В Лойонгалане мы устроили базовый лагерь. Три дня у нас ушло на починку сбруи и укладку व्यюков. На каждого осла приходилось по два व्यюка весом по двадцать — двадцать пять килограммов. Наконец все было готово. Восемнадцать ослов несли на себе провиант и лагерное снаряжение, четыре — канистры с водой. Еще пять ослов мы держали в запасе, а для тех, кто устанет или заболеет, был верховой мул. Меня очень заботило, как Эльса отнесется к ослам. Поначалу она наблюдала за сборами без особого интереса, но, когда мы начали прилаживать व्यюки, пришлось ее привязать. Уж очень ее возбудило зрелище такого количества чудесного мяса, которое кричало дурными голосами, брыкалось и каталось по песку, тщетно сияясь сбросить нежеланную ношу.

Основная часть отряда вышла утром. Мы с Эльсой отправились в путь под вечер, когда спала жара. Дорога шла вдоль берега озера. Эльса резвилась, как щенок, бегая от одного к другому. То вспугивала стаю фламинго, то приносила подстреленную нами утку, то прыгала на озеро и купалась под бдительным надзором кого-нибудь из нас. Когда нам встретился караван верблюдов, я взяла Эльсу на поводок. Львица возмущалась и чуть не вырвала мне руку из плеча, так ей хотелось познакомиться поближе с невиданными животными. Но мне-то вовсе не улыбалось увидеть, как насмерть перепуганные верблюды будут сбивать друг друга с ног. Да и Эльсе может не понравиться в такой катавасии. К счастью, это была единственная встреча.

Уже стемнело, когда мы увидели на берегу озера лагерные

костры. Я снова взяла Эльсу на поводок, боясь, как бы она не затеяла погоню за ослами. Палатки были уже поставлены, обед приготовлен. После обеда мы условились, что отряд с львицей (Джордж, Нуру, один проводник и я) каждый день будет выходить с утра пораньше, пока остальные сворачивают лагерь и выючат ослов. Таким образом, мы захватывали самые прохладные часы и могли вести Эльсу без поводка. В половине десятого мы высматривали тенистое местечко, чтобы переждать жару, да и ослам не вредно было попастись. Львицу, разумеется, привязывали, как только ослы подходили к привалу. Во второй половине дня все делалось наоборот: караван выходил на два часа раньше нас и проводники еще дотемна разбивали лагерь.

Такой порядок мы соблюдали до конца сафари. Это было очень удобно, так как днем Эльса и ослы не встречались, если не считать полуденного привала, когда мы ее, сонную, держали на привязи. Постепенно они вообще привыкли друг к другу, и Эльса поняла, что ко всем участникам сафари надо относиться терпимо. До девяти утра львица шагала очень бодро. Но как только становилось жарко, ее манила тень кустов или больших камней. Во второй половине дня, часов до пяти, ее трудно было поднять с места, зато потом она могла идти хоть всю ночь. В среднем она шла по семи-восьми часов в день и чувствовала себя отлично. Эльса старалась почаще освежаться в озере, плавая порой в двух-трех метрах от крокодилов. Сколько я ни кричала и ни махала ей, она выходила из воды только тогда, когда ей самой заблагорассудится. К месту привала мы прибывали к восьми-деяти вечера. Иногда передовой отряд пускал сигнальные ракеты, чтобы нам легче было найти его.

На второй день мы миновали последнее поселение. Это была рыбацкая деревушка племени моло, где обитало около восьмидесяти душ. Питались они почти одной рыбой, разве что иногда отведают мяса крокодила или бегемота. Из-за плохого питания и браков между родственниками здесь распространен рахит и заметны признаки физического вырождения. У всех моло скверные зубы и десны, но в этом повинно, скорее всего, не питание, а обилие соды и других солей в озерной воде. Люди тут радушные, щедрые, они непременно встречают гостей подарком — свежей рыбой. Ловят ее сетями из волокна пальмы дум, такое волокно не боится щелочей. Крокодилов, бегемотов и огромного нильского окуня (он весит до ста килограммов) бьют копьями с примитивных плотов в три пальмовых ствола. Отталкиваясь шестью, рыбаки плывут по отмелям и далеко от берега не уходят. Здесь часты мощные шквалы скоростью до ста пятидесяти километров в час. Они могут привести непривычного человека в отчаяние. Во время шквала невозможно поставить палатку. Ветер сбрасывает еду с тарелок, даже попробовать не успеешь, или заносит ее слоем песка, так что в рот не возьмешь. Песок засоряет глаза, нос, рот, порывы ветра раскачивают раскладушку, не давая уснуть. Зато когда озеро Рудольф спокойно, оно обладает особым очарованием. Но как об этом рассказать? Просто вас тянет туда снова и снова.

Десять дней мы шли вдоль берега. Местность мрачная, сплошная застывшая лава, только разная по плотности: то пыль вроде пепла, то камни, такие острые, что ступать больно. Местами встречался глубокий песок, и каждый шаг стоил огромного труда. А затем галька, гравий... И все время дул жаркий ветер, от которого звенело в голове. Растительность скудная, реденькие колючие кустарники да жесткая трава, острая, как бритва.

Оберегая лапы Эльсы, я смазывала их жиром. Она как будто понимала, что это нужно, и была очень довольна. Во время дневного привала я отдыхала на раскладушке. Все-таки мягче, чем на гальке. Эльса разделяла мое мнение и мое ложе. Места мне оставалось маловато, и иногда я даже сидела на земле, уступая Эльсе всю кровать. Но чаще всего мы все-таки ютились вместе. Только бы брезент не лопнул от такой тяжести...

Во время длинных переходов Нуру нес воду и миску для Эльсы. Ужинала она около девяти вечера, потом ложилась спать по соседству с моей кроватью, на привязи.

Как-то вечером мы заблудились и пришли в лагерь поздно ночью. Эльса выглядела совсем разбитой, и я не привязала ее. Вдруг она вскочила и мигом прорвалась сквозь колючую ограду в загон для ослов. Шум, гам, переполох. Не успели мы опомниться, как все ослы разбежались. Хорошо еще, что удалось поймать Эльсу. Наказала я ее строго. Кажется, она поняла, что заслужила трепку, вид у нее был виноватый. Хотя вообще-то спрашивать надо было с меня, ведь я недооценила ее врожденного инстинкта, не подумала, каким соблазном должен быть для нее запах табуна, особенно в то время суток, когда дикие звери выходят на охоту.

К счастью, только одному ослу достались царапины, да и то неглубокие. Я взялась за лечение, и раны у него быстро зажили. Но случай этот послужил мне уроком: никогда не спускать глаз с Эльсы.

В озере было много рыбы, Джордж и Джулиан снабжали нас великолепным тилапия, который водится только здесь. Его можно ловить на крючок или глушить из ружья. А следопытам больше нравился безобразный на вид скат. Они били его на мелководье палками или камнями. Эльса охотно участвовала в этой затее, иногда вызывалась поднести улов, но тотчас бросала его, морща нос. Один раз Нуру настолько увлекся, что, не жалея сил, стукнул рыбу прикладом своего ружья. Приклад разбился, а ствол согнулся под прямым углом. Нуру несколько не огорчился, главным для него был улов. Джордж сделал ему выговор и в ответ услышал:

— Ну ничего, бог скоро пошлет вам новое ружье.

Но Эльса, видимо, решила наказать Нуру. Схватила сандалии, которые он оставил на берегу, и убежала. Забавно было смотреть, как они стараются перехитрить друг друга. Когда сандалии вернулись к владельцу, вид у них был жалкий.

Чтобы выйти к заливу Алиа на севере, нам надо было пересечь хребет Лонгондоти. Горы эти обрываются прямо в воду, пришлось послать тяжело груженный караван в обход. Сами мы с львицей

пробирались по скалам вдоль берега и забрели в такой угол, что казалось, дальше пути нет. Перед Эльсой стоял выбор: прыгать со скользкой пятиметровой скалы на мелководье вниз или спускаться по каменной плите в пенистый прибой. Глубина здесь была небольшая, утонуть нельзя, но из-за пены было страшно, и Эльса не могла решиться. Она проверила все карнизы, долго топталась на уступе, наконец храбро прыгнула в волны и, подбадриваемая нами, быстро выбралась на берег. Эльса очень радовалась собственной отваге и гордилась, что не подвела нас.

Почти все время мы пили солоноватую озерную воду и в ней же варили пищу. Эта вода безвредна, ею хорошо мыться, даже мыла не надо, однако она придавала неприятный вкус всей еде. Но у подножия гряды Моити нас ждал подарок: пресный источник.

Насколько нам было известно, до нас никто из европейцев не проходил вдоль западного подножия этой гряды. Немногие путешественники, которые здесь побывали, всегда шли восточнее. На десятый день после выхода из Лойонгалана мы разбили лагерь у северной оконечности Моити. Как обычно, вперед выслали следопытов разведать местность и проверить, нет ли браконьеров. Они вернулись под вечер и рассказали, что видели много лодок с людьми. В этих местах хорошие лодки-долбенки есть только у галубба. Это воинственные люди, которые приходят из Эфиопии с немирными намерениями. Замеченный нашими следопытами отряд, видимо, собрался в набег или же занимался браконьерством. Во всяком случае, они вторглись на чужую землю. Мы с Эльсой остались в лагере под защитой четверых вооруженных мужчин, все остальные пошли на разведку.

С горы открывался вид на залив. У самого берега разведчики заметили три лодки, в которых сидели двенадцать человек и гребли в сторону нашего лагеря. Но и галуба их заметили. Когда отряд Джорджа спустился к озеру, лодки уже отошли метров на двести, направляясь к маленькому островку. Огнестрельного оружия у нарушителей как будто не было. Но может быть, оно спрятано на дне лодки? В бинокль Джордж насчитал на островке не менее сорока человек, а на берегу лежало несколько долбленок. Вот и эти три причалили к острову, началось оживленное совещание. Попасть на остров без лодки Джордж не мог, поэтому отряд возвратился в лагерь. Мы собрали свое имущество и спустились к заливу — все-таки ближе к островку. На ночь выставили усиленный караул и спали с ружьями наготове. А на рассвете увидели, что остров пуст. Очевидно, мы не понравились галубба, и они, несмотря на сильный ветер, ушли с острова под покровом темноты. На всякий случай Джордж разослал вдоль берега несколько патрулей. Вскоре после восхода солнца на остров слетелись грифы и марабу. Похоже, галубба все-таки успели, нарушая запрет, убить нескольких бегемотов. И теперь птицы пировали.

Около одиннадцати часов из густого камыша южнее нашего лагеря вдруг выскочили две лодки. Джордж выстрелил раз-другой для отрастки, и лодки тотчас повернули обратно. Он послал следопытов, чтобы отыскать их и вступить в переговоры. Но браконьеры

ушли еще дальше в камыши. Время от времени они выглядывали из зарослей, проверяя, здесь ли мы еще. Судя по всему там укрылись четыре лодки, отрезанные от главных сил. Поймать их мы не могли, и Джордж решил заставить нарушителей уйти домой. Как только стемнело, он выпустил сигнальные ракеты.

Наши запасы подошли к концу, пора было возвращаться. Первая половина этого сафари была чистым раем по сравнению со второй. До сих пор озеро щедро снабжало нас водой, а назад мы пошли другим путем, немного восточнее. Гоите, наш проводник из племени турканов, чувствовал себя здесь не очень уверенно, но главное — нельзя было рассчитывать, что у нас всегда будет вода. В засушливое время года в этом районе от одного источника до другого слишком далеко. Джордж надеялся, что мы нигде не будем дальше одного дневного перехода от озера и в самом крайнем случае можем свернуть к нему.

Теперь мы были лишены прохладного озерного ветерка, и порой мне казалось, что зной совсем иссушит меня. Местность стала еще более безотрадной, сплошная лава, почти никакой дичи, а людей и вовсе нет. Хорошо, что мы закупили в Лойонгалане овец для Эльсы. Их уже заметно поубавилось, но все-таки Эльса пока не знала горя. Зато люди все без исключения сбросили лишний вес. Продвигались мы быстро, так как вьюки стали намного легче, а отсутствие воды заставляло делать большие переходы.

На девятнадцатый день мы вернулись в Лойонгалан и убедились, что наши люди, оставшиеся в базовом лагере, не теряли времени зря. Они поймали на месте преступления четверых браконьеров из племени турканов. Старший из пойманных радостно приветствовал Джорджа и напомнил, что тот десять лет назад уже ловил его, даже отправил в тюрьму в Марсабите. Ему там очень понравилось. Правда он почему-то не рвался туда снова. Джордж пожалел старика и не стал строго наказывать его.

Из Лойонгалана наши мужчины отправились за покупками в Норт Хорр. Там были три сомалийские лавки. В полицейском участке Джордж узнал, что между Лойонгаланом и Норт-Хорром видели восьмерых браконьеров. Они ехали верхом, и у них были ружья. Сюда нередко наведываются бораны из Эфиопии. На лошадках, которые приучены по четыре-пять дней обходиться без воды, они загоняют и убивают жирафов. По эту сторону границы бораны могут рассчитывать на помощь своих кенийских соплеменников, которые предупреждают их, когда появляются патрули. Но на этот раз патруль на верблюдах выследил нарушителей и застиг их врасплох. Ранен был один браконьер и захвачено семь коней.

Три дня мы отдыхали в Лойонгалане, чинили сбрую, приводили в порядок снаряжение и готовились ко второй части сафари — восхождению на гору Кулал, которая поднимается почти на две тысячи триста метров над пустыней, в тридцати километрах к востоку от озера Рудольф. Вершина перехватывает влажные муссоны и покрыта густым лесом. Вулканический массив протянулся на сорок пять километров, поперечник кратера достигает около шести с поло-

виной километров. Кратер расколот надвое — на южную и северную половины. Считают, что Кулан был разрушен землетрясением уже после прекращения вулканической деятельности. Стены расселины изборождены трещинами и напоминают дольки апельсина высотой до тысячи метров. В глубь горы уходит невидимое сверху ущелье Иль-Сигата. Зажатое стенками стометровой высоты, оно местами настолько узко, что неба почти не видно. Мы хотели исследовать его и отыскали единственный доступный вход у восточного подножия Кулала. Но громадные обломки и заполненные водой провалы скоро вынудили нас отступить.

Чтобы как следует осмотреть Кулал, надо взобраться по склону на вершину, спуститься в кратер и по второму склону снова подняться вверх.

Джордж побывал в этих местах двенадцать лет назад. Теперь мы хотели проверить, сохраняются ли здесь стада животных, или браконьеры выбивают их. Нас особенно интересовал большой куду.

Снизу Кулал не кажется внушительным. Пологая гряда, к вершине ведут широкие гребни. Но вверх гребни сужались настолько, что мы с трудом проводили наш караван.

Сначала путь пролегал по хаосу лавовых глыб и оказался очень тяжелым для вьючных ослов. Но на гребнях местами было еще хуже, приходилось снимать часть груза с животных и нести на себе.

К концу второго дня было пройдено две трети пути. Мы разбили лагерь в крутом каменистом ущелье, возле источника, из которого могло пить только одно животное. Понадобился не один час, чтобы напоить всех ослов. На Кулале мало воды, так что этот источник очень важен для скотоводов из племени самбуру, которые в засушливое время года пригоняют сюда свой скот.

Могу вообразить, каким соблазном были для Эльсы все эти верблюды, коровы, овцы и козы. Но она была умницей и вела себя смирно, даже когда животные проходили в нескольких метрах от нее. На всякий случай мы держали ее на привязи, хотя она ни на кого не бросалась, только мечтала уйти куда-нибудь от всей этой пыли и гама.

Дальше подъем становился совсем крутым, а климат почти арктическим. Мы переваливали через гребни, пересекали лощины, пробирались вдоль обрывов. Деревья сменились кустарником, кусты — великолепной альпийской флорой.

Утром третьего дня мы ступили на вершину Кулала и облегченно вздохнули. Подъем кончился. Лагерь разбили на чудесной лужайке. Вот только воду в источнике замутил скот. Самбуру очень удивились, когда увидели в нашем отряде почти взрослого льва.

В кущах под самой вершиной по утрам собирался туман, и мы разжигали большие костры, чтобы согреться. По ночам бывало настолько холодно, что я держала Эльсу в палатке на ложе из мха, укрывая ее самым теплым одеялом. Спать мне почти не приходилось нужно было следить за своим «ребенком», который поминутно сбрасывал одеяло и начинал дрожать от холода. Эльса благодарно ли-

зала мне руку. Не было случая, чтобы она попыталась вырваться из палатки, напротив, утром она подолгу отсиживалась в своем уютном убежище, выжидая, когда прекратится ветер и рассеется туман. Зато стоило солнцу прогнать сырую мглу, как львица оживлялась и выходила на бодрящий горный воздух. Ей тут очень нравилось. Мягкая, прохладная почва, тенистый лесок, вдоволь буйволиного помета, на котором можно кататься...

Благодаря большой высоте и тени даже в самую жаркую пору дня здесь было легко ходить, и мы брали Эльсу с собой. Она смотрела на парящих в поднебесье орлов, возмущалась воронами, которые подлетали к ней, чтобы подразнить, а один раз устроила погоню за буйволом. У Эльсы было великолепное обоняние, отличное зрение и слух, она находила путь даже в самых густых зарослях.

Как-то мы шли по следам передового отряда, который выступил раньше нас. Эльса устраивала засаду в кустах и «нападала». Вдруг мы услышали протяжные крики. Из чащи вырвался осел, преследуемый Эльсой, которая безжалостно колотила его. К счастью, густые заросли мешали им быстро двигаться, мы догнали Эльсу и как следует ей всыпали. Прежде она никогда не позволяла себе ничего подобного. А я-то так гордилась тем, что она всегда слушается, когда ей запрещают нападать на животных. Виноватых было двое. Я неосторожно спустила Эльсу с поводка, а погонщик ослов не уследил за своим караваном. Как раз в этот день ослы, когда их вьючили, очень вызывающе вели себя, ходили у львицы под самым носом. Не удивительно, что она не удержалась от соблазна поколотить отставшего бродягу, когда он нечаянно попался ей на пути. После взбучки она долго извинялась, задабривала нас всякими трюками, и вскоре я уже готова была простить ее, тем более что пострадал старый осел, который давно всем нам опостылел своим упрямством.

Мы вышли на край кратера, делящего гору на две половины. До северного гребня каких-нибудь шесть километров, а идти надо не меньше двух дней. Я с ужасом смотрела, как Эльса небрежно ходит по самому краю тысячеметровой пропасти. Похоже, что животные не знают страха высоты.

На следующий день мы спустились к входу в Иль-Сигата и разбили лагерь. До вечера мимо нас прошли тысячи верблюдов, коз и овец. Рослые пастухи из племени рендилл гнали скот к источникам в ущелье. Следом женщины вели цепочку связанных верблюдов, нагруженных плетеными бурдюками вместимостью около шести галлонов каждый.

Мы вошли в ущелье, ведущее в самое сердце горы. По его дну тянулось сухое русло, стиснутое головокружительными кручами. Отвесные стены вздымались на четыреста пятьдесят метров. Местами ущелье было так узко, что двум нагруженным верблюдам не разойтись. Сверху в него почти не проникал свет. В том месте, где вытекает тонкая струйка воды и, становясь ручейком, соединяет цепочку заводей, собирался скот. Но мы пошли дальше, пока путь нам не прегради-

ла десятиметровая стена. Герберт (он был альпинистом) сумел одолеть преграду и увидел вторую стену...

Иль-Сигата — излюбленное прибежище браконьеров. У водопада очень удобно устраивать засаду. Здесь все пути к отступлению отрезаны, и животное обречено.

От Иль-Сигата до северной вершины мы дошли за полтора дня. Здесь было еще больше скота и пастухов самбуру, так что нам пришлось ограничить свободу передвижения Эльсы.

Дикие животные встречались редко. Прежде тут было много буйволов, но в последние шесть лет на северной стороне их совсем не видели. Большой куду нам не попался ни разу, хотя кое-где мы обнаружили его следы. Джордж считал, что тут повинен скот, который уничтожает весь подножный корм, обнажая склоны гор.

Спуск по острым камням к Лойонгалану достался нам очень трудно. Мы то и дело летели кубарем, и нас не мог утешить даже изумительный вид на простершееся далеко внизу озеро Рудольф. В лучах заходящего солнца его гладь переливалась свинцом на фоне сине-лиловых гор и оранжевого неба.

А Эльса непрерывно оглядывалась на Кулал с его тенистым лесом и рвалась назад. Пришлось вести ее на поводке.

Вечером мы заблудились. Эльса старалась нам показать, как она устала. Пройдет несколько метров и ляжет. Хотя Эльса была уже почти взрослой, у нее осталась привычка в трудную минуту сосать мой большой палец. Но вот темное небо прочертили следы трассирующих пуль — это авангард подавал нам сигналы. Наконец мы вышли к лагерю. Эльса от усталости отказалась есть и все время лгнула ко мне. Мне тоже кусок не шел в горло. Могу представить, как трудно ей было идти. Попробуйте объяснить львице, зачем нужно карабкаться через острые глыбы ночью. Только любовь и доверие к нам могли заставить ее идти дальше.

Несмотря на все лишения сафари, во время которого ей пришлось пройти почти пятьсот километров, Эльса еще сильнее привязалась к нам. Зная, что ее любят и не дадут в обиду, она была счастлива. Чувство ответственности за это гордое, умное животное, которое обратило на нас всю свою преданность и стадный инстинкт, укрепляло нашу любовь к Эльсе. Конечно, она сама того не ведая, порой причиняла нам немало хлопот. Мы не могли никому поручить ее, а потому очутились как бы в плену у львицы. Но она сторицей вознаграждала нас за все хлопоты. Было трогательно наблюдать, как Эльса старается обуздать свои инстинкты и приспособиться к нашему образу жизни, чтобы доставить нам удовольствие.

Дружелюбие Эльсы объяснялось, конечно, в первую очередь ее врожденным правом, но большое значение имело и наше обращение с нею. Мы никогда не прибегали ни к насилию, ни к обману, чтобы побудить ее сделать что-либо, и старались только добром помочь ей одолеть барьеры, разделяющие наши миры.

Пока льву хватает дичи, он редко совершает длинные переходы. Если бы Эльса жила среди себе подобных, ей бы никогда не приш-

лось столько повидать. Но она помнила свой дом, и, когда мы приезжали из очередного сафари, тотчас возвращалась к привычному образу жизни.

Глава VI

Эльса и дикие львы

Эльса — обаятельное существо. Всякий раз она непременно устраивает нам торжественную встречу, как бы коротка ни была наша разлука. Подойдет к каждому, потрется головой, помаякает. Сперва ко мне, потом к Джорджу, наконец к Нуру. Если мы кого-то приводим с собой, она и к гостю приласкется, тотчас улавливая, кому пришлась по душе. К тем, кто опасается ее в меру, она относится терпимо. Зато трусливым приходится худо. Нет, она никого еще не ранила, просто любит поугадать.

Уже в детстве Эльса научилась пускать в ход свои килограммы. Со временем они стали серьезным оружием. Если ей нужно было остановить кого-нибудь из нас, она бросалась под ноги и всем весом наваливалась на голени, так что человек падал.

Вскоре после сафари к озеру Рудольфа Эльса во время дневных прогулок стала вести себя как-то беспокойно. Иногда она отказывалась идти домой и ночевала в буше. Чаще всего нам все-таки удавалось ее задобрить, пригнав «лендровер». Эльса быстро уразумела, что не стоит тратить лишние силы, когда за тобой могут прислать машину. Она вскакивала на брезентовую крышу и катила домой, поглядывая сверху на прочих животных. Такой способ передвижения ей очень нравился, но крыша не была предназначена для лежа львицы, стойки стали прогибаться, и Эльса проваливалась все глубже. Пришлось Джорджу смастерить дополнительные опоры и укрепить брезент.

Когда мы были заняты, за нею по-прежнему присматривал Нуру. Раз мы решили снять их на киноленту. Попросили Нуру принарядиться, и он облачился в кремовый пиджак с золотой отделкой, который купил когда-то для своей свадьбы. Ни дать ни взять укротитель львов. Но Эльса, увидев его, бросилась в буш и долго смотрела из-за кустов, прежде чем признала своего друга. Тогда она вышла и дала ему тумака, точно хотела сказать: «И не стыдно тебе так пугать меня?»

Вместе им пришлось пережить немало приключений. Однажды, когда они отдыхали под кустом, с наветренной стороны показался леопард. Эльса внимательно следила за ним, но сидела неподвижно, только хвост у нее дергался. Леопард был уже совсем близко. Вдруг он заметил хвост и бросился наутек так стремительно, что едва не налетел на Нуру.

В год и одиннадцать месяцев у Эльсы прорезался глубокий бас. Еще через месяц снова началась течка, и она всюду оставляла свои

метки, явно приманивая кавалера. Обычно она послушно следовала за нами повсюду, но теперь ее неизменно тянуло в долину. И в этот вечер она настояла на своем. Мы увидели на земле свежие отпечатки львиных лап. Когда стемнело, Эльса не пошла с нами обратно. Мы вернулись домой без нее. Джордж тут же сел в свой «лендровер», а я осталась дома, на тот случай, если львица все-таки придет сама другим путем. Джордж не застал Эльсу на том месте, где мы расстались с нею. Позвал ее — никакого ответа, только эхо раскатилось среди холмов. Проехал еще километр-два. Наконец повернул назад, надеясь, что львица уже возвратилась домой. Но Эльсы все не было, и Джордж снова поехал в буш. Вскоре я услышала выстрел. Мне стало страшно, но еще больше я испугалась, когда он приехал и рассказал, что произошло.

Около получаса он петлял по дорогам, звал Эльсу, но она не показывалась. В конце концов Джордж остановил лендровер на поляне, раздумывая, как поступить дальше. Вдруг метрах в двухстах от машины зарычали львы, явно неполадившие между собой. И тут же мимо него промчалась львица, за нею вторая. Он успел схватить ружье и выстрелить для острастки, думая, что это какая-нибудь ревнивая особа преследует Эльсу. Затем погнался за машиной. Узкая дорога была окаймлена колючим кустарником. Джордж светил в обе стороны прожектором и чуть не наехал на льва и двух львиц, которые недовольно рыча, уступили ему дорогу.

Вместе мы снова отправились на поиски, но сколько ни звали Эльсу, она не откликалась. Вдруг опять неподалеку послышался львиный хор, точно львы задумали подразнить нас. Мы свернули туда и увидели поблескивающие во мраке три пары глаз. Что делать? Оставалось лишь ехать домой. Неужели Эльса будет сражена какой-нибудь ревнивицей? В эту пору она может подпустить к себе льва, а его супруга вряд ли захочет мириться с соперницей. И тут, к нашему величайшему облегчению, мы увидели Эльсу. Она обнюхивала какой-то куст и не желала замечать нас. Мы попробовали уговорить ее ехать с нами. Она не двинулась с места. Глаза ее были устремлены туда, где недавно рычали львы. В этот миг они снова подали голос и стали приближаться. В тридцати метрах позади нас было сухое русло, там вся компания остановилась, надрывая глотки.

Было уже за полночь. Эльса сидела в лунном свете между нами и зверьем. Ее звали с обеих сторон. Кто одержит верх? Она пошла к львам. Я крикнула:

— Нельзя, Эльса, не ходи! Они тебя убьют!

Она села опять, посмотрела сперва на нас, потом в сторону своих родичей, не зная, как поступить. Целый час просидела она так. Наконец Джордж выстрелами в воздух заставил львов уйти. Эльса все еще не могла решиться. Мы медленно поехали прочь, надеясь, что она пойдет за нами. Так оно и вышло. Она нехотя затрусилась рядом с машиной, потом вскочила на крышу, и мы прибавили скорость. Эльса приехала домой усталая, бросилась к воде и никак не могла напиться.

Что произошло за те пять часов, что она провела в обществе диких львов? Готовы они принять ее в прайд, несмотря на запах человека? Мог ли самец пренебречь самкой во время течки? Почему она не ушла с ними, а вернулась к нам? Испугалась злобной львицы? Это лишь часть вопросов, которые мы задали себе. Так или иначе, на этот раз все обошлось благополучно.

Но после этого приключения зов джунглей явно с удвоенной силой зазвучал в ее душе. Она все чаще не возвращалась с прогулки, и мы не один вечер провели в поисках. В засушливую пору мы надеялись только на воду: кроме дома, Эльсе нигде было напиться.

Ей очень нравились скалы, она выбирала себе какой-нибудь наблюдательный пункт повыше и подолгу сидела там. Однажды вечером нам так и пришлось оставить ее на скале, хотя по соседству кашлял леопард. Уж не леопард ли задал ей трепку?

В другой раз она после захода солнца слышала хохот гиены и пошла на звук. Хохот сменился истерическими воплями, которые сливались с рычанием Эльсы. Джордж поспешил туда и подоспел как раз вовремя, чтобы пристрелить одну из двух гиен, которые атаковали львицу. Эльса тотчас проволочла в кусты свою «добычу», как в детстве таскала брезент. Но хотя ей уже исполнилось два года, она не знала, как распорядиться с добычей, не могла даже прокусить шкуру своими клыками.

По-прежнему Эльса больше всего любила играть с жирафами. Она подкрадывалась к ним по всем правилам искусства, но они неизменно обнаруживали ее. Она никак не могла усмирить свой хвост. Лежит, как изваяние, а черный кончик хвоста дергается.

Приметив ее, жирафы затевали между собой соревнования в смелости. Выстроятся полукругом и, протяжно фыркая, медленно идут на нее. В конце концов Эльса срывалась с места и обращала в бегство все стадо. Дважды мы видели, как она преследовала старого самца. После двух километров бега жирафу игра надоела. А может быть, его одолевала одышка. Так или иначе, он сам переходил в наступление. Эльса петляла вокруг него, держась подальше от длинных передних ног старика. Одним метким ударом он мог разбить ей череп.

По нашим наблюдениям, течка наступала у нее через каждые два с половиной месяца. Нам говорили, что о состоянии львицы можно догадаться по громкому мурлыканью. Но хотя у Эльсы течка была уже два раза, мы не слышали никакого особенного мурлыканья. Зато у нее появлялся характерный запах, и она прилежно «метила» кусты.

Вскоре после приключения с дикими львами Нуру рассказал, что когда они утром пошли на прогулку, Эльса вдруг стала рычать на него. Явно хотела одна уйти в холмы. Несмотря на зной, львица быстро исчезла среди скал, и он потерял ее след. Днем мы отправились туда и тоже быстро сбились со следа. Пробовали звать ее, но услышали в ответ странное рычание, не похожее на голос Эльсы. А через несколько минут она спустилась с горы, приветствуя нас

«своим» голосом. Подошла и упала на землю, тяжело дыша. На лапах, плечах и шее у нее были длинные кровоточащие царапины, на лбу две ранки — следы зубов*.

От нее пахло гораздо сильнее, чем обычно во время течки. Отдышавшись, Эльса, как всегда, потерлась о наши колени и по-мурлыкала, словно говоря: «Послушайте, что со мной было!»

Уверившись, что мы восхищены ею, она заснула и проспала два часа. Видимо, Эльса встречалась со львом и наш зов разлучил их.

Еще через два дня она исчезла на целые сутки. Когда мы наконец отыскивали ее след, то увидели по нему, что она была в обществе чужой львицы.

С той поры Эльса все чаще исчезала на ночь. Мы подъезжали к ее излюбленным убежищам на машине, звали ее, но она редко выходила на зов. Иногда бродила где-то по двое, по трое суток, не ела, не пила... Приближался сезон дождей. Когда воды станет всюду вдоволь, как бы нам вовсе не утратить власть над Эльсой! Нужно было искать какое-то решение, тем более что в мае нам предстояло уезжать в отпуск.

Эльсе было уже два года три месяца — почти совсем взрослая. Мы с самого начала знали, что не сможем всегда держать ее в Исиоло, не заточая в неволю. Поначалу мы задумали отправить Эльсу к сестрам в Роттердам и даже заранее все приготовили, на случай если потребуется сделать это быстро. Но теперь она по-своему распорядилась своим будущим, и надо было придумывать что-то другое.

Нам удалось вырастить Эльсу в естественной для нее обстановке. Она хорошо чувствовала себя в буше, и теперь дикие львы как будто готовы принять ее в свою компанию. Похоже, она исключение из правила, которое гласит, что дикий зверь, воспитанный людьми, неизбежно будет убит своими сородичами, так как от него пахнет человеком и он не приспособлен к жизни в зарослях. Почему бы не попытаться приучить ее жить самостоятельно на воле?

Мы решили провести вместе с Эльсой еще два-три недели и уже потом, если все будет в порядке, ехать в отпуск. Здесь обычно принято выбирать для отпуска какое-нибудь место вне Кении, чтобы сменить климат.

Но где выпустить ее? Район Исиоло слишком густо населен. Правда, мы знали место, куда большую часть года не заходили ни люди, ни скот и где было много диких животных, особенно львов.

Мы получили разрешение перевезти туда Эльсу и стали готовиться. Нужно было поспешить, так как со дня на день могли начаться дожди.

Нам предстояло проехать около пятисот пятидесяти километров, пересечь нагорья и Рифт-Валли, миновать много ферм. Чтобы

* Когда я два года спустя зашла в Риме в зоопарк, то увидела, как самец после спаривания укусил львицу в лоб. В Лондонском зоопарке я наблюдала то же самое. Можно ли считать это случайным совпадением?— *Прим. авт.*

Эльсе не докучали любопытные и чтобы не страдать от жары, мы решили передвигаться ночью. Выезд назначили на семь вечера, но Эльса рассудила иначе. Напоследок мы пошли с нею прогуляться до ее любимых скал через долину. Здесь я в последний раз сфотографировала Эльсу на ее «родине». Она не любила сниматься и не любила, когда ее рисуют. Увидит, что на нее направлен противный блестящий ящичек, и отвернется или прикроет морду лапой, а то и просто уйдет. В последний день в Исиоло мы основательно надоели ей «лейкой». И теперь львица отыгралась. Я на секунду оставила фотоаппарат без присмотра, Эльса тотчас схватила его и умчалась прочь. Мы уже решили, что больше не увидим своей драгоценной «лейки». Целый час всевозможными хитростями мы пытались убедить львицу вернуть нам аппарат. Куда там, она только еще сильнее трясла его в зубах или начинала жевать, зажав его между лапами. Уж не помню как, но нам все-таки удалось вырвать «лейку». Удивительно, что она не так уж сильно пострадала!

Пора было возвращаться к дому и отправляться в путь. Но тут Эльса села на камень, устремив задумчивый взгляд на долину, и никакие силы не могли сдвинуть ее с места. Было очевидно, что она и не думает идти пешком, ждет машину. А мы-то мечтали выехать с вечера пораньше... Пришлось Джорджу отправляться за машиной. Но когда он подогнал «лендровер» к холмам, где мы оставили Эльсу, ее там уже не было! Видимо, пошла проветриться. Сколько он ни звал ее, никакого ответа. Лишь в одиннадцать часов она появилась и вскочила на крышу машины, милостиво позволяя везти себя домой...

Глава VII

Первая попытка

Было уже за полночь, когда мы наконец поместили Эльсу в клетку и тронулись в путь. Чтобы легче было переносить дорогу, я дала ей успокоительное, совершенно безопасное, по словам ветеринара, и рассчитанное на восемь часов. Сама я села с нею в кузов. Скоро мы выехали в горы. На высоте двух с половиной тысяч метров над уровнем моря в ночные часы было очень холодно. Благодаря таблетке Эльса дремала, но все же то и дело высовывала лапы из клетки, проверяя, здесь ли я. Переезд длился семнадцать часов, а действие

снадобья продолжалось еще целый час после того, как мы добрались до цели. За эти восемнадцать часов Эльса почему-то очень замерзла и дышала совсем медленно, я даже испугалась за ее жизнь. Все кончилось благополучно, но мы поняли, что нужно очень осторожно давать медикаменты львам. Они намного восприимчивее, чем другие животные, и, кроме того, каждый из них реагирует на разные лекарства по-своему. Это мы подметили еще раньше, когда посыпали львят порошком от насекомых. Один спокойно перенес обработку, у другого поднялась рвота, а у Эльсы даже начались судороги.

Мы прибыли на место во второй половине дня. Встречал нас один наш друг, местный инспектор. Лагерь мы разбили в чудесном месте, у подножия крутого откоса, вздымающегося над равниной на триста метров. По ленточке сочной зелени среди буша можно было определить, где извивается река. Полторы тысячи метров над уровнем моря, чистый прохладный воздух... По соседству с лагерем паслись томи (газели Томсона), конгони*, гну, бурчеловы зебры, чалые антилопы, топи**, иногда попадались буйволы. Это был подлинный рай для зверей. Пока ставили палатки, мы пошли с Эльсой на прогулку. Кругом было столько животных, что она не знала, за кем бежать. Точно желая поскорее отряхнуть с себя все воспоминания о неприятном переезде, она принялась носиться среди своих новых соседей, которые были очень озадачены внезапным появлением слегка ошалевшего льва. Впрочем, Эльса быстро устала и послушно пошла за нами в лагерь, где ее ждал обед.

С недельку мы решили повозить Эльсу кругом на крыше лендровера, чтобы она свыклась с местностью и обилием животных, среди которых было много новых для нее видов. Затем мы будем оставлять ее на ночь в буше. Пусть бродит в свое удовольствие, а утром ей привезут завтрак. С каждым днем кормить ее будут все меньше, чтобы она научилась охотиться сама или присоединилась к дикому льву.

Начали мы все это прямо на следующий день. Прежде всего сняли ошейник — свобода так свобода! Эльса вскочила на крышу машины и мы поехали. Почти сразу неподалеку на склоне показалась львица. Она шла мимо антилоп, но они не обращали на нее внимания. Видимо, по ее размеренной, целеустремленной поступи понимали, что львица вышла не на охоту. Мы подъехали поближе. Эльса поспешно соскочила на землю и, негромко мяукая, осторожно пошла за нею. Но стоило львице остановиться и повернуть голову, как Эльса испугалась и со всех ног бросилась к машине. Львица решительно продолжала путь. Вскоре мы заметили шестерых львят,

* Конгони (*Alcelaphus buselaphus*) — крупная антилопа из группы бубалов (семейство коровьих антилоп). Один из наиболее многочисленных видов крупных копытных. Рога короткие, довольно толстые, лирообразно изогнуты.

** Топи (*Damaliscus corriganus*) — антилопа из группы бубалов. Во многом напоминает конгони, но еще более многочисленна. Отличается черными пятнами на бедрах и более длинными рогами.

они сидели на торчащем из травы термитнике и ждали свою мать.

Потом мы застигли врасплох завтракающую гиену. Когда Эльса кинулась к ней, та подхватила кость и затрусила прочь. Ей удалось удрать, но кость она обронила.

И снова антилопы, стадо за стадом. Вид лендровера со львом на крыше вызывал у них такое любопытство, что они подпускали нас совсем близко. Эльса внимательно присматривалась к ним, но лежала тихо. Лишь приметив зазевавшихся антилоп, которые сводили счеты между собой или просто не видели нас, она тихонько прыгивала на землю и подползала к ним на животе, прячась за бугорками и кочками. Стоило животному насторожиться, как она замирала на месте или изображала полное безразличие — облизывала лапы, зевала, каталась по земле. А как только «жертва» успокоится, Эльса снова начинала подкрадываться к ней. Но как она ни хитрила, ей ни разу не удалось выйти на позицию для прямой атаки.

Маленькие томи, полагаясь на неписанный закон буша (крупный зверь нападает на мелкого только когда голоден), вели себя просто нагло. Эти пострелы саванн, любопытные, подвижные, не знающие ни минуты покоя, дразнили, подзадоривали Эльсу, соблазняли ее погоняться за ними. Но львица всем своим видом показывала, что считает такие потехи ниже своего достоинства.

Иное дело буйволы и носороги. Мимо них нельзя было пройти равнодушно. Однажды мы заметили буйвола, который несся к нам галопом, очевидно привлеченный видом машины с львицей. Эльса мигом соскочила с крыши, укрылась за кустами и стала подкрадываться. Но и буйвол решил подкратиться к ней с другой стороны. Сидя в машине, мы видели, как они подбираются друг к другу все ближе и ближе... и вдруг чуть не столкнулись носом к носу! Буйвол обратился в бегство, Эльса бросилась за ним.

В другой раз Эльса обнаружила двух буйволов, мирно спавших в зарослях. Она помчалась туда и вызвала страшный переполох. Животные замычали, вскочили на ноги и, ломая кусты, убежали.

Не давала она покоя и носорогам. Во время очередной автопрогулки нам попался один здоровяк, который спал стоя, уткнувшись головой в куст. Эльса очень ловко подобралась к нему. Он проснулся лишь тогда, когда она была у него уже под самой мордой. Испуганно хрюкнул, повернулся кругом и ошалело кинулся в болотце по соседству. Эльса за ним. Он окатил ее водой, и в граде брызг они скрылись из виду. Эльсы долго не было, наконец она вернулась, мокрая и довольная.

Ей очень нравилось лазать по деревьям. Часто, отчаявшись найти Эльсу в высокой траве, мы обнаруживали ее в кроне какого-нибудь дерева. Порой она просто не знала, как спуститься. Был случай, когда Эльса долго примерялась и так и сяк, а сук, за который она цеплялась, трещал и гнулся под ее тяжестью. Из листьев свисали ее задние ноги и беспомощно дергающийся хвост. И вдруг она полетела в траву с высоты шести метров. Ей было очень неприятно, что она так опростоволосилась на наших глазах. Хотя Эльсе и

нравилось смешить нас своими трюками, но быть посмешищем она не любила. И львица обиженно удалилась. Мы оставили ее в покое — пусть придет в себя. Когда мы отыскиали ее, она сидела этаким королевой, окруженная шестью гиенами. Угрюмые хищники окружили ее кольцом, и мне даже стало страшно. Но Эльса явно решила доказать, что она не такая уж беспомощная, как могло нам показаться после незадачи с деревом. Всем своим видом подчеркивая полное безразличие к гиенам, она зевнула, потянулась и пошла к нам. А они поплелись восвояси, удивляясь, должно быть, тому, каких друзей себе выбрала львица.

Как-то утром, приметив кружащих в воздухе грифов, мы отыскивали льва, который только что убил зебру. Он увлеченно рвал добычу и даже не взглянул на нас. Эльса осторожно соскочила на землю и, мяукая, медленно пошла к льву, хотя он ее не знал. Наконец лев поднял голову и посмотрел на Эльсу, точно говоря: «Ты что, не знаешь порядка, женщина? Да как ты смеешь мешать своему господину во время трапезы? Можешь добыть что-нибудь для меня и потом сиди и жди, я заберу себе львиную долю, а что останется — тебе».

Его физиономия явно обескуражила Эльсу, и она поспешно вернулась к машине. Лев продолжал есть. Мы долго ждали, надеясь, что Эльса все-таки наберется храбрости, но она не хотела покидать надежное убежище.

На следующий день нам повезло больше. Мы увидели топи, который стоял, словно часовой, на термитнике, упорно глядя в одну точку. Поехали туда, и в высокой траве увидели на редкость красивого молодого льва с великолепной светлой гривой. Он лежал и грелся на солнце. Отличный жених для Эльсы! Мы остановили машину метрах в тридцати от него. Лев был слегка озадачен таким появлением невесты, но смотрел на нее дружелюбно. Эльса страшно смутилась. Она тихонько скулила и отказывалась слезать с крыши. Мы отъехали подальше, уговорили ее спуститься и быстро отогнали машину. Теперь, чтобы попасть к нам, ей нужно было пройти мимо льва. Она долго колебалась, наконец собралась с духом и пошла. В десяти шагах от красавца Эльса легла на землю, прижав уши и помахивая хвостом. Лев встал и направился к ней, но тут она не выдержала и стрелой помчалась к машине.

Мы поехали дальше и — вот ведь удача! — наскочили на прайд: два льва и львица со своей добычей. Видимо, они только что убили антилопу, так как ели очень жадно и не обратили на Эльсу никакого внимания, хотя она всячески пыталась заговорить с ними. В конце концов, набив животы, львы удалились. Эльса тут же подбежала к остаткам их пира. Она впервые видела настоящую добычу, убитую львами, сохранившую еще их запах. Мы дали Эльсе насытиться, затем подтащили тушу поближе к любезному красавцу, надеясь, что, получив подарок от Эльсы, он проникнется к ней расположением. Оставив их наедине, мы уехали. А часа через два решили проверить, что же там происходит, но уже на полшута встретили Эльсу.

Под вечер мы опять отвезли ее к жениху. Он был на том же месте, и она, не слезая с крыши, заговорила с ним как со старым знакомым. Спускаться на землю она не хотела.

Как ее перехитрить? Мы заехали за куст, я вышла из машины и чуть не столкнулась с гиеной, застигнув ее врасплох в прохладном убежище. В тени под кустом лежал жеребенок зебры, очевидно убитый «блондином». Эльсе как раз пора было обедать, и она, забыв о своих опасениях, набросилась на добычу. Мы воспользовались случаем и укатили. Пусть погуляет ночь одна.

Разумеется, нас очень занимал исход нашего опыта. Рано утром мы поехали в буш, предвкушая зрелище счастливой четы. Увы, мы нашли только Эльсу. Она сидела на том же месте, где мы ее оставили. Но ни льва, ни добычи... Увидев нас, Эльса очень обрадовалась и принялась сосать мои пальцы, явно встревоженная: уж не обиделись ли мы на нее? Мне было неловко, но как объяснить, что мы о ней же заботимся? Наконец Эльса успокоилась и уснула. Тогда мы потихоньку ушли, снова оставив ее одну.

До сих пор мы всегда давали ей разделанное мясо, чтобы она не связывала пищу с животными. Теперь нужно было поступить наоборот. Пока она спала, мы отъехали километров на сто (ближе охота была запрещена) и застрелили небольшую антилопу, которую подсунили ей целиком. Как-то Эльса с нею справится! Ведь у нее не было матери, чтобы научить ее! Но инстинкт сделал свое дело. Она начала рвать тушу в том месте, где была самая тонкая шкура, — в паху. Потом извлекла лакомые внутренности, съела их, а содержимое желудка, как и положено аккуратному льву, зарыла в землю и засыпала все следы крови. После этого она обглодала кости коренными зубами, сдирая мясо шершавым языком.

Так мы убедились, что Эльса умеет управляться с добычей. Пусть же теперь охотится сама! Местность для засад удобная, кругом кустарник. Спрятался, дождался, когда появится антилопа, и хватай ее.

Мы оставляли Эльсу в буше на два, на три дня, чтобы вынудить ее охотиться. Но всякий раз она встречала нас совсем изголодавшаяся. Легко ли продолжать опыт, когда очевидно, что Эльсе хочется быть только с нами и чувствовать нашу любовь! Она очень ясно показывала это — сосала мне пальцы, стараясь удержать нас лапами... Однако для ее же пользы надо было проявить настойчивость.

Оказалось, что приучить ее к вольной жизни — дело куда более длительное, чем мы думали. Пришлось писать заявление начальству, просить, чтобы нам разрешили провести свой отпуск на месте, не выезжать из страны. Ответ был положительным. Мы облегченно вздохнули. Теперь будет время завершить опыт.

Эльса оставалась одна все дольше и дольше. Мы обнесли свой лагерь надежной оградой, чтобы туда не мог проникнуть никакой лев и в особенности движимая голодом Эльса.

Как-то утром, вывезя ее на машине, мы встретили льва, который показался нам спокойным и миролюбивым. Эльса соскочила с крыши, мы тактично оставили их наедине, а вечером, сидя в палатке

внутри изгороди, вдруг услышали ее жалобный голос. Миг — и она уже около нас, никакие колючки не смогли ее удержать. На шкуре Эльсы были видны длинные кровоточащие следы когтей. Она прошла больше десяти километров, предпочтя наше общество львиному!

В следующий раз мы решили отъехать подальше. По пути нам встретились две антилопы канны. Это были самцы весом не меньше семисот килограммов каждый. Эльса прыгнула на землю и стала подбираться к ним. Они сражались между собой и в пылу схватки не сразу заметили ее. Зато потом Эльса еле-еле увернулась от могучего пинка. Она обратила антилоп в бегство и возвратилась, очень гордая своим подвигом.

Вскоре мы увидели в высокой траве двух львов. Чем не товарищи для Эльсы? Но она уже не доверяла нам и отказалась покинуть машину, ограничившись оживленной беседой со своими сородичами. Мы ничего не могли с нею поделать и двинулись дальше. Вид двух дерущихся томи соблазнил Эльсу, она соскочила на землю, и мы поспешили уехать. Пусть продолжает знакомство с жизнью буша.

Разлука длилась почти неделю. Когда же мы вернулись, то сразу поняли, что она давно ждет нас и очень голодна. Сколько раз мы обманывали львицу, подрывая ее доверие, а она оставалась верна нам. Мы дали ей немного мяса, и Эльса сразу же набросилась на него. Вдруг мы услышали львиное рыканье. Появились два льва. Очевидно, они вышли на охоту и, учуяв мясо, помчались к нам. Бедняжка Эльса смекнула, что ей грозит, и скрылась. Вдруг откуда ни возьмись — видимо, он прятался в траве — появился маленький шакал и принялся жадно уписывать Эльсин завтрак, превосходно понимая, что долго есть ему не дадут. И действительно, один лев, сердито ворча, пошел прямо на него. Но мясо есть мясо, и шакал не уходил, пока лев не очутился совсем рядом. Да и тогда малыш героически попытался утащить добычу с собой. Эльса смотрела издали, как у нее из-под носа исчезает еда, о которой она столько дней мечтала. А львы не обращали на нее никакого внимания, их занимало только мясо. Чтобы утешить Эльсу, мы увезли ее с собой в лагерь.

К нам то и дело наведывались гости. Однажды посмотреть на животных приехали на «лендровере» католический миссионер и один известный в Кении деятель с сыном. Джордж пригласил их в палатку и только хотел рассказать, что у нас живет прирученная львица, как любопытная Эльса сама примчалась на шум машины. Как всегда, она учтиво подошла к гостям поздороваться. Гости были порядком озадачены, особенно святой отец, но держались вполне достойно. А Эльса, выполнив долг вежливости, легла около стола и уснула.

Слухи о львенке привлекли в наш лагерь одну швейцарскую чету. Наверное, они представляли себе крошку, которую можно взять на руки, приласкать... Вид здорового зверя на крыше «лендровера» настолько ошеломил супругов, что они долго не соглашались выйти из своей машины и позавтракать с нами. Эльса очень любезно приняла гостей, только один раз смахнула хвостом со стола всю по-

суду. Супруги были от нее без ума, фотографировались с нею во всех ракурсах.

Прошел уже месяц с тех пор, как мы выехали из Исиоло. И хотя Эльса последние две недели в сущности провела в буше, охотиться она еще не научилась. А тут начался сезон дождей, не проходило дня без сильного ливня. Здесь было гораздо холоднее, чем в Исиоло, к тому же ливни превращали землю в жидкую грязь, тогда как дома у нас почва песчаная и быстро просыхает. В высокой, по пояс, траве лужи простоявали неделями. Прежде Эльса любила дожди, теперь же ей явно было не по себе.

Однажды за ночь выпало больше ста двадцати миллиметров осадков. Вокруг лагеря, куда ни глянь, всюду была вода. По колесу в грязи мы пошли разыскивать Эльсу и встретили ее на полпути. У нее был такой жалкий вид, она так соскучилась по нас, что мы взяли ее с собой в лагерь. А вечером вдруг услышали поблизости топот преследуемого животного. Вот он постепенно стихает вдаль... Что происходит? Истерически захохотала гиена, ей ответил визгливым лаем шакал. Но когда зарычали львы, оба смолкли. Львов было не меньше трех. Очевидно, они охотились где-то рядом с лагерем. Какой случай упускает Эльса! Все время, пока мы слушали этот причудливый хор, она терлась головой о наши ноги, показывая, как ей хорошо с нами.

Через несколько дней дожди прекратились и мы возобновили попытки сделать из Эльсы дикого зверя. Она подозревала, что мы собираемся оставить ее одну в буше, и ни за что не хотела отправляться на прогулку. Потом она все же согласилась. Но когда нам попались львицы, Эльса шарахнулась от них.

Было очевидно, что она боится здешних львов. Мы решили не спорить больше, а дожидаться, когда у нее опять начнется течка. И тогда, может быть, она найдет себе супруга.

А пока надо научить ее охотиться, чтобы она не зависела от нас и стала бы хорошей парой дикому льву, если наконец отважится выбрать себе спутника.

Все вокруг было еще затоплено, и большинство животных собиралось на высотах, где посуше. Эльсе особенно пришлось по вкусу пригорок со множеством скал. Его мы и избрали для опытов. Жаль, что оттуда было всего тридцать километров до лагеря. Мы предпочли бы забраться подальше, но нам мешала погода.

Мы оставили Эльсу на пригорке на неделю, а когда приехали ее навестить, у львицы был такой грустный вид, что мне пришлось напрячь всю волю, чтобы не махнуть рукой на нашу затею. Мы посидели с нею, пока она не дремала, положив голову мне на колени. Вдруг в зарослях за моей спиной раздался страшный шум. Носорог! Мы вскочили, я спряталась за деревом, но Эльса решительно пошла в наступление и обратила нахала в бегство. Мы воспользовались этим случаем и уехали.

Под вечер воздух был невыносимо тяжелым и влажным. Косые лучи заходящего солнца упирались в плотную завесу багровых туч

на сером небе переливались радуги. Но яркие краски быстро утонули в зловещем мраке, над нами стали грозоздиться черные тучи. Все затаило дыхание: сейчас разверзнутся хляби небесные...

Упали редкие, тяжелые капли. И вдруг, точно две исполинские руки распороли небо, сверху на нас обрушился потоп. В несколько минут лагерь был окружен бурными реками. Ливень затянулся на много часов. Я представляла себе бедняжку Эльсу: одна холодной ночью, мокрая, дрожащая, несчастная. А тут еще гром, молния!.. Утром мы по воде прошли тринадцать километров до пригорка, где оставили Эльсу. Она встретила нас восторженно. Терлась головой, боками, мяукала, но видно было, что она обижена почти до слез. Нет, в такую погоду нельзя бросать ее одну. Пусть даже придется прервать обучение. Она ведь не привыкла к такому климату, приехала из полупустыни, ей нужно время, чтобы освоиться. Эльса была совершенно счастлива, шлепая с нами по воде домой.

А на следующий день она заболела. Любое движение причиняло ей боль, у нее распухли железы, поднялась температура. Мы настелили ей сухой травы под навесом у палатки Джорджа, и больная лежала там, тяжело дыша. Вид у нее был очень жалкий, ей дали лекарство. Она просила, чтобы я посидела с нею, и, конечно, я не отходила от нее.

Был разгар сезона дождей. Даже на машине с приводом на обе оси нельзя было пробиться до поселения, чтобы сделать там анализы. Пришлось отправить за полтораста с лишним километров гонца. Оказалось, что у Эльсы глисты и солитер. Мы уже лечили ее один раз и от того, и от другого. И во всяком случае, глистами нельзя объяснить высокую температуру и распухшие железы. Скорее всего ее заразили каким-нибудь вирусом клещи. Видимо, иммунитет, выработанный у животного в одном районе, не действителен в другом. Должно быть, этим и объясняется неравномерное распространение некоторых видов животных в Восточной Африке.

Мы уже боялись, что Эльса не поправится. Но через неделю ей стало немного лучше. Два-три дня температура у нее держалась нормальная, на третий или четвертый снова поднималась. Ее красивый золотистый мех потускнел, на спине появилось много белых волосков. Морда стала пепельно-серая, и львица через силу выбиралась из палатки погреться, когда проглядывало солнце. Единственное, что нас обнадеживало,— ее аппетит. Мы давали ей мяса и молока вволю, хотя и то и другое приходилось доставлять издалека. Все время мы поддерживали связь с ветеринарной лабораторией в Найроби. Но медики не находили у Эльсы признаков инфекции, и нам приходилось лечить ее наугад. Мы давали ей средство от глистов и риккетсии — микроба, переносимого клещами. Взять у нее для проверки шприцем жидкость из железы было невозможно, оставалось только окружить ее предельной заботой и следить, чтобы никто не нарушал ее покоя. Она была нам за все очень благодарна и часто обнимала меня, когда я клала голову ей на плечо.

В эти дни зависимость Эльсы от нас возросла еще больше, львица

стала совсем ручной. Большую часть дня она лежала поперек входа в ограде, окружающей лагерь. Отсюда Эльса могла одновременно следить за тем, что делается в лагере и в буше. Во время обеда бои перешагивали через львицу, ей лень было даже подвинуться. Смеясь, они с полными тарелками в руках прыгали через препятствие, а Эльса шутя шлепала их.

Ночью она спала в палатке Джорджа, но ей была предоставлена полная свобода приходить и уходить, когда захочется. Однажды Джордж проснулся среди ночи и услышал, как Эльса силится пробраться под стенкой на волю. Он приподнялся и увидел у входа какой-то силуэт. Эльса не могла так быстро обежать вокруг палатки... Джордж включил фонарик. На него, моргая от света, смотрела чужая львица. Он крикнул на нее, и львица ушла. Очевидно, она учуяла Эльсу, потом услышала ее голос и решила, что можно спокойно входить в палатку.

Эльса болела уже шестую неделю и все никак не могла оправиться. Было ясно, что ей не подходит здешний климат и у нее нет иммунитета против инфекций, переносимых местными клещами и мухами цеце. Да и по виду Эльса отличалась от львов этого района*. Она была намного темнее, с более удлинненной мордой и крупными ушами, зато меньше ростом. Словом, горы не годились для этой уроженки полупустыни. Так как наш лагерь был в заповеднике, Джорджу приходилось уезжать на охоту за тридцать километров и он не мог брать Эльсу с собой, чтобы научить тому, чему ее обучила бы мать. За три месяца мы ничего не добились, значит, надо искать более удобное место.

Для обучения Эльсы нужен был район с благоприятным климатом, где вдоволь воды, достаточно дичи, отсутствуют поселения и охотники и куда можно проехать на машине. Мы нашли такой район и получили разрешение отвезти туда Эльсу. Вот кончатся дожди, и отправимся.

Мы свернули лагерь и погрузили все на машины. Все, кроме Эльсы! В тот самый день у нее началась течка, и она ушла в буш. Этого мы ждали два с половиной месяца, но теперь уже выяснилось, что здесь Эльса не приживется...

А Эльса не показывалась. Мы искали ее и на машине, и пешком, но не нашли. Неужели ее убила дикая львица?.. Оставалось только ждать и надеяться. Эльса прогуляла двое суток. Правда, один раз она прибежала, потерялась головой о наши колени, опять убежала, через несколько минут вернулась, снова потерялась, ушла и опять возвратилась, точно хотела сказать: «Если бы вы знали, как мне хорошо! Поймите, я вынуждена уйти. А теперь просто пришла сказать вам, чтобы вы не беспокоились».

* В Кении известны две разновидности львов. У *Felis leo massaica* желтая шкура, светлая грива. *Felis leo somaliensis* меньше размером, но у него более крупные уши, пятна на шкуре отчетливее, длиннее хвост. Эльса принадлежала ко второй разновидности.—Прим. авт.

И скрылась*. Когда же она вернулась окончательно, то была вся исцарапана и рассердилась, когда я хотела сказать ей первую помощь. Нам еле удалось убедить ее прыгнуть в грузовик.

Так закончился первый опыт. Закончился неудачей из-за болезни Эльсы. Но мы не сомневались, что в конце концов добьемся успеха. Нужно лишь время и много терпения.

Глава VIII

Вторая попытка

Нам надо было проехать около семисот километров. Бывают такие путешествия, когда все не ладится. Так было и у нас. Уже через двадцать километров расплавился подшипник на машине Джорджа. Пришлось мне ехать за полтораста километров до ближайшего пункта, где можно было достать новый подшипник. Я отправила его Джорджу, а сама осталась тут на ночь, заперев Эльсу в грузовике. У Джорджа не оказалось ключа нужного диаметра, он орудовал молотком и зубилом, потратив на ремонт не один час, и догнал меня только под вечер. В течение ночи и следующего утра у нас было шесть проколов. А в девять часов вечера, когда до места оставалось всего двадцать километров, мотор моего грузовика вдруг принялся зловеще кашлять. Мы не решились ехать дальше, заночевали на раскладушках под открытым небом. Пятьдесят два часа почти непрерывной езды измотали нас вконец. Эльса все время вела себя образцово. Теперь она грузно опустилась на землю и тотчас заснула.

Мы опасались, что утром ее трудно будет затащить в машину, тем более что Эльса успела облюбовать себе на день логово в камышах на берегу речушки, по соседству с лагерем. Переправа предстояла трудная, и мы условились сначала форсировать реку на машинах, а уж потом забрать Эльсу.

«Лендровер» переправился легко, но мой грузовик застрял, и пришлось его вытаскивать. Мы вернулись вброд и предложили Эльсе покинуть свое прохладное убежище. Она сразу же послушалась, перешла с нами реку и вскочила в мою машину, точно понимая, что поездка еще не окончена и надо быть покладистой.

Дальше путь пролегал через буш по скверной дороге. Злоключения продолжались: через несколько километров у грузовика лопнула рессора. Только под вечер мы наконец добрались до новой обители Эльсы.

* Мы долго недоумевали, почему Эльса не понесла, хотя без сомнения она встречалась со львом во время течки. Потом один специалист объяснил мне, что за четыре решающих дня самец оплодотворяет самку от шести до восьми раз в день, и, видимо, зачатие происходит только на четвертый день. Эльсе скорее всего помешала ревнивая львица, которая не могла допустить, чтобы супруг слишком много внимания уделял новенькой.— *Прим. авт.*

Место здесь было дикое. Чтобы пробиться к хорошей лагерной площадке, Джордж и бои четыре дня прорубали путь сквозь буш. Мы обосновались на берегу красивой реки, среди обвитых лианами пальм дум, зонтичных акаций и смоковниц. Пенистый поток, бурля, скакал через пороги и обтекал островки камыша. А под скалами были глубокие заводи, сулящие великолепную рыбную ловлю. Джорджу не терпелось снарядить удочки.

Местность эта сильно отличалась от заповедника. Здесь много теплее, нет открытых пространств с огромными стадами диких животных, все покрыто колючим кустарником, дальше несколько метров уже ничего не увидишь. Не очень-то хорошо для охоты. Зато всего пятьдесят — шестьдесят километров от родины Эльсы и ландшафт такой, к какому она привыкла с рождения.

Выйдешь из пышных береговых зарослей, и тебя словно обдаст дыханием печи. Экватор совсем близко, а высота над уровнем моря около пятисот метров. Сквозь сухую колючую чашу можно пройти только звериными тропами. Следы и помет слонов, носорогов, буйволов свидетельствуют, что животные ходят тут повседневно. В двухстах метрах от лагеря был солонец. Судя по отпечаткам бивней и рогов, сюда частенько наведывались слоны и носороги. Едва ли не на каждом дереве кора была отполирована или содрана слоновьими боками. Эльсе негде было поточить когти. Только великаны баобабы вздымались над кустарником свои неповрежденные пурпурно-серые стволы. Кора у них гладкая, спину не почешешь.

Идеальным убежищем для львов была красноватая гряда с множеством утесов и пещер. Там в укромных уголках резвились даманы. С вершины открывалась отличная панорама. Мы видели, как жирафы, водяные козлы, малый куду, жирафовые и лесные антилопы направляются к реке — жизненной артерии этой безводной полупустыни.

Помогло ли Эльсе лечение или перемена климата, во всяком случае она с каждым днем крепла, и мы смогли возобновить обучение. Ранним утром и под вечер возили ее на прогулку, пробираясь звериными тропами или вдоль высохших песчаных русел. Эльса любила эти прогулки. Она ловила запахи, изучала следы животных, которые прошли здесь ночью, каталась на помете слонов и носорогов, гоняла бородавочников и антилоп дик-дик. Да и нам не мешало примечать следы, определять их давность и направление, наблюдать за ветром, ловить все звуки, не то наскочишь на носорога, слона или буйвола. Такие неожиданные встречи нос к носу самые опасные.

Теперь Эльса могла ходить с Джорджем на охоту. Убивать животных мы не любили, но ради нее пришлось пойти на это. Ведь львица все равно убивала бы животных, если бы выросла дикаркой. И это нас чуточку успокаивало. Чем быстрее мы научим Эльсу охотиться, тем лучше будет для всех нас. Уроки должны проходить так: Эльса подкрадывается к дичи. Джорж стреляет, а потом уже она сама добывает жертву. После этого Джорж уходит, предоставляя Эльсе охранять добычу от грифов, гиен и чужих львов. Так она познакомится с обитателями буша.

Львы часто рычали около лагеря, и мы видели много их следов.

Однажды вечером Эльса не вернулась домой со своего излюбленного поста на вершине. Место там было отличное: прохладный ветерок, никаких мух цеце, все видно далеко вокруг. Мы еще не успели изучить край как следует, а поэтому встревожились и пошли искать ее. Уже давно стемнело, буш кишел опасными хищниками, и нам было страшновато в зарослях. Следов Эльсы мы не нашли и вернулись ни с чем.

А на рассвете снова отправились о буш и увидели отпечатки Эльсиных лап рядом со следами льва. Они спускались к реке и продолжались на противоположном берегу. Там тоже были скалы. Может быть, лев обосновался среди них и увел Эльсу в свое логово?

Днем бабуины, обитавшие вблизи лагеря, подняли страшный шум. Уж не Эльса ли возвращается? Так и есть. Она переплыла речку, подошла к нам, потерлась и взволнованно принялась рассказывать о своих приключениях. Хорошо, что она не исцарапана. Ведь всего две недели назад ей сильно досталось от льва. Благополучный исход нового знакомства мы сочли добрым признаком.

Как-то утром нам встретился водяной козел. Это был удобный случай посвятить Эльсу в искусство охоты. Джордж выстрелил, и, прежде чем козел упал, Эльса впиалась ему в глотку, как бульдог, и не разжимала челюстей, пока не задушила его. Впервые она убила животное, весом равное ей самой. Инстинкт подсказал Эльсе, куда нанести удар и как быстрее расправиться с добычей. Именно так действуют львы. Они не переламаывают жертве шею, как думают некоторые.

Сперва Эльса съела хвост (позднее, как мы заметили, она всегда с него начинала). Затем вспорола живот от паха, проглотила внутренности, а содержимое желудка зарыла в землю и засыпала следы крови. Может быть, она это делает, чтобы обмануть грифов? Наконец львица схватила козла зубами за шею и поволокла в тенистый кустарник метрах в пятидесяти от того места, где он был убит. Там мы ее и оставили охранять свой обед от грифов днем и от гиен ночью. Часто можно услышать, что лев переносит жертву на спине. Ни Джорджу, ни мне не доводилось этого наблюдать. Мелкого зверя — собаку или зайца — львы несут в пасти, а что покрупнее — волокут так, как это делала Эльса.

Позднее мы наведались к ней, захватив с собой воды. Как ни любила Эльса наши вечерние прогулки, на этот раз она отказалась отойти от своей добычи и даже не пришла домой, когда стемнело. А в три часа утра нас разбудил сильный ливень, и вскоре появилась Эльса.

Раненько утром мы решили взглянуть, что осталось от ее козла. Исчез, конечно. Кругом только лабиринт следов гиен и львов. Мы слышали поблизости львиные голоса. Кто же все-таки вынудил Эльсу уйти ночью — дождь или львы?

Эльса выглядела теперь гораздо лучше, но она еще не совсем поправилась и предпочитала большую часть дня проводить в лагере. Чтобы приучить ее к тенистым уголкам на берегу реки, Джордж стал брать ее с собой на рыбалку. Она внимательно следила за малей-

шей рябью на воде. Только клонет, как Эльса прыгает в воду, приканчивает трепещущую рыбу и тащит на берег. И тут уже не зевай, скорее выручай крючок, иначе Эльса убежит с рыбой в лагерь и положит ее на кровать Джорджа, точно желая сказать: «Эта странная холодная добыча — твоя!» Потом вернется и ждет следующей поклевки. Веселая игра, но нам пришлось придумывать, чем отвлечь Эльсу от лагеря.

У реки росло раскидистое дерево, его нижние ветви почти купались в воде. Я любила сидеть здесь в прохладной полутени под зеленым пологом и, укрывшись за ветвями, глядеть на животных. Сюда на водопад приходили лесные антилопы, малый куду, красивый молотоглав. Резвились потешные бабуины. Сидя вместе с Эльсой, я чувствовала себя словно у врат рая: полное доверие между людьми и животными. Журчит неторопливая река... А что, если устроить здесь рабочий кабинет? Я смогу писать, заниматься живописью. Мы сколотили из ящиков стол и скамейку, широкий ствол дерева был удобной спинкой. Можно приступать к работе!

Стоя на задних лапах, Эльса недоверчиво обнюхивала мольберт и пишущую машинку. Потом бесцеремонно оперлась передними лапами на мои орудия труда и облизала мне лицо, точно проверяя, люблю ли я ее по-прежнему. Наконец она улеглась у моих ног. Я забарабанила на машинке, исполненная вдохновения. Но я совсем забыла о зрителях. Только сосредоточилась, как вдруг из листвы, таякнув, выглянул бабуин. В тот же миг множество мордочек появилось в кустах на противоположном берегу. Их привлекла Эльса, и они подбирались все ближе. Крича и таякая, бабуины лихо прыгали с дерева на дерево, скользили вниз по стволам, стрелой взлетали на макушки, пока один малыш вдруг не шлепнулся прямо в воду. Тотчас старый бабуин бросился на выручку и вытащил из реки промокшего перепуганного беднягу. Поднялся такой шум, словно все бабуины мира собрались вокруг нас. Тут Эльса не выдержала, прыгнула в воду и под ликующие вопли обезьян поплыла на ту сторону. Выйдя на берег, она с ходу попыталась схватить одного из озорников, который раскачивался на ветке почти у самой земли. Он мигом забрался выше и, приплясывая, стал строить львице рожи. Остальные бабуины тоже включились в эту игру. Чем сильнее злилась Эльса, тем больше они потешались. Сидя на недосыгаемой для нее высоте, они чесались с таким видом, точно не замечали разъяренной львицы. Это было настолько забавно, что я не удержалась и решила снять на киноленту всю эту унижительную для Эльсы сцену. Этого львица снести не могла. Заметив, что я направила на нее ненавистный ящичек, она поспешила снова переплыть реку и, не дав мне опомниться, сбила с ног. Мы вместе покатались по песку. Мой бедный драгоценный «болэкс»! Бабуины восторженно рукоплескали нашему спектаклю. Боюсь, мы обе — Эльса и я — сильно пали в глазах наших зрителей.

С этого дня обезьяны не давали Эльсе проходу. Постепенно обе стороны хорошо изучили друг друга. Эльса изображала полное пренебрежение, но бабуины нагнали с каждым днем. Они спускались на

водопой напротив нас, так что от львицы их отделяли всего два-три метра. Один из них стоял на посту, остальные, сидя на берегу не спеша пили воду.

Но не только обезьяны дразнили Эльсу. Как-то раз, когда мы притащили домой убитую антилопу, из зарослей вышел варан. Это совершенно безопасная, довольно крупная (до полутора метров длиной и до пятнадцати сантиметров толщиной) ящерица с раздвоенным на конце языком. Варан живет в реках, питается рыбой, но не откажется и от мяса. Иные уверяют, будто он предупреждает о появлении крокодилов. Это, конечно, выдумка. Зато точно известно, что варан пожирает крокодильи яйца, осуществляя, так сказать контроль рождаемости.

Наш гость ухитрился урвать несколько кусков добычи, предназначенной для Эльсы. Она хотела схватить варана, но куда там! Он был слишком юркий. Тогда Эльса спрятала козла подальше, чтобы варан не мог до него добраться. Меня она подпускала к своей добыче, даже любила есть у меня из рук. Джорджу и Нуру тоже разрешалось трогать ее мясо. Мы ведь принадлежали к ее прайду, с нами она была готова делиться, но варан пусть лучше не суется! Впрочем, среди людей она тоже только для нас делала исключение.

Словом, мы наслаждались бы полной идиллией, не будь Эльса плотоядным зверем, которого надо натаскивать на убийство. Нашей следующей жертвой была жирафовая антилопа. Эльса добила ее и осталась сторожить добычу в нескольких километрах от лагеря. На обратном пути нам встретился лев, который шел туда, где мы оставили львицу. Неужели так быстро учуял мясо? Вернувшись под вечер, мы не застали на месте ни Эльсы, ни антилопы, зато множество крупных львиных следов говорило о том, что тут произошло. Мы шли за ними больше трех километров и еще издали приметили в бинокль Эльсу на ее любимой скале. Видимо, она смекнула и выбрала единственное место, где можно было не опасаться других львов и где мы ее легко могли найти.

Однажды ночью нас разбудил шум. Не успели мы опомниться, как Эльса выскочила из палатки и бросилась отгонять врага от своего «логова». Топот, хрюканье, потом все стихло. Эльса навела порядок. Запыхавшись, она прибежала обратно, повалилась на землю рядом с кроватью Джорджа и положила на него лапу, точно успокаивая: «Все в порядке. Это был носорог».

Через несколько дней ее выманили ночью из палатки слоны. Они подняли крик по соседству с лагерем, и Эльса сочла нужным вмешаться. К счастью, ей удалось их отогнать. Слоны — единственные животные, способные нагнать на меня страх, и я отлично представляла себе, что все могло бы получиться наоборот: они могли напасть на Эльсу, а она, естественно, кинулась бы за защитой к нам. Джордж высмеял мои опасения, но ведь нельзя всегда полагаться на свою удачу...

Как-то к нашему лагерю повадился ходить буйвол. Он являлся ежедневно, пока Джордж не подстрелил его. Эльса увидела буйво-

ла уже мертвым, однако пришла в страшное неистовство. Мы никогда не видели ее такой. Она бросалась с разных сторон на тушу, кувыркалась через нее. Но как львица ни бесновалась, она все же следила за тем, чтобы не очутиться вблизи грозных рогов. Наконец Эльса потрогала лапой буйволову морду: правда ли он мертв.

Джордж убил буйвола главным образом для того, чтобы приманить диких львов. Мы надеялись устроить общий пир, чтобы Эльса подружилась с ними. Но нам хотелось своими глазами посмотреть на эту сцену, так что мы решили подтащить буйвола к лагерю и здесь передать Эльсе. Когда мы подъехали к буйволу на машине, все деревья кругом были усеяны грифами и марабу. Эльса сидела на солнцепеке и не подпускала их. Нам она очень обрадовалась: ее «семья» прибыла, теперь можно и в тень...

Но когда бои принялись вспаривать толстенную шкуру буйвола, Эльса не выдержала и присоединилась к ним. Она помогла вскрыть его брюхо и, пренебрегая близостью острых ножей, извлекла внутренности и с наслаждением съела их. Кишки она всасывала в себя, точно вермишель, сжимая их зубами, так что содержимое выдавливалось, словно зубная паста из тюбика. Она спокойно смотрела, как мы захватили тушу цепью и прицепили к машине. А когда наш «лендровер», поднатужившись, поволок буйвола через кочки, Эльса добавила еще полтора-два килограммов, вскочив на брезентовую крышу.

Около лагеря мы привязали тушу к дереву. Эльса ревниво стерегла добычу весь день и всю ночь. Судя по непрекращавшемуся визгливому хохоту гиен, глаз ей сомкнуть было некогда. Наутро мы заставили ее на посту. Завидев нас, Эльса отошла от буйвола, предоставляя нам стеречь его. Она затрусилась к речке, а мы прикрыли тушу от грифов колючими ветками. Пусть еще ночь Эльса поупражняется в защите добычи.

Вечером мы, как всегда, отправились на прогулку. Эльса пошла с нами. Живот ее, набитый мясом, качался из стороны в сторону. Только мы отошли от лагеря, как она заметила в буше гиену, которая явно направлялась к буйволиной туше. Эльса замерла в стойке, подняв левую лапу. Потом медленно легла и совершенно слилась с сухой травой. Вся подобравшись, Эльса следила за гиеной, которая трусила к буйволу, не подозревая, что ее обнаружили. Когда осталось всего несколько метров, Эльса метнулась к гиене и дала ей хорошего тумака. Та взвыла и шлепнулась на спину, продолжая жалобно скулить. Эльса взглянула на нас и кивнула в сторону наказанной, точно говоря: «Что мы с нею будем делать?»

Мы не откликнулись на ее призыв. Тогда она принялась облизывать лапы с видом полного равнодушия к презренной, поверженной твари. Наконец гиена поднялась на ноги и, визгливо огрызаясь, побрела прочь.

Эльса не раз показывала, что полностью доверяет нам. Как-то вечером мы оставили ее сторожить антилопу, которую они с Джорджем убили вдали от лагеря. Мы знали, что ночевать тут она не захочет, и отправились за машиной, чтобы подтащить тушу ближе к

палаткам. А когда приехали, то не застали ни Эльсы, ни антилопы. Но вскоре львица появилась и повела нас в укрытие, куда спрятала добычу, пока нас не было. Эльса очень обрадовалась нам, но, как я ни хитрила, она не давала оттащить тушу к машине. Тогда мы подогнали «лендровер» вплотную, и я стала показывать поочередно на машину и на антилопу. Пойми, Эльса, мы тебе же хотим помочь! И она поняла. Поднялась на ноги, потерлась головой о мои колени и поволокла тушу из кустов к машине. Она попробовала даже втащить антилопу за голову в кузов «лендровера». Потом сообразила, что стоя на земле, ничего не добьешься, вскочила в машину и стала тянуть оттуда. Мы подхватили антилопу за задние ноги. Наконец добыча очутилась в машине, и запыхавшаяся Эльса уселась на нее. В буше нас здорово трясло. Львица смекнула, что в кузове ей сидеть неудобно, выпрыгнула на ходу и вскочила на крышу. Сверху она все время заглядывала в кузов: на месте ли добыча?

Когда мы приехали и принялись сгружать тушу, Эльса не стала противиться. Наоборот, она предоставила нам самим справиться с этой работой. Я в разгрузке не участвовала. Тогда Эльса подошла и подтолкнула меня: «А ты чего стоишь?»

Туша осталась лежать недалеко от лагеря, но Эльсу это не устраивало, и мы вскоре услышали, как она волочет добычу по земле. Не иначе, решила затащить ее к нам в палатку. Мы быстренько затворили калитку: пусть-ка лучше остается за оградой со своей благоухающей антилопой! Бедная Эльса, в палатке она чувствовала себя куда надежнее, а тут сторожи под открытым небом всю ночь. Надо хоть устроиться поближе к изгороди. Это Эльса и сделала. Ночью гиены подняли такой гвалт, что мы никак не могли уснуть. Видимо, Эльсе в конце концов надоело отгонять этих назойливых бестий. Мы услышали, как она протаскила тушу к реке и переправилась на другой берег. Пришлось гиенам убираться восвояси. Эльса будто знала, что они не пойдут за нею через реку.

Утром мы отправились по следу. Выяснилось, что львица все-таки не захотела уходить слишком далеко от нас, следы вели обратно, на наш берег. Она укрыла добычу в густом кустарнике так, что к ней можно было подойти только со стороны воды. Здесь мы ее и застали. Всем своим видом Эльса показывала, как она обижена на нас за то, что мы не пустили ее домой. И далеко не сразу мы удостоились ее прощения.

Хотя Эльса росла без матери и ее некому было наставлять, она инстинктивно чувствовала меру в своих стычках с дикими животными. Часто, когда мы вместе гуляли в буше, она начинала принюхиваться, потом тихонько уходила, и вдруг до нас доносился треск кустов и топот бегущих животных. Не раз Эльса отгоняла прочь носорогов. Отличный сторожевой пес!

На гряде неподалеку от лагеря всегда ходило много буйволов, и Эльса не упускала случая расшевелить этих тяжеловесов. Застыгнет их врасплох спящими и давай прыгать вокруг, ловко уворачиваясь от рогов. Не утомонится, пока не заставит их уйти.

Однажды утром мы шли вдоль сухого русла, читая на песке

повесть о происшествиях минувшей ночи. Главные роли в ночном спектакле играли два льва и несколько слонов.

Становилось жарко, мы шли уже четыре часа и порядком устали. Дул встречный ветер. Неосмотрительно обогнув излучину, мы чуть не наскочили на стадо слонов. К счастью, Эльса трусила несколько позади нас и не сразу их заметила. Мы успели выскочить на крутой откос, пока слоны, тщательно оберегая своих слонят, поднимались на противоположный берег. Замыкал отряд старый самец, готовый дать отпор любому, кто посягнет на их спокойствие. Вдруг полусонная от зноя Эльса заметила их. Она остановилась и села. Что сейчас будет?.. Долго бесконечно долго смотрели они друг на друга. Наконец слон пошел догонять стадо, а Эльса стала кататься по земле, сгоняя мух до спины.

По пути домой Джордж выстрелил в водяного козла, стоящего в реке. Козел был ранен, но из последних сил выбирался к берегу. Эльса поразительно быстро форсировала поток и кинулась за ним. Мы нашли ее на том берегу возле добычи. Она была сильно возбуждена и не позволила нам прикоснуться к козлу. Ладно, пойдем домой, пусть сама управляет. Но едва мы вошли в воду, Эльса потянулась за нами. Ей не хотелось оставаться с добычей на том берегу, не хотелось и терять ее. Она нехотя возвратилась к козлу, потом опять пошла к реке. Мы уже переправились. И тут она решила.

Львица поволокла добычу к воде. Что она затеяла? Неужели надеется переправить такую тяжесть? А Эльса, схватив зубами козла, поплыла через реку, то и дело окуная голову, чтобы ухватиться получше. Она тянула, толкала, дергала... Иногда над водой торчал лишь хвост львицы или нога козла. Эльса трудилась полчаса и наконец все-таки доставила добычу к берегу. Устала она здорово, а дело еще не было закончено. Стоя в мелкой заводи, где козла не могло унести течением, она высматривала, куда бы получше спрятать свой трофей. Вдоль крутого берега плотной стеной стояли усеянные колючками молодые пальмы дум. Сквозь них не пробиться.

Мы оставили Эльсу охранять добычу, а сами пошли завтракать. Потом, захватив веревки и ножи, спустились к реке и прорубили в зарослях ход до самой воды. Пока Эльса настороженно следила за действиями мужчин, я накинула петлю на голову козла. Когда мы потянули за конец веревки, Эльса прижала уши и заворчала. Решила, что мы хотим отнять у нее добычу. Но, увидев, что и я взялась за веревку, она успокоилась и подошла к нам. Общими усилиями мы выволокли козла наверх. Здесь для Эльсы уже было приготовлено тенистое убежище. Наконец она поняла, что мы трудимся для нее. И стала благодарить каждого по очереди: подойдет, потрется головой, помякает.

Во время прогулок Эльсе очень докучали мухи цеце. На нее не действовала переносимая ими инфекция, но укусы сами по себе были болезненными. Чтобы избавиться от мух, она протискивалась под кустами, каталась по земле или ложилась у моих ног и просила помочь.

Дважды я видела, как Эльса невозмутимо пересекала широкий поток черных муравьев. Ее большие лапы вносили смятение в их стройные колонны. Эти крошечные воины яростно атакуют любое препятствие на своем пути, но Эльсу они почему-то не трогали.

Как-то раз я брела следом за львицей до того уставшая, что ничего не замечала кругом. Вдруг она сердито рывкнула, поднялась на дыбы и отпрянула назад. В полутора метрах над землей, нацелившись на нас, в развилке ствола лежала красная кобра. Спасибо Эльсе, что она была начеку. От кобры лучше держаться подальше. До сих пор я ни разу не видела этих змей на дереве. Даже Эльса обробела и несколько дней старалась обходить это место стороной.

Стояла жаркая пора, Эльса частенько забиралась в реку. Крокодилов там было много, но они не трогали ее. Она решительно прыгала в воду за цесарками, которых Джордж стрелял у реки, а заодно пользовалась случаем поплескаться в воде. Ей было также приятно поиграть, как нам смотреть на нее.

Теперь Эльса совсем поправилась и чувствовала себя превосходно. Она была очень консервативна в своих привычках. Если не считать незначительных отклонений, у нас установился такой распорядок: утром прогулка, днем «мертвый час» под моим деревом на берегу реки, после чая вечерняя прогулка. По возвращении из буша Эльсу ждал обед. Обычно она тащила свой кусок мяса на крышу лендровера и оставалась там, пока мы не гасили свет и не ложились спать. Тогда Эльса приходила в палатку Джорджа и устраивалась рядом с ним на земле, положив одну лапу на его кровать.

А однажды вечером она отказалась идти с нами на прогулку. Когда же стемнело и мы вернулись в лагерь, ее там не было. Эльса пришла только утром. Позднее мы увидели рядом с лагерем отпечатки лап крупного льва. А у Эльсы появился запах, присущий ей во время течки. Да и все поведение переменилось. Она держалась очень приветливо, но относилась к нам не так нежно, как всегда, и сразу же после завтрака исчезла на весь день. Вернулась она уже поздно вечером и прыгнула на крышу лендровера. Я тотчас вышла из палатки поиграть с нею, но Эльсе было не до меня. Она соскочила на землю и скрылась во мраке. Ночью я слышала, как она плещется в реке под сердитые вопли потревоженных бабуинов. Это продолжалось до рассвета. Утром Эльса заглянула в лагерь, разрешила Джорджу погладить ее, помурлыкала и удалилась. Очевидно, она была влюблена.

Мы знали, что это продлится дня четыре. В отличие от прежнего лагеря здесь все благоприятствовало Эльсе. Кажется, нам теперь удастся приучить ее к вольной жизни. И мы решили на недельку удалиться, оставив ее наедине с женихом. Только нужно побыстрее собраться, чтобы уехать незаметно.

Но Эльса появилась, когда мы еще укладывались. Пришлось мне заняться ею, а Джордж тем временем должен был свернуть лагерь, отогнать машины на несколько километров и потом послать за мной.

Я повела Эльсу к нашему дереву на берегу реки. Неужели мы

последний раз вместе?... Она что-то чуяла. Я старалась не показывать виду, даже захватила машинку и принялась стучать на ней, чтобы усыпить все подозрения, но Эльса тревожилась. Да и я от волнения писала через пятое на десятое.

Мы давно готовились предоставить ей полную волю и верили, что для нее это будет лучше, чем плен. Но одно дело готовиться к этому и совсем другое — действительно разлучаться, подводить черту и уезжать, с тем чтобы, быть может, никогда больше не увидеться вновь. Эльса явно уловила мое смятение, она все время терлась о меня овоей шелковистой головой.

Перед нами лениво струилась река — как вчера, как будет струиться завтра... Крикнула птица-носорог, с дерева слетело несколько увядших листьев, и поток унес их прочь. Эльса была неотъемлемой частью этой природы. Ее место здесь, а не рядом с человеком. «Человек» — это мы, привязавшиеся к Эльсе, научившие ее любить нас. Сумеет ли она забыть все, что было для нас таким привычным вплоть до сегодняшнего утра? Будет ли охотиться сама, когда проголодается, или станет доверчиво ждать нашего возвращения? Ведь до сих пор мы еще ни разу не подводили ее. Я только что поцеловала Эльсу, чтобы подтвердить свою любовь и успокоить ее, но не был ли мой поцелуй поцелуем Иуды? Откуда ей знать, что именно любовь к ней помогла мне решиться покинуть ее, вернуть ее природе, чтобы она научилась жить самостоятельно, пока не обретет прайд — настоящий прайд.

Меня окликнул Нуру. Он принес кусок мяса. Эльса послушно пошла за ним в камыши и принялась есть. А мы потихоньку ушли.

Глава IX

Последнее испытание

Отъехав километров на пятнадцать, мы разбили лагерь на берегу речки, которая была поуже предыдущей, зато намного глубже. Здесь мы решили провести неделю. Под вечер я вместе с Джорджем пошла погулять вдоль берега. Мы шли медленно, наши мысли были с Эльсой. Только теперь я поняла, как сильно привязалась к ней. Почти три года я жила ее чувствами и интересами. Мы настолько сдружились, что без нее я чувствовала себя невыносимо одинокой. Я так привыкла к тому, что Эльса идет рядом, трется о меня головой, прижимается теплым шелковистым боком... Но может быть, мы все-таки увидимся через неделю?

Вдруг Джордж остановился и показал рукой вперед. Мы оба пригнулись. Навстречу нам шагал малый куду. Он аккуратно общипывал молодую листву. Но вот он насторожился, поднял голову и недоверчиво поглядел вокруг: то ли перед ним мелькнуло что-то, то ли ветка хрустнула... Мы были в надежном укрытии, ветер дул на нас, и все же — неужели учуял? Или проявился врожденный инстинкт, ко-

который заставляет это чудесное животное всегда быть начеку? Удивительное сложение, изящный узор белых полос и подпалин, великолепные рога — все делает эту антилопу одним из шедевров природы. Мы следили за нею как завороченные. Оббеда куст за кустом, куду постепенно скрылся.

Почти сразу вслед за этим что-то зашумело у реки. Осторожно подойдя к воде, мы увидели бегемотиху с малышом, которые паслись у противоположного берега. Они остерегались солнечных лучей и, не выходя из воды, двигались не спеша вдоль берега, объедая свисающие над рекой солнечные листья.

Я любовалась мирной сценой и продолжала думать об Эльсе. Вдруг за рекой показался слон. Он вел за собой небольшое стадо. Бесшумно, словно призраки, слоны спустились к порогам. Скалы на берегу почти смыкались, только один слон мог пройти между ними. Они пили поочередно. Потрогают воду хоботом, потом уже тянут ее длинными глотками. Один напьется — уступит место следующему. И все они тщательно охраняли двух малышек, прикрывая их своими огромными тушами от возможной опасности.

Солнце клонилось к западу. Его лучи позолотили блестящие кроны пальм дум. Я снова подумала об Эльсе. В каком прекрасном мире она родилась... Как ни трудно с нею расставаться, мы обязаны сделать все, чтобы вернуть ей этот мир. Нельзя, чтобы она жила в неволе, лишенная всех тех чудес, которые приготовила для нее природа. Правда, мы еще ни разу не слышали, чтобы выращенный людьми лев вернулся к вольной жизни. И все-таки надеялись, что Эльса освоится, ведь она всегда жила почти на свободе.

...И вот истекла тревожная неделя, мы вернулись проверить, как Эльса выдержала испытание.

Первым делом мы стали искать отпечатки ее лап на месте старого лагеря и не нашли их. Тогда я позвала львицу, и вскоре мы услышали знакомое «хнк, хнк». Вот она бежит со всех ног от реки! Горячо приветствует Джорджа и меня. Сразу видно: соскучилась не меньше нас. Мы привезли ей антилопу, но она даже не взглянула на мясо, в этот миг мы были для нее важнее. Наконец ликование кончилось. Я разглядела, что желудок ее полон. Значит недавно поела. У меня стало легче на душе: Эльса научилась охотиться сама, в питании она больше от нас не зависит.

Пока в лагере ставили палатки, я повела Эльсу к реке, чтобы вместе отдохнуть. Настроение у меня было хорошее. Я больше не тревожилась о будущем Эльсы. Видно, и она была счастлива — положила на меня свою мягкую лапицу и задремала. Проснувшись я оттого, что Эльса вдруг подняла голову. В листе на противоположном берегу мелькая рыжеватый бок лесной антилопы (бушбока). Она равнодушно смотрела на антилопу, которая, не замечая нас, медленно брела сквозь кусты. Конечно, Эльса сейчас вообще настроена миролюбиво, но главная причина ее равнодушия — сытость. Что же все-таки она ела? С деревьев на нас молча глядело несколько мартышек. Но куда же подевались наши гомонливые друзья, вездесущие бабуины? Вскоре мои подозрения подтвердились: мы нашли

на берегу клочья обезьяньей шерсти, почти в том самом месте, куда бабуины приходили на водопой и где они так часто изводили Эльсу.

Теперь, когда не надо было волноваться за будущее львицы, мы решили, что можем позволить себе побыть с нею вместе еще немного и выбрать для разлуки момент, когда расставаться будет не так больно. Эльса старалась не выпускать нас из поля зрения, но инстинкт брал свое, и во время прогулок она нередко уходила на часок-другой поохотиться. Нас это обнадеживало.

Две-три недели оставалось до дождей, обожженная земля изнывала без живительной влаги. Небо то и дело озаряли степные пожары. Нам очень докучали мухи цеце. И Эльсе не было от них житья, особенно они допекали ее ранним утром и перед самым закатом. Она как бешеная носилась по кустам или каталась по земле, ероша свою обычно такую гладкую шерсть.

Чтобы приучить Эльсу к независимости, мы на весь день уходили с нею из лагеря. Гуляли часа два-три, потом находили себе тенистое местечко на берегу. После завтрака я принималась рисовать. Эльса вскоре засыпала, и часто я клала на нее голову, как на подушку, чтобы отдохнуть или почитать.

Джордж обычно извлекал нам завтрак из реки. Первая рыба принадлежала Эльсе, но она, поносив немного добычу в зубах, с гримасой отвращения бросала ее и больше уже не интересовалась уловом. Нуру и наш окруженец были отличные повара, они великолепно жарили свежую рыбу.

Один раз мы застigli врасплох крокодила, который грелся на камне. От испуга он метнулся к плесу между двумя порогами. Вода там была прозрачная, мы хорошо видели мелкое дно, но крокодил словно сквозь землю провалился. Куда он мог деться?.. Мы сели перекусить, Эльса в это время отдыхала. Но вот Джордж решил заняться рыбной ловлей. Чтобы удостовериться, что крокодил ушел, он потыкал в дно палкой. Вдруг палка выскочила у него из рук, и почти двухметровое чудовище, притаившееся в песке, скользнуло через порог. Конец толстой палки был откушен. Эльса ничего не видела, а мы вовсе не собирались привлекать ее внимание к крокодилам и поспешили перебраться в другое место.

Вскоре к речке на водопой спустился бородавочник. Эльса по всем правилам подкралась к нему, схватила за горло и задушила. Правда, ей помогла пуля из винтовки Джорджа. Решив, что Эльсе удобнее сторожить добычу в тени у воды, я несколько раз показала ей рукой на бородавочника и на реку, приговаривая:

— Маджи, Эльса, маджи!

«Маджи» на языке суахили означает «вода». Я всегда произносила это слово, когда просила Нуру наполнить водой миску Эльсы. Видимо, она меня поняла, потому что поволокла тушу в реку и почти два часа играла с нею. Она ныряла, полоскалась, пока не выбилась из сил. Тогда она вышла на другой берег, спрятала добычу в кустах и стала охранять ее. Но вот пришла пора возвращаться в лагерь. Эльса не захотела оставаться одна и тотчас переправи-

лась с бородавочником к нам. Мы разделали тушу, поделили ношу между Нуру и оруженосцем и пошли. Эльса смиренно трусила следом.

Теперь всегда после удачной охоты у реки Эльса непременно тащила свою добычу в воду и затевала игру. Не знаю, чем это объяснить. Возможно, она решила, что моя команда «Маджи, Эльса» входила в свод правил, которым я ее обучала.

С каждой прогулкой наши отношения с Эльсой становились все непринужденнее. Даже Нуру и оруженосец спокойно продолжали лежать, если она подходила потереться головой или потехи ради усаживалась на них. Оба охотно ездили вместе с нею в кузове лендровера. Полуторастакилограммовый зверь устраивался между их тощими икрами, они смеялись и гладили ее, а Эльса своим шершавым языком лизала им колени.

Как-то раз, когда мы вместе с Эльсой отдыхали после обеда на берегу, Джордж приметил в кустах за рекой чужих людей. Это были браконьеры, вооруженные луками и отравленными стрелами. Они устроили засаду у водопоя, подстерегая дичь.

Джордж тотчас поднял тревогу и вместе с Нуру и оруженосцем бросился через реку. Эльса рада была принять участие в потехе и ринулась следом. Нарушители улизнули, и мне бы очень хотелось послушать, что они рассказывали дома про инспектора, который науськивает на браконьера льва!

Однажды во время утренней прогулки Эльса решительно повела нас к тому месту, откуда накануне ночью доносились трубные голоса слонов. Вдруг она остановилась, припнулась и побежала рысцой, вытянув вперед голову. Мы отстали, а немного погодя услышали вдали голос льва.

В тот день Эльса больше не возвращалась, но поздно вечером мы распознали ее голос, который перемежался с ворчаньем другого льва. А ночью так разошлись гиены, что просто не давали нам спать своим идиотским хохотом. На рассвете мы по Эльсиному следу определили, где к ней присоединился лев. На следующий день по следам можно было увидеть, что она ходила одна. На четвертый день мы обнаружили отпечатки ее лап за рекой и искали львицу до вечера, пока не забрели прямо в стадо слонов. Пришлось нам сломя голову удирать. Эльса показалась только на утро пятого дня. Она сильно изголодалась и с такой жадностью стала поглощать мясо, что едва не лопнула. После еды она устроилась на моей раскладушке, всем своим видом давая понять, чтобы ее не беспокоили. Несколько позже я разглядела у нее на боках следы укусов и царапины. Я оказала ей первую помощь, в благодарность Эльса пососала мои большие пальцы и обняла меня. Вечером она не пошла гулять и до темноты просидела на крыше лендровера. А потом внезапно исчезла. Часа через два мы услышали вдали зов льва. Эльса тотчас откликнулась и пошла ему навстречу.

Самый удобный случай покинуть ее на несколько дней! Утром мы перенесли свой лагерь. Может быть, ее дикий приятель не одобряет нашего присутствия и при нас не захочет с нею знаться? Она уже доказала, что отлично обходится и без нас, поэтому мне

было не так больно покидать ее, как в первый раз. Вот только укусы меня тревожили. Как бы они не загноились.

Через неделю мы вернулись на место прежней стоянки и застали там Эльсу. Она подкрадывалась к двум водяным козлам. Видно, сильно проголодалась, если вышла на охоту в такую жаркую пору. Радость, с которой Эльса нас встретила, тронула меня до глубины души. А ей очень пришлось по вкусу привезенное нами мясо. На сгибе передней ноги у нее появилась новая рана, да и старые выглядели довольно скверно. Три дня она отъедалась за целую неделю, проведенную впроголодь.

Весть о нашей ручной львице уже широко распространилась, и к нам для съемок приехал отряд американских охотников. Эльса веселила их на славу, всячески старалась им угодить. Она лазила на дерево, играла в реке, обнимала меня, садилась пить с нами чай и вела себя очень послушно. Гостям просто не верилось, что эта взрослая львица еще совсем недавно так же запросто общалась с дикими львами.

А ночью снова раздался зов льва, и Эльса ушла на два дня. За это время она только раз на минутку заглянула в палатку Джорджа. Львица была настроена очень ласково, даже уселась на спящего Джорджа, чуть не сломав его кровать. Потом наскоро перекусила и опять исчезла. На следующее утро мы пришли по ее следу к скалистой гряде неподалеку от лагеря. Поднявшись на вершину, мы обыскали все ее любимые уголки и чуть не наступили на Эльсу. Она лежала, притаившись под кустом. Пряталась от нас... И хотя мы явились некстати, она приветствовала нас, как всегда, с явной радостью. Чтобы ее не смущать, мы скромно удалились.

Поздно вечером до лагеря донеслось рычание льва, которому вторил вой сопровождавших патрона гиен. А затем где-то совсем близко подала голос Эльса. Видимо, она уяснила себе, что когда ее господин и повелитель насыщается, лучше к нему не приставать.

Потом она вдруг вошла в палатку Джорджа, обняла его одной лапой и ласково помяукала, точно хотела сказать: «Ты ведь знаешь, я тебя люблю, но меня ждет мой друг, я должна пойти к нему. Пойми меня и не обижайся!»

Наутро мы увидели возле самого лагеря отпечатки лап здорового льва. Похоже, он и впрямь ждал, пока Эльса объяснялась с Джорджем!

На этот раз она гуляла три дня, но каждый вечер заходила к нам на несколько минут, желая показать, что помнит о нас. Мясо, которое мы ей предлагали, она не ела, зато всячески старалась приласкаться, словно хотела вознаградить нас за долгое отсутствие.

Начались дожди. Как обычно, Эльса сразу стала активнее и еще охотнее играла с нами, устраивая нам засаду за каждым кустом. Поскольку в нашем «прайде» я была ее любимицей, мне особенно доставалось. Чуть зазеваюсь и уже лежу на земле, придавленная мягкой, но достаточно увесистой тушей Эльсы. И никуда не денешься, пока не придет на выручку Джордж. Разумеется, Эльса делала это из любви, а все же надо было отучить ее от этой привычки, ведь без

посторонней помощи я никак не могла ее согнать. По моему тону Эльса скоро поняла, что такая игра мне не по вкусу. Трогательно было смотреть, как она старается обуздать себя. Случалось, Эльса спохватится уже в прыжке и, умерив свой пыл, мягко опустится на землю.

После первых дождей угрюмый колючий буш в несколько дней превратился в райский сад. Казалось, на месте каждой песчинки прорастает зернышко. Тропы покрылись сочной зеленью, кусты стали огромными букетами белых, розовых, желтых цветов. Но как ни красив был буш, забот нам только прибавилось: дальше двух-трех метров теперь ничего нельзя было рассмотреть. Всюду лужи, всюду обилие всяких следов. Эльса внимательно изучала «новости буша» и часто уходила на охоту. Выследит водяного козла и гонит на нас. Или по всем правилам, срезая петляющий след, крадется за лесной антилопой. Но желудок ее был полон, делала она это скорее забавы ради.

Как-то утром мы вышли из лагеря, собираясь гулять целый день. Эльса пошла с нами. Судя по тому, как она дергала хвостом, настроение у нее было превосходное. Когда подошла пора завтракать, мы стали присматривать подходящее место. Вдруг Эльса, насторожив уши, застыла на месте. Миг, и она исчезла — беззвучно сбежала вниз по скалам и нырнула в густые заросли. Река в этом месте делилась на множество рукавов, между ними маленькие островки, покрытые непролазной чащей, буреломом. Кого поднимет львица? Мы услышали трубный голос слона, такой громкий, что даже воздух задрожал. Да, там, пожалуй, прячется не один слон! Но Джордж сказал, что это буйвол. Но чтобы он трубил, как слон!.. Мы подождали минут пять, надеясь, что Эльсе, как обычно, надоест играть. Вдруг раздался какой-то странный, рокошующий звук. Джордж тотчас побежал вниз, крича, что с Эльсой что-то случилось. Я кинулась за ним вдогонку. Дикое мычание впереди остановило меня. Но тут же я стала снова пробиваться сквозь кустарник, каждый миг ожидая, что покажется разъяренный слон, сокрушающий все на своем пути. Мы крикнули Джорджу, чтобы он рисковал. Куда там, он уже пропал за зеленой стеной лиан и деревьев. Опять послышался дикий рев, потом голос Джорджа:

— Сюда! Скорей! Скорей!

У меня сжалось сердце: беда! Спотыкаясь о корни, я представляла себе всевозможные ужасы... Но слава богу, среди ветвей мелькнула смуглая спина Джорджа. Он на ногах, значит, все в порядке.

Джордж снова крикнул, чтобы мы поторопились. Когда я наконец прорвалась к берегу, то увидела в реке Эльсу, оседлавшую буйвола. Я не верила своим глазам. Наполовину окунув голову буйвола в воду, она когтями и зубами рвала его толстую шкуру. Мы могли только гадать, что произошло здесь за десять минут с тех пор, как я услышала рев. Видимо, Эльса спугнула отдыхавшего на берегу старого быка и загнала его в воду. Он, должно быть, бросился к другому берегу, но поскользнулся на гладких камнях, и Эльса не преминула воспользоваться случаем — прыгнула на него и при

гнула ему голову. Она измотала быка вцепившись в самое уязвимое его место. И тут подоспели мы.

Джордж добил несчастное животное, и Нуру тотчас же вошел в бурлящий поток. Столько мяса, разве можно устоять! Но он был мусульманином, его закон предписывал перерезать глотку живому буйволу, иначе мяса есть нельзя. По пояс в воде, он по скользким камням спешил к буйволу. А Эльса, сидя на своей жертве, ревниво следила за всеми движениями Нуру. Она знала его всю жизнь, все ему позволяла, но сейчас была настороже. Прижав уши, сердито ворча, она приготовилась оборонять добычу от своей «няньки». Вид у нее был грозный. А Нуру видел только мясо и не слышал недовольного голоса Эльсы. Забавно было видеть эту тощую фигуру, которая бесстрашно пробивалась через стремнину к злобно рычащей львице, сидевшей на издыхающем буйволе. Нуру погрозил Эльсе пальцем:

— Нельзя, нельзя!

И к нашему удивлению, она послушалась и смиренно сидела на добыче, пока Нуру перерезал буйволу глотку.

Теперь надо было вытащить тушу из воды. Волочить через стремнину по скользким камням полтонны мяса, охраняемого возбужденной львицей,— дело непростое. Но Эльса опять показала себя умницей. Схватив буйвола за хвост, она помогала трем мужчинам, которые тянули тушу на берег, затем приступили к разделке. Львица и тут помогала. Она одну за другой таскала в тень под кусты огромные тяжелые ноги быка, избавив нас от этой работы. Местность позволяла подогнать лендровер на километр с небольшим от реки, и мы смогли доставить в лагерь почти все мясо.

Эльса устала. Она простояла по шею в воде не меньше двух часов и, сражаясь с исполином, как следует наглоталась воды. И все-таки Эльса не отходила от добычи, пока не убедилась, что разделка закончена и мясо надежно спрятано. Лишь после этого она легла под куст отдыхать.

Я подошла к ней, села рядом. Она оближала мою руку, обняла меня лапой и прижала к своей мокрой шкуре. Меня очень трогала ее любовь, ее осторожность, старание не задеть человека когтями, которые только что были грозным оружием в борьбе с толстокожим буйволом.

Одолеть буйвола в одиночку даже для дикого льва — подвиг. Тем более для Эльсы, которая научилась охотиться совсем недавно, да и кто ее учил! Конечно, ей помогла река, но потребовалась и немалая смекалка. Я очень гордилась Эльсой.

Вечером, возвращаясь в лагерь, мы заметили на другом берегу жирафа, пришедшего на водопой. Эльса тотчас же позабыла об усталости и начала подкрадываться к нему. Она незаметно пересекла реку, без малейшего всплеска скользнула из воды в кустарник. Жираф ничего не подозревал. Широко расставив передние ноги, он опустил к земле длинную шею. Мы затаили дыхание: сейчас Эльса бросится на него из чащи... К нашей радости, жираф то ли услышал, то ли почуял ее, во всяком случае в последний миг он круто повернулся

и умчался прочь. Его счастье, что Эльса уже успела наесться буйволятины.

Но приключения на этом не кончились. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров: навстречу нам по звериной тропе шел слон. Мы поспешно оступили, чтобы пойти в обход, но Эльса преспокойно уселась на тропе и стала ждать. Подпустив великана вплотную, она легко отпрыгнула в сторону. Слон повернулся кругом и обратился в бегство. После этого Эльса послушно дошла с нами до лагеря, вытянувшись на кровати Джорджа и мгновенно уснула. Ничего не скажешь, бурный день!

В другой раз, гуляя вдоль тенистого берега, мы заметили на дне мелкой илистой заводи чашевидные углубления около метра в поперечнике. Джордж объяснил, что здесь нерестилась тилапия — рыба, которой мы до сих пор в этой реке не видели. Пока мы рассматривали нерестилище, Эльса вдруг начала обнюхивать куст. Вот она сморщила нос, словно учуяла льва... Только теперь мы заметили свежие отпечатки львиных лап. Эльса, мырлыкая, пошла по следу и пропала на сутки. Под вечер следующего дня, выйдя на поиски, мы разглядели ее в бинокль: она лежала на любимой скале. Видимо, львица тоже заметила нас. Она подала голос, но продолжала лежать. Очевидно, поблизости были дикие львы. Мы ушли домой, чтобы не мешать, но только легли спать, как услышали предсмертный крик животного. Вскоре в палатку вошла Эльса, легла возле кровати и погладила Джорджа лапой, точно хотела рассказать что-то. Потом она вышла и опять исчезла на целые сутки.

Вечером мы сидели за столом в палатке и обедали. Снова неожиданно появилась Эльса, потерлась о меня головой и ушла. Всю ночь ее не было. Утром мы пошли по ее следу, он уходил куда-то очень далеко. В этот вечер Эльса не возвратилась. Она гуляла уже четвертые сутки, если не считать коротких визитов, когда львица приходила в лагерь приласкаться. Может быть, она хотела рассказать нам, что нашла себе прайд и, хоть по-прежнему любит нас, собирается мало-помалу отвыкать?

Ночью нас разбудило грозное рычание львов, хохот гиен. Мы надеялись, что покажется Эльса. Но вот уже начинает светать, а ее все нет. Как только совсем рассвело, мы отправились в ту сторону, откуда ночью доносился шум, но через несколько сот метров остановились. У реки ворчал лев. А сквозь буш спасались бегством мартишки и антилопа. Мы осторожно прокрались к реке и увидели на песке свежие следы по меньшей мере двух или трех львов. Они терялись у воды. Мы перешли реку вброд и на другом берегу нашли еще один влажный след. Вдруг в пятидесяти метрах от нас я разглядела львиный бок. Кажется, Эльса... Джордж окликнул ее, но львица пошла прочь. Джордж позвал еще раз, Эльса прибавила ходу и ушла по звериной тропе. Только черный кончик ее хвоста мелькнул в кустах...

Мы смотрели друг на друга. Нашла ли Эльса свою судьбу?.. Она не могла не слышать нас, однако пошла за львами. Значит, сделала выбор. Неужели наши усилия вернуть ее к естественной жизни

увенчались успехом? И мы сумели отлучить от себя Эльсу, не обидев ее?

Мы пошли обратно в лагерь. На душе было грустно. Уехать, подвести черту под важной главой нашей жизни?.. Джордж предложил остаться еще на несколько дней, чтобы окончательно убедиться, принята ли Эльса в прайд.

Я спустилась в свой «кабинет» на берегу, чтобы продолжить жизнеописание львицы, которая еще утром была с нами. Печально сидеть в одиночестве, но я пыталась утешить себя мыслью, что, может быть, в этот миг Эльса трется шелковистым боком о бок льва и вместе с ним отдыхает в тени, так же как она не раз отдыхала здесь со мной.

Глава X

Постскрипумы

После трех с лишним лет такой тесной дружбы мы, конечно, не смогли бы совсем не встречаться с Эльсой, пока она сама хотела видеться с нами. Джорджу по службе постоянно приходится разъезжать, поэтому мы можем навещать место, где оставили львицу не чаще, чем раз в три недели. Прибыв туда, мы даем один-два сигнальных выстрела или выпускаем ракету. Как правило, Эльса появляется через несколько часов. Она радостно приветствует нас и бывает необычайно нежна. Один раз мы прождали ее пятнадцать часов, другой — все тридцать. Видимо, она была очень далеко и все-таки каким-то таинственным образом почувствовала, что мы приехали. Мы остаемся дня на три, и все это время она не покидает нас, показывая, как радует ее наше присутствие.

Когда приходит пора уезжать, Джордж километрах в пятнадцати от лагеря убивает антилопу или бородавочника — прощальный подарок Эльсе. В то время, как свертывают лагерь и грузят машины, я сижу со львицей в «кабинете» под большим деревом, стараясь отвлечь ее. Мясо Эльса ест с удовольствием, хотя она и без того достаточно упитанная и здоровая. Теперь она освоила искусство убивать и не зависит от нас. Пока Эльса ест, машины отъезжают на километр-два. После еды львица дремлет, и мы потихоньку уходим от нее.

Чувствуя близость расставания, Эльса становится сдержаннее, не так льнет к нам. Ей очень хочется быть с нами, но она понимает, что мы должны уехать, и своим деликатным поведением облегчает нам расставание. Так повторяется всякий раз, и вряд ли это случайность.

Этими словами я закончила рукопись, прежде чем выехать в Англию, чтобы договориться об издании книги про Эльсу. За те месяцы что я провела в Англии, Джордж писал мне о встречах с Эльсой, и его

письма продолжают повесть о ней. Из них видно, что дикая жизнь не мешает Эльсе сохранять дружбу с нами, причем дружба эта основана на полном равноправии и не похожа на отношения между собакой и ее хозяином.

* * *

Исиоло, 5 марта 1959 года

По дороге у меня поломался грузовик, потом прицеп, и я приехал на место встречи вечером 25 февраля. Эльса прибежала из-за реки через четверть часа после моего прибытия. Очевидно, слышала звук мотора. Выглядела она здоровой, но отошала и изголодалась. Прежде чем приниматься за мясо, она, как обычно, устроила мне теплую встречу. Правда, Эльса была далеко не такой исхудалой, как после нашего первого опыта. За два, за три дня она совсем отъелась, и теперь выглядит отлично. Ее очень озадачило твое отсутствие. Она то и дело заходила в твою бому, заглядывала в грузовик и звала тебя. Но постепенно втянулась в обычный распорядок дня, только наотрез отказывалась покидать лагерь и ходить на прогулки. По утрам она спускалась со мной в «кабинет» и оставалась там целый день. Получив в воскресенье утром от меня вторую козу, Эльса сердито охраняла добычу, никого не подпускала к ней. Но как только я пошел в «кабинет», она приволокла тушу туда, положила возле скамейки и позволила мне разделать мясо. Когда же я возвратился в лагерь, Эльса принесла козу к палатке. На следующий вечер я сказал ей: «Пошли домой, Эльса!» Она подождала, пока я соберу остатки мяса, и важно зашагала впереди меня к палатке. Белые пятна у нее на спине исчезли. Ее приятель варан все еще живет здесь и не упускает случая что-нибудь стащить. Кажется, она уже привыкла к варану и позволяет ему урвать кусочек мяса. Пока никаких признаков, что она встречалась со львами.

Я покинул ее во вторник, нарочно задержав в «кабинете», пока шли сборы. Но как только заработал мотор, она поняла, что я уезжаю, замкнулась и даже не хотела глядеть на меня. Собираюсь снова навестить ее 14-го.

Исиоло, 19 марта 1959 года

Я провел с Эльсой 14 марта. Выехал в четверть одиннадцатого, добрался в половине седьмого. Никаких следов Эльсы. Ночью я выпустил несколько сигнальных ракет, а на рассвете отправился искать ее и дошел до большой лужи возле дороги, где она подкрадывалась к слону. Лужа высохла, следов Эльсы нигде не было. Я снова выпустил ракету, прошел по гряде до автомобильной колеи и направился вдоль

лагти*. И здесь ничего. Вернулся к палатке примерно в четверть десятого. А через пятнадцать минут из-за реки неожиданно появилась Эльса. Выглядела она неплохо. За одиннадцать дней, которые прошли после нашей предыдущей встречи, она по крайней мере один раз удачно поохотилась. Я обнаружил несколько царапин, полученных, должно быть, во время схватки со своей жертвой, но царапины легкие, поверхностные. Эльса сразу вспомнила старые привычки, стала озорничать, дважды сбила меня с ног, причем один раз повалила прямо на колючий куст! Потом милостиво согласилась прогуляться вдоль реки, но вообще-то предпочитала сидеть со мной в «кабинете».

По-прежнему не заметно, чтобы она встречалась с дикими львами. Я не слышал никакого рычания. Сейчас очень сухо, это, должно быть, облегчает Эльсе охоту: все кругом видно, и все животные ходят к реке на водопой. Я захватил только маленькую палатку, ночью нам с Эльсой было довольно тесно, но львица вела себя образцово, ни разу не намочила на пол! Как обычно, за ночь она несколько раз будила меня — то носом потрется, то усядется верхом. Расстались мы в среду, причем без всяких затруднений. Мне кажется, Эльса становится все более независимой и охотно остается одна. Не понимаю людей, которые утверждают, будто жизнь и поступки животных всецело управляются инстинктом и условными рефлексами. Только разум мог создать ту хитроумную стратегию, которую применяют львы во время охоты на животных. А все известные нам примеры осмысленного, продуманного поведения Эльсы?..

Исиоло, 4 апреля 1959 года

Я приехал на место нашего лагеря около восьми часов вечера. Выпустил, как обычно, сигнальные ракеты. Эльса не появилась, не пришла она и ночью. Рано утром я отправился по тропе, на которой мы подстрелили цесарку и нашел там следы недавней стоянки. Надеюсь разыскать Эльсу за рекой, я сделал широкий полукруг, но и там не увидел ее следов. Возвратился я встревоженный. Уж не убили ли ее.

До этого условились встретиться с Кеном Смитом, которому очень хотелось снова увидеть Эльсу. Теперь я застал его в лагере, и он рассказал мне, что видел Эльсу на скалах. Он позвал ее, но она держалась настороженно и не спустилась. Мы пошли туда вместе, и, как только Эльса услышала мой голос, она сбежала вниз и бурно приветствовала меня да и Кена тоже. Выглядела она великолепно, желудок ее был полон. Видимо, охотилась ночью. Кен занял твою бому, и Эльса его не тронула. На следующий день мы гуляли все вместе, потом отправились в «кабинет». Эльса спала на моей кровати, Кен на твоей. Один раз она уселась на него, чтобы показать ему свое расположение.

В среду Кен уехал, а в четверг я пошел под вечер с Эльсой на гряды. Только я хотел возвращаться, как слышу: внизу заворчал

* Лагга — сухое русло. — *Прим. авт*

леопард. Эльса попробовала подкрасться к нему, но он, должно быть, услышал и мигом исчез. В пятницу утром мы расстались. Эльса получила от меня напоследок жирного бородавочника, которого поволокла в реку, где затеяла с ним бурную игру. Она сейчас совершенно здорова и хорошо упитана.

Исиоло, 14 апреля 1959 года

Хотел поехать к Эльсе вчера, однако вместо этого пришлось гонять забравшихся в огороды слонов. Но завтра поеду непременно. У меня не хватает слов, чтобы описать, как я радуюсь встречам с Эльсой, как мне приятна ее неизменная радость при виде меня. Если бы только она нашла себе супруга, у меня было бы совсем спокойно на душе. Ей, должно быть, очень одиноко. Она, наверное, тоскует порой, но это как будто не отражается на ее добром нраве и дружелюбном поведении. Эльса всегда чувствует, когда я собираюсь уезжать, но примиряется с этим и не пытается ни удерживать меня, ни следовать за мной. Понимает, что это неизбежно, и держится с большим достоинством.

Исиоло, 27 апреля 1959 года

Я отправился к Эльсе днем 15-го. Добрался около восьми вечера, на повороте чуть не столкнулся с двумя носорогами. Проскочил мимо них всего в двух-трех метрах. Как всегда, выпустил ракеты, но Эльса ночью не пришла. Утром я пошел на гряды. И там никаких следов. Ни днем, ни вечером она не появилась. Ночью бушевала гроза, все небо полыхало, и река сразу разлилась. С утра отправился на «буйволову гряду», оттуда спустился в песчаную лаггу, по ней тоже во время дождя пронесся поток. Но оттуда пришлось скоро уходить: очень глубокий песок. В одном месте я провалился по пояс и еле выкарабкался. Дальше по звериной тропе дошел примерно до того места, где лагга соединяется с речкой. Так далеко мы еще никогда не забирались. Перекусив на берегу, я перешел через речку. Вода была мутно-красная от ила, глубина по пояс. Разумеется, дождь смыл все следы, но все-таки я прошел вдоль реки до самого лагеря.

В одном месте мне почудилось мертвое животное. Я подошел ближе, хотел бросить камень, но вдруг из реки высунулась голова. Это был бегемот. А вскоре я услышал в кустах у тропы визг, хрюканье, сопенье. Это бегемот ухаживает за бегемотихой. Возвратился я в лагерь около пяти. Эльсы все нет! Я встревожился, так долго мне еще не приходилось ее ожидать. Через восемь часов после моего приезда, около половины девятого вечера, я услышал за рекой ее голос. Она примчалась в лагерь, пышущая здоровьем, и радостно бросилась ко мне. Все еще не заметно, чтобы она встречалась со львами. Эльса была голодна. Он съела почти целиком заднюю часть газели Гранта, которую я подстрелил по пути, и даже не посмотрела на то, что мясо уже пахнет. Утром я убил для нее бородавочника. Эльса

была в восторге. Она так наелась, что никуда не хотела уходить из лагеря.

В воскресенье утром мы спустились в «кабинет». Эльса улеглась там спать. Вдруг я заметил крокодила метров двух или трех длиной, который выбирался из реки на камни на противоположной стороне. Я тихонько спустился к воде, снял его кинокамерой, потом так же тихо сходил в лагерь за винтовкой и пустил ему пулю в шею. Крокодил не успел даже двинуться с места. Македде переправился через реку, накинуд ему аркан на голову, и мы перетащили добычу на нашу сторону. Эльса внимательно следила за нами, но крокодила разглядела лишь около самого берега. Она осторожно подошла к нему, как подходила в первый раз к буйволу, вытянула лапу и потрогала нос. Убедившись, что крокодил мертв, Эльса вцепилась в него зубами и стала тащить из воды, всем своим видом показывая отвращение. Крокодилье мясо ее ничуть не привлекало, она предпочитала бородавочника, хотя он был уже далеко не свежим.

Я покинул ее в понедельник утром. Потом встретил на водопое крупного буйвола, а на следующий день отправился на охоту за большим львом, который ушел в тот раз, когда мы застрелили мать Эльсы. Он за последнее время натворил много бед, утащил двенадцать коз. Четыре ночи подряд я дежурил у приманки, а днем искал следы на холмах. Но мне попались только следы львицы с двумя львятами трех-четырех месяцев. Видимо, родичи Эльсы! Я не очень огорчился, что не нашел старика. Вряд ли было бы прилично поймать его и отвезти к Эльсе.

Исиоло, 12 мая 1959 года

Я выехала в воскресенье 3 мая. Перед тем всю неделю шел дождь, поэтому я взял только «лендровер», захватив с собой Асмана и Македде. Машина застряла в том самом месте, где мы тогда буксовали. Провозившись час в грязи, мы наконец тронулись и в следующей же лаге засели окончательно. Промучались дотемна и все-таки не выбрались. Пришлось заночевать. Ночью прошел ливень, все затопило, и наутро мы поднимали домкратом каждое колесо по очереди. Продвинулись на несколько десятков сантиметров и опять завязли в грязи. Лишь к двум часам дня мы сумели одолеть эту лаггу. А следующая оказалась совсем затопленной. Ночью неподалеку от нас рычала большая львиная семья. Видимо, львы что-то добыли. Дождь прекратился, мы переправились и доехали до следующей реки. Кое-как нам удалось перебраться и через нее. Теперь уровень воды заметно понизился, а накануне ночью мы тут застряли бы.

Перед самым поворотом к лагерю мы увидели прямо на дороге двух носорогов. Самка и почти взрослый детеныш. Они даже и не думали уступать нам дорогу. Я взял винтовку и вышел из машины. Самка наклонила голову и пошла в атаку. Когда между нами оставалось с десятков метров, я закричал, думая, что это ее образумит. Но она только прибавила ходу, пришлось стрелять. В пяти

метрах от машины она свернула в заросли и исчезла. Я прошел по ее следам несколько сот метров, но пятен крови не обнаружил.

Отправился дальше и в половине первого разбил лагерь. Никаких признаков Эльсы. Река разлилась, такой я ее еще никогда не видел. Дождь, разумеется, смыл все следы. Вечером выпустили ракеты. К утру Эльса не появилась. Я еще раз прошел по следам носорога, но крови нигде не было. Может быть, пуля попала в рог? По пути я застрелил жирафовую антилопу, потому что газель Гранта, которую я привез с собой, уже начала благоухать. Ни в тот день, ни на следующий Эльса не приходила. Скорее всего, она просто ушла с дикими львами. Но я все же не мог не тревожиться и послал Македде и Асмана в ближайшие деревни расспросить жителей, но там львов никто не видел и не слышал. В субботу утром с тяжелой душой я принялся укладывать вещи. Мы пробыли тут уже целую неделю.

Вдруг за рекой подняли гвалт бабуины, и тут же появилась Эльса, мокрая, но на вид здоровая. Живот у нее был тощий, однако голод ее не мучил, она презрительно отвернулась от антилопы. Правда, мясо пахло. Эльса была все такая же ласковая и очень мне обрадовалась. По виду нельзя сказать, встречалась ли она со львами. Течки у нее мы не видели со времени твоего отъезда, но ведь я не знаю, что происходило в мое отсутствие. Когда она прилегла отдохнуть, я пошел и подстрелил для нее еще одну антилопу. Ночью Эльса втащила добычу в мою палатку. Сама понимаешь, в палатке тесновато, но мясо свежее и без запаха, так что я смирился, хотя она и меня, и палатку вымазала кровью.

Эльса живет самостоятельно уже полгода. Справляется она с этим не хуже любого дикого льва и явно совершает дальние переходы, а ко мне по-прежнему относится приветливо, с любовью. В этом она несколько не изменилась с тех пор, как ты уехала. Эльса — дикий зверь во всех отношениях, кроме одного — расположения к человеку. Я уверен, что мы для нее своего рода львы, которых не нужно опасаться, с которыми можно обходиться, как с друзьями. Теперь уже Эльса не поджидает меня с нетерпением. Видеть меня она всегда рада и явно не любит со мной расставаться, но, если я уеду навсегда, вряд ли это будет для нее большой трагедией.

Исиоло, 20 мая 1959 года

Что же нового рассказать тебе об Эльсе? В моих письмах упомянуты все мелочи. Сама знаешь, когда львица сыта, она далеко от лагеря не уходит, а целыми днями лежит под деревом в «кабинете». Если ничего особенного не происходит, мы проводим дни в точности так, как при тебе. Разумеется, Эльса совсем самостоятельна, совершает дальние переходы и в питании от меня не зависит. К чужим, правда, она относится недоверчиво. Даже Нуру и Македде не очень-то к себе подпускает, когда есть мясо. А если, скажем, надо утром перенести мясо из палатки в «кабинет» или вечером обратно, приходится это делать мне. Эльса тогда шагает следом. Ей непременно надо затащить добычу в мою маленькую палатку, и приходится тер-

петь. В крайнем случае, если уж очень скверно пахнет, я выношу свою кровать на волю. Эльса чувствует, что моя палатка — самое надежное место. Уверен, если у нее будут детеныши, она приведет их ко мне на попечение. В таком случае придется, видимо, отослать всех из лагеря. Кроме нас с тобой, она никого не потерпит.

Очень хочется опять увидеть Эльсу. В последний раз, когда я уезжал, у нее был такой грустный вид. Я попытался удрать незаметно, но когда оглянулся, она стояла у солонца и глядела мне вслед, хотя за мной и не пошла. Я чувствовал себя преступником...

Исиоло, 3 июля 1959 года

Выехал из Исиоло в субботу вечером. Со мной американский врач Дэлэни и охотник Генри Пулмен. Мы собирались выследить львов, которые, как нам передали, убили одного борана и ранили другого. Дэлэни очень рьяный охотник, он непременно хотел сам застрелить хищников. Когда мы прибыли на место, началась сильнейшая пыльная буря. Утром мы с местными жителями прошли туда, где погиб боран. Буш здесь очень густой. Нам рассказали, что восемь человек шли по следу семи львов, убивших верблюда. Они их настигли. Один самец был настроен воинственно. Кто-то метнул копье и оцарапал ему бок. Разъяренный лев укрылся в засаде, и, когда отряд пошел дальше по следу, он бросился на одного борана и прокусил ему руку. Товарищи унесли раненого домой. Потом они вернулись и отыскивали льва в густых зарослях. Один из них неразумно вошел в чашу. Не успели они оглянуться, как лев прыгнул на него, разорвал ему грудь и вернулся в свое укрытие. Раненого вытащили, но он сразу умер.

Мы отыскивали свежие следы и прошли по ним в буш. Однако ветер дул нам в спину, и я решил, что лучше разложить приманку и устроить засаду. Оставив на месте Дэлэни и Пулмена, я поехал проводить Эльсу. Добрался я туда около восьми вечера. Эльса явилась через пятнадцать минут и приветствовала меня, как всегда. Глядела она хорошо, но была очень голодна. За ночь Эльса съела половину газели Гранта, которую я ей привез, а рано утром оттащила остатки в чашу возле лагеря и провела там весь день. Она только раза два-три наведлась в «кабинет», чтобы проверить, тут ли я. Во вторник она управилась с мясом и согласилась пойти со мной на прогулку вдоль реки. Вдруг что-то на другом берегу привлекло ее внимание. Она осторожно пробралась вдоль берега вверх по течению и переправилась через речку. Я спрятался и стал ждать. Ничего не видно и не слышно... Потом раздался шум, из кустов выскочил водяной козел и помчался через реку прямо на меня. За ним бежала Эльса. Увидев меня, козел хотел повернуть, но тут на него прыгнула Эльса и сбила с ног. Прямо в воде развернулась отчаянная схватка. Эльса вцепилась козлу в горло. Когда он ослаб, она захватила пастью его морду, чтобы задушить его. Наконец я не выдержал и добил беднягу. Козел весил, наверное, двести килограммов. Поднатужившись, Эльса стала вытаскивать его на откос, однако на пол-

пути сдалась. Я хотел ей помочь, но не мог даже сдвинуть тушу с места. Пришлось отправиться в лагерь, чтобы позвать Нуру и Македде и взять веревки. Когда мы вернулись к реке, козел уже был наверху! Ну и силаща у этой Эльсы! Представляешь, что она могла бы при желании сделать с человеком? И это еще раз показывает, как терпелива и добра она с нами.

Расстались мы с нею 2-го, и не без труда. Она знала, что я уезжаю, и все время внимательно следила за мной, не спускала с меня глаз. Часа через два она уснула, и я смог наконец уйти.

Приготовься к бурной встрече! Пожалуй, тебе лучше не показываться, пока она не поздоровается со мной и не успокоится немного.

* * *

Я вернулась в Кению 5 июля. Еще до того, как приземлился самолет и прежде чем увидеть Джорджа, я заметила наш «лендровер». Он выглядел таким потрепанным среди роскошных «лимузинов». Но если прежде я не раз стыдилась нашей колымаги, то теперь вид царапин и вмятин, оставленных Эльсой, только растрогал меня. Мне хотелось сразу же поехать в лагерь, но Джордж уговорил меня купить сначала новый «лендровер», ведь наш старик совсем разваливается. Мы простились с престарелым верным товарищем, с которым так тесно были связаны все наши воспоминания об Эльсе, и приобрели машину новейшей марки. Она была намного удобнее и приличнее прежней. Но как отнесется к ней Эльса?

По случаю моего приезда Джордж взял небольшой отпуск, и вскоре мы уже были в пути. В лагерь мы прибыли 12 июля, уже в сумерки. Через двадцать минут, когда мы ставили палатки у реки, послышался знакомый гам. Это бабуины сообщали нам о прибытии Эльсы.

Джордж считал, что мне лучше забраться в грузовик, пока львица не израсходует часть своей энергии на встречу с ним. Он по-настоящему опасался, что после долгой разлуки она с таким пылом набросится на меня, что может и поранить.

Я неохотно подчинилась. Посидела несколько минут в машине, потом вышла. Эльса как ни в чем не бывало подошла ко мне и, мяукая, принялась тереться мордой о мои колени. Потом, убрав когти, толкнула меня с такой силой, что я не удержалась на ногах. Словом, играла, как обычно, ничего особенного не устроила. Она заметно выросла и окрепла, желудок у нее был полон. Газель Гранта, которую привез Джордж, привлекла ее не сразу. К нашему удивлению, она вскочила на крышу новенького лендровера так же непринужденно, как здоровалась со мной. А ведь он был совершенно не похож на потрепанного старика, к которому она привыкла.

Мы решили поставить мою кровать в грузовике, а то еще Эльсе захочется лечь вместе со мной. И правильно сделали: как только погас свет, она пролезла сквозь изгородь вокруг моей бомы, подошла к грузовику, поднялась на задние лапы и заглянула в кузов. Однако, удостоверившись, что я тут, улеглась рядом с машиной. Рано утром

я услышала, как лъвица тащит газель к реке. Она охраняла тушу, пока Джордж не встал и не позвал меня завтракать. Тогда Эльса прибежала в лагерь и хотела с ходу прыгнуть на меня, но я крикнула:

— Нельзя, Эльса, нельзя!

Она умерила свой пыл и подошла ко мне спокойно. Пока мы ели, одна лапа Эльсы лежала у меня на коленях. Затем она вернулась к своей добыче.

Эльса жила с нами в лагере шесть дней, ходила на утренние и вечерние прогулки. Один раз мы видели, как она крадется к водяному козлу, который пришел на водопой. Лъвица замерла в очень неудобном положении, а потом, выбрав момент, бесшумно переправилась через реку и скрылась в буше. Вскоре она вернулась и стала тереться о нас головой, рассказывая про свою неудачу.

В другой раз нам попалась убитая антилопа дик-дик, на которой сидел крупный гриф. При нашем приближении птица улетела. Мы предложили Эльсе взять антилопу себе, но она с отвращением сморщила нос.

Пока Джордж ловил, рыбу, я на берегу рисовала Эльсу. Когда я достала свои бутерброды, Эльса захотела непременно закусить вместе со мной и своими лапищами пыталась вытаскивать у меня куски прямо изо рта!

Лъвица не всегда соблюдала осторожность, и нам приходилось быть начеку, чтобы она не бросилась на нас из-за засады. Не очень-то приятно, когда на тебя с ходу прыгает такая дылда.

Однажды утром Эльса затеяла в воде веселую игру с палкой, которую ей бросил Джордж. Она хватала палку зубами, прыгала, плескалась, била о воду хвостом. Выронив палку, она ныряла за нею и гордо выплывала на поверхность. Джордж с берега фотографировал ее. Эльса делала вид, что ничего не замечает, а сама подбиралась все ближе и ближе... Вдруг она отбросила палку и прыгнула на него: «Вот тебе, фотограф!»

Джордж замахнулся, чтобы шлепнуть ее, но Эльса отскочила в сторону и ловко взбежала вверх по наклонному стволу дерева. Усевшись наверху, она с самым невинным видом стала облизывать лапы.

В последующие два дня Эльса навещала нас только изредка и вела себя очень сдержанно. 23 июля она не пошла с нами на утреннюю прогулку. Под вечер мы заметили ее на гряде недалеко от лагеря. А метрах в двадцати от нее — представьте себе наше удивление! — ничуть не боясь, суетились бабуины. Эльса неохотно откликнулась на наш зов, но все-таки спустилась к нам. Потом она быстро умчалась в буш. Мы шли за нею, пока не стемнело. Поздно вечером Эльса вернулась, позволила мне погладить себя, но ей явно не терпелось уйти снова. Ее не было всю ночь и весь следующий день, если не считать короткого посещения, когда она приходила поесть.

Вечером, когда мы сидели и разговаривали, вдруг явилась Эльса. Вся мокрая — только что реку переплыла. Приветливо поздоровалась с нами и принялась за еду. Но, обедая, она поминутно настора-

живалась, прислушиваясь к чему-то. К утру она исчезла. Что происходит? Признаков течи не было. Может быть, мы чересчур задержались? С той поры как началась вольная жизнь Эльсы, мы еще ни разу не оставались с нею так долго.

На следующий вечер, когда мы обедали, из темноты вдруг выскочила Эльса, смела хвостом со стола всю посуду, радостно обняла нас и опять убежала. Потом она появилась еще раз, точно хотела извиниться, и через минуту скрылась.

Утром мы увидели отпечатки лап крупного льва и поняли причину странного поведения Эльсы. После полудня, разглядев в бинокль парящих над одной точкой грифов, мы пошли разузнать, в чем там дело. Повсюду виднелись следы гиен и шакалов. Отпечатки лап льва вели к реке. Он, несомненно, приходил сюда на водопой. На песке мы заметили кровавое пятно. Но следов Эльсы не было. Не было и остатков жертвы, так что мы не смогли понять, откуда эта кровь и почему здесь кружились грифы. Пронесав шесть часов, мы вернулись в лагерь, так и не разрешив этой загадки. А вечером явилась Эльса, очень голодная. Она провела с нами ночь, но на рассвете снова исчезла.

29-го мы увидели ее на высокой гряде и стали звать. Наконец она спустилась к нам, ласково помурлыкала, потом опять поднялась на свою скалу. У нее была тетка, этим объяснялось ее поведение. Позднее мы снова ходили к гряде, но на этот раз она отказалась спуститься, хотя и ответила на наш зов. Пришлось нам самим подыматься на скалы. Когда стемнело, Эльса встала и, точно прощаясь, потерлась об меня, Джорджа и оруженосца, потом медленно пошла к своему логову. Только один раз она обернулась, чтобы взглянуть на нас. На следующий день я увидела ее на скале в бинокль. Если бы Эльса умела разговаривать, она все равно не смогла бы более убедительно дать нам понять, что просит оставить ее в покое. Как ни велика наша любовь к Эльсе, было ясно, что теперь она нуждается в обществе львов.

Мы решили уехать. Когда машины проходили мимо скалы, мы увидели на фоне неба силуэт Эльсы, она провожала нас взглядом.

Следующий раз мы пробыли в лагере с 18 по 23 августа. Эльса по-прежнему очень ласково относилась к нам, но из этих пяти дней два провела одна в буше. Мы не видели отпечатков лап других львов, но было очевидно, что она предпочитает одиночество нашему обществу. Что ж, для нее же лучше, если она научилась обходиться без нас.

29 августа Джордж отправился на обезд района, где обосновалась Эльса. Около шести вечера он добрался до лагеря и решил там переночевать. Чтобы привлечь внимание Эльсы, Джордж выпустил две ракеты. Часов в восемь у реки послышалось львиное рычание. Тогда он выпустил одну ракету. Лев рычал всю ночь, но Эльса не пришла. Утром Джордж нашел возле лагеря отпечатки лап молодого льва и львицы. Потом Джордж должен был уехать, но к четырем часам дня вернулся снова. Через час из-за реки появилась Эльса, ласковая и здоровая. Она не была голодна, но все же погрызла

немного антилопу, которую убил для нее Джордж, потом оттащила тушу в палатку. Едва стемнело, снова послышался голос льва. К удивлению Джорджа, Эльса не обратила на зов никакого внимания, хотя лев не унимался почти всю ночь.

Рано утром она хорошенько поела и не торопясь направилась в ту сторону, откуда доносилось рычание. Вскоре Джордж услышал ее голос, а потом увидел Эльсу на высокой скале. Заметив его, она спустилась вниз, радостно потерлась о него головой, но достаточно ясно показала, что он лишний, и ушла в буш. Джордж примерно догадывался, куда она направилась, и пошел за нею. Следы вели к реке. Вскоре он увидел Эльсу. Она сидела на скале, почти скрытой в гуще зарослей. Джордж некоторое время наблюдал за львицей. Она была чем-то обеспокоена, и не отрываясь, смотрела куда-то вдоль берега. Вдруг она замыкала, твякнула, соскочила с камня и промчалась мимо Джорджа в буш. Мгновение спустя появился молодой лев. Он явно торопился вслед за нею и не заметил Джорджа. Когда лев был метрах в двадцати от него, Джордж решил, что пора действовать. Он закричал и замахал руками. Лев оторопел, повернулся и побежал обратно. Через несколько секунд появилась Эльса. Она присела на минутку рядом с Джорджем и тут же пошла за львом. Джордж вернулся в лагерь и уехал.

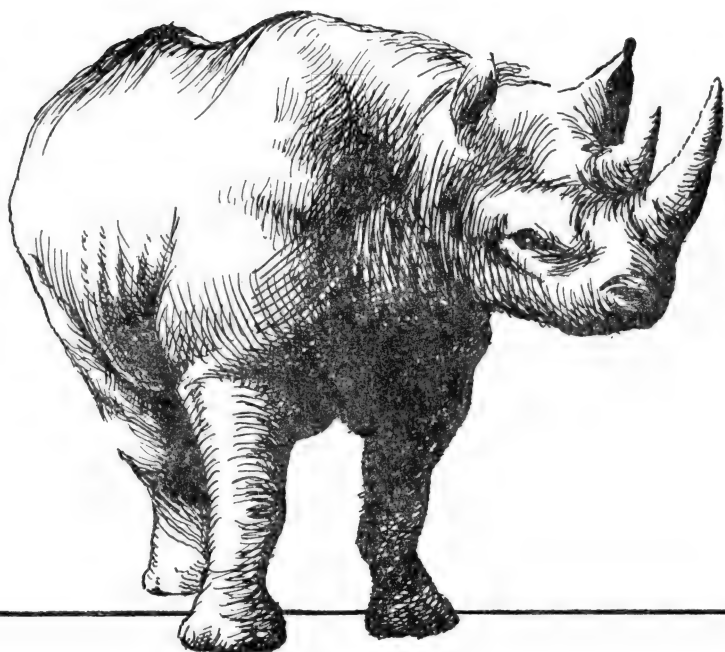
Через два дня ему снова надо было поехать в этот район. Когда до лагеря оставалось несколько сот метров, один из его помощников увидел Эльсу. Она лежала под кустом у дороги, явно прячась от них. Очень странно! Обычно она бросалась навстречу машине и со всеми здоровалась. Может быть, они обознались? Джордж повернул машину обратно и убедился, что это действительно Эльса. В первый миг она не сдвинулась с места, но, поняв, что ее обнаружили, вышла и приласкалась к Джорджу, всячески стараясь показать, что рада ему, даже поела привезенного им мяса. Тем временем Джордж прошел по дороге, высматривая следы. Рядом с отпечатками лап Эльсы были следы другого льва. А вот и сам лев смотрит на него из-за куста. Как будто тот же самый, которого Джордж видел с нею в прошлый раз. И бабуины подняли гвалт у реки. Тоже обнаружили льва! Услышав шум, Эльса перестала есть и пошла искать своего господина и повелителя.

Джордж поехал дальше, разбил лагерь и, прежде чем отправиться по своим делам, оставил в палатке мясо для Эльсы. Когда он вернулся, мясо лежало на месте. Ночью Эльса не пришла.

Взошла луна, и носорожиха по-прежнему лежала, вздымая серебристые в лунном свете бока, и черная кровь лилась из шеи и задней ноги; она хрипела и задыхалась, и детеныш громко сосал. Удавка сжимала дыхательное горло, но через некоторое время она все-таки немного отдышалась. На ноге петля пропорола мясо до кости. Теперь, когда носорожиха обмякла, нахлынула боль, дикая, жгучая, пульсирующая боль там, где тугой трос врезался глубоко в шею и в ногу. Но до смерти было еще далеко.

**Джон
Гордон
Дэвис**

**ОПЕРАЦИЯ
„НОСОРОГ“**

Джон Гордон Девис

Операция «Носорог»

Вступление

В это время года пересыхали все реки, кроме одной, и в том месте, куда дикие животные приходили на водопой, она текла очень медленно, едва пополняя каменистые и песчаные лужицы, и солнце накаляло камни и белый песчаный берег. Звериная тропа спускалась к реке через сухие, жаркие, глухие заросли.

Две из ловушек, расставленных местным браконьером у водопоя, были замаскированы на самой тропе. Но сперва они побывали у колдуна, и тот прочел над ними заклинание мушонга, чтобы они принесли счастье и не были украдены другим охотником. Это были широкие петли из многожильного стального троса толщиной три восьмых дюйма. Одна подвешена на уровне головы будущей жертвы, ниже помещена вторая, для ноги. Конец верхней петли привязан к срубленному браконьером толстому бревну, нижняя петля прикреплена к стволу дерева мопани, растущего возле тропы.

В этот тихий, знойный африканский вечер на закате шли на водопой носорожиха и ее детеныш. Самка была высотой сто шестьдесят пять сантиметров и весила около тонны; трусивший следом за ней трехмесячный детеныш не достиг еще и метра. Оберегая его, мать — воплощение быстрой, грозной, бронированной мощи — шла впереди, но она не заметила ловушек. Огромная задняя нога тяжело ступила прямо в нижнюю, а голова просунулась в верхнюю. Почувствовав, что петли затягиваются, носорожиха захрапела и рванулась вперед, чтобы сбросить их, но петли только еще туже затянулись, врезаясь в шею и в заднюю ногу, и она взревела и заметалась, и ею овладело бешенство.

Носорожиха рвалась вперед, и трос врезался все глубже, и дерево закачалось, и она захлебнулась собственным ревом. Торс пропорол толстую кожу, и хлынула кровь, а она продолжала вырываться, и одна петля стиснула ее широкое дыхательное горло, а другая кромсала сухожилия задней ноги. Обезумев, она сильно ревела и мотала шеей и грамадной рогатой мордой, вращала налитыми кровью, полными ужаса глазами, а трос продолжал вгрызаться в ее тело. Носорожиха встала на дыбы, дергая одержимой ужасом могучей головой, и тяжелое бревно, к которому была прикреплена верхняя петля, ползло по земле, а она ревела и мычала, выгибала огромную спину и металась взад и вперед, и трос неумолимо врезался все глубже, и она упала — подвела вздернутая вверх окровавленная задняя нога. Ударилась

широченной грудью, так что дрогнула земля, и перевалилась на бок, разбрасывая пыль толстыми ножищами. Тяжело поднялась и снова, как и рассчитывал браконьер, ринулась вперед, сиюсь освободиться от ловушек — и затягивая петли сильнее; и она опять грохнулась на содрогающую землю, дергая головой и ногой, и поднялась на дыбы, колотя по воздуху здоровенными копытами передних ног и мотая головой; попыталась достать ногой петлю на шее, чтобы сорвать ее, но не дотянулась и снова грохнулась; сделала попытку зацепить трос рогом, не вышло, изогнулась и направила длинный рог к нижнему проводу, но верхняя петля отдернула голову назад, и носорожиха опять упала со всего маху, обдирая себе брюхо, и трос затянулся еще туже. Все это время детеныш метался взад-вперед около нее, насторожив уши и стуча копытцами, то отскочит, то подбежит, то, объятый тревогой и страхом, упадет, отступившись; и он непрерывно визжал и скулил, с ужасом глядя, как бьется его огромная родительница. Животные, которые шли на водопой, слышали страшный гул и треск и хрипы, они придали ушами и опасливо принюхивались к воздуху, возбужденно переступали ногами и топтались по кругу, торопливо лакали воду и поворачивали и бегом возвращались в заросли. Целые десять минут громадная самка с налитыми кровью глазами рвалась из западни, редела, грохалась на землю и снова поднималась в облаке пыли, и дерево качалось, и толстое бревно дергалось, и трос нещадно терзал тело, и носорожиха задыхалась. На одиннадцатой минуте порвалась нижняя петля.

Петля порвалась вдруг, и самка упала, тотчас опять взгромоздилась на ноги и, обезумевшая, затрусила по звериной тропе, волоча за собой бревно на тугом ошейнике. Она трусила, ничего не видя перед собой, сию и задыхаясь, и детеныш бежал вдогонку галопом, и бревно прыгало следом за ней. Она мотала огромной головой, сиюсь освободиться от удавки. Дергала грохочущее, подпрыгивающее бревно, и на задней ноге болтался конец врезавшейся в ногу петли. Носорожиха ломилась через заросли прочь от реки, вверх по склону бугра, вниз по другому склону, и она сорвалась в лошину, с шумом покатила вниз, увлекая за собой гулкие камни, и детеныш, визжа, скатился за ней, и она с трудом поднялась и опять побежала, и прыгающее бревно волочилось за ней, цепляясь за камни и кусты и с каждым разом все туже затягивая петлю. Десять минут бежала она, оглашая заросли топотом, спасаясь от муки, и детеныш, прижав уши, догонял ее неуклюжим галопом; десять минут ломилась через заросли все медленнее и медленнее, задыхаясь и спотыкаясь, потом бревно сделало свое дело — застряло между камнями и рвануло ее за шею, и она рухнула.

Носорожиха напряглась, чтобы встать, задыхаясь, борясь с натянутым тросом, дрожа всем телом, разинув пасть и раздувая ноздри; попыталась встать, и налитые кровью, обезумевшие глаза были готовы выскочить из глазниц, она тужилась и хрипела, и кровь струилась по ее шее и хлестала из ноги; она снова и снова рвалась, но всякий раз удавка осаживала ее, все глубже врезаясь в шею, и ничего не получалось, и она обмякла, навалившись

на согнутые в коленях ноги, а тугой трос крепко держал ее голову. Черное доисторическое животное лежало, дрожа и задыхаясь, и могучие бока с обручами ребер вздымались, втягивая воздух, и ноздри были широко раздуты, и из разинутой пасти вырывались приглушенные сильные звуки, и обезумевшие, измученные глаза были готовы лопнуть от прилившей крови, и шумное, тяжелое дыхание разносилось далеко-далеко в закатной тишине.

Запыхавшийся детеныш стоял рядом в сумраке, весь в ссадинах от ушибов, которые получил во время лихорадочной погони за матерью. Сторожко поводя длинными ушами и прерывисто дыша, он метался вокруг своей могучей распростертой родительницы и топал, и пыхтел, и жалобно повизгивал. В этот день он еще совсем не пил воды. Детеныш долго метался и скулил и опасно вертел ушами, потом смирился с необычным поведением матери, и ему захотелось пить. Посапывая и поскуливая, он стал искать соски, тыкаясь мордой в материнский бок. Носорожиха лежала, задыхаясь, и детеныш прижал уши к голове и опустил на колени, но она лежала неудобно, тогда он сам распластался на животе, протолкнул голову под ее заднюю ногу, ухитрился поймать ртом сосок и принялся сосать.

Взошла луна, и носорожиха по-прежнему лежала, вздымая серебристые в лунном свете бока, и черная кровь лилась из шеи и задней ноги; она хрипела и задыхалась, и детеныш громко сосал. Удавка сжимала дыхательное горло, но через некоторое время она все-таки немного отдышалась. На ноге петля пропоролa мясо до кости. Теперь, когда носорожиха обмякла, нахлынула боль, дикая, жгучая, пульсирующая боль там, где тугой трос врезался глубоко в шею и в ногу. Но до смерти было еще далеко.

В лунном свете появились гиены. В лунном свете, припадая к земле, чуя запах крови, зная, но еще не смея, они кружили в зарослях и зорко следили за детенышем. Детеныш их слышал и чуял, и он скулил, подняв голову вверх; он метался вокруг матери, озираясь и прислушиваясь, непрерывно поводя ушами. Ему было очень страшно, но, если бы кто-нибудь тронул мать, он яростно атаковал бы противника, стараясь поддеть его своим крохотным, чуть больше сантиметра, рогом.

Могучая носорожиха тоже наконец услышала гиен, услышала сквозь боль и муки; и она попыталась подняться на ноги, чтобы встретить врага лицом к лицу и дать ему отпор, и натянутый трос ослаб, и камни отпустили бревно. Вслепую, опустив голову, задыхаясь и пытаясь нагнать страх на гиен, она заковыляла назад через камни, но горло было перехвачено удавкой, и вместо рева получился хрип. На темных камнях она споткнулась и упала на колени, снова поднялась и заковыляла дальше, и кровь текла из ноги и шеи, и детеныш трусил за ней.

Задыхаясь, свесив голову, могучая носорожиха брела вслепую через залитые лунным светом заросли, и тяжелое бревно волочилось следом за ней, цепляясь за корни и выступы, и трос врезался глубже и глубже, как и было задумано, и гиены шли по ее следам. Она волочила заднюю ногу, и нога с перехваченной тросом костью подкаши-

валась, потому что все мышцы были рассечены; она оступалась и подтягивала ногу и снова оступалась. Детеныш трусил за ней. Она шла медленно, с каждой минутой все медленнее, и шаталась, и хромала, и падала, громко хрипя сдавленным горлом. Всю долгую лунную ночь носорожиха ковыляла, волоча за собой бревно. Ее одолевала жажда, огромная пасть была широко разинута, но она думала только о том, как уйти от удущья. Кровь широкой, черной, поблескивающей в лунном свете струей текла по мощной шее и по искалеченной задней ноге.

Под утро началось воспаление, адская боль толчками пронизывала распухшие раны. Жажда стала нестерпимой. Иногда носорожиха падала без сознания, потом опять приходила в себя от собственного хрипа, от пронизывающей боли, от тяжелого, глухого шума в голове, от гулкого стука собственного сердца. Но до смерти все еще было далеко. Смерть придет не сегодня, в жаркие дневные часы, и не ночью, может быть, даже не завтра днем и не завтра ночью. Не придет, пока гангрена не напоит черно-зеленой адской отравой всю громадную тушу — разве что носорожиха до тех пор сама себя удушит. Разве что явятся львы. Или наберутся смелости гиены. Или явится браконьер, выследив жертву по метинам, оставленным на земле бревном, и добьет ее копьем. Но в этот час браконьер был далеко, вливал себе в глотку пиво. Так что смерть придет не скоро.

Когда рассвело, все помыслы могучей носорожихи были о том, чтобы напиться, и она направилась к воде, огромный черный умиравший зверь шел к воде, ковыляя и хромая, и задняя нога подкашивалась, и всякий раз широкая темная спина кренилась, и глубокая кровавая рана на шее всякий раз открывалась, и обезумевшие глаза вылезали из орбит. И детеныш трусил за ней следом.

Солнце стояло высоко в небе, когда носорожиха приблизилась к воде. Раздувавшиеся громадные ноздри почуяли воду, и она разинула громадную пересохшую пасть, и детеныш тоже почуял воду. Вниз по длинному, сухому, накаленному косогору, через желтые, серые, бурые заросли ломилась носорожиха, волоча за собой бревно, хрипя, падая, одолеваямая нестерпимой жаждой и дикой болью. Семьсот метров... после долгого перерыва еще шестьсот... потом... потом еще пятьсот... четыреста... и сквозь чудовищную муку она явственно чуяла запах воды.

В двухстах метрах от водопоя бревно опять зацепилось. Застряло между двумя деревьями. Трос рывком натянулся, и носорожиха упала и начала брыкаться толстыми ногами, силясь встать, и в иступлении мотала головой и билась на земле, силясь встать и дойти до воды, но все ее движения и все рывки теперь были медленными, вялыми. Потом она обмякла, распластавшись на бок, заарканенная тугой удавкой, и могучие бока ее тяжело вздымались, и пасть была разинута, и ноздри раздувались, но встать она не могла. Воспаление образовало кровоточащий, гноящийся, толстый, широкий ошейник, и заднюю ногу опоясывала рана до кости.

Весь этот долгий жаркий день громадная носорожиха пролежала на земле неподалеку от воды. Иногда она пыталась встать. Иногда

ей это удавалось, и она пыталась идти на трех ногах, и петля осаживала ее, врезаясь все глубже и глубже, и обезумевшая носорожиха неистово мотала опущенной головой, сражаясь с удавкой, хрипя от жажды и удушья, и снова падала на землю. Иногда она впадала в забытие. Но воздух еще поступал с хрипом в легкие, и адская боль приводила ее в себя, и она опять силилась встать и опять падала. Мухи облепили ее глаза и пасть и раны на толстой распухшей шее и на ноге. Потом явились муравьи, явились, привлеченные запахом крови, большие черные муравьи. Детеныш не отходил от матери и скулил. Ему было очень страшно и очень хотелось пить, но он не смел идти к водопою. Иногда он распластывался на животе рядом с ней и сосал. Иногда ложился на бок подле нее и даже засыпал. Но по большей части он бродил вокруг матери, подняв голову, озираясь по сторонам, непрерывно поводя ушами и повизгивая, и ему очень хотелось пить. Вечером к шее и к ноге носорожихи подступила гангрена, и начались самые страшные муки. Однако до смерти было еще далеко.

Ночью детеныш направился к водопою. Он двое суток не пил воды. Мучимый жаждой, слыша запах воды, он долго ждал, непрестанно шевеля ушами. Снова и снова порывался он пойти к воде. Вот тронулся с места, подняв голову и поводя ушами, лова звуки и запахи воды. Осторожно пошел через заросли, остановился, опять пошел, нерешительно и тревожно поскуливая и оглядываясь на свою могучую родительницу, но мать не вставала, и уши его прижимались к голове, потом опять поворачивались в разные стороны, и он беспокойно озираясь. Снова и снова отойдет вот так на несколько шагов, потом вдруг повернет и бежит обратно к матери и стоит, запыхавшись, подле огромной туши, прислушиваясь и озираясь. Появилась луна.

После многих повторных фальстартов детеныш отошел далеко от матери, озираясь по сторонам, лова ноздрями запах воды, лова запах ночи, останавливаясь и снова трогаясь; он шел через серебристо-золотисто-черные заросли вниз к водопою, и стоны матери доносились откуда-то издалека, и сердце его отчаянно колотилось, но иссушающая жажда пересиливала страх, и он уже увидел поблескивающую в лунном свете воду, и тут гиены набросились на него.

Гиены давно следили за ним, держась с подветренной стороны, и, когда до воды оставалось совсем немного, они бросились на него. Припадая к земле, выскочили из кустарника, спеша наперегонки к добыче, и он услышал их и повернул кругом и с визгом побежал обратно к матери, до которой было всего двести метров, и гиены, припадая к земле, гнались за ним в лунном свете, и он бежал и визжал и спотыкался, бежал со всей скоростью, на какую только был способен, и одна гиена прыгнула, нацелившись на его задние ноги, и поймала изогнутый петелькой хвостик и начисто оторвала его, но отчаянно бегущий, испуганный, скулящий детеныш чувствовал только дикий, терзающий душу ужас, а желтые зубы норовили схватить его мелькающие пятки, и он мчался сломя голову, мчался, отчаянно визжа, через снопы лунного света к матери, и рычащие убийцы гнались, щелкая зубами, за ним, и на полпути они настигли его. Одна гиена

прыгнула ему на загривок, другая схватила заднюю ногу, третья впилась в переднюю ногу; он дыбился и извивался, и кричал, и вырывался, но они висели на нем, вонзив глубоко клыки, и сбили его с ног, не отпуская хватки; он пытался встать и бежать, бежать, бежать, но они навалились на него со всех сторон, кусая, терзая, рыча, и они добрались до его кричащей глотки и дергали, рвали, терзали его зубами, толкаясь в лунном свете, и клыки нашли дыхательное горло и вспороли его и вырвали прочь, и детенышу пришел конец. И они не мешкая распотрошили его и сожрали. Носорожиха слышала все, знала, что происходит, она пыталась встать и броситься на врага, брыкала могучими ногами и колотила по земле огромной головой, привстала и опять рухнула с обезумевшими глазами, издавая страшные хриплые звуки, снова и снова пыталась встать, пыталась что-то промычать детенышу, хотела разогнать гиен, и она билась на аркане все время, пока гиены убивали его и пока они разрывали его на части и с хрустом разгрызали его кости и пожирали его, и она продолжала биться еще долго после того, как они оставили окровавленный костяк и вприпрыжку удалились обратно в ночь. Всю ночь она брыкала толстыми ногами и билась могучей головой и пыталась что-то промычать и никак не могла подняться. В конце концов она затихла, умирая, только шумно хрипела в ночи, и сердце ее разрывалось.

Но смерть не пришла к ней в ту ночь. И наутро не пришла и не шла весь день, долгий, сухой, исполненный адской жажды день с муравьями и мухами. Под вечер прилетели волокнои и принялись клевать шею и ногу носорожихи, поедая ее. Под вечер закружили в небе стервятники и опустились, хлопая крыльями, на деревья и слетели, хлопая крыльями, на землю, ожидая, когда она умрет. И поздно ночью она умерла в лунном свете, умерла от удушья, от жажды, от муки, от отравы, от изнеможения. Никто не помог ей умереть: ни браконьер, ни бог. Браконьер все еще промывал глотку пивом, а всевышний был занят другими делами.

Часть первая

Глава первая

Первые два месяца базовый лагерь участников «Операции Носорог» располагался у Мусусумойи в районе Умфурудзи. Месяц руководили Томпсон и Куце операцией вместе, потом Томпсон вернулся к своему постоянному месту работы в Гона-ре-Жоу, и Куце продолжал руководить один. Они отловили семнадцать носорогов и перевезли их за тысячу километров; оставалось еще несколько носорогов, которые никак не давались ловцам, так что в конце второго месяца базовый лагерь перенесли в другое место и Куце вернулся на свой пост в долине Замбези, а Томпсон тем временем готовился приехать снова и сменить его. Они делили между собой руководство

операцией, чтобы объединять свои знания и совместно накапливать личный опыт в таком необычном и небезопасном деле.

Томпсон был отличный охотник и ученый-специалист по носорогам, если вообще можно быть специалистом по столь редким и опасным животным, о которых к тому же чрезвычайно мало написано. Он готовил диссертацию о носорогах. Куце много лет профессионально занимался охотой и прослыл одним из лучших охотников во всей Африке; словом, совместное руководство было на пользу обоим. И напорись один из них на рог, второй мог бы продолжать общее дело.

Итак, в конце второго месяца Ричард Пик и Грэм Холл перенесли базовый лагерь за пятьсот километров — в Ньямасоту, неподалеку от реки Руьи, где и построили новый загон для носорогов. Старина Норман Пейн выехал раньше и разбил новый передовой лагерь в тридцати двух километрах от базового, после чего отправил своих следопытов разведывать район. Все было готово, и вот в начале третьего месяца прибыл Томпсон, чтобы снова возглавить операцию, и я впервые встретился с ним.

С Куце я был хорошо знаком еще раньше, по долине Замбези, и я много слышал о Томпсоне, ходившем в любимчиках в Управлении по охране дикой фауны. Голубоглазый блондин, Томпсон обладал приятной, почти юношеской внешностью; его английская речь отличалась мягкостью интонаций. Правда, когда он прибыл, голос его звучал не мягко: он опоздал на целый день, потому что следопыт, которому было поручено проводить его через заросли к новому лагерю, восемь раз сбивался с пути. Мало того, следопыт уронил на землю фотоаппарат Томпсона и случайно сел на картонную коробку с яйцами. Томпсон очень любил свой фотоаппарат, но терпеть не мог омлетов, и еще он не любил попусту тратить время за счет налогоплательщиков, а потому после восьмой промашки проводника высадил его из лэндровера и предложил ему безотлагательно заняться отработкой следопытских навыков, добираясь пешком до лагеря.

Дальнейший путь до Руьи Томпсон нашел самостоятельно. Голос его по прибытии звучал далеко не мягко, но он осмотрел толково устроенный лагерь и построенный Ричардом и Грэмом Холлом загон, и мы рассказали ему про обнаруженные стариной Норманом многочисленные следы носорогов, поведали также другие новости, приятные человеку, увлеченному носорогами, и он прочел отчеты Куце о работе в Мусусумойе; ему поднесли пива, и он уселся перед входом в свою палатку, и принялся для завтрашнего дня наполнять обездвиживающие шприцы препаратом М-99, и заметно повеселел.

На исходе зимы обширное редколесье вдоль Руьи у границы Южной Родезии и Мозамбика, где живет народ, возглавляемый вождем Масосо, поражает засуха, и сухая земля достигает каменной твердости, и скот чахнет от бескормицы. Ночью здесь холодно, а днем солнце посылает жгучие лучи с беспощадно синего неба. Все реки пересыхают — и Мудзи, и Бунгве, и Шамва, совсем пересыхают; и только Руья извивается среди раскаленных серых скал и жарких зарослей; и вдоль горячих каменистых и песчаных берегов зеленеет высокий камыш.

Все-оставшиеся животные спускались к Руйе на водопой: носороги, бородавочники, львы, различные антилопы, рогатый скот. Большинство животных исчезло в этих краях, став жертвами ловушек, расставленных браконьерами, как местными — людьми вождя Масосо, так и пришлым, которые наведывались издалека со своими западнями и шомпольными ружьями. Слоны вовсе ушли отсюда из-за браконьеров, большая часть антилоп была перебита, оттого и львы почти перевелись, но четыре льва еще остались, из них, как мы определили по следам, один очень крупный, а два совсем молодых. Большинство носорогов погибли в ловушках. Но в районе Руйи, судя по виденным нами следам, еще уцелело двенадцать, может быть, даже шестнадцать носорогов. Местные жители рассказывали, что на самой границе, где Руйя называется Луйя, живет отшельником очень опасный и злой здоровенный самец; они клялись, что он белый. И будто бы у него розовые глаза.

Как ни хотелось нам, чтобы этот носорог оказался альбиносом — первый носорог-альбинос в мире! — мы не верили, что он в самом деле белый. Скорее всего, он выглядел таким благодаря оттенку почвы в лужах, где он валялся, а глаза казались розовыми потому, что наливались кровью от ярости, ибо носорога больше всего на свете злит, когда кто-нибудь подходит к нему так близко, что различает цвет его глаз. Были здесь и другие большие злые самцы, которые загоняли наших следопытов на деревья; водились и самки с детенышами, причем два детеныша были совсем маленькие, не старше месяца, судя по следам. И над всеми ними нависла угроза. Еще два года — и не осталось бы ни одной особи. Браконьеры со своими петлями несли им долгую мучительную смерть; высушат мясо и шкуры и продадут, рога тоже продадут за несколько фунтов торговцам, а те сбудут их скупщикам в портах, на берегу океана, а скупщики разошлют их по всему свету — туда, где за рог носорога платят бешеную цену, веря в его эротическое действие. Еще немного, и на Руйе окончательно перевелись бы носороги.

Наш базовый лагерь расположился на вытянутом низком холме. В высокой желтой траве среди деревьев мопани расчистили пять площадок под палатки. Посередине на прогалине разместился штаб: натянутый между двумя деревьями брезент, под брезентом длинный стол на козлах, карты, документы, всякие припасы. Возле штаба стоял «лендровер» с радиостанцией, дальность действия которой позволяла держать связь с любой точкой страны. На той же прогалине находился главный лагерный костер, день и ночь тлели толстые бревна, а рядом с ним стоял под деревом связанный из жердей кухонный стол, громоздились кастрюли и сковороды и стояла большая старая черная железная дровяная печка. У каждого из нас был около палатки свой костер, каждый располагал личным поваром, но мы часто собирались все вместе у большого костра, принося с собой свою еду.

Личные палатки беспорядочно раскинулись в траве между деревьями по обе стороны прогалины, и по выбору площадки можно было судить о нраве ее обитателя. Ближе всех к прогалине стояла палатка

Томпсона; в ней же хранились препараты для наркоза и шприцы, ружья и лекарства, а также его научные заметки. Ричард поставил свою палатку по соседству с палаткой Томпсона и прогалиной. Высокий, поджарый, живой, полный энергии объездчик с копной темных волос и пытливыми глазами, Ричард был протее Томпсона; ему страшно нравился лагерный быт вообще, а отлов носорогов в особенности. Спроси вы его, чего он пожелал бы себе ко дню рождения, юный Ричард ответил бы: «Самостоятельно отловить носорога». До сих пор ни Томпсон, ни Куце не позволяли ему выходить один на один против носорога, но Томпсон пообещал, что, может быть, разрешит в этом месяце, смотря по тому, как сложится обстановка и где будет выслежен зверь. Чтобы выйти на носорога, нужно потратить немало времени, сил и денег. К тому же дело это опасное, ошибаться нельзя. Ричард жадно впитывал все наставления и поставил свою палатку поближе к центру, чтобы ничего не упустить.

Намного дальше от прогалины среди высокой травы стояла палатка Невина. Застенчивый долговязый блондин, он был самым молодым объездчиком в отряде; говорил мало, даже у большого костра. Предпочитал слушать. Он вряд ли мог рассчитывать на то, что ему разрешат в этом году выйти один на один против носорога, и это его огорчало, однако он старался не показывать виду.

По другую сторону прогалины в густой траве разместились стоянка Грэма Холла. Он устроился основательнее всех: две палатки и кругом плетеная ограда для полного уединения. В прошлом профессиональный охотник, он уверял, что только глупец чувствует себя неуютно в буше. Ровесник Томпсону и мне, он был пока лишь объездчиком, так как только недавно поступил на службу в Управление. В буше чувствовал себя, как дома, в его словах и поступках всегда был здравый смысл, и Томпсон и Куце полагались на него.

На изрядном расстоянии от палаток Холла, дальше всех от прогалины, находилась моя палатка. Я был наблюдателем и летописцем,— стало быть, меня не положено беспокоить, да и стук моей пишущей машинки не должен мешать остальным, если в конце дня у меня еще хватит сил за нее есть.

За нашим холмом во все стороны простирались мопановые заросли, и другие холмы сплошной чередой тянулись до самого горизонта, где желтая трава и серые деревья мопани, сливаясь, становились розовато-лиловыми. В трех километрах начинался Мозамбик, там река Руйя меняла свое название на Луйя, и там, на холме у реки стояла вежа, служившая пограничным знаком. Южнее базового лагеря находился загон для носорогов, ожидающих переброски за тысячу с лишним километров в заповедник Гона-ре-Жоу на самом юге страны, где можно было не бояться браконьеров. Загон был крепкий, надежный; ограда высотой три с половиной метра из толстых стволов мопани соединена проволокой с бревенчатым каркасом и разбита на четыре отсека. Чтобы войти в загон, надо было вытащить несколько бревен; точно так же открывался проход в отсеки, позволяя переводить носорога из одного отсека в другой. Строители загона потрудились на совесть. По соседству с загонем стояли огромный

эвакуационный «мерседес» и другие грузовики, а также двухсотлитровые бочки с горючим, ввоз которого Великобритания якобы блокировала. Здесь же помещалась водовозная тележка с питьевой водой для нас и носорогов, а под брезентом лежали мешки с кукурузной мукой и земляными орехами, излюбленной пищей африканцев. Дальше раскинулся аккуратный лагерь следопытов, обеспеченных казенным снаряжением, еще дальше были видны очаги презирующих удобства местных рабочих — людей вождя Масосо. Километрах в шестидесяти пяти к юго-востоку от базового лагеря помещалась протестантская миссия; предполагалось, что миссионеры — единственные европейцы в этом районе.

Однако в конце того дня, когда прибыл запоздавший Томпсон — он только-только начал отходить от воспоминаний о следопыте, фотоаппарате и неудачно насиженных яйцах, — мы услышали, как далеко за холмами Руйи, где мы намеревались выследить носорогов, рокочет могучий бульдозер, и Томпсон снова завелся. И не он один. На закате старина Норман Пейн прикатил за тридцать километров из своего лагеря на Руйе к нам, чтобы поделиться своим негодованием с Томпсоном. Старина Норман — загорелый брюнет невысокого роста, в очках — много лет работал объездчиком и упорно отказывался от повышения в должности, не желая променять буш на письменный стол; он был специалистом по браконьерам и рьяно их выслеживал. Когда-то он был также профессиональным охотником. Этот закаленный, приветливый немолодой мужчина крайне редко прибегал к сильным выражениям, но, говоря о бульдозере, не попустился на брань. Вслед за Норманом из своего лагеря в двадцати пяти километрах приехал к нам в гости хозяин бульдозера, весьма обрадованный известием, что в округе появились европейцы. Мы угостили его пивом на истинно британский манер, потом расположились вокруг большого костра, чтобы поджарить себе мяса на лопате. Томпсон привез свежее мясо из Маунт-Дарвина, так как мы, с целью показать пример людям вождя Масосо, не стреляли дичь для своего котла; а на лопатах мы жарили потому, что в экспедиции у каждого, само собой, есть лопата и у лагерного костра жарить мясо на лопате куда сподручнее, чем на сковороде. И как только мы занялись этим делом, тут же взяли в оборот хозяина бульдозера. Томпсон откашлялся и сказал:

— И что это вам приспичило, старина, запускать здесь свой треклятый бульдозер в то самое время, когда мы пытаемся ловить носорогов?

— Я делаю то, что мне велено, — отпарировал удивленный гость.

— А я делаю то, что мне велено, — сказал Томпсон. — Велено ловить носорогов.

— Ну, и ловите своих носорогов, — озадаченно произнес хозяин бульдозера. — Здесь достаточно места для нас обоих.

— В том-то и дело, что недостаточно, — возразил Томпсон, стараясь быть вежливым. — Как я буду ловить носорогов, если ваш треклятый бульдозер тарахтит так, что хоть уши затыкай?

— Но мой бульдозер работает в двадцати пяти — тридцати кило-

метрах отсюда!— Гость обиженно указал куда-то вдаль над костром.

— Дважды тридцать, и то было бы близко,— сказал Томпсон.— Звук отдается в холмах и распугивает носорогов, которых мы ищем.

— Ну и что,— оптимистически заметил гость с претензией на остроумие,— шум моего бульдозера заглушит ваши шаги.

Томпсон пронзил его взглядом. Мы все пронзили его взглядом.

— Сдается мне, старина, вы чего-то недопонимаете,— сказал Томпсон, изо всех сил стараясь быть вежливым.

— Я выполняю то, что мне велено.— Хозяин бульдозера прищурился.— Дороги необходимы, чтобы местные жители могли освоить свой край. Это дело Национальной Важности.

Все явственно услышали прописные буквы.

— А спасти от истребления носорогов — дело Интернациональной Важности,— ответил Томпсон, тоже с прописными буквами.— Вам известно, что вытворяет человек? Известно, что такие, как вы и ваши треклятые бульдозеры, вытворяют с природой и дикой фауной во всем мире?

— Это не мой бульдозер,— миролюбиво возразил гость.— Без Прогресса нельзя.

Опять прозвучала прописная буква.

— Да вы дайте мне сперва вывезти отсюда носорогов,— сказал Томпсон.— Потом можете толкать свой Прогресс хоть до Томбукту. Хоть до загробного мира, если надумаете.

— И когда дойдете до океана,— добавил старина Норман,— так вы уж, будьте любезны, не останавливайтесь.

— Прогресс?— процедил Грэм Холл.— Загрязнение среды!

Томпсон указал на безбрежную черноту буша за костром.

— В трех километрах отсюда начинается Мозамбик. Международное право не позволяет нам следовать за носорогами, если они перейдут границу. Верно?

Он повернулся ко мне.

— Верно,— поддержал его я, хотя память подсказывала что-то насчет права китобоев преследовать кита, уходящего из международных вод в территориальные.— Кстати, я по образованию юрист.

— У нас все на высшем уровне — возим с собой собственных юристов,— заметил Грэм Холл.— А наш к тому же еще и писатель. Такое про вас напишет, на весь мир последним негодяем выставит.

— А может одно государственное управление предъявит иск другому управлению?— зловеще осведомился старина Норман.

— Безусловно,— ответил я.

— Так тому и быть,— заключил Грэм Холл.— Подаем в суд и пишем статью для «Всемирных новостей».

— Зачем это?— уныло произнес хозяин бульдозера, вызывая к нашей сговорчивости.— Пусть уходят к португальцам. Носороги принадлежат всем.

Его слова потрясли нас.

Томпсон все еще старался быть вежливым.

— Старина, как только они уйдут в Мозамбик, им конец.

Португальские власти совсем не справляются с браконьерами.

— Почему непременно в Мозамбик?— Гость был против мрачных прогнозов, он так обрадовался, услышав о нашем появлении, приехал издалека с самыми дружескими намерениями, а тут такая встреча!— Может быть, они уйдут в ту сторону.

Он с оптимизмом указал на юг. Мы дружно покачали головой, но предоставили говорить Томпсону.

— Послушайте,— Томпсон откинулся в раскладном кресле, он кипел, однако старался не высказывать своих чувств хозяину бульдозера: как-никак гость и, что ни говори, такой же государственный служащий, как он сам.— Известно вам, во что обходится отлов одного носорога? Известно, во что обошлось правительству и великодушной общественности забросить меня с моими людьми и снаряжением сюда, чтобы мы переселили и спасли для человечества дюжину носорогов, чтобы их не замучили до смерти и чтобы мир не остался без носорогов? Известно? Так вот,— продолжал Томпсон, стараясь не показывать гостю свой гнев,— отлов одного носорога обходится в триста фунтов стерлингов.

Гость не сдавался.

— А известно вам, во что обошлось правительству забросить сюда меня с бульдозером и всем снаряжением и бригадой рабочих, чтобы мы прокладывали дороги для развития края и Национальной Экономики?— негодуяще спросил он, не забывая о прописных буквах.

— Послушайте,— снова сказал Томпсон,— дайте мне сперва вывезти носорогов.

— А мне что делать со своим бульдозером и рабочими, пока вы будете ловить носорогов?— осведомился гость.

— Сказал бы я, что тебе делать с твоим бульдозером,— процедил Грэм Холл.

Мне было немного жаль нашего гостя. Еще один славный малый, которого судьба забросила в буш. Не его вина, что он занимается бульдозерами.

— Я делаю то, что мне велено,— повторил он.

— Я тоже.— Томпсон попытался улыбнуться. Ну, как тут быть?

— Вот что,— сказал Томпсон,— я свяжусь по радио со своим министерством, а вы свяжитесь со своим, и пусть выяснят отношения между собой.

— На боксерском ринге,— попытался я сострить, сочувствуя хозяину бульдозера.

Глава вторая

Когда над холмистой равниной буша восходит огненно-красное солнце, высокая сухая трава сперва плывет золотисто-лиловыми волнами, потом наливается сочной желтизной, и мир удивительно тих и прекрасен. Раннее утро с длинными прохладными золотисто-лиловыми стелющимися тенями — лучшее время суток.

Мои палатки стояли метрах в ста от площадки Томпсона, и за

высокой травой я не видел ее, но было слышно, как он говорит по радио о следах со стариной Норманом. Я крикнул Брайтспарку Тафурандике, чтобы он сварил кофе, но ответа не получил. Тогда я выбрался из палатки и, обогнув ее, остановился перед второй палаткой, которая играла роль столовой. Брайтспарк Тафурандика спал подле очага, завернувшись в брезент. Приготовленное им ложе из травы осталось нетронутым.

— Тафурандика!

Он сел — старик со щербатым ртом и воспаленными глазами. Вид у него был ужасный.

— Куда ты ходил ночью?

Брайтспарк Тафурандика одной рукой взялся за голову, другой указал куда-то вдаль.

— Уже выследил пиво!

До ближайших хижины африканцев был, наверно, не один километр, но Тафурандика безошибочно находил такие места, как верблюд находит оазис в пустыне. Он и внешностью смахивал на верблюда.

— Ты кто — скаменга? Какое там, ты — цоци! Еще хуже, ты сто раз цоци! Скажи сам, кто ты такой?

Я бранил его на языке чилапалапа.

— Я старый человек. — Брайтспарк Тафурандика обхватил голову руками. — Старый, немощный человек.

— Когда я нанимал тебя, ты уверял, что обладаешь силой буйвола, сердцем льва и глазами орла. А на самом деле у тебя только жажда лошади!

— Я сам не пью, — возразил Брайтспарк Тафурандика.

— Свари мне кофе, Лошадь Которая Не Пьет.

Я вернулся к своей палатке.

Когда служащий по трудоустройству в Солбери представил мне Брайтспарка Тафурандику, я спросил по-английски:

— Неужели у вас нет никого другого?

— Нкеси, — обратился ко мне Тафурандика на языке чилапалапа, — я лучший повар и бесстрашный охотник.

— Мы будем ловить носорогов, — сказал я ему. — Живьем. И у нас не будет свежего мяса.

— Ловить кого? переспросил Тафурандика.

— Чипимбири, — ответил я.

— Мои дети еще только в школу ходят, — сказал Брайтспарк Тафурандика. — Мне надо их кормить.

И вот я пью кофе, а солнце лишь наполовину выглянуло из-за горизонта, и небо являет вид буйной красоты, оранжевые и красные мазки вторгаются в ясные, чистые, покойные серые тона ночи, и на темной западной синеве еще мерцают редкие звезды, и макушки серых деревьев мопани на западе чуть тронуты утренним золотом, и мопани к востоку от моей площадки только начали превращаться в объятые пламенем черные силуэты на фоне ослепительной зари, и первые золотистые блики ложатся на лиловато-желтые верхушки слоновой травы, и в эту чудесную утреннюю пору, когда я в одной

руке держу кружку кофе, в другой — сигарету, с площадки Томпсона доносится его голос:

— Чи-пим-биии-ри!

Я встаю со стула и кричу Брайтспарку Тафурандике, чтобы принес апельсинов, сую в карман горсть глюкозы, глотаю остатки кофе и спешу через высокую желтую траву к загонам и машинам. Солнце еще не вышло из-за деревьев. Слышно, как Томпсон песочит местных рабочих. Добежав до штаба, вижу, что рабочие карабкаются в высокий кузов пятитонного «мерседеса» под гневными взглядами Томпсона.

— Представляешь себе? — сердито говорит он мне.

— Они всю ночь гуляли, пили пиво, ни один не спал.

Рабочие ухмыляются; в воздухе пахнет африканским пивом и застарелым потом.

Томпсон кричит на чилапалапа:

— Шевелись! Сегодня солнце задаст вам жару, ребята! Сегодня вы проклянете ваше пиво! И учтите — когда у вас будут раскалываться головы, это вы сами виноваты, я тут ни при чем!

У Томпсона было паскудное настроение. Сперва злополучный следопыт, потом бульдозер, теперь это чертово пиво. Бен забирался в кузов не спеша. Бен — самый главный, лучший следопыт, личный следопыт Томпсона. Надвинув на глаза шляпу с обвисшими полями, он угрюмо попыхивал трубкой. У Бена всегда был угрюмым вид. Он редко говорил. Его дело было отслеживать зверя. Томпсон сердито глянул на него, но кричать не стал. Бен уселся в кузове спиной ко всем остальным и устоялся вдалеке над головой Томпсона, попыхивая трубкой. Знал, что хмель не хмель, — он главный человек в отряде. Томпсон крикнул:

— И если кто из вас будет лодырничать сегодня, будет работать шалаяй-валяй из-за ибаббалаза — вечером пойдет в лагерь пешком, слово даю, и пусть его сожрут львы!

Большинство рабочих уже залезли в кузов и рассаживались на скамейках, пошатываясь из-за ибаббалаоза — с похмелья; одних мутило, другие улыбались — кто сконфуженно, кто с пьяной беспечностью.

— Вы забыли, зачем мы здесь собрались? — кричал Томпсон. — Забыли, для чего вас наняли? Разве вы мужчины? Бабы, вот вы кто! Разве можно на вас положиться? Да вы хуже детей, честное слово!

Он метнул в них еще один грозный взгляд, повернулся, прошагал к кабине, залез в нее и хлопнул дверцей. Встав одной ногой на громадное заднее колесо, я перемахнул через борт в громадный кузов, где уже разместились рабочие, Грэм Холл, Ричард и Невин, и мощный мотор взревел. Избавленные от внимания начальства, африканцы весело тараторили. Было холодно, и в воздухе стоял резкий запах перегара и пота.

Солнце только-только оторвалось от золотистых крон, отрасывающих длинные лиловые утренние тени, и в кузове тяжелого грузовика, который трясся по лесной дороге, было холодно. Холод проникал сквозь мои свитеры, черная кожа африканцев покрылась

пупырышками, и в кузове уже не пахло потом. Тяжелый грузовик вздымал клубы пыли; золотистые и лиловые в утреннем свете, они вырастали позади нас и застывали в рассветном холодке. Рабочие, все еще под градусом, возбужденно переговаривались. Дорога виляла через буш вверх и вниз по склонам длинных холмов. Местами нам встречались стоящие вблизи дороги краали: три-четыре крытых травой хижины из жердей, а между хижинами — утоптанная площадка и плетеная ограда для момбе — скота; глинобитный амбар для зерна, роющиеся в земле африканские куры, иногда несколько поросят, и почти везде тощие псы; тлеющие кухонные очаги, женщины и дети, которые поднимали голову и несмело махали нам руками, удивленно взирая на нас и наш огромный грузовик, и мы махали в ответ, и наши рабочие кричали: «Мы едем ловить чипимбири!» — и смеялись, очень гордые тем, что восседают в кузове вздымающей пыль тяжелой машины, и почти все веселенькие после ночной гулянки. Но краали попадались редко, и по большей части нас сопровождал безбрежный густой серовато-бурый буш Африки, грунтовая дорога и снова буш — и небо, и утреннее солнце, и клубы пыли за машиной. В тенистых ложбинах было очень холодно, заметишь издали холодную тень, и вот уже тебя обдало стынью и ты мечтаешь, хоть бы дорога на дне ложбины оказалась настоящей скверной, что Мкондо, водитель грузовика, будет вынужден сбавить ход и на миг остановиться, переключая скорость, и на миг замрет холодное дыхание серой тени, и ты внезапно по контрасту ощутишь блаженное тепло; но блаженству приходил конец, как только машина начинала взбираться на противоположный склон. Но вот грузовик выскочил из ложбины на солнце, и, пока он набирает скорость, тело согревает внезапный поток золотистых утренних лучей, и ты благословляешь солнце, однако Мкондо прибавляет ходу, и солнце уже не спасает тебя от встречного ветра.

Мы поднимались вверх по длинному склону. Вдруг сидящий рядом со мной африканец по кличке Газолин поднял черную, покрытую гусиной кожей руку, и я увидел двух антилоп куду, самку и теленка.

— Ньяма! — крикнул веселенький Газолин.

Куду глянули на нас, потом большими скачками ринулись в буш и пропали.

— Вкусное мясо? — спросил я, стараясь перекричать шум ветра.

— Ха! Очень вкусное! — Газолин радостно улыбнулся навстречу ветру. — Ньяма!

— И часто вы его здесь едите? — прокричал я.

— Ха! Очень часто! — похвастал Газолин.

— А их не трудно ловить?

— Ха! Совсем легко, кто знает способ! — продолжал хвастать Газолин, очень довольный собой.

— И как же ты на них охотишься?

— Я охочусь... — Газолин осекся, глядя на меня.

— Петли расставляешь? Или стреляешь из ружья?

— Нет, — ответил Газолин. — Просто мне они попадают мертвые.

— Так-так,— сказал я.— Вот и ты попался. Придется рассказать про тебя икоси Томпсону.

— Они попадаютс я мне мертвые,— сконфуженно повторил Газолин.— Слово даю.

— Так-так,— сказал я.— Даешь слово? Ха!

Между двумя полями, сухими и твердыми и алчущими дождя, «мерседес» свернул с одного проселка на другой, еще более неровный, и покатил вниз по склону, сильнее прежнего подпрыгивая на колдобинах. Хотя солнце поднялось довольно высоко, было еще очень холодно. Над дорогой протянулись сучья, они все время норовили раскроить нам череп и сбросить нас с грузовика, и приходилось поминутно нагибаться в подпрыгивающем кузове. Краали пошли чаще, и опять нас провожали удивленные взгляды, и дети подбегали к дороге, улыбаясь и махая нам руками. «Мы едем ловить чипимбири живьем!»— весело кричали наши рабочие и смеялись, видя удивление местных жителей. Им очень нравилось, что люди с недоумением глядят нам вслед; если кто и успевал что-то расслышать, все равно не мог поверить, что мы едем ловить чипимбири живьем; люди знали, что никто, даже и белые, не способен поймать чипимбири живьем.

Через густой буш грузовик спустился по длинному бугристому склону к пересохшему руслу, и Мкондо включил передний привод тяжелого «мерседеса», и колеса взрыли сухой белый песок, и в облаках сухой пыли мы вприпрыжку пересекли русло и вырвались на крутой сухой берег, где были видны следы «лендровера» Нормана, и с грохотом, ревом и треском, вздымая пыль, затряслись вверх по противоположному склону, и Мкондо выжал до отказа газ, чтобы не потерять скорость, и мы крутились между деревьями и пригибались под нависающими сучьями. Солнце поднялось достаточно высоко, но в трясском кузове грузовика все еще было холодно; дальше мы спустились по длинному голому обугленному склону, где местные жители выжгли кустарник, расчищая землю под пашню, и на дне широкой, пологой долины увидели реку Руйю, увидели каменные плиты, светлые струи, зеленый камыш и лагерь старины Нормана на берегу. «Мерседес» въехал по ухабам в лагерь, и старина Норман — сам смуглый, костюм защитного цвета — подошел к нам по золотистой траве, уса-тый, приветливый, уравновешенный...

— С добрым утром, с добрым утром!— сказал он.

Африканцы вылезли из кузова, все еще под градусом, и расселись на корточках вокруг большого костра под развесистым деревом. Мы подошли к костру старины Нормана у реки и стали греться у струек теплого дыма на солнышке, и повар подал нам кружки с чаем, и старина Норман рассказал Томпсону, какие следы удалось обнаружить ему и его следопытам. Старина Норман прирос душой к носорогам. Кругом полно следов, говорил он, и ночные есть и вчерашние, но самое главное — чудесный сегодняшний след. В четырех километрах отсюда. По меньшей мере два детеныша, один совсем маленький, от силы месяц ему. Один очень крупный самец.

Радиостанция в «лендровере» старины Нормана была включена,

и мы слышали, как Национальный парк Уанки докладывает управлению в Солсбери о замеченных браконьерах.

— Гады!— сказал Томпсон.

— Я тут же к браконьерам подбираюсь,— поделился старина Норман.

— Ну и?— поинтересовался я.

— Дайте срок. Пусть думают, что я недотепа.

— Ружья или пегли?— спросил я.

— Все на свете. Через два года на Руйе ни одного зверя не останется,— заключил старина Норман.

— Поймай этих гадов,— сказал Томпсон,— непременно поймай.

Мы допили чай.

— Начали,— сказал Томпсон.

Мы шагали друг за другом по неровным сухим золотистым склонам; первым шел следопыт, ведя нас туда, где он обнаружил самые четкие следы, за ним Томпсон, дальше Ричард, за ним Грэм, за Грэмом Невин, за Невином я, дальше рабочие с ружьями, радиостанцией, веревками, питьевой водой и топорами. Местность была бугристая, сильно пересеченная. Через час следопыт остановился и указал рукой на землю; мы окружили его, внимательно глядя под ноги, и увидели след.

— Это первый,— сказал следопыт.

Мы нагнулись, изучая след. Солнце начало припекать, и все мы покрылись испариной. На пятке мягкой земли чуть заметной серповидной ямкой отпечаталось носорожье копыто и сразу за ним — морщинистый узор подушечки.

— Левый палец.

Томпсон поднял с земли прутик, обвел след в виде трилистника чертой, и нашим глазам явственно предстал отпечаток всей ноги.

— Кунене?— Томпсон посмотрел на Бена.— Утренний?

Бен кивнул. Он стоял с безразличным видом, отдыхая, попыхивая трубкой, тощий, старообразный. Страдал ли он от похмелья? По лицу не скажешь.

— А где второй след?

— За холмом,— показал рукой следопыт.— Километра три будет.

— Ясно. Пойдем по первому следу.

Часы показывали восемь.

Глава третья

Жара, слепящее бело-голубое полуденное небо безоблачно, редколесье буша не очень-то жалуется тению. Сквозь резиновые подметки ощущаем жар каменистой твердой земли, жаркий, сухой, неподвижный воздух обжигает кожу, пышут жаром бурый и серый буш и высокая сухая желтая трава, и до самого края бело-голубого неба нескончаемой чередой тянутся лиловые бугры и серые гряды скал. Плохая местность для поиска. Следопыты рассыпались цепочкой, поделив участки. В который раз мы потеряли след. Большая стая

бабуинов пересекла нам путь и затоптала след носорога. Мы прошли порядочный конец по холмам и оврагам, петляя и кружа, пересекая собственные следы. Этот носорог оказался изрядным бродягой. Каждый знак в книге природы требовал внимания — примятая земля, сдвинутый камешек, растоптанный сухой лист, сломанный прутик на высоте полутора метров, где носорог закусывал на ходу.

Говорить разрешалось только шепотом. Мы шли редкой цепочкой, разбросанной на сотни метров, не видя крайних. Даже яркие рубашки пропали бы из виду, а защитная одежда и подавно. Носильщики остались где-то позади под деревом, ожидая, когда мы что-нибудь обнаружим. Я шел за Беном. Воспаленные глаза на бесстрастном старообразном лице, голова под казенной войлочной шляпой с обвисшими полями чуть наклонена, трубка попыхивает. Сзади на поясе болтаются оловянная фляга с водой. Худые черные икры, казенные ботинки, защитные гетры. Я шел за Беном, потому что он был лучший среди следопытов, стараясь учиться у него, совершенствоваться в поиске. Сам я сдался бы давным-давно. Одно дело приметить след, совсем другое — истолковать его. Давность следа я мог определить только в самых очевидных случаях. Увидев сдвинутый камень, я тихонько шлепнул себя по бедру, привлекая внимание Бена, и показал на землю. Его воспаленные глаза небрежно скользнули по камню.

— Зуро,— сказал он.— Вчерашний.

Вчерашний? Нижняя сторона камня вроде бы совсем свежая. При таком солнце след вполне может быть сегодняшним.

— Почему?— спросил я шепотом.

— Зуро,— повторил Бен.

Я шел сбоку от него в десяти метрах, немного отставая, чтобы не наступить на какой-нибудь след, прежде чем он его увидит. Снова знак: распластанный лист и на земле рядом с ним метина от копыта. Я шлепнул себя по бедру. Бен подошел. Глянул и отвернулся, ничего не сказав.

— Зуро?— Я присел, всматриваясь.

Как определить, когда на мертвый сухой лист наступил зверь — сегодня утром или вчера? Да при таком солнце! Пусть маленькая метина от пальца смазана, так ведь земля сухая и твердая. Ну, ладно. Послышался свист цесарки — такой же звук получается, когда человек свистит, приставив палец к губам, и я поднял голову и подумал: «Слава богу». Свист донесся в долину с севера, сверху. Мы двинулись в ту сторону.

Из зарослей в ста шагах к югу от нас вышли Томпсон и следопыт по имени Ньямби, направляясь туда, откуда прозвучал сигнал. Только бы не Калашака оказался счастливецем. Калашака — рабочий, который нес блокноты,— воображал себя следопытом, хотя смыслил в этом деле не больше моего. Сближаясь, мы шли на свист по высокой жаркой траве. Так и есть — Калашака, и лицо его выражает радость. Ричард и Невин уже подросли и изучали след.

— Зуро,— презрительно произнес Томпсон.

Калашака повесил голову. Подошел Бен, нагнулся, упершись

ладонью в тощее колено, и посмотрел на след. Маленькая царапина на твердой земле.

— Кунене,— сказал Бен.— Утренний.

Томпсон поглядел на него:

— Зуро.

Бен чуть заметно качнул головой.

— Уверен, что вчерашний, определенно,— настаивал Томпсон.

Бен уже шагал дальше, повернувшись спиной к нам, искал продолжения следа. Калашака сиял, довольный собой. Томпсон все еще сидел на корточках, изучая метину.

— Ты уверен, Бен?

Бен только крикнул, стоя к нам спиной в восьми шагах и всматриваясь в землю.

— По-моему, след вчерашний,— сказал Грэм.

Невин ничего не говорил. Я тоже воздержался от высказываний. Только подумал: хоть бы Бен оказался прав. Томпсон выпрямился.

— Думаю, он прав. Бен всегда прав.

Бен, Ньямби и Калашака уже рассыпались цепочкой под знойными лучами солнца по сухому склону в двадцати шагах от нас. Казалось, даже затылок Калашаки сияет. Мы тоже рассыпались и последовали за ним.

Вниз по склону, через глобукую ложбину, вверх по другому склону, вниз к реке, вдоль реки, вверх по холмам, через высохшее русло, опять вверх по холмам, и всю дорогу жара и сушь и твердая земля. Встречались другие следы, но все зуро, вчерашние. Мы видели свежие следы льва и антилоп куду и импала, но все следы носорога, за исключением того, по которому мы шли, были вчерашние. Свежий навоз нам не попадался. Мы много раз теряли след. Нашли место, где носорог отлеживался во время полуденного зноя,— пыльная яма у муравейника под деревом, а на пыли отпечатки кожных складок. Он и вчера тут отлеживался. Дальше след повел нас вверх через холм и вниз через крутой овраг и опять вниз через второе высохшее русло. Не зверь, а непоседа какой-то. Мы уже отшагали километров тридцать с хвостиком, петляя туда-суда. Томпсон винил во всем бульдозер, который рокотал в двадцати пяти километрах. Звук отдавался в холмах. Одиноким самец обычно не бродит вот так по всей округе. Иное дело — самка с детенышем, которого она оберегает, но самцам это несвойственно. Томпсон был в отвратительном настроении, все его злило: подвыпившие рабочие, бульдозер, местность, пропадающий след.

— Давай-давай, найди его!

От второго пересохшего русла след повел нас по сильно каменистому склону на крутые бугры. Находить метины становилось все труднее, и все они казались старыми. Похоже было, что мы потеряли свежий след и идем по вчерашнему. Вчерашних следов кругом было хоть отбавляй. А местность для преследования очень тяжелая. А тут еще эти бабуины успели побегать взад и вперед.

— Вчерашние, сегодняшние и завтрашние следы,— ворчал Томпсон.

Он вскарабкался на верх бугра, потом спустился широкими шагами.

— Это треклятый бульдозер спугнул его. Наверху слышно, как он тарахтит. Ясное дело, носорог повернул обратно.

Мы пошли назад, пересекая вчерашние, сегодняшние и завтрашние следы и отпечатки ног бабуинов. Надо думать, носорог подался в противоположную сторону от бульдозера, вниз к пересохшему руслу. Рассыпавшись по склону, мы направились к руслу, ища приметы. Осмотрели длинный, неровный, сухой, поросший кустарником берег. Спустились в русло. Никаких следов.

Томпсон остановился, отыскав клочок тени. Посвистал на манер цесарки, и мы все побрели к нему. Бен стоял на береговом уступе и глядел на нас сверху воспаленными глазами.

— А все твои ибаббалаза, проклятое похмелье, из-за этого мы след потеряли,— сказал Томпсон.

Мы все обливались потом.

Бен молчал. Томпсон сверлил его взглядом. Ему здорово осточертело это бесплодное хождение.

— Твое счастье, что ты работаешь не с нкосо Норманом. Уж он-то задал бы тебе взбучку. У меня слишком доброе сердце.

Бен молчал.

— Что, кисло тебе?

Бен чуть заметно дернул одним плечом, стоя на береговом уступе.

— Тебе известно, сколько денег мы потратили впустую сегодня? Денег из тощей государственной казны?

Бен молчал. Бену было в высшей степени наплевать на тощую государственную казну.

— Сколько выброшено денег, которые собраны с бедных налогоплательщиков вроде меня?— не унимался Томпсон.

Бену было в высшей степени наплевать на налогоплательщиков тоже. Он стоял с безучастным видом.

— Уже три часа,— корил Томпсон Бена.— Мы отшагали тридцать километров. До сумерек осталось всего два часа. А мы даже след потеряли.

— Я найду его,— донесся сверху бесстрастный голос Бена.

— Ступай,— Томпсон сверлил его взглядом.— Ступай и найди. Возвращайся к вчерашней, сегодняшней и завтрашней лежке, где мы потеряли след. И не приходи, пока не найдешь. И пусть ибаббалаза хорошенько помучит тебя.

Бен безучастно повернулся, чтобы идти. Ньямби присоединился к нему.

— Бен!— позвал Томпсон.

Бен остановился и повернул голову.

— Может быть, передохнешь?

Бен чуть заметно мотнул головой. Отвернулся и зашагал вверх

по склону в буш — черный, тощий, невозмутимый человек в защитной одежде и мятой шляпе. Бесстрастно попыхивая трубкой.

Мы расселись на песке. Невыспавшиеся рабочие растянулись рядом с нами. В воздухе пахло перегаром и потом. Рабочим было кисло.

— Роджер-Роджер!— сказал Томпсон.— Радио.

Носильщик открыл глаза и тяжело поднялся. Радиостанция висела у него за плечами в брезентовом чехле. Держась тени, он добрал до Томпсона и с облегчением опустился на землю спиной к нему, чтобы Томпсон мог заняться своим делом.

— Антенна!— сказал Томпсон.

Рабочий с антенной уже стоял рядом, сумрачный от похмелья. Томпсон подключил антенну к радиостанции на спине Роджера-Роджера. Вытер шляпой потное лицо, включил питание, взял микрофон.

— Ф-фу,— сказал он сидящему перед ним Роджеру-Рожеру,— и разит же от тебя.

Роджер-Роджер смущенно улыбнулся нам.

— И чем только вы заправляете свое пиво?— ворчал Томпсон.

Роджер-Роджер виновато ухмыльнулся.

Томпсон смирился с запахом перегара, щелкнул тумблером передатчика и монотонно затынул:

— Четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один, передвижка, прием.

Переключился на прием и мы все прислушались.

Раздался писк, потом щелчок, и через холмы до нас донесся голос старины Нормана.

— Четыре-один, слышу на тройку, прием.

— Понял, Норман.— Томпсон устало вздохнул.— Мы находимся в каком-то чертовом русле, это...— он посмотрел на солнце,— к юго-западу от твоего лагеря. Километров двадцать пять. Как понял? Прием.

— Понял, вы находитесь в русле примерно в двадцати пяти километрах к юго-западу от меня, прием.

Рабочие смотрели на радиостанцию как зачарованные и внимательно слушали, хотя не понимали по-английски.

— Не знаю, как уж это вышло, но только все эти носороги, которых ты привязал к дереву за хвост, разбежались кто куда. Думаю, их напугал бульдозер, прием.

— Понял. Окаанный бульдозер,— ответил старина Норман — Прием.

— Понял. Так или иначе, мы пошли по первому следу, который показал нам твой следопыт. Но очень уж плохая местность для преследования, сплошные камни. И носорог все время был в движении из-за этого бульдозера. Но и мы весь день за ним тащились. Пока совсем не потеряли след — очень уж местность паршивая, а тут еще эти бабуины с цесарками туда-сюда бегают. Как понял? Прием.

— Понял, надо что-то придумать с бульдозером, прием,— сказал старина Норман.

— А у тебя какие новости? Прием.

— А такие, что на меня под вечер напал носорог.

Посмеиваясь, мы слушали мягкий деловитый голос старины Нормана.

— Еду это я, никого не трогаю, вдруг смотрю — стоит приятель в кустарнике метрах в ста. Останавливаю машину, выхожу. Тихо-тихо подкрадываюсь поближе, чтобы хорошенько разглядеть его, вижу — хорош, очень хорош, вдруг ветер меняется, носорог чует мой запах, поворачивается, видит меня и идет в атаку. Как слышно? Прием.

Мы жадно слушали.

— Понял. Ну, а ты что? Прием.

— Стремглав на дерево полез, что твоя белка. Прием. Мы дружно расхохотались.

— А дальше? Прием.

— А дальше он атаковал мое дерево. Отдубасил его как следует. Попыхтел, посопел, потом убрался. И я тоже убрался. Но до чего же хорош самец! Прием.

Мы расхохотались.

— Куда он подался? — спросил Томпсон. — Прием.

— Куда-то в вашу сторону, на северо-восток, прием.

— Ясно, будем смотреть в оба. А вообще-то скоро к тебе двинемся. Что-нибудь еще? Прием.

— Больше ничего, только привези мне носорога. Прием.

— Понял, — ответил Томпсон. — Ты там тоже, как увидишь опять носорога, хватай его за хвост и вызывай нас по радио. Четыре-един, передвижка связь кончает, все.

Он выключил рацию и повернул к нам приятное, подрюмяненное солнцем, взмокшее лицо с кукольно-голубыми глазами:

— Хотел бы я посмотреть, как он там на дереве болтался.

И открутил антенну, довольный, что не надо больше терпеть соседство взопревшего Роджера-Роджера.

— Пума, — сказал он. — Порядок.

Роджер-Роджер поднялся на ноги.

— Постой, — остановил его Томпсон. — Тебя как звать?

— Роджер-Роджер.

— Да нет, по-настоящему.

— Сикспенс, — ответил Роджер-Роджер.

— Так вот, Сикспенс, — сказал Томпсон. — Твой лучший друг никогда тебе этого не скажет, но я-то вряд ли стану когда-нибудь твоим лучшим другом, а потому прошу тебя, сделай мне одолжение, искупайся сегодня вечером. Правда, искупайся.

— Йебо, нкosi, — улыбнулся Роджер-Роджер. — Хорошо!

Рабочие дружно рассмеялись.

— Потому что, если завтра от тебя будет так разить, придется мне спастись на дереве.

Рабочие оценили его остроумие, на черных лицах засверкали белозубые улыбки. Роджер-Роджер с радиостанцией на спине отошел в сторону, с облегчением лег на живот и закрыл глаза.

Я окликнул водоноса. Он сидел с закрытыми глазами, привалив-

пись спиной к камню. Тяжело поднялся, подошел и подал мне влажный брезентовый мешок с водой. Я вытащил пробку и стал пить. Делал большие глотки и старался подольше задерживать воду во рту, но она сама проскальзывала в горло — отличная прохладная вода с привкусом брезента, который напомнил мне все те многочисленные случаи, когда я, весь взмокший, разгоряченный, в буше пил воду из брезентового мешка. Вода пахла Африкой.

— Спасибо. — Я вернул мешок с водой Гунга Дину, он передал его Ричарду, и тот припал губами к отверстию.

— Калашака! — позвал Томпсон.

Калашака открыл глаза, поднялся и, тяжело ступая, подошел к Томпсону.

— Растительность! — сказал Томпсон.

Калашака достал из кармана блокнот и ручку и подал Томпсону. Вытащил из другого кармана пучок прутьев — образцы кустарников, которыми кормился носорог. В обязанности Калашаки входило подсчитывать, сколько раз носороги откусывали побеги того или иного куста, чтобы можно было определить характер их питания. Калашака поочередно показывал прутьи, Томпсон записывал латинское наименование, и Калашака говорил:

— Шесть, четырнадцать, девять...

Я спрашивал себя, как он ухитряется все запоминать, тем более, после такой ночи? Да нет, скорее всего, ничего он не запоминает, просто называет вымышленные цифры, чтобы Томпсон был доволен.

Но у Томпсона был отнюдь не довольный вид. Мы сидели и ждали. Рабочие дремали, закрыв глаза.

— Значит, так, — сказал Томпсон. — Пойдем поможем Бену.

Солнце склонилось к горизонту. Еще час от силы, и будет темно. Бен отыскал след, ведущий от вчерашней, сегодняшней и завтрашней лежки. Мы шли по следу на запад, шли цепочкой, теряя след и снова находя его. Томпсон нетерпеливо рыскал по бушу: если через полчаса не выйдем на носорога, будет поздно. И целый день насмарку. Местность была все такая же тяжелая, сильно пересеченная, каменистая, след то покажется, то пропадет.

— Вперед, мадода! Найдите его, ребята!

На высокий холм, вниз по крутым скалам, в овраг. Из оврага вверх по крутому склону, на вершину холма, и внезапно Бен вскинул руку, похлопал себя по бедру, подавая сигнал «стой!», и показал пальцем. Он! *Diceros bicornis* — черный носорог. Высотой в рост человека, все около тонны, вооружение убийцы.

Он стоял в семидесяти метрах от нас. Услышал что-то, но нас не заметил и не учуял нашего запаха. Насторожился: голова поднята, длинные трубки ушей поворачиваются во все стороны. Вот резко повернулся, всматриваясь и сердито дергая ушами, и опять повернулся. Томпсон знаком велел подать обездвиживающее ружье, и носильщик, пригибаясь, подошел к нему. Рабочие тихоенько отступали к деревьям за нашей спиной, каждый взял на прицел определенное дерево. Всего полчаса до темноты... Томпсон выдернул из шляпы заряженный шприц, засунул его в казенник, подпер холостым патроном и закрыл

затвор. Ричард, волнуясь, тоже заряжал обездвиживающее ружье. Невин изготовился прикрывать Томпсона винтовкой; незавидная роль — ведь не исключено, что, застрели кто-нибудь носорога, спасая жизнь Томпсона, Томпсон убьет спасителя. С ружьем наготове Томпсон начал подкрадываться к носорогу. Вниз по склону, в овраг, укрываясь за кустами и травой, пригибаясь, внимательно глядя себе под ноги. Мы молча провожали его взглядом, замерев на месте. Каждый рядом с облюбованным им деревом.

Носорог стоял настороже, беспокойно шевеля ушами. Фыркнул, сердито повернулся кругом, свирепо озираясь. Он догадывался, что происходит что-то, но не знал, что именно. Томпсон остановился, сунул руку в карман и вытащил кисет с пеплом, чтобы проверить направление ветра. Встряхнул кисет, и легкое облачко пепла поплыло в воздухе на него. В сторону от носорога. Добро. Кусты закрывали Томпсона от зверя. Мы видели их обоих. Смотрели, затаив дыхание, никто не шелохнулся.

Томпсон крадучись спускался в овраг. Пятьдесят пять метров отделяло его теперь от стоящего на противоположном склоне носорога. Слишком далеко еще для обездвиживающего ружья. Зверь фыркнул, развернулся кругом, свирепо озираясь, — голова поднята, уши беспокойно вертятся. Он что-то услышал. Томпсон замер. Носорог опять с фырканьем повернулся и воззрился в другую сторону. Томпсон снова встряхнул кисет с пеплом. В пронизывающих листву золотых лучах вечернего солнца поплыли серебристые хлопья. Теперь они плыли под другим углом, ближе к носорогу.

Окаянный ветер переменялся. И перемена становилась опасной. Еще немного, и зверь учует нас. Я чертыхался про себя. Томпсон стоял неподвижно. Носорог фыркнул, развернулся кругом, направив уши вперед и задрав кверху рог, сердито сделал пять шагов в сторону Томпсона, высматривая жертву. Томпсон стоял как вкопанный.

Все замерли, застыли, окаменели.

Носорог свирепо посмотрел на укрытие Томпсона, потом повернулся кругом и устоялся в другую сторону. Я перевел дух. Томпсон стоял как вкопанный. Потом встряхнул кисет. Ветер переменялся в лучшую сторону. Будь местность удобнее, Томпсон, наверно, — нет, несомненно, — зашел бы с другого бока. Спустился бы по ветру, обходя зверя, потом стал бы подкрадываться против ветра. Но овраг есть овраг, и до темноты оставались считанные минуты. Если Томпсону сейчас не удастся обездвижить носорога, в темноте мы окончательно потеряем след, а тут еще этот окаянный ветер. Томпсон осторожно двинулся вниз по склону.

Теперь не больше полусотни метров отделяло его от зверя. Чтобы сблизиться еще, надо спуститься на дно оврага и подняться на противоположный склон. Но там не будет укрытия. И ни одного подходящего дерева, чтобы влезть на него, если зверь пойдет в атаку. Будь здесь Куце, его бы это не остановило, Поль Куце прокрался бы на противоположный склон, выскочил бы из укрытия прямо перед ошарашенным зверем, всадил бы в него шприц с пятнадцати шагов и финтом ушел бы от яростной атаки, но ведь Поль Куце — легенда, отчаянная голова.

Один из лучших охотников во всей Африке, но отчаянная голова — или храбрец, или еретик, или как еще назвать человека, который идет на носорога с каким-то там обездвигивающим ружьем, вместо того чтобы улепетывать от него. Томпсон тоже был знатный охотник, но держался в рамках. Слишком часто подвергался он атакам носорогов, чтобы не испытывать к ним величайшего почтения. Один яростный бросок — и человеку конец, пролетит десять метров по воздуху и застрянет на колючем дереве с распоротым животом. Томпсона отделяло пятьдесят метров от носорога, стоявшего по ту сторону оврага; предельная дистанция для обездвигивающего ружья. Пора стрелять, подумал я. Да только сможет ли он как следует прицелиться из-за густого кустарника. Томпсон поднес приклад к плечу. Добро! Носорог фыркнул, развернулся и злобно уставился на укрытие Томпсона.

Томпсон замер, не опуская ружья. Зверь стоял, подняв грозную голову, направив уши вперед. Томпсон целился в него. Но курка не нажимал. Видимость его не устраивала. Любая ветка, любая травинка отклонит в сторону шприц. И зверь уйдет. Пойдет ли в атаку или обратится в бегство — в обоих случаях уйдет. И целый день насмарку. Томпсон замер, а зверь свирепо глядел в его сторону, и мне почудилось, что я вижу, как мышцы ловца начинают дрожать от напряжения. Носорог фыркнул и повернулся вполоборота.

Ему что-то послышалось, и он повернулся, высоко держа голову с грозным рогом и направленными вперед ушами, и подставил охотнику свой здоровенный бок. Томпсон с ружьем наготове молниеносно переместился на три шага вниз по склону, ища окошко в кустарнике, нашел окошко, и зверь услышал и повернулся мордой к нему и яростно наклонил голову, готовый истребить все на своем пути, и Томпсон выстрелил.

Томпсон спустил курок, хлопнул пороховой заряд, и шприц полетел по воздуху. Он полетел через овраг так быстро, что глазом не уследить, и все напряглись, готовясь карабкаться на облюбованные ими деревья; упреждая реакцию разъяренного зверя, шприц пролетел над оврагом — и шлепнулся на землю в пяти метрах от носорога. Недолет! Окаянный шприц не долетел! Никудышный порох! После целого дня — ведь мы вместе с подгулявшими следопытами целый день путались во вчерашних, сегодняшних и завтрашних следах, когда вот-вот стемнеет, на тебе — недолет! Я представлял себе, как чертыхается Томпсон. А носорог хоть бы что. Яростно фыркнул и развернулся, поводя ушами, высматривая, кого бы истребить. Но не обратился в бегство. Не атакует и не убегает — знай стоит, злобно фыркая, и высматривает жертву; не убегай, ради бога, не убегай! Господи, дай Томпсону перезарядить ружье! Томпсон выдернул из шляпы другой шприц и стал перезаряжать, и я представил себе, как он проклиная пороховой завод, шприц, носорога, приближающуюся темноту, следопытов и молит бога, чтобы носорог не убежал, только бы не убежал, только бы дал перезарядить; и носорог снова круто повернулся и наклонил голову, вертя ушами и свирепо фыркая. Наконец ружье перезаряжено. Томпсон упирает приклад в плечо, и зверь таращится прямо на его

укрытие, и Томпсон спускает курок, и мы слышим звук выстрела. И окаянный шприц опять шлепается на землю.

Вспышка смертоносной ярости — носорог, злобно фырка, с опущенной головой, рывком разворачивается, ищет свирепым взглядом, кого бы истребить. Но, главное, он не убегает, слава тебе, господи. Крутится, фыркает, мотает могучей головой и опять фыркает, и роет ногами землю, обуреваемый жаждой разрушения, но, слава богу, не убегает. Одному господу известно, почему этот зверь не убежал и не пошел в атаку, а только пыхтел и сопел, ненавидя весь мир, распираемый жаждой убивать, но в любую секунду он мог передумать и обратиться в бегство, и тогда целый день насмарку из-за такого-сякого порохового завода; ради бога, не убегай, ради бога, продолжай пыхтеть и сопеть, дай бедному, взопревшему, чертыхающемуся Томпсону еще раз перезарядить. В тускнеющих золотистых лучах — раскрасневшееся от злости лицо, зеленая защитная одежда — Томпсон, проклиная все на свете, лихорадочно перезаряжал, остался последний шприц, и если этот окаянный патрон тоже не потянет... Он яростно вскинул ружье к плечу, и зверь бешено развернулся мордой к нему, и Томпсон прицелился, господи, хоть бы на этот раз прицелился повыше, чуть ли не в макушку взбешенного зверя на случай, если опять попался дрянной патрон, и спустил курок. И шприц полетел через овраг.

Он летел как стрела и вонзился прямо в лоб носорогу. В ту же секунду раздался улаждающий слух щелчок детонатора, и шприц с силой выпрыснул препарат М-99 в тело носорога, и носорог взревел и пошел в атаку.

Сотрясая землю, гулко и яростно фырка, шло напролом в атаку могучее черное чудовище, весом в тонну, высотой в рост человека, с длинным смертоносным рогом, голова поднята, уши направлены вперед, скатилось в овраг и пропало из виду, но мы отлично слышали топот, и носорог выскочил, огромный и грозный, на наш склон и мимо укрытия Томпсона помчался прямо на нас, и мы бросились сломя голову к облюбованным нами деревьям. Хватайся за ствол, цепляйся, карабкайся вверх, черт с ними, с ногами, черт с ними, с глазами, только, ради бога, повыше, подальше от зверя, который мчит с грохотом, с фырканием, бешеный, тяжелый, могучий, с налитыми кровью свирепыми глазами, ломится с треском через кусты, поблескивая торчащим во лбу серебристым шприцем, страстно желая кого-нибудь убить; он видел, как мы бросились к деревьям, и каждый думал: изо всей нашей братии этот стервец с самого начала именно меня наметил истребить, и носорог гулко, яростно фыркнул, свирепо вращая налитыми кровью поросычьими глазками, и могучая голова на бычьей шее угрожающе наклонилась, и зверь с грохотом, с фырканием пошел на мое дерево, и я постарался влезть еще выше, а он повернул огромную голову и с ходу пырнул рогом ствол, и дерево закачалось, и я цеплялся изо всех сил, а он уже бешено топал дальше. Голова поднята, глаза ищут — кого истребить; и, пробегая между деревьями, на которых висели носильщики и следопыты, он боднул ещё одно дерево, оно закачалось, но висевший на нем африканец дер-

жался за ствол мертвой хваткой, и носорог с грохотом помчался дальше. Вырвался из нашей кучи, протопал вверх по склону холма и пропал из виду.

Мы слезли с деревьев, и все улыбались, и всем не терпелось, смеясь, поздравить друг друга и сказать: вот это носорог, великолепный носорожище, и надо же, два никудышных патрона подряд, сразу два, чтоб им пусто было, и как это он не побежал после первого промаха, и повезло ж нам, черт возьми, но какой же великолепный носорог! Томпсон подозвал носильщика с радиостанцией, и Роджер-Роджер подошел, рот до ушей, и Томпсон связался со стариной Норманом и сообщил ему, что есть попадание и мы сейчас пойдем по следу, и Норман очень обрадовался.

До темноты оставалось меньше получаса.

Глава четвертая

Двадцать минут требуется препарату М-99, чтобы свалить носорога. За это время он мог уйти на три, пять, семь километров, а то и дальше. Быстро смеркалось. Мы шли по следу через холм, впереди шагали Бен, Ньямби и Томпсон. Поначалу все было просто, но за следующим оврагом на противоположном склоне опять пошла трудная местность, мы запутались в старых следах и потеряли нужный.

— Найдите,— требовал Томпсон.— Найдите его. Мы рассыпались цепью, обшаривая глазами землю, искали все, кто мнил себя следопытом.

— Найдите!

След нашел Бен; он хлопнул себя по бедру ладонью, мы повернули и поспешили за ним. Вниз по каменистому откосу, через сухое русло, через густые заросли рваным строем вверх по длинному склону, через гребень холма, и вот уже километра три отмерили. Свет убывал с каждой минутой. Следопыты с трудом различали след. Пора бы уже находить признаки того, что зверем овладевает дурман: сломанные кусты, где он на них напоролся, вмятины на земле, где он падал,— однако мы ничего такого не видели. Не за тем носорогом идем, подумалось мне. Наш носорог, наверно, уже свалился в зарослях неподалеку отсюда, а у нас осталось каких-нибудь десять минут на то, чтобы отыскать его. Через десять минут будет слишком темно, и он пролежит без сознания пять часов, потом очнется и побредет дальше, и придется нам все начинать сначала, если только львы не доберутся до него, пока он пребывает в забытьи.

— Живей!

Но следопыты физически не могли действовать быстрее.

Мы чуть было не проскочили мимо носорога, но Ричард увидел его в скупом свете заката. Зверь стоял в стороне от нашего пути, почти совсем одурманенный, уронив голову. Ричард хлопнул себя по бедру и показал: вот он. В золотисто-лиловой траве на склоне — могучий черный доисторический зверь. Над травой виднелись только спина и опущенная голова. Великолепный носорог. Мы здорово потрудились сегодня и чуть его не потеряли и все-таки настигли.

— Тамбо!— прошептал Томпсон.— Веревки.

Схватил веревки, сделал всем знак, чтобы не подходили, и осторожно двинулся вниз по склону.

Зверь еще не был полностью обездвижен. Он все еще был опасен. Все еще в состоянии, преодолевая дурман, броситься в атаку и выпустить кишки Томпсону. Ветер, довольно сильный закатный ветер, был благоприятным для ловца, и Томпсон не мешкая спускался по траве, держа наготове веревки. Мы притаились на верхушке скалы, следя за происходящим.

Я увидел, как дернулись уши зверя, потом голова поднялась. Томпсон остановился. Он стоял за спиной носорога, шагах в двадцати. Веревки наготове. Снова тронулся с места, сделал шаг, второй, и тут зверь развернулся мордой к нему.

Зверь развернулся к нему с гулким, тревожным, яростным фырканием, готовясь к бешеной атаке, а рядом с ним возник детеныш, и это был не тот носорог, черт бы его побрал!— и Томпсон обратился в бегство. Повернув кругом и бросился наутек, крича: «Не тот носорог!»— и мы вскочили, чтобы бежать к деревьям. Всеобщая суматоха, и Томпсон мчится обратно, вверх по склону, крича: «Не тот носорог!»— и позади него разъяренная носорожиха сделала ложный выпад в сторону удаляющейся поясицы Томпсона, потом развернулась и, шумно пыхтя, протопала вниз, уводя детеныша от опасности. Мы дружно расхохотались. Томпсон продолжал бежать вверх по откосу.

— Найдите его,— кричал он,— найдите тот след!

Он уже забыл про самку с детенышем.

Следопыты ринулись к тому месту, где последний раз видели след. Но в сумерках они никак не могли найти его снова. Мы рассыпались по склону.

— Найдите.— Томпсон был весь в поту.— Ради бога, найдите!

Пламенеющее огненно-красное солнце спустилось за деревья на горизонте. Еще пять минут, и будет совсем темно.

И когда дневной свет угас, когда солнце уже скрылось за горизонтом и в небе вспыхнуло красное зарево и на месте деревьев возникли обьятые пламенем лиловые силуэты, а в долине внизу сгустилась лиловая мгла, когда стало невозможно больше выслеживать зверя, Бен увидел его. Носорог лежал на дальней макушке холма, на груде крупных камней, и на фоне заката четко вырисовывались могучая голова и рог.

Мы побежали вверх по склону, спотыкаясь в темноте.

Глава пятая

С двадцати шагов мы слышали глубокое, протяжное, напряженное дыхание одурманенного зверя. Он лежал ничком, навалившись могучей грудью и брюхом на вздыбленную грудку камня. Толстые ноги растопырились под грузом туши, голова свесилась вниз. Мы осторожно подоברались к нему по камням. Не движется, готов. Вот он.

Он был прекрасен: в красно-лилово-золотистом свете заката — лилово-алая, с черной росписью кожных складок, могучая, обмякшая, лоснящаяся потом туша. Вечерняя заря освещала его длинный изогнутый рог, отражалась в зрачках. Остекленевшие глаза открыты, и закат даже веки окрасил золотом и чернью, позолотил кисточки на кончиках ушей, высветил большой серебристый шпирц с красно-бело-синим оперением и длинную струйку крови, стекающую по морде чудовища.

— Хорош?— Приятное, по-детски безмятежное лицо Томпсона сияло счастьем в лучах заката.

— Чертовски великолепен,— отозвался я.

Африканцы, поднявшись по камням, ахали, с восхищением разглядывая носорога. Жители Руйи, они тем не менее впервые видели так близко живого чипимбири. Человеку положено спастись бегством от чипимбири. Бен с безучастным видом сел на камень спиной ко всем. Закурил трубку.

— Роджер-Роджер!— сказал Томпсон.

Он сел возле головы носорога и поглади ее; подошел Роджер-Роджер и уселся перед ним, подставляя висящую на лямках радиостанцию. Томпсон был счастлив. Он взял микрофон.

— Четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один, передвижка, прием.

Голос старины Нормана ответил:

— Понял, слышу на тройку, прием.

— Понял,— радостно сказал Томпсон,— прием.

— Замечательно,— сказал Норман.

Было ясно, что старина Норман радостно улыбается где-то за холмами, километрах в тридцати от нас.

— Где вы сейчас?— спросил он.— Прием.

Вот оно-то, что всегда меня поражало.

— Норман,— медленно произнес Томпсон, устремив счастливые глаза на закат,— по-моему, мы где-то на юго-восток от тебя...

Он оглянулся через плечо, пытаясь рассмотреть в темноте какие-нибудь ориентиры, какую-нибудь приметную возвышенность, ничего не увидел и снова устремил взор на небо.

— Я без карты, твоя далеко? Прием.

— Понял, прием,— сказал старина Норман.

Томпсон вздохнул.

— Я не очень-то хорошо знаю твою карту, прием.

— Понял,— невозмутимо отозвался старина Норман.

— Но место, где мы вышли на носорога, находится примерно в полукилometре к западу от широкой излуины сухого русла. По-моему, эта река Мудзи, видишь ее? Прием.

Я слушал с восхищением. И как только Томпсон все запомнил? Он ведь сегодня первый день в этих местах.

Старина Норман сверился с картой.

— Река с большой излуиной — Бунгве, а не Мудзи, прием.

— Хорошо, пускай Бунгве. Так вот, получив шприц, он побежал оттуда примерно на юго-восток, следишь? Прием.

— Понял.— Старина Норман вел пальцем по карте.

— Пробежал этим курсом около пятисот метров через холм, потом повернул на юго-запад. Как понял, прием.

— Понял,— откликнулся Норман,— прием.

— Километра полтора он шел более или менее прямо на юго-запад, затем пересек еще одно русло, прием.

— Понял,— сказал старина Норман.

— Так. За руслом отмахал еще километра полтора прямо на юго-запад, прием.

— Понял,— сказал старина Норман.

— Дальше еще один, два, три холма,— считал Томпсон.— Курсом примерно на запад, на закат, в целом чуть больше километра. Это и есть наше место. На макушке третьего холма. Засек. Прием.

— Понял, я вас засек,— ответил Норман.— Постараюсь добраться возможно скорее, прием.

— Понял, связь кончаю,— радостно подвел итог Томпсон.

Я любил слушать, как они ориентируют друг друга. Я не мог понять, как это у них получается. И даже если старина Норман — гений ориентировки, ему ведь надо каким-то образом провести «ленд-ровер» и «мерседес» в темноте через все эти холмы, ложбины, русла и заросли. Каждый раз я восхищался обоими.

Томпсон с удовлетворением погладил могучего усыпленного зверя. Шею носорога опоясывала глубокая борозда, старый шрам от петли.

— Привет, зверюга! Отныне тебя ждет счастливая жизнь.

Носильщики все еще глазели, ахали и улыбались. Похоже было, что они оправились от похмелья. Может быть, с самого начала они просто не верили, что мы сумеем поймать чипимбири живьем. Зверь хрипло, протяжно дышал, и лилово-черные бока его по-прежнему лоснились потом в последних лучах заката. Упарился, борясь с дурманящим снадобьем. Кожа горячая и влажная, шершавая и толстенная на ощупь. Томпсон велел двум рабочим развести рядом с камнями большой костер, и желтые языки пламени с треском запрыгали по сухим чурбакам, и желтые блики заплесали вперемежку с тенями на черных боках могучего зверя, на влажных черных лицах, на камнях и на кустах.

— Переверните его на бок,— сказал Томпсон.— Ему вредно давить всем весом на грудную клетку.

Рабочие обмотали морду носорога веревкой и закрепили ее за рог. Двумя веревками захватили переднюю и заднюю ноги. Каждую веревку держали по два человека. Шесть человек присели у брюха носорога, готовые толкать, когда остальные потянут за веревки. Желтое пламя костра рассыпало золотые блики и черные тени.

— Сразу отскакивайте, если начнет брыкаться!

— Малунга... чэй... чэй... хай-йе! — затянул Томпсон нараспев, и рабочие глухо, натужно подхватили: «Хай-йе!» — и одни натя-

нули веревки, а другие из всех сил уперлись в широкий бок, и здоровенный зверь с гулким, сильным стоном качнулся на брюхе. Качнулся, туловище наклонилось, огромные ноги, схваченные веревками, задрались вверх в свете костра, и тут носорог забился. Неожиданно дернулся всем телом, издав громкий, протестующий звук, выгнул могучий хребет, вскинул огромную одурманенную голову с горящими глазами, взбрыкнул ногами, пытаясь встать, и рабочие бросились наутек, толкая друг друга и крича: «Берегись!» А носорог гулко шлепнулся обратно на брюхо, и голова его поникла, и он снова впал в забытие, издавая громкий, стонущий храп.

Мы пришли в себя.

— Фути,— сказал Томпсон.— Еще раз.

Он поставил еще по одному человеку на каждую веревку.

— Малунга... чэй... чэй...

И хором:

— Хай-йе!

И мы налегли из всех сил, готовые в любой момент отскочить в сторону, и громадное туловище сильно накренилось, и носорог снова забился, изогнулся и с грохотом шлепнулся на бок, не успев дать нам отпор, судорожно дернулся всем своим могучим телом и опять уснул. Свесив голову с камней и постанывая, он лежал на боку в мятущемся свете костра.

— Ему надо подушку,— сказал Томпсон.

Нашел большой плоский камень и подложил под голову зверя.

— Еще.

Калашака принес еще один камень и примостил его на первом. Томпсон обхватил обеими руками голову зверя, поднатужился, поднял ее, кряхтя, и Калашака добавил к «подушке» третий камень. Томпсон отпустил голову, теперь она лежала вровень с туловищем. Томпсон снял с себя шляпу и затолкал ее под голову зверя, чтобы не пострадал глаз. Носорог шумно, протяжно вздохнул с подвыванием. Он крепко спал.

Мы не могли наглядеться на него. В свете костра на груди африканских камней спал, похрапывая, огромный, лоснящийся потом доисторический зверь. С большим шприцем во лбу. Мы были очень довольны своей добычей.

Томпсон ухватился за шприц и потянул. Шприц не поддавался. Он взялся покрепче и опять потянул, вращая шприц, словно вытаскивал неподатливую пробку из бутылки, и шприц выскочил. Томпсон поднес к глазам большую окровавленную иглу длиной и толщиной с трехдюймовый гвоздь. Игла была изогнута и сломана. Вот почему она не поддавалась. Видно, дошла до черепа и согнулась. В голове носорога остался кончик длиной больше двух сантиметров. Из ранки струилась кровь, сбегая по коже вниз.

Томпсон достал перочинный нож и, присев на корточки, стал медленно погружать лезвие в ранку, пока не уперся в черепную кость. Осторожно поводит лезвием, нащупывая отломившийся кончик. Носорог шумно, протяжно застонал, и Томпсон весь напрягся, готовый отскочить. Но зверь крепко спал. В свете костра Томпсон продолжал

зондировать рану окровавленным лезвием, однако никак не мог нащупать кончик. Вытащил нож и сделал новый надрез, поперек первого.

— Вот он.

Мы напряженно следили за ним. Мне было не по себе от этой картины, но зверь крепко спал. Томпсон знал, что делает. Он поводил лезвием, однако никак не мог поддеть обломок. Встал и вытер окровавленный нож о свои шорты.

— Придется подождать, пока придет Норман, у него в ящике с инструментами есть плоскогубцы.

Я был рад, что он кончил зондировать. Пусть зверь ничего не чувствовал, все равно жалко смотреть. Хотя именно лоб принимает на себя все удары, когда носороги сражаются между собой.

— Мути,— сказал Томпсон.— Лекарства.

Подошел носильщик с деревянным ящичком. Африканцы плотным кольцом обступили носорога. В аптечке лежали пузырьки с лекарствами, препарат М-99 для шприцев, противоземная сыворотка, пластырь. Томпсон достал маленький пластиковый шприц с пенициллином. Срезал кончик и погрузил шприц глубоко в кровоточащую рану на лбу носорога. Густой белый антибиотик заполнил рану доверху, и смешавшись с кровью, потек вниз длинной красно-белой стружкой. Носорог глубоко вздохнул. Мы смотрели на него с чувством удовлетворения.

Томпсон протянул Калашаке термометр:

— Померь ему температуру.

Вместе с Ричардом Томпсон приступил к измерениям, а Невин записывал данные в дневник.

— Общая длина от основания хвоста до конца верхней губы?— прочел Невин первый пункт.

— Три метра десять сантиметров.

— Высота в холке?

Они смили высоту.

— Сто шестьдесят пять сантиметров.

— Обхват груди?

— Двести пятьдесят восемь сантиметров.

— Диаметр ступни?

— Двадцать пять сантиметров.

— Длина рога?

— Семьдесят три сантиметра.

— Окружность рога в основании?

— Семьдесят сантиметров.

— Пульсация сердца?

Томпсон вооружился стетоскопом. Присел подле связанных ног носорога и приложил воронку к могучей груди. Отыскал точку с лучшей слышимостью и посмотрел на часы.

— Шестнадцать,— сказал он.

— Дыхание?

Я уже подсчитал, приставив руку к широким ноздрям зверя.

— Семь раз в минуту.

Ноздри были теплые и мягкие.

— Температура?

Калашака, вставивший термометр в анальное отверстие зверя, с готовностью выдернул его и передал Томпсону. Томпсон поднес термометр к свету.

— Тридцать восемь и девять. Малость повышенная.

Кожа носорога была по-прежнему влажной под действием М-99, но в целом все было в порядке, он крепко спал. Мы были очень довольны. Все, что зависит от нас, сделано, оставалось ждать старину Нормана.

Я закурил сигарету. Все подыскивали себе удобное сиденье. Это была моя первая сигарета за четыре часа, и я с удовольствием затягивался. Мы не ели с самого утра, если не считать таблетки с глюкозой, но я не чувствовал голода. Сигарета отменно действовала на мои нервы. Я вдруг почувствовал запах собственного пота и ощутил приятную усталость человека, побродившего по бушу; за весь этот день я присел всего лишь в третий, может быть, в четвертый раз, я наслаждался отдыхом. Беспокойно желтое пламя большого костра, ярко-красные отсветы толстых чурбаков и громкий треск: и летящие к звездам искры, словно стаи бесенят: и ярко-желтые блики, брызгающие золотом на черный кустарник, на камни, на черные лица; и наш здоровенный зверь, простертый на земле могучий носорог с переливами золота и черни на огромных ребрах, и схваченные веревками толстые ноги, и ровно лежащая, обьятая глубоким сном громадная голова — такая мирная и безобидная в мятущемся свете костра, и гулкие, сильные вздохи и теперь он наш, и я был вполне счастлив. Продолжая курить, я поглаживал одной рукой широкую морду зверя. Огромная пасть была открыта, и мне нравилось гладить треугольник верхней губы носорога: широкие ноздри ласкали руку протяжными, теплыми, влажными, стонущими выдохами, и рог безмятежно и безобидно поблескивал в свете костра и сладкая усталость пронизывала меня до костей, и я курил и был совершенно счастлив.

Вот так мы сидели, и тут зверь внезапно очнулся. Вдруг, в одно мгновение, он накопил достаточно кислорода, чтобы справиться с наркозом, глубоко вздохнул с подвыванием, вздымая могучую грудь, поднял голову с широко раскрытыми остекленевшими глазами, и Томпсон крикнул: «Берегись!» — и мы бросились врассыпную. Ричард, сидевший на ногах носорога, резким прыжком переместился на камни ниже по склону. Громадная одурманенная голова качнулась вбок-вверх, спина выгнулась, ноги взбрыкнули, ища опору, носорог взвыл, отупело вращая глазами, привстал и снова грохнулся. Мы стояли поодаль, беспомощные, разинув рты. Могучим рывком он снова приподнялся, сверкая в свете костра обезумевшими глазами, на одно долгое, напряженное мгновение встал на подкашивающиеся ноги, потерял равновесие, шлепнулся на собственный зад, свирепо мотая головой, и передние ноги задрались вверх и нелено замахали в воздухе, словно зверь надумал выполнить какой-то трюк. В следующую секунду носорог перевалился через край скалы назад, прямо на стоявшего с разинутым ртом Ричарда, и Томпсон крикнул: «Берегись!» — и Ричард попятился вниз по камням и упал. С высоты полутора метров зверь

шлепнулся на спину с хриплым уханьем и ноги его дергались в свете костра, и Ричард барахтался на земле в каком-нибудь метре от носорога, и Томпсон крикнул: «С дороги!» — и зверь катился прямо на Ричарда. Огромное чудовище катилось по камням на перепуганного насмерть, барахтающегося Ричарда, и Ричард отчаянным усилием отскочил в сторону, и в целом мире не было ничего, только это: могучая туша и толстые ноги и длинный рог, с треском катящиеся вниз по склону, и отчаянно метнувшееся в сторону тело долговязого Ричарда, и голос Томпсона: «С дороги!» — и Ричард распластался на камнях и рывком вскочил на ноги, и носорог приземлился рядом с ним на коленях. Взревел, тяжело поднялся, тут же снова упал и поехал по каменистому склону, сшиб тяжеленный камень, вслед за камнем заскользили целые плиты, и носорог покатился за ними вдогонку. На несколько долгих секунд застрял на выступе скалы, брыкаясь и извиваясь на спине, и опять поехал вниз. Врезался в грудь булыжника, издал протяжный стон и впал в забытие.

Мы стали спускаться по камням следом за ним.

— Ты цел? — крикнул Томпсон Ричарду.

— Пронесло! — отозвался Ричард. — Пронесло!

Колен и руки в садинах, волосы растрепаны, рот до ушей.

— Считай, что тебе повезло.

Мы спустились к носорогу через развороченные камни. Он лежал весь в садинах, распластавшись на боку. Накопившийся в тканях кислород ушел на эти физические упражнения, и носорог опять крепко спал. Африканцы стояли на почтительном расстоянии, посмеиваясь и ахая. Мы избегали приближаться к голове зверя — вдруг снова проснется. Длинные колышащиеся тени не позволяли толком разобраться, что с ним. Томпсон крикнул, чтобы посветили. Бен поднялся к костру, принес пылающую головню и держал ее в воздухе над поверженным зверем, пока Томпсон осматривал его.

У носорога были кровавые осадины по бокам морды возле глаз, а также вдоль хребта. Большая рана, словно разрезанный плод граната, кровоточила на боку. Несколько отметин на роге. Зверь сильно потел, наполняя воздух острым запахом, и протяжно постанывал. Томпсон взял головню в руки, чтобы проверить, не пострадали ли гени-талии.

Слава богу, семейные драгоценности не пострадали.

Он скovyрнул здоровенного клеща и наступил на него каблуком.

— Жив-здоров. — Томпсон поднял глаза на Ричарда. — А ты?

— Полный порядок, — усмехнулся Ричард.

Ему здорово повезло.

— Тогда послушай его сердце.

Ричард сходил за стетоскопом. Томпсон попросил меня проверить частоту дыхания, сказал Калашаке, чтобы еще раз смерил температуру. Опасливо сторонясь длинного рога, я приложил ладонь к горячей, мягкой, влажной морде и поднес к глазам руку с часами. Томпсон распорядился, чтобы носорога надежно привязали. Рабочие туго обмотали веревками морду, рог, задние ноги и привязали концы веревок к двум деревьям. Томпсон записал данные о пульсации

сердца, дыхании, температуре тела. Носорог был жив-здоров. Он крепко спал.

Мы обступили его, не сводя с него глаз.

— До чего хорош!— сказал Томпсон. И снова Ричарду:— А тебе повезло, парень, здорово повезло.

Глава шестая

Мы слышали машины старины Нормана задолго до того, как увидели, среди холмов далеко отдавался натузивший рокот моторов. Скоро пойдет четвертый час нашего ожидания. Через каких-нибудь два часа кончится действие М-99. После чего носорог проснется по-настоящему, и тогда держись.

— Приятный звук, верно?

Очень даже приятный! Мы основательно устали и проголодались. Сигарет почти не осталось. Большинство африканцев отсыпались, лежа на земле вокруг костра. Бен сидел молча, попыхивая трубкой, и смотрел на огонь. По-моему, он ни разу не пошевелился. Бен был родом из Ботсваны, и мне сдается, что он был наполовину бушмен, хотя сам он это отрицал. Другие племена не считают бушменов за людей.

— Кунджани, Бен?— спросил Томпсон, глядя перед собой.— Как ты?

— Хорошо себя чувствую,— спокойно ответил Бен, не оборачиваясь.

— Ты сегодня отменно потрудился,— сказал Томпсон.

Бен продолжал сидеть в той же позе. Знал, что хмель хмелем, а потрудился он отменно. Местность для выслеживания была очень тяжелая.

Мы увидели свет фар километра за три. Трясаясь на ухабах, машины с ревом перевалили через гребень и пронизали буш лучами света; они ревели и петляли, выискивая дорогу, впереди «лендровер», за ним «мерседес». Водители хорошо видели наш костер и держали курс на него. Но нас по-прежнему разделяли овраги и русла. Вот огни пропали за выступом холма. Мы долго ждали; даже звук пропал. Потом огни появились вновь, теперь они озаряли длинный склон, где мы в сумерках потеряли след и напоролись на самку с детенышем; фары прорезали ночной мрак, словно прожектора, и мы слышали рокот моторов, слышали скрежет и стук. Наконец фары перевалили через гребень соседнего холма, сперва показался «лендровер», за ним огромный «мерседес», и мы увидели рабочих старины Нормана, которые шли с топорами и кирками впереди рокошующих машин. Было слышно, как бьются о камень оси и шасси, как колеса подминают кустарник, как переключаются африканцы. Потом машины остановились. Деревья и камни преградили путь, и никакого объезда. После оживленной переключки застучали топоры по деревьям, кирки по камням. И снова взревели моторы.

И вот машины одолели чащобу и последний участок крутого спус-

ка и направились вверх между деревьями к скалистой макушке нашего холма, прощупывая путь слепящими фарами.

Старина Норман выбрался из кабины своего старого «лендровера», вскарабкался вверх по камням и залюбовался носорогом в свете костра.

— Хорош, очень хорош,— сказал он, ни к кому не обращаясь.— Великолепный самец.

Никто не похвалил старину Нормана за то, что он сумел найти нас. Меня же его умение ориентироваться неизменно восхищало.

Мкондо развернул «мерседес» кузовом к лежащему выше на склоне носорогу; несколько рабочих под наблюдением Томпсона убирали с дороги камни, рубили деревья. В кузове стояли широкие салазки для носорога, соединенные тросом с лебедкой в задней части грузовика. Зверь лежал довольно высоко на каменистом откосе, но он немного облегчил нам задачу, скатившись с выступа вниз. Рабочие откинули задний борт и вытащили четырехметровые рельсы для салазок. Рельсы стальные, тяжелые, сладить с такой машиной можно было только вдесятером. Вытащив, рабочие укрепили их концами в задней части кузова; получился пандус для салазок. Томпсон забрался в кабину и включил опрокидыватель. Зашумел мощный гидравлический механизм, и кузов начал опрокидываться. Когда передняя часть кузова поднялась настолько, что он образовал вместе с пандусом одну наклонную прямую, Томпсон включил лебедку, и удерживаемые тросом салазки медленно поползли со скрипом вниз по рельсам на землю. Мы подошли, чтобы всем миром подтащить их к носорогу.

Платформа размером два на четыре метра, из крепких балок на стальной раме, была тяжеленная. Тридцать человек окружили ее, присели, ухватились как следует за края и с громким «Хай-йе!» оторвали салазки от земли и побрели к камням. Донесли до самых камней и тяжело опустили на землю. Снова взялись и, подбадривая себя возгласами, потащили через камни вверх. Волокли и толкали, волокли по камням, поднимая, толкая, надрываясь, спотыкаясь и чертыхаясь. Втащили вверх по камням, с грохотом уронили на землю подле носорога и стали растирать ноющие руки. Все основательно упарились. Теперь предстояло взвалить носорога на салазки.

Он лежал на боку, хребет упирался в край салазок. Мы опять захватили двумя веревками ноги, третьей обмотали шею и рог. Восемь человек взялись за каждую веревку, шестеро приготовились поднимать брюхо носорога. Две веревки пропустили через большие кольца на верхнем конце салазок. По шести человек держали каждую из этих веревок, чтобы не дать салазкам скользить вниз по откосу. Если носорог снова проснется, быть беде. Мы напряглись.

— Взяли!— скомандовал Томпсон, и мы взяли.

Одни тянули зверя за ноги, другие подпирали его брюхо, третьи впряглись в веревки, которые удерживали салазки, и каждый тянул, или толкал, или тужился в мятущемся свете костра на широком каменистом склоне, и огромная туша стала подаваться, спутанные ноги задрались вверх, выше, выше, выше, одурманенного зверя перевернули на спину, и он протестующе застонал, пробуждаясь.

— Взяли!— крикнул Томпсон.— Взяли! Взяли!

И мы взяли, и зверь навалился боком на салазки, задрав кверху толстенные ноги, и вдруг забился.

— Взяли!— рявкнул Томпсон, упираясь плечом в дергающийся бок носорога, и все налегли что было мочи, и зверь совсем проснулся, он бился, вырывался, и салазки скользили и дергались, и все поднатужились...

— Взяли!

Толстенные ноги и корчащаяся туша рухнули прямо на салазки. Носорог вырывался, и салазки скользили и ерзали, и люди изо всех сил натягивали веревки, чтобы салазки, и носорог, и мы сами не покатились кувырком вниз по камням.

— Прижмите его!— рявкнул Томпсон и первый навалился всем своим весом на бок зверя.— Прижмите!

И Бен вскочил на салазки и навалился на носорога, а за ним Невин, и Калашака, и Ричард: черное, белое, хаки, оскаленные зубы, выкрики, крихтенье и напрягшиеся руки, через плечи! Огромный связанный черный зверь бился под ними, и рабочие натягивали веревки что было мочи. Носорог гулко всхрапнул с подвыванием и обмяк, снова погружаясь в забытье.

Один за другим они медленно слезали с него, тяжело дыша. Зверь опять крепко спал.

Могучую голову и грудь привязали к салазкам, пропустив веревки через кольцо. Бен подтащил снизу трос лебедки и зацепил его за кольцо. Томпсон добавил на верхний конец салазок еще веревку и троих человек, чтобы тормозили. И послал Невина вниз к «мерседесу», чтобы включил лебедку.

— Так,— сказал Томпсон.— Пóли-пóли! (Поехали).

Лебедка загудела, медленно выбрала слаbinу, натягивая длинный трос, и широкие салазки с могучим зверем запрыгали по каменистому откосу, и рабочие сверху впряглись в веревки, притормаживая.

— Пóли-пóли!— командовал Томпсон, и салазки, скрипя, скрежеща и дергаясь, ехали вниз по откосу, подтягиваемые лебедкой и удерживаемые взмокшими рабочими; салазки крепились, и скрипели, и скребли по камню всю дорогу до самого низа.

Внизу тридцать человек приготовились толкать тяжелые салазки, и лебедка потащила груз по каменистому грунту к пандусу; тридцать человек, напрягаясь и подбадривая друг друга криками, помогли лебедке под непрерывный скрежет стали тащить салазки вверх по пандусу в наклоненный кузов, и все это время могучий зверь крепко спал.

Глава седьмая

Мы тряслись в кузове «мерседеса»; старина Норман ехал впереди по колее, которую проложил, разыскивая нас. С треском, рокотом и стуком мы катили через буш, выкрикивая: «Бассопо!»—

цепляясь за борта и пригибаясь, чтобы не задело низко висящими сучьями, продрогшие и счастливые, потому что возвращались в лагерь и у африканцев было превосходное настроение, они пели: «Мы поймали живого чипимбири!» — и шутили, и выкрикивали: «Берегись!» — приметив опасный сук, и зверь лежал между ними, погруженный в крепкий сон и надежно привязанный, и не просыпался, несмотря на качку и тряску на первом этапе своего долгого путешествия в далекий новый край, где люди не будут его убивать. Носорог лежал, разинув огромную пасть, которая шутя перемалывает колючие ветви, и он издавал гулкие, протяжные, жалобные стоны, и грозный рог его никого не страшил, и остекленевший глаз был полуоткрыт, и на громадном лбу запеклась струйка крови с пенициллином. И Ричард сидел верхом на плече носорога, держа обмотанную вокруг его головы веревку, чтобы не развязалась. Через гребни и вниз по склонам, вливая в оврагах, огибая деревья и скалы, скатываясь с крутых береговых уступов в пересохшие русла, которые форсировались на двойном приводе, на предельной мощности ревущего дизеля, так что холодный песок летел во все стороны, и с натугой штурмуя противоположный берег... Так продолжалось примерно с час, и было уже около десяти, и взошедшая луна серебрила проносящиеся мимо безмолвные и безбрежные заросли, серебрила нас и распластанного на салазках могучего носорога, и тут мы увидели костер Норманова лагеря впереди, на берегу Руйи, и поняли, что половина пути осталась позади. После лагеря старины Нормана нам опять стали попадаться краали; жители выбегали посмотреть на нас в холодном лунном свете — на тяжелый грузовик и на людей, которые отправились ловить чипимбири, они кричали от радости и хлопали в ладоши, и дети плясали и прыгали и кричали, чтобы остановились, дали поглядеть на чипимбири, и африканцы в кузове грузовика кричали: «Чипимбири, чипимбири, мы везем живого чипимбири!» — и хохотали, чрезвычайно гордясь званием ловцов чипимбири, и мы все хохотали. Так мы добрались до проложенной бульдозеромеки, широкой взрыхленной колеи в зарослях, и до нашего лагеря оставалось всего полчаса езды, и пыль клубилась за «мерседесом» большим серебристым облаком.

«Мерседес» развил на взрыхленной просеке пятьдесят километров в час, и тут я ощутил на своей руке жижу, извергнутую носорогом, и услышал громкую, сдавленную отрывку, и огромная голова зверя отчаянно задергалась. Я крикнул: «Берегись!» — и носорог скорчился в рвотном позыве и выпучил глаза, задышавшись от закупорившей дыхательное горло отрывки, и еще отчаяннее задергал головой, лихорадочно пытаясь сделать вдох; одним неистовым усилием он разорвал веревку, которой была привязана его голова, и могучий рог описал дугу над салазками, и он взревел, и все с криками вскочили на ноги, и Ричард, сидя верхом на ходивших ходуном ногах зверя, цепляясь за оборванную веревку и кричал Мкондо, чтобы остановил машину, и громадные связанные ноги отчаянно загребали воздух, и они с маху ударили Роджера-Роджера в грудь, и он, подавившись криком, исчез в облаках серебристой пыли за бортом

грузовика, мчавшегося со скоростью пятидесяти километров в час, и носорог продолжал сражаться с удушьем, и Томпсон высунулся из кабины, крича: «Что случилось?»— и Мкондо наконец нажал на тормоза, и грузовик остановился, пропахав борозду в грунте. Томпсон еще на ходу выскочил из кабины и побежал по дороге назад, к Роджеру-Роджеру, а носорог все корчился и бился, силясь сделать вдох.

— Ты цел?— Томпсон схватил руку Роджера-Рожера.

— Йебо.

Роджер-Роджер сидел, потирая голову, кругом клубилась пыль, на грузовике бился носорог.

— Ты на голову упал?

— Йебо, нкиси.— Он был жив-здоров.

— Тогда все в порядке.

Томпсон подбежал к грузовику и одним прыжком очутился в кузове. Носорог сильно дернулся, рыгнул, изо рта и ноздрей хлынула рвотная масса, и дыхательное горло очистилось. Зверь лежал, тяжело дыша, в зеленой жиже, сердце его часто колотилось, он издал протяжный булькающий стон и снова забылся.

— Сердце очень уж бьется,— сказал Ричард.— Сквозь лопатки отдает...

Томпсон схватил аптечку и живо извлек из нее шприц с налорфином, антагонистом наркотика М-99. Укол был необходим, чтобы опять не началась рвота под действием М-99— ведь носорог мог совсем захлебнуться. Томпсон лихорадочно схватил ухо зверя и нащупал вену. Вонзил тонкую иглу в тугую кожу, и игла согнулась, и вена выскользнула, и Томпсон чертыхнулся. Новая попытка, попал в вену, впрыснул препарат, потом с силой потер веко носорога, чтобы разбудить его.

— Жми!— крикнул он Мкондо.— Жми на всю катушку!

«Мерседес» взревел и дернулся и рванул по колее со всей скоростью, какую Мкондо только мог из него выжать, и мы поспешили крепче привязать носорога всеми веревками, какие только нашлись в кузове.

Носорог начал приходить в себя, когда ревущий и подпрыгивающий «мерседес» ворвался в наш лагерь, и с негодующими стонами вяло подергал веревки, ворочаясь в зеленой жиже, и огромный глаз его снова остекленел, и после короткой передышки он опять начал дергаться. Мкондо обогнул загон, затормозил и подогнал «мерседес» кузовом ко входу, меж тем как зверь забился с новой силой. Два следопыта уже лезли на ограду загона, чтобы открыть вход. Носорог рвался из своих пут.

— Каулеза... каулеза!

Следопыты, перехватывая руками, лихорадочно вытаскивали вставленные вертикально толстые жерди и отбрасывали их в сторону.

— Скорее, пока он совсем не очнулся!

Томпсон пролез в загон, поторапливая рабочих. Жерди были тяжелые, следопыты обливались потом в лунном свете.

— Живее, живее, мадода!

Не успели они вытащить до конца последние жерди, как Мкондо уже въехал задним ходом в загон. Носорог быстро приходил в себя и дергал ослабленные узлы. Подбодря друг друга криками, рабочие вытаскивали из кузова стальные рельсы и установили их как положено, в то же время Ричард включил опрокидыватель, и кузов вместе с салазками и носорогом стал подниматься к небу в лунном свете, и носорог негодуя взвыл и забился, раскачивая салазки. Томпсон крикнул:

— Спускай!

И салазки со скрежетом поехали вниз по рельсам, и в ту минуту, когда салазки коснулись земли, носорог рванулся и застонал, и глаза его опять остекленели.

— Отвяжите его от салазок!

Рабочие осторожно развязали узлы на голове и на груди носорога, опасаясь, что он рванется, как только почувствует свободу. Готово... Зверь продолжал лежать со спутанными ногами, постанывая. Мы отошли на безопасное расстояние.

— Давай, Мкондо!

Грузовик потащил широкие салазки из-под зверя. Мы приготовились броситься врассыпную. Разбуженный движением салазок, носорог взвыл, с гулким стуком шлепнулся на землю, рыгнул и дернулся. И мы отпрянули, готовые бежать. Но зверь уже обмяк, постанывая, с остекленевшими глазами.

— Закрывайте!

Рабочие подавали тяжелые жерди вверх следопытам, и те вставляли их на место. Томпсон наполнил один шприц пенициллином, другой — второй дозой налорфина.

— Каулеза, каулеза, мадода!

Оставалось вставить две-три жерди. Он достал перочинный нож.

— Свет.

Один из следопытов приблизился к нему по верхней перекладине ограды, держа фонарь так, чтобы свет падал на голову носорога.

— Сели на него, мадода!

Шестеро дюжих молодцов осторожно подошли и навалились на носорога, прижимая его к земле своим весом.

— Крепче держите.

Томпсон взялся за ухо зверя и принялся выпиливать перочинным ножом метки в тугом хряще, а рабочие изо всех сил держали носорога, чтобы не рванулся, ведь уши особенно чувствительны. Носорог дернул ухом, глубоко вздохнул и захрапел. Томпсон, стиснув зубы, старался пилить как можно быстрее, руки и нож окрасились кровью в свете фонаря. Вырезав из уха треугольник длиной в пять сантиметров, он швырнул его прочь. Рабочие крепко держали носорога, и Томпсон взялся за второе ухо и начал поспешно пилить, и широкое ухо дергалось, прижимаясь к голове, и зверь громко застонал, просыпаясь, и Томпсон лихорадочно пилил, и рабочие, тяжело дыша, всем своим весом прижимали носорога к земле. В желтом све-

те фонаря по земле расплылась блестящая красная лужица крови. Томпсон швырнул через ограду второй треугольник.

— Потерпи, бедняга.

Он отделил иглу от шприца с пенициллином, поднял ее, словно кинжал, и вонзил в ягодицу носорога, и зверь дернулся, но они держали его изо всех сил. Томпсон соединил шприц с иглой и впрыснул густой раствор.

— Следующий!

Следопыт подал шприц с налорфином.

Глаза зверя вдруг широко раскрылись, он издал громкий стон и выгнул спину и начал биться и взбрыкивать огромными спутанными ногами, и рабочие что было мочи прижимали его к земле, и огромная шершавая туша корчилась под ними, но они не сдавались, и, подергавшись, побрыкавшись, носорог застонал и обмяк.

Томпсон вонзил ему в кожу иглу и вспрыснул налорфин. Отбежал к ограде и отдал следопыту шприцы. Бегом вернулся к спутанным ногам носорога. Опустился на колени и, следя за каждым движением зверя, прижатого к земле весом шести молодцев, ослабил первый скользящий узел, так что он еле держался, затем второй и последний. Теперь оставалось лишь дернуть веревку, чтобы узлы совсем развязались. Зверь лежал, тяжело дыша.

— Так,— прошептал Томпсон.— Не спеша поднимайтесь. Поочередно. И уносите ноги.

Один за другим они слезали с огромной туши и на цыпочках отходили в сторону. Носорог не шевелился.

— Пошли, пошли отсюда.

Они взобрались на верх ограды по жердям и стали наблюдать. Зверь по-прежнему лежал, постанывая.

Томпсон присел у его ног, нетерпеливо ожидая, когда все освободят загон. Затем тихо потянул веревку. Узел развязался. Зверь не двигался. Если вскочит теперь, не сразу выпутается из веревок. Готовый в любую минуту отпрянуть в сторону, Томпсон осторожно, очень осторожно снимал петли с передних ног. Мы смотрели не отрываясь.

Снял, внимательно следя за носорогом. Зверь издал громкий стон, но не двинулся. Томпсон перешел к задним ногам, легонько потянул за петлю, и носорог задергался. Он застонал и выпучил налитые кровью глаза, мотнул головой, забился, словно рыба на берегу, и взбрыкнул ногами, и Томпсон, вздымая пыль, отпрянул назад, и зверь сделал выпад в его сторону. Молниеносно привстал на передних ногах, разбрызгивая кровь из сердито торчащих меченных ушей, и Томпсон ринулся к ограде, и всего два шага отделяли его от окровавленного носорога, а тот могучим рывком развернулся, фыркнул, вставая на задние ноги, яростным броском сократил расстояние до одного шага, но тут ноги его подкосились, и он рухнул на землю. Ударился о землю окровавленной скулой, потом плечом, и Томпсон уже схватился за жерди ограды, а зверь опять поднялся на ноги и сделал новый яростный выпад грозным рогом, сверкая злобными глазами, страстно желая убить, но непос-

лушные задние ноги опять подкосились, и он шлепнулся на бок в облаке пыли, и Томпсон мигом влез на самый верх ограды. Африканцы радостно кричали и смеялись. Зверь сделал новую попытку встать, но с громким стоном рухнул на другой бок, взбрыкнул ногами и замер с остекленевшими глазами, только могучие бока его ходили в свете фонаря.

Облепив зубчатый верх загона, мы смотрели на распластанного на земле, окровавленного, перепачканного, одурманенного зверя. В ушах зияли раны, из двух широких треугольников на землю в свете фонаря сочилась алая кровь. Через минуту опять очнется... Носорог протяжно стонал.

— Эй,— крикнул Томпсон.— Подъем!

Раненые уши дернулись.

— Эгей, огой!— Томпсон старался, чтобы его голос дошел до одурманенного мозга зверя.— Проснись!

Снова дернулись окровавленные уши.

— Огой, эгей!

Никакой реакции.

— А ну-ка, все вместе,— скомандовал Томпсон.

Мы заорали что было мочи, не скупясь на ругань и слова команды, кричали по-английски и на местных наречиях, но зверь не двигался.

Он опять крепко спал.

— Тащите ведро воды.

Стоя на верхней перекладине, Томпсон опрокинул ведро, вода с плеском упала на голову и плечи зверя, и брызги разметали пыль. Секунда напряженной тишины... затем последовала реакция. Могучий мокрый зверь нетвердо встал на ноги. Посмотрел кругом мутными глазами — кого бы истребить, потом замер, роняя на землю капли воды и крови.

— Вот так, молодец,— произнес очень довольный Томпсон.

Зверь сделал несколько неуверенных шагов и остановился, опалело озираясь в желтом сиянии фонарей. Тяжело развернулся, сделал несколько шагов в противоположную сторону и опять остановился. Пошевелил окровавленными ушами, потом прижал их к голове. Он слышал, что мы стоим где-то наверху, но из-за фонарей не мог нас рассмотреть. Вода растворила запекшуюся кровь на ушах и морде, и на землю падали розовые капли. Он уловил какой-то звук наверху, быстро развернулся и сделал два гулких шага, всматриваясь, но не увидел мишени для атак и остановился. Качнулся, потом узрел в пыли незнакомый предмет — веревку, яростно фыркнул, наклонил окровавленную голову, нацелил вперед воспаленные глаза, с грохотом атаковал веревку и подбросил ее вверх, так что она широкой петлей взлетела над его рогом. Снова яростно фыркнул и приготовился истребить ее. Но веревка, падая, обмоталась вокруг рога, и он потерял к ней интерес. Тяжело дыша, моргая, он стоял, окровавленный, в свете фонарей, с веревочной гирляндой на морде. Дурман еще не прошел.

— Эй,— сказал Томпсон,— пойдй попей.

Зверь развернулся на его голос и, сверкая глазами, топая

могучими ножищами, атаковал ограду, боднул бревно так, что все сооружение закачалось. Рог застрял между двумя бревнами, и носорог злобно фыркнул и мотнул могучей шеей и высвободил рог и снова мотнул шеей, бодая и дробя бревно. Потом отступил и остановился, моргая и пыхтя. Он еще не заметил воду.

Томпсон слез с ограды и прошел снаружи к тому углу, где находилась яма с водой. Просунул между жердями палку и поплескал ею в воде. Зверь яростно обернулся на звук и пошел в атаку через яму и врезался смертоносным рогом в угловые жерди. Задал им хорошую трепку, потом отступил, распаленный гневом. Вдруг обратил внимание на то, что намочил передние ноги, и увидел взбаламученную воду. Приблизился, нюхая воздух, окунул цепкие губы в воду и принялся громко лакать.

— Вот так, вот это молодец.

Мы были очень довольны им. Он выпил много воды, затем отступил, выскивая взглядом, что бы растерзать, но ничего не нашел. Тут глаза его остановились на висящих на ограде свежих ветках. Он подошел, перекусил пополам ветку толщиной с хоккейную клюшку и принялся задумчиво жевать.

Мы были очень довольны.

— Погасите фонари,— сказал Томпсон.

Фонари были погашены, остался только яркий серебристый лунный свет. Облепив верх ограды, мы смотрели вниз на нашего посеребренного луной могучего зверя, который стоял в облачке пыли, похрустывая веткой. Он нам очень понравился.

— Пошли поедим.

Мы с утра ничего не ели.

Мы слезли с ограды, и носорог выплюнул ветку, фыркнул и пошел в атаку, бешено молотя бревно рогом. Он был жив-здоров. Он продолжал дубасить ограду, пока мы не удалились, потом остановился, прислушиваясь. Наконец снова подобрал ветку и стал её жевать.

Направляясь к своим палаткам в свете луны, мы слышали, как хрустнула вторая ломаемая ветка, и чавканье возобновилось.

Часть вторая

Глава восьмая

В Мусусумойе — в районе Умфурудзи на реке Мазоз — на краю земель вождя Марамбы, где Куце и Томпсон вместе руководили «Операцией Носорог» до того, как перебраться на Руйю, деревья растут реже и местность более ровная; сухая желтая слоновая трава достигает в высоту трех — четырех с половиной метров, и, когда вас атакует носорог, обычно по соседству нет спасительного дерева, а если и есть, кто-нибудь другой уже карабкается на него. Охота на носорогов в этом краю была делом очень трудным и опасным, в высокой траве видно всего-то на несколько шагов, иной раз лишь в

последний миг заметишь дернувшееся ухо или торчащий из травы рог, а то и вовсе не увидишь ничего, только услышишь, а то и не услышишь, только почувешь, если у тебя острое обоняние.

Куце чуял носорогов. Поль Куце — один из лучших охотников во всей Африке. Всяк судит по-своему, но в этом вопросе все едины. Куце не подкрадывается издали и не стреляет с шестидесяти шагов, спасаясь на дереве, когда зверь идет в атаку. Куце сам атакует носорога и стреляет с двадцати, а еще лучше — с десяти шагов, и, когда зверь идет в атаку и все бегут к деревьям, Куце остается стоять на месте. Куце подкрадывается через густой-прегустой кустарник, из которого не прицелишься и в котором не разбежишься, поднимает одной рукой ружье и всаживает шприц в носорога с расстояния в один шаг. Говорят, что Куце не знает страха. Говорят, что он безумен. Все говорят, что Куце когда-нибудь нарвется и его убьет носорог.

Одни рождаются великими охотниками, другие становятся ими. Куце относится к первым. Великий охотник должен обладать многими качествами. Не стану делать вид, будто я в этом разбираюсь до конца, это так же трудно, как перечислить свойства, необходимые, чтобы стать великим матадором. Но вот качества, без которых никак не обойтись: отвага, ум, знания, находчивость, природное чутье, стойкость, решительность, тактический гений. Куце наделен по меньшей мере еще одним качеством: он телепат. Сосредоточившись, он навязывает носорогу свою волю, внушает твердое сознание своего, Куце, превосходства. Многие говорят, что Куце будет убит носорогом. Сам Куце знает, что этого не будет. Может быть, лев, может быть, слон, но носорогу до него не добраться. Спросите его, откуда он это знает. Куце ответит: знаю, и все тут.

Перед началом «Операции Носорог» Куце ходил к прорицателю, потому что хороший прорицатель и в таких делах разбирается. Тот много чего наговорил Куце. Сказал ему, что он в своей работе связан с дикими животными, что ему предстоит очень опасное дело, предстоит ловить очень опасного зверя. Сказал, что в связи с этим делом один человек погибнет в машине, а двое других будут ранены зверем, причем один — очень серьезно. Первым будет ранен высокий молодой брюнет. Прорицатель дал подробное описание, которое в точности подходило к Ричарду Пику. Вторым будет ранен блондин. В операции участвовали трое блондинов — Куце, Томпсон и Невин.

В лагере Мусусумоя в районе Умфурудзи, в самом начале «Операции Носорог», Куце впервые встретился с Ричардом Пиком и узнал его по описанию прорицателя. Он отвел Ричарда в сторонку и поговорил с ним очень строго. Сказал, чтобы Ричард соблюдал предельную осторожность: никакого риска, никакой бравады, не то он, Куце, даст ему, Ричарду, такого пинка, что тот будет катиться до самого Солсбери. На следующий неделе погиб Фосбери. Он был помощником Куце и погиб: «лендровер», на котором работал по делам «Операции Носорог», перевернулся.

После этого Куце всем рассказал о предупреждениях прорицателя. И еще раз строго-настрого велел Ричарду ни в коем случае

не рисковать, иначе он будет гнать его пинками до самого Солте-
бери. Дальше следовали блондины. Молодому Невину тоже было сде-
лано строгое предупреждение, что его будут гнать пинками до Солте-
бери, если он вздумает рисковать. Оставались Томпсон и Куце.
Томпсон не нуждался в предостережениях. Томпсон представил себе,
что значит очутиться под топочущими копытами носорога. Никто не
знал о носорогах столько, сколько Томпсон.

Оставался Куце. А Куце знал, что с ним это не может случиться.

Глава девятая

Жарко. Полдень — носорог предпочитает отлеживаться в тени. Они спускались по длинному отлогому склону: впереди Капеса, вы-
матривал след, в нескольких шагах сбоку от него Куце, сзади
Ричард с винтовкой. Остальные поотстали, за Куце было трудно по-
спевать, он и Капеса могли в хорошем темпе идти вместе километр
за километром. В Мусеусумойе охотникам приходилось покрывать
особенно большие расстояния, потому что носороги были разбросаны
по обширной площади и научились сторониться людей. Услышат или
почуют человека или просто пересекут его вчерашний след — сразу
стараются уйти подальше.

Проложенный носорогом след вел вниз по склону и через вы-
сохшее русло в заросли высокой слоновой травы на другом берегу.
В русле они остановились. Отраженные песком солнечные лучи нака-
лили воздух, и царило полное безмолвие. И тут Куце почуял запах
зверя.

Он сделал носильщикам знак, чтобы не двигались. Проверил
пеплом направление ветра. Ветер был благоприятный. Куце жестом
показал Капесе и Ричарду, чтобы следовали за ним, соблюдая дис-
танцию. После чего вошел в травянистые заросли, откуда тянуло
запахом носорога.

Пригнувшись, обливаясь потом, Куце бесшумно двигался по тропе,
читая следы, и страх был ему знаком так же, как любому другому
человеку. Капеса и Ричард крались в двадцати шагах за ним.
В высокой траве они не видели Куце. Впереди, в тридцати шагах,
разделенные большим просветом, возвышались над травой два дерева.
Видимо, носорог отлеживался под одним из них.

Куце крался по звериной тропе. Тропа повернула, и дальше
шагов на сорок простиралось нечто вроде прогалины, за которой
опять сплошной стеной желтела слоновая трава. В этой самой траве,
сразу за прогалиной, стояло дерево, а под деревом в неглубокой
яме стоял носорог. Он повернулся могучими бедрами в сторону слабого
жаркого ветерка, чтобы чутя, что надвигается со спины, видеть,
что приближается спереди, и слышать, что делается по сторонам.
Опустив голову, он дремал в тени боком к Куце, сквозь траву
Куце видел самый гребень его широченной спины и кончик рога.

Куце подал знак Капесе и Ричарду, чтобы поднимались вверх
быстро и бесшумно. Затем показал Капесе, чтобы тот отошел на

двадцать шагов в сторону и остановился на краю прогалины. Ричарду знаком велел оставаться на месте и держать наготове винтовку. Достал кисет с пеплом и проверил ветер. Направление ветра не изменилось, и носорог дремал в той же стойке. Куце внимательно посмотрел на зверя. Потом вышел из травы на прогалину.

Пригнувшись, он бесшумно побежал на цыпочках через прогалину прямо на зверя, способного убить его одним ударом, бежал, чтобы захватить носорога врасплох, воспользоваться преимуществом инициативы, создать такое положение, когда носорог должен будет применяться к его тактике, а не наоборот. Стремясь навязать зверю свою волю, Куце бежал по высокой редкой траве прямо на него с подветренной стороны: десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять шагов — и тут зверь услышал его и повернулся.

Носорог развернулся, сопя и фыркая, злой, встревоженный, настороженный, ростом с самого Куце, но раз в пятнадцать тяжелее и оснащенный смертоносным оружием; он развернулся с налитыми кровью глазами, готовясь убивать, и Куце замер на месте. Высокая трава мешала как следует прицелиться, ему нужна была верная мишень, широкий бок носорога, и он замер, запыхавшийся, взмокший, глядя на зверя. Они сверлили друг друга взглядом, голубые глаза слились переглядеть вытаращенные, опарашенные, налитые кровью; Куце продолжал стоять на месте, пригнувшись, часто дыша, и он переглядел носорога, и могучий зверь яростно взревел и наклонил голову и пошел в атаку, сверкая глазами. С грохотом, с фырканием, огромная черная голова опущена, он пошел в атаку, а Куце, тяжело дыша, полуприсев, знай себе стоял на месте и смотрел, как зверь идет прямо на него, и носорог вдруг остановился. Шумно остановился в десяти шагах от человека, взрыхлив пыль толстыми ножищами, и бешено зафыркал на человека и мотнул громадной страшной головой с налитыми кровью глазами, и Куце не тронулся с места. Тогда носорог понятился для новой атаки.

Ухая, наклонив голову с бешеными глазами, могучая бронированная туша пятилась через высокую слоновую траву для повторной атаки. Носорог отступил на десять шагов, и Куце продолжал стоять и пристально глядеть ему в глаза, сосредоточив в этом взгляде всю свою волю, и зверь снова фыркнул и пошел в атаку. С тяжелым топотом, от которого содрогалась земля, носорог мчался на Куце, чтобы казнить его, а Куце стоял как вкопанный, и опять разъяренный фыркающий носорог шумно остановился перед ним. Остановился, вздымая широкие бока, злобно сверкая глазами, и Куце продолжал стоять пригнувшись и глядел на носорога. Он не стал поднимать ружье. Малейшее движение развеяло бы чары, то таинственное нечто, которое позволило человеку навязать зверю свою волю, свое я, свое превосходство. Чары были бы развеяны, и носорог довел бы атаку до конца, а Куце был вооружен всего лишь обездвиживающим ружьем. Пять секунд носорог, сопя и пыхтя, стоял в десяти шагах от него, затем понятился для последнего броска.

Куце ждал, сосредоточив внушение на Капесе, на носороге и на самом себе, ждал, когда Капеса отвлечет внимание зверя и выну-

дит его подставить бок под выстрел. Зверь тяжело попятился через траву, фыркая и сверля Куце взглядом, на секунду замер, напрягая могучие мышцы, и пошел в атаку. И тут включился в действие Капеса. Носорог бросился на Куце, а в десяти метрах от них Капеса вышел из травы на прогалину и хлопнул в ладоши, и зверь увидел его и изменил направление атаки. Повернув на полном ходу, с грохотом пошел на Капесу, и когда тысячекilограммовая туша протопала мимо Куце в пяти шагах, он сделал поворот и всадил шприц в носорога. Сквозь гул и грохот послышался выстрел, и серебристый шприц с красно-бело-синим оперением вонзился в здоровенную ляжку, а Капеса уже мчался к дереву. Он опередил носорога на десять шагов, и зверь яростно боднул ствол и с ходу ворвался в травянистые заросли, сверкая прочно засевшим шприцем, и пропал из виду.

И все, о чем тут рассказано, уложилось в шестьдесят секунд.

Глава десятая

Когда носорожихе исполнилось четыре года, у нее впервые наступила течка, и моча содержала гормон, который раздражал обоняние могучего самца, и он отыскивал самку на ее территории в Умфурудзи. Она терпела его присутствие в силу своего состояния, а также потому, что он ухаживал за ней с поистине носорожьей настойчивостью. Она позволила ему покрыть ее, два дня продолжалась любовь милых неуклюжих исполинов, потом она не пожелала больше терпеть его, и он удалился.

Через год и пять месяцев родился детеныш: длина тела — семьдесят пять сантиметров, рост — тридцать восемь сантиметров, вес около двадцати пяти килограммов, рога, понятно, еще не выросли. Три месяца он кормился материнским молоком, затем начал жевать побеги, до которых мог дотянуться, и мать помогала ему, пригибая ветки к земле, и он уписывал их вместе с колючками, так что только хруст стоял. Но он продолжал сосать материнское молоко — продолжал и тогда, когда подрос настолько, что ему для этого приходилось опускаться на передние колени, даже ложиться на живот. Полтора года мать выкармливала его молоком и каждый день совершала вместе с ним большие переходы, чтобы львы не могли добраться до него. Она все еще разрешала ему сосать, если он требовал, даже когда у нее началась новая течка, и другой самец нашел ее по запаху, и она подпустила самца к себе. Первый детеныш должен был оставаться с матерью еще полтора года, до рождения второго отпрыска, после чего первенцу полагалось «подвинуться» и начать самостоятельную жизнь.

Детеныш уже заметно вырос, его мать уже девять месяцев носила второго, когда в Мусусумойе развернулась «Операция Носорог».

На рассвете дул холодный северный ветер, пригибая высокую траву. Они стояли, изучая след, на который их вывели следопыты старины Нормана, и проклинали ветер. Свежий след ясно выделялся на мягкой песчаной тропинке среди травы, зверь прошел здесь час-

другой назад, даже морщины подушечек можно различить, но что толку при таком ветре. Достаточно присесть и дунуть, чтобы след размазался — и не отличишь его от вчерашнего следа. А след направлялся в ту же сторону, что и ветер, иначе и быть не могло, ведь носорог предпочитает идти по ветру, и все отпечатки свежие, оставлены самое большое полчаса назад, и навоз теплый, влажный, и морщины подушечек видны, а толку чуть. Носорог шел по ветру, ветер приносил ему их запах, и зверь продолжал уходить. Они преследовали его до самого заката, потом пришлось сдаться. Сегодняшний день сулил то же самое. И они решили пойти против ветра и рассыпались редкой цепочкой, высматривая другие следы на травянистых буграх. В полдень Бен обнаружил след носорожики и детеныша.

Они пошли по следу и в час дня увидели животных, 'залегших в тени, и Томпсон всадил в самку шприц, и она, яростно пыхтя и фырка, с трудом поднялась на ноги и затрусила прочь, и детеныш побежал за ней вприпрыжку, прижимая уши к голове.

Огромная тяжелая самка с поблескивающим на боку шприцем трусила, фырка, и ухая, чтобы нагнать страх на врага, где бы тот ни скрывался, и не терять контакта с детенышем, и детеныш скакал за ней следом. Со всей доступной ей скоростью она выбежала из травы на бугристый холм, стараясь уйти подальше от преследователей, и детеныш мчался за ней, все так же прижимая уши. Носорожица перепрыгнула через холм, спустилась в овраг, пересекла сухое русло и продолжала бежать по холмам, и кожа ее покрылась потом. Она перешла на тяжелую рысцу, топоча громадными копытами, словно ломовая лошадь: голова с грозным рогом поднята вверх, сторожки уши направлены вперед, глаза озираются по сторонам, огромное брюхо покачивается. Пятнадцать минут бежала она так и покрыла около пяти километров пересеченной местности, и тут начало сказываться действие М-99.

Носорожица вся взмокла, влажные темные пятна проступили на спине, на шее, на брюхе, между ногами, и сердце колотилось, она тяжело дышала, и в глазах помутилось, и стало не хватать воздуха, и она пошатнулась на ходу. Мотала огромной головой, силясь прогнать дурман, ноздри ее раздувались, и пасть раскрылась, издавая чмокающие звуки. Отяжелевшие ноги стали подкашиваться, она спотыкалась и кренилась из стороны в сторону, и огромную голову тянуло вниз, и носорожица начала стонать. Задела дерево и содрала с него кору, врезалась в кустарник и растоптала его, проложив широкую неровную дорожку для преследователей. Детеныш трусил за ней следом, поскуливая. Она задела собственного детеныша и сбила его с ног, и он взвизгнул, она въехала головой в дерево и с громким хрипом рухнула на грудь, задрвав кверху могучие бедра, потом перевалилась на бок. Удар о землю привел ее в себя, она встала, вращая ошалелыми, мутными глазами, и с тяжелым сопением побрела вверх по склону, сопровождаемая детенышем, который теперь опасно стоял рядом с ней.

Холм венчался крутой скалой высотой около пятнадцати метров,

с широкими выступами по бокам. Носорожиха брела вверх по вытянутому бугристому откосу, спотыкаясь, качаясь, натываясь на деревья, топчa кусты и опрокидывая камни, и сердце ее колотилось, и кожа лоснилось от пота. Сорок метров отделяло ее от макушки; детеныш старался не отставать. Она продолжала ковылять вверх по склону, сывая уйти от дурмана, ее качало в обе стороны, она спотыкалась, ударялась о деревья, падала на колени, с хрипылыми стонами снова поднималась на подкашивающиеся ноги, и уже двадцать шагов оставалось до макушки холма, и через две минуты наркоз должен был окончательно свалить ее. В десяти шагах от вершины она еще раз наткнулась на дерево и упала.

Носорожиха шлепнулась на бок и осталась лежать, издавая громкие стоны, и скулящий детеныш стоял рядом с ней, вертя ушами и озираясь по сторонам. Наконец его могучая родительница опять встала на ноги. Тяжело поднялась и побрела вверх по скале, и в трех шагах от вершины ее повело вправо. На подкашивающихся ногах, опустив голову с помутневшими глазами, она проковыляла два десятка шагов вдоль гребня, продолжая стонать, потом свернула в сторону, и детеныш трусил за ней, повизгивая. Носорожиха врезалась в дерево, чуть не упала, качнулась и снова взяла курс на вершину. Десять нетвердых шагов, девять, восемь, семь, шесть... Споткнулась о камень и чуть не грохнулась, но в последнюю минуту выпрямилась и добрела до самого гребешка, неотступно сопровождаемая детенышем. Огромное сердце ее колотилось, она вся обливалась потом, еще минута — и рухнет без сознания, и она перевалила через гребень.

Она сорвалась вниз головой, с диким воем пролетела три-четыре метра и приземлилась на первом широком уступе, но огромные бедра перевесили, и она покатиась по крутому склону, и толстые ножищи мелькали в воздухе, и огромное брюхо билось о крутой склон, так она со стуком кувыркалась до следующего уступа, но исполинский вес не дал ей остановиться, и она продолжала ехать по склону, и камни с грохотом катились следом и прыгали через нее. В облаке пыли она скользила по круче до самого низа и наконец с треском остановилась под стук осыпавшихся камней.

Детеныш стоял на краю скалы, обаятый ужасом и страхом, хотел было прыгнуть вдогонку за матерью, но испугался. Он совсем потерял голову без матери, попятился назад и заскулил и забегал вдоль гребня, и сердце его отчаянно билось, и он снова хотел прыгнуть вниз, но не осмелился и отскочил от края. Повизгивая, подбежал к тому месту, где сорвалась носорожиха, и высунул голову над гребнем, направив уши вперед, высматривая мать, и весь подобрался и присел для прыжка, но прыгнуть не смог. Страх высоты заставил его отступить с колотящимся сердцем, и он отчаянно заметался по скале, высматривая, где спуститься или съехать вниз на копытах или даже прыгнуть, лишь бы было не так высоко; добежал до конца гребня и не нашел подходящего места и совершенно растерялся. Повернул обратно, снова побежал вдоль гребня, выискивая спуск, испуганно вертелся и пытался заставить себя прыгнуть и метался, спотыкаясь,

снова и снова заглядывал через край, и страх становился все сильнее и сильнее, и он добежал до другого конца гребня и наконец увидел спуск. Очень крутой и каменистый спуск, но все же не голая скала, и он весь подобрался и прыгнул вниз и поехал по крутому склону, спотыкаясь и скользя, хрипя и букуя, копыта растопырены, голова опущена, круп задран кверху; он ковылял и скользил, падал и снова поднимался и скользил дальше, сбивая камни на ходу, и так до самого низа. Но матери там уже не застал.

То ли шок от долгого падения был виноват, то ли боль в огромном брюхе, а может быть, она ничего особенного и не почувствовала сквозь дурман, но только могучая носорожиха некоторое время лежала на боку, постанывая, потом отдышалась и поднялась. Тяжело поднялась, натужно дыша, вся в поту и в крови от глубоких кровоточащих осадин, отошла от скалы примерно на полкилометра и свалилась. Хрипя и постанывая, опять встала на ноги, ненароком вклинилась головой и плечами между двумя огромными камнями и впала в забытие. С протяжным, стонущим дыханием она уснула стоя, и тут детеныш нашел ее.

Он подбежал к ней галопом, дрожа, повизгивая, задыхавшись, ткнулся в брюхо мордой с коротеньким ртом, ткнулся еще раз, потом, облегченно поскуливая, обошел кругом и ткнулся мордой в другой бок. Нетерпеливо затопал ногами. Начал бегать туда и обратно, озираясь по сторонам и вертя ушами, наконец вернулся к матери и решил утолить жажду. Опустился на колени, затем распластался на животе и добрался до соска. Не то чтобы жажда очень томила его, но надо же было чем-то заняться. Минут пять он шумно сосал, подталкивая брюхо головой, чтобы лучше ухватить сосок широким ртом, а когда насосался, встал и снова начал бегать по кругу. Потом лег на землю — раз уж матери взбрело в голову спать.

Следопыты сильно встревожились, обнаружив, что следы ведут через скалу. Отыскивали крутой спуск на другую сторону. Когда они нашли носорожиху, детеныш опять сосал.

Надо было возможно скорее отвезти самку в лагерь, но если выстрелить шприцем в детеныша, он мог убежать довольно далеко, прежде чем впадет в забытие. И они решили поймать его так. Быстро рассыпались, окружая его, и стали тихо приближаться. За сорок метров детеныш почувал их.

Он выбрался рывком из-под материнского брюха и стал тревожно озираться, насторожив уши, и при виде людей испуганно фыркнул, предупреждая мать, и повернулся к ней. Пырнув ее своим тупым рогом в бедро, требуя, чтобы она его защитила, потом опять повернулся навстречу цепочке людей. Они медленно приближались, волнуясь ничуть не меньше его. Детеныш фыркнул, забежал с другой стороны, стал мордой к людям, наклонил голову и угрожающе мотнул ею с громким фырканием, чтобы испугать их, но они продолжали наступать. Он вернулся бегом на прежнее место, уперся задом в материнский бок и зафыркал, взмахивая рогом, но они все приближались. Тогда он наклонил голову и разинул пасть, взревел и пошел в атаку,

но это был ложный выпад; с грохотом пробежав десять шагов, он резко затормозил и поспешно возвратился к матери. Двадцать шагов теперь отделяло его от людей. Он фыркал, он ревел, и он снова наклонил голову и стуча копытами, пошел в атаку, нацелившись на ближайших к нему людей, и люди отпрянули и бросились врассыпную, и детеныш развернулся и галопом побежал обратно к матери; добежав до нее, он опять вернулся к противнику, пыхтя, дрожа и сверкая глазами. Когда цепочка приблизилась на пятнадцать шагов, Куце и Томпсон отделились от других и пошли на детеныша.

Они приближались с разных сторон, держа в руках веревки, и детеныш сопел, пыхтел, фыркал и вертел головой, стараясь держать обоих в поле зрения. Делал выпад рогом то в одном, то в другом направлении; наклонив голову и фырая, подался в сторону Томпсона и отпрянул назад, растерянно озираясь, потом подался фырая в сторону Куце и отпрянул к матери, и они бросились к нему бегом с веревками, Куце — с одной стороны, Томпсон — с другой, и детеныш хрипло взвизгнул от испуга и ярости и пошел в атаку на Томпсона.

Наклонив голову и стуча копытами, он пошел в атаку, и Томпсон стоял как вкопанный, держа наготове веревку и сам готовый отскочить вбок, и детеныш в отчаянии бросился на него, и Томпсон хотел отскочить, но детеныш круто развернулся и пырнул его. С маху пырнул Томпсона рогом в ляжку, вложив в удар все свои триста килограммов, и Томпсон, раскинув руки и ноги, упал ничком на каменистую землю, и детеныш яростно бросился на него и снова изо всех сил пырнул в ягодицы, и Томпсон покатился кувырком по склону, и маленький носорог бежал за ним, наклонив голову, и дал ему еще тумака. С ходу боднул в бедро, и Томпсон, чертыхаясь, разметавшись, весь в сеадинах и в пыли, продолжал катиться кувырком по склону, наконец собрал руки-ноги и встал, весь в поту, пыли и крови, и ринулся, чертыхаясь, за своим ружьем. Носорожок уже разворачивался, чтобы бежать обратно к матери, и Томпсон вскинул ружье и всадил шприц ему в бедро, и носорожок испуганно взвизгнул, свернул в сторону и опрометью бросился наутек через заросли. Томпсон послал вдогонку следопытов, потирая сеадины и чертыхаясь, затем поспешил к переносной радиостанции и сказал старине Норману, чтобы он приехал за ними.

Носорожок пробежал три километра. Когда они его настигли, он бродил, пошатываясь, по кругу. Они крепко-накрепко связали его и сразу же впрыснули налорфин. Понадобился целый отряд, чтобы держать его.

Глава одиннадцатая

Было уже темно, когда они доставили самку и детеныша к загону в Мусусумойе. Детеныша на всякий случай, чтобы случайно не причинил матери новых повреждений, поместили, не развязывая, в соседний отсек и занялись самкой. У нее было много сеадин и глубоких царапин, в остальном же как будто ничего серьезного. Она все еще крепко спала, издавая протяжные стоны, но это было в порядке вещей. Вот только беременность их беспокоила. Они впрыснули

носорожихе пенициллин и налорфин и развязали ей ноги, затем, взобравшись на верх ограды, стали с беспокойством ждать, когда она очнется. Самка лежала на земле — вся в ссадинах, брюхо огромное. Они окликали ее, чтобы разбудить, потом стали кричать хором, но водой не обливали, боясь вызвать шок. Наконец она проснулась, много позже обычного срока, и с великим трудом поднялась на ноги; ее шатало, и она несколько раз падала, прежде чем утвердилась на ногах, и они беспокоились — как эти падения скажутся на беременности. Носорожиха ковыляла в своем отсеке, качаясь и тыкаясь в жерди, и вид у нее был очень жалкий, и несколько раз она засыпала стоя, сишло дыша, и они кричали, чтобы разбудить ее и заставить выпить воды. Просунули между жердями палку и поболтали ею в воде, чтобы привлечь внимание носорожихи. В третьем отсеке был заточен взрослый носорог, он топтался, раздувая пыль, и фыркал и с разбега дубасил мопановые жерди, хотел добраться до соседки и казнить ее; понятится, сверля ее взглядом через щели, затем опять атакует жерди. Самка не обращала на него внимания, все ковыляла по своему отсеку, потом принялась звать детеныша, и крепко связанный детеныш отозвался из соседнего стойла. Но они не хотели развязывать детеныша, чтобы он не отвлекал ее, пока она не попьет воды. Снова и снова болтали палкой в воде и окликали носорожиху, чтобы окончательно разбудить и отвлечь ее от детеныша, и она еще долго ковыляла вслепую по отсеку, наконец набрела на воду и напилась.

После этого развязали детеныша. Четверо сидели на нем, пока ему развязывали ноги, потом бросились врассыпную. Детеныш вскочил на ноги и кинулся на людей, которые поспешно выбирались из стойла, но тут он услышал и почувствовал и увидел свою мать через щели между бревнами. Подбежал, уткнулся мордой в жерди и заскулил. И мать добрела до жердей, уткнулась в них мордой с другой стороны и поскулила в ответ, успокаивая его. Наконец-то дурман совсем оставил ее, и они стояли нос к носу, разделенные жердями, и поскуливали. Люди отправились спать, сильно беспокоясь из-за ссадин и ушибов носорожихи, но утешая себя тем, что ей вроде бы уже лучше. Всю ночь самка и детеныш переключались друг с другом.

Беременная самка неплохо поела и как следует напилась, однако вела себя очень апатично. Стоит себе на месте свесив голову, иногда приляжет. Она не реагировала ни на соседа, ни на людей, которые подходили к загону, озабоченные ее состоянием; все стояла, уткнувшись мордой в жерди, и окликала детеныша. На третий день, в восемь часов вечера у нее произошли преждевременные роды.

Один из следопытов прибежал с этой новостью к палатке старини Нормана, и Норман поспешил к загону и увидел все сам.

Она стояла свесив голову, уткнувшись мордой в жерди соседнего отсека, где был ее детеныш, и стонала; по массивным задним ногам на землю стекала густая ярко-красная кровь, смешиваясь с пылью и образуя широкую лужу. Посреди этой кровавой лужи лежал плод — черный, блестящий, мягкий, вполне сформировавшийся маленький самец, сорок пять сантиметров в длину, тридцать сантиметров в высоту. Крохотные глазки были закрыты, под шелковистой

кожей чуть проступали ребрышки, на ножках светились по три прозрачных копытца; влажные мягкие ушки плотно прилегали к голове, и бархатные складки бороздили блестящую желтовато-черную в свете фонарей кожу с кровавыми потеками. Он был мертв. А полувзрослый детеныш в соседнем стойле стоял, уткнувшись мордой в жерди, поближе к материнским ноздрям.

Старина Норман был бессилен что-либо сделать. Попробовал было тихонько спуститься в отсека за спиной носорожихи, чтобы осмотреть ее и выяснить, можно ли ей как-нибудь помочь или хотя бы удалить мертвый плод из загона, но она услышала его, когда он был на полпути, и развернувшись, шатаясь — несчастная, окровавленная, разъяренная, — и пришлось Норману поспешно карабкаться наверх. Она не собиралась пускать его в отсека, не говоря уже о том, чтобы позволить ему вытащить плод. Прогнав старину Нормана, носорожиха постояла, сердито озираясь, потом вяло опустила голову, обнюхала лежащий на земле плод, тяжело развернувшись в кровавой луже, снова откнулась мордой в жерди, отделяющие ее от детеныша, и поскулила, и он заскулил в ответ.

Старина Норман был бессилен что-либо сделать. Разве что усыпить носорожиху шприцем на несколько часов, но он опасался, что шок может ее убить. Норман связался по радио с Солсбери и попросил прислать ветеринарного врача, хотя и понимал, что тот не скоро доберется до Мусусумойи. Ни Норман, ни кто-либо другой не могли тут ничего поделать. Он взял фонарь и опять забрался на верх ограды, решив дежурить всю ночь.

Носорожиха стояла, уткнувшись мордой в жерди, и перекликалась с детенышем, и кровь сбегала ручьем по ее толстым ногам в желтом свете фонаря. Крови натекло много, чуть не вся земля в отсеке превратилась в кровавое месиво. Около полуночи она свалилась. Закачалась, обмякла и повалилась на бок в собственную кровь, не отнимая морды от жердей, и так и осталась лежать, постанывая и окликая детеныша. Она истекала кровью. Старина Норман ничем не мог ей помочь. Она лежала, умирая, и окликала детеныша через жерди, и детеныш тоже лег в своем отсеке, чтобы быть поближе к матери, и поскуливал в ответ. Он слышал запах ее крови. Так они пролежали всю ночь, и кровотечение не прекращалось. Носорожиха умерла до рассвета, и в свете Норманового фонаря ее стойло выглядело сплошным кровавым болотом, и, когда она перестала дышать, детеныш заскулил сильнее прежнего, он распластался на земле, прижимаясь мордой к жердям, и громко плакал.

Как только рассвело, старина Норман подогнал к загону «лендровер», обвязал веревками мертвую самку и плод и вытащил их из отсека. При этом детеныш разволновался, забежал взад-вперед в своем отсеке. Норман велел рабочим взять лопаты и очистить отсека от кровавой грязи. Оттащив труп в буш за три километра, чтобы детеныш не слышал запаха, он произвел вскрытие носорожихи. У нее были сильные внутренние повреждения от падения со скалы. Потом Норман развел большой костер и сжег останки.

Рабочие хотели съесть мясо, но он не разрешил.

Они провели в Мусусумойе два месяца, отловили семнадцать носорогов и перевезли их в Гона-ре-Жоу. В районе Умфурудзи оставалось еще четыре, может быть, шесть носорогов, но они совсем не подпускали к себе людей, пробегали в день по пятьдесят-шестьдесят километров, уходя от преследования. Тогда ловцы перебазировались к реке Руйе, в земли вождя Масосо, с тем чтобы позднее вернуться в Мусусумойю. Оттуда они должны были отправиться в Гокве.

Часть третья

Глава двенадцатая

Поначалу на Руйе все складывалось как нельзя лучше. Каждый день мы ловили по носорогу. Каждый день еще до рассвета старина Норман высылал на разведку следопытов из своего лагеря на берегу Руйи, каждый день на восходе они прибегали обратно в лагерь и докладывали, что обнаружен след, и старина Норман включал радио и вызывал Ньямасоту: «Четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один» — и в холодке раннего золотистого утра раскатывался голос Томпсона: «Чи-пим-бии-ри!» — и мы вскакивали на ноги и выбегали из палаток, одеваясь на ходу, и я кричал Брайтспарку Тафурандику, чтобы принес мне к «мерседесу» апельсин, кружку кофе и горсть таблеток глюкозы. Грузовик уже ждал, и Мкондо всегда выглядел бодрым — и несколько отчужденным, вроде Бена, и по утрам от него всегда пахло зубной пастой. Мкондо поставил свою старую никелированную кровать и натянул свой собственный тент под деревом mopani в сторонке от других африканцев, включая следопытов, и одеяла у него всегда были тщательно сложены на кровати. Лагерь следопытов — у них было стандартное казенное оборудование — тоже выглядел очень опрятно; местные рабочие спали на собственных одеялах у своих костров и казались порядочными неряхами рядом со следопытами в аккуратной защитной одежде и темно-зеленых кепи; но и они были молодцами по сравнению с моим Брайтспарком Тафурандикой, когда он, запыхавшись, семенил через высокую росную траву, держа в одной руке кружку с расплескивающимся кофе, в другой — горсть таблеток, прижимая апельсин к груди подбородком, страшно довольный, что на целый день избавляется от меня. У Брайтспарка Тафурандики вообще не было новой одежды, а в экспедицию он и вовсе взял с собой последнее старье, дыра на дыре. Попытка облачить его в форму не привела бы ни к чему хорошему. Вам не давала бы житья кислая физиономия Брайтспарка Тафурандика, а после первой же попойки он вернулся бы в лагерь голый, громогласно нося «грабителей». И даже стал бы требовать, призывая всевышнего в свидетели, чтобы вызвали полицию из Солсбери.

В первую неделю на Руйе я успевал только сделать два-три глотка кофе, а там уже все в сборе, и Томпсон кричит, чтобы мы забирались в кузов «мерседеса», и Мкондо включает рокочущий мотор, и мы, ежась от утреннего холодка, несемся по нескончаемой горбатой колее к лагерю старины Нормана. Всю первую неделю было вдо-

воль четких следов, и, хотя работа следопытов осложнялась множеством скалистых холмов, расселин и оврагов, к полудню, в крайнем случае в начале второй половины дня, нам всякий раз удавалось выйти на носорога, и старина Норман приезжал за нами и еще до полуночи доставлял нас вместе с нашей добычей в Ньямасоту. В первые четыре дня мы отловили четырех крупных самцов, так что загон был полон негодующих носорогов; они сопели и фыркали на нас, каждый в своем отсеке, и пытались добраться до соседа через просветы между бревнами, и грозный рог таранил бревно или проскакивал в щель, и весь загон ходил ходуном. А ночью мы слышали, как они в лунном свете окликали друг друга, тихо взвизгивая. Звери подбодривали друг друга, жаловались друг другу. Когда в загоне не осталось свободных мест, мы перегнали носорогов в большие клетки, затем погрузили клетки на машины — работа на целый день, — и караван грузовиков отправился в безостановочный тысячекилометровый рейс до заповедника Гона-ре-Жоу. И помаялись же мы, перегоняя в клетки брыкающихся и бодающихся зверей: загон пришелся им не по нраву, а клетки и подавно. Носорогам было невдомек, что в Гона-ре-Жоу, где до них не смогут добраться никакие браконьеры, их ожидает долгая счастливая жизнь. У каждого из них глубокий шрам опоясывал шею или ногу, а ведь все они были еще молодые. В ту первую неделю мы нашли три черепа носорогов и по зубам определили, что жертвы браконьеров были молодые взрослые животные.

Череп — это по части старины Нормана. В искусстве ловли браконьеров ему не было равных. Пока мы отлавливали носорогов, старина Норман тихо делал свое дело. Спокойный, выдержанный, приветливый старина Норман люто ненавидел браконьеров. И так же ненавидели их работавшие с ним африканцы. У объездчиков егерского надзора были на то свои причины. Снова и снова, захватив с собой скатанное одеяло, наручники, блокнот и карандаш, они на несколько недель отправлялись патрулировать в буш и патрулировали в одиночку, даже без собаки. Там, где водятся слоны, нельзя выходить на поиск с собакой, потому что слон бросится на собаку и она побежит обратно к вам и приведет гонящегося за ней слона. Объездчик-африканец патрулирует с огнестрельным оружием. День за днем идет он по следу и врывается в лагерь браконьеров и задерживает их, потом несколько дней в одиночку ведет в базовый лагерь. И сколько раз случалось, что браконьеры нападали на объездчика и оставляли его погибать. Бей, пинай, палкой его, копьём его, стреляй в него, а когда свалишь, избитого, окровавленного, добавь ему еще пинков и тычков, потом хватай свои вещички и беги, оставив его подыхать, пусть львы, и гиены, и муравьи, и солнце dokonают его, черт с ним, только бы уйти и продолжать браконьерствовать. Немало объездчиков погибло от рук браконьеров, от ружья, топора, дубинки: лежишь среди буша один-одинешенек, и никто не слышит твоих криков, и товарищи найдут тебя нескоро — много позже, чем гиены и стервятники. Четыре подонка закололи копьями Насилеле около Форт-Виктории. Другие в упор застрелили Магоду в районе Уанки. Там же Манджату оглушили дубинками и бросили в костер, и когда его

нашли, кожа лица снеслась с кожей плеча. В Гона-ре-Жоу жена одного подонка ударила Тивану топором по голове, забросала его горячими головешками и убежала. Сколько убитых копьями, топорами, дубинками, пулями, сколько зловещих угроз! Надо быть жестоким, хладнокровным, отъявленным мерзавцем, чтобы стать браконьером, способным губить и зверей и людей.

Старина Норман немало выведал о браконьерах Руйи задолго до того, как прибыл туда. Сведения стекались к нему с разных сторон. Он знал о большинстве браконьеров, кто они и откуда. Вся штука заключалась в том, чтобы найти их, добыть доказательства и задержать. И не только их, не только тех, за кем тянулась цепь коварных ловушек и долгих, мучительных смертей; его занимали более крупные фигуры. Старина Норман охотился за всеми участниками гнусного промысла, за теми, кто скрывался за кулисами: посредниками в городах и на океанском побережье, оптовиками, делающим бизнес на истреблении животных, поощряющими браконьеров, скупая у них шкуры, рога и слоновую кость, чтобы вывезти товар за рубеж. Старина Норман охотился на оптовых истребителей.

Норман и его объездчики работали тихо и неприметно. Пусть считают меня недотепой, говорил старина Норман. И посылал объездчиков на разведку в деревенской одежде, и внедрял их среди местных рабочих, и разговаривал при местных жителях только на языке чалапалапа, делая вид, будто не знает их собственного наречия, и прикидывался недотепой, у которого на уме только поиск носорогов, а сам держал ухо востро и все примечал. Ночью его объездчики возвращались в лагерь и докладывали, что они видели и слышали в буше и среди местных рабочих и в краях, и старина Норман сводил все воедино, надевал очки и записывал и ждал своего часа, никого, даже Томпсона и начальство Управления, не посвящая в свои дела.

Глава тринадцатая

Ловушка была сделана из высокопрочного стального троса, который браконьер нашел на рудничной свалке и прокалил, чтобы тот стал менее упругим и покрылся маскирующей окисной пленкой. Согнув конец троса, так что получилось ушко, он закрепил его винтовым зажимом, затем продел в ушко другой конец провода, и ловушка была готова. Он добирался до Руйи издалека, и в чемодане у него лежало много ловушек, топор, старая шомполка, самодельный порох и мешочек с гайками, болтами, подшипниками и гвоздями, играющими роль картечи; и колдун прочел свои заклинания над его ловушками и ружьем и заговорил их, чтобы принесли браконьеру удачу. Забравшись в глубинку, он в буше соорудил из хвороста изгородь длиной почти в километр и составил в изгороди проходы, а в проходах развесил ловушки, прикрепленные другим концом к деревьям.

Молодая носорожиха почувала опасность, когда рог и правая передняя нога проделались в петлю, рванулась назад и выдернула из ловушки могучую голову, но передняя нога зацепила трос, и петля затянулась. Ощувив сопротивление, носорожиха фыркнула, попыталась и затянула петлю еще туже; тогда она повернулась, чтобы бежать, но ловушка подсекла ногу, и носорожиха упала. Тяжело упала

на грудь, и трос врезался в мясо. Она вскочила на ноги, взревев от ярости, боли и шока, снова метнулась в сторону и снова упала. Вскочила, дернулась назад, но трос потянул ногу вперед, и носорожиха опять опрокинулась на землю. Она встала с испуганным ревом, она пыталась вырвать ногу, дергалась, вертелась, рвалась и поднималась на дыбы, и с каждым рывком трос врезался глубже. Он вгрызался в мышцы и сухожилия, но она продолжала сражаться, раскачивая дерево, к которому была прикреплена ловушка. Целый час она сражалась и с каждым рывком трос впивался все глубже, он дошел до кости, потом врезался в кость, и тут он лопнул на изгибе около ушка. Браконьер перестарался, прокаливая трос на костре, что и отметил впоследствии с досадой, и решил в другой раз быть осмотрительнее. Когда трос лопнул, носорожиха опрокинулась, потом в неистовстве вскочила и побежала, хромя, но врезавшаяся в кость петля оставалась в ноге. Оборванные концы ржавого троса растопырились, однако тугие мышцы и винтовой зажим не давали ему выскочить. С тросом, врезавшимся в кость, она бежала, хромя, спотыкаясь, припадая на переднюю ногу, стремясь уйти подальше от ужасного места. Из ноги непрерывно струилась кровь, и браконьер легко нашел бы ее по такому следу, но он только два дня спустя собрался проверить ловушку и был очень недоволен, что трос не выдержал, и решил, что будет чересчур хлопотно преследовать зверя, чтобы добить его, и носорожиха ушла. И начались для нее адские муки.

Три месяца бродила носорожиха с врезавшимся в кость ржавым тросом, с огромной гноящейся опухолью, и растопыренные острые стальные жилки все время терзали тело. Потом страшная рана начала заживать. Ржавый трос оброс живой тканью, мышцы и сухожилия стали срастаться, и она ступала, припадая на поврежденную ногу, и притерпелась к боли. Круглая борозда затянута кожей, не зажило только то место, где торчали и теребили мясо жесткие жилки оборванного троса; здесь осталась открытая гноящаяся рана, и по всей окружности распухшей ноги гноились болячки.

Потом ее отыскал могучий самец, и она понесла.

Детенышу было полтора месяца, когда мы ранним утром обнаружили след носорожихи. Она хромала, но передвигалась вполне уверенно, и она притерпелась к боли. На краю зарослей высокой травы Томпсон всадил в нее шприц, и она пробежала, хромя с полтора километра, потом свалилась, и детеныш лег на землю подле нее и нашел сосок. Томпсон и ему всадил четверть дозы М-99, и детеныш вскочил, испуганно озираясь, чувствуя боль от иглы. Минуты три он тревожно метался вокруг матери, ища глазами врага, вертя раструбами ушей, а мы сидели неподвижно в шестидесяти шагах и смотрели; затем препарат начал действовать. Детеныш качался, он описывал все более широкие круги около матери, потом отупело побрел прочь, и мы встали и пошли за ним, следя, чтобы с ним не приключилось беды. Он брел, припадая на передние ноги, спотыкаясь, тяжело дыша, и торчащий в его плече большой шприц казался чересчур жестоким испытанием для такого маленького носорога, и он врезал-

ся головой в нору трубкалзаба, так что одни задние ноги торчали. Он выбрался из норы сам и заковылял дальше, и Томпсон попытался его удержать, но детеныш все еще был слишком силен. Описав широкую петлю, он направился, шатаясь, в нашу сторону, совсем одурманенный, и наконец впал в забытие. Мы крепко связали его, потом впрыснули налорфин, и через три минуты втроем можно было удерживать детеныша. Только теперь мы увидели, в каком состоянии нога его матери.

Ночью, уже в загоне, Томпсон попытался сделать операцию. Пока еще действовал наркоз, он вскрыл рану, идя за тросом, но, увидев, как глубоко врезалась петля, наложил швы и сообщил по радио в Солсбери, чтобы выслали ветеринара.

Глава четырнадцатая

Весть о том, что звериный доктор, белый, будет оперировать раненого чипимбири, распространилась по всей Руйе. За тридцать километров шли к нам люди вождя Масосо; мужчины и женщины, старики и дети тридцать километров шагали через сухой жаркий буш. Они начали прибывать уже на другой день, еще до того, как ветеринар добрался до нас на своем «лендровере»; толпились вокруг загона и смотрели в просветы между бревнами на чипимбири, которого поймали эти белые сумасброды. Присмотревшись, как Брайспарк Тафурандика расхаживает среди них с хозяйским видом, я заподозрил, что он пытается всучить им билеты на ожидаемое представление, но Тафурандика стал с жаром опровергать мои подозрения.

— Вы что, и в маленького детеныша тоже снадобьем стреляли? — спросил Брайспарк Тафурандика, чтобы переменить тему.

— Ну да.

— Э! — воскликнул Брайспарк Тафурандика. — Ну и зря. Да я его голыми руками поймал бы.

— Отлично, — сказал я. — Завтра, когда врач будет делать операцию, сперва надо будет отделить детеныша и поместить его в клетку. Так я скажу нкosi Томпсону, что ты справишься голыми руками, и он будет тебе очень благодарен.

— Э, — ответил Брайспарк Тафурандика, — я с удовольствием помог бы нкosi Томпсону, но ведь у меня малые дети.

— Я даже снимок сделаю, как ты ловишь его голыми руками, — пообещал я. — И пошлю фотографию в Голливуд.

— Голливуд? — заинтересовался Брайспарк Тафурандика. — А где это — Голливуд?

— Это такое место в Америке, где фильмы делают. И красивые девушки увидят на снимке, как ты ловишь чипимбири голыми руками, и скажут: «Ух ты, вот так Брайспарк!»

— Нет, — с сожалением произнес Брайспарк Тафурандика, — я старый человек, а дети у меня малые.

На другое утро с первыми лучами солнца в ожидании спектакля вокруг загона столпились люди вождя Масосо, сто с лишним душ.

День выдался пригожий, самый раз для лечения чипимбири. Томпсон велел зрителям слезть с ограды, а вообще-то он был рад публике. Пусть посмотрят, какое бедствие эти ловушки. Публика встретила гулом ветеринара Джона Конди, когда он вышел из палатки со своим снаряжением.

Сначала Томпсон влез с обездвиживающим ружьем на ограду и всадил в носорожику добрую дозу М-99. Зрители ликовали, и Томпсону пришлось прикрикнуть на них, чтобы не галдели: это трагедия, а не цирк. Африканцы поспешили сделать серьезные лица. Минут двадцать сидели мы на ограде, ожидая, когда носорожику свалится, и африканцы громко выражали свое восхищение могучим зверем. Когда она затихла, мы подтянули клетку и открыли загон. Набросили на голову детеныша аркан и потащили его, скулящего и упирающегося, прочь от усыпленной матери и заперли в клетке, чтобы не мешал, и зрители снова дали волю ликованию, и Томпсону пришлось опять призывать их к порядку: дескать, тут не смеяться, а плакать надо. Затем он велел рабочим выгрести навоз из отсека. После этого помощник Джона Конди вылил на землю в отсеке несколько ведер дезинфицирующего раствора, и африканцы решили, что начинается колдовство, призванное изгнать злых духов, и все притихли, потому что со злыми духами шутки плохи. Потом задние ноги носорожики связали веревкой. Облив дезинфицирующим раствором воспаленную переднюю ногу, Конди попросил, чтобы шесть рабочих уселись на носорожику и прижимали ее к земле на случай, если она очнется, и зрители заметно оживились. Джон Конди расстелил на земле резиновый коврик и разложил на нем хирургические инструменты. Публика была в восторге.

Конди вскрыл исследованную Томпсоном гноящуюся рану, сделал широкий и глубокий разрез, обнажая торчащие жилки ржавого троса. Стали видны сухожилия и мышцы — воспаленные, белые, желтые, кровоточащие, — и вокруг растопыренных стальных жилок мышечная ткань отличалась серо-зеленым оттенком, из нее сочилась кровь с гноем. Конди отделил щипцами от мышц каждую ржавую жилку, потом погрузил в рану кусачки и одну за другой перекусил жилки, извлекая их наружу в оболочке крови и гноя. На это ушло немало времени. Затем он стал углубляться в ткани вдоль троса, орудуя инструментом, пока не уперся во что-то твердое. Конди поднял глаза на Томпсона.

— Трос врезался в самую кость, — сказал он. — И оброс сверху костной тканью.

— Оброс сверху?

— Вся петля покрыта свежей костной тканью. Только этот конец торчит.

Мне стало не по себе. Ржавый стальной трос врезался в живую кость, и растопыренные жилки торчали и терзали мышечную ткань всякий раз, когда носорожику двигала ногой... Мне стало нехорошо.

— Я могу долбить кость, — продолжал Конди. — Это долгая процедура. Обработывая кость, рискуешь еще больше повредить мышечную

ткань и сухожилия. Самка надолго выйдет из строя. Не сможет заботиться ни о себе, ни о детеныше.

Томпсон покачал головой.

— Или же я могу перерезать часть троса, которая еще выступает над костью,— предложил Конди.— Тем самым прекратится давление на костную ткань. И удалю все кончики, чтобы не травмировали мышцы. Тогда рана должна зажить.

Мне стало сильно не по себе.

— А какой уход потребуется?— спросил Томпсон.

— Вы сможете перевезти ее в Гона-ре-Жоу. Но сперва придется поддержать ее здесь, в загоне. И несколько раз усыпить, чтобы вырыскивать пенициллин. А я буду приезжать — менять повязку и снимать швы.

— А как насчет боли?— спросил Томпсон.

— Она притерпелась к боли. Во всяком случае, боль будет не такая, как до операции.

Томпсон выпрямился. Он держал наготове шприц с М-99 на случай, если носорожика станет просыпаться. Лицо его выражало гнев.

— Делай, как считаешь лучше.

Он уставился на лица зрителей, которые глядели на могучего зверя через просветы между жердями.

— Вот!— крикнул Томпсон, показывая на раненую ногу животного.— Вот что сделали браконьеры! Позор им! Вот,— он показал еще раз,— почему мы приехали в это безбожное место!

Зрители постарались сделать постные лица.

Джон Конди принялся удалять часть троса, выступающую над костью. Долото, щипцы, кусачки, плоскогубцы... Он освобождал долотом трос от костной ткани, разделял жилки, потом погружал в кровоточащую гнойную рану плоскогубцы и кусачки. Жилку за жилкой захватывал кусачками возможно ближе к кости, сжимал рукоятки, и слышно было, как инструмент щелчком перекусывает проволоку. Вынув кусачки из раны, он шарил щипцами, нащупывая отделенный кусок. Извлечет его, промокнет рану ватным тампоном и спешит высмотреть следующую жилку, прежде чем набегит кровь. Несколько раз из-под долота выскакивал осколок костной ткани, и Конди тихонько ругался и извлекал осколок щипцами. Два часа работал он, согнувшись в три погибели, а солнце поднималось все выше, и в отсеке становилось все жарче, и все сильнее пахло землей и заточенными в соседних отсеках носорогами и влажным навозом, и разлило потом от окружающих ограду зрителей и от нас. Конди прервал работу, чтобы снять свитер; затем ему все чаще приходилось делать перерыв, чтобы выпрямиться и размять затекшие ноги. Африканцы сначала смотрели с напряженным интересом, потом стали отвлекаться, потом и вовсе заскучали. Время от времени Томпсон прослушивал стетоскопом сердце носорожика, и сразу интерес зрителей возрастал. Один раз он измерил температуру животного через анальное отверстие, и зрители были в восторге. Наконец, когда Конди почти управился с торчащими стальными жилками, носорожика проснулась, и публика снова пришла в восторг.

Здорово! Носорожиха вдруг громко застонала и открыла глаза, подогнула ноги и задергала веревки, пыталась встать, и Конди отскочил назад, сжимая свои инструменты, и все бросились врассыпную, но Томпсон крикнул: «Держи ее!» — и навалился всем своим весом на бедра носорожихи, и шестеро рабочих навалились на нее со всех сторон. Она выла и дергала ногами и мотала головой, ошалело сверкая глазами, и все ее могучее тело изгибалось, сился подняться, и африканцы вместе с Томпсоном висели на ней, крихтя и крича. Три раза предпринимала носорожиха отчаянные усилия, чтобы встать, колотясь головой о землю, потом глубоко вздохнула и снова погрузилась в забытье.

Конди перекусил последние жилки и извлек последние осколки костной ткани. В последний раз промокнул рану ватным тампоном. Обильно засыпал ее антибиотиком и принялся зашивать здоровенной иглой. Нелегко проткнуть такую толстую кожу. Он наложил сорок швов крепким кетгутом, тщательно завязывая узлы и обрезая кончики. Зрители высоко оценивали каждый шов. Затем Конди обернул рану корпией и зафиксировал корпию белым лейкопластырем. Он несколько раз обмотал огромную переднюю ногу лейкопластырем, так что получилась широкая, толстая, белая, надежная, аккуратная круговая повязка.

Африканцы нашли повязку превосходной, и я тоже.

Глава пятнадцатая

Третья неделя августа знаменовала приближение конца засушливой зимы, и сразу дни стали жарче, в полдень царил жгучий зной, и голые шершавые деревья почти не давали тени. Во второй половине дня с севера плыли облака, белые по краям, темно-серые посередине, — предвестники летних дождевых туч, но сейчас от них тщетно было ждать дождя, дождь пойдет не раньше октября, убийственного октября, когда Руйя почти совсем высохнет и животные, дикие и домашние, сильно отощат. Мы смотрели на облака и мечтали о дожде. Вот бы он каждую ночь орошал землю и смывал старые следы, чтобы лучше было видно свежие. Следопытам приходилось все труднее. Носороги уразумели, что за ними охотятся, и непрестанно совершали большие переходы, а на твердой сухой земле не так-то просто отличить сегодняшний след от вчерашнего.

А потом Томпсон растянул ногу, и стрелять из обездвиживающего ружья было поручено молодому Ричарду, тому самому Ричарду, который подходил под описание, полученное Куце от прорицателя. Не знаю уж, как Томпсон судил о прорицателях, но он сказал молодому Ричарду то же самое, что говорил Куце: чтобы не рисковал, не то он будет гнать его пинками до самого Солебери, даром что нога у Томпсона растянута.

— Ясно, Рон, — сказал молодой Ричард, горя энтузиазмом. — Конечно, Рон.

Он был счастлив, что ему поручено такое дело.

— Это чрезвычайно коварные твари, и они могут в два счета прикончить тебя, и, если я услышу, что ты позволяешь себе рисковать, видит бог, ты у меня докатишься до самого Солсбери,— твердил Томпсон.

— Ясно, Рон,— отвечал Ричард.— Конечно, Рон.

Мы сидели у Томпсонова костра; он положил распухшую, посиневшую вокруг щиколотки ногу на скамеечку.

— Куце — это Куце. А ты — Ричард Пик, двадцати лет отроду, с обычным набором отверстий в теле, и будь любезен не умножать их.

— Точно, Рон.

— Тебе известно, что я сделаю, если услышу, что ты рискуешь?

— Ты будешь гнать меня пинками до самого Солсбери,— отвечал Ричард.

— И до самого Управления, до отдела картотеки,— добавил Томпсон.— Там ты и останешься.

Участь пострашнее смерти.

— Ясно, Рон.

Ричард был любимчиком Томпсона.

— Будь любезен помнить, что прорицатель сказал Куце. Чистейший вздор, но ты все равно помни. И помни, что я с тобой сделаю.

Ричард горел энтузиазмом, и, вздумай Томпсон 'для вящей убедительности тут же, не откладывая, прогнать его пинками до самого Солсбери, Ричард все снес бы, только бы ему позволили завтра выйти с обездвиживающим ружьем.

Глава шестнадцатая

Было чудесное африканское утро, яркое, свежее, золотистое, а мы уже обливались потом в прохладном сухом русле, протянувшемся среди холмов от лагеря старины Нормана. У Ричарда были длиннющие ноги, и он был в великолепной форме, как и положено молодому здоровому объездчику, и лихо вышагивал по вязкому речному песку, в который нога на каждом шагу погружалась по щиколотку, и возглавлявшему наш отряд следопыту старины Нормана приходилось основательно напрягаться, чтобы выдерживать такой темп.

— Носорог ждет в русле, в каких-нибудь трех километрах,— сказал старина Норман перед тем, как мы вышли.— Привязан к дереву за хвост, приходите и берите.

— Ясно, мистер Пейн,— отозвался молодой Ричард.— Спасибо, мистер Пейн.

— Я только что говорил по радио с мистером Томпсоном,— продолжал старина Норман.— Он просил напомнить, что тебя ждет, если ты позволишь себе рисковать.

— Ясно, мистер Пейн,— сказал Ричард.— Спасибо, мистер Пейн.

После чего лихим жестом предложил нам следовать за ним и зашагал по руслу со скоростью хорошего рысака, и я от души пожалел, что Томпсон растянул ногу. Скорость Томпсона меня больше

устанавливала. После трех километров ходьбы по щиколотку в песке, когда я только и думал, как это Томпсона угораздило растянуть свою окаянную ногу, следопыт знаком велел нам остановиться. Прерывистым шепотом он сообщил, что чипимбири должен быть где-то здесь. Все мы, включая следопытов, Грэма Холла и Невина, упарились и запыхались, и сердце отчаянно колотилось, этот речной песок основательно измотал нас. Всех, кроме молодого Ричарда. Он стал шепотом совещаться со следопытом, однако мне было не до них. Я думал только о том, как хорошо лежать, растянувшись на речном песке. Но вот они крадучись двинулись вверх по руслу, и нам пришлось встать, чтобы следовать за ними.

Задышавшись от усталости, мы прокрались около ста метров вдоль извилистого русла, и тут увидели его. Он стоял открыто в каких-нибудь ста шагах от нас на отлогом длинном косогоре. Нам повезло, нам здорово повезло: и ветер был благоприятный, и нас прикрывала излучина, и речной песок приглушал наши шаги. Все как по заказу. Мы присели на корточки. Первого носорога судьба преподнесла Ричарду на блюде. Я был искренне рад, что не придется целый день тащиться по следу за этим длинноногим Ричардом. Тем временем он отдавал шепотом распоряжения и, волнуясь, заряжал ружье. Сокращать дистанцию еще больше было рискованно, и нам всем надлежало оставаться в укрытии за излучиной — всем, кроме вооруженного винтовкой Холла, который должен был прикрывать Ричарда. И молодой Ричард пошел брать своего первого носорога.

Пригнувшись, горя лихорадочным возбуждением, он живо пробежал по ветру несколько шагов в высокой траве, остановился, проверил направление ветра, потом двинулся в обход зверя. Совсем немного надо было ему пройти, чтобы оказаться на расстоянии выстрела. Из нашего укрытия мы хорошо видели и его и зверя. Носорог стоял все на том же месте. Чуть поодаль высилась стеной трава, и, скройся он в ней, Ричард оказался бы перед дилеммой. Не пойти в траву за зверем — потеряешь его, пойти — Томпсон будет гнать тебя пинками до самого Солсбери. До сих пор ему крупно везло, носорог не двигался, но мешкать было нельзя, в любую минуту зверь мог уйти в высокую траву. Ричард приблизился на сорок метров, а носорог, ничего не подозревая, все стоял к нему боком — превосходная мишень, и молодой Ричард, дрожа от возбуждения, поднял ружье, спустил курок, и ружье дало осечку.

Осечка, окайнная ружье дало осечку! Опять, черт возьми, попался негодный патрон, будь он неладен. Дрожащими руками Ричард открыл затвор и вставил другой патрон. В сорока шагах от Ричарда носорог, услышав щелчок, развернулся: уши насторожены, рог поднят вверх, глаза сверкают... Постоял, опять развернулся, глядя в другую сторону, но теперь он стоял уже не боком, недолго и промахнуться. Зверь побрел к высокой густой траве, и я сказал себе: «Уйдет, окайнный» — но тут он остановился. Еще раз повернулся кругом, поводя ушами, потом успокоился и опустил уши. Он опять подставил Ричарду бок, и я молил всевышнего, чтобы он помог нам,

и Ричард снова спустил курок. И снова, пропади оно пропадом, ружье дало осечку.

Снова, как назло, осечка, и зверь с фырканием повернулся: уши насторожены, рог поднят, глаза ищут, кого уничтожить,— и Ричард, чертыхаясь, непослушными руками открыл затвор, чтобы перезарядить ружье, и зверь сделал три шага в его сторону, фырка и свирепе озираясь, он устоялся прямо на траву, где скрывался Ричард, где Ричард, чертыхаясь, возился с новым патроном,— и носорог отвернулся. Отвернулся и снова побрел к густой высокой траве, и я сказал себе: «Теперь уже точно уйдет» — и проклял этот окаянный пороховой завод, и носорог остановился. Остановился, поглядел по сторонам. Замер. Фантастическое везение... Носорог опять успокоился. Успокоился и лег. Неужели лег? Господи, вот это везение, там, на небесах, явно кто-то благоволил молодому Ричарду: зверь лег на землю, и Ричард, дрожа от волнения, поднял ружье и спустил курок. Раздался выстрел, и шприц полетел по воздуху и вонзился, сверкая на солнце, в бок могучего зверя, и носорог с яростным фырканием вскочил на ноги, и в траве возник страшный шум, и внезапно появился целый полк окаянных носорогов.

Кругом сплошь окаянные носороги, и шум травы, и топот копыт, и свирепое фыркание. Выскочив с грохотом и треском из травы, четыре фыркающих взрослых доисторических чудовища плюс носорог Ричарда пошли стометровой шеренгой в атаку прямо на нас, притаившихся в сухом русле, и мы обратились в бегство. С криком, сломя голову бросились врассыпную, черные и белые вперемежку бежали, прыгали, неслись к деревьям, одержимые самым примитивным из всех инстинктов, бежали, спотыкаясь, мчались к деревьям, и черт с ними с глазами, черт с ними с ушами, и наплевать, если кто-то упал, и ты на него наступил, только бы взобраться на окаянное дерево раньше, чем грозные рога дотянутся до твоих ягод. Я мчался стрелой к ближайшему дереву и оно, как назло, было гладким, точно телеграфный столб, и на бегу я обернулся и увидел плотный строй страшных носорогов, и один особенно свирепый тяжеловес, вытянув наклоненную голову, взял прицел прямо на мое седалище, и я быстро полез по гладкому стволу. Запросто взобрался, словно белка, бодая чьи-то проворные ляжки.

— Лезь живей, черт возьми! — кричал я, и чьи-то черные ляжки упирались в мою голову, но сейчас никакая сила не сорвала бы меня с этого дерева, и я лихорадочно карабкался вверх следом за африканцем.

И зверь с грохотом пронесся подо мной, мотая головой и фырка, и земля дрожала под его копытами. Вся орава, пыхтя и сопя, устремилась вверх по берегу реки, топоча толстенными серыми ногами, изогнув петлей хвост над широченной спиной. Могучие, неукротимые, они промчались и скрылись из виду.

Я посмотрел вокруг — все деревья были увешаны ухмыляющимися фигурами. Поискал взглядом Ричарда: вон он, внизу, спускается с дерева. Я соскользнул на землю, ладони и кончики пальцев были

изодраны в кровь, меня колотила нервная дрожь и одолевал нервный смех. Мы все смеялись.

Иначе как рекордом это нельзя было назвать: обычно носороги не ходят таким стадом.

Снизу — рот до ушей, а самого бьет дрожь — подошел Ричард: — Я уж было решил, что предсказание оправдается.

Я не очень-то верю во всех этих колдунов и прорицателей, но помню, что я подумал: постучи о дерево, чтобы не сглазить.

Глава семнадцатая

Было всего два часа пополудни, когда «мерседес» доставил нас обратно к загону в Ньямасоте. Томпсон был очень доволен Ричардом. Ричард был очень доволен самим собой. Мы все были очень довольны. Томпсон стоял на верху изгороди, опираясь на здоровую ногу, и наблюдал за действиями Ричарда в стойле. Я стоял с фотоаппаратом возле Томпсона, готовый снимать — Ричард и его первый носорог. Самец был отменный. Весь покрытый испариной, он лежал на боку, постанывая, и крепко спал, и я залюбовался им. Высота в холке — сто шестьдесят семь сантиметров, длина рога — семьдесят три сантиметра. Стало быть, он мог дотянуться рогом до высоты в два с половиной метра.

Ричард делал все как надо. Он весь день делал все как надо. Зверь был обездвижен почти пять часов назад, вот-вот должен очнуться, так что Ричарду следовало поторапливаться. Один раз носорог уже пытался встать — натужно дыша, сверкая глазами, он сражался с веревками и мотал головой, но все навалились на него и прижали к земле, и он опять уснул. Ричард уже вырезал метки, и носорог лежал подле ограды с окровавленными ушами, со связанными ногами, и пятеро рабочих примостились на нем: один стоял на могучей шее носорога, держась за ограду, двое уселись на хребте, один сидел на плечах и один на бедрах, и Ричард готовился впрыснуть налорфин. Он достал из аптечки пузырек, поднял его на свет, наполнил шприц. Закрыв аптечку, отнес к ограде и протянул вверх, где ее принял следопыт, затем с маху вонзил иглу в толстую кожу. Зверь дернул ушами и снова уснул, издав стон. Ричард соединил стеклянный цилиндр с иглой. Сказал на чилапалапа:

— Освободите узлы. Не развязывайте совсем, только ослабьте их так, чтобы быстро развязать после укола.

Один из рабочих ослабил узлы. Ричард следил за ним, наклонившись над шприцем, вонзенным в ляжку зверя. Мы не сводили с него глаз. Грэм Холл стоял на поперечине как раз над Ричардом, вне пределов досягаемости заточенного в соседнем стойле носорога.

Полминуты ушло на то, чтобы ослабить узлы, затем Ричард нажал поршень, впрыскивая налорфин. Рабочие по-прежнему прижимали зверя к земле. Ричард открыл рот, чтобы дать команду развязать веревки, но тут Томпсон крикнул:

— Пенициллин впрыснул?

— Нет!— ответил молодой Ричард, потрясенный собственной забывчивостью.

— Тогда впрыскивай, да поживей.

За весь день это был единственный промах, допущенный Ричардом.

— Затяни узлы!— крикнул Ричард рабочему и подбежал к ограде за аптечкой.

Следопыт подал ему сверху ящичек. Ричард схватил другой шприц и пузырек с пенициллином, поднял их на свет и наполнил шприц. Мы внимательно следили за его действиями. Он захлопнул крышку аптечки и вернул ее следопыту. Затем подбежал к носорогу. Зверь по-прежнему крепко спал.

Ричард вонзил иглу в круп зверя. Пятеро рабочих всем своим весом прижимали носорога к земле, и он даже не дернулся. Он крепко спал. Ричард соединил стеклянный цилиндр с иглой, нажал на поршень, поршень пополз вниз, и носорог дернулся, просыпаясь.

Он очнулся мгновенно и дернул могучей шеей, взмахнул головой и рогом, и небрежно затянутые узлы не выдержали, и огромные ноги вырвались на свободу, и Томпсон закричал:

— Берегись!

Огромный носорог забился с обезумевшими глазами, размахивая страшным рогом, и рабочий, стоявший на шее зверя, с ловкостью обезьяны прыжком вскочил на верх ограды, и остальные рассыпались по стойлу, взбивая ногами пыль, и Ричард выдернул наполовину опороженный шприц; в тот же миг разъяренный носорог вскочил на ноги, высматривая воспаленными глазами, кого бы казнить, и кандидатов было предостаточно: рассыпавшиеся по стойлу рабочие и Ричард, который отпрянул назад, сжимая в руке шприц. Свирепый зверь ростом с человека и весом в тонну рывком развернулся для атаки, и Томпсон заорал: «Уносите ноги!»— и рабочие заметались во все стороны, и Ричард прыгнул к ограде. Длинноногий, растерянный — одна рука сжимает шприц, другая вытянута вперед,— он подпрыгнул, уперся ногой в поперечину и стал подтягиваться, продолжая держать шприц, и тут зверь ударил его.

Носорог вскинул вверх могучую голову и рог — семидесятитрехсантиметровый острый рог, венчающий тысячекилограммовую тушу,— целя в поясицу Ричарда, но Ричард как раз в этот миг согнулся, подтягиваясь, и смертоносный рог чудом прошел мимо его рубашки, однако зверь сейчас же снова взмахнул рогом и пропорол болтающуюся ногу Ричарда. Острый длинный рог, направляемый толстой шеей, вонзился сзади в икру и вышел около большеберцовой кости, и пораженный ужасом Ричард повис на ограде, все так же сжимая шприц в кулаке, и носорогу ничего не стоило сдернуть его, вскинуть голову, сбросить Ричарда на землю и одним махом прикончить его и перебросить через загон мертвое тело с распоротым животом. Миг — и зверь сорвет Ричарда с ограды, но Томпсон крикнул: «Хватай его!»— и Грэм Холл, перегнувшись через край, схватил Ричарда за рубашку и потянул, и зверь выдернул рог из ноги Ричарда и ударил снова. Он целил в ногу, но Холл дернул Ричарда

вверх за рубашку, меж тем как носорожиха в стойле со стороны Холла яростно атаковала жерди, и все кричали, и носорог достал свисающую ступню Ричарда. Острый рог только задел подошву, но задел похлеще любой кувалды, размозжив ткани, и сосуды, и мышцы, а носорог уже замахнулся своей громадной головой для решающего удара, но Холл успел втащить Ричарда на поперечину — окровавленного, потрясенного, с огромной дырой в ноге, с треклятым шприцем в руке, и все кричали, и зверь развернулся, высматривая другую жертву, и увидел перед собой двух рабочих, которые застыли на месте, словно окаменев.

Зверь рывком развернулся, и Томпсон заорал: «Уносите ноги!» — и один из рабочих продолжал стоять, скованный ужасом, таращась на носорога, от которого его отделяло чуть больше метра. «Уносите ноги!» — и второй рабочий тоже стоял как вкопанный, парализованный страхом, и на какую-то долю секунды зверь остановился, готовясь распотрошить первого рабочего, замершего в каком-нибудь метре от него, выпустить ему кишки и размазать по всему стойлу. «Уносите ноги!» — и второй рабочий пришел в себя и сорвался с места, и зверь рывком отвернулся от первого рабочего и пошел в атаку на второго. Тот промчался через весь отсек, преследуемый топочущим зверем с опущенным для удара рогом, и первый рабочий тоже очнулся и сорвался с места и, потеряв голову от испуга, бросился в ту же сторону, что и атакующий носорог, бежал рядом со зверем и вдруг упал со всего роста, не помня себя от страха, растянулся в пыли возле грохочущих копыт, лихорадочно вскочил в облаке пыли, и второй рабочий прыгнул на ограду, и кто-то подхватил его, и носорог вонзил свой рог в жерди в пятнадцати сантиметрах от его болтающихся ног, потом развернулся, высматривая первого. Тот уже карабкался вверх в противоположном углу, и носорог с грохотом пошел в атаку, но было поздно.

И все, о чем здесь рассказано, длилось не больше восьми секунд.

Ричард прыгал вдоль поперечины на одной ноге, цепляясь за верх ограды и не расставаясь со шприцем, и Холл переступал рядом с ним по своей поперечине, не выпуская ворота его рубашки, и во всех четырех отсеках распаленные запахом крови носороги фыркали, топали и бодали жерди, и стоял невообразимый шум. Я соскочил с ограды на землю, и Томпсон тоже соскочил. Я побежал вокруг ограды к Ричарду и Холлу, и Томпсон прыгал на одной ноге за мной, крича, чтобы подали аптечку. Обогнув ограду, я увидел, как Ричард перебрасывает через верх распоротую ногу, готовясь соскочить вниз, мертвенно-бледный, с искаженным от боли лицом, и он крикнул поспевавшему за мной на одной ноге Томпсону: «Все, отстрелялся!» — и соскочил на землю. Он приземлился на здоровую ногу, и я подставил ему плечо, и он повис на мне, прыгая на здоровой ноге.

— Все отстрелялся...

— Ложись!

Он упал на спину — с бледным, искаженным от боли лицом, и нога его была пропорота насквозь, волосатая кожа, мягкие ткани,

кровь, кость обозначали кривую зияющую рану длиной сантиметров в десять. Он заставил себя сесть, чтобы взглянуть на рану, и снова откинулся на спину, ужаснувшись.

— В первый же раз...

— Аптечку!— рявкнул Томпсон.

— Все, отстрелялся!

Подбежал с аптечкой Бен.

— Погонишь меня пинками до самого Солсбери? Он кривился и кусал себе пальцы с безумным взглядом.

— Я впрысну тебе морфий.

— Что, не стрелять мне больше?

Томпсон отломил кончик ампулы, я сжал ногу Ричарда, и Томпсон вонзил ему иглу в бедро и впрыснул морфий. Ричард дернулся и схватился за бедро.

— Ведите его к палаткам.

Я помог ему опереться на локоть, Холл зашел с другой стороны, и мы забросили руки Ричарда себе за шею. Кровь из желтеющей жировой тканью раны текла ручьем на его ботинок. Уцепившись за нас, кривясь от боли, хватая воздух ртом, он на одной ноге запрыгал к палаткам.

Томпсон торопливо прыгал туда же впереди нас. Когда мы добрались до палаток, он уже наполнял тазик дезинфицирующим раствором и кидал в него корпию. Мы опустили задыхающегося Ричарда в складное кресло и подставили другое кресло под раненую ногу. Все было перепачкано кровью; ошеломленные члены отряда столпились вокруг нас. Томпсон положил на зияющую рану смоченную холодным раствором корпию, Ричард вскрикнул и сжал руками колено, кривясь от боли.

— У кого самая быстрая машина?

— У меня,— сказал я.

— Я думал, ты погонишь меня пинками до самого Солсбери,— выдохнул Ричард, сжимая руками ногу.

— Выручай,— сказал мне Томпсон.

Я побежал через высокую траву к своим палаткам. Выбросил из машины все барахло.

— Неси фрукты! Подушки, одеяла, сигареты! Четыре бутылки пива!— крикнул я Брайтспарку Тафурандику.

Завел мотор и, давя траву, затрясся по кочкам к палаткам Томпсона. Он уже заканчивал бинтовать рану.

— А что же морфий?

— Еще не подействовал.

Прибежал Брайтспарк Тафурандика, неся все то, что было велено принести.

— Кому пива?— спросил я.

Я был сам не прочь подкрепиться. Ричард открыл глаза и выхватил у меня из рук бутылку, ловя воздух ртом.

— Не нужно тебе пить пиво после такого потрясения!— сказал я, но Ричард сунул горлышко в рот, сорвал зубами колпачок, выплю-

нул его, ткнул мне бутылку обратно и снова зажмурился от боли и стиснул руками колено.

Ему не хотелось пить, просто надо было что-то укусить.

— Вот дьявол!— крикнул он, проклиная боль.

— Поехали.

Мы отнесли Ричарда в мою машину. Он попробовал прыгать, привстал, но от прилива крови к ране у него вырвался крик. Морфий еще не подействовал. Мы уложили его на заднем сиденье так, чтобы раненая нога была приподнята, предложили подушки. Томпсон сел впереди рядом со мной. Я прогрел мотор и включил сцепление. Мы потряслись по кочкам метров десять, но Томпсон крикнул, чтобы я остановился, и высунул голову в окно.

— Кто знает тропу на Маунт-Дарвин?

— Нкоси...— Старик-водонос поднял руку.

— Садись, Гунга Дин.

Старик забрался в задний отсек фургона. Мы покатали по тряской колее.

— Надо же было так оплошать,— выдохнул Ричард.

— Забудь об этом, парень,— сказал Томпсон.

— Это моя вина... Как я мог забыть про пенициллин....

— Да ведь я контролировал тебя.

— Ты положился на меня. Ты доверился мне, и надо же...

— Виноват рабочий,— сказал я.— Не затянул узлы как следует. Я гнал со всей скоростью, какую только допускали ухабы.

— Я должен был сам проверить веревки,— выдохнул Ричард.

Я видел его в зеркало заднего вида, на каждом ухабе он хватался за ногу и кривился от боли.

— Мы вправе ждать от других, что они добросовестно делают свое дело.

— Который из них?— спросил Томпсон.

— Сейчас не припомню.— Я гнал по кочкам с предельной скоростью, маневрировал рулем, оставляя позади столб пыли.

— Вот кого я гнал бы пинками до самого Солсбери. Надо же — именно когда я открыл счет своим носорогам.

— Понял теперь?— сказал Томпсон.— Понял, какие это адски коварные звери?

— И быстрые.— Я гнал вовсю, мы постепенно остывали.

— Только тогда и оценишь толком их габариты, когда такая машина задаст тебе жару в стойле.

— Понял ты меня теперь?— спросил Томпсон.— Понял, почему я не охочусь так, как Куце?

— Этот носорог резво двигался,— заметил я.— Быстрее молнии.

— Понял ты меня теперь? Я слишком часто сам висел на волоске, оттого и отношусь к ним с величайшим почтением, будь они неладны!

— Прорицатель верно сказал,— простонал Ричард.— Угадал, что ему...

— Вздор!— сказал Томпсон.

— Но я-то свое получил,— простонал Ричард.— Жребий пал на меня.

— Я гляжу, ты на все готов, чтобы подыграть писателю,— заметил я.

Глава восемнадцатая

Было уже темно, когда вдали над бушем показались редкие огни Маунт-Дарвина. Три часа непрерывной езды по кочкам, выбоинам, ухабам. Морфий действовал, на какой-то срок боль почти захлогла, молодой Ричард в эйфории громко разговаривал, даже иногда смеялся; от морфия все происшедшее казалось ему чем-то вроде дурной шутки, и мы с Томпсоном выпили припасенное мной пиво и балагурили с Ричардом. Потом действие морфия кончилось. Ричард опять начал стонать и задыхаться, сжимая руками колено, и тряска причиняла ему невыносимую боль. В зеркале я видел как он кривился, и временами он громко ругался и кусал свою охотничью шляпу, и мы молча гнали воящую через буш. Повязка вся пропиталась кровью, и ступня, по которой пришелся второй удар, распухла и посинела. Мы чертовски обрадовались, увидев огни Маунт-Дарвина и маленькую больницу для африканцев на окраине города. С ревом промчались по проселку и ворвались в больничные ворота по хрустящему гравию, и по крыльцу навстречу нам уже сбегала медсестра-африканка. Грэм Холл связался по радио с Управлением, а оттуда позвонили в Маунт-Дарвин. Я затормозил у дверей, едва не задев медсестру. Томпсон выскочил из машины и запрыгал на здоровой ноге вверх по ступенькам, торопясь найти врача. Мы с сестрой помогли Ричарду выбраться из машины, и он громко закричал, когда кровь прилила к раненой ноге.

Больница помещалась в маленьком здании с рифленой железной крышей; на широких цементированных террасах сидели пациенты-африканцы, вышедшие подышать свежим воздухом. Они напряженно смотрели, как мы волочим кривящегося от боли Ричарда вверх по ступенькам и по террасе. Появился фельдшер в белом халате, сопровождаемый подпрыгивающим Томпсоном. Врача в Маунт-Дарвине не оказалось. Через застекленную дверь мы ввели Ричарда в маленькую операционную. Положили его на стол, и он вскрикнул, кусая шляпу.

— С носорогом поцапались?— спросил, не вынимая сигареты изо рта, фельдшер, выдавший виды новозеландец.

— Я впрыснул ему морфий,— сказал Томпсон.

Мы стояли грязные, в пропыленной одежде. Ричард лежал с обезумевшим взглядом, кусая свою шляпу.

— Ну, и как вам там живется, ребята?— Фельдшер разматывал окровавленный бинт; Ричард вскрикивал и дергался от каждого прикосновения.

— Отлично.

Фельдшер снял весь бинт, показался ком окровавленной корпии, и Ричард корчился и давился криком, не выпуская шляпу изо рта.

— Будь другом — выбрось.— Фельдшер протянул мне свою сигарету.

Я швырнул окурок через дверь куда-то в темноту; несколько пациентов бросились за ним. Ричард хватал воздух ртом, весь серый под слоем пыли; он обливался потом, лицо его казалось восковым, и Томпсон навалился ему на живот, прижимая его к столу.

— Так, посмотрим.— Фельдшер убрал окровавленную корпию, Ричард громко закричал, Томпсон изо всех сил держал его, я увидел рану и почувствовал, как у меня все внутри переворачивается.

Рана была больше, чем я ожидал,— зияющая, изогнутая, видны и кость, и мышцы, и подкожный жир, и волосатая кожа кругом отливала мертвенным серо-сине-черным оттенком, а отверстие в задней части икры, куда вошел рог, наверно, было еще больше, и мне стало нехорошо. Я стиснул локоть Ричарда; он корчился и кусал шляпу.

— Так вы, друзья, носорогов пачками ловите?— сказал фельдшер, потом обратился к медсестре.— Открой мою сумку.

У нее под белой шапочкой был черный парик.

— Сперва обезболивание?— крикнул Ричард.

— Я до тебя еще не дотронулся.

— Как тебе нравится здесь у нас, доктор?— спросил Томпсон, навалившись на живот Ричарда.

— Вполне.

У сестры что-то не ладилось, я взял у нее черную сумку и открыл.

— Сколько же носорогов вы поймали?— спросил фельдшер.

— Четырнадцать.

Мне хотелось крикнуть: «Кончай трепаться о носорогах, впрысни бедняге обезболивающее!» Фельдшер достал пузырек и шприц и поднес их к свету; разговор не мешал ему действовать быстро.

— Сейчас он впрыснет тебе М-99,— сказал я.

Ричард обливался потом и грыз костяшки пальцев.

— Шляпа уже надоела?— спросил фельдшер, подходя со шприцем.— Дай-ка руку сюда, дружище, а в рот можешь сунуть другую.

Я оттянул руку Ричарда, подал ему, он впился в нее зубами и повернул голову в другую сторону.

— Держи его крепче.

Я сжал руку Ричарда, и фельдшер вонзил иглу прямо в вену.

— Как это ты так быстро вену находишь?— поинтересовался Томпсон.— Когда я колю носорогов, сколько ковыряюсь!

— Я тоже не большой спец по носорогам,— скромно признался фельдшер.— В Новой Зеландии они не водятся.

— А как там в Новой Зеландии с рыбалкой?— спросил Томпсон.

— Здорово.— Он мыл руки; Ричард корчился, кусая шляпу; я сжимал его руку.

— Что ты ему впрыснул?

— Петедин. Рыбалка отменная.

— Форель?

— Сказочная форель. Перчатки,— обратился он к медсестре в черном парике.

— О-ой!— корчился Ричард.

— Потрясающая форель.— Он натянул резиновые перчатки; они облегли его кисти, словно смуглая кожа.— Кость не задета.

— Чуть-чуть по почкам не врезал, ты бы видел, что это было.
— Так, сейчас освежим немного.— Он принялся смазывать ногу желтым дезинфицирующим раствором, и Ричард закричал, и мы с Томпсоном держали его изо всех сил.— На лыжах ходишь?

— Нет,— ответил Томпсон.

— В Новой Зеландии для лыжников раздолье.

Он смазал желтым всю ногу корчившегося Ричарда от колена до пальцев; потом мазнул рваные края раны, и Ричард снова закричал.

— Сейчас петедин тебя успокоит. Как самочувствие?

— Ни к черту.— Ричард скрипнул зубами, сжимая мою руку; лицо его было пепельно-серым.

— Держите крепче.— Фельдшер кивнул и смочил раствором рану, и Ричард с криком выгнулся на столе, и я обхватил рукой грудную клетку бедняги, а Томпсон прижал ему колено.

— Эй, ты это брось!— сказал фельдшер Томпсону,— Не трогай его своими грязными лапами, теперь мне придется всю ногу смазывать заново.

— Виноват,— произнес Томпсон.

— Вот и поможись на вас,— сказал фельдшер принимаясь снова мазать ногу дезинфицирующим раствором.

— Порядок,— обратился он к Ричарду.— Рану второй раз не трону.

«Слава богу»,— подумал я.

— Теперь можно и зашивать.

— О-ой!— дернулся Ричард.— Сделай укол.

— А как же, обязательно,— ответил фельдшер.

— Только не в рану, умоляю, только не в рану...

— Ладно, дружище, ладно.— Он взял шприц с длинной иглой, убедился, что Томпсон закрывает поле зрения Ричарда, и со словами: «Да, Новая Зеландия — прекрасная страна» — сунул иглу в открытую рану. Ричард дернулся, взвыл, сжал мою руку, замотал головой, и я почувствовал, как сам бледнею.

— Прекрасная,— фельдшер извлек иглу,— и скучная.

Он снова, чуть отступая, воткнул иглу в ткань и впрыснул еще анестетика, и Ричард закричал, и мы с Томпсоном крепко держали его.

— Почему же скучная?— спросил Томпсон.

Фельдшер приготовился сделать третий укол.

— Не о чем даже поспорить, разве что о ценах на масло...

— А-ай-ай!— закричал Ричард.

— Да на телячьи отбивные;— продолжал фельдшер.— И на сыр.— Он продолжал обкалывать рану.— И так далее в этом роде.

Ричард корчился, и мы прижимали его к столу, и у меня отлила кровь от лица и звенело в ушах.

— То ли дело здесь...— Новый укол.— Происходят исторические события.— Укол.— А девочки какие...

Ричард задыхался, кривился, обливался потом, корчился, кусая шпатель.

— Если, конечно, вы любите девочек. Ну-ка, повернись на бок, дружище.

— У-ух, черт!— сказал Ричард.

Мы прижали его боком к столу, и фельдшер принялся обкалывать рану на задней стороне икры, и Ричард кричал:

— Ч-чер-рт!

— А ты малость побелел,— сказал мне фельдшер.

— Не без того.

— На днях,— он сделал укол,— полицейский привез африканца на операцию,— новый укол,— и сам же в обморок хлопнулся.

Продолжая рассказывать про полицейского, он закончил впрыскивать обезболивающий препарат, и мы крепко держали Ричарда. Петедин явно подействовал, Ричард уже не так сильно корчился и дергался, больше стонал и кусал шляпу, и волосы его прилипли к мокрому лбу, и нам уже не надо было так крепко держать его, но он по-прежнему стискивал мою руку. Когда дело дошло до швов, Ричард почти совсем успокоился. Фельдшер вооружился большой изогнутой иглой и ниткой, захватил пинцетом край раны и проткнул, и Ричард дернулся, и мне снова стало худо.

— Что-нибудь почувствовал?

— Немножко,— выдохнул Ричард.

— А вот и нет,— возразил фельдшер.— Кожа онемела, ты чувствуешь боль в глубине раны. Думай о своей девушке.

— Советую тебе тоже думать о своей девушке.— Обратился он ко мне.

— Ладно,— отозвался я.

Фельдшер продолжал зашивать рану. Он наложил двадцать девять швов; я думал, этому конца не будет, но Ричард и впрямь перестал чувствовать боль, и тогда мне стало малость полегче, и со швами рана смотрелась куда лучше.

В ту же ночь я повез Ричарда дальше, в Солсбери.

Уже стемнело, когда вечером следующего дня мы с Томпсоном вернулись в Ньямасоту. Подойдя к своим палаткам, я тщетно высматривал Брайтспарка Тафурандику. Несколько раз позвал его, злой, как черт, от голода и усталости. Наконец сердито извлек из сумки бутылку пива и примостился на складном стуле перед костром. Я почти управился с бутылкой, когда появился Брайтспарк Тафурандика. Он держал под мышкой испуганную курицу.

— Где ты пропал?

— Я ходил покупать для нас курицу, нкиси,— обиженно ответил он.

— Ты ходил пить пиво, черт бы его побрал!

Брайтспарк Тафурандика продолжал изображать обиду.

— Да я пива этого в рот не беру. Я купил для нас отличную курицу.

Он нечаянно зацепил ногой оттяжку палатки, шлепнулся на четвереньки, и курица бросилась наутек. Хлопая крыльями и кудахтая, она испуганно проточалась через лагерную площадку, обогнула

костер, нырнула в траву и благополучно скрылась в ночном мраке. Брайтспарк Тафурандика вскочил и ринулся вдогонку, выкрикивая нехорошие слова. Я и не подозревал, что старый хрыч способен развивать такую прыть. С шумом он исчез в траве, приказывая курице вернуться. С минуту продолжался треск и топот, потом Брайтспарк изменил тактику, попробовал приманить беглянку вкрадчивыми уговорами и клохтаньем. Ничего не добился и вернулся к палатке.

— А теперь согрей мне воду помыться и приготовь еду,— сказал я, перейдя на чилапалапа.

Брайтспарк Тафурандика с досадой вглядывался в темноту, поглотившую вероломную хохлатку.

— Как там молодой европеец?— спросил он недовольным голосом.

— В порядке.

— Доктор наложил ему швы?

— Много швов,— ответил я.

— Э-хе-хе,— Брайтспарк покачал головой.— Верно сказал прорицатель, что он будет ранен.

— Вздор,— возразил я.— Все эти прорицатели — вздор.

Мои слова потрясли Брайтспарка Тафурандику.

— Прорицатели вовсе не вздор! Так же верно, как то, что есть бог на небесах.

— Бог?— Я пристально поглядел на небо.— Где бог? Что-то я его не вижу.

— Бог — на луне,— объяснил Брайтспарк Тафурандика.

— На луне? Но американцы побывали на луне и не встретили там никакого бога.

Брайтспарк Тафурандика уставился на меня через костер.

— Вы в самом деле,— медленно произнес он,— верите в этот вздор?

— Какой вздор?

— Что американцы побывали на луне.

— Конечно,— сказал я.

Брайтспарк Тафурандика смерил меня недоверчивым взглядом.

— Э-эх!— печально вымолвил он.

— А ты не веришь?— спросил я.

— Верю ли я? Конечно, не верю! Только женщины и мальчишки способны поверить в такое.

— Но ведь есть фотографии,— сказал я.— Снимки.

— Снимки...— протянул Брайтспарк Тафурандика, вдвойне разочарованный: мной и курицей.— Это все выдуманно, чтобы досадить русским.

— А русские побывали на луне?— спросил я.

Брайтспарк посмотрел на меня с досадой.

— Никто не может побывать на луне, нкиси. Потому что это невозможно.

— Вот как? А в прорицателей ты веришь?

Брайтспарк Тафурандика рассердился.

— Что сказал прорицатель про первого европейца, который

погиб? Что он сказал про молодого европейца, который пострадал вчера?— Он погрозил мне указательным пальцем.— Вам следует побережся, нкиси. У вас ведь светлые волосы.

— Ну, не такие уж светлые,— возразил я.

— Очень даже светлые на солнце. А следующим, до кого доберется чипимбири, будет человек со светлыми волосами.

— Ты боишься за свое жалование?— спросил я.

Я не больно-то верю в прорицателей и колдунов, но Фосбери погиб, а молодой Ричард попал в переплет, и я искренне радовался, что у меня не такие светлые волосы, как у Томпсона, у Куце и у Невина.

Часть четвертая

Глава девятнадцатая

В последних числах августа пришел конец долгой засушливой зиме, и на Руье у границы Мозамбика стало несравненно жарче, твердая горячая земля стала еще горячее и тверже, сухой буш — еще суше, и скелеты деревьев отбрасывали скудную тень, и прибавилось летучей пыли, и в сухих руслах песок обдавал отраженным солнечным зноем. Через месяц-полтора, когда земля вовсе омертвеет, начнутся большие дожди и придется прекратить «Операцию Носорог». В конце августа на Руье операция была почти завершена. Осталось совсем немного носорогов, мы почти всех вывезли, и в последнюю августовскую неделю следопытам приходилось труднее прежнего. Зная, что их преследуют, носороги все время были настороже, и следопытам приходилось по раскаленным каменистым холмам забираться далеко от лагеря старины Нормана, чтобы обнаружить хоть какой-то след, и, когда мы являлись туда, зверь успевал уже отойти на изрядное расстояние, и только под вечер мы настигали и обездвиживали его и только после полуночи привозили в Ньямасоту.

В начале последней недели августа на Руье, по нашим подсчетам, оставалось всего три чипимбири, если верить следам: самка с полувзрослым детенышем и старый самец, который жил отшельником у самой мозамбикской границы, тот самый, которого местные жители считали белым. Мы видели его следы, но не видели самого зверя. Следы были крупные. Нам очень хотелось, чтобы он и впрямь, как говорили африканцы, оказался белым, хотя мы не очень-то в это верили. Никто еще не описывал носорога-альбиноса. Скорее всего, он казался белым из-за оттенка почвы в местах лежки. Мы вышли на следы самки и детеныша, они направлялись к границе, потом к ним прибавился след еще одного взрослого носорога. Целый день шли мы по этим следам, но до ночи так и не увидели зверей.

На другой день, едва рассвело, мы вернулись туда, где накануне прервали поиск, и снова пошли по следу. Уже под вечер уви-

дели всех троих — самку, детеныша и самца, и самец в самом деле был белого цвета. Нас разделяло примерно сто двадцать метров, и над травой выступали только спины зверей, однако было очень похоже, что самец и впрямь белый. Возможно, так казалось из-за представшей к его коже глины, но в таком случае это была какая-то необычная глина. А может быть нам представилась возможность поймать первого в мире носорога-альбиноса?

Мы притаились и стали наблюдать. Животные держались вместе — либо потому, что у них была пора спаривания, либо потому, что их свел вместе страх перед настойчивыми преследователями. Ветер дул в нашу сторону. Носороги вели себя беспокойно, настороженно, но видеть нас они не могли. С двумя ружьями можно было попытаться обездвигить сразу и самца и самку, но приближение темноты не позволяло потом отыскать их, разбежись они в разные стороны. Если же стрелять в самку и детеныша, они побегут вместе. Мы очень жалели, что нельзя сразу взяться и за самца: снова выследить его будет очень трудно. Томпсон и Холл стали подкрадываться к носорогам, мы остались на месте, наблюдая. Самец все время был настороже, охраняя самку и детеныша, но мы были надежно укрыты, и ветер был для нас благоприятный. Томпсон и Холл приблизились на шестьдесят метров к самке и детенышу, но все еще не могли разобрать — верно ли, что самец альбинос. Мы здорово огорчались, что нельзя обездвигить самку и самца одновременно. По сигналу Томпсон и Холл выстрелили вместе, поразили самку и детеныша, и все три зверя обратились в бегство.

Три зверя с грохотом побежали, и мы тотчас пошли по следу. С полтора километра следы не разлучались, потом детеныш начал падать, и самка сбавила скорость, чтобы не потерять его. Самец не покидал их, но, когда самка начала падать, он в конце концов ушел один.

Мы нашли сначала детеныша; менее чем в километре от него лежала самка. Большой белый самец, последний носорог на Руйе, ушел.

Глава двадцатая

На другой день мы отправились за ним вдогонку задолго до восхода солнца. В черном небе еще светили яркие звезды. Начало рассветать, когда мы, основательно продрогшие в кузове «мерседеса», добрались до лагеря старины Нормана на берегу Руйи. Норман уже отправил двух следопытов проверить, не повернул ли носорог ночью в нашу сторону, поскольку мы собирались возобновить преследование с того места, где накануне подобрали самку. Нужно было перехватить его до того, как он уйдет через границу в Мозамбик, где Руйя называется Лейей и где нам его не достать. Не сумеем взять встревоженного погоней зверя — придется из-за него возобновлять «Операцию Носорог» в следующем году после дождей. Только ради одного зверя. Если нас не опередят браконьеры.

Пока мы пили утренний чай у костра, старина Норман отозвал Томпсона в сторонку, они пошептались, затем вошли в палатку Нормана. Томпсон вышел из палатки с очень довольным видом; я решил, что речь шла о борьбе с браконьерами. До последней минуты старина Норман ни с кем не делился — что, как и когда он предпримет.

Через три часа ускоренного хода мы достигли того места, где накануне подобрали самку. Отыскивали след носорога, и весь день шли по следу, теряя и снова находя его, до самого вечера шли, но зверя не увидели. И никаких свежих знаков — ни навоза, ни мочи; он даже не ложился отдыхать среди дня, с ходу миновал несколько удобных лежек. Было очень жарко. Носорог знал, что его преследуют, отлично знал еще накануне, когда уходил вместе с самкой и детенышем. Одно утешало нас в тот день: он уходил не в сторону границы. Описывая широкие петли по ложбинам и холмам, он в конце концов все-таки направился в глубь родезийского буша. Вечером, перед наступлением темноты, когда все равно бесполезно искать, мы сдались. Уже в темноте вернулись в лагерь старины Нормана, и он сидел в своей палатке при свете фонаря перед внушительной стопкой бумаг, и опять они с Томпсоном посовещались с глазу на глаз, потом мы, усталые донельзя и сытые по горло Руйей, забрались в кузов «мерседеса» и покатали к себе в Ньямасоту.

На другой день — снова в путь, туда, где прервали поиск, нашли след, но через три часа потеряли его. До самого вечера искали, но так и не нашли больше. Это было 29 августа, через два дня ожидалось прибытие Куце и переезд в Мусусумойю. По такой местности на переброску лагеря должно было уйти не меньше двух дней, а по окончании работ в Мусусумойе нам предстояло перебазираться в Гокве — еще два-три дня, и совсем немного останется до начала дождей. Тут бы нам и махнуть рукой на белого самца, но уж очень хотелось Томпсону взять последнего носорога, чтобы больше не думать о Руйе. И чтобы убедиться: верно ли, что он белый.

— Еще один день, — сказал Томпсон старине Норману. — Завтра.

На другой день мы затемно приехали в лагерь старины Нормана на Руйе. Мы застали только его повара.

Глава двадцать первая

Все браконьеры знали, что мы охотимся последний день и завтра уедем отсюда. Браконьеры очень тщательно выбирали места для своих ловушек и для хранения рогов и шкур и мясо старались сбывать незаметно, а некоторые и вовсе затаились в краях, прекратив на время браконьерство, и никто из них не пользовался винтовками и дупотопными шомполками, пока мы в таком количестве работали на Руйе, но это не мешало им считать нас и наших следопытов недотепами: до сих пор ничего не обнаружили, даже не нашли ни одного из трех лагерей, где собирались браконьеры из других краев каждую зиму, когда большинство рек пересыхает и все живот-

ные идут на водопой к Руйе. В ночь перед последним днем нашего пребывания в этом районе, задолго до рассвета, старина Норман нанес удар.

Старина Норман разделил объездчиков на группы, и они еще затемно отправились в разные стороны на «лендроверах», на велосипедах и пешком, и каждая группа точно знала, куда направляется, кого будет задерживать, какими свидетельствами располагает против каждого и что еще нужно обнаружить, и удар явился для браконьеров полной неожиданностью. Старина Норман и его люди застигли их врасплох — кого закутанным в одеяло, кого сидящим перед утренним костром; один за другим были ликвидированы все три лагеря, укрытые между дальними холмами, и одновременно в радиусе тридцати километров другие группы вылавливали затаившихся в краях местных браконьеров. В тот день на «лендроверах», на велосипедах и пешком старина Норман и его люди перемещались из лагеря в лагерь, из краля в крааль быстрее, чем «степной телеграф» мог распространить весть об облаве. Всего было намечено задержать тридцать шесть человек, и только один ускользнул. Жара давала себя знать уже в девять утра, когда мы в свой последний день на Руйе напали на след белого носорога. Мы надеялись, что этот день принесет нам удачу. Тем более, что след был хороший, утренний, а не вчерашний. Носорог опередил нас всего на два-три часа, и царило почти полное безветрие. Вот бы последний день принес нам удачу...

Около полудня мы настигли его. Носорог все утро находился в движении, но он уже два дня успешно уходил от нас и решил, что может позволить себе передохнуть в жаркие полуденные часы. Взойдя на очередной бугор, мы увидели его внизу, метрах в ста двадцати, он стоял в редкой тени хвостом к ветру. «Ложись! — скомандовал жестом Томпсон. — Ложись, ложись, ложись!» — и мы все, взмокшие, возбужденные, распластались на земле. Вот она — удача! Мы лежали, чертовски радуясь, что сегодня простимся с Руйей, и Томпсон проверил пеплом направление ветра, и ветер был благоприятный, и Томпсон двинулся вниз по склону. Носорог был здоровенный и с виду совсем белый, и я с волнением думал, что мы, возможно, ошиблись насчет глины, может быть, он и впрямь альбинос — первый в мире альбинос из семьи черных носорогов. Затаив дыхание, смотрели мы, как Томпсон крадется через заросли вниз по склону. Девяносто метров, восемьдесят метров, семьдесят, и старый самец стоял все так же хвостом к ветру, поводя ушами во все стороны; шестьдесят метров, еще немного — и можно стрелять. Пятьдесят пять метров... пятьдесят... Томпсон поднял ружье, и в эту секунду зверь повернулся мордой к нему. Повернулся рывком, насторожив уши, поглядел на Томпсона, фыркнул — и обратился в бегство. Пыхтя и сопя, изогнув хвост над огромными беловатыми бедрами, на предельной скорости ворвался в траву и пропал.

— За ним! — крикнул Томпсон.

Настроение у нас сильно упало. Мы пробежали через траву туда, где носорог скрылся из виду, отыскивали след и двинулись вдо-

гонку, но по следу идти можно было только шагом, а зверь бежал. Стояла адская жара, и настроение у нас было неважное.

Мы отшагали так около тридцати километров. Носорог топал почти без передышки. Хорошо еще, что не взял курс на границу. Мы преследовали его со всей возможной скоростью, усталые, взмокшие, по горло сытые Руйей, жарой, охотой на носорогов вообще и на этого самца в частности. Единственное, что нас ободряло,— надежда, что он и впрямь может оказаться альбиносом. Хотя Томпсон сомневался в этом, а ведь он ближе всех нас подходил к зверю. Рабочие клялись, что это альбинос. Во второй половине дня мы дважды настигали его, и оба раза он обращался в бегство. Только приметит нас — и бежит; не сопит, не пыхтит, не сверкает злыми глазами, а бежит, прижав к голове здоровенные уши и загнув сверху хвост. Этот старый горемыка знал, что человек охотится за ним, знал, что всех остальных носорогов выловили, и был здорово напуган. В первый раз после полудня мы увидели его опять-таки с бугра, и мы растянулись ничком — «Ложись, ложись, ложись!» — и Томпсон стал подкрадываться к нему, но за восемьдесят метров носорог то ли услышал, то ли почуял его и бросился наутек. И второй раз тоже мы заметили его с гребня; видно, он задержался на дне лощины, чтобы подкрепиться, и это позволило нам сократить разрыв, но все равно нас разделяло больше полутора километров. Носорог бежал рысью вверх по противоположному склону, одиноко бежал в жарких лучах желтого солнца. Ни услышать, ни почуять нас он не мог, просто страх гнал его вперед и вперед без определенной цели. Однако на этот раз он трусил к мозамбикской границе.

Мы здорово устали. Ориентируясь на скалы, венчающие гребень, за которым исчез носорог, мы скатились вниз по нашему склону, огибая деревья, петляя, прыгая через камни, продираясь сквозь высокую траву, задыхаясь и обливаясь потом, пересекли дно лощины, где он подкреплялся, и побежали вверх по другому склону к нашим ориентирам на гребне, бежали все медленнее, с колотящимся сердцем; как-никак с рассвета на ногах, и только таблетки глюкозы и глоток воды из брезентового мешка; все мы были в хорошей форме, но не так-то легко под конец нескончаемого долгого жаркого дня бежать вверх по длинному, раскаленному, неровному склону в жарких лучах немилосердного солнца курсом на мозамбикскую границу, преследуя осточертевшего тебе носорога в изрядно осточертевшей местности. Из последних сил взбежали мы вверх по склону, и с гребня нам открылся вид на позолоченные палящими лучами предвечернего солнца, теряющиеся в лиловой мгле Мозамбика, немилосердно знойные, сухие, бурые холмы и лощины Африки. Под нами извивалась меж камней знакомая тонкая струя Руйи, чтобы где-то далеко-далеко влиться в Замбези. И там же, внизу, в каких-нибудь трех километрах по прямой, проходила незримая граница, после которой Руйя становилась Луйей.

— Ищите след!

Мы смотрели во все глаза, задыхаясь, запарившись. Скорее всего, носорог сейчас спускается к Руйе, чтобы напиться, за весь

день он ни разу не подходил к воде, и сейчас его, конечно, одолевает жажда. Носорог не видел нас, когда переваливал через гребень, и, наверно, направился кратчайшим путем к воде.

— Ищите!

Томпсон первым обнаружил след, хлопнул себя по бедру и двинулся вниз по склону. Носорог действительно бежал к реке, весь вопрос заключался в том, к какой — Руйе или Луйе? До темноты оставалось всего два часа. Носорог, надо думать, бежал, мы же могли преследовать его только шагом. Вся надежда на то, что он задержится у реки. Здесь простиралась его территория. Томпсон хлопнул себя по бедру, подзывая Грэма Холла. Тяжело дыша, взмокший, багроволицый, показал рукой:

— Иди по следу. Я зайду ниже по течению, попытаюсь перерезать ему дорогу и погнать обратно, в сторону от границы. Если удастся подойти к нему и будет попадание, кричи: «Есть, есть». Если я попаду, сделаю то же самое.

Томпсон побежал по склону, отклоняясь от следа, и я присоединился к нему. Бежать было рискованно, но мы рассчитывали, что носорог уже спустился к реке и не услышит нас, а другого способа отрезать его от мозамбикской границы не было. Стараясь ступать бесшумно по твердой почве, мы пересекли овраг и стали подниматься на следующий холм, и я подумал, что это, наверно, последний родезийский холм, дальше пойдет Мозамбик, но снизу мы не могли разглядеть пограничную вежу. Тяжело дыша, с колотящимся сердцем, бежали мы вверх по склону, и я готов был сдаться, но тут Томпсон повернул на запад и стал резать склон труссой. Потом сделал мне знак, чтобы я пригнулся, и мы зашагали в сторону Руйи, все так же тяжело дыша.

Не больше полукилометра отделяло нас от реки, но из-за травы и деревьев ее не было видно. Томпсон, запыхавшись, проверил пеплом направление ветра. Порядок... Пригнувшись, мы резали склон, старались идти без шума и не слишком громко дышать. Ветер был в нашу пользу. Отшагав четырехста метров, мы увидели реку, до нее было метров восемьдесят-сто. Присели, внимательно осмотрели берег и кусты, однако не увидели ни Грэма Холла, ни носорога. Томпсон проверил ветер и осторожно, очень осторожно двинулся к реке.

Теперь могло случиться все что угодно или ничего. Может быть, носорог где-то там в кустарнике отдыхает, кормится, пьет воду или принимает грязевую ванну, от которой кажется таким белым, а может быть, он уже ушел. Пересек Руйю и направился обратно в родезийские холмы или же потрусил вниз по течению и пересек незримую линию и затерялся в знойном лилово-буrom мареве Мозамбика, спеша покинуть места, где не осталось больше носорогов. Медленно, осторожно крались мы вниз по откосу к реке, примечая деревья, на которых будем спасаться, если он вдруг откуда-то вынырнет. Мы не видели и не слышали ни Грэма Холла, ни следопытов. Вверх по течению местность просматривалась метров на полтора-два. Вниз по течению — и того больше, до самого Мозамбика. От границы, где Руйя прорезала холмы, нас отделяло метров триста. Томпсон проверил ветер,

он работал на нас с Томпсоном — дул вдоль реки в сторону Мозамбика, но, если носорог притаился выше по течению, он мог почуять запах Холла и опередить нас на своем пути к границе, так что в этом смысле ветер нельзя было назвать благоприятным. Лучше бы он дул в другую сторону, Мы шли очень тихо и осторожно. Семьдесят метров до реки... шестьдесят... пятьдесят... Когда до реки оставалось менее полусотни метров, носорог выскочил из укрытия.

Видимо, уловив запах Холла, он внезапно выскочил из укрытия в двухстах метрах выше по течению. Сначала мы слышали шум — трест, топот, сопение, потом он вырвался из приречных зарослей на открытое место и помчался дальше: голова поднята, уши прижаты, хвост изогнут над спиной. Он был не просто встревожен, а испуган, и мчался он напрямик вдоль реки в нашу сторону и в сторону Мозамбика, мчался туда, куда мы никак не хотели, чтобы он убежал; Томпсон и тут оказался прав, и он совершил единственно возможный маневр, чтобы заставить носорога свернуть. Пренебрегая опасностью, он вскочил и побежал, и солнечный свет позолотил его светлые волосы; он вскочил и побежал между деревьями к реке наперерез носорогу, словно защитник-регбист, и на бегу он размахивал ружьем и кричал: «А-а-а-а!» — и всякие слова, которые приходили ему в голову, чтобы зверь увидел его и испугался и повернул в сторону, и носорог, топоча по берегу, увидел Томпсона и пошел на него. Огромное тысячекилограммовое серо-белое чудовище с грозным рогом, с бешеными глазами. От такой атаки хоть кому не поздоровится, и Томпсон бросился к деревьям. В последнюю минуту ловко увернулся от атакующего зверя и полез на дерево, и носорог с грохотом подбежал к дереву, на ходу сделал грозный выпад своим длинным рогом и помчался дальше.

Я тоже висел на дереве. Дерево было удобное, с ветвями наподобие ступенек, и с него открывался хороший вид. Огромный серо-белый зверь, последний носорог на Руйе, фыркая, прижав уши, изогнув кверху хвост, потопал вниз по берегу, курсом на прорезанные рекой холмы. Вон он... Я смотрел с дерева, как затравленный носорог спасается бегством, я долго провожал его взглядом, а он бежал с треском, с грохотом вдоль Руйи, становясь все меньше и меньше, мелькая между деревьями, и могучая серая спина нырнула в траву между холмами, удаляясь в лиловую мглу там, где Руйя становилась Луией. Вот промелькнула в последний раз. И пропала.

Я спустился с дерева, радуясь, что пришел конец нашим похождениям на Руйе. Спрыгнул на землю, посмотрел на Томпсона, который тоже слезал с дерева, и подумал: «Стало быть, не Томпсона судьба взяла на мушку». Завтра придет Куце, он возглавит операцию в Мусусумойе и затем в Гокве, а когда кончится месяц его руководства, уже хлынут дожди.

— Ну, что — альбинос? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Томпсон.

Было уже довольно поздно, когда мы от мозамбикской границы вернулись в лагерь старины Нормана. В этот последний день мы покрыли с полсотни километров, преследуя большого белого самца, с самого утра у нас не было во рту ни крошки, и мы ужасно устали. В лагере старины Нормана пылали два новых больших костра, вокруг них сидело множество африканцев, появились еще два «лендровера» и прибавились две палатки. «Лендроверы» принадлежали британской южноафриканской полиции, на них приехали полицейские офицеры. Вместе с ними приехали констебли и старший сержант — африканцы. У больших костров сидело и стояло около сотни африканцев, тридцать пять из них — в наручниках. Тридцать пять браконьеров, остальные — помощники и свидетели старины Нормана. На походных столах перед полицейскими палатками стояли две пишущие машинки, горели фонари; два офицера стучали по клавишам, а сидящий напротив них полицейский-африканец переводил показания свидетеля. Старина Норман сидел у своей палатки за походным столом, заваленным бумагами, и тоже занимался свидетелями. Стоял гул множества голосов. Один только Томпсон знал, что у старины Нормана было задумано ударить по браконьерам в этот день, и нас поразило небывалое оживление в неожиданно разросшемся лагере Нормана. Наши рабочие удивленно восклицали: «Ух ты! Сколько полицейских!» — а мы улыбались. До чего же приятно было видеть, как тридцать пять приунывших негодяев в наручниках сидят у костров под охраной полиции. Томпсон распылся в улыбке.

— Поздравляю! — Он прошагал через весь лагерь и протянул руку старине Норману.

Старина Норман поднял на него глаза поверх очков, щурясь от яркого света фонаря; из-за царившего в лагере шума он не слышал, как мы подъехали.

— Да, удачный выдался денек, — сказал он.

— Поздравляю, старина Норман.

— Спасибо, спасибо. — Норман мягко улыбнулся, поправляя очки. — Нам сегодня здорово повезло.

Руки в бока, рот до ушей, Томпсон любовался зрелищем тридцати пяти подонков, сидящих вокруг костра.

— Красота!

— Пойдемте, что покажу, — тихо произнес Норман, очень довольный собой.

Мы пошли, не переставая восхищаться им. В свете фонаря на брезенте у полицейской палатки аккуратными рядами была разложена целая коллекция оружия, снабженного ярлычками.

Здорово! — сказал Томпсон. — Чертовски великолепно!

Девять единиц огнестрельного оружия: три винтовки, из них две в отличном состоянии, одна малокалиберка и пять допотопных шомполок. Все тщательно вычищены. Тут же лежали найденные вместе с ними боеприпасы. К старым шомполкам приложены гвозди, под-

шипники, гайки, болты, куски проволоки — материал для картечи. Рядом — патронные сумки, банки и бутылочки с порохом.

— Красота! — улыбался Томпсон.

Мы все улыбались.

— Это вот изготовлено в тысяча семьсот каком-то году, — сказал старина Норман, поднимая с брезента шомпольное ружье.

Мы осмотрели его — чудесное старинное ружье с великолепным резным прикладом.

— Порох для детонации засыпаешь сюда, — Норман показал на вороночку рядом с курком, — потом добавляешь еще порох через дуло, это основной заряд, сверху сыплешь гвозди, гайки и болты. Делаешь пыж из травы или еще из чего-нибудь и ба-бах!

Детонирующий порох должен был воспламеняться искрой, высекаемой курком из кремня, но браконьерам негде было взять кремни, и они поджигали порох спичкой. Поджег, прицелился и держи зверя на мушке полминуты и больше, пока не бабахнет основной заряд, окутывая ружье и тебя облаком дыма. Всякое случалось на охоте. Не один охотник сам оказывался жертвой разорвавшейся шомполки.

— Чертовски великолепно!

— Они все исправны?

— Все, — ответил старина Норман.

Я взял другую шомполку, самодельную. Стальная трубка укреплена на деревяшке, играющей роль приклада.

— Черт-те что, — сказал я; спусковой механизм отсутствовал, но хозяин ружья смастерил некое подобие казенника. — Не хотел бы я охотиться с таким оружием.

— Да, не всякий отважится стрелять из такой шомполки, — согласился старина Норман.

Как не восхититься отвагой негодяев, которые выходили один на один против слона, или буйвола, или носорога с таким никудышным оружием, стреляя гвоздями, болтами и кустами проволоки. Если бы не отвратительный факт, что, как правило, они только калечили зверя и он, претерпев адские муки, становился отшельником.

— Подонки.

— А что за порох? — спросил я.

— Порох разный, — ответил старина Норман. — Тут всего понемногу. Есть самодельный — из минеральных удобрений, есть составленный по всем правилам, кое-что добыто из патронов. Кто как сумел.

— Чертовски здорово, Норман, — сказал Томпсон.

— Попробуем выстрелить, — предложил я.

— Идет, — согласился Томпсон; у него было отличное настроение. — Держать будешь ты.

— Нет уж, — возразил я. — Держи ты.

Рядом с огнестрельным оружием лежал лук с запасом стрел. Лук был сделан мастерски. Стрелы, оснащенные куриными перьями, наконечники — железные, позади наконечника древко обмотано волокном с ядовитой пропиткой.

— Чертовски очаровательно.

За луком и стрелами на отдельном брезенте было разложено

множество ловушек. Два объездчика-африканца распутывали их и сортировали. Они встретили нас улыбкой.

Мы насчитали семь-восемь десятков больших петель из стального троса толщиной три восьмых дюйма — старый трос с рудников. «Ржавчину» — окисную пленку — наводили для маскировки, когда накаляли трос, чтобы уменьшить его упругость. Некоторые ловушки были привязаны к толстым колодам длиной до трех метров, призванным душить животное и оставлять широкий след для браконьера. Больше трехсот силков из луба баобаба предназначалось для цесарок.

— Отлично поработали, — улыбнулся Томпсон объездчикам.

Они улыбнулись в ответ.

— Спасибо, сэр.

— Чертовски хорошо поработали!

— А вот еще. — Старина Норман подвел нас ко второй полицейской палатке.

Здесь на земле были расстелены шкуры. Не менее десяти шкур куду, одна шкура слона, по одной шкуре льва и леопарда, рог носорога и множество кусков звериной кожи, на каждом — ярлычок. Томпсон нагнулся, чтобы поближе рассмотреть трофеи.

— И это лишь малая часть их добычи.

Объездчики разбирали груды вяленого мяса общим весом около сотни килограммов.

— Сушилось на козлах.

— Только малая часть.

— А остальное куда девалось? — спросил я.

— Знаю куда, — ответил старина Норман. — Знаю. Дайте только срок.

— Европейцы?

— Представь себе, — сказал Норман. — И дело не ограничивается Родезией. Дайте только срок.

— Вот-вот, дайте только старине Норману срок. — Томпсон одобрительно похлопал его по плечу.

— Кто-нибудь из них сопротивлялся?

— Какое там, — ответил Норман. — Мы застигли их врасплох. Поймали и того, в чью петлю попала носорожиха. Которую оперировал ветеринар. Сразу сознался.

— Как же ты узнал? — Томпсон вытаращил глаза от удивления.

— Пошли.

Старина Норман подвел нас к большому костру, у которого сидели африканцы. Они глядели, как мы приближаемся. Двое рабочих варили кашу в пяти котлах. Тридцать пять обвиняемых глядели на нас, озаренные беспокойным огнем костра. Томпсон уставился на них, уперев руки в бока.

— Который?

— Вон тот, — показал старина Норман.

Браконьер опустил глаза.

— Эй ты! — Томпсон гневно посмотрел на него.

Браконьер поежился.

— Почему ты не выследил носорожиху и не добил ее? Браконьер молча глядел себе под ноги.

— Тебе известно, как глубоко врезался трос? Он в самую кость врезался! Много месяцев она не могла ходить как следует, а бежать и подавно. Тебе ничего не стоило бы выследить и добить ее! Ты этого не сделал. Почему?

Браконьер молчал.

— Потому что ты лентяй!— кричал Томпсон.— Потому что не хотел возиться! Пусть животное мучается, лишь бы тебе было меньше хлопот!

Томпсон сверлил взглядом браконьера. Его подмывало сказать еще кое-что, объяснить этому бессовестному подонку, что он, Томпсон, хотел бы сделать с ним: затянуть петлю вокруг его окаянной ноги до самой кости, пусть бы он так помучился. Сказать это и еще кое-что, но он предпочел воздержаться, пусть суд разбирается.

— Живодер, бессовестный сукин сын!

Старина Норман рассказал о каждом — что за кем числится. Вон тот — колдун. Ежегодно в засушливый сезон являлся на Руйю со своими ловушками. Заодно делал бизнес, читал заклинания над ловушками других браконьеров. Считалось, что он еще и заклинатель дождя. Большая шишка по масштабам Руйи. Никто из местных не даст показаний против колдуна, но это роли не играет. Норман взял его с поличным. А этот вот — оружейный мастер. Чинит ружья всем желающим. Недурно зарабатывает.

Но старина Норман, сверкая очками в свете костра, метил выше этих подонков. Он получил от браконьеров кучу сведений о стоящих за ними заправилах, мерзавцах из мерзавцев, и теперь намеревался добраться до них. Дайте только срок.

— Так-так,— злорадно произнес негодующий Томпсон подбоченясь.— Чертовски приятное зрелище, верно?

Что говорить, сердце радовалось при виде сидящей вокруг костра приунывшей компании, надежно скованной друг с другом паручниками. Очень приятное зрелище. Полицейские «лендроверы» и палатки, стучащие машинки, разложенные на брезенте сотни ловушек, огнестрельное оружие и прочие экспонаты, куча свидетелей и люди вождя Масосо, собравшиеся в ночной час у ярких костров посреди африканского буша,— все это являло собой очень внушительную, утешительную и приятную картину.

Это была наша последняя ночь на Руйе, и мы перестали огорчаться, что не смогли взять большого белого носорога.

Часть пятая

Глава двадцать третья

На другой день еще до рассвета Томпсон скомандовал: «Подъем! Вука! Подъем!» — и мы соскочили с походных кроватей, нимало не сожалея о том, что это наш последний ранний подъем. По высокой траве мы прошли с фонарями к загону, чтобы перегнать в клетки последних носорогов для переброски в Гона-ре-Жоу. Было холодно, было темно, и фонари озаряли ярким желтым светом высокую траву и надежный загон, и носороги, заслышав нас, принялись сопеть и пыхтеть и бросаться на жерди, но, когда мы взобрались на верх ограды и яркий желтый свет пал на могучих, грозных серых зверей, стоявших на пыльной земле, они притихли, озадаченные сиянием шипящих фонарей. Брайтспарк Тафурандика, путаясь в траве, принес мне к загону кружку кофе, и лицо его говорило, что он сыт по горло этими подъемами ни свет ни заря во имя ловли носорогов. Я сказал ему, чтобы начал свертывать лагерь, чтобы снимал палатки и укладывал вещи в мою машину, а когда взойдет солнце, чтобы приготовил яичницу, оладьи и разогрел банку сосисок. Повар Томпсона тоже принес ему кружку кофе, и в свете утренней луны было видно, как всюду снимают палатки. Лица у всех были очень сонные. Мкондо и второй водитель подогнали к загону ревущие дизелями и освещающие фарами буш тяжелые грузовики с клетками.

Вдоль северной стороны квадратного загона была вырыта длинная отлогая яма; грузовики с клетками спустились в нее задним ходом так, что кузов оказался вровень с земляным полом отсеков. Клетки сколотили из самых прочных брусьев, укрепили стальными скобами и оснастили запорами; каждая клетка обошлась в триста фунтов стерлингов. Длина — три с половиной метра, высота — два с половиной, ширина — метр двадцать, так что, войдя внутрь, зверь уже не мог развернуться. Стенка, у которой будет голова носорога, скошена вперед так, чтобы рог скользил вверх, не находя опоры, если зверь, пытаясь вырваться, начнет бодать ее. У первых клеток стенки с обоих концов сделали вертикальные, и уже через несколько километров пути голова носорога высывалась наружу в пробитую брешь.

Загон открывался в два коротких прохода, длина и ширина которых соответствовали размерам взрослого носорога, и, как только грузовики стали на место, рабочие, подбадривая друг друга криками, столкнули тяжеленные клетки с грузовиков и подтащили к проходам. Уже рассвело, когда клетки встали как надо и Томпсон начал отрабатывать маневр с дверью.

Широкую дверь клетки открыли в проход и привязали к ней длинную толстую веревку, за которую взялись два десятка рабочих.

— Готовы? — крикнул Томпсон.

Двадцать рабочих выстроились гуськом за клеткой, словно собираясь состязаться в перетягивании каната.

— Донса! — скомандовал Томпсон, рабочие потянули, и широкая дверь захлопнулась с громким стуком.

— Нет, нет, нет! — крикнул Томпсон. — Вы тянете, словно старые бабки! Вроде бы не первый раз переводим чипимбири в клетки, а вы тянете, будто старухи! Пока вы будете вот так закрывать дверь клетки, чипимбири успеет ее снова распахнуть, а если он испугается, вы его туда же не заманите!

Он сердито уставился на них.

— Бабки старые!

Они ухмылялись, белые зубы сверкали в желтом свете фонарей и утренней зари. Небось радовались, что скоро избавятся от нас. Только обещанное пиво вдохновляло их тянуть канат.

Томпсон с досадой распахнул дверь.

— Повторим... Донса!

Рабочие налегли изо всех сил, торопливо переступая назад, и дверь с грохотом захлопнулась, и они натянули веревку, не давая двери открыться. Томпсон воткнул болт в ушки и повернулся к рабочим.

— Вот так! Почему сразу правильно не сделали, ждали, когда я накричу на вас? Дружной надо, ясно?

После репетиции мы сделали перерыв на завтрак. Солнце только-только выглянуло из-за горизонта. Я пошел обратно на свою площадку; она выглядела голой, тоскливой и непритягательной: палатки сняты, вещи разбросаны... Брайтспарк Тафурандика попытался навести какой-то порядок, поставив у костра складной стул и стол с моим завтраком. Я сел и принялся за еду, поглядывая кругом. Приятно было погреть у костра озябшие ноги, приятно сидеть на солнышке за столом, и теперь, когда настало время уезжать, мне взгрустнулось. Нам неплохо жилось на Руйе, мы поймали много чипимбири и каждый раз радовались своему успеху, и я с удовольствием возвращался ночью в лагерь, где меня ждал старый Брайтспарк Тафурандика.

— Ты рад, что мы уезжаем, Старая Непьющая Лошадь?

— Э, — ответил Брайтспарк Тафурандика, — мне очень грустно. Хотя мы поймали много чипимбири.

— Кто поймал?

— Мы поймали, — прошамкал Брайтспарк Тафурандика щербатым ртом. — Армейский кашевар — тоже солдат.

— Желудок в армии главный мотор? — спросил я Брайтспарка Тафурандика, самого нерадивого из экспедиционных поваров.

— Нкоси, — сказал Брайтспарк Тафурандика, — а сколько чипимбири поймали вы лично?

— Ладно, мы с тобой квиты. Скажи-ка, кто дал тебе имя Брайтспарк — Смышленный?

— Моя мать дала.

— Великое дело — материнская любовь, — заключил я.

После завтрака я вернулся к загону; солнце уже взошло. Я оказался первым, и носороги, фыркая, сопя и вздымая пыль, пошли в атаку на ограду в надежде достать меня рогом. Особенно бесновалась самка, которую мы назвали Барбарой. Я велел ей уgomониться в ответ она попятилась и снова долбанула жерди. Барбара никого не признавала. Я влез на ограду, чтобы обозреть носорогов сверху. Когда человек оказывался заведомо вне пределов досягаемости, носороги переставали пыжиться и принимались жевать ветки или находили себе еще какое-нибудь занятие, например — особенно Барбара — пытались достать рогом друг друга через щели между жердями. Иногда казалось даже, что им отчасти приятно общество человека; зная, что все равно до вас не добратся, они все-таки вроде бы огорчались, когда вы слезали с ограды и уходили.

По верхней поперечине я добрался до середины загона, откуда мог заглянуть во все четыре отсека; и каждый из зверей — особенно Барбара — воспользовался этим предлогом, чтобы с фыркaньем броситься в мою сторону. Сорвутся с места и топают через стойло, чтобы, резко затормозив огромными копытами в облаке пыли, попытаться зацепить рогом мои ступни, хотя знают, что все равно меня не достать. Одного за другим я рассматривал стоящих внизу могучих серых зверей высотой в рост человека, с громадной головой, увенчанной грозным рогом, с поросячьими ушами. Они томились скукой и, раз уж меня нельзя изничтожить, готовы были терпеть мое присутствие — все-таки развлечение. Они вяло уставились на меня, надеясь, что я свалюсь с ограды или придумаю еще что-нибудь интересное в этом роде. Самец, прозванный нами Освалдом, принялся задумчиво жевать здоровенный, длиной и толщиной с ногу человека, куст молочая с длинными шипами. Приподняв голову и следя за мной, он мерно шевелил цепкими губами, и молочай торчал из его пасти этаккой огромной сигаретой, и белый сок струйками стекал по подбородку. Носороги обожают молочай, готовы все отдать за изрядный кусок колючего лакомства; африканцы говорят, будто носорог от молочая пьянеет, но Освальд жевал просто так, чтобы чем-то заняться. В соседнем отсеке стояла большая носорожиха — та самая, что убегала от нас вместе с белым носорогом, и томящийся скукой детеныш бродил вокруг нее, скуля и всячески докучая матери. Скользя по мне безучастным взглядом, он продолжал, скуля, трусить по отсеку. Ему было около полутора лет, и рог его представлял собой черный тупой пенек в окружении шершавой, бугристой кожи. На ушах, где вырезали метки, запеклась кровь, смешанная с пылью; ранки еще не совсем заросли. Он метался по стойлу, ища себе занятие, решил хотя бы пососать мамашу, подошел к ее широкому чреслам, опустился на колени и вяло ткнулся в соски головой, задрав кверху зад. Носорожиха продолжала стоять не двигаясь.

Барбара мрачно созерцала меня, надеясь, без особого оптимизма, на какой-нибудь случай. Каждый раз, как я поворачивал голову в ее сторону, она шла в атаку. Наклонив голову и роя копытами землю, с фыркaньем вонзала рог в жерди, над которыми я стоял, так что вся ограда шаталась. Попытится, поглядит на меня

с отвращением, посмотрит по сторонам — ничего, и уныло прижимает уши к голове; потом опять накачивается злостью для новой атаки на жерди. Пободав ограду и видя, что я не поддаюсь на провокации, она принялась фыркать на Освальда в соседнем стойле и дубасить рогом разделяющие их жерди. Освальд знай себе продолжал уписывать молочай. Барбара попятилась с грозным видом, поразмыслила, затем обратила свою ярость на жерди, отделяющие ее от носорожьи с детенышем. Те никак не реагировали. Наклонясь над пустым стойлом, я взял одну из зеленых веток, которые положили туда накануне в расчете на поимку белого носорога, и протянул Барбаре. Объятая свирепой радостью, она пошла в атаку на ветку и пырнула ее рогом. Я убрал ветку, и Барбара попятилась со злобой во взоре, ожидая, что я повторю маневр. Я бросил ветку на землю в ее отсек, и Барбара, опустив голову, сверкая налитыми кровью глазами, бросилась в атаку и изничтожила зеленые побеги. К этому времени Освальду надоел молочай, он выплюнул остатки и несколько раз боднул жерди, за которыми продолжалась расправа с веткой. Барбара возликовала, отвернувшись от растерзанной ветки и с грохотом ринулась в атаку на Освальда. Некоторое время два тысячекилограммовых зверя отводили душу, молотя разделяющие их жерди. В облаках пыли они фыркали, топали, бодали жерди, яростно сверкая глазами. Внезапно раздался глухой щелчок, и рог Барбары обломился у самого основания, осталась только круглая красная кровоточащая рана, а сам рог лежал в пыли у топчущих копыт. Но Барбара как ни в чем не бывало пырнула шершавые толстые жерди окровавленной мордой, добираясь до Освальда, попятилась, наклонила голову и снова пошла в атаку, и Освальд с грохотом дубасил жерди со своей стороны. Снова и снова Барбара бросалась в атаку, размазывая мордой кровь по перегородке. Оба зверя упивались таким времяпрепровождением, но я достал из пустого стойла еще одну ветку и с криком сделал выпад в сторону Барбары, чтобы она перестала колотить жерди раненой мордой. Я кричал и хлопал веткой по ограде, и Барбара повернулась в мою сторону и пошла в атаку на ветку, обратив на нее всю свою ярость. Освальд продолжал бодать стенку, и я дразнил Барбару веткой, чтобы отвлечь ее от Освальда, до которого она так упорно добиралась, и Барбара терзала ветку, окропляя листья своей кровью. Наконец Освальду надоела вся эта история, он отвернулся и понуро принялся жевать молочай. Барбара еще некоторое время терзала ветку, но пыл ее заметно убывал, а затем и вовсе потеряла интерес к этому занятию. Рог лишен нервной ткани, но рана все-таки была чувствительной.

Барбара с надеждой поглядела в сторону Освальда, еще раз атаковала перегородку, пырнула мордой жерди, я снова хлопнул веткой по ограде, Барбара развернулась и сделала короткий выпад, потом окончательно остыла. Вытянув большую цепкую губу, словно палец, забрала листья в рот, перекусила ветку и принялась уныло жевать, озаренная восходящим солнцем.

Подошел Томпсон, и она снова стала кидаться на жерди, добираясь до него. Когда у ограды собрались рабочие, Барбара вложила

душу в грозные атаки, вознамерившись всех их казнить. Освальд с видом полного отвращения ко всему на свете жевал молочай.

Глава двадцать четвертая

Для начала Томпсон решил отделаться от Барбары — уж очень она осточертела нам, долбя мордой жерди в своем стремлении всех прикончить. Отделаться от Барбары оказалось проще простого.

Рабочие выстроились в ряд вдоль длинной веревки, привязанной к распахнутой двери. Как только следопыты начали вынимать жерди там, где стояло Барбары прилегало к проходу, она совсем взбесилась и пошла дубасить жерди окровавленной мордой, вкладывая в каждый удар всю свою тысячу килограммов, что заметно облегчало работу следопытам. Чем шире становился просвет, тем сильнее она бесновалась — долбила жерди окровавленной головой, взбивала пыль толстыми ногами и сверкала разъяренными глазами, желая протиснуться в щель и расправиться с клеткой, которая маячила перед ее взором. Но просвет был еще слишком узок, и Барбара, попятившись, снова шла в яростную атаку, упиваясь собственным бешенством, и следопыты вытащили еще одну жердь, и вот уже Барбара просунула в щель бешеную голову и плечи, однако широченные бока не пускали ее. Взревав от ярости, ибо страсть к убийству не находила удовлетворения, она уперлась передними ногами, выдернула голову из просвета, следопыты вытащили еще по одной жерди с каждой стороны, и Барбара, наклонив голову, с ревом бросилась вперед, так что все стояло зашаталось. Она билась и дергалась, протискиваясь в просвет и скуля от бешенства, наконец прорвалась и с ревом, в совершенном иступлении, ринулась на ненавистную клетку, чтобы уничтожить ее. Одним махом одолела короткий проход, спеша учинить расправу, и Томпсон крикнул: «Донса!» — и рабочие дружно натянули веревку и захлопнули дверь за Барбарой, и Томпсон тотчас затолкал в ушки болт. Все оказалось проще простого.

Барбара атаковала скошенную стенку клетки, но широкая окровавленная безрогая морда скользила вверх, и носорожиха, визжа от бессильной злобы, снова атаковала и скользила, атаковала и скользила, размазывая кровь, наконец попыталась вскарабкаться по стенке вверх и дотянулась могучей окровавленной головой до вентиляционного отверстия в передней части клетки; после этого Барбара хотела попытаться для атакующего броска, но дверь была закрыта, и невозможно развернуться кругом, и она стала неистово брыкаться, дергаться, биться и реветь. Клетка качалась, трещала, тряслась и скрипела. Мы устроили перекур, выжидая, когда Барбара утомится. Наконец она умаялась, из клетки доносилось только громкое свистящее дыхание. Все брусья были вымазаны кровью. Томпсон наклонился в заднее вентиляционное отверстие, и не успела Барбара взбрыкнуть и взреветь, как он вонзил в нее здоровенный шприц с морфием, чтобы заглушить боль в раненой морде. После чего мы, обливаясь потом, крича и чертыхаясь, орудия вагами и ломami, задвинули клетку Барбары в кузов грузовика

Освальд повел себя совсем иначе. Он сопел и пыхтел и кидался на жерди, пока мы их вытаскивали, когда же путь был открыт, стал с величайшей осторожностью изучать обстановку. Обнюхал просвет и явно остался им недоволен. Мы замерли на верху ограды и смотрели на него, боясь пошевелиться, чтобы его не отвлечь. Настороженно обнюхивая просвет, он несколько раз подавался вперед с наклоненной головой, но тут же пятился обратно; наконец, фыркая и вздрагивая, вошел в проход, готовый в любую минуту отпрянуть назад, и начал изучать клетку. То подастся вперед, то отступит, то опять подастся вперед, издавая громкие, тревожные, фыркающие звуки и заглядывая внутрь клетки, и мы боялись шелохнуться. Он делал маленькие шажки огромными ногами, и могучие мышцы его были предельно напряжены, и весь он дрожал, готовый метнуться обратно. Вот уже наполовину в клетке, вот на три четверти, одни бедра торчат наружу, и Томпсон поднял руку, готовясь дать команду, и тут Освальд струсил. Рванулся назад, сопя и фыркая, озираясь ошалелыми глазами, и застрял в ненавистой ему двери. Дернулся и, визжа от ярости, вложил всю свою мощь в удар по стальной петле, так что клетка закачалась. После чего развернулся и протопал обратно по проходу в свое стойло.

— Ну, выходи, старый дурень.

Он сердито тарачился на нас.

— Выходи, тебе говорят.

Он продолжал тарачиться.

— Выходи же, тупица окаянный!

Освальд не трогался с места.

— Ясно,— сказал Томпсон.— Мешки!

Грэм Холл просунул мешок в переднее вентиляционное отверстие клетки, Томпсон свесил другой мешок в коридор перед выходом из стойла и покачал его.

— Эй, торо!

Натура носорога не могла стерпеть такого нахальства. Разъяренный Освальд пошел на врага, чтобы истребить его, с грохотом проскочил в проход, и Томпсон живо убрал свой мешок.

— Эй, торо!— крикнул Грэм Холл, помахивая мешком внутри клетки, и Освальд ураганом ворвался в клетку, чтобы растерзать мешок, и Томпсон скомандовал: «Давай!»— и рабочие, натянув веревки, захлопнули широкую дверь, и Томпсон молниеносно запер ее болтом.

— Олэ!— сказал он.

Настала очередь носорожихи с детенышем. Немало времени, сил и бранных слов потратили мы на них. Сперва надо было заарканить детеныша — процедура долгая и располагающая к сквернословию, потому что никто из нас не умел бросать аркан по-ковбойски. После многократных попыток — с проклятиями, ценными указаниями и контрукказаниями — нам удалось все же накинуть петлю на шею детеныша. Затем мы открыли проход для носорожихи и принялись кричать и тыкать ее палками и дразнить мешком, но она не желала никуда идти без детеныша, а выводить их из стойла вместе мы не могли, потому что не было достаточно большой клетки, способной вместить обоих. Кон-

чилось тем, что мы выстрелили в нее шприцем с М-99. Затем, не дожидаясь полного действия препарата, набросили на нее аркан и протянули конец веревки в освободившийся отсек Барбары, через отсек в проход, из прохода в клетку и через переднее вентиляционное отверстие наружу, где все дружно впряглись. Надо было протащить носорожику через проход раньше, чем сработает М-99, и, хотя препарат заметно ослабил ее, нежелание двигаться с места осталось. Она уперлась в землю ножищами и тянула назад, хрипя и задыхаясь. Схваченная веревкой могучая шея вытянута, стонущая пасть раскрыта, ошалелые глаза рвутся из орбит... Это было все равно что пытаться сдвинуть с места гору. Шаг за шагом, крича, чертыхаясь и обливаясь потом, тащили мы ее в клетку. И все это время детеныш бился на аркане, не желая расставаться с матерью. Потом наступила и его очередь. Он громко скулил, отбиваясь и, когда мы наконец водворили его в клетку, стал отчаянно призывать родительницу.

После этого мы погрузили клетки на грузовики и прочно закрепили в кузовах. Караван взял курс на Гона-ре-Жоу: два грузовика и сопровождающий их «фольксваген». Остальная часть отряда должна была позже в тот же день выехать в Мусусумойю. От Ньямасоты до Гона-ре-Жоу — тысяча с лишним километров, и нам предстояло покрыть это расстояние без остановок, потому что у носорогов в клетках не было воды.

Глава двадцать пятая

Наш караван катил через сухой знойный буш, трясясь, качаясь и вздымая тучи пыли. Первыми ехали на «фольксвагене» мы с Невинном, за нами — тяжелые грузовики с полутоннажным интервалом, чтобы не глотать пыль от впереди идущей машины. Мы старались выдержать скорость около двадцати пяти километров в час, чтобы не растрясать наших носорогов. Они предпочитали лежать, потому что не очень уверенно чувствовали себя на ногах в качающихся клетках. Я спрашивал себя, как они воспринимают происходящее. До сих пор все: поимка, плен, люди, звуки и запахи, даже перевод в клетки — находилось в пределах их разумения, но темная клетка, теснота, не позволяющая повернуться, гул моторов, качка и тряска — все это было для них непостижимо. Надо думать, они основательно перепугались, но у нас не было другого способа помочь им.

От Ньямасоты к Маунт-Дарвину через буш ведет несколько путей, и мы выбрали самую длинную дорогу, зная, что она лучшая. Трястись со скоростью двадцать пять километров в час — дело нудное и утомительное, «фольксваген» мог ехать куда быстрее, но нам нельзя было отрываться от грузовиков: вдруг что-нибудь стряется. В «фольксвагене» была переносная радиостанция, позволяющая вызвать помощь. Была походная аптечка. Были сигареты. И даже несколько запасенных мной бутылок пива, хотя и теплого.

Удушливая, плотная пыль клубилась густым высоким облаком и лезла в кабину через открытые окна. Земля взывала о дожде, но ей

предстояло взывать еще целый месяц, до самого жаркого, смертоносного месяца — октября. Мы пересекли Бунгве, и Мудзи, и Шамву, спускались в сухие русла и со скрежетом взбирались вверх по противоположному склону, не веря, что здесь когда-то, в незапамятные времена, текла вода, и говорили себе: будь они неладны, такие-сякие двадцать пять километров в час. Ох, и нудное это дело — перевозить носорогов.

С вершины холма желто-буро-серый буш казался тускло-лиловым от знойного марева. Местами мы проезжали вспаханные поля — бурые, окаменевшие, истосковавшиеся по дождю; кое-где бродил тощий скот. По соседству с полями обычно располагались краали их владельцев: хижины из жердей под растрепанной кровлей, небольшие амбары из того же материала, скотный двор, обнесенный изгородью из сухих веток, две или три жены, смотря по состоятельности хозяина, стайка детишек, поджарые псы, копающиеся в земле куры, козы, иногда — три-четыре поросенка. Коз в этих краях много. Козлятина не больно-то вкусна, и козы поедают весь подножный корм, куда лучше было бы держать овец или побольше свиней, но переделать здешнего хозяина невозможно, он любит, чтобы было много коз. Козы — его состояние, за них и за крупный рогатый скот покупают жен. Чем больше коз, тем больше детей, больше дочерей, за которых можно получить еще коз. По-своему логично.

Обитатели краалей махали нам руками, провожая взглядом машины, ползущие со скоростью двадцать пять километров в час; кое-где мы развивали скорость до сорока километров, но тут же опять сбавляли, и ребятишки выбегали из хижин и улыбались и прыгали от восторга. Иногда встречался прибитый к дереву указатель. Иногда мы останавливались, чтобы грузовики догнали нас. Пропускали их вперед, и мимо нас ползли громадные облака пыли и здоровенные трясущиеся клетки с носорогами, потом мы снова их обгоняли. Мелкая пыль покрывала наши брови, зубы, губы в уголках рта. Защищая от пыли волосы, мы не снимали шляп.

Двадцать таких-сяких пять километров в час...

Возле указателя с надписью «Миссия и больница Мери-Маунт» мы увидели трясущийся по дороге местный автобус, и эта картина напомнила мне английскую провинцию субботним утром. Затем после долгой езды добрались до Ньямахобоко, где почему-то сразу три африканские лавчонки, крытые рифленным железом, с цементными ступеньками, выстроились в ряд под солнцем посреди буша. На одной — большая реклама кока-колы, на другой — такая же реклама хабли-бабли, у третьей — поперек стены огромный красно-белый плакат: «Кончил дело — закури сигарету «Лайф». Перед магазинами прогуливались куры; сидевшие на солнышке африканцы воззрились на нас. Мы остановились, чтобы подождать грузовики, и я зашел в лавку с рекламой хабли-бабли, принадлежащую, как гласила вывеска, некому С. Н. Зичаво. Меня встретил запах сахара, ситца, муки, веревок, лемехов и пота.

— Дайте-ка нам хабли-бабли, — попросил я.

Мистер С. Н. Зичаво виновато улыбнулся.

— Хабли-бабли нет, только кока-кола.

— Что? Нет пепси-колы?!

— Нет, сэр.

— Но ведь на рекламе написано: «Пейте хабли-бабли, пейте на здоровье». А кока-кола — в соседней лавке.

— Так точно, сэр.

— Или в Ньямахобоко такой спрос на пепси-колу, что все разобрали?

— Так точно, сэр, — улыбнулся мистер С. Н. Зичаво.

— Тогда уж сняли бы рекламу, — предложил я. — Только сбиваете с толку проезжих. А пиво есть?

— Есть, сэр! — просиял мистер С. Н. Зичаво. — Какое угодно — «Лайон» или «Касл»?

— Только не мне, — вмешался Невин. — Я при исполнении.

— Ладно, — сказал я. — Бутылку «Лайон» мне и бутылку кока-колы Управлению национальных парков и охраны дикой фауны.

Солнце склонилось к горизонту, когда мы въехали в Маунт-Дарвин. Есть в Родезии городок под названием Энkelдоорн, что можно перевести как «сплошные колючки», давший повод для следующей шутки: дескать, объявлен всеродезийский конкурс, победитель которого награждается недельной путевкой в Энkelдоорн, номер два — двухнедельной путевкой и так далее. Так вот, на место Энkelдоорна следовало бы поставить Маунт-Дарвин, да только этот городишко до того захудалый, что даже шутки не удостоился.

Мы остановились у бензоколонки, вскоре приползли и наши грузовики. Пока они заправлялись, я влез на клетки, чтобы посмотреть на носорогов. Наши узники лежали испуганные и присмиревшие, беспокойно поводя ушами. Даже мое появление не заставило их подняться и вызвать меня на дуэль или хотя бы взглянуть на меня. Барбара тоже лежала смиренхонько; на нее было страшно смотреть — морда в крови, и все кругом перепачкано кровью. Я с тревогой спрашивал себя, каково-то ей придется в Гона-ре-Жоу безоружной. Правда, второй рог уцелел, но он был совсем короткий и помещался ближе ко лбу — не очень-то повоюешь, не говоря уже о том, что пройдет какое-то время, прежде чем она приспособится им действовать. Заметят ли львы, что она лишилась своего главного оружия? Скорее всего, заметят, и, скорее всего, все равно не станут связываться. Придется ей изменить свои повадки, перестать бросаться на всех и каждого, покуда снова не отрастет передний рог.

Грустно было смотреть на детеныша. Теперь, при выключенном моторе, он опять чувствовал мать в соседней клетке и зывал к ней, и она отвечала. Но оба продолжали лежать. Я спросил водителей, как себя вели пассажиры; они ответили, что сперва брыкались и ревели, потом легли на пол. Может быть, их укачало? Африканцы толпой окружили грузовики, издавая восхищенные возгласы.

В гараже при бензоколонке мы смыли пыль с лица и рук. Потом остановились у лавочки, чтобы запасти для меня пива на весь долгий ночной переход. Пиво было холодное — первое за много дней холодное пиво, и я завернул его в газеты. Наступил вечер, и я по-

думал, что носороги, наверно, томятся жаждой, ведь на закате они идут на водопой. А напоить их в клетках невозможно, мы уже пробовали: они бросались на ведра и расплющивали их. Придется им терпеть до самого Гона-ре-Жоу.

Глава двадцать шестая

По хорошей дороге, что вела на Биндуру, грузовики развили непривычно высокую после долгого передвижения ползком скорость — до шестидесяти с лишним километров в час. С началом заката суровые желто-бурые краски ландшафта сменились серо-лиловыми, а горизонт занялся огромным молчаливым багрово-оранжево-желтым пламенем, потом буш окутала темнота, и только запад еще оставался багровым. Лучшее время дня в Африке... Я откупорил первую после Ньямахобоко бутылку пива, первую за много-много дней холодную бутылку.

— Может, угостить рабочих? — спросил я.

— Лучше не надо, — откликнулся молодой Невин.

Сразу за Биндурой пошел гудрон. Часы показывали без пяти шесть, пора докладывать по радио в Управление, как идут наши дела. Мы свернули на обочину и остановились. Мимо с ревом проехали наши грузовики; мы помахали, и водители помахали в ответ. Катящиеся в сторону Гона-ре-Жоу клетки с носорогами отлично смотрелись на фоне заката. Мы включили рацию и стали ждать, когда будет ровно шесть, и я откупорил еще бутылку пива, и Невин позволил себе сделать глоток — для дезинфекции, и в динамике было слышно, как люди из отрядов по борьбе с мухой цеце докладывают в свой отдел итоги прошедшего дня. Жуткие итоги.. Охотникам службы по борьбе с мухой цеце вменено в обязанность очищать от дичи две широкие полосы, пересекающие Южную Родезию; одна полоса, длиной около тысячи километров, — на севере, на верхней части уступа реки Замбези, другая, длиной около двухсот километров, — на юго-востоке. Это в общей сложности пятьдесят семь тысяч квадратных километров, которые охотникам надлежит очищать от дичи: убивать, убивать, убивать подряд всех копытных, убивать, чтобы уморить голодом проклятую муху цеце, заражающую человека смертельной сонной болезнью, а домашних животных — болезнью нагана; муху цеце, переносицу трипаносом, простейших организмов класса жгутиковых, проникновение которых в кровь человека вызывает высокую температуру, потом сонливость, потом долгое угасание и, наконец, смерть. Трипаномы паразитируют в крови диких животных, мухи сосут эту кровь, потом садятся на домашний скот и на человека и вводят в их кровь паразитов. Сонная болезнь ужасна, борьба с ней тоже ужасна. Истреблять животных, чтобы уморить голодом муху... Далеко-далеко за черно-багровым горизонтом охотники на отведенном им участке буша сидели в своих «лендроверах» и поочередно докладывали об итогах.

— Номер четыре тысячи семьсот пятьдесят семь, взрослый бородавочник, самец.

— Понял,— отвечали из отдела.

— Номер четыре тысячи семьсот пятьдесят восемь, взрослая антилопа куду, самка.

— Понял.

Ежегодно в названных полосах отстреливают огромное количество копытных. В распоряжении старшего егеря двадцать пять охотников-африканцев, которые каждый день на рассвете выходят из базового лагеря и каждый вечер возвращаются с отчетом, сколько и каких животных убито, и каждый вечер старший егерь докладывает по радио об итогах в свой отдел. Я понимаю, это необходимо. Единственный способ преградить путь мухе цеце — это морить ее голодом, такая политика «выжженной земли», проводимая всеми африканскими странами. Без таких кордонов цеце распространится во всей стране, убивая на своем пути людей и домашний скот. Не будет кордонов — африканцы останутся без скота, вся экономика рухнет. Специалисты говорят, что другого выхода нет, и почему бы мне не верить. Но все равно эти реляции производили удручающее впечатление.

Поздно вечером мы проехали через Солсбери, сделав остановку, чтобы заправиться горючим и купить себе и водителям рыбы с жареной картошкой, галет и шоколада. Носороги по-прежнему лежали в своих клетках, и вид у них был довольно жалкий, и детеныш звал свою родительницу. У бензоколонки один полицейский спросил:

— Что там у вас в клетках?

— Носороги,— ответил я.

— Ох, уж эти остряки!— сказал он.

Наши машины ехали через ночь с интервалом два-три километра, скорость по гудрону — восемьдесят километров в час, впереди «фольксваген», за ним, прорезая фарами тьму, два грузовика с четырьмя огромными клетками, в которых четыре несчастных зверя лежали и слушали, как гудят моторы и шуршат колеса. Наверно, при такой скорости ночью им в кузовах было холодновато. И, наверно, их мучила жажда. Встречные машины попадались редко, и так же редко видели мы огоньки ферм. Через Энкелдоорн проехали в полночь и ничего от этого не потеряли. Я гнал от себя сон, чтобы Невин не заскучал. Чем заняться? Размышлениями, разговором, созерцанием скользящей мимо африканской ночи; курить уже совсем не хотелось. Ночь тянулась бесконечно долго. Но вот редколесье сменилось кустарниковым велдом, пошли плантации сахарного тростника. Рассвет застал нас в Траянгле; было очень тихо и очень красиво. Носороги совсем приуныли. После Буффало-Рейнджа мы свернули с гудрона, взяв курс на широкие просторы Гона-ре-Жоу. Пропустили вперед один из грузовиков, водитель которого хорошо знал дорогу; у второго грузовика мотор был послабее, и он шел за нами. Мы проехали почти тысячу километров от Ньямасоты, и долгий путь сказывался не только на людях, но, надо думать, и на носорогах тоже.

В девять утра мы въехали в Гона-ре-Жоу: пять тысяч двести квадратных километров заповедной территории. В зоне кустарникового велда намного жарче, чем на плато, и деревья здесь зеленее, и с холма было видно темно-зеленую полосу пышной растительности вдоль берегов широкой девственной Лунди, извивающейся на фоне огромного, простертого до самого горизонта лилового ковра буша. В это время года Лунди мелеет, но все равно воды было вдоволь, и отлогие берега из чистого светлого речного песка, шириной до пятидесяти-шестидесяти метров, напоминали пляжи; выше шли раскаленные серые камни, а вдоль кромки воды ярко зеленел высокий камыш. Сверху Лунди казалась синей, а спустившись к воде, она отливает чистой густой зеленью. Лунди богата рыбой: тут лещ, и терапон, и вунду, и даже меч-рыба поднимается по реке из вод далекого океана; водятся крокодилы, много бегемотов, а обширные безмолвные просторы Гона-ре-Жоу изобилуют копытными. Прекрасная местность для носорогов.

Подпрыгивая на ухабах, мы медленно катили перед вторым грузовиком по тихим холмам и лощинам к лагерю Чипинда-Пулз, расположенному километрах в тринадцати от Лунди. У дороги паслось большое стадо слонов, и мы остановились посмотреть на них. Они продолжали пастись: вытянут хобот, захватят зеленую ветку, сломают ее, потом согнутым хоботом засовывают себе в пасть. Трещали обламываемые ветки, громко урчали слоновьи животы. Стадо спокойно отнеслось к нашему появлению, но на всякий случай два слона наблюдали за нами. Еще мы видели трех куду, трех бородавочников и следы бегемотов. Проехав через плоскую равнину, мы очутились на обрамленной высокими деревьями поляне и увидели загон, где предстояло выгружать носорогов. Перед загонem стоял наш первый грузовик, и нам сразу бросилась в глаза свалившаяся с него клетка. Господи!

Клетка стояла на ребре, упираясь верхним концом в край кузова. Местный объездчик Осборн, взмокший, чертыхающийся, командовал бригадой африканцев, которые силились задвинуть клетку обратно в кузов.

— Что случилось?

Осборн снял промокшую от пота шляпу и швырнул на землю. Этот рослый, упитанный, добродушный и благодушный лысеющий мужчина сейчас был зол, как черт, и поведал нам о случившемся, перемежая рассказ непечатными словами. Такие-сякие веревки, которыми была привязана такая-сякая клетка, каким-то образом, трамтарарам, развязались, и, когда грузовик с открытыми бортами, трам-тарарам, подал кузов в такую-сякую яму, чтобы можно было, трам-тарарам, спустить клетку к входу в загон, водитель вдруг нажал на такие-сякие тормоза, и одновременно носорог, трам-тарарам, вдруг вздумал брыкаться, и такая-сякая клетка вывалилась из кузова, трам-тарарам. Я посмотрел на стоящую наклонно клетку.

— Это клетка Барбары,— сказал я.

— Барбара не Барбара, ей там сейчас не сладко.

Послышался громкий треск, и клетка качнулась. Барбара восседала на собственном задку, словно дрессированный носорог в цирке. Бедняжка, нелегко ей давалось знакомство с Управлением национальных парков и охраны дикой фауны.

— И давно она так сидит?

— С полчаса.

Снова стук и треск и негодующий вопль, и снова клетка качнулась. Возмущение Барбары было вполне понятно. За последние двое суток ей здорово досталось.

— Давай!— закричал Осборн рабочим.

Он задумал водворить клетку обратно в кузов при помощи вена-камины. Вена-камина — своего рода стальные тали; два человека приводят их в действие, поочередно налегая на большой рычаг; вена означает «ты», камина — «я». Осборн продел трос под клетку, и вена-камину прикрепили к толстому дереву перед грузовиком; одновременно группа рабочих подпирала клетку снизу короткими вагами.

— Взяли!— крикнул Осборн, и мы все с натугой уперлись в клетку Барбары, и двое, приставленные к вена-камине, лихорадочно заработали рычагом, и здоровенная клетка со скрипом сдвинулась на сантиметр-другой, и рессоры грузовика скрипнули, сжимаясь, и Барбара принялась выть и брыкаться, и клетка съехала обратно. Пустое дело. Несколько часов уйдет, пока удастся поднять клетку на грузовик и подвезти к загону.

— Ладно, черт с ним. Лучше опустим клетку на землю и выпустим носорожику на волю, а уж с водой как получится.

— Весь смысл перевода носорогов из клеток в загон заключался в том, чтобы напоить их. Если сразу выпускать животных, им придется самим искать воду, а они не пили уже более полутора суток.

— Сколько здесь до ближайшего водоема?

— Почти тринадцать километров. Она найдет дорогу, но какое-то время ей на это понадобится.

— Сколько?

— Денек уйдет. Все-таки местность незнакомая, и ей будет очень тревожно.

— Да, паршиво. Носорогам нужна вода. Но день-другой она еще выдержит.

— Она сломала рог, осталась без оружия. Ей будет очень тревожно в незнакомой местности.

— Барбара слишком тупа, чтобы испугаться,— возразил Невин.

— Найдет воду нюхом,— сказал Осборн; он был озабочен.— Походит, поищет, но в конце концов найдет. Будем надеяться, что другие носороги пропустят ее через свою территорию.

Да, нестати Барбара лишилась своего оружия... Намается еще, пока воду найдет. Как ее израненная морда? Я взобрался на грузовик и осторожно заглянул в вентиляционное отверстие стоящей на ребре клетки. Барбара сидела на своем могучем задку, словно собака, просящая подачки, и обращенный на меня свирепый взгляд не сулил ничего доброго. В клетке гулко отдавалось сердитое сиплое дыхание.

От ударов о стенки морда опять кровоточила. Барбара была по горло сыта Управлением национальных парков и охраны дикой фауны.

Осборн освободил канат, крепивший к стволу вена-камину, и велел одному рабочему влезть с тросом на дерево с развилкой. Другой конец троса он продел под клетку Барбары.

— Вена-камина!— скомандовал Осборн.

Двое заработали рычагом: «Вена-камина, вена-камина». С каждым движением на сантиметр выбиралась слабина, наконец трос натянулся, и верхний конец клетки оторвался от заднего борта грузовика. Барбара вопила и брыкалась, раскачивая клетку. Осборн вывел грузовик из ямы, чтобы не мешал.

— Порядок!— крикнул он рабочим на вена-каминше.— Теперь обратно!

Здоровенная клетка начала со скрипом опускаться. Барбара снова забилась, дергая дерево с развилкой. Мы отошли подальше на случай, если сук переломится. Не дай бог, это было бы последней каплей в чаше испытаний, выпавших на долю несчастной носорожницы. Сантиметр за сантиметром клетка, скрипя, опускалась вниз, и все время Барбара бесновалась и дергала дерево. Наконец клетка легла на землю. Тотчас Барбара перестала биться. Слышно было только громкое зловещее сопение.

— Мы ей здорово осточертели.

— Точно!— подтвердил Осборн и осмотрелся кругом.— Ну-ка, все на деревья! Мпофу!— Он отыскал взглядом своего старшего следопыта.

— Нкоси?

— Отгони мой «лендровер» подальше, во-о-он туда, счастливого пути.

Рабочие, смеясь, полезли кто на деревья, кто на ограду загона. Невин отогнал в сторонку «фольксваген». Он здорово устал.

Осборн повернулся к водителю грузовика:

— У твоего хозяина, наверно, куча денег?

— Точно, сэр,— отозвался водитель,— куры не клюют.

— Все равно ему будет жаль потерять этот грузовик. Ты лучше подвинься.

Лагерь Осборна был разбит под деревьями метрах в ста от загона; я только теперь его заметил. Походный столик был накрыт для завтрака.

— Мадара!— позвал он своего старика-повара.

— Да, мамбо,— донесся откуда-то глухой ответ.

— Хочешь, чтобы носорог проткнул тебе поясницу?

— Нет, мамбо, не хочу,— ответил старик.

— Тогда лезь на дерево.

— Хорошо, мамбо. Мамбо!

— Что?

— А как же ваши вещи?

— Если она вздумает посягнуть на мое имущество,— прокричал Осборн,— ты живо спускайся с дерева и ткни ее пальцем в глаз.

— Хорошо, мамбо.

Рабочие, ухмыляясь, облепили деревья и ограду. Я тоже при-
могнулся на дереве, отыскав удобную развилку.

— Вы чудно смотрите, — сказал Осборн. — Прямо загляденье

Он взобрался на клетку. Барбара притихла. Лежа на клетке, Осборн свесился над дверью и начал освобождать замок. Мы внимательно следили за ним. Вот отвинтил гайку разводным ключом. Вы таскивает из ушков тяжелый болт. Наконец распахнул широкую дверь, и нашему взгляду открылся могучий грозный серый круп Барбары.

Она продолжала стоять неподвижно. Откуда ей знать, что дверь сзади открыта.

— Эй! — окликнул ее Осборн.

Барбара не двигалась.

— Эй! — Осборн нагнулся и ткнул ее пальцем.

Барбара фыркнула и, тяжело переступая, стала выбираться задним ходом из клетки. Нескладная, сердитая, она попятилась через дверь, вот уже и спина на воле, и показалась низко опущенная, огромная, свирепая, фыркающая голова с налитыми бешенством поросцями глазками, и Барбара мотнула головой и боднула клетку с при-
могнущимся наверху Осборном.

Всю свою тысячекилограммовую ярость вложила носорожиха в удар и продолжала дубасить клетку, и клетка ходила ходуном, и цепляющийся за брусья Осборн закричал:

— Бры-ы-ысь отсюда!

Барбара изо всех сил бодала и трясла огромную клетку, и клетка трещала и качалась, скользила и подсакивала, и Осборн отчаянно цеплялся за брусья, крича:

— Бры-ы-ысь отсюда!

Мы дружно хохотали и думали: счастье Осборна, что Барбара лишилась переднего рога, не то она подцепила бы клетку вместе с Осборном, и лететь бы им по воздуху через весь заповедник. Хорошо отделав клетку, носорожиха стала озираться свирепым взглядом в поисках более интересной жертвы. Увидела загон и ринулась на него, топоча копытами, и ударила окровавленной мордой с такой неистовой яростью, что ограда закачалась, грозя сбросить на землю цепляющихся за жерди рабочих, и Барбара, свирепо фыркая, прошлась вдоль всей ограды, нещадно долбя жерди, срывая на них злость. Завернула за угол, высматривая новую жертву, увидела накрытый для Осборна столик и решила изничтожить его.

— Эй! — кричал Осборн. — Эй!

Тысячекилограммовая туша трусила через прогалину прямоком на стол с аккуратно разложенным прибором.

— Эй! — орал Осборн, стоя на клетке. — Назад!

Но Барбара даже ухом не повела, она видела только столик.

— Эй!

В ту же секунду Барбара поразила цель.

Тысяча килограммов с ходу врезались в складной столик, лихо боднули его — хрясь! трах! бам! — и полетел он по воздуху, и полетели, кувыркаясь, во все стороны чашки, блюда, тарелки, ножи и вилки.

Эй!— кричал Осборн, подпрыгивая на верху клетки.— Сейчас же прекрати это!

Барбара поддела складной стул, и он воспарил по красивой дуге выше деревьев.

— Брось немедленно!— вопил Осборн, и в ответ послышался грохот и звон: это Барбара добралась до кастрюль и сковород, и они покатались во все стороны, и мы от души хохотали.

— Мадара!— крикнул Осборн.

— Нкоси?— донеслось откуда-то с дерева через звон кастрюль.

— Ткни ее пальцем в глаз!

Рабочие покатались со смеху. Картина была впечатляющая: наклонив голову, бешено сверкая глазами, яростно фыркая, Барбара с грохотом гоняла по земле кастрюли и сковороды Осборна. Мы все хохотали. Наконец разгром лагеря был завершен. Злобно фыркая, она еще раз напоследок обвела поляну свирепым взглядом, развернулась и с шумом, с черной неблагодарностью в душе ворвалась в заросли своего нового местожительства.

Мы смотрели, как исчезает в траве ее спина, озаренная солнцем. Мы дружно смеялись, восхищенные ее темпераментом. Барбара направилась совсем не в ту сторону, где находился водопой.

Глава двадцать восьмая

Упираясь руками, подвигивая ломami и отчаянно чертыхаясь, мы столкнули с грузовика вторую клетку, в которой помещался Освальд, и придвинули ее ко входу в загон. Затем Осборн влез на верх клетки и отвинтил тяжелый запорный болт. Сверкая глазами и топоча копытами, Освальд вырвался задним ходом из клетки, развернулся, с грохотом вломился в стойло и затормозил в облаке пыли. Яростно оглянувшись по сторонам, взбешенный тем, что снова очутился в заточении. И пошел неистово дубасить ограду. Мы подзадоривали его криками и жестами, пока следопыты опускали жерди, закрывая вход, потом дали себе передышку. Освальд еще потыкался в ограду, наконец остановился, озадаченный тишиной. Обвел отсек злобным взглядом. В стойле была яма с водой, но злоба мешала ему заметить ее. Освальд жаждал крови, а не воды.

— Попей!

Освальд развернулся и атаковал жерди, на которых я примостился. Я удержался. Тогда он поискал другую мишень, узрел какое-то нахальное дерево в углу отсека и сразился с ним. Наконец увидел воду. И подбежал к ней, наклонив голову.

— Ур-ра!

Он окунул морду в воду и принялся жадно пить.

Первым мы выпустили в соседний отсек детеныша, но он был слишком напуган долгим путешествием, непривычной обстановкой и новым стойлом и не заметил воду: стоит посреди отсека и глядит на нас испуганными глазами. Когда же мы попробовали подсказать ему,

где вода, кидая в яму прутики, он только шарахнулся в сторону. Тогда мы оттащили его клетку прочь и поставили на ее место клетку с мамашей. Он сразу почуял родной запах, подбежал ко входу и заскулил, и носорожиха откликнулась и принялась биться и брыкаться. Осборн замахал руками, чтобы отпугнуть детеныша, но тот пошел в атаку на него и боднул дверь клетки своим пеньком, и могучая мамаша стала брыкаться еще сильнее, и клетка заходила ходуном, так что Осборну пришлось покрепче уцепиться за брусья, чтобы не упасть.

— Брысь!— закричал он на детеныша, но тот продолжал молотить дверь, и Осборн цеплялся за брусья:— Брысь!

Наконец Осборну удалось отвинтить гайку. Едва он распахнул дверь, детеныш, наклонив голову и прижав уши, ринулся вперед, стараясь протиснуться в клетку к родительнице мимо ее могучих бедер. Она попятилась, озадаченно фыркая, и едва не затоптала собственного отпрыска. Выбралась, растерянно моргая злобными глазами, споткнулась о свое дитя, потом развернулась кругом и ворвалась в стойло, неотступно сопровождаемая детенышем. И растерянно оставилась, сопя и фыркая и свирепо глядя на нас.

— Может быть, сделаешь милость, попьешь?

Она круто повернулась на голос Осборна и с ходу боднула жерди, на которых он стоял.

— Почему все только мне достается?

Мы дружно хохотали.

Я бросил палку в яму с водой, носорожиха пошла в атаку на нее и увидела воду. Жадно принюхалась и сделала шумный глоток, чтобы детеныш услышал, оттолкнула его задней ногой от сосков, куда он упорно добирался, и он подбежал к яме. Торопливо окунул морду в воду, и мамаша повернулась, чтобы следить за нами, пока он пьет: береженого бог бережет. Она гневно смотрела на нас, подняв голову и тяжело дыша. Надо думать, ей очень хотелось пить но тревога за детеныша не позволяла повернуться к нам спиной.

— Ладно,— сказал Осборн,— слезаем с ограды.

Он поручил одному из следопытов наблюдать и сообщить, когда напьется носорожиха. Мы прошли к его разоренному лагерю, чтобы позавтракать. Мадара успел подобрать уцелевшее имущество.

Только мы начали есть, как от загона донесся голос следопыта:

— Напилась!

Мы управились с завтраком. К Осборну вернулось хорошее расположение духа. Я не очень чувствовал усталость, так как успел по дороге немного поспать в «фольксвагене», но Невин здорово умаялся. День выдался отменный. Слышно было, как носороги топают в стойлах. Мы ели из мисок, потому что Барбара расправилась со всеми тарелками Осборна. Мадара приготовил нам омлет, так как Барбара мимоходом встряхнула ящик, в котором лежали яйца, но все равно получилось вкусно. Я спрашивал себя, как она там сейчас.

— Жаль, не удалось ее напоить,— сказал Осборн.

— За Барбару не беспокойся,— отозвался я.— Ей всюду обеспечены друзья.

— Не завидую самцу, который надумает заигрывать с Барбарой.

— Она сразу превратится в застенчивую скромницу, — возразил я. Хорошо было находиться в Гона-ре-Жоу, зная, что Барбара пробирается к водопою и множество других новоселов осваивает велд, да еще три зверя ждут своей очереди в стойлах. Со временем все они перезнакомятся, и года через два появится много новых детенышей. Местность для носорогов подходящая. Когда-то, давным-давно, они водились здесь в большом количестве, но одних застрелили, другие попались в ловушки до того, как район был объявлен заповедником. Приятно было сознавать, что нас окружает заповедная территория площадью тысяч двести квадратных километров, где все начинается заново.

— А теперь, — обратился Осборн к Мадаре, — уложи-ка остатки моего имущества в «лендровер» и уезжай подальше, в безопасное место.

Мы вернулись к загону и влезли на ограду. Завидев нас, носороги принялись пыхтеть и сопеть.

— Все как следует попили? — обратился к ним Осборн. — Все довольны?

Освальд боднул разок жерди, на которых примостился Осборн, потом отступил.

— Вода, — учтиво сообщил им Осборн, — вон в той стороне.

Он показал рукой, и Освальд еще раз боднул жерди.

— Корм, — Осборн помахал рукой, — растет на деревьях. Браконьеров почитай что нет. Со всеми жалобами обращаться не ко мне, а к инспектору по охране дичи. Постарайтесь не убивать друг друга до смерти. Постарайтесь не убивать обслуживающий персонал, и меня в особенности. Надеемся, вам здесь понравится. Надеемся еще увидеть вас — на почтительном расстоянии. Постарайтесь больше нас не навещать. Всего доброго, всего доброго!

Он улыбнулся каждому зверю по очереди и повернулся к своим следопытам.

— Этого болвана выпускайте первым.

Все были в безопасности: кто на ограде, кто на дереве. Машины отогнали подальше. Все имущество, кроме водовозной тележки, надежно припрятали. Стальная тележка вмещала около семисот литров и весила вместе с водой около полутора тонн. Только тяжелый танк мог бы управиться с ней.

Следопыты принялись выдергивать жерди, по две зараз, открывая выход из стойла Освальда, и Освальд разбушевался. С налитыми бешенством глазами он яростно атаковал ограду, так что она закачалась, и жерди запрыгали и заклинились, и Освальд с грохотом попятился и пошел в атаку на следующие жерди, которые осмелились тронуться с места, и как следует долбанул их, и просвет почти уже позволял ему выйти, и он, фыркая, взбивая копытами пыль, вложил весь свой огромный вес в неистовую попытку прорваться наружу, но попытка не удалась, и он тяжело попятился в облаке пыли, одержимый яростью, и я начал опасаться за водовозную тележку. В соседнем стойле носорожика мирно жевала зеленую ветку; детеныш сосал материнское молоко. Следопыты выдернули еще две жерди, и Освальд снова бросил-

ся вперед. Фыркая и размахивая рогом, он втиснул плечи в просвет, но тугое брюхо не пускало его, и он взревел от ярости и затопал ножищами, сражаясь с жердями, и наконец вырвался на волю.

Могучим усилием вырвался на волю, споткнулся, тут же выпрямил ногу — и увидел стальную тележку и бросился напрямик на нее. Серdito фыркая, шел он на тележку, но в последнюю секунду обогнул ее и остановился. Поглядел на нас, насторожил уши, потом отвернулся и, сопя и пыхтя, изогнув хвост над спиной, умеренной трусцой направился в неизвестные заросли. С таким видом, будто точно знал, куда направляется.

Носорожиха по-прежнему вела себя смирно. Она стояла в дальнем углу отсека — подальше от нас, заслоняя собой детеныша. Следила за нами, пережевывая ветку. Из-за могучего крупы выглядывала голова отпрыска. Они спокойно и безучастно восприняли бурную акцию Освальда. Лишь бы их самих не трогали.

Следопыты начали выдергивать жерди, и носорожиха фыркнула и наклонила голову и попятилась, толкая задом детеныша. Однако от атаки воздержалась, только сопела и пыхтела. И наблюдала, застыв на месте. Детеныш, высунувшись из-за ее спины, тоже наблюдал; потом прижал уши к голове. Носорожиха видела просвет в ограде, однако не трогалась с места. Бока ее вздымались, но из этого не следовало, что она настраивается на схватку. Вот и еще две жерди убраны, и вроде бы просвет позволяет ей протиснуться, а она все стоит и мрачно таращит глаза. Следопыты одну за другой выдернули еще четыре жерди. Путь свободен.

— Пошевеливайтесь, сударыня.

Она пыхтела и таранилась, но пошевеливаться не желала. Голова ее была наклонена не для атаки, а для обороны. Мы ждали. Ждали, затаив дыхание, на верху ограды. Наконец носорожиха нерешительно покинула угол.

Она ступала медленно, наклонив голову к земле и припонижаясь, раздувая ноздрями пыль, выкатив глаза и сверкая белками, и детеныш робко переступал следом за ней. Носорожиха шла, настороженно посапывая, глядя в открывшийся просвет и шумно обнюхивая землю и неуверенно вышла из стойла, и детеныш семенил за ней по пятам. Не глядя наверх, на нас, не глядя по сторонам, она перешла на тяжелую трусцу, робкую, нерешительную трусцу, и тут ей попалась на глаза водовозная тележка.

Первым чужеродным предметом на ее пути оказалась эта тележка, и носорожиха с громким фырканием наклонила голову и пошла в атаку. Выкатив свирепые глаза, фыркая, она с грохотом бросилась на тележку, и детеныш поскакал следом за ней.

— Не тронь мою тележку! — закричал Осборн, и в ту же секунду носорожиха поразила мишень.

На полном ходу пирунула сбоку полутонную стальную тележку, которую только тяжелый танк мог одолеть, и тележка взлетела в воздух, словно пустой бидон. Могучий рог подцепил шасси, могучая шея напряглась, и тележка взлетела в воздух на три метра и опроки-

пулась, разбрасывая воду, и с плеском грохнулась в лужу, и Осборн вопил:

— Оставь в покое мою тележку!

А носорожиха, фыркая, наклонив голову, рванулась вдогонку за тележкой и снова яростно боднула ее и поддела рогом, и тележка взлетела еще выше, кувыркаясь в воздухе с крутящимися колесами, разбрызгивая воду и грохнулась на землю, и носорожиха тут же настигла ее. С ходу пырнула рогом — трах! бах! — и пошла с грохотом катать по земле, по траве, колотя рогом. Впечатляющее зрелище... Но тут рог застрял между спицами колеса, и носорожиха никак не могла его выдернуть и взревела от бешенства и замотала из стороны в сторону огромной неистойвой головой, раскачивая здоровенную тележку, и верхняя половина рога обломилась, и тележка упала и замерла, явно сраженная наповал. Носорожиха еще раз пырнула ее пеньком напоследок, потом повернулась, злобно сопя и фыркая, и взгляд ее отыскал детеныша. Серdito глянула на нас, облепивших верх ограды, и, сопровождаемая детенышем, затрусил к нам — огромная, грозная, голова поднята, уши насторожены.

На поддороге она остановилась, грозно взирая на нас, вздымая могучие бока, и мы смотрели на нее в немом восхищении, даже Осборн примолк. Убедившись, что произвела должное впечатление, носорожиха презрительно фыркнула, отвернулась и тяжело побежала враскачку, и детеныш, прижимая уши к голове, легким галопом последовал за ней.

Мы смотрели ей вслед. Она трусила по желтой траве — голова с обломком рога поднята вверх, уши нацелены вперед, глаза все примечают кругом, — и детеныш скакал за ней. Солнце золотило выступающие над травой серые спины; гулко отдавался тяжелый топот носорожихи. Мы продолжали стоять на верху ограды. Пробежав метров двести, она вдруг остановилась. Она не знала, куда теперь податься. Развернулась кругом и посмотрела на нас, подняв голову с настороженными ушами. Потом повернулась к нам боком и поглядела в другую сторону, прислушиваясь. Снова развернулась кругом. Детеныш был прикрыт ее тушей, и его мы не видели. Носорожиха озиралась, принюхивалась, прислушивалась беспокойными ушами, всем телом изучала новую для нее местность. Она ловила запахи, ловила звуки — не подстерегает ли где-нибудь опасность. Возможно, пыталась определить по запаху, в какой стороне вода. Она не знала, куда вернее всего идти в этом краю. Наконец решилась, повернулась и снова побежала тяжелой рысцой. Мы по-прежнему стояли на верху ограды, провожая ее взглядом. Она хорошо смотрелась, озаренная солнцем новой родины. Носорожиха уходила вдаль, и от трусящего за ней детеныша мы видели только высвеченный солнцем загривок. Вот опять остановилась, чтобы принюхаться, осмотреться, прислушаться, — и снова бежит, становясь все меньше и меньше, и уже не слышно топота ее копыт и не видно детеныша. Еле видно саму носорожиху. А теперь и она пропала из виду.

Мы спустились к широкой прекрасной реке Лунди и разбили лагерь в тени и легли спать.

Часть шестая

Глава двадцать девятая

Тем, кто в это время работал в районе Умфурудзи, приходилось туго: раскаленная, жесткая, каменистая, высохшая земля, раскаленный вязкий песок в руслах, вода оставалась только в самых больших и глубоких бочагах, и палящее солнце валило людей с ног на опаленную землю, и голубой горизонт дрожал в знойном мареве. «Операция Носорог» близилась к концу, на исходе сентября станет чересчур жарко для людей и животных, уже сейчас люди с трудом переносили жару. Тяжко было в Умфурудзи, во всем районе оставалось четыре, от силы шесть носорогов, но они разбрелись кто куда и стали очень пугливыми. В первые четыре долгих, жарких, изнуряющих дня Куце вообще не обнаружил никаких следов. На пятый день он и Капеса вышли на след двух зверей, настигли их и обездвжили. Бывает и так. В последующие два дня они тщетно искали следы — то ли носороги совсем ушли, то ли до них добрались браконьеры. На восьмой день Куце перебрался со своим лагерем обратно на Руйю, решил попытаться взять последнего одинокого «белого» носорога, который ушел от Томпсона.

Здесь в первое же знойное утро Куце нашел на берегу Руйи след крупного самца, отчетливый свежий след трех-четырёхчасовой давности. Куце и Капеса начали преследование, и расстояние между ними и зверем неуклонно сокращалось, и они радовались, что последнему носорогу Руйи не придется доживать свою жизнь в полном одиночестве. Четыре часа они преследовали его, и след становился все свежее, и наконец Капеса увидел зверя в трехстах метрах. И носорог был вовсе не белый, а черный. Куце обездвжил его и убедился: черный.

После этого Пуль Куце перевез свой лагерь на шестьсот пятьдесят километров в местность, называемую Тенда-Спрингс, поблизости от реки Ньядове, к северу от Гокве. Это была последняя в том году перебазировка участников «Операции Носорог». Им оставалось работать всего две недели. Куце взял с собой Дэвида Скэммела вместо старины Нормана. У Скэммела волосы потемнее.

Для района Тенда характерен густой буш с непролазным подлеском; местность трудная для передвижения и опасная. Крутые холмы и овраги, много скал. Слонов здесь нет, стало быть, нет и слоновых троп в глухой чащобе, а есть только туннели, проложенные носорогами, где человеку надо сгибаться в три погибели. Край низменный, очень жарко, ветер поминутно меняет направление, и видимость в зарослях не больше двух метров. Трудно приходится следопыту. Пробираешься по туннелю, ныряя под сплетенные ветки, раздвигая кусты впереди, нагибаешься, чтобы убрать сухие листья, ставишь ногу на расчищенную землю, просматриваешь путь и опять приседаешь, чтобы рассчитать клочок почвы. Новый шаг. Осмотреться. Прислушаться. Проверить ветер. Шаг вперед — и опять сгибайся,

чтобы убрать листья. А ветер все время меняется. Для того, кто охотится на носорога, намереваясь убить его, Тенда — опаснейшее место. Для того, кто хочет поймать носорога живьем, — смертоносное.

Ранним утром второго дня Капеса обнаружил след у водополя на Ньядове. Вместе с Куце шел Скэммел, вооруженный крупнокалиберной винтовкой. Молодой Невин Лийс-Мей остался в лагере достраивать загон. След был старый, многочасовой давности. Три часа шли они на север по следу, и ветер был благоприятный, но местность очень уж неудобная. Затем след повернул на запад, пересек Ньядове, за рекой повернул снова — на юг, где простиралась глухая чащоба. Носорог явно искал себе подходящую лежку. Около часа шаг за шагом шли они за ним по жарким густым зарослям и еще ни разу не увидели, не услышали, даже запаха не почувяли. Потом ветер переменялся. По следу было видно, что зверь взбудоражен, он явно учуял преследователей. Вооруженное рогом чудовище было совсем близко. Наконец они услышали его. Услышали сердитое громкое фыркание, пыхтение, треск кустарника. Носорог яростно ломился через заросли, пересек каменистый распадок и снова нырнул в чащу. Полчаса они крались за ним в зарослях и опять услышали, как он вырвался из чащи. Тут они его увидели в первый раз. В пятистах метрах от них носорог трусил вверх по каменистому склону курсом на очередной участок зарослей. Он знал, что его преследуют, и был взбешен.

Могучий самец углубился в чащу и притаился там. Описал в зарослях полукруг и притаился рядом с собственным следом, поджидая охотников.

Куце пошел на него в одиночку. В чащу они углубились вдвоем, но затем Куце велел Скэммелу и Капесе остановиться. Он услышал, как зверь шевелится, где-то в зарослях хрустнула ветка. Куце проверил ветер и медленно двинулся через густой кустарник, делая полукруг, чтобы зайти с подветренной стороны туда, где ему слышался треск. Был час дня, они преследовали носорога уже пять часов. Куце видел перед собой всего на метр-полтора. С предельной осторожностью он бесшумно заходил с подветренной стороны, сосредоточив всю свою волю на затаившемся где-то в чаще грозном, могучем звере, но, чтобы подчинить себе носорога, он должен был его увидеть.

В трех-четыре шагах от зверя Куце уловил его запах. Он застыл на месте, весь внимание, всматриваясь в чащу, пытаясь разглядеть носорога, почувствовать его, точно определить, где притаился могучий убийца, которого надо обнаружить себе прежде, чем он обнаружит и прикончит тебя. Две минуты стоял Куце недвижимо, с колотящимся сердцем, напрягая все органы чувств, вслушиваясь в знойную глухую тишину зарослей, и лютый зверь ростом с человека, грозный, разъяренный, тоже стоял недвижимо, прислушиваясь, принюхиваясь, напрягаясь, пытаясь высмотреть врага налитыми бешенством глазами, чтобы расправиться с ним; две минуты человек и зверь стояли так в трех-четыре шагах друг от друга, и во всем мире не было больше ничего, только ищущее, напряженное внимание, и они никак не могли точно нащупать друг друга. Тогда Куце, весь подобрavшись,

сделал один осторожный, бесшумный шаг, сделал другой — и увидел зверя в ту самую секунду, когда тот пошел в атаку.

Носорог, подстергший Поля Куце, с ревом выскочил из чащи сбоку от него и с трех шагов ринулся в атаку, сверкая глазами, с твердым намерением пронзить ему рогом живот и выпустить кишки. Все вдруг исчезло, остался только внезапный громкий треск и топот невесть откуда вынырнувшего зверя, и Куце круто повернулся. Повернулся и отскочил вправо, повинаясь безотчетному внутреннему приказу, и зверь сделал выпад своей могучей головой, самую малость не дотянулся до живота Куце и пронесся мимо. Куце мгновенно вскинул обездвиживающее ружье, целя в бедра зверя, но тот уже развернулся. Развернулся кругом и снова с грохотом пошел на охотника, и Куце отпрянул назад и в сторону среди кустов; зверь опять сделал выпад рогом и опять промахнулся. Куце спиной продирался через заросли, петляя, цепляясь за ветки, и зверь ломился следом за ним, вырывая с корнем кусты, чтобы добраться до Куце и казнить его. Куце продолжал лихорадочно отступать, пятясь, крутясь, спотыкаясь, и ветки полосовали его; весь в крови, сжимая в руках ружье, он с треском продирался спиной через кусты, выписывая в чаще зигзаги, и зверь все так же, с ревом, с налитыми бешенством глазами, корчевал кусты, добираясь до него, треск и топот заполнили весь мир, носорог неотступно преследовал Куце, норовя пронзить его рогом, подбросил в воздух и прикончить. С десяток метров ломились они через заросли, где видно от силы на два метра перед собой, и зверь все же добрался до ловца. В убийственном броске со всего маху вонзил ему рог в бедро до самой кости, и не было в потрясенном, рокошущем мире ничего, кроме страшного удара смертоносной головы и острого запаха зверя, и зверь напряг свою могучую шею и подбросил ловца вверх. Окровавленный Куце взлетел кубарем над чащей, и грозное доисторическое чудовище ринулось, фыркая, следом за ним, и, когда Куце, обливаясь кровью, с треском врезался в кусты, зверь снова ударил его. Не дав ловцу даже упасть на землю, вложил свою тысячу килограммов в новый удар, снова вонзил ему рог в бедро и подбросил его кверху, и Куце опять взлетел кубарем над чащей и опять упал на куст перед головой беснующегося убийцы, и тот в третий раз поддел его на рог. Бросил через себя назад, и Куце, окровавленный Куце, ломая ветки, описал в воздухе дугу и приземлился прямо на круп зверя, с лету оседлал убийцу. Вzbешенный носорог растерянно озирался — найти этого человека, казнить его! Топая, злобно фыркая, он попятился в кусты с всадником на спине. Потом рванулся вперед и сбросил Куце на землю.

Сбросил и с грохотом затормозил. Куце приземлился на собственные ягодицы в каком-нибудь метре от задних ног носорога. Он по-прежнему сжимал в руках обездвиживающее ружье. Разъяренный зверь, сверкая глазами, вздымая могучие бока, продолжал растерянно стоять на месте; Куце, обливаясь кровью, неподвижно сидел в каком-нибудь метре за ним. Малейшее движение, малейший звук, и убийца развернулся бы кругом. Исполосованный, потрясенный, окровавленный, Куце смотрел на носорога, напрягая всю свою волю в мысленном

приказе: «Ты не убьешь меня!». Пять долгих секунд это длилось. Обрызганный кровью неподвижный человек и тяжело дышащий четвероногий убийца с бешеными глазами. Наконец носорог фыркнул, наклонив голову и пошел напролом вперед через кустарник. Злобно сопя и фыркая, развил скорость и с треском исчез в зарослях.

Куце выронил ружье. Попытался встать — из-под шорт полилась кровь. Он крепко сжал обеими руками бедро возле самой большой раны.

— Капеса! — крикнул он.

Глава тридцатая

Часы показывали половину второго. Воды не было. Куце лежал на боку среди окропленных кровью кустов, загорелое лицо его побелело, волосы спутались, он обливался потом, который затекал в рваные раны на бедре. Скэммел лихорадочно делал перевязку, потрясенный Капеса крепко держал раненого, носильщики смотрели и ахали. И кровь — всюду кровь, шорты черные от запекшейся крови, красные струйки на ногах, черные блестящие сгустки на зеленых листьях, черные и красные капли на ветках высоко над головами людей, черное месиво на земле под охотником. Руки Скэммела, накладывавшего повязку, тоже были в крови.

— Я-то думал, ты его подстрелил и сидишь на дереве, — сказал Скэммел.

Он плотно закрыл зияющую рану марлевой подушечкой. Жена Куце давно заготовила перевязочный материал как раз для такого случая. Подушечка пропиталась кровью, Скэммел туго прибинтовал ее к бедру. Куце лежал, приподнявшись на локте, инструктируя его; лицо пепельно-серое, весь в испарине. Капеса поддерживал раненого за плечи.

— Подушечки слишком велики для остальных ран, — сообщил Скэммел.

Лицо его тоже посерело и покрылось испариной, окровавленные руки дрожали. Ему никогда еще не приходилось заниматься таким делом.

— Тогда введи тампоны, — сказал Куце. — Положи поглубже.

Скэммел взял добрый ком ваты. Куце зажмурился. Скэммел положил тампон поверх зияющей раны, сделал глубокий вдох, стиснул зубы и ввел тампон пальцами в глубину раны. Капеса крепко держал Куце. Мертвенно-бледный Скэммел схватил другой тампон, стиснул зубы и положил его в третью рану, после чего дрожащими окровавленными пальцами взял бинт и принялся лихорадочно обматывать им бедро Куце. Потом взял шприц с морфием, воткнул в здоровую ногу охотника и надавил на поршень. Велел принести радиостанцию и попробовал связаться с Невинном в базовом лагере. Минут пять, обливаясь потом и чертыхаясь, крутил он ручку, но окающий аппарат не работал. Тогда он оставил Куце на попечение Капесы и направился бегом в базовый лагерь.

Воды не было. Много лет назад Куце и Капеса доводилось охотиться вместе в этих краях, и они знали, что в это время года воду можно найти лишь в девятнадцати километрах, у базового лагеря на реке Ньядове. Сначала, пока действовал морфий, вызывая у Куце легкую эйфорию, они заполняли ожидание разговором. Пока действовал морфий, то, что старик-прорицатель оказался прав, а он, Куце, ошибся, воспринималось Полем Куце как некая злая шутка. Правда, зверь не убил его, так что тут Куце оказался прав, никакой носорог не убьет Поля Куце, может быть, лев, может быть, слон, скорее даже браконьер, только не носорог. Но через час действие морфия кончилось и вернулась адская боль, и к ней прибавились жажда — сухость во рту, сухость в осипшей глотке, и струйки пота на восковой коже, и звон в ушах...

Они издалека слышали «лендровер», и он еще долго добирался до них. Боль и жажда здорово давали себя знать. Только в пять часов Куце смог наконец напиться воды. Они погрузили его в «лендровер», и машина натужно затряслась через буш курсом на полевой аэродром Чода. По такой местности больше часа ушло на то, чтобы без остановок покрыть полтора десятка километров до Чоды. Здесь в жарких багровых лучах заходящего солнца их ждал маленький самолет. Куце положили на носилки и внесли в кабину. В десять минут седьмого самолет взлетел и пошел на Солсбери над озаренной закатом знойной саванной. В семь часов, на полпути к Солсбери, мотор начал чихать.

Глава тридцать первая

Луна только что взошла. Мотор чихал все громче, мощность падала, и маленький самолет, подрагивая, терял высоту. Куце лежал, пристегнутый к носилкам; он повернул голову, но не мог ни видеть происходящего, ни слышать, что говорит по радио летчик, слышал только, как чихает мотор, сотрясая кабину. Раны опять сильно кровоточили. Куце почувствовал, что самолет срывается носом вниз, закричал, но крик его потонул в захлебывающемся рокоте. В лунном свете пилоту удалось разглядеть внизу извивающуюся через буш грунтовую дорогу. Машина быстро теряла высоту, летчик торопливо передавал по радио свои координаты. С черного звездного африканского неба трясущийся, чихающий, ревущий, захлебывающийся самолет спускался на озаренный лунным светом черный ночной буш, и Куце почувствовал, как жаркая кровь прилила к ранам, наполняя их пульсирующей болью. Пилот, маневрируя рулями, нацелился на дорогу, врезанную неровной серебристой полосой в скользящую мимо черноту, он вел трясущуюся, чихающую машину вниз, и летучая чернота под дрожащими крыльями наполнилась треском, и ревом, и рокотом, и кровь прихлынула к гудящей голове Куце. Пилот вел машину вниз, и под качающимися крыльями мчался черный буш, и серебристая полоса дороги упиралась в поворот, как в тупик, и он еще круче пошел вниз, едва не срезая крыльями кроны деревьев, и тупик стремительно на-

двигался, и пилот еще сильнее подал ручку вперед, и большие черные деревья на повороте, качаясь, надвигались со свистом все ближе, быстрее, ближе, быстрее, и ничего нельзя поделать. В последнюю секунду он резко взял ручку на себя, и мотор чихнул, и нос машины дернулся вверх по инерции, и летчик силился поднять машину повыше, а макушки деревьев с ревом приближались, большие, черные, ближе, ближе — и промелькнули под самыми крыльями. Самолет протащился над макушками, и дальше простиралось вспаханное кукурузное поле. Чихая, фыркая, вибрируя, машина пошла над черным полем, колеса коснулись пашни, самолет вздрогнул и, захлебываясь рокотом, затрясся по полю, и переднее колесо врезалось в гребень борозды. Колесо врезалось, и нос зарылся в землю, и хвост задрался кверху, и носилки Куце сорвались с рамы и ударились о стенку фюзеляжа. Куце ударился головой, рассадил себе веко, сломал скулу, его бросало вместе с носилками в разные стороны, и мир наполнился ударами и грохотом. Потом воцарилась мертвая тишина. Самолет стоял на носу в свете африканской луны.

Летчик и санитар вытащили Куце из машины. В восемь часов утра их отыскал военный вертолет. В девять часов Куце привезли в центральную больницу Солсбери.

Кровь, всюду кровь. На роге свирепого зверя. На кустах в чаще. В «лендровере». В самолете. На кукурузном поле. В вертолете. В санитарной машине. И боль, адская боль.

Глава тридцать вторая

На этом пришлось закончить «Операцию Носорог» в 1970 году. Правда, до конца намеченного срока все равно оставалось только тринадцать дней. К тому же было уже слишком жарко и для людей, и для зверей. В следующем месяце должны были начаться дожди.

Продолжение операции намечалось на осень следующего года, после сезона дождей. Куце и Томпсону предстояло снова выехать в экспедицию и отловить трех-четыре носорогов, оставшихся в районе Умфурудзи, а также большого самца, который подстерег Куце у Тенда-Спрингса. Если браконьеры не поспеют раньше. Предполагалось также отловить еще шесть десятков носорогов, разбросанных тут и там в глубинке, пока до них не добрались браконьеры. До следующего года Куце рассчитывал совсем поправиться.

В Гона-ре-Жоу для носорогов хватает места. Полсотни лет назад они водились там в изобилии. Сотню лет назад носороги водились тысячами по всей Африке. В момент, когда пишутся эти строки, в Гона-ре-Жоу обитает сорок один носорог. Всего в ходе «Операции Носорог» было отловлено сорок три животных, но, как вы помните, одна самка сорвалась со скалы, преждевременно разрешилась от бремени и погибла. Еще была самка с детенышем, у которой петля врезалась в ногу до кости; так вот, она благополучно оправилась после операции, и ее держали до полной поправки в загоне возле домика Осборна, но то ли от операционного шока, то ли по какой-то другой причине у

нее пропало молоко. Как ни старался полуторамесячный детеныш, он не мог извлечь ни капли молока, слабел и худел на глазах, и он был слишком мал, чтобы есть что-нибудь другое. Мать с повязкой на ноге не пускала никого в загон, оберегая его, когда же ее обездвигили с помощью М-99, чтобы заняться ослабевшим детенышем, было поздно. Его отняли у матери и попытались кормить из бутылочки, и Джон Конди приехал из Солсбери, но было уже поздно, и детеныш погиб.

И все же — сорок один носорог! Допустим, Томпсону и Куце удастся отловить и те шесть десятков, что еще бродят в дебрях, тогда в Гона-ре-Жоу будет около сотни носорогов. Возьмем естественный годовой прирост в пять-восемь процентов при сроке вынашивания плода семнадцать-восемнадцать месяцев. Тогда можно рассчитывать, что через тринадцать — пятнадцать лет в Гона-ре-Жоу будет двести носорогов. Через тридцать лет — четыре сотни. А через пятьдесят лет? Что ж, если ничего не изменится, глядишь, через пятьдесят лет число носорогов в Гона-ре-Жоу может достичь восьмисот

Но рассудите сами. Как будет выглядеть наш мир через пятьдесят лет? Хотя бы через двадцать пять? Несмотря на две мировые войны, несмотря на Гитлера, на Хиросиму, на войны в Корее, Конго и Вьетнаме и всякие политические катаклизмы, несмотря на контроль над рождаемостью, несмотря на все автомобильные и авиационные катастрофы и массовые убийства, население земного шара удваивается каждые двадцать лет. Когда писались эти строки, оно составляло примерно три миллиарда пятьсот миллионов человек. В Китае около восьмисот миллионов, это четверть всего человечества. В Индии — пятьсот пятьдесят миллионов жителей, в Африке — триста пятьдесят миллионов. Десять-двенадцать лет назад население Африки составляло всего двести миллионов с небольшим.

Отбросим загрязнение среды, отравление атмосферы дымом заводских труб, который, по мнению ученых, затрудняет прохождение столь важных для нас солнечных лучей, отравление морей и их обитателей промышленными отходами, гибель растительности, которая производит кислород для наших легких. Даже если отбросить все это, что будет с Африкой через двадцать, сорок, пятьдесят лет? Если ничего не изменится, через двадцать лет число носорогов в Гона-ре-Жоу достигнет трехсот — да только изменится, непременно изменится: через двадцать лет в Африке будет не триста пятьдесят а шестьсот-семьсот миллионов жителей, нуждающихся в территории.

Судите сами. Можно ли вообще на что-либо рассчитывать? Необходимо что-то предпринять. Так или иначе, в следующем году «Операция Носорог» возобновится. Чтобы довести попытку до конца.

Постскриптум

В следующем, 1971 году «Операция Носорог» возобновилась, она проходила с мая по сентябрь в области Кариба, в опасной, сильно пересеченной местности с множеством речушек в крутых берегах, с каменистыми ущельями и оврагами. В этом краю проехать на эвакуационных машинах очень трудно. Кругом густые заросли. К тому же здесь водится много слонов и буйволов, что чрезвычайно осложняет выслеживание и охоту. А заросли служат отменным укрытием для носорогов.

Всего за этот год было отловлено тридцать восемь зверей. Правда, одна самка, после того как удалось всадить в нее обездвиживающий шприц, сорвалась со скалы и погибла. Другая получила тяжелые травмы, когда эвакуационный грузовик попал в аварию, и ее пришлось умертвить. Два самца скончались после поимки из-за тяжелых ранений, причиненных им до этого пулями браконьеров.

В области Кариба браконьеры натворили дел. Участники экспедиции нашли скелеты восьми носорогов. У многих пойманных зверей на шее болтались обрывки петель, иные из которых глубоко врезались в тело, вызвав нагноение. У других носорогов были старые шрамы от ловушек.

Последним носорогом в ходе операции 1971 года оказался тот самый, который годом раньше пустил Куце кровь у Тенда-Спрингса. Пять дней Куце, Капеса и Скэмел шли по его следу.

В первый же день Куце обнаружил признаки того, что зверь ранен браконьерами. На одной ветке был размазан гной, и носорог слегка волочил ногу — стало быть, его ранили в лопатку. В тот день им удалось один раз выйти на него. В густых зарослях носорог бросился в атаку, прежде чем Куце успел всадить в него шприц. Куце прыжком укрылся за деревом, потом живо взобрался вверх по стволу, и разъяренный зверь задал дереву основательную трепку, после чего умчался прочь.

И еще три дня они неотступно преследовали его в глухой чаще. Зная о погоне, носорог совершал большие переходы. А рана в лопатке прибавила ему бешенства. Куце соблюдал предельную осторожность. Не один раз охотничий инстинкт заставлял его притормаживать, и в каждом случае потом оказывалось, что именно в этом месте зверь подстерегал его в укрытии.

На пятый — последний день операции в том году — они идя по следу, углубились в непролазные заросли. Так уж совпало, операция завершалась поединком между тем же зверем и тем же человеком, что и годом раньше. Два часа шли ловцы по следу. Внезапно Куце увидел зверя в пятнадцати шагах. Носорог крепко спал. Куце был удивлен.

Чтобы стрелять без помех, он подкрался на шесть шагов к могучему зверю, который жестоко отделал его в прошлом году, и ветер благоприятствовал охотнику. Куце выстрелил и попал в цель. И могучий зверь не пошел на него в яростную атаку, а обратился в бегство.

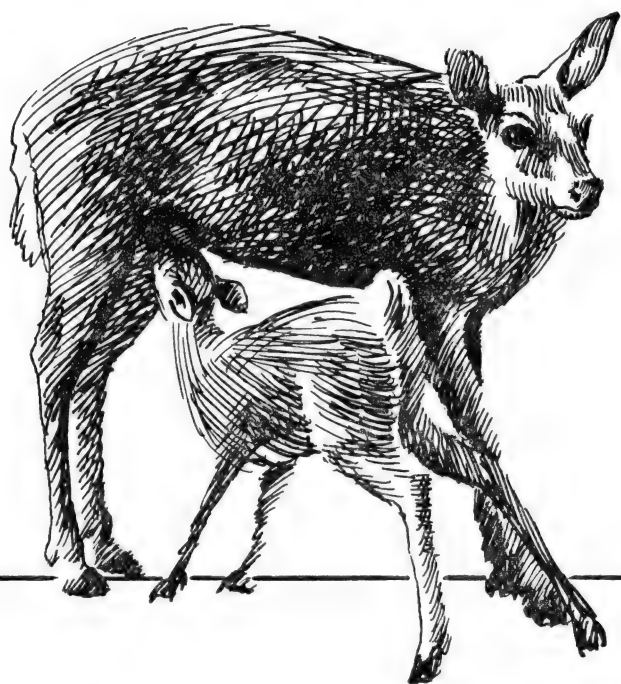
Они продолжали погоню и через двадцать минут нашли его. Он лежал без сознания, и в лопатке зияла большая гноящаяся пулевая рана. В ту минуту, когда Куце приблизился к носорогу, зверь глубоко вздохнул и со стоном испустил дух.

Поль Куце произвел патологоанатомическое исследование. Вскрыл нанесенную браконьером гноящуюся рану и обнаружил расплюснутую пулю: она отскочила от лопатки, расщепила первое ребро и рассекла верхушку легкого. Рана была месячной давности. Носорог умер от повторного внутреннего кровоизлияния, вызванного реакцией организма на М-99.

Так закончилась «Операция Носорог» 1971 года.

**Хайнц
Зильман**

МОЙ
ПУТЬ К
ЖИВОТНЫМ

Как это началось...

До 16 лет я интересовался природой не меньше, но и не больше, чем любой другой мальчишка. Никто не думал, и я сам менее всего, что изучение животных и съемки фильмов о них позднее станут делом всей моей жизни.

Не знаю, как это случилось, но, видно, сами мои родные места дали толчок к зарождению такого интереса. За древними стенами Кенигсберга, в бывшей Восточной Пруссии, где я вырос, простирались леса, луга и болота, в которых водилось множество всякой живности. На велосипеде и даже пешком можно было без особых усилий попасть в царство нетронутой природы. Там я встречал много разных птиц и загорелся желанием узнать, как они называются, а также познакомиться поближе с их образом жизни. Для этого нужно было иметь хороший бинокль, достаточный запас терпения и массу свободного времени. Бинокль я нашел в письменном столе отца, а необходимое время урывал от школьных занятий. Место для наблюдений я обнаружил такое, что лучше не придумаешь. Это была коса около двух километров длиной и 500 метров шириной. С одной стороны ее омывали тихие воды залива Фришгафф, с другой — река Преголя. От материка сырые луга полуострова отделяла широкая канава с водой. Этот уголок был прекрасным убежищем для редких болотных птиц.

Наука этология делала тогда свои первые шаги. Оскар Хейнрот и Конрал Лоренц закладывали фундамент новой науки. Конечно, и до них ученые проводили тщательные наблюдения за животными и описывали их поведение, однако интерпретация данных носила преимущественно антропоморфический характер. Лоренц же и Хейнрот исходили из того, что представители каждого вида животных вступают в мир с собственным набором врожденных двигательных реакций и их жизнь направляют инстинкты. Под влиянием внутренних и внешних раздражителей поведение животных формируется всегда определенным образом. Даже в основе творческой деятельности человека в какой-то мере лежат врожденные механизмы, хотя благодаря наличию разума и речи он занимает совершенно особое положение даже среди высокоразвитых животных, у которых уже имеются неплохие способности к научению и простейшие формы рассудочной деятельности.

По мере развития этих исследований возникали все новые и но-

вые вопросы. Зачем нужна, к примеру, очень заметная окраска, свойственная некоторым животным? Должна ли она служить для предостережения или маскировки, для опознания или привлечения партнера во время ухаживания? Почему одни животные не терпят присутствия на своей территории кого-либо из сородичей, а другие, наоборот, объединяются в огромные сообщества? Предстояло установить, является ли та или иная отмеченная особенность поведения типичной для вида в целом или же это «выходящая за рамки» особенность индивидуума. Понятно, что серьезное исследование поведения животных требует очень много времени. К этому же нельзя ограничиваться наблюдениями за единичными животными.

Все это я уразумел значительно позже. Но уже тогда я понял, что нетронутый кусочек природы с его интереснейшим миром птиц позволяет мне ставить и решать увлекательные задачи. Моим первым наблюдательным постом стала дамба двухметровой высоты, защищавшая луга от затопления водами гаффа*. Лежа на животе и не отрывая глаз от бинокля, я подсчитывал птиц и определял, к каким видам они относятся. Самыми многочисленными были чибисы (12 пар) и кулики травники (8 пар). В наиболее сыром центре моего полуострова держались шесть пар очень красивых больших веретенников. Кроме того, я нашел три гнезда турухтанов и две кладки чернозобиков. Мне хотелось заняться поближе именно этими болотными птицами. Но вокруг было столько интересного, когда я с дамбы рассматривал в бинокль чащу камыша и водную гладь залива! Там гнездились чомги и лысухи, маленькие чирки-трескунки и пестрые широконоски. В небе парили коршуны и болотные луни, а также пара малых подорликов из ближнего леса. Из камышей доносилось пение камышевок, а иногда глухой крик выпи.

Но совершенно очаровали меня турухтаны. Это были, пожалуй, самые удивительные обитатели лугов у залива. Из самцов ни один не был похож на другого, каждый отличался своеобразной окраской роскошного «воротника» из удлинненных перьев. Мало того, даже размер и цвет головы, окраска клюва и ног были неодинаковые. Каждого из них без труда можно было узнать «в лицо». Эти особенности имеют вполне определенный биологический смысл и проявляются только в сезон размножения.

В моих «владениях» было три тока турухтанов. С апреля и чуть не до конца июня там собиралось на своеобразные турниры по 20—30 птиц. Как только ранним утром птицы слетались на ток, самцы спешили занять свои места. Арена около 10 метров в поперечнике была строго поделена на участки в соответствии с рангом птиц, который зависел от возраста и силы самца. Особи «высшего ранга» располагались в центре площадки, ревниво охраняя это почетное место от посягательств соперников. Самцы, занимавшие низшие ступеньки иерархической лестницы, довольствовались краями площадки. За эти участки споры не велись, а птицы не всегда строго

* Гафф — залив, отделенный от моря косой.— Здесь и далее примечания переводчика.

их придерживались. Зато владельцы центральной зоны должны были все время быть начеку, чтобы не допустить туда молодых самцов, поскольку каждый из них пытался пробиться к центру арены и мог, если повезет, вытеснить оттуда представителя более высокого ранга.

Сборище токующих самцов привлекает самок. Именно в этом и заключается смысл «представления». Едва, хотя бы мельком, самки показывались на токовище, начиналась удивительная церемония приветствия. Только что самцы хлопали крыльями, топорщили воротники и поднимали хохлы на голове. Они кружились по своим полуметровым площадкам, яростно щелкая клювами и нападая на соседей, и при этом часто делали ложные выпады, не касаясь соперника. Но стоило появиться одной или нескольким самкам, вздыбленные перья дрожащих от возбуждения самцов опускались, самцы вновь разворачивали свои воротники и приветствовали дам глубоким поклоном, опустив клювы к земле. Самки вольны выбирать себе жениха из многих претендентов, но никогда не благоволят к тем, кто «с края».

Где уж тут было до школы и до уроков, когда в птичьем царстве творились такие интересные вещи! Довольно долго это сходило мне с рук, но однажды почтальон принес «синий конверт» — меня грозились исключить из школы. Успехи в спорте и биологии не могли покрыть прорех по другим предметам. Легко представить, какая гроза разразилась дома. Бинобль был конфискован, моя свобода резко ограничена, а посещение лугов отложено до окончания занятий. Что оставалось делать? Пришлось пострадать ради птиц и прилежно наверстывать упущенное.

Мои усилия не пропали даром — отец подарил мне фотокамеру, лучшую из тех, что тогда имелись. Это был «Ментор-Шпигельрефлекс» с форматом кадра 9×12 , с цейссовским телеобъективом, фокусное расстояние которого 300 миллиметров. С таким первоклассным вооружением я получил возможность запечатлеть на снимках то, что до сих пор удавалось лишь увидеть в бинобль. Дав обещание впредь добросовестно относиться к школьным обязанностям, я с новыми силами взялся за дело: заносил свои наблюдения в дневник, фотографировал прилет птиц весной и отлет на зимние квартиры, учитывал плотность населения на косе и выяснял, как долго здесь держатся пары, как происходит ухаживание, строительство гнезд и выкармливание птенцов. В одной из серий фотоснимков я запечатлел и удивительную манеру токования турухтанов.

Многому пришлось мне научиться. Чтобы фотографировать животных на воле, одного желания недостаточно. Необходимо безграничное терпение и большой опыт. Сначала я подходил слишком близко, не заботясь о надлежащей маскировке. Но потом соорудил маленькую защитного цвета палатку, которая оказалась удобной для наблюдений за птицами у гнезд. Не сразу я понял, что засидку следует устраивать сначала в 20—30 метрах от гнезда и лишь тогда приближать ее, когда птицы привыкнут к новому предмету, появившемуся вблизи их жилья.

Многих обитателей луга мне удалось перехитрить, устраивая за сидки-ямы. Я выкапывал яму в метр глубиной и накрывал «крышей» из пучков травы. Результатом такого способа маскировки было в первую очередь то, что я видел птиц в «лягушачьей перспективе», и это позволило сделать много особенно интересных снимков.

Большинство птиц довольно быстро привыкают к изменившейся обстановке. Но изменения эти должны накапливаться постепенно, ничто чужое не должно внезапно появляться в поле зрения птиц. Необходимо избегать резких движений. Любой громкий или необычный звук распугает птиц, обладающих тонким слухом. Это прежде всего относится к металлическим звукам, совершенно чуждым природе. Даже щелчок затвора камеры часто воспринимается как сигнал тревоги. Моя камера, подобно большинству других фотоаппаратов со шторным затвором, оказалась слишком шумной для съемок животных, и мне пришлось укутывать ее в толстый платок, оставляя свободными только объектив и видоискатель.

Узнал я и многое другое. Например, что птицы воспринимают каждое тревожное событие и опасность как нечто единое. Так, если к моему убежищу подходили два человека, но вскоре один из них уходил, то птицам казалось, что с его уходом полностью исчезла опасность. Поэтому я всегда брал с собой кого-нибудь из приятелей, которые с удовольствием помогали таким образом обманывать птиц.

Крыша моего убежища возвышалась над равниной примерно на метр. Но так как с появлением этого сооружения ничего страшного не произошло, очень скоро птицы стали вести себя как ни в чем не бывало. А между тем в нескольких шагах от них в засаде лежал человек.

Скоро мою засидку стали использовать как наблюдательную вышку. Единственное возвышение среди равнины, она оказалась для многих птиц желанным добавлением к ландшафту. Травники и длинноногие большие веретенники охотно садились на нее, чтобы осмотреться. Скрытый словно шапкой-невидимкой, я стал участником жизни пернатого мира и был счастлив при мысли, что, ловя события камерой, могу затем показать их другим людям. Однако мои родители не могли себе представить, что из занятий их сына выйдет что-либо путное. И хотя они одобряли серьезность моих намерений, им не верилось, что со временем я смогу зарабатывать таким способом себе на жизнь. По тогдашним представлениям, подобное занятие могло быть превосходным хобби, но отнюдь не профессией. И родители были весьма озабочены тем, что ожидает их сына.

Неожиданно на помощь мне пришел счастливый случай. Общество друзей зоологического музея в Кенигсберге пригласило меня сделать доклад и проиллюстрировать его фотографиями. Профессор Келер, президент Общества, с интересом следивший за моей деятельностью на лугах у залива, рискнул выпустить новичка на трибуну. Разумеется, я страшно волновался и еле выдавил из себя первые слова. Но лиха беда начало, а дальше все пошло хорошо. Результаты моих исследований, и прежде всего фотодокументы, были приняты с

одобрением. В печати с похвалой отзывались о моей самостоятельной научной работе, и теперь родители не особенно корили меня за случавшиеся пропуски занятий. Именно поэтому я честно старался совершить подвиг и попасть в число лучших учеников.

Письмо от профессора Эрнста Шютца, руководителя орнитологической станции Росситтен*, подействовало даже на директора школы — мне продлили осенние каникулы, так что я смог помочь орнитологам на Куршской косе в их работе на этом единственном в своем роде «мосту» через море, над которым идет массовый пролет птиц.

Фортуна продолжала мне улыбаться. На косе я познакомился с главным лесничим, Хорстом Зивертом, который возглавлял предприятие по исследованиям охотничьих животных. Он был пионером нового стиля съемок, которые позволяли отразить жизнь животных так, как она есть, без навязчивых параллелей с поведением человека. Мы много говорили на эту тему, и то, что делал Зиверт, произвело на меня сильнейшее впечатление.

Так зародилась моя мечта увековечить особенности поведения милых моему сердцу птиц в «живых картинах», иными словами, в фильме. Ведь наблюдения и фотосъемка — это только начало. Будущее принадлежит кинофильмам, притом цветным и звуковым. Это и я попытался объяснить отцу, сказав ему также, что твердо решил заняться зоологией и стать кинооператором. Отец был химиком, к тому же он владел торговым предприятием и поэтому неплохо разбирался в практической жизни.

— Учитывая твои способности, я не имею ничего против того, чтобы ты изучал биологию, — сказал он. — Но в таком случае ты должен стать педагогом, лучше всего преподавателем высшей школы. По крайней мере у тебя будет солидная профессия. А фильмы о животных — это рискованное дело. Да еще мучиться с пугливыми артистами, которые не слушаются никаких указаний режиссера!

Сейчас я понимаю, что будь я на его месте, я своему сыну сказал бы то же. Но тогда это было для меня тяжелым ударом, и я надолго замкнулся в себе. Конец моим огорчениям наступил, когда вопреки ожиданиям родителей я успешно сдал выпускные экзамены. В награду они подарили мне предмет моих тайных мечтаний — кинокамеру.

После окончания школы я обязан был отработать полгода на какой-нибудь государственной службе. Однако влиятельным лицам, которые видели мои снимки и слышали доклады, удалось добиться для меня освобождения на три месяца. Вместо службы мне предстояло сделать фильм, где бы подытоживалась моя работа на лугу у залива.

Это был немой фильм на час. Комментарии я давал сам. Впервые я показал «Птиц гаффа и луга» Обществу друзей зоологического музея в Кёнигсберге, а затем по приглашению профессора Эрвина Штреземана — на ежегодном съезде Немецкого орнитологического

* Ныне биологическая станция Рыбачий Зоологического ин-та АН СССР

общества в Берлине. Там присутствовали известные ученые: кроме самого Штреземана, основателя современной орнитологии, на съезде были этологи Лоренц, Хейнрот и Тинберген. И здесь мой фильм имел успех. В 19 лет меня провозгласили «надеждой анималистского кино», я получил благосклонные советы знаменитых ученых. Доктор Зиверт дал мне ряд ценных рекомендаций, как снимать фильмы. Профессор Штреземан отечески содействовал (выплоть до сегодняшнего дня) моему становлению в качестве кинооператора. После всего этого моим родителям нечего было возразить.

Остров блаженства

Фильмом «Птицы гаффа и луга» я достиг первой поставленной перед собой цели — стал кинооператором-анималистом. Моя работа, показавшая жизнь птиц на воле, получила одобрение критики. Я определил свое место в жизни, и путь к любимому делу был свободен. Но я не замечал все сгущавшихся грозных туч на горизонताх международной политики.

Вскоре пришла повестка о призыве на военную службу, и я отправился выполнять свой долг. Благодаря знанию азбуки Морзе я попал радистом в авиационные части. Началась вторая мировая война. Моему покровителю удалось где-то поднажать, и меня командировали на четыре семестра в государственный университет в Позене изучать биологию. Затем военное положение стало столь серьезным, что все сколько-нибудь пригодные мужчины были мобилизованы. Русские войска все ближе подходили к восточным границам Германии, и я был среди тех, кто должен был сдерживать их натиск. Мы были уже готовы к выступлению, когда на мое счастье произошло чудо. Кто помнит тогдашнее положение дел, тому действительно трудно поверить, чтобы с восточного фронта отозвали солдата для научно-исследовательской работы. Что же произошло?

После того как греческий остров Крит был занят немецкими войсками, Хорст Зиверт по поручению профессора Штреземана и при содействии Имперского управления охоты начал проводить там съемки документального фильма о стране, ее жителях и животном мире. Однако 20 июня 1943 года Зиверт разбился в Белых горах, царстве грифов и горных козлов. Требовалось немедленно подыскать ему преемника, и профессор Штреземан устроил так, что этим преемником стал я. Вот почему мне неожиданно пришел приказ явиться в Берлин в Имперское управление охоты. Там уже был приехавший с Крита Бернгард Миган, сотрудник Зиверта. Профессор Штреземан дал нам новые указания. Помимо завершения полнометражного фильма, предстояло провести планомерные научные наблюдения за птицами и собрать их тушки для Музея естествознания в Берлине.

Новые задачи требовали нового оборудования. Достать его, равно как и кинопленку, на четвертом году войны было нелегким делом. Лишь в начале апреля мы вылетели на остров Крит.

Наша киногруппа проехала остров с запада на восток. Мы отсняли 5000 метров киноплёнки, особенно много на склонах горы Ида и на плоскогорье Месара. И хотя нас пугали партизанами, они ни разу нас не потревожили. Надо думать, партизаны прослышали о наших добрых намерениях. Нас гостеприимно встречали в деревнях, порой принимали даже сердечно, и везде, где требовалось, мы находили помощников из местных жителей.

Однажды пришла беспокоившая нас весть, что генерал Броейр, бывший в ту пору комендантом Крита и нашим покровителем, неожиданно покинул остров. Его преемником стал пехотный генерал, по слухам закоренелый солдафон. Кто знает, станет ли терпеть новый комендант на подчиненной ему территории бродячую «кинонаучную команду»? На этом острове мы действительно были анахронизмом. Следуя военному правилу, согласно которому наступление есть лучший способ обороны, мы сами отправились в логово льва. Оказалось, что новое начальство и не подозревало о нашем существовании. Генерал выслушал меня с каменным лицом. Я со страхом ожидал вспышки гнева, приказа о немедленном прекращении нашей деятельности, мне уже виделся пулемет на спине вместо кинокамеры. Но все вышло иначе. К нашему великому изумлению, новый комендант поддержал идею о завершении фильма и обещал помощь.

У нас кончилась пленка. Предстояло ехать в Берлин за новой. Военным самолетом мы добрались до столицы, сильно пострадавшей от бомбежек. Отснятую часть фильма удалось быстро смонтировать, и 28 июля 1944 года мы показали ее в подвале Имперского управления охоты. Фильм понравился, и начальство настаивало на скорейшем его завершении. По нашим подсчетам, на это должно было уйти совсем немного времени. В последний раз обсудив все с профессором Штреземаном, 22 августа мы уехали из Берлина поездом.

До Афин мы добирались 14 дней, а там узнали, что дальше пути нет. В осажденные районы никого не пускали, тем более что с Крита уже началась эвакуация немецких войск. Но эти неутешительные сведения нас не остановили — ведь только узкая полоска воды отделяла нас от желанной цели. Мне удалось связаться по радио с генералом, командующим на Крите, и вскоре мы вновь ступили на землю «Острова блаженства».

В то время как в рейхе все шло прахом, мы, предоставленные самим себе, продолжали жить своей жизнью: наблюдали осенний пролет птиц, изучали и снимали соколов Элеоноры и безоаровых козлов на прекрасном как мечта острове Теодори в заливе Чания, вместе с местными рыбаками взбирались к соколиным гнездам. Это было рискованным предприятием — на скалы приходилось тащить тяжеленные камеры и коробки с пленкой. Привычные к лазанью рыбаки помогали нам добывать из гнезд жирных молодых соколов, считавшихся у жителей острова деликатесом, это было их побочным промыслом. (Только в северо-западной части гористого острова я насчитал 30 пар соколов). Обеспокоенные нашим появлением, птицы обычно кружили над нами и вдруг, сложив крылья, стремительно и отважно пикировали вдоль отвесной каменной стены, со свистом рас-

секая воздух, чтобы там, у самой воды, используя восходящие токи воздуха, опять взмывать вверх и вновь и вновь с тревожными криками выписывать свои бесконечные круги. Незабываемая и величественная картина!

Кинокамеры мы установили на уступе скалы в высоком молочае. Материалом для маскировки в этой заоблачной вышине нам послу жили камни и ветви фисташки. Здесь мы провели целый день, снимая все происходящее в ближайшем соколином гнезде: прилет родителей, кормление птенцов и их первые попытки взлететь, а также ссоры из-за принесенной пищи. Это были восхитительные часы.

Позже моему помощнику пришлось спуститься, чтобы принести из поселка новую пленку. Вернулся он с известием, что командующий со своим штабом покинул остров. Нам было приказано прервать работу и готовиться к эвакуации. Однако конкретных сроков, когда надлежало появиться у нового начальства, названо не было. Строгим канцелярским порядкам, видно, также пришел конец. Я не преминул этим воспользоваться, чтобы закончить съемки и наблюдения. Когда же мы наконец появились на пристани, оказалось, что нас уже сбросили со счетов, да и вообще было видно, что полностью эвакуировать немецкие войска с Крита не удастся. Почти все суда, пытавшиеся прорваться, были потоплены, и лишь немногим транспортным самолетам удалось добраться до аэродромов на материке. Местные друзья советовали нам бросить все и попытаться бежать с острова, поскольку ожидалось, что англичане предоставят освобождать Крит партизанам.

Партизанская война велась с беспощадной жестокостью обеими сторонами, так что легко было представить, как постараются отомстить критские патриоты оставшимся на острове немцам. Англичане все же высадились на Крите, заняли район Ситии и Ираклиона, однако преследовать отступающие немецкие части не спешили. Из радиопередачи для английских войск мы узнали, что Уинстон Черчилль заявил в палате общин: «Мы имеем на Крите 10 000 немецких военнопленных, и они сами заботятся о своем пропитании». Для нас это было наилучшим решением вопроса. И весной 1945 года мы наблюдали пролет птиц, досняли остатки пленки, исписали около 1000 страниц дневников, коллекционировали птиц.

Так мы дожили до 8 мая 1945 года, дня повсеместной капитуляции немецких войск. Сдача англичанам проходила в корректной форме. Мне дали четыре недели на то, чтобы сделать опись научного имущества и киноматериалов, а также упаковать все в ящики. Поскольку я прослышал, что Гамбург стал столицей английской оккупационной зоны, то просил отправить туда наши коллекции и киносъемочную группу. Я был настолько аполитичным человеком, что совершенно серьезно верил в возможность продолжения работы на родине, словно Германию и не постигла величайшая катастрофа.

Нас переправили в лагерь для военнопленных у Исмаилии на Суэцком канале, а мои зоологические коллекции и киноматериалы попали в Лондон, в Центральную службу информации. Я и не подозревал, что мое хозяйство может оказаться столь интересным. Всего че-

гyre недели за колючей проволокой, и вот меня вызывают, сажают в лендровер и отвозят в Каир, британскую штаб-квартиру на Ближнем Востоке. В течение трех недель я отвечаю на самые разные вопросы, которые беспрерывно поступают из Лондона и касаются моей работы на Крите. Со мной держатся учтиво, но я со страхом жду, что по окончании допросов опять попаду в лагерь под Исманией. И вдруг в один прекрасный день я очутился в самолете, отправлявшемся в Лондон, вместе с полусотней английских отпускников.

На 12 месяцев моим домом стал лагерь для военнопленных под Оксфордом. Тем временем в Лондоне на основе моих киноматериалов решили сделать три документальных фильма, для чего оказалось необходимым мое сотрудничество. Как все переменялось с того момента! В большой вилле лондонского предместья Хилтон Коурт, куда меня перевели, собралось интересное общество из числа немецких военнопленных: литераторы, художники, философы, журналисты, деятели кино — всего около 40 человек. Нам разрешили носить штатскую одежду и каждое утро отвозили в Сити на работу. Моим рабочим местом стала киностудия на Уордоур-стрит, знаменитый центр британской киноиндустрии. В течение полугода я обрабатывал там мой материал.

Английские коллеги помогли мне выяснить судьбу родителей. Прошло больше года, прежде чем я узнал, что они не смогли или не захотели бежать из Кенигсберга и погибли.

Дикие животные наших лесов

2 июня 1947 года, свой тридцатый день рождения, я встретил в Гамбурге. Там тогда располагались центральные учреждения военных властей британской оккупационной зоны. Благодаря рекомендациям из Лондона я уже через несколько дней получил назначение в отдел Бритиш филм. Это было еще до денежной реформы, когда на бумажные деньги купить что-нибудь было почти невозможно. Не удовлетворяла меня и работа. С утра до вечера я только и знал, что писал немецкие тексты для английских кинофильмов. Однажды я откровенно поговорил с моей начальницей, миссис Грин. Результатом этого разговора был перевод в Институт научных и учебных фильмов, созданный под британским контролем на базе бывшего Имперского управления учебных фильмов. Моими фильмами там интересовались еще до войны. Директор Фридолин Шмидт выразил желание, чтобы я продолжил свою работу, и пообещал предоставить для этого некоторые возможности. Институт, куда я попал, был первой производственной организацией, которой оккупационные власти разрешили выпустить несколько учебных и научных фильмов.

Вспоминая трудные послевоенные годы, конечно, прежде всего думаешь о бедственном положении людей. Но от последствий войны страдали также и леса, и их обитатели. Без оглядки на судьбу природы вырубались огромные лесные массивы. Как никогда проц

ветало браконьерство. Стреляли любое попавшееся на глаза крупное животное, ведь недельной нормы мяса едва хватало на скудный обед. Размышляя о будущем диких животных, приходилось опасаться наихудшего. Поэтому хотелось сделать фильм, который помог бы пробудить в широких кругах понимание необходимости сохранить и так уже сильно «прореженное» поголовье дичи. В то же время надо было выпускать биологические учебные фильмы для школ. Распоряжение об этом пришло в июле 1947 года от Министерства сельского и лесного хозяйства Нижней Саксонии.

План был грандиозен, и денег было отпущено много. Однако с техническим вооружением дело обстояло не лучшим образом. Новую киноплёнку еще не выпускали, и мне пришлось заняться розысками всяческих остатков. Спрос был огромен, а предложения мизерны. Сейчас я даже затрудняюсь сказать, как же нам все-таки удалось свести концы с концами. Коллеги-кинооператоры бескорыстно помогали мне, хотя многие тогда сидели без работы и очень нуждались. В Мюнхене от фирмы «Арнольд и Рихтер» я получил одну из первых вновь выпущенных кинокамер.

Это была та же блестяще проверенная модель, с которой я уже работал на Крите. Совместно с представителями Нижнесаксонского общества охотников был написан сценарий. Подыскать дикие уголки, где лучше всего было бы вести съемки, взялся Альберт Хагеман, один из организаторов этого общества. Дело завертелось, и наконец все предварительные работы были закончены.

В нашу задачу входило показать жизнь диких животных в самых различных ландшафтах в разные сезоны года. Выполнению столь обширной программы я предполагал посвятить 20 месяцев. Такой срок давал возможность дважды использовать самое активное время жизни животных — ухаживание, спаривание и воспитание молодняка. То, что будет пропущено или не удастся в первый сезон, можно будет наверстать и дополнить во второй. Мы снимали боровую дичь в Люнебургской пустоши, лугового и полевого луней, болотных сов и чеглоков в заболоченных угодьях моего друга Бертольда фон Шрадера. Нам удалось найти стадо зубров, которое сохранили от уничтожения преданные своему делу служащие лесничества в Дейстере. Мы сняли кабанов, благородного оленя, лань и муфлона. В плавнях Эмса, между Лингеном и Папенбургом мы снимали большие стаи тундровых лебедей, гусей и уток, которые зимуют там с октября до весны.

Помогал мне Ф. В. Раймерс, молодой журналист, страстно увлеченный фотографированием животных. В 1947—1948 годах очень плохо было с жильем, продовольствием и транспортом. Из-за громоздкого багажа ездить приходилось в товарных вагонах, где нас дожимали ветры и дожди. Ночевали в сараях, хлевах и дырявых палатках. И именно среди крестьян и лесников мы встречали понимание и сочувствие нашему делу. Здесь нас приютят, там накормят, иногда даже одолжат лошадь и телегу, а то и трактор для перевозки тяжелого оборудования. В те времена мы и мечтать не могли об автомобиле, так что таскали нашу аппаратуру по лесным тропам на руч-

ной тележке. Это было тяжелое, полное лишений и тем не менее счастливое время.

Гон оленей, ток глухарей, свадьбы косуль, гнездовое поведение хищных птиц... Как же богаты и чудесны дикие тропы нашей родины!

Чтобы снять интересные и выразительные сцены из жизни животных на воле, нередко приходится ждать счастливого случая. Чего мы только не перепробовали, чтобы снять игры лисят! Это можно сделать лишь у такой норы, которая освещается солнцем ранним утром или перед закатом. Лесники водили нас чуть ли не к пятидесяти норам, но большинство из них постоянно было в тени. Ведь осторожная лиса устраивается в самых глухих уголках леса. Наконец мы нашли нору, где условия освещения нас вполне удовлетворяли, но там, видно, жил лис-одиночка или самка без детенышей. Чтобы понять это, не нужно быть таксой с ее тонким нюхом. Выводок лисят пахнет так сильно и так по-особому, что и человек, сунув нос в нору, почувствует его всепроникающий запах. Лисята были только в пяти из осмотренных нор, но лишь одна из них по утрам освещалась солнцем. Лису ни в коем случае нельзя потревожить, иначе под покровом ночной темноты она перетащит щенков в другое место. Прodelывает она это так же, как кошка, которая, нежно ухватив котенка за шиворот, переносит одного за другим в безопасное место. Все лисы имеют или по крайней мере знают несколько нор, чтобы в случае необходимости быстро сменить квартиру.

Вот почему мы строили нашу шестиметровой высоты засидку не возле норы, а поодаль, чтобы стук топоров не встревожил лису. В полуденные часы, когда лиса обычно спит глубоким сном, мы перенесли с помощью четырех здоровенных лесников тяжелый остов вышки к сосне метрах в тридцати от норы и закрепили его веревками и проволокой. Дождь, вечно нарушающий все планы, на этот раз был нам послан небесами в подарок. Мы осторожно взобрались на вышку, укутали камеру тряпками, чтобы заглушить ее треск, направили телеобъектив на нору и ждали, ждали, стараясь не двигаться, многие часы подряд.

Из часов складывались дни, и дней таких набралось на полные три недели. Ранним утром, как только появлялось солнце, и перед закатом мы становились свидетелями незабываемых сцен. Лисята выбирались из норы, взирая на белый свет по-детски удивленными глазенками, и затевали веселую кутерьму. Мать показывалась лишь на несколько минут и тут же исчезала в чаще леса. Ей надо было заботиться о пище для потомства. Инстинкт говорил лисятам, что не следует отходить далеко от спасительного убежища. Устав от игр и драк, они снова исчезали в черном провале норы.

Во время съемок в буковых лесах Дейстера случай свел меня с Георгом Шимански, старым моим соратником. Мы были знакомы еще со школьных лет, Георг помогал мне в работе над фильмом «Птицы гаффа и луга». Десять долгих лет, заполненных работой и приключениями, мы провели вместе и добились успеха.

Однажды лесничий Бегер рассказал нам о лисьей норе на солнеч-

ном склоне лесного оврага, которую он недавно нашел. Шимански предложил вырыть яму-засидку на противоположном склоне Стены землянки мы укрепили сосенками и замаскировали сосновыми ветками. Теперь наше сооружение трудно было заметить — оно слилось с окружающим фоном. На сей раз мы смогли снять сцены, которые до сих пор нам не удавались. С мышью в зубах вернулась с охоты лиса и тихим ворчанием вызвала лисят из норы. Все пятеро вцепились в добычу и кубарем скатились вниз по склону. За три недели мы сняли множество великолепных сцен детских игр. Взаимное подкарауливание, броски и драки являются важной тренировкой для самостоятельного добывания пищи в недалеком будущем.

И тут судьба уготовила нам сюрприз, заставивший пересмотреть сложившиеся взгляды на семейную жизнь лисиц. Однажды из норы, где жили лиса с лисятами, показался лис. Он шмыгнул вдоль склона, метрах в десяти от норы выкопал припрятанную, видно недоеденную, ляжку косули и, подкрепившись, вернулся назад в нору.

Лесные чертенята

20 месяцев работы над фильмом «Песня лесных троп» были хорошей подготовкой к осуществлению дальнейших планов, предполагавших также съемки животных родного края. Институт научных и учебных фильмов решил выпустить ряд биологических фильмов для школ, которые должны были представить жизнь животных в виде киномонографий, причем важнейшие особенности поведения животных надо было показать в естественных условиях. В прежние времена подобные фильмы рассматривались только как методическое средство обучения и обычно выполнялись в крайне сухой манере. Теперь же наконец поняли, что дети лучше воспримут и запомнят фильм, если смогут наблюдать на экране жизнь во всех ее проявлениях столь ясно и отчетливо, что пространственные пояснения диктора окажутся просто ненужными. Фильм должен говорить языком образов. Когда он действительно хорош, то словесные комментарии почти не требуются. От музыкального сопровождения мы отказались, используя вместо него записи голосов животных и характерного для их среды акустического фона. Выбирая тему, я старался показать прежде всего такие стороны жизни животных, которые обычно скрыты от глаз людей.

Одним из наглядных примеров может служить белка. Все мы ее видели и притом не раз. Нас умиляет ее забавный вид, поражают ее искусные прыжки, ловкие лапки, когда она крутит у себя перед носом орех или еловую шишку. Ну а кому удалось увидеть больше? Как строят белки свои гнезда и что они там делают, как и где прячут зимние запасы, как спасаются от врагов? Большинству людей это неизвестно. Так же как брачные церемонии, воспитание детенышей и расселение по территории.

Еще в процессе подготовительных работ я понял, что разобраться в деталях беличьей жизни будет очень сложно. Ведь большую ее часть рыжие зверушки проводят на «крыше» леса. Там, наверху

среди ветвей, белку можно поймать длиннофокусным объективом, но только пока деревья не покрыты листвой. Да и солнце, столь любимое кинооператорами, совсем не нравится белке. Обычно она поворачивается к нему спиной и прикрывается с тыла пушистым хвостом. Даже научное название белки *Sciurus* означает «тот, кто затеняет себя хвостом». В листве же белку и не разглядишь. Ее шарообразное гнездо, так называемое гайно, расположено обычно в глубокой тени. Что там происходит, остается тайной.

Что же делать, как запечатлеть на пленку скрытную жизнь зверька? Для этого имелась только одна возможность — дополнить натурные съемки кадрами, где в просторной вольере, оформленной с максимальным приближением к естественным условиям, сняты ручные белки. Спустя некоторое время зверьки привыкнув к вольере и будут считать ее собственной территорией. Фриц Франк, директор Научно-исследовательского института охотничьего хозяйства в Бонне, вырастил несколько бельчат, чтобы выяснить еще не известные детали их жизни, и надеялся, что весной они дадут ему новое потомство.

Белки жили в вольере размером два метра на четыре. Этого было достаточно, чтобы снять некоторые интересные моменты, например, как белка раскусывает твердые орехи, как ухаживает за шерстью, как прячет пищевые запасы, — но только не свободное передвижение зверьков. Франк согласился, что нужно построить вторую вольеру. Ее площадь была 26 квадратных метров, а высота — четыре метра. Вольера представляла собой как бы вырезанный кусочек естественного местообитания. Стоявшая там сосенка с низко свисавшими ветками была идеальным деревом для лазанья. Здесь нам удалось провести съемки, которые в лесу никогда бы не получились.

Но перевести белку в новую вольеру сразу не удалось. Франк заметил, что она спарилась с самцом, поэтому следовало ждать прибавления семейства и избегать всего, что могло бы взволновать будущую мамашу. Разумеется, было бы лучше, чтобы она произвела на свет малышей в привычной обстановке. По нашим расчетам это должно было произойти через 3—4 недели.

Время вынужденного ожидания я использовал для съемок в очаровательной долине Мельбы, всего в получасе езды от тогда еще относительно тихой столицы. В по-зимнему голом смешанном лесу было много белок. Стояла ранняя весна. Погода была мягкая, и рыжие чертенята попадались на каждом шагу. Для прогулок они предпочитали раннее утро или вечер. Мы были на своем посту обычно за долго до рассвета. Многое удалось нам снять: грациозный бег по ветвям с одной вершины на другую, ловкое лазанье по стволам и длинные элегантные прыжки с ветки на ветку. Пушистый хвост служил зверьку рулем и парашютом, порой казалось, что белка летит. Сначала нам никак не удавалось уследить в чаще ветвей за проворными зверьками. Но потом мы обнаружили, что белки передвигаются в вершинах деревьев по вполне определенным «дорогам». По ним они перебегают с дерева на дерево, как другие животные по земле.

Мы заметили эти пути сообщения, направили на них объективы кинокамер и без труда получили удачные кадры.

С приходом весны на участке белки появляется самец. Он домогается ее благосклонности «демонстративным бегом». Самец стремительно мчится по ветвям, кокетливо взмахивая хвостом и издавая характерные редкие щелкающие звуки. Сначала самка пытается прогнать со своей территории непрошеного гостя. Круг за кругом она гоняется за ним, но постепенно замедляет бег. У нее тоже просыпается половой инстинкт, и очень скоро роли меняются. Теперь самец преследует самку с призывным брачным криком «мук... мук... мук...». Последняя фаза ухаживания, так называемая поза «мишени». Самец поворачивается к самке боком, желая показать себя в наилучшем свете, и медленно помахивает хвостом. Если он продлевает это достаточно долго, происходит спаривание. Но уже через несколько дней самка изгоняет его из своих владений. Вот почему самец не занимается ни устройством гнезда, ни заботой о кормлении и воспитании детенышей.

В апреле появились на свет малыши. Похожие на мышат пискуну сулили Франку исполнение его надежд. Но лишь на третий день мы рискнули с невероятными предосторожностями открыть гнездо. Франк просунул туда руку и на ощупь определил число детенышей. Их оказалось пять. Мы вытащили их на несколько секунд, чтобы взвесить, и затем проделывали эту операцию каждое утро. Было очень важно выяснить, как малыши ежедневно прибавляют в весе. Вскоре мать так привыкла к людям, что уже не пугалась, когда открывали гнездо.

Теперь можно было снять на пленку все, что происходит в гнезде. При этом впервые было установлено, что мать регулярно берет детенышей «на руки». Всякий раз, вернувшись после кормежки в гнездо, она берет малышей одного за другим и вылизывает им задки, чтобы вызвать отделение мочи и кала.

Переселить семейство в большую вольеру мы отважились еще до того, как бельчата открыли глаза. Закупорив гнездо, мы перенесли его, закрепили проволокой в ветвях сосны и затем открыли. Первым впечатлением было, что мы совершили непоправимую ошибку: белка-мать выскочила из гнезда и очень испугалась внезапной перемены окружающей обстановки. Она чувствовала себя здесь совершенно чужой и в любую минуту ждала нападения хозяина этой незнакомой территории. Поэтому ее главным стремлением было как можно скорее перенести детенышей в безопасное место.

Почти час зверек в крайнем возбуждении метался по углам вольеры, пока не убедился, что никто из сородичей не претендует на территорию. Тут еще отчаянно распищались голодные дети, и наша белка в конце концов прыгнула в гнездо и занялась выполнением своих материнских обязанностей. Так совершилось переселение.

Прошло четыре, пять, потом шесть недель. Малыши выбирались из гнезда, упражнялись в искусстве лазанья, гонялись друг за другом по веткам. Каждый пытался выхватить у брата или сестры пи-

щу, принесенную матерью. Выглядело все это как детские игры, но уже было подготовкой к настоящей жизни.

Малыши учились скрываться от опасности, теснить конкурентов, нападать на пришельцев. Им надо было приучиться и к самостоятельному питанию. Не все способности белок являются врожденными. Например, на первые попытки вскрыть орех им потребовалось почти четверть часа. Но с приобретением опыта они становились ловчее, все быстрее работали зубами и лапками. Теперь им уже удавалось разгрызть твердую скорлупу за считанные секунды.

Обычно белка приносит потомство дважды в году. Поэтому подросшие детеныши первого выводка заблаговременно отправляются куда глаза глядят, чтобы подыскать себе собственный участок в лесу. Если они не уйдут сами, мать все равно выгонит их с родных мест.

В наше время у белки значительно меньше естественных врагов, чем раньше, когда влияние человека было не столь ощутимым. На земле на нее чаще всего нападает лисица, иногда ястреб или крупная сова. Но в густой листве вершин ей приходится опасаться разве только куницы, которой в свою очередь так достается от человека, что сейчас в наших лесах куда больше белок, чем прежде.

Во владениях хомяка

На просмотре киноленты о жизни белок в геттингенском Институте научных фильмов присутствовали только зоологи, и прежде всего этологи. Я мог надеяться на продолжение аналогичной работы с рядом других животных только в том случае, если фильм и его стиль удовлетворили бы всем научным требованиям. А вдруг ученым не понравится, что в некоторых сценах, пусть даже наиболее интересных, я снимал «пленных» кинозвезд?

Рядом со мной сидел профессор Конрад Лоренц, директор Института физиологии поведения. Уже тогда его новаторские работы в этой области принесли ему мировую известность. Фильм еще не кончился, когда он высказал мне свое одобрение, добавив: «Вот вы разобрались с грызунами, жизнь которых проходит на деревьях... Не заняться ли вам теперь животными, которые почти не вылезают из-под земли? Я имею в виду хомяков... Мне кажется, что вы справитесь с трудной задачей снять семейство хомяков в их подземном жилище. Моему сотруднику, доктору Эйбль-Эйбесфельдту, удалось вырастить хомяков в неволе. Я думаю, он с удовольствием будет сотрудничать с вами. Приезжайте в Бульдерн к нам в институт. Мы сделаем все, чтобы вам помочь. Прихватите только с собой мешок цемента... для изготовления искусственной хомячьей норы... Это будет очень интересный опыт».

Предложение пришлось мне по сердцу. И Институт научных и учебных фильмов, сотрудником которого я все еще состоял, также был в этом заинтересован. Намечавшийся фильм в случае удачи мог

убедительно продемонстрировать, как два родственных, но обитающих в совершенно противоположных условиях вида приспосабливаются к окружающей среде: белка в кронах деревьев, хомяк в подземных коридорах под пашней.

Область распространения хомяка тянется от Бельгии до Западной Сибири. В ФРГ хомяк встречается только на юге республики. Севернее линии Кельн — Ганновер — Магдебург он попадает редко. Исходно хомяк был степным обитателем и пришел в Центральную Европу лишь с расширением площади пахотных земель. Ведь для хомяка пшеница, рожь, ячмень и овес — такие же степные травы, семенами которых он обычно кормится. Хомяк — самое пестрое млекопитающее Центральной Европы. Наиболее контрастна окраска брюха, сверху же зверек выглядит неприметным, серовато-коричневым. Вес хомяка достигает 250 граммов, длина тела — 30 сантиметров, включая пятисантиметровый хвост. Кроме семян зерновых культур, хомяки охотно поедают животную пищу: лягушек, насекомых, червей. Крестьяне не жалуют хомяков, так как только один зверек, запасаясь на зиму, затаскивает к себе в нору до 15 килограммов зерна. Но вред покажется меньшим, если учесть, что хомяки истребляют немало вредителей.

Когда хомяк выбирается из норы, его подстерегает множество врагов. Днем это пернатые хищники, ночью совы и, конечно, куницы, ласки, хорьки, лисицы, кошки, собаки. Преследуемый со всех сторон, он отнюдь не в полном покое добывает себе пропитание. Наоборот, как можно скорее набивает спускающиеся до плеч защечные мешки и лишь в безопасности подземного жилья извлекает пищу из-за щек, орудуя обеими лапками, чтобы либо спокойно поест, либо спрятать принесенное в кладовой, где хранятся запасы.

Каждый зверек (и самец, и самка) имеет собственную территорию, затрачивая немало труда, чтобы обжить окрестности своей норы персональной жилой площадью. Для этого служат железы, которые находятся под темными пятнами на боках и выделяют резко пахнущий секрет, которым хомяк «метит» камни, пеньки и пучки травы, а также вход и стенки норы. Если на помеченной таким образом территории рискнет появиться другой хомяк, дело доходит до ожесточенных драк. Нередко зверьки получают при этом тяжелые раны. Хозяин, правда, используя хорошее знание местности, обычно оказывается победителем. Возможно также, что боевой задор нарушителя границы падает из-за чужого запаха, который со всех сторон бьет ему в чувствительный нос.

Большую часть жизни хомяк проводит в норе, вырытой им самим. Вряд ли норы эти сильно отличаются одна от другой. Хотя их устройство и зависит от качества грунта, в любой норе всегда имеются специального назначения помещения и ходы. Большинство коридоров обычно идет наклонно по направлению к гнездовой камере. Близ нее находится кладовая с запасами на случай плохой погоды и на зиму. Боковые отнорки служат для чистоплотного зверька уборными. Обязательно имеется еще вертикальный отнорок, по которому жилец норы может мгновенно убежать при появлении

хорька или горностая Влаг, как правило, не может туда за ним последовать. Жилая камера тщательно выстлана сухой травой и размельченной соломой, причем самка, ожидающая потомство, проделывает это с особым старанием. В начале зимы хомяк закупоривает все входы. Зимний сон зверька может быть очень глубоким, и температура его тела снижается до 5°C, но все же это не настоящая спячка, которая длится месяцами. Обычно хомяк раз в несколько дней просыпается, проскальзывает в кладовую и, подкрепившись, снова заваливается спать. На поверхности зверьки появляются лишь весной, когда их «стол» покрывается свежей зеленью.

Мы собирались снимать хомяков в естественных условиях из хорошо замаскированного укрытия, как всегда запасшись терпением и приняв необходимые предосторожности. Но самым главным для нас была их подземная жизнь, которую никто еще не видел и о которой было известно очень немного.

Однажды мы с Георгом Шиманским отправились в Бульдерн, что около Мюнстера в Вестфалии, прихватив цемент, как рекомендовал профессор Лоренц. Институт физиологии поведения временно размещался в обширном парке вокруг старинного замка. С Эйблем мы сразу же разработали план, по которому предстояло соорудить хомякам искусственную нору. Она должна соответствовать жизненным потребностям грызунов и в то же время быть доступной для съемок в любом уголке сложной системы ходов. Поэтому ходы надо было сделать не слишком длинными, так чтобы в них до самого конца проникало достаточно света. Мы решили сделать разрез норы, которая занимала площадь два на два метра. Для хомяков это было сравнительно скромное жилище. Нам пришлось ограничиться самыми необходимыми помещениями: в нашей норе была всего одна удобная жилая камера, одна кладовая, один отнорок для бегства и только один коридор для входа и выхода. Ход этот имел ответвления, которые, как мы полагали, хомяк будет использовать как уборные. Изменить что-либо в своей квартире хомяк не смог бы, так как вся она была построена из бетона, а ее разрез мы прикрыли стеклом.

Поскольку хомяк живет не только под землей, а нуждается еще и в небольшой площадке на поверхности, над искусственной норой был устроен и огорожен выгул. Чтобы любитель покопаться не выбрался отсюда на волю, нам пришлось его «поле» на двадцатисантиметровой глубине сплошь забетонировать. Хомяки Эйбля жили в неволе с юного возраста, и мы с полным правом считали, что новое просторное сооружение понравится им куда больше, чем клетки, где они до сих пор ютились. Мы затемнили закрытый стеклом срез искусственной норы, приставив к нему палатку. Затем наверху в загончике, выпустили самку. Для нас это были минуты и даже часы величайшего напряжения. Хомячиха, казалось, оцепенела от ужаса. Затем метнулась через лужайку, словно стремилась скрыться от невидимых врагов. Но вскоре инстинкт бегства с чужой территории уступил место исследовательскому инстинкту. Самка с большой тщательностью обследовала территорию, нашла вход в искусственную нору и помедлив скользнула вниз. В слабых лучах карманного

фонарика мы увидели, что и там она осмотрела каждый закоулок.

Новые условия жизни ей, видимо, понравились. Она все чаще и дольше занималась изучением своих владений и, наконец, настолько обрела уверенность в себе, что попробовала лакомства, которые мы разложили на миниатюрном поле: морковку, пшеничные зерна, колосья ржи. Чтобы узаконить свое право на место, где появлялась пища, хомячиха оставила пахучие метки на камнях и загородке. Таким же способом она объявила своей собственностью и сооружение под землей.

Неделю мы провели без дела, боясь потревожить зверька и давая ему время полностью привыкнуть к новому дому. Затем можно было начинать понемногу подсвечивать нору. Но кто знал, как станет реагировать хомячиха на противоестественное освещение, которое ворвется сбоку в ее подземные покои? Мы попробовали включить слабенький карманный фонарик — и тотчас же зверек исчез в куче сухой травы. Однако, поскольку никаких других неприятностей не последовало, хомячиха вскоре выбралась из своего убежища. Немного света в спальне она уже не воспринимала как опасность. Хомяк ведь не ночной зверь и привычен к дневному свету на поверхности земли. Так день за днем мы все больше освещали внутренность норы, не причиняя особого беспокойство нашей хомячихе. Прошло две недели, и наконец все подземное сооружение — и жилая камера, и кладовая, и коридоры с туалетами — было залито светом ламп мощностью в 8000 ватт. Но теперь возникла новая проблема, которую мы не предусмотрели. Когда лампы горели долго, в квартире за стеклом становилось слишком жарко. Хомячиха забивалась в самый дальний уголок или сбегала от жары наверх. Что было делать? Мне пришла в голову мысль вообще убрать стекло, но тогда зверек мог упасть там, где проходил разрез через нору. К нашему удивлению, оказалось, что хомячиха настолько привыкла к строго определенным движениям, что спокойно трусила по самому краю «пропасти» словно напоказ. Мы едва верили своему счастью. Это «чудо привычки» многому меня научило, и позднее я нередко использовал его в работе с другими животными.

Тем временем, наблюдая за хомяками на воле, мы обнаружили, что самцы начали добиваться благосклонности самок. Для нашего эксперимента доктор Эйбль выделил одного самца. Мы посадили его во владения самки и с трепетом ожидали, как пройдет встреча.

Хомячиха отдыхала в спальне и не подозревала о появлении чужака. Хомяк наверху успел бегло обследовать новую территорию, когда привлекательный запах самки ударил ему в нос. Самец решил, видно, закрепить за собой приятное право первого гостя и оставил повсюду свои пахучие метки. Если бы какой-нибудь соперник отважился явиться сюда, ему пришлось бы считаться с уже объявленной войной. Прodelав все это, самец полез в нору, чтобы встретиться там с дамой сердца. Шипя и кусаясь, она вышвырнула незнакомца прочь. Хотя хомяк-самец значительно сильнее самки, пришелец повел себя «по-джентльменски». Вместо того, чтобы применить силу, он позволил себя выгнать, тут же вернулся, был вторично выстав-

лен за дверь, опять пришел... И так в третий, четвертый, пятый раз... Это продолжалось, пока неприступность самки не была поколеблена. В очередной раз его уже не искушали, а усердно обнюхали. Вопрос, видно, был решен положительно. Хомяку было разрешено сопровождать самку в спальню, где сразу же произошло спаривание. А наша камера не дремала.

Семейная гармония, однако, не продержалась и трех дней. Самца опять начали угощать тумаками и укусами. Инстинкт не позволял ему отплатить той же монетой. Он вынужден был убраться из норы, но и наверху не имел покоя от агрессивной супруги. Эйбль унес его назад в дружественную компанию молодых самцов.

Самец выполнил свою миссию, и его дальнейшее присутствие в норе лишь мешало бы самке, для которой теперь только и начинались бесчисленные хлопоты, причем она ни в чьей помощи не нуждалась. Очень скоро ее охватило необычайное волнение. Из кучи всякого материала для гнезда, которую мы положили наверху, она почти все перетаскала в нору. Чтобы постель для малышей была мягкой, хомячиха разгрызала стебельки на тонкие волокна.

Ровно через три недели после спаривания похожий на мышинный писк возвестил нам о появлении потомства. Мы насчитали семь красновато-розовых, слепых и голых детенышей. Их головы были непомерно большими по сравнению с крошечными тельцами. И хотя малыши были совершенно беспомощными, они уже точно знали, где искать материнское молоко. Мать педантично поддерживала чистоту, неустанно вылизывая их. Все это мы смогли наблюдать и сняли на пленку с близкого расстояния.

Развитие малышей шло сравнительно быстро. Уже спустя неделю они пытались грызть крошечными резцами принесенную матерью пищу. Прошло всего восемь дней, когда на их тельцах появилась нежная шерстка. В возрасте 10 дней, еще слепые, они совершили первую вылазку в кладовую, руководствуясь только чутьем. Хомячихе, кстати, это совсем не понравилось. Всякий раз она в зубах приносила беглецов назад в гнездовую камеру. Напрасный труд! Едва она водворяла на место одного, как удирали два других. Пришлось ей смириться.

Через две недели после рождения малыши открыли глаза. Они уже оделись густой пушистой шерсткой и были совершенно очаровательны. Теперь они провожали мать до ворот дома, а через несколько дней отважились выбраться на волю. На первых порах они были очень робки и — чуть что — скорее спешили назад, словно бы привязанные к норе резиновыми нитями. Отважный выход — и сразу же стремительное бегство. Постепенно пробежки становились все длиннее, пока не достигли границ крошечного поля. В поведении молодых зверьков уживались любопытство и осторожность. В каждую дырку они свали свои носилки, каждый камень был ими обнюхан, каждая веточка попробована на зуб. И вдруг опять паническое бегство в надежную крепость-нору. Так молодые набираются опыта для

дальнейшей жизни все еще под охраной и руководством матери. Уж она-то знает, как держаться подальше от настоящих врагов.

Но детство их коротко. Они вырастают очень быстро, в четырех-шести недель становятся уже самостоятельными и разбредаются кто куда. Каждый подыскивает собственный участок. В возрасте девяти-десяти месяцев молодые достигают половой зрелости. Самки самостоятельно приступают к строительству нового дома, где им предстоит растить малышей, и начинается новый жизненный цикл.

Жизнь выводка

Хорька на воле видели немногие. А ведь он распространен почти по всей Европе и столь обычен у нас, что, к сожалению, ежегодно более 30 000 хорьков погибают в западнях и капканах. Но встретить зверька удастся крайне редко. Хорек может жить совсем рядом, а вы об этом и не будете подозревать. Он устроится где-нибудь под сараем, в заброшенном погребе или в пустотах среди камней замшелой садовой ограды. Это его секрет — как скрываться от непрошенных глаз, словно тебя вообще не существует. Когда исчезает цыпленок или утка не находит своей кладки, вернувшись с кормежки, пропажу обычно относят на счет лисицы, крысы или хищной птицы; обвинить хорька никому и в голову не приходит.

Лишь темной ночью выходит хорек из своего убежища. Несведущий человек даже на только что выпавшем снегу вряд ли узнает его следы. Зверек будет охотиться в непосредственной близости от человеческого жилья, и никто этого не заметит, так как хорек крайне осторожен и нападает бесшумно. Именно поэтому нам с доктором Эйблем хотелось сделать документальный фильм о жизни этого таинственного зверя.

Хорь относится к семейству кунных, но заметно отличается от настоящих кунниц. Он не умеет лазать по деревьям, зато хорошо плавает, имеет тонкое обоняние, а его движения по-змеиному гибки и проворны. Он слышит самый легкий шорох, но видит неважно и не особенно быстро бегаёт. Хорек либо трусит по заинтересовавшему его следу, либо подстерегает добычу, затаившись в подходящем месте. Стремительный прыжок на загривок жертвы — и она уже схвачена, а шейные позвонки прокушены крепкими зубами. Кто жалуется на вред, который хорьки причиняют домашним и диким птицам, разоряя их гнезда, пусть учтет и то, что они страстные охотники на мышей и крыс. В пищу хорькам идут также лягушки, улитки, черви, насекомые и даже змеи. Хорек не отступит и перед гадюкой. Поэтому нам, людям, исходя из собственных же эгоистических интересов, следовало бы считать его скорее полезным животным.

Пока не наступит брачный сезон, хорек живет одиноко. Свой участок он метит, обрызгивая его чрезвычайно пахучим секретом желез, расположенных вокруг анального отверстия. При случае едкая

струйка направляется и в нос врага, что принесло хорьку не очень благозвучное прозвище «воющей куницы».

Пахучие метки препятствуют перенаселению. Ведь если бы в одной местности собралось слишком много соплеменников, им, пожалуй, не хватило бы запасов пищи. Особенно нежелательно присутствие конкурента во время охоты. Вот почему после спаривания один из партнеров обычно исчезает, а подросшие дети уходят. Они устраиваются только там, где еще никто из хорьков не оставил пахучих меток. В поисках свободных земель зверьки часто уходят очень далеко, что способствует расширению области распространения вида. Если же хозяева погибают, то их участки очень скоро занимают новые хорьки, пришедшие со стороны.

Конечно, наблюдать и снимать все важнейшие моменты жизни столь скрытного зверя — задача невероятно трудная. Один только ночной образ жизни ставил перед нами совершенно особую проблему. Но мы вспомнили о ручных хорьках-альбиносах, давно уже выведенных человеком. Их дрессируют для охоты. Такой хорек выгоняет кролика из норы под выстрел или в натянутую у входа сеть. При хорошем уходе они уже в первом поколении становятся совершенно ручными. Конечно, ожидать того же от дикой формы мы не могли, но допускали, что зверьки постепенно утратят свой врожденный страх перед человеком, если будут получать от него пищу и уход.

Доктор Эйбль, с которым мы успели подружиться, также верил в осуществимость нашего плана, тем более что он имел богатый опыт по содержанию диких животных. Итак, фильм о хорьке был решенным делом, но и здесь предстояла долгая подготовительная работа. Мы начали ее, когда еще не был завершен фильм о хомяках. Места в Бульдерне хватало. В одном из тенистых уголков парка под высоким дубом мы и соорудили настоящую нору хорька. Для нее был выбран разлапистый пенёк-выворотень. Его опилили таким образом, чтобы ниша среди корней была доступна оку нашей камеры. Это тяжелое сооружение установили внутри ограды, навелили с трех сторон камней и земли и скрепили все цементом.

Еще осенью Эйблю достали двух хорьков — самца и самку. Нам пришлось держать их по отдельности, так как самка хорька терпит возле себя самца только в период спаривания. Поэтому он у нас получил собственную просторную клетку, а самку мы сразу же посадили в уже подготовленную нору. Оба зверька, сначала очень пугливые, привыкли к новому окружению и присутствию людей быстрее, чем мы ожидали. Самка стала на удивление ручной уже через несколько недель. Она прекрасно чувствовала себя в норе, открытой спереди посторонним взорам, и, как видно, лучшего жилья и не желала.

Однажды профессор Лоренц проходя мимо институтского птичника, услышал испуганное кудахтанье. К его изумлению, из курятника выскользнул хорек, тащивший в зубах только что придушенного петушка. И надо же, дерзкий хищник исчез не в ближайшем лесу, а в норе, которую мы построили! Оказывается, это была наша самка.

Она нашла способ выбраться наружу, но добровольно вернулась обратно. Возможно, она проделывала такой фокус и раньше, и мы постарались, чтобы впредь это не повторялось. Но наша дружба с профессором все же несколько пострадала.

Когда в середине марта пришло время спариваться хорькам, мы выпустили самца во владения самки. Камера стояла наготове, света было достаточно. С не меньшим волнением, чем при первой встрече наших хомяков, мы ожидали развития событий.

Своим чутким носом самец тут же определил, что попал на территорию самки. Не очень громко повторяя «го... го... го...», он сразу заявил о своих дружеских намерениях. Похожим на эти звуки криком матери призывают детенышей. Здесь же, вероятно, это было просьбой об отмене обычной враждебности между соплеменниками. На первых порах самка вела себя неприступно. Правда, до укусов и тумаков с ее стороны дело не дошло. Самец снова произнес «го...го... го...» и попытался заманить самку в ее собственную нору. Некоторое время она еще сопротивлялась, но наконец и сама ответила тихим «го... го... го...». То, что последовало за этим, больше всего походило на грубое насилие. Самец крепко ухватил самку за шиворот и потащил, словно добычу, в нору. Она не сопротивлялась — видно была согласна с таким обращением.

Вместе зверьки прожили недолго и вскоре покончили с семейной жизнью. Самцу, по-видимому, не трудно было бы продлить свое пребывание во владениях самки, так как он был гораздо тяжелее и сильнее ее. Но после спаривания они оба стремились к одиночеству. Оставшись одна, самка могла спокойно заняться своими хлопотами по хозяйству.

Самки, живущие на воле, употребляют в качестве гнездового материала, кроме сена, мха и сухой листвы, еще и перья убитых ими птиц. Нашей самке пришлось обходиться без перинки. Но это ее, очевидно, не удручало. Для потомства, которое должно было появиться на свет, была приготовлена мягкая и удобная колыбель.

Прошло около четырех недель, и в норе закопошились пять симпатичных детенышей. Родились они, покрытые нежной, почти совершенно белой шерсткой, которая спустя три недели стала такой же темной, как и шерсть взрослых зверьков. У материнской груди малыши проявили прямо-таки буйный темперамент: дрались за лучшие места и с силой топтали своими крошечными лапками тело матери.

Перед тем как уйти из норы, самка заботливо укрывала детенышей. Когда мы вынимали сосунков для взвешивания, они отчаянно пищали. Для матери это обычно означает сигнал тревоги, и, где бы ни была, она спешит назад, чтобы с неукротимой яростью броситься на защиту своего потомства. Нам же удалось настолько завоевать доверие самки, что она позволяла забирать и возвращать малышей, как будто это было в порядке вещей.

Нас многое поражало из этого, что довелось запечатлеть на пленке на первых порах. Например, детеныши продолжали сосать мать в возрасте семи недель, хотя уже в три недели начали есть мясо, которое она заботливо разделявала для них. Видеть этого они

однако, не могли, так как до пяти недель оставались слепыми.

Как только хорята открыли глаза, наступило время быстро возраставшей активности: игры и драки в норе, первые вылазки на волю. Еще незрячими детеныши исследовали новый мир.

Они нюхали, копали и скребли землю, пугались жука, шороха листьев и звона церковного колокола. Сопровождать мать в охотничьих походах они еще не пробовали, опасаясь отойти от спасительной норы. Но когда самка возвращалась с удачной охоты, спешили ей навстречу и помогали тащить добычу в нору.

Постепенно молодежь все лучше узнавала ближайшие окрестности, теряла страх перед внешним миром и стремилась все шире раздвинуть его рамки. Матери это не нравилось, так как еще беспомощных детишек подстерегало слишком много врагов. Она хватала беглеца за загривок и относила назад в нору. Малыш не сопротивлялся. Схваченный, он сразу же замирал. Но едва самка отпускала его, он вновь отправлялся в запретное путешествие. При пяти детях самой заботливой мамаше в конце концов надоест бесполезная трата сил, и она предоставит неслухам полную свободу. Правда, в нашем загончике их исследовательская активность имела вполне реальные границы. Но зато как послушны наставлениям своей многострадальной матушки голодные малыши, когда они слышат призывный крик «го... го... го...»!

В возрасте около 10 недель детские забавы становятся серьезнее. Возня сменяется ожесточенными драками. Молодые тренируются на мертвой крысе нападать и справляться с добычей. Мать не показывает малышам, как это следует делать, не учит их преследовать и подстерегать добычу. Молодежь постигает все премудрости на собственном опыте. По мере роста и развития их внутренних органов развиваются и усложняются движения, совершенствуется способность добывать пищу.

Примерно через три месяца семья распадается. Каждый из подросших малышей уходит своей дорогой, подыскивает себе собственный участок и начинает вести самостоятельную жизнь. Для матери это в порядке вещей. Ее инстинкт заботы о потомстве угас.

Закончив работу над фильмом, мы убрали ограду вокруг нашей норы. В первую же ночь исчезли молодые. Они стали самостоятельными и теперь должны были найти укромное местечко. Самка еще не раз возвращалась в знакомое и надежное жилище. Но так как мы больше не снабжали ее мясом и молоком, в один прекрасный день она окончательно предпочла свободу.

Лесные плотники

Когда барабанят дятлы, многие думают, что они заняты строительством дупла или ищут корм. На самом же деле их быстрая ритмичная дробь означает совсем другое. Она служит дятлам для той же цели, что и песни певчим птицам. Издают дробь дятлы с помощью

инструмента, чаще всего им бывает сухой сук. Вот по такому резонирующему устройству и наносятся с чудовищной быстротой удары крепким клювом. Барабанная дробь разносится очень далеко и напоминает автоматную очередь. Такой музыкой дятел-самец мечает свою территорию, держит на расстоянии соперников и призывает самку.

Подберется пара и в конце апреля принимается за постройку дупла. Сначала лесные плотники выдалбливают в стволе приглянувшегося дерева клиновидную щель. Затем, сменяя друг друга, углубляют и расширяют дупло, пока из его отверстия не будут торчать только концы крыльев и хвост мастера. Наступает самый опасный период работы, так как в этом положении врагам легко застать дятла врасплох. Поэтому он ударит клювом шесть-восемь раз подряд, выбросит щепки наружу и обязательно проверит, что делается вокруг. Вскоре дупло становится таким глубоким, что плотника уже не видать. В зависимости от твердости древесины работа заканчивается через 12—20 дней. Строить внутри дупла гнездо не требуется. Ведь выбрасываются грубые щепки, а тонкие древесные волокна и труха остаются. Они и послужат мягкой подстилкой для яиц и птенцов. Дупла больших пестрых дятлов бывают 12—16 сантиметров шириной и 32—40 сантиметров глубиной. Вход в дупло обычно расположен на высоте от двух до шести метров над землей. Готовым жильем не завладеть никому — ни птице, ни зверю, так как кто-нибудь из партнеров почти всегда дома, причем он не усаживается удобно на мягкой подстилке, а с помощью острых когтей и упругого хвоста-опоры висит на стенке.

Дупла дятлов необычайно привлекательны для тех лесных искателей жилья, которые сами ничего подобного делать не умеют. Так что, если законный владелец хотя бы на время покинет свой дом, тут же находится новый квартирант. Свое прошлогоднее дупло дятлы занимают вновь очень редко. Рано или поздно все, что создают с таким трудом и мастерством лесные плотники, переходит к другим животным, которые не в состоянии построить столь удобное жилье сами.

В дуплах дятлов поселяются скворцы, лесные голуби клинтухи, удопы, синицы, мухоловки и даже утки гоголи. В принципе в дупле дятла можно встретить любую гнездящуюся в дуплах птицу. Но только поползень умеет делать так, что ни одна более крупная птица не может отобрать у него то, что сам он позаимствовал у дятла: уменьшает входное отверстие настолько, что сам едва в него протискивается.

Однако в дупла дятлов забираются не только пернатые вороны. Ими интересуются белки, сони-полчки и куницы. Многие обитатели леса остались бы без крова, если бы дятлы не снабжали их жильем.

В Европе водятся восемь видов дятлов, различающихся величиной, окраской и образом жизни. Самые известные из них: большой пестрый дятел, зеленый дятел и черный дятел, или желна. У дятлов много своеобразных, просто уникальных особенностей. Они не только умеют строить дупла, но и пользуются так называемыми «дятло-

выми кузницами» Вот когда можно с уверенностью утверждать, что и птицы применяют орудия труда — в кузнице дятлы вскрывают еловые шишки, а также орехи лещины или бука. У всех дятлов удивительно длинный тонкий язык, приспособленный для добывания насекомых. Но самым привлекательным для меня была скрытая от посторонних глаз жизнь семьи дятлов в дупле. Никто еще не проследил за ней от начала до конца, и тем более никому еще не удавалось провести съемки. Вот почему следующий фильм я мечтал сделать о жизни дятлов.

— То, что вы затеяли,— говорил профессор Лоренц,— вряд ли имеет шансы на успех. Когда вы вскроете гнездовую камеру дятлов, птицы бросят гнездо.

Первый план, на успех которого, впрочем, я и сам не надеялся, состоял в том, чтобы перенести дупло с парой дятлов в киностудию. Однако из дятлов не вышло кинозвезд, какими стали под нашим присмотром белки, хомяки и хорьки, так что пришлось нам работать с вольными птицами, которых надо было перехитрить в их собственных квартирах. Я решил пристроить к дереву с дуплом дятла темную камеру и оттуда освещать прожектором осторожно вскрытое дупло. Только в таком случае мы могли надеяться, что сможем снять неизвестную до сих пор жизнь внутри дупла.

Для осуществления нашего замысла я выбрал дупло большого пестрого дятла. Оно находилось на высоте всего трех метров в стволе дикой вишни толщиной 30 сантиметров. По поведению птиц можно было догадаться, что яйца в гнезде уже отложены, и пройдет еще некоторое время, прежде чем вылупятся птенцы. В первую очередь нам необходимо было спилить дерево примерно в трех метрах выше дупла. Дело в том, что дупло дятла уже занимало почти половину ствола, да нам предстояло снять сзади еще примерно треть. Первый же порыв ветра — и вишня почти наверняка переломится на уровне дупла. К стволу приставили лестницу, наверх забрался лесник, и вскоре вершина с шумом упала на землю. Треск был такой сильный и дерево столь преобразилось, что никто из лесников не верил, что дятлы признают его.

Действительно птицы возбужденно летали вокруг изувеченного дерева. Его и правда было не узнать. Наш эксперимент спасла сила родительского инстинкта. Дятлы не бросили уже насиженную кладку. На день мы оставили их в покое, а затем к стволу приставили две лестницы, и, стоя на них, начали выпиливать заднюю стенку дупла. С крайней осторожностью мы снимали тонкие слои древесины, пока не получился продольный разрез дупла, по форме напоминавший вазу. Отверстие заколотили доской, сделав предварительно с него шаблон, чтобы вырезать по нему стекло. Его вставили на следующий день и прикрыли снаружи корой.

После этого мы отошли метров на пятьдесят и стали следить за тем, что произойдет дальше. Как отнесутся птицы к сужению квартиры и к появлению внутри нее гладкого стекла? Слышно было, как один дятел выстукивал стекло, а другой сердито кричал. Но через

несколько минут оба успокоились. Насиживание продолжалось в обычном ритме.

За ночь метрах в тридцати от дерева с дятлами сколотили вышку, и несколько крепких мужчин принесли ее к дереву. Мы обтянули каркас засидки брезентом и замаскировали зелеными ветками, но переполох в семействе дятлов все-таки произвели. Самка пыталась углубить гнездовую камеру, а самец, по-видимому, больше не желал насиживать. Очевидно, мы слишком грубо вторглись в их жизнь.

Мы предоставили дятлам два дня полного покоя, а когда вернулись, то обнаружили, что птицы перестали насиживать. Мы осторожно извлекли яйца и установили просвечиванием, что они даже не были оплодотворены. Дятлы, видно, сообразили, что с яйцами неблагополучно, и потому прекратили насиживание. Так что нашей вины в этом не было. По моему мнению, дело можно было спасти, если бы удалось «подкинуть» нашим дятлам только что вылупившихся птенцов из другого дупла. Еще загодя мы нашли несколько гнезд больших пестрых дятлов и теперь знали, где уже появились птенцы. Я сумел достать дятленку и подложил его взамен одного мертвого яйца в наше дупло. Дятлы сразу же прилетели, чтобы покормить птенца. Подобный маневр удался во второй и третий раз. Переселение дятлят не мучило мою совесть: у ограбленных родителей осталось еще трое птенцов и в нашем семействе царила полнейшая удовлетворенность. Дятлы усыновили чужих детей словно это само собой разумелось, и вели себя как если бы птенцы вылупились из их собственных яиц. Птицы были так поглощены своими заботами, что позволили нам довести мощность осветителей до 3000 ватт и снять на пленку все детали поведения птенцов в гнезде.

Каждые 3—5 минут появлялась одна из взрослых птиц с пищей в клюве. Головой вниз она спускалась в дупло и прикасалась к валликам в углах рта птенцов. В ответ птенцы широко раскрывали клювики. Из-за того, что пища всегда приносится маленькими порциями, родители вынуждены работать как заведенные. Только за один день мы насчитали 284 кормления.

Развитие молодых дятлов идет очень быстро. В возрасте пяти дней у них начинают расти перья, в семь дней открываются глаза, к тринадцатому дню они по стенке поднимаются к отверстию дупла. С этого времени именно там они принимают от родителей корм. Родители спускаются в дупло лишь затем, чтобы унести капсулы помета: дятлы ревностно следят за чистотой жилья.

Как только птенцы открыли глаза, между ними начались склоки. Каждый пытался привлечь внимание родителя к себе. В борьбе за пищу в ход пускались и клювы. Легкое поскуливание сменилось громким и резким «кикс... кикс... кикс...», уже напоминающим крик взрослых птиц.

Когда дятлы подросли, возникла новая неожиданная трудность. Грязными крыльями птенцы вечно пачкали стекло, и вести съемки скоро стало совершенно невозможно. Так как все они теперь почти по-

стоянно собирались у отверстия дупла, где поджидали родителей с кормом, мы рискнули убирать стекло на время съемок.

Через три недели после вылупления птенцы расправили крылья и выпорхнули из дупла на ближайшие ветви. Еще около двух недель семья держалась вместе, а затем распалась. Сначала исчезли молодые, потом и старые птицы. Каждый выбрал себе собственный участок леса, а дупло перешло во владение других животных.

Тот год изобиловал майскими жуками, которые служили дятлам пищей. Весной и летом дятлы истребляли, кроме того, других жуков, пауков, тлей, мух и бабочек, муравьев и с особой страстью их личинки и куколки. Позже наметился перевес в сторону вегетарианской пищи, прежде всего ягод — черники и брусники. Зимой, когда сильные морозы или снег затрудняют поиски насекомых под корой деревьев, большие пестрые дятлы переходят на семена хвойных деревьев.

Работая над фильмом о жизни дятлов, мы не могли ограничиться одним большим пестрым дятлом, нам надо было показать хотя бы наиболее типичные примеры из жизни других видов, также имеющих свои интересные особенности. Например, зеленый дятел порастил нас тем, что появлялся у входа в дупло, чтобы покормить птенцов, только один раз в час. Очевидно, у него был иной метод выкармливания потомства, и нам хотелось выяснить, какой. Однако после многих неудачных попыток пришлось признать, что зеленый дятел не желает мириться с электрическим освещением в своей квартире. Спасти дело могло только одно — вести съемки в инфракрасном свете. До сих пор еще никто не испробовал этот новый метод, снимая дикую природу. Тем больше оснований для нас было предпринять такую попытку.

Наше положение облегчало то, что мы могли обойтись сравнительно слабым источником инфракрасного излучения; правда, камера и сами мы находились в абсолютной темноте. Лесники нашли очень удобно расположенное дупло зеленого дятла. С противоположной стороны от входа в дупло у ствола с величайшими предосторожностями пристроили палатку. Инфракрасный прожектор был установлен на расстоянии 80 метров. Новая затея оказалась крайне сложным и хлопотным делом. Трудность была в том, что сами мы после того, как вскрыли дупло, почти ничего не видели. Очень медленно наши глаза привыкли к слабому сумеречному свету. Зато чуткие птицы были спокойны. Тайна одного кормления за час скоро была раскрыта.

Позднее, на экране, мы увидели все куда яснее, чем собственными глазами в нескольких сантиметрах от птиц. Зеленый дятел кормит птенцов, отрывая им собранную пищу порциями из зоба. Вот почему отсутствуя дольше, он приносит вполне достаточно, чтобы по крайней мере раз в час досыта накормить всех птенцов.

Еще труднее нам пришлось следующей весной, когда мы приступили к съемкам у дупла черного дятла. Оно находилось на двадцатиметровой высоте в стволе столетнего бука. Доставить к подножию великана закрытую кабину для людей и несколько центнеров

различного оборудования и поднять все наверх было нелегкой задачей

Черный дятел — самый крупный из всех дятлов, его вес колеблется от 290 до 315 граммов. Соответственно и дупло ему требуется большее и строит он его в более мощных деревьях. Чтобы вскрыть такое дупло уже испытанным методом, нам пришлось затратить втрое больше времени, чем на вскрытие дупла большого пестрого или зеленого дятла. А ведь мы в этот раз использовали электрический бур, на что дятел ответил раскатистой барабанной дробью.

Наконец долгие часы напряженной работы и постоянного ожидания срыва остались позади. Впервые глаза человека заглянули в детскую черную дыню. Кинокамера и микрофон были рядом. Нам даже удалось приучить пугливых птиц к необходимому для съемок искусственному освещению. Пожалуй, это был самый смелый наш эксперимент, и он удался!

Дятел-родитель спускается в глубокую шахту дупла головой вниз и сразу же отгрызает часть принесенной пищи из зоба в клюв. Затем прикасается комочком пищи к уголкам рта птенца. Лишь после раздражения этих чувствительных мест дятля вытягивают вверх шейки, жадно хватают корм. При этом клюв взрослой птицы чуть не до темени исчезает в глотке птенца, заталкивая корм как можно глубже. Каждый птенец за одно посещение родителей получает три порции. То, что остается, взрослая птица снова проглатывает. После каждого кормления один из родителей в течение 30–50 минут обогревает птенцов. Если другой возвращается с кормом, когда первая птица еще возится с птенцами, то он заявляет о себе постукиванием по стволу снаружи, на что следует ответ изнутри. И происходит смена.

Никто еще не видел, как дятел своим длинным языком ловит насекомых в прогрызенных ими ходах под корой дерева. Имея дело с вольными птицами, это и невозможно увидеть. Поэтому мы вырастили в вольере трех птенцов зеленого и двух птенцов большого пестрого дятлов. Ежедневное общение с людьми сделало их совершенно ручными. Мы могли прямо у них перед носом возиться с кинокамерой, причем ни ее стрекотание, ни сильные лампы не беспокоили наших пернатых друзей. Мы натащили птицам толстых, уже подгнивших сучьев, в которых насекомые и их личинки высверлили множество ходов. Дятлы выстукивали ветки со всех сторон, проделывали отверстия, вскрывая ход, запускали туда свои клейкие языки и вытаскивали насекомых. Чтобы проследить весь этот процесс, мы распилили ветки вдоль, а срезы покрыли стеклом. Теперь было ясно видно, как от отверстия по ходу протискивался язык дятла длиной до 20 сантиметров. Он напоминал червяка, только двигался быстрее, скользя по извилистым коридорам в древесине. Мелкие насекомые или личинки прилипали к нему, тогда дятел быстро вытаскивал язык и съедал добычу.

Клейким языком ловят насекомых только зеленый и седой дятлы. Пестрый и черный имеют так называемый язык-гарпун. Он не столь длинен как липкий язык их родственников, зато его ороговевший кончик покрыт острыми зубцами. В глубоком коридоре под корой

дятел пронзает им личинок жуков или других насекомых. Зубчики не дают добыче соскользнуть с языка, и таким образом она попадает в клюв дятла.

Чудеса в аквариуме

Когда Институт физиологии поведения переехал из Бульдерна в Зеевизен у Штарнберга, мне довелось вместе с этологами Джоном Бурхардом и Вольфгангом Виклером запечатлеть на кинолентку особенности поведения двух очень интересных видов рыб из семейства цихлидовых, или хромисов. Аквариум позволяет настолько точно имитировать естественные условия, что рыбы ведут себя в нем совершенно так же, как если бы они жили на свободе. Такой возможностью ученые не пренебрегали уже на самой заре этологии. Изучение аквариумных рыб привело к открытию крайне интересных инстинктивных форм поведения. Инстинктами, к примеру, определяются манеры соперников во время драки, поведение партнеров при спаривании и заботах о потомстве. Цихлидовые (Cichlidae) — самые удивительные из пресноводных рыб. Родина их — Африка, где в реках и озерах встречается невероятная мешанина из множества видов этого семейства.

Нашим первым объектом стал *Aemichromis fasciatus* родом из лагун на побережьях Нигерии. Для этой небольшой рыбки характерны сложные формы группового поведения. В сезон размножения брачные партнеры научаются различать друг друга «в лицо», владеют сообща территорией, откуда изгоняют всех соперников. Вместе они подыскивают место для откладывания икры, вместе ухаживают за кладкой и потом вместе выгуливают свое большое семейство, пока молодые не станут вполне самостоятельными и не отправятся на поиски собственных владений.

С целью изучить агрессивное поведение *Aemichromis fasciatus* двух самцов поместили в просторный аквариум (1 метр длиной, 70 сантиметров высотой и 30 сантиметров шириной). Посередине «водоем» разделили черным стеклом. Таким образом, каждый самец, освоившись на своей половине аквариума, не подозревал о существовании соседа за стенкой. Приучить рыб к яркому свету и теплу от прожектора не составило особого труда. Ведь они живут в тропической Африке, где гладь водоемов освещает палящее солнце. Через неделю мы убрали разделяющую самцов стенку и в первые же минуты стали очевидцами территориальных столкновений. Как бойцовые петухи, рыбки бросились навстречу друг другу. Демонстративно развернув спинные плавники, остановились нос к носу, переливаясь всеми цветами радуги и пытаясь нанести сопернику удар за ударом хвостом. Цель, видно, была продемонстрировать противнику свою силу, ибо от взмаха хвостом возникала всего лишь ударная волна. Рыбка-хозяйин становилась тем агрессивнее, чем ближе к центру ее территории проникал сосед. Обычно там располагается кладка, сох

ранить которую надо любой ценой. Но, с другой стороны, чем дальше самец заплывал на чужую территорию, тем скорее он был готов отступить. Это чередование смелой атаки и решительного отпора служит для выяснения границы между владениями. Вскоре оба знали, как далеко каждый из них может сунуться, не вызывая ответного нападения. Вот таким образом в конце концов и установилась граница. Отныне ее контролировали лишь от случая к случаю, заплывая за незримую преграду на различной глубине. При этом для предостережения соседа было достаточно одного лишь разворачивания спинного плавника без перехода к решительным действиям.

Брачные партнеры у хромисов ко времени нереста окрашены по-разному. Более темный самец сначала пытается очаровать самку, плавая перед ней и легко ударяя хвостом. Если она неприступна и избегает поклонника, может случиться, что самец нападет на партнершу, тараня ее сбоку. В период «сватовства» рыбки усиленно интересуются камнями на дне. Здесь активная роль принадлежит самцу. Он начинает усердно чистить камень, который кажется ему подходящим для откладывания икры, а также выкапывает на дне ямку, где потом будет обитать потомство. Все эти приготовления входят в ритуал брачного поведения — пока самец копает, самка начинает возиться с камнем.

Чтобы не пропустить решающего момента, мы держали кинокамеру наготове круглые сутки. На третий день наше терпение было вознаграждено. Самка выпустила яйцеклад над камнем и, медленно покачивая плавниками, начала откладывать икру. Самец, весь внимание, был рядом. Он подплывал после появления 8—10 икринок, чтобы оплодотворить их. Удивительная при этом была смена его окраски. Вначале он сохранял свой темный наряд, но к концу нереста стал похож на самку, что по цвету их уже нельзя было различить.

Теперь начались совместные хлопоты семейной пары по выращиванию потомства. Неустанно овеивая кладку, они создавали приток кислорода к икринкам. Незадолго до вылупления личинок родители по одной перенесли икринки с камня в ямку, которую выкопали еще во время брачных игр неподалеку от места нереста. Спустя два дня из гнезда одна за другой начали выплывать крошечные рыбки. Заботливые родители хватали беглянок в рот и относили назад в детскую. Но вскоре это занятие стало напрасной тратой сил. Все больше малышей рвалось на свободу, и родители уплыли от гнезда, окруженные толпой мальков.

По тому, как хромисы заботятся о потомстве, их делят на две группы. К первой относятся виды, откладывающие икру на дно, такие, как наш *Hemichromis fasciatus*. Представители другой группы вынашивают икру во рту. Бывает проходят недели ожидания, прежде чем пара приступит к исполнению своих необычных родительских обязанностей. И, как назло, порой это случается, когда у кинокамеры никого нет. Две недели изо дня в день мы проверяли готовность к нересту у *Haplochromis burtoni*, представителя хромисов, вынашивающих икру во рту. Мы то ставили стекло в аквариум, то убирали его, но, видно, было еще рано. Ни самец, ни сам-

ка не проявляли интереса друг к другу. Наконец самец начал приготовления к брачной церемонии. Он выкопал ртом углубление в песке и выбрал оттуда все камешки. Самка — она несколько мельче и тусклее самца — заинтересовалась работой пестро разодетого жениха, и тогда мы вновь убрали разделительную стенку. Теперь все пошло как по писаному. С помощью кинокамеры мы смогли в деталях проследить чудо размножения этой удивительной рыбки.

Подготовкой нерестовой ямки всегда больше занимается самец. Самка лишь немного помогает ему. Чем больше становится плоское углубление на дне, тем более страстно ведет себя самец. Он кружит, трепещет плавниками, вокруг самки, демонстрируя ей свое «брачное свидетельство». Изгибаясь всем телом, разворачивает перед подругой свой анальный плавник, рисунок которого напоминает икринки. Роль этого рисунка у *Naplochomis burtoni* состоит в стимуляции самки к откладыванию икры; он также, как ни странно, способствует оплодотворению кладки. Это уникальное в мире животных явление мы видели собственными глазами.

После того как самцу удастся заманить самку к нерестовой ямке, она откладывает там порцию икринок, стоя наклонно к поверхности дна и изогнувшись. Однако, прежде чем самец успеет подплыть и оплодотворить икру, самка быстро хватается всю кладу в рот. Выглядит это так, словно она собирается проглотить ее. Самец тут же укладывается в ямку и выпускает семя на уже пустое место. Во время этого, казалось бы бесполезного, акта самец «растопачивает» анальный плавник по дну — так, чтобы особенно четко был виден рисунок фальшивых икринок. Обманутая эти зрелищем самка решает, что она забыла в яме несколько икринок, и пытается подобрать их теперь. А так как самец в то же мгновение выпускает сперму, то в результате часть икринок, находящихся во рту у самки, оказывается оплодотворенной. Процесс этот повторяется много раз, так как самка откладывает икру несколькими порциями. *Naplochomis burtoni* отчетливо демонстрирует инстинктивные формы поведения, управляемые так называемыми сигнальными (ключевыми) раздражителями. Мы выяснили, что один и тот же раздражитель, а именно рисунок-приманка на анальном плавнике, имитирующий икринки, побуждает партнершу, во-первых, отложить икру в нерестовую ямку и, во-вторых, попытаться забрать в рот и «нарисованные» икринки. Обман идет на пользу, поскольку в рот самки попадают сперматозоиды и оплодотворяют находящиеся там икринки.

Через несколько дней мальки вылупляются из яйцевых оболочек, но продолжают оставаться во рту у матери, пока не исчерпают весь запас желтка. Примерно через 10 дней они впервые выплывают на волю. Но как только вблизи покажется какая-нибудь хищная рыба, мальки стремительно кидаются к матери, и та опять поспешно забирает малышей в рот. Ночь они также проводят в своей необычной колыбели. Так проходит неделя. Теперь 50 или 100 малы-

шей подросли. Они навсегда покидают спасительный рот, где появились на свет. Семья распадается. Считают, что из всего выводка до половой зрелости доживает в среднем не более одной рыбки.

В деревне белых аистов

«Вымирают аисты» — все чаще с глубоким огорчением слышим мы эти слова. Правда, в ФРГ сохранилось еще почти 5000 пар, в Испании — до 25 000, а всего по Европе — что-то около 90 000 пар. Но в некоторых странах, где раньше аисты были очень распространены, теперь они совершенно исчезли. Осушение прудов, болот и сырых лугов лишило их мест для поисков корма. Ведь излюбленная пища аистов — лягушки, тритоны, рыба, змеи и прочая живность, процветающая в сырости. Кроме того, надо полагать, что во время ежегодных перелетов в Южную Африку множество птиц становятся жертвами хищных животных и местного населения.

Раньше белый аист, так же как и его пугливый кузен, черный аист, был жителем лесов. В то время как белый аист превратился в так называемый синантропный вид, черный по-прежнему избегает близости человека. Он может жить лишь в не тронутых цивилизацией местах и поэтому стал в Центральной Европе большой редкостью. Совсем иное — белый аист, который переселился с вершин деревьев на крыши домов почти две тысячи лет назад. Аисты предпочитают соломенные крыши крестьянских домов, однако, если место издавна их привлекало, поселяются и на черепичных крышах, и на бетонных дымовых трубах, и на телеграфных столбах, и даже порой на высоченной фабричной трубе. Поблизости может быть очень шумно — люди, нередко оживленное уличное движение, — но птицы на опыте убедились, что никто не причиняет им зла. Наоборот, любой хозяин обрадуется, если у него на крыше загнездится аист. Поэтому многие укрепляют на коньке крыши старое тележное или автомобильное колесо, на котором аисту легче начинать постройку гнезда, и птицы зачастую выбирают именно такую крышу. В Фрисландии, в Шлезвиг-Гольштейн и Нижней Саксонии, в бывшей Восточной Пруссии и в некоторых районах Австрии есть настоящие «аистовы» деревни, где гнездо этой птицы украшает крышу каждого третьего-четвертого дома.

Поведение аистов наблюдали и изучали уже больше сотни лет и все же некоторые его особенности нуждались в объяснении. Поэтому в программу моих работ был включен и фильм об аистах. С Георгом Шимански мы объехали много «аистовых» деревень и в конце концов решили снимать фильм в Бергенхузене (Шлезвиг-Гольштейн), очаровательной деревушке старого стиля, расположенной среди излучин рек Эйдер, Зорга и Трене. Почти все дома здесь крыты камышом, и чуть не на каждом размещалось гнездо аиста. Мы приехали в Бергенхузен в середине марта. Аистов можно было ждать лишь в начале апреля, так что у нас хватало времени осмотреться и выбрать

место для съемок. Гнезда находились на высоте 8—10 метров от земли. Чтобы видеть, что делается внутри гнезда, нужна была вышка высотой метров четырнадцать, причем достаточно устойчивая, чтобы при частых здесь сильных ветрах камера не качалась в горизонтальной плоскости. Для этой цели мы запаслись стальным свинчивающимися трубами, какие сейчас применяют при сооружении строительных лесов. Такая конструкция давала киновышке необходимую прочность и имела еще то преимущество, что при смене места ее можно было сравнительно быстро разобрать и снова смонтировать.

И вот в начале апреля с юга показалась первая группа аистов. Они пролетели над лугами и, не спускаясь, начали кружить над деревушкой. Удостоверившись в том, что это действительно их родные места, птицы спустились к крышам и стали выбирать подходящие гнезда. Кольцевание показало, что верность дому распространяется у аистов лишь на определенную деревню или группу рядом расположенных крестьянских дворов. Кто прибыл первым, имеет свободный выбор среди еще пустых гнезд.

Первыми обычно появляются самцы. Вскоре свободных гнезд на крышах Бергенхузена не осталось. В каждом стоял аист, копаясь в хворосте и начав уже в одиночку устранять зимние повреждения. Когда наконец в небе закружились три аистихи, самцы, треща клювами, устроили громкий приветственный концерт. Помимо самой музыки определенное значение имеет и положение клюва. Готовый к борьбе аист, встречая врага или конкурента, поднимает щелкающий клюв вверх. Сейчас же речь шла о сватовстве и демонстрации мирных намерений, так что самцы опустили клювы вниз.

Считалось, что пара аистов сохраняет верность друг другу на протяжении всей жизни. Однако кольцевание множества пар показало совсем иное. Во время перелета на юг супружеские пары распадаются. Когда следующей весной аисты возвращаются назад, может статься, что те же самые птицы и встретятся вновь. Но это скорее случайность. Мы видели, что самки кружились недолго и быстро сделали каждая свой выбор. Подругу встречали радостным треском клюва и частыми поклонами. Аистиха отвечала тем же, и во время трескучего дуэта обе птицы касались клювами гнезда. Очевидно, такова демонстрация готовности птиц приступить к заботам о продолжении рода.

На следующий день они уже носили палки, сучья и колючие ветки и укрепляли ими гнездо. Внутренность гнезда они устлали травой с луга, соломой с ближайшего скотного двора и прошлогодним сеном. Мы даже видели аиста с тряпкой в клюве, а один подобрал где-то газету. Домашние хозяйки жаловались, что иногда с веревки пропадает белье. Возможно, это тоже проделки аистов. Стащив бельишко, они используют его на подстилку в гнезде. Постоянно надстраиваемое гнездо может достигать двух метров в высоту и более полутора метров в ширину и весить до 20 центнеров. Нередко хозяевам приходится подпирать крышу дома, чтобы та не обвалилась.

Когда одна из птиц улетала, вторая всегда оставалась в гнезде.

Это было крайне необходимо, так как с юга прибывали запоздавшие, главным образом молодые самцы. Но все гнезда были уже заняты, и все самки уже нашли себе пару. Пришельцы пытались захватить гнездо, да и аистиху в придачу. Однако пары держались крепко. Любой их находившихся в гнезде партнеров, он или она, защищал его с отчаянной решимостью. Похожий на копьё клюв обращался против захватчика, и птица била им в грудь врага, если тот, несмотря на угрожающие жесты, продолжал оставаться у гнезда. Громким щелканьем на помощь призывался партнер. Тот обычно находился в пределах слышимости и тут же прилетал. Все нападения «аистов-налетчиков», которые мы смогли наблюдать и заснять, были отбиты совместными усилиями супружеской пары.

Нам улыбнулось счастье, когда как раз у ближайшего к нашей кинокамере гнезда разыгралась битва между двумя аистами-налетчиками и его хозяевами. Такие сражения редко, но наблюдали и до нас, но никому еще не удавалось снять их на пленку. Как ни странно, нападающей стороной была тоже пара аистов, решившая выгнать владельцев приглянувшегося им гнезда и захватить его. Сначала гнездо обороняла лишь одна самка, и мы было решили, что победа захватчиков будет легкой. Но они встретили ожесточенный отпор. На громкий возбужденный треск примчался самец. Через видоискатель камеры мы смогли в деталях наблюдать технику боя. Это была борьба и бой на копьях одновременно. Поскольку пришельцы неизменно возвращались к гнезду, в ход были пущены острые клювы. Но когда нападающие укрепились на краю гнезда и для сражения клювами стало слишком тесно, противники изменили тактику. Крепко упершись ногами в хворост, выпятив грудь и расправив крылья, они пытались столкнуть соперника с гнезда. Порой казалось, что победа будет на стороне нападающих. Настоятельная необходимость в гнезде, видно, придавала им сил. Но и защитники не желали потерять гнездо, а с ним и надежду обзавестись потомством. Особенно ожесточенно дрались самцы, хотя и супруги хорошо им помогали. В какой-то момент все четыре птицы столкнулись одновременно на плоском гнезде, и две из них свалились с крыши, но тут же взлетели и продолжали схватку в воздухе. Сражение длилось с короткими передышками уже больше часа. Наконец, владельцам гнезда удалось внезапной дружной атакой окончательно изгнать агрессоров с крыши. Тем ничего не оставалось, как срочно позаботиться о строительстве собственного гнезда.

Нас удивило, что после такой ожесточенной борьбы ни один из аистов, похоже, не был серьезно ранен. Правда, мы видели на белом оперении кровавые пятна, но даже побежденная пара улетела вполне бодро. Надо думать, что эти крупные птицы совсем не стремятся убить соперника. Пуская в ход свои клювы-копья, они хотят лишь добиться, чтобы слабейший убрался прочь. В тех редких случаях, когда стычка все же кончается тяжелыми или даже смертельными ранами, это происходит против воли природы и самого победителя. Подобное можно наблюдать и у многих других животных, которые дерутся за самку, территорию или жилье. Драка

всегда имеет целью изгнать соперника, и когда тот отступает, ссора обыкновенно сразу кончается.

Яйца аистов белые, весом около 100 граммов. Число их в кладке зависит от кормовых условий года. Как правило, их бывает четыре. При очень благоприятных обстоятельствах их может быть шесть, в голодные годы — всего одно. Насиживают попеременно оба родителя, пока на 33-й или 34-й день не вылупятся птенцы. Их вес достигает 70—77 граммов. Стремление трещать клювом у аистов врожденное. Еще совсем маленькие птенцы закидывают головы на спину и пытаются издать треск. Конечно, им это не удастся — не хватает силенок, да и нижняя половинка клюва еще короче верхней.

Выкармливают и воспитывают потомство также оба родителя. Они обогревают птенцов и загораживают их от солнца, кормят и защищают их. В течение первых недель в гнезде или около него всегда остается одна из взрослых птиц. Пролетит ли слишком близко от гнезда чужой аист, появится ли хищная птица или будет угрожать какая-либо иная опасность, родитель принимает на гнезде оборонительную позу: выпрямляется, опускает вниз развернутые крылья и надувает горловой мешок. Это положение птица принимает и тогда, когда приближается собственный партнер. Тем не менее супруги, очевидно, умеют как-то узнавать друг друга, хотя все аисты очень похожи.

Обычно родители приносят пищу не в клюве, а собирают ее в горловой мешок. Потом они ее отгрыбают, причем прямо в гнездо, а не сразу в клювы или глотки птенцов. Вывалит родитель кучу личинок, червей, улиток, ящериц и мелкой рыбешки, и птенцы должны сами решить, что из этого им съесть. Остатки пищи родители опять проглатывают, чтобы в гнезде было чисто, да и запас пригодится, когда спустя полчаса птенцы вновь потребуют еды. Тогда тот из родителей, который остался в гнезде, вновь отгрыбает порцию корма. Понятно, что в первое время птенцы не получают ни мышей, ни змей, проглотить которых еще не в состоянии. Им предлагают лишь мелкую или уже разделанную добычу. Впрочем, сразу после вылупления птенцы еще не способны отличить пищу от сестер и братьев. Кто первый выбрался из яйца, очень скоро пытается своим слабым клювом долбить вылупившегося позже. Родители стараются следить, чтобы этого не случилось.

Если принесенной пищи не хватает, среди птенцов начинает действовать закон сильнейшего. Природа не знает жалости к слабым. Кто недостаточно активен в борьбе за корм, вынужден голодать, начинает худеть и погибает.

Однажды нам удалось увековечить, как пьют молодые аисты. Обычная пища птенцов содержит достаточно влаги, так что питье необходимо им, очевидно, только в особенно жаркие и сухие летние дни, как в тот раз. Мы видели, что аистята судорожно дышат, широко раскрыв клювы, чтобы хоть немного охладиться. Повинуясь внезапному импульсу, несущая вахту самка полетела на луг и опустила возле не совсем еще пересохшей канавы. Она вернулась очень быстро, и птенцы, казалось, точно знали — с чем. Вместо

того чтобы, как обычно в ожидании корма, опустить клювы вниз они подняли их вверх, словно кубки. И действительно, мать принесла так много воды в горловом мешке, что каждый птенец не раз получил оттуда струю живительной влаги. Ни одна птица не поит своих птенцов*. Правда, и у аистов это случается крайне редко.

В то время как Георг не спускал глаз с «нашего» гнезда, я попытался со второй камерой подловить аистов на лугу за охотой. Как аисты ловят лягушек, мышей, даже крыс и гадюк — это я снял еще в первые недели нашей работы. Снял я и то, как сметливые птицы используют для поиска добычи вспашку или сенокос. Но нельзя было умолчать о теневых сторонах охотничьей деятельности аистов, а именно о разорении ими птичьих гнезд. Для всех видов, гнездящихся в лугах на земле, появление аиста грозит страшной бедой. Тут не помогут тревожные крики родителей, как эстафета передающиеся по лугу от края до края. Если птенцы недостаточно подросли, чтобы быстро спрятаться, аист разделается с ними.

Иногда обмануть зарвавшегося охотника удастся чибису. Он умеет мастерски отводить от своих малышей всех врагов — и ворон, и лисицу, и ласку. Когда пикирующий полет и ложные выпады не имеют успеха, чибис опускается прямо перед аистом. Я видел совершенно отчетливо и смог заснять, как однажды чибис с жалобным криком распростер свои крылья. Он притворился больным: хотел раздражить аиста, вызвать преследование на себя и отвлечь его от поисков гнезда. Сначала аист не попался на удочку и почти вплотную подошел к маленьким чибисяткам, которые в страхе прижались к земле. Тогда старый чибис перешел к прямому нападению и так энергично докучал аисту своими бросками, что тому пришлось-таки обратить на него внимание. В результате он забыл о птенцах и в конце концов улетел прочь.

Между тем аистята в нашем гнезде подрастали. В возрасте 55—63 дней они оперились и начали днем покидать гнездо. В течение последующих двух-трех недель родители еще кормили их, но молодые и сами вскоре начали заботиться о своем пропитании.

Доброжелательно настроенные жители Бергенхузена рассказали нам, что аисты всегда точно соблюдают временной график: 26 августа они должны отправиться в путь, в Африку. Уже за неделю до этого срока мы были настороже, чтобы не пропустить зрелище отлета. Но разыгралась непогода, и мы никак не могла снять кружащих в серых тучах аистов.

Без кадров отлета аистов в теплые края фильм об их жизни был бы незавершенным. Все же счастье не изменило нам, и однажды утром, когда вновь засверкало солнце и только легкие облака белели на синем небе, мы увидели наших аистов, круживших в вышине,

* За последние годы накопились сведения о том, что птенцов в жару поят многие птицы. Регулярно это делают рябки (саджа, например). Правда, они, видимо, приносят воду на оперении, и птенцы сосут мокрые перья родителей.

причем ряды их пополнились. В невероятной спешке мы собрали необходимую киноаппаратуру, сложили ее на две телеги и выехали на луга. С помощью телеобъективов нам удалось отчетливо проследить весь волнующий процесс сборов и отлета. Первыми в дальний путь пустились молодые аисты, сопровождаемые напутственной трескотней взрослых птиц. Потом тронулись и те, и 30 гнезд Бергенхузена надолго опустели.

По королевскому заданию

В 1958 году в Брюсселе должна была проходить Всемирная выставка. Чтобы такая выставка заинтересовала всех и привлекла миллионы посетителей, даже великим державам нужно было приложить серьезные усилия. Для маленькой Бельгии, устроительницы выставки, представить как можно больше интересных и разнообразных экспонатов было делом чести. Приготовления начались еще за четыре года. Делами выставки чрезвычайно энергично занимался король Леопольд III. К тому времени он уже не был главой государства, так как в 1951 году отрекся от престола в пользу своего сына, ныне правящего короля Бодуэна. Леопольд III давно занимала проблема охраны диких животных. Он и сам не раз отправлялся с экспедициями в дальние страны, которых еще не коснулась цивилизация. К выставке король Леопольд задумал подготовить фильм, который показал бы людей, животных и природу в первозданном виде. Ведь недалеко то время, когда прогрессирующее освоение диких земель приведет к исчезновению нетронутых первобытных ландшафтов и их обитателей. Сохранить их для будущих поколений нужно хотя бы в кадрах и звуках подробных кинодокументов. Да и для посетителей Всемирной выставки это было бы, конечно, интересное зрелище.

При выборе места съемок в первую очередь напрашивалась мысль о Конго. Огромная страна в сердце Африки была тогда еще бельгийской колонией. Однако все знали, что неотвратимо близился конец колониальному владычеству. Бельгийскому Конго тоже рано или поздно предстояло стать самостоятельным государством. Поэтому теперь, по мнению короля Леопольда, был, пожалуй, последний подходящий случай создать кинофильм, пользуясь помощью бельгийской администрации. Да и влияние короля пока еще многому могло помочь.

Фильм должен был показать образ жизни и обычаи различных племен и народностей, населяющих девственный лес, но главной его задачей было запечатлеть на экране редких, таинственных и еще никогда не снимавшихся тропических лесных животных.

Король Леопольд приказал доставить в замок Лекен под Брюсселем все фильмы о животных, какие удалось бы достать, чтобы в обществе экспертов просмотреть и оценить их. Как понял автор тему? Какое идейное содержание вложил он в фильм? Когда королевской

семье показывали фильм «Живая пустыня», прекрасный образец продукции Уолта Диснея, среди гостей Леопольда III находился и мой друг, доктор Эрнст Шефер, прославившийся экспедициями в Тибет и фильмом «Тайны Тибета». После войны Шефер возглавил научно-исследовательский институт Ранчо Гранде в Венесуэле, и сейчас был приглашен в Бельгию в качестве научного консультанта. Он всячески поддерживал идею создания фильма о Конго. Особый интерес короля Леопольда и Шефера вызвал стиль Диснея. Фильм «Живая пустыня» имел большой успех во всем мире, но только у широкой публики. Специалисты не разделяли этих восторгов. Дисней пытался объяснить поведение животных, наделяя их человеческими чувствами и разумом. Музыкальное сопровождение фильма способствовало навязыванию иллюзий: скорпионы танцуют в такт музыки, горные бараны сталкиваются рогами в драке под гром литавр. Это больше походило на представление в варьете, чем на события, происходящие в природе. Для фильма, о котором мечтал король Леопольд, такой стиль не мог служить образцом. Эту точку зрения и высказал Шефер:

— Я рекомендую Вашему Величеству работы Хайнца Зильмана. Его фильмы о поведении животных одобрены учеными, но пользуются успехом и у широкой публики.

Так я получил от Леопольда III приглашение прибыть в Лекен, захватив по возможности все снятые мною фильмы. В брюссельском аэропорту меня встретил Шефер. Однако до 11 часов вечера нам пришлось дожидаться возвращения короля и его супруги из заграничной поездки. Только тогда мы направились к роскошно накрытому столу, а просмотр начался далеко за полночь. На нем присутствовал и молодой, правящий король, а также принц Альберт, второй сын Леопольда. Интерес моих хозяев был так велик, что они настояли на просмотре всех 10 фильмов, которые я привез. Когда просмотр кончился, великолепный парк вокруг замка уже заливали лучи солнца.

— Прошу Вас остаться на пару дней,— сказал мне король Леопольд.— Нам надо еще многое обсудить.

В течение последующих дней проект, существовавший до того лишь в самых общих чертах, превратился в конкретный план. В районе вулканов Вирунга и ледника Рувензори предстояло снять полнометражный фильм о жизни саванн и девственных лесов Конго. Древние, но до сих пор живые ритуалы туземцев, первозданная красота ландшафтов и особенно поведение животных — все это еще не было доступно широкой публике и должно было стать объектом нашего внимания. Для меня же это означало исполнение давней мечты. Африка — заветная страна для каждого любителя животных, тем более для кинооператора-анималиста. Там живут самые крупные в мире сухопутные млекопитающие, самые крупные человекообразные обезьяны, ослепительно разнообразие птиц. Прямо по берегам реки Конго и ее притоков в таинственном сумраке сказывается множество неведомого зверья.

За приготовления взялись сразу же. Мы с Шефером должны были

набросать сценарий фильма, наладить контакты с учеными, колониальными властями и частными лицами, которые, хорошо зная местные условия, могли бы дать полезные советы. Нам же предстояло выбрать место штаб-квартиры, решить проблему транспорта и снабжения, раздобыть помощников среди местных жителей, а также многое, многое другое. Вскоре подошло время набирать команду кино- и звукооператоров, ассистентов. Это была очень ответственная задача.

Король Леопольд, официальный глава всего предприятия, настаивал на том, чтобы фильм был изготовлен по новому тогда широкоэкранному методу, который давал возможность обыгрывать пространство и показать великолепные панорамы ландшафтов. Чего еще могла желать публика? Вздвигающиеся к небесам вулканы и снежные горы, которыми можно поразить зрителя, при этом методе съемки произвели бы особенно большое впечатление. Но поскольку ядро фильма должны были составить съемки животных и их поведения, я понимал, что меня ожидают большие трудности. При этом методе я не мог применить, как всегда, телеобъективы с фокусным расстоянием до 620 миллиметров. В лучшем случае пришлось бы довольствоваться линзами с фокусным расстоянием 200 миллиметров. Однако все мои возражения были отклонены, победило величественное действие панорамы. Шеферу было поручено управление всем предприятием, а на меня возложили руководство киносъемочными работами, и прежде всего всем, что касалось съемок животных. Поскольку фильм готовился для всемирной выставки, король Леопольд хотел, чтобы в нем приняли участие самые лучшие силы. Мысль, конечно, очень хорошая. Но я боялся, что кинооператоры, пусть и с мировым именем, провалят дело. У людей, которые никогда не снимали «мелькающих кинозвезд» в естественных условиях, могло просто не хватить необходимого для этого терпения. Ведь я уже был знаком с тем, что операторы, устав от многочасового безрезультатного ожидания, засыпали у кинокамеры. А пока они дремали, четвероногие артисты, как потом удавалось установить по следам на земле, бесшумно ходили у них под носом.

Эти соображения я высказал королю Леопольду, и, на мое счастье, он дал согласие, чтобы я сам набирал себе помощников. В первую очередь я пригласил Георга Шимански, с которым неоднократно сотрудничал. Серьезная проблема вставала и передо мной: ведь я все еще продолжал оставаться сотрудником Института научных и учебных фильмов. Попечительский совет Института проявил глубокое понимание, предоставив мне отпуск на время работы над фильмом о Конго, которая, кстати, растянулась на два года. Мою работу оплачивала фирма, выпускавшая фильм. Но в преподнесенном мне кубке была и капля горечи. Речь шла о завершении моего биологического образования. В течение зимних месяцев я занимался в Мюнхенском университете и прошел курс пяти семестров и два больших практикума. Но работа над фильмом оставила крест на моих надеждах получить диплом ученого: вернувшись из Африки, я

бы уже не смог наверстать упущенное. Оставалось утешать себя мыслью что и без ученого звания я смогу успешно снимать животных

Лагерь в девственном лесу

Когда передовой отряд нашей киноэкспедиции вышел из самолета в Стэнливиле*, там было жарко и влажно, как в прачечной. Термометр показывал 35° С в тени. Зато в отеле «Вагения» нас встретили живительная прохлада, приветливый персонал и комфорт. Бельгийские власти изо всех сил старались помочь нашим далеко идущим планам. В первую очередь нужно было выбрать из нескольких предварительно разведанных мест одно, чтобы устроить там постоянный базовый лагерь. Для этого предстояло проехать из Стэнливиля через девственные леса к озеру Киву. На берегах сказочно прекрасного сверкающего озера раскинулся городок Букаву. Этот маленький современный город был не только административным центром, но и райским уголком для отдыха. Многочисленные виллы утопали в цветущих садах.

Три заранее отправленные лендровера с мощными моторами и четырьмя ведущими колесами уже прибыли после путешествия морем, железной дорогой и на речном пароходе. А вот запасных частей к ним все еще не было. Без них же только безумец решится уехать далеко от надежной мастерской. Запчасти, как видно, застряли в каком-нибудь аэропорту. Лишь после бесконечных телефонных переговоров и пяти дней терпеливого ожидания мы наконец смогли их получить.

В прохладное ночное время мы нагрузили наши машины объемистым багажом, запасом масла и горючего и за час до восхода солнца выехали из Стэнливиля. Сначала дорога шла через «вторичные» леса. Так называют буйно разросшуюся растительность на заброшенных полях фермеров и местных жителей. Когда-то выкорчеванный исходный, «первичный» лес уже не может расти на этих местах после того, как владельцы плантаций покинут их: в результате интенсивного использования вконец истощена почва, нет и тени, без которой не может существовать тропический лес. И тогда здесь появляется совсем другая растительность, среди которой иногда встречаются и одичавшие потомки культурных растений. Вторичные леса часто прерываются новыми плантациями бананов, папайи, табака, кукурузы и маниока. Все они с утра до полудня окутаны туманом. В сером тумане словно привидения мелькают летучие собаки с размахом крыльев до метра.

Уже несколько часов мы находились в пути, когда наконец лучи солнца разогнали туман. В тропических лесах за день происходит полный круговорот воды: с утра до обеда солнце старается выпарить как

* С июля 1966 года переименован в Кисангани.

можно больше влаги и превратить ее в облака, а вечером разражаются оглушительные грозы. Дождь с шумом проливается на землю, и она очень пропитывается водой. А наутро опять серый туман, днем палящее солнце и новые дождевые облака, вечером грозы.

Но вот последние плантации и вторичные леса остались позади. По сравнительно хорошему шоссе мы катили через девственный лес. Никогда в жизни мне не приходилось видеть таких огромных деревьев. У многих гигантов были пятиметровой высоты узкие досковидные корни, служащие лесным великанам подпорками — ведь сильные бури могли бы свалить деревья. Лианы, толстые, как корабельные канаты, свисали с ветвей до земли или обвивались вокруг стволов. Лес был таким густым и темным, что дальше чем на десять шагов ничего нельзя было разглядеть.

Мы проезжали в среднем километров тридцать в час, не больше. Дважды наши машины переправлялись на плотах-паромах через полноводную даже в верхнем течении Конго. Тяжелые, неповоротливые плоты обслуживали коренастые темнокожие правительственные служащие. Они буквально висели на канатах толщиной чуть не в руку, чтобы сильное течение не снесло паром. Только силой своих мускулов тянули паромщики плот от одного берега реки к другому. Паром мог поднять за раз всего одну машину, но ожидание не было для меня утомительным. На кокосовых пальмах возле крытого соломенной домика паромщика обосновалась колония золотистых ткачиков. Трижды нам повстречались крупные черные птицы-носороги, и мы слышали громкое хлопанье их крыльев. В ветвях хлебного дерева мы заметили гигантского турака почти в метр величиной. Местные жители дали ему красивое имя Буликоко. Один из трех «лендроверов» отказал, и нам пришлось тащить его на буксире. Поэтому в Эпулу мы добрались лишь с наступлением темноты. Станция Эпулу была создана специально для отлова и приручения окапи. Открытие окапи, последнего из ранее не известных крупных млекопитающих, стало мировой сенсацией. Его считают живым ископаемым, потомком *Samotherium*, который жил в Европе накануне последнего оледенения. У окапи тело ослы, голова жирафа, а на ляжках полосатый рисунок зебры.

Первые сведения о неведомом животном были получены в конце прошлого столетия от охотников на слонов. Эти люди видели на пигмеев лесов Итури пояса и набедренные повязки из полосатого меха, происхождение которого долгое время оставалось загадочным. Лишь в 1903 году британскому дипломату, сэру Гарри Джонстону, удалось во время сафари добыть один экземпляр легендарного животного. Поскольку окапи посчитали невероятно редким зверем, бельгийские власти взяли его под охрану. Однако дальнейшие исследования показали, что в лесах Итури окапи довольно обычны, но крайняя осторожность и ночной образ жизни позволяют этому животному не попадаться на глаза людям.

Именно поэтому зоопарки Европы и Америки мечтают показать окапи публике. Бельгия объявила ловлю и продажу окапи своей монополией, прежде всего затем, чтобы помешать безответственному

истреблению этого чуда девственного леса. Вот в таком подходящем для охоты на окапи месте и была основана станция Эпулу.

Теперь мы были здесь и могли узнать из первых рук, как ловят окапи и приучают их к неволе. Обязанности директора станции исполнял могучий, словно медведь, наполовину португалец, наполовину африканец Медина, бывший охотник на слонов. Он приветливо встретил нас. Позади его дома в тени леса находились три больших крааля, где были заперты пять окапи. Их поймали три месяца назад, и за это сравнительно короткое время они стали настолько ручными, что брали корм из рук служителей. «Они уже готовы перенести путешествие в зоопарки», — сказал нам Медина. Ни один окапи не покидает Эпулу без служителя, который сопровождает его на всем протяжении пути, чтобы обеспечить надлежащий уход за драгоценным животным.

Поначалу было трудно долго сохранять окапи в зоопарках живыми. Но на ошибках учатся, и сейчас удалось даже добиться размножения этих диких зверей в неволе. В нескольких зоопарках уже подрастают молодые окапи, и можно надеяться, они тоже дадут потомство.

Я не смел и предполагать, что удастся заснять охоту на окапи, и мечтал хотя бы послушать о методах их отлова. Лучшими помощниками Медины в этом деле были пигмеи. Около сотни пузатых карликов поселились возле станции. Большинство из них было ростом не выше ребенка десяти-двенадцати лет. Мне редко приходилось встречать такой веселый и дружелюбный народ. Это кочевники, не имеющие постоянного жилья и живущие только охотой и собиранием съедобных растений. Их оружие и сейчас — копье, лук и стрелы. Со змеиной ловкостью пробираются они сквозь вечно сумрачные леса. И здесь, в Эпулу, жилища пигмеев представляли собой наскоро построенные из листьев шалаши высотой около метра и длиной до трех метров.

Пигмеи ловили для станции не только окапи. Непролазные джунгли — царство гибких и юрких. В известном смысле пигмеи и сами таковы. Кто хочет найти в лесах Итури пугливых животных, должен обратиться за помощью к этим маленьким человечкам. Только благодаря им я смог снять карликового дукера, антилопу величиной не больше зайца. Я бы с радостью остался в Эпулу подольше, но надо было поскорее догонять Шефера. Он проехал вперед в Букаву и оттуда на запад, в район нетронутых первичных лесов, где было особенно много животных и, главное, была родина гориллы. Там Шефер нашел подходящие для нашей цели условия, и нам предстояло построить базовый лагерь.

Букаву был действительно жемчужиной тогдашнего Бельгийского Конго. Наши забрызганные грязью машины, словно бродяги, промчались по гладкому асфальту чистеньких улиц. Но провоorny персонал отеля «Метрополь» не был шокирован нашим видом: так выглядит всякий, пробывший пару месяцев, недель и даже дней в буше*.

* Густые заросли кустарников и невысоких деревьев, нередко колючие.

После горячей ванны, в отутюженной одежде и вычищенной обуви мы стали неузнаваемы. Встреча с другом была радостной — Шефер сообщил интереснейшие новости.

— Я уверен,— сказал он,— что нам не найти лучшего места для стационара, чем Валикале. Туда один день езды от Букаву. Очевидно, Шефер действительно нашел идеальное место. Нам была нужна удобная местность с гориллами и помощь туземного населения, живущего в основном охотой. В Валикале было и то и другое. Бесперебойную перевозку материалов, продовольствия, горючего и почты гарантировала хорошая дорога.

Очень важны для нас были также контакты с Институтом научных исследований Центральной Африки (ИНИЦА), размещавшимся в Букаву. К числу работавших там ученых относились такие известные специалисты, как профессор Луис ван ден Берге, директор ИНИЦА, всемирно известный этнограф профессор Даниэль Бибюйек, а также американский орнитолог Джеймс Чэпин, пожалуй, лучший знаток птиц в бассейне Конго. Все они вместе со своими сотрудниками оказывали нам любую посильную помощь.

— Ну а главное, нам с самого начала невероятно повезло, заявил Шефер.— Здесь Шарль Кордые с женой, и я соблазнил их нашим проектом.

Это действительно был сюрприз. Шарль Кордые уже давно специализировался на ловле особенно редких и труднодоступных животных, и его считали лучшим звероловом. То, что не удалось бы ему другому и подавно было бы не под силу.

Союз с Кордые открывал для нас возможность посадить перед кинокамерой таких обитателей тропического леса, которых до сих пор не видели не только на экранах, но и на фотографиях. Ведь мы с самого начала понимали, как неслыханно трудно вести съемки пугливых хозяев густого, темного леса в их собственных владениях. А для съемок крупным планом из-за короткофокусной оптики мы вынуждены были наших исполнителей сначала изловить и приучить к близости человека. Это и стало впоследствии задачей Шарля и Эмми Кордые. В ряде случаев нам предстояло провести работы, подобные тем, которые в меньших масштабах мы осуществляли с Эйбль-Эйбесфельдтом в институте Конрада Лоренца.

Через несколько дней я увидел Валикале своими собственными глазами. Кругом великолепный девственный лес, фантастически переплетенный лианами толщиной в руку, с гигантскими деревьями до 50 метров высотой и мощными досковидными корнями-контрфорсами. Оглушительный стрекот бесчисленных цикад. Все растения в лесу ведут извечную борьбу за хотя бы малейший проблеск солнечного света, так что до нижних ярусов он уже не пробивается.

Нам нужно было построить деревянные домики, хижины для защиты от дождя, сараи, гаражи и мастерские, а также загоны, краали и вольеры для животных, которых предстояло поймать. Нас было 10 европейцев, позже собрались прибыть король и его супруга. Работа началась всего с двенадцатью местными помощниками, но по мере строительства лагеря их становилось все больше. Ведь

по доброму старому обычаю каждый рабочий приводил с собой жену и детей, а частенько и парочку друзей в придачу. К окончанию строительства нам пришлось заботиться о размещении целой деревни. Организацию все расширяющихся работ и заботу о снабжении людей всем необходимым взял на себя бельгийский директор картины Жан де Ландсхеер. Это можно было осуществить, имея бульдозеры, грузовики и лесопилку. Только один Ландсхеер, с его способностью все учесть и предвидеть, мог сделать то, что он сделал. Не могу не воздать должное и широте натуры короля Леопольда, который без слова протеста нес бремя все возрастающих расходов на содержание лагеря в тропическом лесу.

Строительные работы шли еще полным ходом, когда от местных жителей я услышал, что они обнаружили несколько дупел птиц-носорогов. Естественно, мы с Шимански тут же отправились туда, так как гнездовое поведение этих птиц в своем роде уникально. Все время, пока самка сидит на яйцах — а насиживает она одна, ее «квартира» остается запертой. Самец (иногда ему в этом помогает самка) замуровывает входное отверстие, оставляя лишь узкую щель. Супруг вынужден снабжать кормом и жену, и детей. Смысл такого замуровывания в том, чтобы защитить от бесчисленных врагов не только яйца, а позднее птенцов, но и мамашу, поскольку именно в период насиживания она линяет. Самка отрастит перья и сможет летать к тому времени, когда оперятся и молодые.

Известно 45 видов птиц-носорогов, некоторые из них размером до полутора метров. Свое название птицы получили из-за гигантского рогового клюва, которым они разгрызают плоды, порой с очень твердой скорлупой. К сожалению, самое низкое из гнезд располагалось на тридцатиметровой высоте. Поэтому мы, так же как и у дупля дятла, построили на огромной высоте засидку, а дупло вскрыли сзади. Затем приучили жильцов к свету ламп и только тогда сняли и записали на магнитную ленту все фазы гнездового поведения птиц.

Однако нам никак не удавалось снять на кинолентку, как самец добывает корм. Мы нашли в лесу финиковую пальму, которая служила столовой для птиц носорогов, пальмовых грифов и других животных, питающихся плодами, но устроить даже хорошо замаскированную засидку смогли не ближе чем в 30 метрах от дерева. Работая с обычными длиннофокусными объективами, все было бы в порядке, а так, сколько ни бились, ничего не выходило. Оставалось только одно — организовать «ресторан» в одной из приготовленных вольер. Едва работа подошла к концу, Шарль Кордые приволок нам старого самца-одиночку, который быстро привык к жизни в неволе. Прямо перед объективом он продемонстрировал нам все приемы добывания пищи. Позже мы получили и пальмового грифа, представляющего исключение из правила: все дневные хищники плотоядны, а он приспособился к питанию калорийной растительной пищей.

Шарль Кордые и его звероловы-африканцы каждый день приносили в лагерь пару, а то и больше каких-нибудь лесных созданий. Эмми Кордые занималась их приручением. Порой мы с трудом поспевали

за ними. После древесного дамана появилась выдровая землеройка (*Potamogale velox*), затем потто (*Rerodicticus potto*) с его огромными глазищами и галаго (*Galago demidovii*) которые могут как совы, поворачивать голову на 180°

Эмми Кордье любила всех своих подопечных, но особенно африканскую гигантскую выдру по кличке Чиви, которая попала к ней совсем крошечкой, и Эмми выкормила ее из бутылочки. Теперь Чиви везде ходила за ней по пятам. В Валикале ей исполнилось шесть месяцев, и она с удовольствием позволяла снимать себя в различных ситуациях. Только вот пустить ее в реку мадам Кордье никак не хотела. Она боялась, что выдра, попав в родную стихию, не вернется к ней. Наконец мне удалось ее уговорить. Я выбрал удобное место на берегу, установил камеру, и Эмми Кордье, все еще полная сомнений, отпустила гигантскую выдру в темную воду реки. Чиви плавала вокруг нее с явным наслаждением, ныряла и появлялась вновь. Но вдруг исчезла. Эмми разразилась горькими упреками и готова была расплакаться. Положение спасло внезапное появление Чиви. Она выскочила из воды и положила у ног своей хозяйки большую, килограмма на полтора, рыбину.

К самым поразительным открытиям в мире пернатых, наверное, можно отнести историю открытия конголезского павлина (*Afropavo condensis*). Его первооткрыватель, Джеймс Чэпин, тоже был с нами. Два синих пера неизвестной птицы, которые он увидел в головной уборе местного охотника и купил у него за горсть табаку, послужили началом неустанных поисков. В конце концов Чэпин обнаружил *A. condensis*, только не в Африке, а на чердаке колониального музея Тервюрен около Брюсселя. Это было забытое кем-то чучело с ошибочной этикеткой, на которой указывалось азиатское происхождение птицы. Как и с кем попал конголезский павлин в бельгийский музей, навсегда осталось тайной. Во всяком случае, его перья ничем не отличались от тех, которые уже были у Чэпина. По всей видимости, птица была привезена в музей из Конго. Сделав цветные рисунки чучела, Чэпин вернулся в Конго, показал их местным жителям и посулил высокое вознаграждение тому, кто доставит ему такую птицу. Удача не изменила Джеймсу Чэпину, хотя прошло немало месяцев, прежде чем убитый экземпляр попал наконец к нему в руки. Это был самец с по-ролеовски великолепным сверкающим синим оперением.

Однако поймать конголезского павлина до сих пор еще не удавалось и вряд ли хоть один европеец видел эту птицу живой. Для Шарля Кордье это было вызовом его честолюбию и способностям. Джеймс Чэпин дал ему необходимые указания, где, по сведениям туземцев, вела свою скрытую жизнь эта редчайшая птица девственных лесов. С ловчими сетями, корзинами и лучшими помощниками отправился Кордье в мрачные глубины влажного тропического леса. И пропал на шесть недель. А затем вернулся сияющий с тремя павлинами: двумя великолепными самцами и самкой. Вершиной всей моей работы в кино был период, когда после трех месяцев жизни в неволе эти замечательные создания стали такими

ручными и так естественно двигались перед объективом кинокамеры, словно они были совершенно свободны в родном лесу. Они быстро привыкли к яркому свету и близости человека. Даже токование конголезских павлинов мы смогли снять с расстояния в несколько метров.

Однажды Кордые принес нам еще одну редкость — гигантского ящера, панголина (*Manisgigantea*). На первый взгляд панголин напоминает рептилию. Жесткие роговые чешуи, налегающие одна на другую, делают его похожим на еловую шишку. Это примитивное млекопитающее метровой длины живет преимущественно за счет термитов. Мощными когтями панголин взламывает твердые, как бетон, постройки земляных термитов. Для нашей работы это животное представляло особое значение, поскольку было одним из интереснейших обитателей лесов Конго, чей скрытный образ жизни никогда еще не был показан в кино.

Туземцы видят в панголине существо из другого мира, вечного странника между прошлым и настоящим. По их понятиям, его нельзя убивать. Если панголин случайно попадает в ловушку, устроенную на других зверей, — это большое несчастье, так как смерть панголина обидит лесных духов. Всякая охота прекращается, пока заклинатели секты бваме не искупят совершенного злодеяния. Для этого выполняется сложный ритуал, во время которого необходимо съесть сердце мертвого панголина. По преданиям, этому гигантскому ящеру туземцы обязаны своим искусством строить хижины: люди не умели спастись от дождя, пока панголин не показал им на примере своих чешуй, как нужно укладывать листья, чтобы получилась плотная крыша.

С появлением панголина перед Эмми Кордые встала трудная задача. Мы знали, что этот «узкий специалист» способен за день опустошить двухлитровую банку, полную термитов и муравьев. Но такого количества насекомых наши помощники достать не могли. Ведь земля в девственном лесу не утыкана замками термитов, да и ломать их — нелегкая работа. Правда, в Южной Америке Эмми уже доводилось длительно содержать в неволе броненосцев, питающихся таким же кормом. Помимо привычной пищи она скормливала своим питомцам специально составленную ею кормовую смесь из заменителей. Это ей удалось и здесь — панголин тоже привык есть не одних только термитов.

Мы построили ему просторный загон, пол которого зацементировали из-за исключительной способности нашего пленника к роющей деятельности. Сверху насыпали толстый слой перегноя и всего, что мог бы пожелать гигантский ящер. Конечно, был здесь и термитник. Ночью я часто потихоньку влезал на забор, чтобы подсмотреть ночные заботы нашей живой еловой шишки. И с радостью уверился, что уже через несколько дней он чувствовал себя на новом месте как дома. Но вот свет и шум нашему гостю по-прежнему были не по вкусу. Для съемок у нас имелись специальный движок и прожектор, и теперь мы стали приучать панголина ночь за ночью ко все более яркому освещению и новым звукам.

То, что в свое время с хомяком нам удалось за несколько дней, сейчас потребовало долгих недель. Зато позднее наше терпение и труд были вознаграждены. Мы сняли на пленку причудливое движение панголина по земле.

Ящеры — стопоходящие звери, но мощные когти на передних конечностях так сильно торчат вперед, что панголин ступает на наружные стороны кистей. Может он ходить и на задних лапах, особенно когда осматривается вокруг, при этом для равновесия держит хвост приподнятым над землей. Однажды ночью это боязливое существо показало нам свой удивительный язык. Мы взломали термитник, прикрыли стеклом камеру с куколками и наконец-то увидели в действии очень длинный, клейкий язык панголина, его ловчий аппарат-Змеевидно извиваясь, язык протискивался в ходы и в склад с куколками, собирая насекомых и их личинки.

Следующим сюрпризом Кордые был трубкозуб (*Orycteropus*). Этот странный зверь достигает двух метров в длину и весит около 60 килограммов. Большую часть жизни он проводит под землей и питается, подобно гигантскому ящеру, главным образом термитами и их личинками. Живет трубкозуб и в лесах, и в саваннах — лишь бы рядом были термиты. Самым трудоемким для Кордые и его помощников оказалось отыскать убежище этого полуночника. А чтобы достать его, надо было раскопать нору, расположенную среди корней деревьев и камней. Чем дальше в нору проникали люди, тем глубже в землю зарывался трубкозуб. Когда же наконец его настигли, пришлось быть предельно осмотрительными, так как трубкозуб своими мощными когтями способен распороть брюхо неосторожному противнику. Изловчившись, Кордые ухватил зверя за длинный хвост и с помощью других охотников вытащил наверх. Трубкозуба быстро спеленали сетью и доставили в лагерь.

Там уже был выстроен загон с бетонным полом и двухметровыми стенами из бревен. Эмми Кордые и трубкозуба перевела на рацион, в который входили не одни только термиты. Недели через две зверь, казалось, смирился с неволей. Правда, радость наша была преждевременной. Как-то утром трубкозуб исчез. Своими мощными когтями он выдрал две доски из ограды. К счастью, мы быстро обнаружили его по следам и, повозившись, извлекли из норы, которую он уже успел выкопать. Однако трубкозуб еще долго оставался «трудным» питомцем. Это ночной зверь не переносил совершенно необходимый для съемок свет прожекторов. Прошли месяцы, прежде чем мы смогли снять за разными занятиями нашего самого капризного артиста. В частности, мы сняли, как он взламывал когтями термитник, который мы поместили в загон, и «обклеивал» насекомыми свой длиннющий язык. Для нас это были счастливые мгновения — снимать сцены, которые еще никому и никогда не доводилось запечатлеть.

Операция «Горилла»

Съемки горилл были для нас самой сложной, но и самой важной задачей. Этим человекообразным обезьян на свободе уже снимали два американских кинорежиссера. Для этого горилл выгоняли на камеры, используя большой отряд местных загонщиков. Таким образом, обе ленты показывали лишь сцены бегства стада обезьян. Наше честолюбие требовало значительно большего. Мы хотели снять, как живет группа обезьян: способы добывания пищи, заботы о малышах, а также роль вожака и его поведение. Особенно хотелось снять знаменитую демонстрацию угрозы, когда горилла выбивает барабанную дробь у себя на груди.

С тех пор как в Европе узнали о гориллах, их величина, сила и видимая агрессивность постоянно возбуждали воображение людей. Впервые горилл обнаружили очень давно на побережье Западной Африки. И сначала всерьез думали, что это волосатые с головы до ног представители еще неизвестной человеческой расы. Во времена, когда повсюду ходили легенды о загадочных существах, такая ошибка была вполне простительной. И как было не ошибиться тому, кто, неожиданно встретившись с гориллой, видел перед собой гиганта с человеческим лицом, прямо стоявшего на двух ногах. Широкая грудь и могучие плечи только усиливали впечатление.

Фантастические истории, которые рассказывали о гориллах и об их отношениях с туземцами, не имеют под собой никаких оснований. Гориллы всегда стараются избежать встречи с человеком. Едва почувяв его присутствие, они сразу же забиваются в самую глухую чащу. Самец-горилла нападает лишь в том случае — и то это показное нападение, — когда ему или стаду угрожает прямая опасность.

Случается это редко. Даже бельгийские колониальные служащие, которые полжизни провели в округе, где обычны гориллы, зачастую прилагали немало усилий, чтобы хоть раз своими глазами увидеть этих пугливых гигантских обезьян. После обстоятельных консультаций в Институте научных исследований Центральной Африки финансовый директор нашего кинопредприятия Марсель де Рове, Шефер и я решили организовать разведочную экспедицию в горные джунгли между вулканами Микено и Карисимби. Безлюдный район, куда европейцы могли попасть только по особому разрешению, туземцы обходили стороной из страха перед злыми духами. И мы решили, что именно здесь больше всего шансов встретить горилл и попытаться счастья в съемках этих обезьян на природе. Уже с 1925 года 315 000 гектаров дикой горной страны вплоть до Рувензори относятся к национальному парку Альберт, который был основан по инициативе бельгийского короля Альберта, отца Леопольда III. Тогда заповедная зона создавалась прежде всего ради горных горилл, еще более крупных и волосатых, чем их равнинные сородичи.

С двумя десятками носильщиков мы за два дневных перехода поднялись из жаркой саванны на высоту 3000 метров. Растительность горных склонов, по которым ползли облака, была прямо-таки фан-

тастической Сначала мы шли сквозь густой, непроницаемый для света девственный лес, но чем выше мы поднимались, тем ниже становились деревья. На высоте 1800 метров начались заросли бамбука, которые тянулись всего до 2000 метров. Впереди все время должны были идти двое мужчин с мачете, чтобы прорубать узкую тропу для остальных. Оставив позади зону бамбука, мы попали в царство древовидных папоротников высотой до 15 метров! Затем открылся сказочный ландшафт светлых лесов хагений. Суковатые деревья, похожие на старые каштаны, были увешаны метровыми бородами лишайниками. Под ногами буйно рос дикий сельдерей, основная пища горилл. В этом первобытном мире на высоте около 2500 метров, между дымящимися вулканами, мы разбили на неделю палаточный лагерь. Каждый из нас в сопровождении только двух африканцев отправился на поиски горных горилл.

В эти дни мне довелось увидеть необычайно красивых величиной с голубя горных турако с рубиново-красными крыльями. Дважды мы встретили агрессивных и очень опасных красных лесных буйволов и нашли на влажной земле отпечатки лап редкостного горного леопарда. Но лишь на третий день я наткнулся на следы и помет горилл и нашел их ночные гнезда. Это было стадо, по всей видимости, из 10-12 обезьян. Однако прошло уже несколько дней, а может быть и неделя, как они ушли с этого места. Настичь их казалось невозможно. Погода была отвратительная: не переставая лил дождь, и ветер пронизывал до костей. К этому надо добавить крайне трудное передвижение по завалам и буреломам, где стволы хагений перекрещивались в самых невероятных направлениях. Наши носильщики со своими корзинами едва перебирались через них. Настоящим же мучением стал для теплолюбивых жителей саванн пронизывающий холод.

Так что когда все мы наконец собрались у трескучего костра возле палаток, то единодушно решили, что ничего хорошего из нашей затеи не получится. Даже если мы найдем стадо горилл и киносъемочной группе удастся следовать за ним по пятам, она не сумеет достаточно быстро в нужный момент установить аппаратуру. Здесь, наверху, на это нечего было надеяться: носильщики наши просто тряслись от холода. Думаю, что даже теплая одежда, шерстяные шапки, вязаные рукавицы и подбитые мехом сапоги не спасли бы положения.

Я бы предложил вот что, сказал я. Надо устроить место для подкормки и, если понадобится, месяцами выкладывать там соблазнительные для горилл плоды. Обезьяны в конце концов появятся, привыкнут к этому месту и станут регулярно туда приходить. Со временем они привыкнут и к близости людей. Но в любом случае два кинооператора должны постоянно быть в засаде, заняв удобную для съемки позицию. Так, может быть, что и получится...

Поступи мы, как я предложил, уверен, что успех был бы нам обеспечен. Ведь спустя всего несколько лет американский ученый Джордж Шаллер именно таким образом добился доверия горилл и

долгие месяцы жил совсем рядом с их стадом. Но мои соратники выдвинули веские возражения. Из-за короткофокусных объективов мы вынуждены слишком близко подходить к животным. А это, по мнению моих друзей, было реально только в том случае, если бы гориллы находились на огороженной территории. Правда, загнать их туда тоже было проблемой, которую до сих пор еще никому не приходилось решать.

Через несколько дней после возвращения в лагерь у Валикале мы с Шарлем Кордые отправились на разведку по лесной дороге, ведущей в Уту. Внезапно нас остановила группа бурно жестикулирующих африканцев из племени банту. Из всего, что они возбужденно кричали, я смог разобрать только «Нгила... нгила...» На их языке это означало «горилла». Шефер, Кордые и я тут же выскочили из машины. Африканцы указывали на брошенную плантацию бананов, где поднимались заросли двухметровой слоновой травы. Гориллы были здесь еще совсем недавно. Их запах бил в нос. Многие бананы были надломлены и ободраны, так как косматые гурманы лакомились нежной и сочной сердцевинкой стеблей. На земле мы увидели еще дымящиеся экскременты животных. Шефер хотел сфотографировать учиненный обезьянами разгром. Лист банана перед ним отбрасывал слишком густую тень. Шефер взял мачете и обрубил его. За ним стояла огромная горилла!

Мгновение, и казалось, разверзлась преисподняя: наводящий ужас рев, угрожающая дробь, темно-коричневые колоссы повсюду. Видно, заметив приближение людей, все стадо попряталось под сень бананов и слоновой травы. Гориллы на опыте убедились, что люди на шоссе внезапно появляются, но так же быстро исчезают. Мы же случайно застигли врасплох самца-гориллу в его укрытии. Крик ярости вожака стада оглушил нас. Желая испугать нарушителей спокойствия, он кулаками стал лупить себя в грудь. И мы позорно бежали, словно за нами гнались черти. А оглянувшись, не увидели никого... Вероятно, нападение было показным. Обратив нас в бегство, старый гигант достиг как раз того, чего хотел.

Вот так героев послал король Леопольд в тропические леса! — смеялся Шарль Кордые.

Да, надо признаться, особого мужества мы не проявили. Но может ли кто предугадать, что намеревается сделать горилла? Достаточно одного вида широко раскрытой кроваво-красной пасти, чтобы и храброго человека обуял ужас. Африканцы, даже рассказывая о таких встречах, обычно трясутся от страха. Ведь случается, что горилла и кусает. Я сам видел у трех банту нанесенные гориллой тяжелые повреждения. У одного была изуродована левая половина лица.

Обычно горилла старается не убить, а только прогнать чужака. Если же человек, оцепенев от ужаса, стоит на месте, не отступая, обезьяна может хватануть его за ноги. К скверным последствиям приводит порой и обыкновение африканцев ходить босиком. Бесшумно двигаясь, можно внезапно наткнуться на спящую гориллу. Животное считает, что на него напали, и, естественно, защита

ется. Но я не знаю ни одного случая, когда дело кончалось бы гибелью человека.

Мы взяли район под наблюдение, чтобы, если удастся, заполучить горилл в качестве киноактеров. Уже через вечер нам удалось посмотреть, как стадо готовилось ко сну. Примерно в 200 метрах от заброшенной банановой плантации с заходом солнца обезьяны забрались на деревья. Малыши, крепко цепляясь за шерсть, висели на спине у матерей. Подростки, как опытные циркачи, ловко карабкались наверх. Стадо размещается на ночь не всегда на одних и тех же деревьях, а выбирает между несколькими «квартирами», близ которых оно окажется к заходу солнца. Иногда горилла строит новое гнездо в кроне дерева, которое до сих пор еще не использовалось для этой цели. Наломав кучу веток, густо покрытых листьями, обезьяна настилает их в развилке ствола и уминает, пока не образуется упругое мягкое ложе. Отдыхая, матери крепко прижимают к груди детенышей. Вожака не было видно, он спал, наверное, на земле, как верный страж своего семейства.

На протяжении следующих дней нам удалось увидеть еще много интересного, но только в бинокль. Достать спальные гнезда нашими короткофокусными объективами мы не могли. Так что снять групповую жизнь горилл на свободе по-прежнему не представлялось возможным. К тому же условия освещения были плохими и растительность слишком густой.

— Нам не остается ничего другого, — сказал Шарль Кордые на очередном совете, — как изловить все стадо.

До сих пор ни один зверолов не отваживался на такое дело. Никогда и никто еще не поймал взрослую гориллу, не говоря уже о «хозяине», вожаке стада. Чтобы добыть драгоценных зверей для зоологических садов, убивали гориллу-мать и хватали детеныша. Часто при этом, чтобы оградить себя от нападения, убивали и других взрослых животных.

Но Шарль Кордые не отказался от своего отчаянного намерения изловить все стадо. Он собирался набрать больше сотни туземцев, обучить их и затем ночью окружить сетями высотой в три метра группу деревьев, где спали гориллы. Когда утром обезьяны спустятся на землю, внезапные вопли из сотни глоток ошеломят их, они бросятся в сети и запутаются в них. А привезти горилл связанными на грузовиках в лагерь Валикале уже не было, по убеждению Шарля, проблемой.

— Начало я вам гарантирую, — утверждал Кордые. — Серьезнейшие проблемы встанут позже — проблемы содержания и приручения животных. Вы только представьте... все стадо, да еще с «хозяином»!

Пожалуй, иного способа добиться нашей цели действительно не было. Только если все стадо останется вместе, сохранится сложившаяся естественная система отношений в группе, что и нужно было запечатлеть в фильме. Кордые это, конечно, понимал, и вот в Валикале началось строительство «форта горилл».

Лесопилка работала днем и ночью. Все местные помощники экспедиции, а некоторые из них стали отличными мастерами, были

заняты на строительстве гагантского крааля. Площадку в 3000 квадратных метров предстояло обнести шестиметровой стеной. Однако наши советники из ИНИЦА «обрадовали» нас: по их словам, строить надо не один крааль, а два. В одном загоне гориллы очень быстро перепачкают все пометом. Не только вид и запах будут тошнотворными, но и возникнет опасность появления инфекционных заболеваний. Нам надо будет как можно чаще дезинфицировать территорию. Кроме того, очень скоро гориллы уничтожили бы в краале всю растительность. Имея же два крааля, мы сможем поочередно чистить их и обновлять растительность. В этом случае будет меняться и ландшафт в фильме, нам не придется пересаживать кусты и деревья с корнями. На несколько дней растений хватит и так, достаточно только увлажнять их. Затем гориллы все уничтожат, и их надо будет осторожно перегнать в другой крааль. Но какой работы все это требовало, страшно было и подумать! Одно обновление растений дважды в неделю означало почти такой же труд, как если бы мы разбивали на неделе два парка площадью 3000 квадратных метров.

Тем временем наши следопыты обнаружили стадо горилл, которое устраивалось на сон примерно в 10 километрах от нас. За ним установили постоянное наблюдение. Но Кордые еще долго пришлось выжидать, пока группа не переместилась ближе к шоссе. Когда все приготовления к «охоте» были закончены, мы послали королю Леопольду телеграмму: он собирался присутствовать на столь грандиозном мероприятии. Леопольд прилетел в сопровождении своей супруги.

Около горилл после того, как они забрались на свои деревья-спальни, остался один Кордые. Часа через два, убедившись, что обезьяны заснули крепким сном, он поднял большую группу ловцов и приказал грузить сети на «джипы». Автомобили оставили в километре от горилл. То, что Кордые с помощниками много раз репетировали днем, теперь пришлось выполнять темной ночью. Нужно было действовать быстро и бесшумно. К первым проблескам зари сети были расставлены. Для людей эта затея таила гораздо больше опасностей, чем для обезьян. Ведь никому из нас не разрешалось брать с собой огнестрельное оружие. Только троих самых надежных наших помощников Кордые снабдил ружьями и патронами со слезоточивым газом, причем никто не мог поручиться, будет ли от них прок, если старый самец вздумает броситься на защиту своего стада.

Гориллы — порядочные сони, так что наше терпение подвергалось суровому испытанию. Король Леопольд и его супруга разделяли наши волнения. Лишь около семи часов утра, когда солнце уже сияло высоко над вершинами, среди горилл началось шевеление. Медленно и важно слезали они с деревьев. Кордые выждал еще десять минут, а затем подал условный знак.

Тишину взорвали громкие крики, барабанная дробь по кастрюлям и грохот деревянных и железных колотушек. Но еще громче ревел «хозяин», визжали самки с детенышами. Все верещало и трещало в густых зарослях, когда гигантские обезьяны ломились сквозь них

Результат был ошеломляющим — мы не поймали даже маленькой обезьянки. Все они исчезли, словно сквозь землю провалились. Ловко и с умом они где приподняли сети, где прижали их к земле, где порвали своими мощными ручищами или ухитрились перелезть через них Кордые и Шефер собственными глазами видели, как взрослые обезьяны энергично помогали перебираться через сети подросткам и матерям с младенцами. Через несколько минут все было кончено. И мы предстали перед королем с пустыми руками, зато с большими денежными счетами.

— Ничего не получается у того, кто не пробует,— сказал король Леопольд.

Кордые посчитал это за разрешение на новую попытку. В тот раз мы использовали сети из пеньковой веревки. Теперь он заказал в США прочные нейлоновые сети, причем в двойном количестве. И у него родилась совершенно новая идея: не к чему устраивать среди горилл панику страшным шумом. Их надо загнать в сети, спугнув негромкими звуками человеческой речи и треском сучьев. Внутри кольца сетей Кордые собирался устроить хорошо замаскированные ловчие ямы. Когда горилла провалится в яму, на нее может быть набросить сеть, в которой она, будучи возбуждена, скорее всего запутается.

Потянулись недели подготовительных работ. Вторая попытка была сделана в другом месте и с другим стадом. Кордые еще тщательнее подготовил свое «войско», продумав действия каждого и все мыслимые ситуации. Опять шли бесконечные репетиции в лесу возле лагеря, сначала днем, а потом в ночной темноте.

Лишь только зашло солнце, мы принялись за работу под деревьями, где спали гориллы, стараясь производить как можно меньше шума и переговариваясь тихим шепотом. К рассвету мы натянули около 1000 метров сетей, но успели выкопать всего пять-шесть ловчих ям, каждая глубиной в три метра. Гориллы так крепко спали, что ничего не почувствовали, пока не начался новый день. В этот раз все было сделано иначе. Тогда мы расставили сети в лесной чаще, теперь же растительность с обеих сторон сетей была убрана. Поэтому гориллы скоро сообразили, что окружены. Они даже не пытались прорваться, а забились в чащу под деревьями, где провели ночь. В замаскированные ямы не попал никто. Видно, шести ям на такую большую площадь было мало. Кордые решил копать ямы и днем. За высокое вознаграждение добровольцам предстояло как можно быстрее копать ямы трехметровой глубины внутри огороженного участка. Кордые и Шефер стояли наготове со слезоточивыми патронами, чтобы защитить рабочих от возможного нападения горилл.

Сначала все шло хорошо. Хотя мы слушали тревожные крики и барабанную дробь вожака стада, он оставался со своей семьей в кустах. Африканцы забыли страх. Обливаясь потом, они копали ямы, маскировали их ветками, сучьями и свежей листвой.

Внезапно из чащи выскочил вожак. Его целью, по всей видимости, была рабочая группа, которую охранял Эрнет Шефер. При первой атаке гигант продвинулся всего на десяток шагов. Фыркая, ворча

и оскалив зубы, он хотел прогнать людей. Шефер не потерял самообладания. С ружьем наготове он выжидал. Когда вожак увидел, что его угрозы не действуют, он остановился, внезапно развернулся и опять исчез в густых кустах. Но через десять минут дело осложнилось. Новая стремительная атака была уже настоящей и сопровождалась еще более громким ревом. Шефер опять проявил выдержку. Он подпустил гориллу метра на три и только тогда ввиду явной необходимости выстрелил газовым патроном.

Эффект был ошеломляющим. С глухим стуком колосс в три центнера весом, оглушенный, свалился навзничь. Его можно было бы связать, но, к сожалению, пока к месту происшествия подбежали люди с сетями и веревками, драгоценные минуты были потеряны. «Хозяин» перекатился со спины на живот, и, шатаясь, поднялся на ноги. При этом он так свирепо смотрел на нас налитыми кровью глазами, что никто не решился приблизиться к нему, и он, фыркая, вернулся к своему стаду в чащу леса. Зато теперь рабочие убедились, что мы сможем защитить их от нападения обезьян, и с усердием продолжали работу.

К вечеру было готово около 20 ям, и на следующий день в них пало несколько обезьян. Их удалось опутать сетями и связать. Наши силачи на носилках снесли пленников к дороге, погрузили на грузовики и сразу же отвезли в лагерь. По плану Кордые остатки стада постоянно держали в движении, гоня с одной стороны огороженного участка на другую. Обезьяна попадала в ловчую яму, тут же подбегали человек десять мужчин, на бушующую гориллу набрасывали сети и связывали. Пленников отвозили в лагерь и выпускали в большой крааль. Освобожденные от пут, они быстро приходили в себя, считая, по-видимому, что счастливо отделались. К концу третьего дня на свободе оставался только вожак. Он один научился обходить коварные ямы. Но час от часу и он становился все нервнее. Два-три необдуманных шага — и он тоже полетел в яму.

Никогда не забыть мне совершенно человеческого взгляда, который устремил на нас гигант, когда, связанный, лежал на грузовике. В нем не было ни жалобы, ни ненависти, а лишь безграничная беспомощность...

— Мне очень жаль, старик,— сказал Кордые,— зато теперь ты снова будешь со своими.

Даже Кордые был настолько издерган, что еще не мог радоваться успешному завершению своего отчаянно смелого плана. Он поймал стадо горилл во главе с вожаком! При этом никто — ни люди, ни животные — не получил даже царапины. Операция «Горилла», подобная этой, никогда больше не повторялась, и, насколько я знаю, никто и не пытался ее повторить.

То, что все члены стада оказались вместе, в привычном для них составе, необычайно облегчило нам задачу их содержания в созданном нами уголке девственного леса. В первые дни обезьяны, конечно, пытались с помощью силы найти выход, но затем единодушно смирились со сложившейся ситуацией. Два крааля просто

выручали нас. Обезьяны получали лакомую пищу и укрепляющие средства по советам ветеринаров из ИНИЦА. Ежедневно загон дезинфицировали. Не было потерь даже среди детенышей горилл. Чтобы не раздражать своим присутствием 16 зверей, мы снабдили деревянные стены маленькими раздвижными дверцами. В то время как обезьяны нас не видели, мы могли наблюдать за ними и вести съемку. Камеры были закутаны в заглушавшие звук покрывала, так что стрекотали бесшумно. На протяжении многих недель мы работали в самых благоприятных условиях. Когда гориллы осознали границы своей свободы, их групповая жизнь опять вошла в привычное русло.

Наш фильм запечатлел все фазы дневного ритма жизни горилл. Нам удалось снять, как они добывают пищу на банановых посадках. Горилла поднимается на ноги и руками пригибает ствол к земле. Сильными пальцами она обдирает наружный слой стебля, обнажая нежную и сочную сердцевину, которую считает особенно лакомой. Крупным планом мы смогли уловить почти все движения обезьян. Видно, как самцы угрожают и бьют себя в грудь. Видно, как матери кормят детенышей, как носят их и нянчатся с ними. Особенно удались сцены, «сыгранные» малышами во время их детских забав.

Неожиданным оказалось то, как горилла пьет воду. Она не пригибается к воде и не лакает с поверхности, а черпает воду руками и потом подносит ко рту. Обезьяна делает это почти так же, как человек, у которого нет посуды, чтобы напиться. Мы наблюдали и сняли еще ряд сцен и особенностей поведения горилл, о которых раньше не было известно. Мне кажется, я имею право сказать, что рискованная операция «Горилла» немало способствовала успеху нашего фильма и к тому же обогатила науку. После окончания съемок дальнейшие заботы о животных взял на себя Институт научных исследований Центральной Африки.

Птичье озеро у Астриды

После долгой работы во влажном тропическом лесу, где всегда остро стояла проблема освещенности, для меня было истинным наслаждением вести следующие съемки при ярком солнечном свете. Шефер разведal изумительный птичий рай в Руанда-Урунди, тогда еще провинции Бельгийского Конго, недалеко от городишка Астриды. Это было уединенное озеро, названное бельгийцами Птичьим. Мир водных птиц сохранился там, должно быть, в еще первобытной гармонии — гигантские гнездовые колонии с редкостным разнообразием видов. Когда несколькими днями позже Шефер проводил меня в те края и после долгой и пыльной езды по раскаленной саванне из-за поворота извилистой горной дороги вдруг открылась внизу сверкающая гладь озера, меня охватил восторг.

Прямо перед нами в бухточке, заросшей папирусом, мы увидели больше тысячи марабу, занятых поисками пищи. Другая стая этих плешивых аистов парила в восходящих потоках воздуха на

фоне лазурного неба. Удивительной особенностью озера было множество плавучих островов. На них вплотную друг к другу размещались гнезда самых разных видов голенастых птиц. Земли вокруг озера принадлежали племени батутси. Эти высокие, стройные люди рассматривали бесчисленные стада своего скота всего лишь как имущество, которое приносит почет и уважение. Только в случае крайней необходимости они брались за нож, чтобы забить скот. Не желая убивать что-либо живое, они практически не охотились, а птиц на озере и подавно не беспокоили. Человек и животные жили в полном согласии.

На берегу озера была расположена католическая миссия, где мы нашли кров и дружескую помощь. Первую ориентировочную поездку по озеру я совершил вместе с миссионером, отцом Арелье, большим любителем природы. Когда мы вышли на илистый берег озера, чтобы сесть в лодку-долбленку, в воду шлепнулись два крокодила чуть ли не четырехметровой длины. Арелье сказал, что из-за этих гигантских рептилий постоянно приходится быть осторожнее. За последние годы школа при миссии потеряла несколько детей: крокодилы внезапно схватили их, когда дети играли на берегу. Огромная пасть с направленными назад зубами действует как кашкан. Освободиться своими силами не может ни зверь, ни человек, Внезапным ударом мощного мускулистого хвоста крокодил тут же сбрасывает жертву в воду. Там она захлебывается, и крокодил пожирает ее. Так что гармония между человеком и животным миром, оказывается, все же была неполной.

Когда наши темнокожие помощники, отталкиваясь шестью, подвели челнок к плавучим островам, по поведению птиц сразу можно было понять, что здесь никогда не собирали яиц и не стреляли птиц. Мы смогли почти вплотную приблизиться к гнездовым колониям, над которыми стоял оглушительный гомон. Но это не было результатом нашего появления — видно, шла обычная перебранка между птицами, жившими здесь в страшной тесноте.

Острова состояли из различных растений, принесенных водой и сбившихся в плотную массу почти метровой толщины. На плавучих островах росли густые, иногда довольно высокие кусты. На их ветвях и сучьях птицы строили свои гнезда. При этом возникла в высшей степени оригинальная «социальная структура». Птицы с сильными клювами, которые могли отражать нападение крылатых врагов, занимали верхний этаж. Это была, так сказать, вооруженная охрана колонии — черноголовые цапли, клювачи и аисты-разини. Колпицы и ибисы с их слабыми клювами вряд ли могли дать отпор хищным птицам. Они селились внизу.

Мне пришла в голову идея построить для съемок плот. Священники и их паства помогали нам изо всех сил. Они предоставили в наше распоряжение рабочие руки, необходимые доски и бусты бочки из-под бензина. Плот получился достаточной грузоподъемности, и на нем сколотили деревянную вышку двухметровой высоты. Она состояла из двух этажей. Это позволяло нам, работая с двумя камерами, одновременно заглянуть как в высокорасположенные гнезда.

так и в те, что были устроены на «земле». На трех долбленках плот отбуксировали к островам. Короткими веслами крепкие батутси гнали лодки вперед. Появление странного сооружения, естественно, произвело ужасный переполох. Тысячи птиц взлетели с гнезд и подняли оглушительный шум. Над нашими головами металась такая туча птиц, что казалось, они способны затмить и солнце. Но вот лодки с гребцами уплыли, вышка больше не двигалась, а мы оставались невидимыми, сидя в замаскированном укрытии. Вскоре птицы успокоились. Преодолев страх перед неведомым, они спустились к своим гнездам, и мы смогли спокойно начать съемки.

Мы снимали пестрых карликовых гусей с расстояния всего пяти метров. Маленькая лазоревосиняя султанка показала нам очень забавный способ добывания пищи. На своих легких ножках она бродила по листьям кувшинок и склевывала с них насекомых и личинок. Обыскав верхнюю сторону листа, она постепенно заворачивала лист с края, чтобы осмотреть нижнюю сторону. Схватив край листа клювом, султанка наступала на него ногой и продолжала поиск. Так шла она шаг за шагом, пока не переворачивала лист полностью. Изумрудно-переливающийся зимородок избрал наш плот в качестве наблюдательной вышки. Отсюда он стремительно бросался вниз головой, чтобы схватить мелкую рыбешку.

На протяжении следующих дней мы снимали гнездовое поведение крупных голенастых птиц: взаимные приветствия, токование, спаривание, насиживание и заботы о птенцах. Устраивая гнезда на «земле» почти вплотную друг к другу, птицы все же соблюдали определенную дистанцию, так называемую «дистанцию клевка»: сосед не мог достать клювом до чужого гнезда, что гарантировало мирное сосуществование. Но вскоре мы заметили, что и здесь есть свой «дьявол». Им была кваква. Свои кровопролитные набеги она совершала как раз по ничейной полосе между гнездами. Низко пригибаясь, медленно кралась кваква по тропкам в лабиринте гнезд. Ее темно-красные глаза пылали, клюв-кинжал всегда был готов к удару. Там две соседки затеяли ссору, здесь на секунду оставлено гнездо без присмотра — кваква не теряла времени даром. Стремительно выхватывала она птенца и успевала удрать с трепещущей добычей, прежде чем дерзкого хищника успевали заметить.

Ежедневно во второй половине дня на плавающее острова прилетала стая изумительно красивых венценосных журавлей. Здесь они устраивали свои удивительно элегантные токовые танцы. Священники миссии уверяли Шефера, что юные девушки батутси имитируют танцы журавлей. Правда, они делают это на свой лад, но с той же целью очаровать жениха. Так что в поведении животных и древних ритуалах людей имеется прямая преемственность. Показать и объяснить подобные взаимосвязи также было одной из задач нашего фильма. Благодаря поддержке дружески настроенных миссионеров Генри Брандту, режиссеру этнографических съемок, удалось снять танец журавлей в исполнении девушек. Это было незабываемое зрелище. Они танцевали на высохшем пруду, своими движениями подражая

журавлям, и тени их причудливо плясали на освещенной солнцем земле.

Хищные звери саванны

Кому доведется побывать на берегах озера Эдуард у восточной границы теперешней республики Конго*, тот может считать, что видел один из самых красивых ландшафтов Африки. С запада на сверкающей синеве озера спускаются поросшие лесом горы. Само озеро лежит на 800 метров выше уровня моря. В ясные солнечные дни на севере виден вздымающийся более чем на 5000 метров массив Рувензори. Горные вершины покрыты снегом и льдом, вниз сползают сверкающие языки ледников. Этот поднебесный оазис вечной зимы, расположенный прямо на экваторе,— одно из самых поразительных чудес Черного континента. Там, где с юга в озеро Эдуард впадает река Семлики, раскинулась широкая, богатая дичью саванна. Это территория национального парка Альберт.

Здесь, на равнине, река прорезала широкое глубокое ложе, ее берега круто спускаются к лениво струящимся водам. Когда Семлики достигает озера, сплошной поток разбивается множеством песчаных отмелей, где отдыхают тысячи бакланов. В мелкой воде ловят рыбу клювачи, величественные ябиру и розовые пеликаны. Рыбы очень много, и в этой местности охотятся самые красивые хищные птицы африканских рек и озер — орланы-кликуны. Мы обнаружили сразу три их гнезда на эуфорбии* причудливой формы, напоминающей канделябр. Туземцы дали этой птице много почтительных имен: Друг облаков, Хозяин вершин, Отец молний, Сын солнца. На песчаных пляжах грелись бегемоты, порой до десятка сразу. Из саванны к реке приходили напиться водяные козлы, а рядом принимали ежедневную ванну слоны.

Строительные материалы для сооружения укрытия нам пришлось везти на грузовике из Букаву. На месте его не оказалось, так как деревья были слишком кривые и слабые. Помост же для наших камер должен был быть особенно устойчивым, для чего мы и привезли свинчивающиеся металлические трубы. С такой стальной вышки мы могли лучше, чем когда-либо, заглянуть в тайны звериного царства. И вновь собралась уже испытанная команда: Эрнст Шефер, Георг Шимански и хотя и новичок, но надежный друг и сотрудник Георг Тайлакер, который впоследствии сопровождал меня еще во многих далеких экспедициях.

На этой необозримой, залитой солнцем саванне нам наконец-то удалось познакомиться поближе со львами. Издавна, уже в сказаниях и мифах античных народов, за львом закрепилась репутация самого сильного и свирепого хищного зверя. Только Гераклу, полубогу и

* Ныне самостоятельное африканское государство, Республика Заир.

силачу, вооруженному дубиной, удалось убить наводившую ужас гигантскую кошку. Однако действительность выглядит совсем иначе, и я далеко не уверен, что лев заслуживает титула царя зверей. Сказку о львах — убийцах людей придумали охотники и богатые путешественники, которые побывали в Африке. Желая доказать свое презрение к смерти, они распространялись потом о якобы ужасных приключениях. Напротив, все истинные знатоки Черного континента утверждают, что лев нападает на человека, только если его ранили или же он заподозрил непосредственную угрозу. Лев охотится лишь на определенных животных. Кто именно станет жертвой львов, зависит от района, где они охотятся, но, как правило, их добыча — крупные антилопы и зебры, особенно если они многочисленны.

Человеку грозит опасность лишь в том случае, если он наткнется на выводок львят, а мать окажется неподалеку. Тогда, может статься, она и нападет, охраняя детенышей. Но скорее львы спрячутся в надежное укрытие. В заповедных районах, посещаемых многочисленными туристами, львы привыкли к автомобилям и, даже терзая добычу, не обращают внимания на щелканье фотоаппаратов и треск кинокамер. Люди за стеклом и железом для них просто не существуют — они для львов не более чем принадлежность автомобилей. Разумеется, посетителям резерватов не разрешается выходить из машин. Если на сотню тигров приходится примерно один достоверно известный людоед, то львы-людоеды попадаются крайне редко. И это легко понять. Ведь львы охотятся преимущественно ночью и не в одиночку, а группами. Кроме того, везде, где еще встречаются львы, в изобилии водится их добыча. Поэтому даже сильный голод не заставит львов есть столь непривычную пищу, как человечина. Все африканцы панически боятся ночной темноты. Это отголоски первобытного страха. Да и европейцы не рвутся бродить по лесам и саваннам ночью. Так что человек для льва на его охотничьих тропах — существо неизвестное, во всяком случае необычное. Чужой запах льву не нравится, но тем не менее он скорее пропустит чужака, чем нападет на него.

Когда в первую же ночь часа в два я отошел шагов на тридцать от нашего лагеря у Семлики, чтобы, как говорится, полюбоваться звездами, то увидел впереди четыре или пять термитников. Я был убежден, что вчера их там не было. Так что это никак не могли быть сооружения термитов. Совершенно определенно не термитники, так как один из них вдруг придвинулся, а за ним и остальные. Похолодев от страха, я наконец понял, что это львы. Тогда я осторожно начал пятиться назад, все время держась лицом к группе львов. Огромные кошки больше не двигались. Я сразу же разбудил товарищей и рассказал им о моем приключении. Друзья подняли меня на смех, решив, что львы мне просто приснились. Но в конце концов мы выбрались наружу, вооружившись мощными фонарями и направив их лучи в темноту. И тогда все увидели львов из моего сна. Однако об одном случае появления львов-людоедов стоит рассказать,

* Древовидный молочай с толстыми, сочными, лишенными листьев стеблями.

хотя это и дело давно минувших дней. Речь пойдет о печально знаменитых львах Цаво. В самом начале нашего века в Восточной Африке англичане прокладывали железную дорогу от Найроби до озера Виктория. Колониальная администрация ввезла в Африку не сколько тысяч индийских кули, уже работавших на строительстве дорог у себя на родине. Чужеземцы плохо переносили климат местности Цаво, зараженной лихорадкой, и многие умерли. Некоторых умерших не закапывали глубоко в землю, а, как принято у предшественников одного из религиозных течений в Индии, оставляли в степи на съедение грифам, поместив в так называемые «башни молчания». Но к трупам собирались не грифы, а гиены и даже львы. Должно быть, львы привыкли к такого рода пище.

Вскоре «порченые» звери уже не довольствовались мертвецами, а стали нападать на живых людей. Дело приняло скверный оборот. Число львов-людоедов росло, и кули не решались носа высунуть из хижин. Строительство остановилось на месяцы, пока вызванные регулярные войска не перестреляли любителей человеческого мяса. Ничего подобного с тех пор никогда больше не повторялось. Всегда причина нападения на человека была совершенно иная, обычно спровоцированная самим человеком.

Годом позже совместно с американским Национальным географическим обществом я снимал опять же в Африке телевизионный фильм о поведении животных. Однажды я с камерой вышел из «джипа», чтобы подобраться поближе к группе из 10 львов. Уверен, что особой опасности в этом не было. В крайнем случае я мог, оставив штатив и камеру, броситься назад и вскочить в машину, которая стояла наготове, с включенным мотором. Львы позволили мне подойти на 20 шагов. Затем один за другим поднялись и исчезли в зарослях. «Цари зверей» испугались безоружного человека.

Во время съемок львов у Семлики перед нами почти всегда вставала одна и та же проблема. Днем львы спокойно отдыхали, растянувшись в тени кустарника и альбиций. Тогда нам нечего было с ними делать. Для фильма они были слишком ленивы и скучны. Спасали нас только игры малышей, когда те гонялись за качающейся кисточкой материнского хвоста или теснились у ее сосков. И лев-папа терпел кутерьму на своей спине. Лишь когда малыши слишком сильно трепали его гриву, он отгонял их сердитым ворчанием. Это, конечно, милые сцены, но одних их нам явно было недостаточно. Хотелось снять сцены охоты и очень интересный порядок поедания добычи. Ведь львицы и молодые львы должны смиренно ждать пока глава прайда не утолит свой голод, причем не подумайте, что он сам убил добычу. Право заниматься этим хлопотным делом лев любезно предоставляет своим женам, а вообще-то очень часто охота бывает коллективным мероприятием. Тем не менее сильный, хотя и очень ленивый, царь зверей претендует на самые лучшие куски, подпуская к ним лишь совсем маленьких львят. А львицы подходят к добыче после того, как повелитель удалится для послеобеденного сна. Без таких сцен фильм о поведении львов не был бы законченным. И вот на помощь нам пришел случай. Два Георга

нашли в саванне мертвую газель Гранта. Они привязали тушу тридцатиметровым тросом к джипу и потащили следом, покотив прямо к группе из шести львов, где были две львицы, три львенка и один крупный сильный лев. Вся компания валялась в тени альбиции. «Джип» медленно кружил около львов, причем Шимански постепенно сужал круги. Львам ничего не оставалось, как завладеть подsunутой добычей. Все шестеро бросились на антилопу. Их намерением было оттащить ее в тень.

Но Шимански потихоньку ехал к песчаной площадке, где не было ни кустов, ни высокой травы, которые помешали бы съемкам. Львы последовали за приманкой и начали терзать ее именно там, где хотел человек. Не забывая об очередности, они с таким усердием уплетали антилопу, что наш вездеход в конце концов подъехал к ним почти вплотную. Только так, с расстояния почти в пять метров, можно было крупным планом снять нашей оптикой пиршество диких львов. Через несколько дней нам посчастливилось видеть среди бела дня настоящую охоту львов.

Эти крупные хищники охотятся двумя способами. Иногда устраивается облава, тогда прайд разделяется и, рассыпавшись цепью, пытается как можно скорее окружить намеченную жертву. Тот, кто окажется на расстоянии прыжка, сбивает ее ударом лапы или хватает за горло. Другие львы, подбежав, помогают прикончить добычу. Если лев охотится один, то он прячется в засаде или подкрадывается к больному животному. Нападение стремительно, но, если жертва успеет отскочить в сторону, она спасена. В одиночку лев редко пытается ее догнать.

Зато от гепарда уйти не удастся никому. Даже быстрые газели, можно считать, обречены, когда он бросается за ними. Гепард самый быстрый зверь в мире. На небольшом расстоянии он может развить скорость до 100 километров в час. Охотятся гепарды группами или в одиночку. При этом они всегда намечают определенную жертву, догоняя которую могут промчаться сквозь стадо, не обращая внимания на других животных. Ничто не заставит гепарда свернуть в сторону. Поэтому остальные антилопы остаются спокойно на своих местах и продолжают щипать траву.

Пойманного малышом гепарда довольно легко вырастить, приучить к обществу человека и выдрессировать для охоты. В прежние времена охота с гепардами была излюбленным развлечением знатных арабов и индийских раджей. С колпаком на голове гепарда везли на лошади, пока кто-нибудь не замечал антилопу. Освобожденный от колпака и привязи, гепард, увидев жертву, мчался за ней словно ветер. Следом стремительным галопом неслись всадники. Гепард поджидал их возле убитой добычи. Получив награду, он снова вскакивал на лошадь к хозяину.

Гепарда обычно считают жителем влажного тропического леса. Однако мы часто видели их в саванне у Семлики. Они укрывались там в высокой траве и густых колючих зарослях. Лес не был им так уж необходим. Туда они отправлялись только спать.

Вооруженная добыча

Уже давно одно из названий бегемота — нильская лошадь — потеряло свой истинный смысл. На территории Египта, в Ниле, эти животные исчезли к началу прошлого столетия. Их можно встретить еще кое-где в Голубом и Белом Ниле, истоках «Отца рек». Поэтому если уж и называть самого крупного обитателя африканских водоемов лошадью, то лучше просто речной, а не нильской. Там, где охота контролируется, в реках и озерах сохранилось много бегемотов. В некоторых резерватах их стало столько, что там для них не хватает пищи. Единственный враг бегемота — человек. Когда человек, примитивно вооруженный, охотился только ради собственного пропитания, избыточная рождаемость животных восполняла любые естественные потери. Отсюда и стремительное возрастание численности там, где охота полностью запрещена. Но от сокрушительного огнестрельного оружия нет спасения никому. Без законов об охране, по крайней мере без строжайшего ограничения охоты, в недалеком будущем были бы истреблены все бегемоты. Ведь так много мест, где раньше они были многочисленны, а теперь исчезли. В озере Эдуард и в реке Семлики мы смогли наблюдать большие стада бегемотов.

Хотя могучие звери большую часть жизни проводят в воде, жертвами их становятся вовсе не рыбы. Бегемоты — чистые вегетарианцы. Ночью они выбирают из водной стихии на сушу и нередко в поисках подходящего пастбища с сочными травами забредают далеко от водоема. По пути они не щадят плантаций, полей и огородов. А это, естественно, давало основания для их безжалостного преследования. Изобилие бегемотов и процветающее сельское хозяйство, к сожалению, несовместимы. Лучшая гарантия жизни для этих животных — безлюдные заповедные территории, далекие от наступающей цивилизации. В этом мы убедились на примере Семлики.

После того как на протяжении многих дней мы наблюдали с высокого обрыва у Иханго за гипно (широко распространенное сокращение латинского названия *Hippopotamus*) и выяснили их ритм жизни и излюбленные места, мы решили построить укрепленное укрытие с самым любимым пляжем бегемотов. Каркас укрытия состоял из стальных труб, а сверху его замаскировали пучками камыша. Как и прежде, из-за короткофокусных объективов нам пришлось устраиваться всего в нескольких метрах от «артистов». В хорошо замаскированном укрытии мы были совершенно незаметны. Это было очень важно. Бегемотихи с детенышами особенно пугливы, достаточно резкого движения или незнакомого звука, чтобы встревожить их. А следом за ними разом исчезало и стадо. Поэтому подготовительные работы велись, когда вблизи не было ни одного бегемота. Еще до рассвета мы исчезали в нашей «шапке-невидимке» и сидели там до позднего вечера. Зато две недели в двух шагах от бегемотов велась киносъемка их семейной жизни.

Бегемоты не любят одиночества. Стадо, за которым мы наблюдали, состояло из 12 животных. Среди них были самцы и самки,

подростки и один-два малыша. Каждая группа имеет в реке или озере собственную территорию. Ее охраняют старые самцы, которые держатся преимущественно у границ своих владения. Если появится соперник, пожелавший нарушить неприкосновенность границы, может разыграться кровавая битва. Но обычно выяснение отношений, как и у других животных, охраняющих территорию, начинается с демонстрации силы. Соперники, вес которых порой превышает три тонны, разевают сначала свои могучие пасти, выставляя напоказ огромные зубы. Они демонстрируют свое вооружение достаточно долго, поскольку каждый надеется, что другой, испугавшись, отступит. Если угрозы не возымели действия, хозяин территории с громким ревом стремглав кидается к нарушителю спокойствия. Стычки между соплеменниками большей частью протекают бескровно, и цель их — как можно быстрее выгнать более слабого, но иногда дуэли гиппо длятся до двух часов. При этом противники могут серьезно поранить друг друга. Сильными ударами головой самцы вонзают в тело соперника длинные нижние клыки. Тут не всегда спасает толстая кожа, и дело порой доходит до глубоких рваных ран. Ожесточение драчунов так велико, что битвы иногда заканчиваются только со смертью одного из соперников. Но в большинстве случаев более или менее потрепанный враг отступает.

Семлики была у нашего берега глубиной всего чуть больше двух метров, так что мы могли хорошо видеть движения животных под водой. Ныряя, они смыкали щелеобразные ноздри, а когда спустя несколько минут появлялись на поверхности, чтобы глотнуть воздуха, то удаляли воду из слуховых проходов. Уши при этом вертелись, словно пропеллеры. Чтобы набрать свежего воздуха и при этом проверить, что творится вокруг, бегемоту достаточно высунуть из воды только самый верх головы: все органы чувств — глаза, нос и уши — расположены у него на одной линии. Самцов можно узнать по гребню на затылке. Смотришь на бегемота в воде, и кажется, что эта огромная туша не имеет веса. Правда, обычно они не плавают, а бродят по дну, продираясь сквозь водную растительность. Когда гиппо лежат на поверхности воды, выставив необъятные спины, на них нередко опускаются птицы. Нильские гуси, бакланы, змеешейки и другие обитатели реки используют спину бегемота как плавучий наблюдательный пункт, откуда удобно высматривать рыбу. Прилетают и маленькие буйволовые птицы и склевывают со шкуры бегемота докучливых клещей и прочую мелочь. Бегемоты с наслаждением подставляют им спины. Тем более что такие пассажиры предупреждают их об опасности тревожным криком и внезапным взлетом.

Если вокруг все спокойно, бегемоты разбредаются, чтобы вздремнуть на песочке. Солнце припекает, и гиганты начинают потеть. Из кожных желез сочится коричнево-красная жидкость. Такую потерю влаги гиппо не могут долго терпеть. Они неуклюже поднимаются и возвращаются в освежающую ванну. И только под покровом ночи выбираются на берег, где на крутых откосах видны протоптанные увальнями траншеи. Если вблизи берега нет подхо-

дящих пастбищ, они уходят в своих ночных странствиях нередко на многие километры от воды. Благодаря постоянному хождению туда-сюда и возникают «дороги гиппо». Ведь и на суше каждое стадо имеет собственные владения. Дороги и пастбища помечены «пахучими вывесками». Для этой цели бегемоту служит собственный помет, разбрызгиваемый быстрым вращением короткого хвоста. Человеку лучше избегать встречи с гиппо, когда они бродят ночью. Правда, ради удобства пешеходы и велосипедисты охотно пользуются проложенными великанами дорогами. И хотя можно не опасаться нападения мирных «трехтонок», однако при мнимой или действительной опасности они бросаются к спасительной воде по торной тропе, сметая все на своем пути.

Однажды я испытал сильное потрясение даже днем. Мы с Эрнстом Шефером и двумя местными проводниками ехали на «лендровере» по степи и заметили в болоте нескольких гиппо, принимавших грязевые ванны. Мне не хотелось упускать редкую сцену. Африканцы, правда, встревожились, уверяя, что мать маленького бегемотика обязательно нападет на меня, но я им не поверил. Со мной пошел только Шефер. Итак, мы вдвоем потащили камеру и не менее тяжелый штатив по очень зыбкой почве и установили аппаратуру в 20 метрах от лужи. Совершенно спокойно я снял прекрасные кадры. И как раз в то время, когда я менял объективы, Шефер крикнул, что бегемотиха меня атакует. Никогда не подумал бы, что такой неуклюжий с виду зверь может столь быстро выбраться из вязкой грязи! С громким ревом и широко разверстой пастью эта громадина в бешенстве кинулась на меня. Я, конечно, бросил камеру и огромными прыжками метнулся в сторону, в кусты, — единственное, что в таких случаях можно и нужно сделать. Однако мамаша, считая видно, что ее малышу грозит опасность, всерьез нацелилась на меня. Это по крайней мере спасло драгоценную камеру, которая находилась на ее пути. А меня она вскоре оставила в покое, поскольку я скрылся из виду. Если бы вместо меня она напала на Шефера, ему бы не сдобровать. Убегая, Шефер споткнулся и упал. Но, к счастью, разъяренная бегемотиха не обратила на него внимания. Она промчалась мимо, потом, сопя, остановилась и направились обратно в лужу.

Очень похожим образом прошла моя первая встреча со слонами. Это было в кустарниковой саванне Уганды, недалеко от озера Альберт. Слоны также ценят общество себе подобных и живут большими стадами. Отделяются только старики, главным образом самцы, которым перестают нравиться постоянные скитания вместе со всеми. Они начинают вести одинокую жизнь и не хотят, чтобы их кто-либо тревожил. Мы тогда отправились в «джипе» на поиски львов, и вдруг в полутени альбиции перед нами вырос силуэт слона. Слон был один и, насколько я понимаю, достиг уже преклонного возраста. Это было видно по его дряблой коже, ввалившимся вискам и вяло свисавшим огромным ушам, а также по очень длинным бивням, которые торчали вперед, достигая почти конца хобота. Взмахами ушей он отгонял мух и, вероятно, дремал. Нас он, очевидно, не заметил, так как ветер дул в другую сторону.

В сравнении с громадой туловища глаза слона совершенно крошечные, и видит он довольно скверно. Зато слух и обоняние у него прекрасные, но с возрастом и они теряют свою остроту. Поэтому я смело вышел из машины, захватив камеру и штатив, подошел шагов на тридцать к спокойно стоявшему гиганту и занялся подготовкой к съемке. Все шло хорошо. Я решил, что мне ничего не грозит, и снимал чуть не 10 минут, а слон и не пошевелился. Но, видно, стрекотание камеры все-таки его раздражало. Он оттопырил огромные уши и резко взмахнул хоботом. Я сразу же остановил камеру. Казалось, это успокоило слона. Выждав несколько минут, я переменял место. Мне хотелось снять старого слона сбоку, и я снова пустил камеру. Реакция была та же: слон растопырил уши и поднял хобот. Я тут же опять остановил камеру. Шли минуты, я замер на месте.

Наверное, за это короткое, но очень напряженное время ветер изменил направление и слон учуял мое присутствие. Теперь он знал, где находится чужак. Угрожающе затрубив, окутанный вихрем пыли, растопырив уши и вытянув хобот, великан двинулся на меня. Все случилось так быстро и слон выглядел так грозно, что казалось, мне не избежать печального конца. К счастью, моего шофера не заинтересовало, пронзит ли слон меня бивнями или растопчет ногами-колоннами. Он включил мотор, как только гигант поднял хобот, и теперь «джип» по диагонали приближался ко мне. Я на ходу вскочил в машину — и опасность миновала. Этим инцидент был исчерпан. Густой буш поглотил слона. Я же вернулся на место приключения за камерой.

Слоны сумрачных девственных лесов несколько мельче, и их бивни слабее, чем у гигантов, которые живут в саваннах и редколесье. В высоту они достигают 3,5 метра, в длину — 4,5 метра и весят около 5 тонн. Считается, что они живут до 60 лет. У индийского слона более мягкие очертания головы и тела, меньше уши и редко бывают такие мощные бивни, как у африканского родственника. Он почти не сохранился в диком состоянии, но еще много индийских слонов живет в неволе. Их сравнительно легко научить и заставить выполнять различные работы, и они быстро привыкают к людям, которые занимаются с ними и заботятся о них. А вот приручить африканского слона удавалось в очень редких случаях. Колоссы в цирках — все почти без исключения индийские слоны. Мощные бивни богато украшенных слонов, возглавляющих торжественный военный индийский парад, лишь частично натуральные. Для пущей важности на них надевают длинные, выкрашенные в белый цвет наконечники. Так что парадные бивни — бутафория.

Африканские слоны поднимаются высоко в горы, иногда до 2000 метров. На Килиманджаро их видели даже в снежную бурю. Каждому слону в день требуется около двух центнеров пищи, очень много воды для питья, желательна также «ванна» утром и вечером. Слоны постоянно кочуют с места на место. За день они проходят, в зависимости от обилия пищи, до 60 километров.

Содержание

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

ПОЙМАЙТЕ МНЕ КОЛОБУСА (*перевод Жданова Л. Л.*) 7

От автора	7
Чистим — блистим	9
Это я, Джереми	19
Родовые муки львицы	29
Мистер и миссис Д	36
Леопарды в уборной	45
Поймайте мне колобуса	58
Сохраните мне колобуса	69
Роды, роды...	82
Раскапываем Попокатепетль	90
Пусть здравствуют животные	109

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ И ЧЕЛОВЕК (*перевод Геевской Е. А.*) 117

Глава I. Я — гость Москвы	119
Глава II. Впервые в жизни вижу живого соболя	126
Глава III. Аскания-Нова процветает	132
Глава IV. Рыси, возвращайтесь назад!	149
Глава V. Поездка в советский бобровый заповедник	157
Глава VI. Альбиносы — кто они такие?	174
Глава VII. Чудо Казахстана	179
Глава VIII. Альпийские сурки воспряли духом	194
Глава IX. В гости к кавказским турам	200
Глава X. Пять зоопарков Парижа	213
Глава XI. Лососей спасут. А кто спасет человека?	220
Глава XII. Оставьте в покое белых медведей	227
Глава XIII. Наш заяц-русак неизученное животное	237

<i>Глава XIV. Где наши аисты?</i>	244
<i>Глава XV. Почему мы не ездим на лосях?</i>	254
<i>Глава XVI. Овцебыкам мороз не страшен</i>	261
<i>Глава XVII. Черепаха — не игрушка</i>	265
<i>Глава XVIII. Вилороги — «ветераны» Американского континента</i>	271
<i>Глава XIX. Много ли ума надо опоссуму?</i>	274
<i>Глава XX. Человек, которого выменяли на оленьи рога</i>	280
<i>Глава XXI. Снежные козы скачут по небоскрегам</i>	289
<i>Глава XXII. Испанская коррида — бесчестное состязание</i>	296
<i>Глава XXIII. Гризли истреблены, бурые — распроданы</i>	301
<i>Глава XXIV. Эти «сумасбродные» глухари</i>	312
<i>Глава XXV. Не созданное руками человека</i>	320

ДЖОЙ АДАМСОН

РОЖДЕННАЯ СВОБОДНОЙ (перевод Жданова Л. Л.) 327

<i>Глава I. Львята</i>	329
<i>Глава II. Эльса встречает диких животных</i>	336
<i>Глава III. Путешествие Эльсы к Индийскому океану</i>	342
<i>Глава IV. Львы — людоеды</i>	347
<i>Глава V. Сафари у озера Рудольф</i>	352
<i>Глава VI. Эльса и дикие львы</i>	363
<i>Глава VII. Первая попытка</i>	367
<i>Глава VIII. Вторая попытка</i>	376
<i>Глава IX. Последнее испытание</i>	385
<i>Глава X. Постскрипумы</i>	393

ДЖОН ГОРДОН ДЭВИС

ОПЕРАЦИЯ «НОСОРОГ» (перевод Жданова Л. Л.) 405

<i>Вступление</i>	407
<i>Часть первая</i>	412
<i>Глава первая</i>	412
<i>Глава вторая</i>	418
<i>Глава третья</i>	423
<i>Глава четвертая</i>	433
<i>Глава пятая</i>	434
<i>Глава шестая</i>	441
<i>Глава седьмая</i>	443

Часть вторая 449

Глава восьмая 449

Глава девятая 451

Глава десятая 453

Глава одиннадцатая 457

Часть третья 460

Глава двенадцатая 460

Глава тринадцатая 462

Глава четырнадцатая 464

Глава пятнадцатая 467

Глава шестнадцатая 468

Глава семнадцатая 471

Глава восемнадцатая 476

Часть четвертая 481

Глава девятнадцатая 481

Глава двадцатая 482

Глава двадцать первая 483

Глава двадцать вторая 488

Часть пятая 492

Глава двадцать третья 492

Глава двадцать четвертая 496

Глава двадцать пятая 498

Глава двадцать шестая 501

Глава двадцать седьмая 503

Глава двадцать восьмая 507

Часть шестая 512

Глава двадцать девятая 512

Глава тридцатая 515

Глава тридцать первая 516

Глава тридцать вторая 517

ХАЙНЦ ЗИЛЬМАН

МОЙ ПУТЬ К ЖИВОТНЫМ (перевод Хмелевской Н. В.) 521

Как это началось 523

Остров блаженства 528

Дикие животные наших лесов 531

Лесные чертенята 534

Во владениях хомяка 537

Жизнь выводка	542
Лесные плотники	545
Чудеса в аквариуме	551
В деревне белых аистов	554
По королевскому заданию	559
Лагерь в девственном лесу	562
Операция «Горилла»	570
Птичье озеро у Астриды	577
Хищные звери саванны	580
Вооруженная добыча	584

Даррелл Д. и др.
Д 20 Звери в моей жизни /Д. Даррелл, Б. Гржимек,
Д. Адамсон, Дж. Г. Дэвис, Х. Зильман. Сост. К. С. Куро-
ва.— Алма-Ата: Кайнар, 1988.—592 с.

Сборник составлен из наиболее известных произведений зарубежных писателей-натуралистов, журналистов и зоологов — Д. Даррелла, Б. Гржимека, Д. Адамсона, Дж. Г. Дэвиса, Х. Зильмана о диких животных.

Мировую известность этим авторам принесли не только талантливо написанные книги, но и бескорыстная, подвижническая деятельность по сохранению всего живого на Земле.

Прочитав этот сборник, читатель узнает много интересного об обитателях дикой флоры и фауны нашей планеты, в том числе о природе Казахстана.

Для массового читателя.

З $\frac{1603000000-120}{403(05)-88}$ ДП—88

ISBN 5-620-00191-1

47.1

Джеральд Даррелл,
Беригард Гржимек,
Джой Адамсон,
Джон Гордон Дэвис,
Хайнц Зильман

Звери в моей жизни

Ответственная за выпуск **А. А. Трофимова**

Редактор **О. В. Таланова**

Младший редактор **Н. А. Чернова**

Художник **Е. Ж. Кожабаяв**

Художественный редактор **Г. К. Камышев**

Технический редактор **Т. В. Суранова**

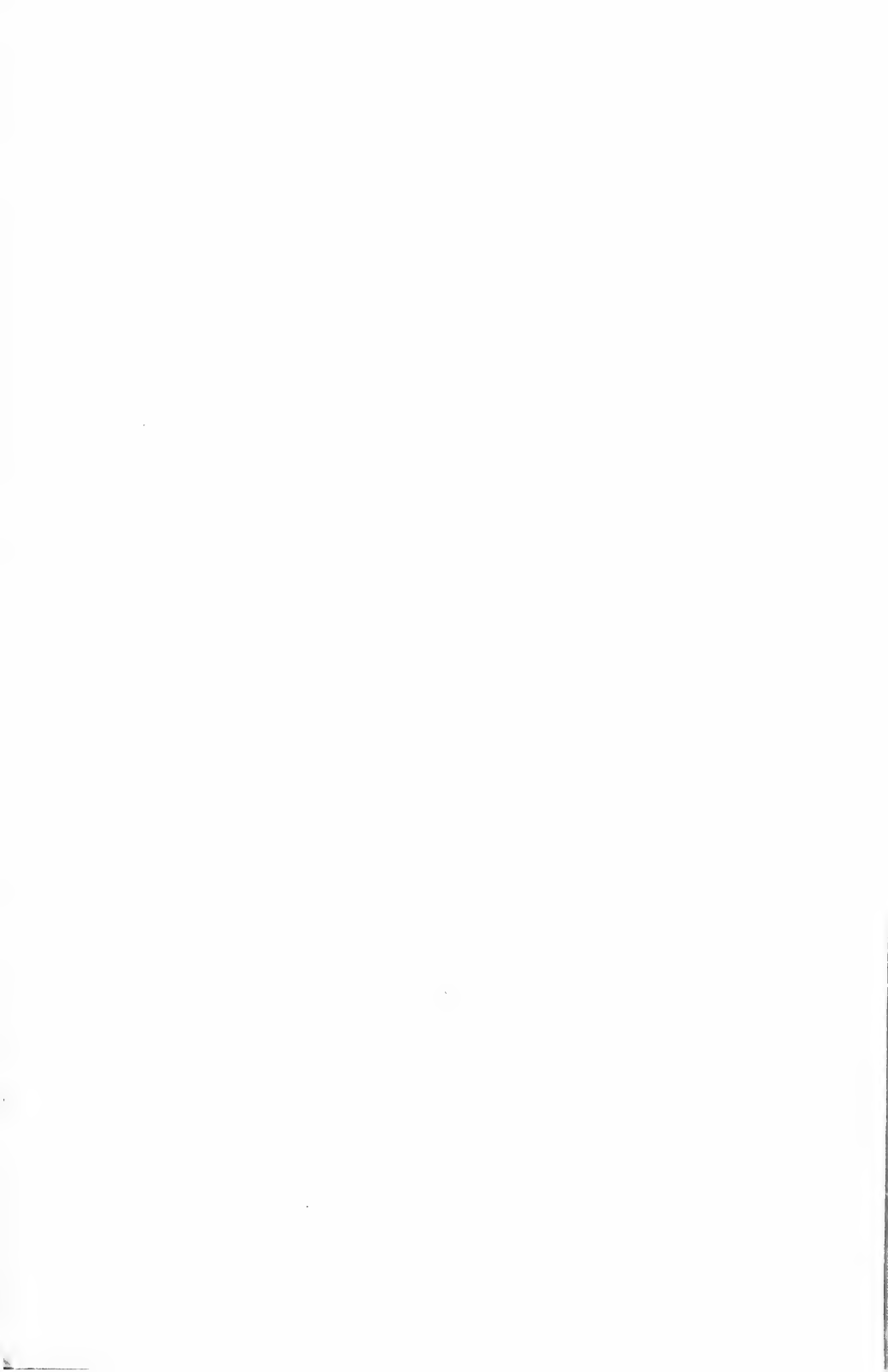
Корректор **Н. И. Сергеева**

ИБ № 3158

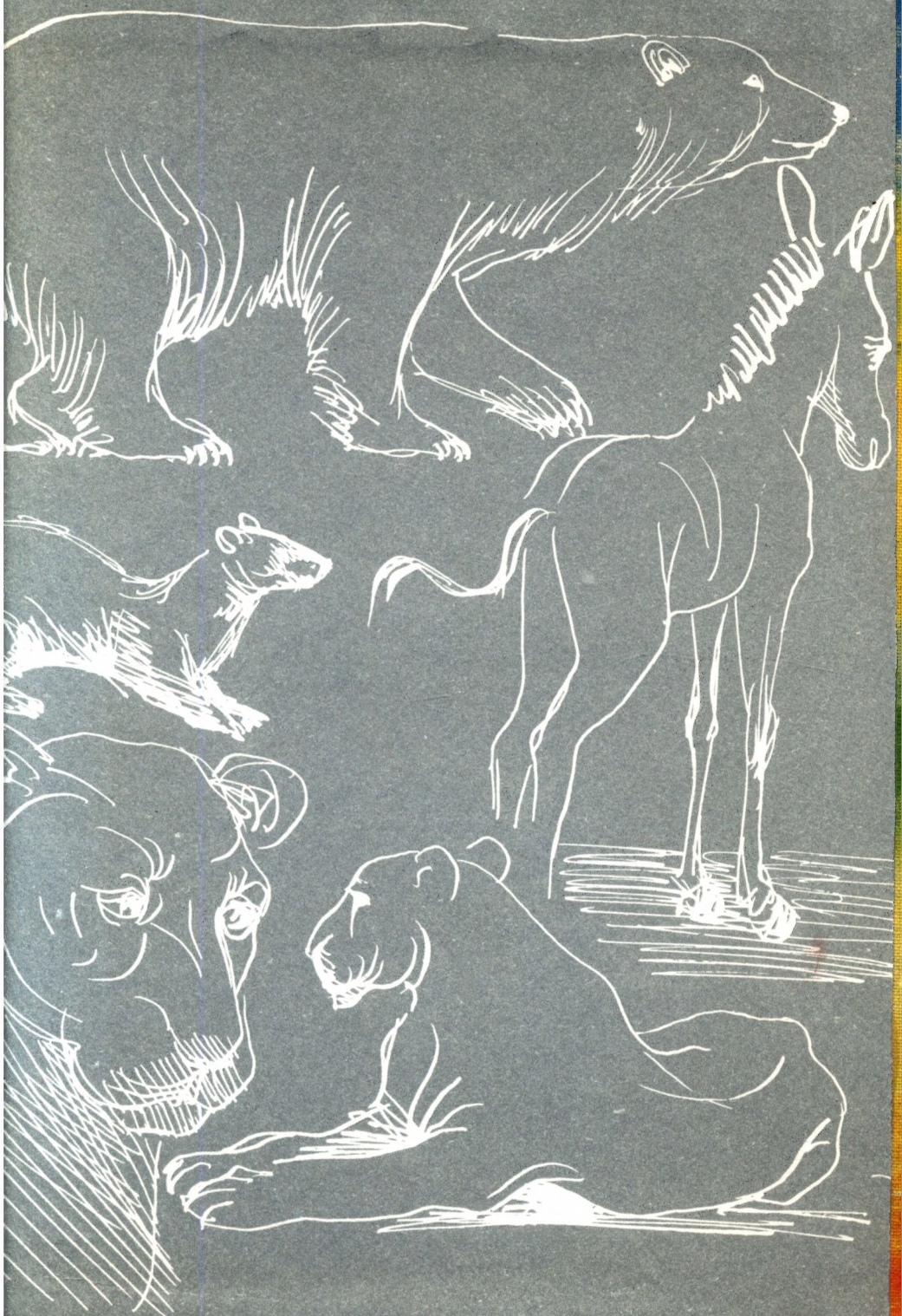
Сдано в набор 11.11.87. Подписано к печати 18.07.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типограф. № 1 Гарнитура «Тип Бодони». Печать высокая. Объем в усл. печ. л. 37,0. Уч.-изд. л. 42,8. Усл. кр.-отт 37,25 Тираж 50 000 экз. Заказ 1739. Цена 4 р.

Издательство «Кайнар» Госкомитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Китап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

ЗБЕПН Б МОЕНЪХЪНЪ